

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

77

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2021 Issue 77

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2021 Выпуск 77

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии
Российской академии наук

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 77

М.: Аквилон, 2021. — 448 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 77

Moscow: Aquilo-Press, 2021. — 448 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2021
© Институт всеобщей истории, 2021
© Издательство «Аквилон», 2021
© Журнал «Диалог со временем», 2021
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Т.А. Бульгина, М.Е. Колесникова, И.В. Крючков

ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И УЧЕНОГО: МИР СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА МАЛОВИЧКО

Статья посвящена основным вехам научной и образовательной деятельности известного российского историка Сергея Ивановича Маловичко, приложившего много усилий для развития историографии, новой локальной истории и интеллектуальной истории на Ставрополье, а затем в Москве. В материале отмечается пристальное внимание С.И. Маловичко к использованию научных достижений в учебном процессе. В заключении статьи подчеркивается востребованность научного наследия С.И. Маловичко российскими и зарубежными историками в будущем.

Ключевые слова: интеллектуальная история, историография, источниковедение, историческое знание, постмодерн, новая локальная история

«Чума» XXI века забрала много достойных друзей и соратников. Не стало Сергея Ивановича Маловичко (1960–2021). Совсем недавно мы праздновали юбилей друга, подводили итоги и намечали перспективы¹, а через полгода его не стало. Он ушел, но оставил нам в наследство свой мир, в котором порядочность, доброжелательность, верность друзьям соседствовали с оригинальностью мышления ученого-историка, и богатый интеллектуальный потенциал, частью воплощенный в его текстах, в его научной позиции. Принять, сохранить и реализовать его мир – воля и желание его друзей и единомышленников.

С.И. Маловичко буквально ворвался в большую науку в 40 с небольшим лет своей докторской диссертацией «Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в.». Он как будто предварил будущие идеи о таком учебном курсе как «История исторической науки», синтезирующем в себе курсы источниковедения и историографии. Уже в диссертации четко определилась его тяга к теоретическим проблемам исторической науки. Во Введении он подчеркивал, что корни многих дискуссионных проблем кроются в контекстах истории возникновения «исследовательских поколений»². Используя формулировку немецкого философа Н. Гартмана о двух уровнях исторического знания³, С.И. Маловичко развил идею о научном и донаучном историческом знании⁴. Это свидетельствовало о его стремлении «дойти до самой сути» предмета исследования. В первой своей монографии он указал на то, что при анализе разных научных направлений их авторы не должны сливаться «в одну безликую массу...», поэтому так важно изучение индивидуальности исследователя⁵.

¹ Колесникова, Крючков 2020.

² Маловичко 2002: 3.

³ Гартман 1995: 608.

⁴ Маловичко 2001: 12.

⁵ Маловичко 2001: 11.

Ученого на протяжении всей его жизни не оставляло желание глубже понять природу исторического знания, также, как и судьбы его носителей. Наряду с этой особенностью научного мышления С.И. Маловичко была неуспокоенность на достигнутом, поиски новых путей исследования. Анализ его печатного наследия показывает, что после защиты докторской диссертации в 2002 г. он не тиражировал ее достижения, а вел поиск новых направлений в науке⁶.

Еще в 2001 г. совместно с будущими профессорами – филологом Г.Н. Манаенко, историком И.В. Крючковым и доцентом Е.П. Тельменко Сергей Иванович организовал в альма-матер – Ставропольском государственном университете (в 1981–1986 гг. он обучался на историческом факультете Ставропольского пединститута, позже СГУ, ныне Северо-Кавказский федеральный университет) региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории (Ставропольское отделение РОИИ) и стал его руководителем⁷.

Отделение выросло из частного исследовательского семинара, который трансформировался в регулярные международные научные конференции, проходившие на базе Пятигорского лингвистического университета (ПГЛУ, ныне Пятигорский государственный университет), а в 2005 г. в СГУ прошла международная конференция РОИИ⁸. В своих рядах Ставропольское отделение насчитывало 27 членов.

В начале XXI в. в Ставропольском отделении кипела научная жизнь, ежегодно проводились научные конференции, в т.ч. международные, посвященные междисциплинарным исследованиям в области интеллектуальной истории, в организации и проведении которых проявился организаторский талант С.И. Маловичко. Периодическим изданием регионального отделения общества стал «Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории», первые выпуски выходили с вступительными редакторскими статьями С.И. Маловичко⁹.

В 2003 г. Сергей Иванович предварил альманах Предисловием об изменениях учебно-образовательной культуры в контексте интеллектуальной истории¹⁰. Еще в то время он начал обращаться к анализу природы исторического знания. Так, в 2005 г. на страницах ставропольского альманаха была опубликована его статья о стиле и типах исторического знания, где говорилось, что толчком к формированию новой исследова-

⁶ Сергей Иванович Маловичко: Биобиблиографический указатель... 2020.

⁷ РОИИ – это не просто общественная организация, это целое движение, возникшее по инициативе члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Л.П. Репиной, организационно оформленное в научные центры по всей территории страны. Идея создания общества зародилась в 1999 г. на научной конференции «Интеллектуальная история на рубеже веков» и уже в 2001 г. общество было официально зарегистрировано⁷. Инициативу по созданию отделений брали на себя регионы. Одним из первых было создано Ставропольское отделение РОИИ.

⁸ Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. 2005.

⁹ Ставропольский альманах... 2001-2005.

¹⁰ Маловичко. Становление новой научно-познавательной... 2003: 6–18.

тельской и образовательной культуры историка стал плюрализм методологических подходов и культурная ситуация постмодерна¹¹. Эта ситуация для одних была концом истории, разрушением исторической науки. Для других – сигналом к поискам новых методов и путей исследовательской практики. С.И. Маловичко относился ко второму типу ученого. Его интересовало все: и теоретико-философские парадигмы исторической науки, и характер исторического знания в разных контекстах, и стили исторических текстов. Например, в 2005 г. он поставил вопрос об исследовательском инструментарии историка и основных чертах трансформации историописаний. Сергей Иванович обратил внимание на активную роль языка и текста в соотношении с нарративными структурами в реконструкции прошлого¹².

Уехав в 2005 г. в Москву, С.И. Маловичко продолжал активно участвовать в организации работы Ставропольского отделения РОИИ: формировать программы конференций, выступать с докладами на пленарных заседаниях. Так, на международной конференции, проведенной на базе Ставропольского отделения РОИИ в 2006 г., Сергей Иванович был членом редакционной коллегии, модератором, подготовил статью об образах прошлого и настоящего в периодике как источнике общественной исторической мысли. Он был одним из немногих историков, который рассматривал субъективность источника как возможность передать «надрациональную» информацию о прошлом: «В субъективности периодической печати отражены важные для современного исследователя убеждения и предпочтения иерархия ценностей их авторов»¹³. При этом С.И. Маловичко отстаивал тезис о том, что при анализе источника важна активная позиция самого исследователя. Тогда же он писал о кризисе евроцентристского взгляда на историю Северного Кавказа¹⁴.

В 2008 г. на международной конференции «Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории» (название было предложено им) Сергей Иванович выступил с достаточно смелым, но очевидным тезисом о кризисе государственной истории, подчеркнув, что «только в рамках «экстравертной», открытой модели исторического знания возможно представление о коллективной памяти. Он не отрицал, что у каждого государства есть своя история, «но его изучение должно проводиться в широком контексте...», среди которых особое внимание должно уделяться социокультурному контексту¹⁵. Нам хорошо знакомы особенности стиля ученого С.И. Маловичко, которого отличала многозначность, многослойность тех или иных понятий, а это, в свою очередь, отражало объемность, нелинейность его мышления. Это и пристрастие к двоеточию, и часто используемые и/или. Вот и в названии своей ста-

¹¹ Маловичко. Тип исторического знания... 2005: 5.

¹² Маловичко. Методологический инструментарий... 2005: 27.

¹³ Маловичко. 2006: 21.

¹⁴ Маловичко. 2006: 23, 32.

¹⁵ Маловичко. Государственная история... 2008: 42.

ть, опубликованной в материалах указанной конференции он употребил не «осмысление» и не «переосмысление», а «(пере)осмысление».

Сергей Иванович был и до конца оставался историографом, исследователем исторических текстов, что и помогало ему проникнуть в глубины исторического знания, в лабораторию его создания. Это была рефлексивная способность историка познавать себя как исследователя и свою науку как объект его интересов. На одной из научных конференций РОИИ и ИВИ РАН, посвященной межкультурному диалогу, он остановил свое внимание на наличии разных историографических культур и механизме их взаимодействия. Говоря о противостоянии «русской и немецкой партий» в российской историографии XVIII в., автор подчеркнул важность не этого конфликта, а сюжеты дискурсивного согласия, когда «Ломоносов стал принимать положения Миллера, последний уступил Ломоносову в «варяжском» и некоторых других вопросах»¹⁶.

В начале 2010-х гг. С.И. Маловичко вплотную подошел к классификации исторического знания на основе критерия целеполагания. На конференции РОИИ и ИВИ РАН «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века» в 2011 г. он указал на разницу в целеполагании исторической науки и социальной памяти на основе того, что «в новое время начинается сосуществование, по крайней мере, двух уровней исторического знания: социально-ориентированного и научно-ориентированного»¹⁷. В следующем году на «Астаховских чтениях» в Харькове С.И. Маловичко предложил свое толкование этической стороны исторической науки, что, собственно, вытекало из двух уровней исторического знания. Современная историографическая ситуация, по его мнению, актуализировала такую особенность исследовательской этики, как признание и понимание чужой одушевленности¹⁸. Он четко говорил о том, что «принцип признания чужой одушевленности помогает различить цели процесса историописания...», оставаясь принципом морального выбора историка¹⁹. Еще в 2008 г. в Харькове он осветил другую сторону «чужой одушевленности», вернее, историографическую ситуацию, вытекающую из современной научной этики – «измельчение» исторической науки как адекватный ответ на вызовы культуры постмодерна²⁰.

Первым итогом его размышлений о типах исторического знания стала серия научных статей совместно с М.Ф. Румянцевой, в которых авторы намеревались «методологически корректно и эффективно рассмотреть историографический процесс в сфере местного (локального) историописания в соотношении с классической – неклассической – постнеклассической моделями науки. Такой подход обусловлен познаватель-

¹⁶ Маловичко. Диалог разных уровней... 2003: 147–150.

¹⁷ Маловичко. 2011: 212.

¹⁸ Маловичко. Этический поворот...2012: 53.

¹⁹ Маловичко. Этический поворот...2012: 63.

²⁰ Маловичко. «Измельчение» исторической науки... 2008: 41.

ным *scredo* авторов, принадлежащих к Научно-педагогической школе источниковедения²¹. В этой работе ученые сформулировали гипотезу об эпистемологических истоках исторического краеведения и новой локальной истории, которая гласила, что «постнеклассическая модель науки предполагает, в первую очередь, признание конструирующей деятельности познающего субъекта; в исторической науке это приводит к разрыву социально-ориентированной и научно-ориентированной истории, а в области истории локусов – к разрыву краеведения как социально-ориентированного историописания, целенаправленного на формирование локальной социальной памяти, и собственно локальной истории (новой локальной истории) как предметного поля в структуре актуального научного исторического знания»²².

Очевидно, что такие фундированные теоретические рассуждения, изложенные в статьях, родились в ходе работы С.И. Маловичко над другим научным проектом «новая локальная история». Еще в 2002 г. Сергей Иванович стал инициатором идеи развивать в Ставропольском государственном университете научное направление «новой локальной истории». Немного предыстории. Так случилось, что на истфаке СГУ к тому времени одна за другой были защищены две докторские диссертации по тематике, не связанной с региональной историей. Их авторы были стихийными оппонентами краеведческого историописания: Сергей Иванович в силу теоретического склада его ума, и его соратница Тамара Александровна Булыгина в силу хорошего знания текстов по местной истории, которые повторяли общие положения советской историографии, иллюстрируя их бледными примерами местного материала. Тогда С.И. Маловичко и предложил заняться «новой локальной историей».

Несмотря на сопротивление и препятствия, в октябре 2002 г. на базе СГУ был создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Новая локальная история». С.И. Маловичко стал его первым директором. Это событие состоялось при поддержке коллег из Историко-архивного института РГГУ В.А. Муравьева, М.П. Мохначевой, М.Ф. Румянцевой, которые впоследствии активно участвовали в работе НОЦ. Совместная работа велась в рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» ИАИ РГГУ и СГУ. Ректор СГУ профессор В.А. Шаповалов, вначале со скепсисом относившийся к идее нового направления, тем не менее, не только подписал приказ о создании нового подразделения, но и в дальнейшем способствовал развитию НОЦ. Концепция НОЦ, в которой определялось содержание «новой локальной истории» была разработана совместно С.И. Маловичко и Т.А. Булыгиной (с 2005 г. – руководитель НОЦ). В ней декларировалось изучение истории региона на основе междисциплинарности и социокультурного подхода, открытость исследовательской модели «новой локальной истории» российской и мировой

²¹ Маловичко, Румянцева История локуса в классической... 2012: 9.

²² Там же.

истории. При этом регион выступал не как территориально-административная единица, а как микросообщество в рамках этой единицы: «это сообщество отличается относительной автономностью, что позволяет при изучении локальной истории увидеть ее особенности, уникальные проявления, свойственные именно данному социокультурному пространству»²³. В своих многочисленных работах С.И. Маловичко показал, что объектом новой локальной истории являются социальные аспекты различных проявлений бытия человека в его историческом развитии, а важной стороной исследования новой локальной истории является изучение «истории снизу» и полидисциплинарность.

Были определены исследовательские поля НОЦ, куда вошли культурно-интеллектуальная история, компаративное источниковедение и источниковедение местной истории, история повседневности и микроистория, а также устная история, история пограничья. Проблемные поля с годами изменялись и развивались. Так, в рамках такого направления как персональная история и историческая биографика под руководством профессора М.Е. Колесниковой была создана Лаборатория биографических исследований, а под руководством доцента Е.Н. Стрекаловой стало развиваться научное направление «Устная история. Теория и исследовательские практики устной истории», в рамках которого создан архив устной истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Первой попыткой заявить о рождении нового исследовательского поля была региональная конференция «Ставрополь – врата Кавказа», в которой была выделена самостоятельная секция «Ставрополь в контексте «новой локальной истории». На ней выступили с докладами сотрудники НОЦ. С.И. Маловичко вошел в организационный комитет и редакционную коллегию сборника материалов конференции. Он дважды выступал по разным вопросам и как историограф²⁴, и как руководитель НОЦ «новой локальной истории»²⁵. В его сообщении (в соавторстве с Р.Б. Казаковым), в первую очередь, был поднят вопрос о предпосылках рождения «новой исторической науки» как следствии постмодернизма и существенных социокультурных сдвигов. Новая локальная история выступала здесь как одна из субдисциплин новой исторической науки. Фактически С.И. Маловичко изложил суть Концепции новой локальной истории²⁶. Под его руководством внутри проекта были созданы несколько дискуссионных площадок, среди которых следует выделить интернет-конференции и «методологические вторники», объединившие проблемы культурно-интеллектуальной и «новой локальной истории». «Методологические вторники» были местом столкновения различных мнений представителей исторического краеведения и новой локальной истории, так как затрагивали базовые понятия историков – источники и

²³ Концепция...

²⁴ Маловичко, Стрелов 2002: 115–123.

²⁵ Маловичко, Казаков 2002: 17–28.

²⁶ Маловичко, Казаков 2002: 20–26.

историография, методы и модели исторической науки, теория и исследовательские практики истории. Этот семинар (руководитель – проф. Т.А. Булыгина) продолжает объединять представителей гуманитаристики – историков, филологов, философов, что взаимно обогащает и раздвигает рамки исследовательских полей.

Всероссийские интернет-конференции, которые впервые на базе НОЦ «Новая локальная история» организовал и провел с коллегами С.И. Маловичко, стали традиционными. Первая интернет-конференция в таком формате прошла весной 2003 г. под названием «Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография» (по результатам вышел первый сборник «Новая локальная история»). С основным докладом выступили С.И. Маловичко и Т.А. Булыгина. В нем сделано заявление, что работа НОЦ строится на новейших достижениях мировых историографических практик²⁷. Анализ творчества Сергея Ивановича – доказательство того, что это была не декларация, а реальность. Уже вторая конференция в 2004 г. свидетельствовала о постоянно развивающейся научной практике. Она проходила в международном формате и была посвящена пограничным рекам и культуре берегов в контексте новой локальной истории. Реки рассматривались организаторами как граница с позиций семиотики, а берега – как локальные сообщества: «расположение социокультурного пространства как в пределах социального и культурного понимания, в семиосфере, так и в географической оси координат в значительной степени определяет путь социокультурных образований»²⁸. С.И. Маловичко во вступительной статье представил широкое полотно мировой историографии под углом зрения поставленной проблемы. В сборнике была опубликована и его программная статья, в которой он указал на то, что «изменение территории сообщества и отражение границ этой территории в сознании людей становится важнейшим объектом для исторического исследования». Он призвал историков местной истории освободиться «от комплекса исследовательской периферийности локального объекта»²⁹.

Впоследствии ученого заинтересовал вопрос о пространстве и времени в изучении локальной истории³⁰. Кроме того, он много размышлял о соотношении краеведения и новой локальной истории, о коммуникативной открытости исследовательской модели новой локальной истории³¹, что привело его к попытке разграничить дискурсы новой локальной истории, исторического краеведения и региональной истории.

При участии С.И. Маловичко было проведено восемь научных конференций по новой локальной истории: «Город и село: теория и иссле-

²⁷ Маловичко, Булыгина 2003: 16.

²⁸ Маловичко, Булыгина 2004: 21.

²⁹ Маловичко 2004: 151.

³⁰ Маловичко. «Пространственный поворот» в историографии... 2008: 439–442.

³¹ Маловичко, Румянцева. Терминологические проблемы... 2012; Маловичко, Румянцева. История как строгая наука... 2013.

довательские практики» (2006), «Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространствах» (2007), «Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории» (2008), «Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (2010), «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология познания: опыт и перспективы взаимодействия» (2011); и др. На основе проводимых НОЦ исследований и Интернет-конференций вышло пять выпусков сборника «Новая локальная история» (Ставрополь, 2003–2014). Центр и сегодня успешно функционирует на базе Северо-Кавказского федерального университета.

Отличительная особенность деятельности С.И. Маловичко – органичное использование научных наработок в учебном процессе. Не случайно он поставил вопрос об образовательных практиках в краеведении и новой локальной истории, где настаивал на том, что «целесообразно преподавать в высшей школе региональную историю в парадигме новой локальной истории и с расчетом на дальнейшее участие профессионально подготовленных специалистов в формировании общественного сознания, в том числе через краеведческое движение»³². С 2004 г. при поддержке ректора СГУ профессора В.А. Шаповалова на историческом факультете в магистратуре был введен учебный курс «Новая локальная история в полиэтничном макрорегионе», который три года с успехом читал профессор С.И. Маловичко. Этот курс сохранен и сегодня читается в магистратуре Гуманитарного института СКФУ, подготовлены учебно-методические пособия и практикум³³.

Сергей Иванович Маловичко был замечательным глубоким лектором, который любил аудиторию, видя в каждом студенте возможности для развития, и студенты отвечали ему искренними симпатиями и привязанностью, где бы он ни работал. Он преподавал в Ставропольском государственном университете, Российском государственном аграрном университете – МСХА им. К.А. Тимирязева, Государственном гуманитарно-технологическом университете (г. Орехово-Зуево), в Российском государственном гуманитарном университете, в НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва). В период 2013–2018 гг. в качестве приглашенного профессора читал лекции в рамках курса «Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России в XIX – начале XX в.» студентам магистратуры СКФУ, был одним из авторов учебного пособия³⁴. Его выпускники, работающие в разных учебных заведениях России, защитившие диссертации, с удовольствием вспоминают его занятия, развивают его идеи. Его дело продолжают его ученики – доктор исторических наук П.Г. Немашкалов, доцент К.Р. Амбарцумян и др.

Именно в учебном процессе Сергей Иванович реализовывал те направления, которые его интересовали как исследователя. Так, он мно-

³² Маловичко, Румянцева 2009: 208.

³³ Новая локальная история макрорегиона...2016.

³⁴ Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России... 2018.

го работал в области источниковедения историографии, что было обобщено в написанных им разделах в новом учебнике по источниковедению³⁵. Его перу принадлежит вся третья часть второго раздела, а также глава о критике понятия «критика исторического источника» из третьего раздела первой части. Кроме того, им был издан совместный курс по интеллектуальной истории России³⁶.

Профессор С.И. Маловичко обладал замечательной способностью не только генерировать идеи, но и последовательно их развивать. Это качество прослеживается по его текстам. От робких заметок о характере исторического знания он постепенно шел к обобщающим моделям исторического знания, к его природе на разных темпоральных и пространственных уровнях, от первых теоретических поисков к серьезным размышлениям о методологических особенностях местной истории в глобальном мире, о принципах и методах изучения историографических источников. Свидетельство тому – монографии, энциклопедические и справочные издания, активным соавтором которых он являлся. Среди них и терминологический словарь «Теория и методология исторической науки», вышедший в 2014 г. под редакцией академика А.О. Чубарьяна³⁷. Терминологический словарь стал первой попыткой инвентаризации профессионального языка историка в отечественном и зарубежном пространстве исторического знания. Авторы обобщили накопившийся опыт методолого-историографической рефлексии по поводу динамики современной исторической науки, проработали ключевые категории и концепты современной исторической науки, выявили изменения в номенклатуре и содержании отдельных понятий и терминов. Автором 15 статей в данном словаре является С.И. Маловичко, в т.ч. статей «Интеллектуальная история», «Историография». «Источниковедение историографии», «Локальная история», «Новая локальная история». Это не первый опыт участия С.И. Маловичко в создании справочных изданий. Еще в 2002 г. им совместно с Т.А. Булыгиной были подготовлены методические рекомендации по написанию статей Энциклопедического словаря Ставропольского края³⁸. Большой проект ученых СГУ был реализован во многом благодаря методике подготовки словарных статей, разработанной С.И. Маловичко на основе изучения общих принципов, выработанных мировой практикой составления энциклопедий и словарей.

В последней коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности» он был автором трех глав, в которых, опираясь на собственное видение моделей исторического исследования, трактует образ «национальных историй», выделяет их жанры как средство структурирования историописания³⁹.

³⁵ Источниковедение... 2015: 505-562; 592-609.

³⁶ Интеллектуальная история России... 2018.

³⁷ Теория и методология исторической науки... 2014.

³⁸ Булыгина, Маловичко 2002.

³⁹ Прошлое для настоящего... 2020: 118, 158-161, 207.

Благодаря своему таланту, трудолюбию, разносторонности интересов и исключительным человеческим качествам С.И. Маловичко пользовался авторитетом в научных кругах России и за рубежом. Он являлся членом редакционной коллегии сайта «Новая локальная история» (www.newlocalhistory.com), членом редколлегий научного журнала «Диалог со временем» (Москва), журнала «Преподаватель XXI век» (Москва), научно-теоретического журнала «Гуманитарные и юридические исследования» (Ставрополь).

Ученый ушел на пути к вершине научного поиска, и мы его коллеги и друзья сохраним светлую память о замечательном человеке Сергее Ивановиче Маловичко, храня и развивая научное наследие этого большого ученого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Методические рекомендации по написанию статей Энциклопедического словаря Ставропольского края / Под ред. профессора В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 52 с. [Bulygina T.A., Malovichko S.I. Metodicheskie rekomendatsii po napisaniyu statei Entsiklopedicheskogo slovarya Stavropol'skogo kraia / ed. by V.A. Shapovalov. Stavropol': SSU publ., 2002. 52 p.]
- Гатрман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе. (Перевод А.Н. Малинкина) // Культурология. XX век: антология / Сост. С. Я. Левит. М., 1995. С. 608-648. [Gatрман N. Problema dukhovnogo bytiya. Issledovaniya k obosnovaniyu filosofii istorii i nauk o dukhe. (Perevod A.N. Malinkina) // Kul'turologiya. XX vek: antologiya / compiler Levit. Moscow, 1995. P. 608-648.]
- Интеллектуальная история России: курс лекций / С.И. Маловичко, А.А. Мухутдинов, С.И. Реснянский; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Факультет искусств. М.: БОС, 2018. 374 с. [Intellektual'naya istoriya Rossii: kurs lektsii / S.I. Malovichko, A.A. Mukhutdinov, S.I. Resnyanskii. Moscow: BOS, 2018. 374 p.]
- Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 685 с. [Istochnikovedenie: uchebnoe posobie / I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovol'skii, R.B. Kazakov etc., отв. red. M.F. Rumyantseva. Moscow: Dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2015. 685 p.]
- Колесникова М.Е., Крючков И.В. История как призвание... к юбилею профессора С.И. Маловичко // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №3. С. 199-204. [Kolesnikova M.E., Kryuchkov I.V. Istoriya kak prizvanie...: k yubileyu professora S.I. Malovichko // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. No.3. P. 199-204.]
- Концепция межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: сравнительные подходы и методы изучения» // Межвузовский научно-образовательный центр «Новая локальная история». URL: <http://www.newlocalhistory.com> [Kontseptsiya mezhvuzovskoi nauchno-obrazovatel'noi programmy «Lokal'naya istoriya: komparativnye podkhody i metody izucheniya» // Mezhvuzovskii nauchno-obrazovatel'nyi tsentr «Novaya lokal'naya istoriya» URL: <http://www.newlocalhistory.com>].
- Маловичко С.И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А.Л. Шлецера). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 416 с. [Malovichko S.I. Otechestvennaya istoricheskaya mysl' XVIII veka o vozniknovenii i rannei sotsial'no-politicheskoj zhizni drevnerusskogo goroda (ot kievskogo «Sinopsisa» do «Nestora» A.L. Shletsera). Stavropol': SSU publ., 2001. 416 p.]
- Маловичко С.И. Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в. Дисс... доктора исторических наук. Ставрополь, 2002. 542 с. [Malovichko S. I. Vozniknovenie i politicheskaya zhizn' drevnerusskogo goroda v otechestvennoi istoricheskoi mysli KhVIII v.: thesis. Stavropol', 2002. 542 p.]
- Маловичко С.И., Казаков Р.Б. Ставропольская старина взглядом «новой исторической науки» // Ставрополь – врата Кавказа. История, экономика, культура и политика. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 225-летию г. Ставрополя.

- Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 17–28. [Malovichko S.I., Kazakov R.B. Stavropol'skaya starina vzhlyadom «novoi istoricheskoi nauki // Stavropol' – vrata Kavkaza. Istoriya, ekonomika, kul'tura i politika. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 225-letiyu g. Stavropol'ya. Stavropol': SSU publ., 2002. P. 17–28].
- Маловичко С. И., Стрелов В.И. Романтическая дискурсивная практика в ставропольском историописании о развитии образования в губернии (историология провинциального эрудизма) // Ставрополь – врата Кавказа. История, экономика, культура и политика. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 115–123. [Malovichko S. I., Strelov V.I. Romanticheskaya diskursivnaya praktika v stavropol'skom istoriopisanii o razvitiy obrazovaniya v gubernii (istoriologiya provintsial'nogo erudizma) // Stavropol' – vrata Kavkaza. Istoriya, ekonomika, kul'tura i politika. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 225-letiyu g. Stavropol'ya. Stavropol': SSU publ., 2002. P. 115–123].
- Маловичко С.И. Становление новой научно-познавательной культуры и учебный дискурс через призму интеллектуальной истории (вместо предисловия) // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 4 (специальный): М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. С. 6–18. [Malovichko S.I. Stanovlenie novoi nauchno-poznavatel'noi kul'tury i uchebnyi diskurs cherez prizmu intellektual'noi istorii (vместo predisloviya) // Stavropol'skii al'manakh Obshchestva intellektual'noi istorii. Issue. 4 (spetsial'nyi): Moscow: WHI of RAS publ., 2003. P. 6–18].
- Маловичко С.И. Диалог разных уровней историографических культур в отечественной исторической мысли XVIII в. // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН РОССИИ, 2003. С. 147–150. [Malovichko S.I. Dialog raznykh urovnei istoriograficheskikh kul'tur v otechestvennoi istoricheskoi mysli XVIII v. // Mezhkul'turnyi dialog v istoricheskom kontekste. Materialy nauchnoi konferentsii. Moscow: WHI of RAS publ., 2003. P. 147–150].
- Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Выпуск 1. «Новая локальная история: методы, источники, стилистика и провинциальная историография». Материалы первой всероссийской научной интернет-конференции, 23 мая 2003 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 6–22. [Malovichko S.I., Bulygina T.A. Sovremennaya istoricheskaya nauka i izuchenie lokal'noi istorii // Novaya lokal'naya istoriya. Issue 1. «Novaya lokal'naya istoriya: metody, istochniki, stolichnaya i provintsial'naya istoriografiya». Materialy pervoi vserossiiskoi nauchnoi internet-konferentsii, 23 maya 2003 g. Stavropol': SSU publ., 2003. P. 6–22].
- Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Выпуск 2. Новая локальная история и культура берегов: материалы второй международной интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 4–24. [Malovichko S.I., Bulygina T.A. Kul'tura beregov i nekotorye tendentsii sovremennoi istoriograficheskoi kul'tury // Novaya lokal'naya istoriya. Issue 2. Novaya lokal'naya istoriya i kul'tura beregov: materialy vtoroi mezhdunarodnoi internet-konferentsii. Stavropol', 20 maya 2004 g. Stavropol': SSU publ., 2004. P. 4–24].
- Маловичко С.И. Новая локальная история: историографический опыт выхода за границы провинциализма // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история и культура берегов: материалы второй международной интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 140–170. [Malovichko S.I. Novaya lokal'naya istoriya: istoriograficheskii opyt vykhoda za granitsy provintsializma // Novaya lokal'naya istoriya. Issue 2. Novaya lokal'naya istoriya i kul'tura beregov: materialy vtoroi mezhdunarodnoi internet-konferentsii. Stavropol', 20 maya 2004 g. Stavropol': SSU publ., 2004. P. 140–170].
- Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 5–31. [Malovichko S.I. Tip istoricheskogo znaniya v provintsial'nom istoriopisanii i istoricheskom kraevedenii // Stavropol'skii al'manakh Obshchestva intellektual'noi istorii. Issue. 7. Stavropol': PSU publ., 2005. P. 5–31].
- Маловичко С.И. Методологический инструментарий работы с историческими текстами // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 8. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 24–32. [Malovichko S.I. Metodologicheskii instrumentarii raboty s

- istoricheskimi tekstami // Stavropol'skii al'manakh Obshchestva intellektual'noi istorii. Issue. 8. Stavropol': PSLU publ., 2005. P. 24–32.]
- Маловичко С.И. Новая локальная история в России: рефлексия коммуникативной открытости // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 132–135. [Malovichko S.I. Novaya lokal'naya istoriya v Rossii: refleksiya kommunikativnoi otkrytosti // Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu proshlogo: do i posle «postmoderna». Materialy nauchnoi konferentsii. Moscow: WHI of RAS publ., 2005. P. 132–135].
- Маловичко С.И. Общественное историческое мышление и репрезентации прошлого/настоящего в периодике // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: материалы международ. научной конференции. Пятигорск, 28–30 апреля 2006 г. Пятигорск. ПГЛУ, 2006. С. 21–32. [Malovichko S.I. Obshchestvennoe istoricheskoe myshlenie i reprezentatsii proshlogo/nastoyashchego v periodike // Periodicheskaya pechat' kak istochnik intellektual'noi istorii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pyatigorsk, 28 – 30 aprelya 2006 g. Pyatigorsk: PSLU publ., 2006. P. 21–32.]
- Маловичко С.И. Государственная история в ситуации (пере)осмысления // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г. Ставрополь – Пятигорск – Москва, 2008. С. 34–42. [Malovichko S.I. Gosudarstvennaya istoriya v situatsii (pere)osmysleniya // Natsional'naya identichnost' v problemnom pole intellektual'noi istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pyatigorsk, 25–27 aprelya 2008 g. Stavropol' – Pyatigorsk – Moscow, 2008. P. 34–42].
- Маловичко С.И. «Измельчение» исторической науки: актуальные историографические практики // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ, 2008. Вип. 9. С. 35–43. [Malovichko S.I. «Izmelchenie» istoricheskoi nauki: aktual'nye istoriograficheskie praktiki // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. Kh.: KhNU, 2008. Issue. 9. P. 35–43].
- Маловичко С.И. «Пространственный поворот» в историографии и новая локальная история // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. научн. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2-х ч. Ч. 2. М.: ПГТУ, 2008. С.439–442. [Malovichko S.I. «Prostranstvennyi povorot» v istoriografii i novaya lokal'naya istoriya // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme humanitarnogo znaniya: materialy XX mezhdunar. nauchn. konf. Moskva, 31 yanv. – 2 fevr. 2008 g.: v 2-kh ch. Ch. 2. Moscow: RSHU publ., 2008. P.439–442.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Образовательные практики высшей школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории // Сообщество историков высшей школы. Научная практика и образовательная миссия. Материалы всероссийской конференции. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 205–208. [Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Obrazovatel'nye praktiki vysshei shkoly: eshche raz o kraevedenii i novoi lokal'noi istorii // Soobshchestvo istorikov vysshei shkoly. Nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya. Materialy vserossiiskoi konferentsii. Moscow: WHI of RAS publ., 2009. P. 205–208.]
- Маловичко С.И. Социальная память и историческая наука: проблемы целеполагания // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 212–215. [Malovichko S.I. Sotsial'naya pamyat' i istoricheskaya nauka: problemy tselepolaganiya // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noi i mirovoi kul'turyXVIII – nachala XX v. Moscow: WHI of RAS publ., 2011. P. 212–215].
- Маловичко С.И. Этический поворот в изучении истории // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ, 2012. Вип. 11. С. 53–66. [Malovichko S.I. Etycheskii povorot v izuchenii istorii // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. Kh.: KhNU, 2012. Issue. 11. P. 53–66.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья первая // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 6 / Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор Я.Верменич. Вип. 6. К.: Інститут історії України НАН України, 2012. С. 9–22. [Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki. Stat'ya pervaya // Regional'na istoriya Ukraini. Zbirnik naukovikh statei. Issue 6 / Golovnyi redaktor V. Smolii; vidpovidal'nyi redaktor Ya. Vermenich. Issue. 6. Kiev: Institute of History of UAS publ., 2012. P. 9–22.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях

- современного исторического знания» сборник статей. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. С. 3 – 10. [Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Terminologicheskie problemy izucheniya lokusa // Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya sbornik statei. Izhevsk: Udmurtskii universitet publ., 2012. P. 3 – 10.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: изд-во МГОПИ, 2013. 252 с. [Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Istoriya kak strogay nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie: monografiya. Orekhovo-Zuevo: State Humanitarian and Technological University publ., 2013. 252 p.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья вторая // Региональна історія України. Збірник наукових статей / Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор Я.Верменич. Вип. 7. К.: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 39–54. [Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki. Stat'ya vtoraya // Regional'na istoriya Ukraini. Zbirmik naukovikh statei / ed by V. Smolii; Ya.Vermenich. Issue. 7. Kiev: Institute of History of UAS publ., 2013. P. 39–54.]
- Маловичко С.И. Историография после «культурного поворота»: пространственный подход и новая локальная история // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007 – 2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 21 – 31. [Malovichko S.I. Istoriografiya posle «kul'turnogo povorota»: prostranstvennyi podkhod i novaya lokal'naya istoriya // Novaya lokal'naya istoriya: po sledam internet-konferentsii. 2007 – 2014. Stavropol': NCFU publ., 2014. P. 21 – 31.]
- Маловичко С.И. «Историография времени» и рождение проблемы хронотопа // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007 – 2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 81 – 91. [Malovichko S.I. «Istoriografiya vremeni» i rozhdenie problemy khronotopa // Novaya lokal'naya istoriya: po sledam internet-konferentsii. 2007 – 2014. Stavropol': NCFU publ., 2014. P. 81 – 91.]
- Новая локальная история макрорегиона: практикум / авт.-сост.: Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 205 с. [Novaya lokal'naya istoriya makroregiona: praktikum / compiler T. A. Bulygina, K. R. Ambartsumyan. Stavropol': NCFU publ., 2016. 205 s.]
- Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности. М.: Аквилон, 2020. 460 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti. Moscow: Akvilon, 2020. 460 p.]
- Репина Л.П., Бобкова М.С. Общество интеллектуальной истории: опыт междисциплинарного сотрудничества // Россия и современный мир. 2006. № 1. С. 211-213. [Repina L.P., Bobkova M.S. Obshchestvo intellektual'noi istorii: opyt mezhdistsiplinarnogo sotrudnichestva // Rossiya i sovremennyy mir. 2006.No.1. P. 211-213.]
- Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России в XIX – начале XX века: курс лекций / М.Е. Колесникова, С.И. Маловичко, А.В. Танцеева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 250 с. [Severnyi Kavkaz v intellektual'nom prostranstve Rossii v XIX – nachale XX veka: kurs lektzii / M.E. Kolesnikova, S.I. Malovichko, A.V. Tantsseva. Stavropol': NCFU publ., 2018. 250 p.]
- Сергей Иванович Маловичко: Библиографический указатель. Предварительный список / сост. М.Е. Колесникова, И.В. Крючков, П.Г. Немашкалов, А.В. Танцеева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 42 с. [Sergei Ivanovich Malovichko: Biobibliograficheskii ukazatel'. Predvaritel'nyi spisok / compiler M.E. Kolesnikova, I.V. Kryuchkov, P.G. Nemashkalov, A.V. Tantsseva. Stavropol': NCFU publ., 2020. 42 p.]
- Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 1. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2001. 152 с.; Вып. 2. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2002. 195 с.; Вып. 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003. 251 с.; Вып. 4 (специальный). М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. 170 с.; Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2004. 268 с.; Вып. 6 (специальный): материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей» (Пятигорск, 16–18 апр. 2004 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 326 с.; Вып. 7. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. 330 с.; Вып. 8 (специальный). Материалы международной научной конференции «Факт» - «Событие» в различных дискурсах (г. Пятигорск, 26–27 марта

2005 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 364 с. [Stavropol'skii al'manakh Obshestva intellektual'noi istorii / Stavropol'skoe otdelenie ROII. Issue, 2002. 195 p.; Issue. 3. Stavropol': PSLU publ., 2003. 251 p.; Issue. 4 (special issue). Moscow: WHI of RAS publ., 2003. 170 p.; issue. 5. Stavropol': PSLU publ., 2004. 268 p.; Issue. 6 (special issue): materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru «Svoe» i «Chuzhoe» v issledovatel'skom pole «istorii pogranichnykh oblastei» (Pyatigorsk, 16–18 apr. 2004 g.). Stavropol': SSU publ., 2004. 326 s.; Issue. 7. Stavropol': PSLU publ., 2005. 330 p.; Issue. 8 (special issue). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fakt» - «Sobytie» v razlichnykh diskursakh (g. Pyatigorsk, 26–27 marta 2005 g.). Stavropol': SSU publ., 2005. 364 s.].

Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М: Аквилон, 2014. 576 с. [Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: terminologicheskii slovar' / ed A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p.].

Бульгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, кафедра истории России, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; bul.tamara2011@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России, и.о. директора, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, председатель Ставропольского регионального отделения Общества интеллектуальной истории; igory5@yandex.ru

The Calling of a Man and a Scholar: the World of Sergey Malovichko

The presented article is devoted to the main phases of the academic and educational work of a famous Russian historian Sergei Ivanovich Malovichko who put a lot of effort into the development of historiographical trends – new local history and intellectual history in the Stavropol Region, and later in Moscow. The article points out S.I. Malovichko's close attention to the application of historical studies to the educational process. In the conclusion of the article, the relevance of the scientific heritage of S.I. Malovichko by Russian and foreign historians in the future is emphasized.

Key words: *intellectual history, historiography, source study, historical knowledge, post-modernity, new local history*

Bulygina Tamara - Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

Kolesnikova Marina – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Acting Director Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

Kryuchkov Igor – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol); igory5@yandex.ru

К.В. ХВОСТОВА

МАЛАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

В современной исторической науке большую роль играет малая событийность, изучаемая с помощью вероятностных статистических методов. Применение количественных методов в историописании, распространенное с 1960-х гг., сочетается с возросшим интересом к малой однородной будничной событийности, образующей исторические тенденции, традиции и процессы.

Ключевые слова: событийность, кайрос, ризома, математическое моделирование

Понимание исторической событийности в современной науке неоднозначно. Согласно идеям М. Хайдеггера и Ж. Делеза¹ событие понимается как просвет или эффект в обыденном будничном бытии, которое само по себе лишено событийности. Иными словами, в качестве события признаются только крупные происшествия мирового масштаба. Полагаю, что идеи названных исследователей восходят к некоторым античным традициям. Парменидом и Платоном бытие рассматривается как вид реальности, имеющий предел, завершенность, которые обуславливают его понимание. Наряду с этим, существует беспредельная множественная реальность, которая недоступна для рационального представления и не является предметом познания². Близкие идеи содержатся, например, в сочинении Шеллинга, который писал о событии как об остановке и о задержке времени в общественной жизни³.

Очевидно, подобные позиции отличаются от понимания события в современном историописании, в рамках которого события рассматриваются как результат действий исторических агентов в определённом пространственно-временном диапазоне или конструируются историком на основе исторических источников. В современных исследованиях наряду с крупными историческими событиями мирового значения анализируются короткие, ограниченные во времени и пространстве происшествия, совокупность которых образует тенденции и традиции, равные по значению крупным событиям мирового масштаба. Такое направление получило особое развитие, начиная с 1960-х гг., и связано с применением в исторических исследованиях математических, главным образом, вероятностно-статистических методов и дифференциальных уравнений, позволяющих получить количественные характеристики ограниченных во времени и пространстве малых происшествий, рассматриваемых как малые события, составляющие общие тенденции⁴.

¹ Хайдеггер 1993: 205; 2002: 129; Смирнов 2013: 39; Чухрукидзе 2012: 147; Фёдорова 2019: 47.

² Доброхотов 1986: 90.

³ Шеллинг 1999: 60.

⁴ Хвостова 2009: 113.

Кроме того, в рамках современной исторической науки признается существенным то обстоятельство, что крупномасштабные события не мгновенны, они растянуты во времени и пространстве и состоят из совокупности малых кратковременных происшествий, каждое из которых имеет свое значение в ограниченном пространственно-временном диапазоне и может явиться предметом отдельного исследования.

Цель данной статьи заключается в подробном обосновании, осуществляемом с учётом стратегии современных междисциплинарных исследований, особой роли пространственно-ограниченных, однородных, коротких и повторяющихся во времени событий будничной жизни, образующих тенденции и традиции, значимые в системе современного исторического знания. Такие события являются в ряде современных исследований объектом вероятностно-статистического анализа. При решении подобных задач существенно то обстоятельство, что интерес историков к будничной событийности отвечает требованиям современной постнеклассической научной парадигмы, в рамках которой акцентируется значимость изучения детальности и конкретности, а также констатируется роль нарратива в репрезентации знания⁵. При этом в статье особое внимание уделяется использованию стратегии трансдисциплинарности, подразумевающей правомерность и научную значимость создания единых образов гетерогенных явлений, различающихся по содержанию, но сходных по способу функционирования в рамках различных пространственно-временных ситуаций.

Внимание к нарративу и к сравнительному изучению гетерогенных явлений отражает влияние исторической науки на современное научное знание в целом. Эти методики восходят к расширенной исторической интерпретации, включающей широкий спектр аналогий и сравнений при изучении сведений разнородных источников. В центре исследований находятся исторические события, делимые и неделимые. Делимые имеют в своем составе более мелкие происшествия, отличающиеся индивидуальным функционированием и называемые фактами. Неделимые характеризуются единством своего содержания.

Для автора данной статьи, как для византиниста, представляет существенный интерес упоминание о событиях в византийских нарративных памятниках. Эти свидетельства важны не только для понимания истории Византии, но имеют более широкую научную значимость, поскольку их сведения могут быть в своих отдельных проявлениях и при известных допущениях уподоблены идеям современной теории вероятности. В этой связи существенно то, что в древнегреческом языке понятия “событие” и “случай” имеют одно и то же обозначение.

Анализ нарративных источников показывает, что их авторам – византийским писателям и государственным деятелям – были присущи выраженные на уровне здравого смысла и интуиции, а также сформулированные в терминах античных традиций представления о случайност-

⁵ Щедрина 2017: 82-90.

ном, т.е. вероятностном, стохастическом характере отдельных общественных процессов. При этом авторы используют греческий глагол “стохадхзомай”, означающий “догадываюсь, предполагаю”. «На основе случившегося предполагающие будущее», – пишет византийский общественный деятель и писатель XIV века Никифор Григора. Далее он продолжает: «На основе знаков прошлого угадывается нами то, что произошло затем»⁶. Другой известный деятель и писатель Георгий Пахимер замечает: «Предполагающий на основе сущего и рассчитывающий то, что должно произойти на основе случившегося»⁷. Димитрий Кидонис утверждает «Предполагающий на основе явлений...»⁸.

В приведенных высказываниях византийских деятелей отражена свойственная им поведенческая стратегия. Она характеризуется признанием роли прежних событий при планировании социального поведения в настоящий момент времени⁹. Имеются в виду, таким образом, тенденции и традиции, состоящие из однородных следующих во времени событий. Особый интерес для современного исследователя представляет и содержащееся в новелле Льва VI уподобление принятия деятелем решения результату “бросания игральной кости”¹⁰. Как известно, такой результат рассматривается в современной теории вероятности как показатель равновероятностного распределения однородных событий. Кроме того, византийские источники свидетельствуют, что положительные результаты в практической и политической деятельности правителей являются следствием реализации дарованных им свыше божественных добродетелей¹¹, что можно рассматривать как предвосхищение в терминах и понятиях соответствующей эпохи современных идей поля возможностей и пространства событий современной теории вероятностей.

Однако византийцы понимали, что ситуации, в которых итог социальной деятельности человека можно сравнить с результатом “бросания игральной кости”, встречается в реальной жизни довольно редко. Соответственно, на уровне здравого смысла и присущей им интуиции, а также с учетом античных традиций византийцам было присуще представление о возможности повышения шансов получения желаемого результата. Это можно осуществить путем выбора для совершения соответствующего действия благоприятного момента, называемого “кайрос”.

В терминах современного знания можно сказать об интуитивном понимании византийцами необходимости “взвешивания” одинаково вероятных шансов на успех действия путем учета ряда других обстоятельств, сопутствующих соответствующей деятельности. Осуществление подобной мыслительной процедуры означало пространственно-временное уточнение понятия “кайрос”.

⁶ Nicephori Gregorae 1830: 618.

⁷ Georgii Pachymeris. Vol. I: 13.

⁸ Dimetrius Cydones Correspondence. Vol II. № 133.

⁹ Хвостова 2009: 86.

¹⁰ Noailles, Dain 1944: 7.

¹¹ Хвостова 2009: 88.

«Кайросы – это душа вещей, и если кто-либо не умеет ими воспользоваться, то может возникнуть большой ущерб делам», – говорится в преамбуле одной из императорских жалованных грамот¹². Таким образом, понятие “кайрос” содержало ценностную характеристику поведенческой ситуации в пределах фиксированного временного диапазона. С точки зрения современного знания “кайрос” – это дискретное, малое и повторяющееся, состоящее из ряда фактов неделимое событие.

Благоприятные ситуации для совершения какого-либо поступка повторяются. Эта идея византийцев была связана с более общим и широким представлением о повторе временных циклов. В преамбуле одного из византийских актов читаем: «Время движется по кругу... вещи по необходимости согласуются со временем... одни опускаются вниз... другие поднимаются. Круговорот идет наподобие шара»¹³. «То, что разделяется во времени, объединяется общностью деяний»¹⁴. Представление византийцев о повторе временных ситуаций, о временных циклах предвосхитили позднейшие идеи Вико, Кроче, а также Гегеля, который писал: «События различны, но общее и внутреннее в них, их связь едины. Это снимает прошлое и делает событие современным»¹⁵.

Можно считать, что кайрологические и циклические представления, восходящие к античности и византийской философии истории, не утратили своего значения не только в рамках современной философии истории и исторической науки, но актуальны и для темпоральных представлений современной эпистемологии и методологии в целом. Отметим в этом плане современные идеи герменевтического круга, самоорганизации систем, развиваемые в рамках современной исследовательской парадигмы, а также концепты “петля обратной связи”. Это наименование широко используется в научных исследованиях, означая прием, основанный на обратной функциональной, а не на логической зависимости, согласно которой следствие не только вытекает из гипотезы, но одновременно и подтверждает ее достоверность¹⁶. На основе анализа понятия “кайрос” в “Политике” и “Никомаховой этике” Аристотеля греческий ученый Э. Муцопулос приходит к выводу о значимости этого понятия и в современной социальной и политической практике¹⁷.

Для целей современного исследователя, занимающегося византийской текстологией, весьма существенно, в частности, что стратегия понимания социального поведения, основанная на признании роли сходных, повторяющихся во времени ситуаций, в известной мере обусловила особенности стиля деловых византийских документов, например, описей владений крупных византийских монастырей на Афоне.

¹² Actes de lavra. № 133. P. 50.

¹³ Actes de Docheiariou. № 7. P. 89.

¹⁴ Nicephore Gregorae. № 152.

¹⁵ Гегель 1993: 61.

¹⁶ Агацци 2016: 63.

¹⁷ Муцопулос 2016: 130.

Характерно, что в серии разновременных описей многие сведения повторяются. Однако налоговые суммы варьируют под влиянием ряда экономических и внеэкономических факторов вокруг некоторой стандартной нормы. Иными словами, возникают растянутые во времени тенденции и традиции, состоящие из малых однородных будничных событий. Подобные процессы могут быть изучены с помощью коэффициентов корреляции и регрессии. Кроме того, при изучении византийского материала был использован коэффициент имущественного расслоения держателей, основанный на дифференциальных уравнениях¹⁸. Данная исследовательская ситуация является примером значимости изучения малой будничной событийности, составляющей статистические тенденции и традиции, анализируемые с помощью количественных методов. Научная значимость использования методов теории вероятности существенно возросла, начиная с 1960-х гг., когда по образцу экономической науки и социологии распространилась практика использования количественных методов в исторических исследованиях.

Анализ однородных исторических тенденций, образуемых малыми событиями, связан с применением индукции в историческом нарративе. Известно, что согласно традициям, восходящим не только к Лакатосу и другим представителям постнеклассической научной парадигмы, но и к герменевтике Дильтея, в современной науке констатируется ограниченная роль индукции в научных исследованиях. Считается, что индукция не позволяет в полной мере распространить результаты эксперимента на необследованную часть соответствующих данных. Иными словами, индуктивный анализ не позволяет на основе знания о прошлом судить о будущем¹⁹. Однако историк не прогнозирует будущее, а изучает ограниченный пространственно-временной диапазон прошлого. Соответственно, индукция применима при историко-сравнительном анализе, позволяющем получить общие выводы о совокупности однородных событий повседневности, образующих тенденции и традиции. Индукция, кроме того, лежит в основе применения статистических методов. Малые исторические события играют существенную роль при изучении процессов, тенденций и традиций, состоящих из серии конкретных событий, регламентируемых стандартными правовыми нормами.

Стоит отметить, что наименование события в древне- и средневековом греческом языке совпадает с наименованием случая. Представление о случае, т.е. результате выбора удачного момента для осуществления некоторой деятельности, тесно связано в византийских источниках с понятием “кайрос”. Если при использовании выражения “кайрос” подчеркивается удачный выбор временного момента, то, говоря о событии–случае, акцентируется благоприятный исход совершенного действия. Свидетельство византийских источников о “кайросе” и случае в стратегии повседневной ориентации деятеля в известном смысле предвосхи-

¹⁸ Хвостова 2009: 118-119.

¹⁹ Миллер 2012: 110.

щает современные вероятностные идеи, фиксируя значимость малых единичных повторяющихся событий в социальном поведении деятеля прошлых эпох. Вряд ли можно согласиться с мнением Е.С. Вентцель, согласно которому событие в теории вероятности – это «факт, который может произойти, а может не произойти»²⁰. Понятие факта означает не возможность, а свершение, результат действия. Видимо, целесообразно отождествлять событие со случаем, который произошел.

Все вышесказанное о роли малых будничных происшествий свидетельствует о том, что в современной исторической науке большую роль играет малая событийность, изучаемая с помощью вероятностных статистических методов.

В известной мере данное направление восходит еще к позднему позитивизму, в частности, вполне соответствует современным представлениям вывод Дюркгейма о трактовке корреляционной модели современных социальных исследований. По мнению ученого, составляющие такие модели переменные величины являются компонентом сложной сетевой зависимости многих факторов, воспроизводимых исследователем на основе многофакторного событийного анализа²¹. Близкие взгляды развивал один из классиков современного количественного подхода к социальным наукам Р. Будон. Он констатировал специфическую слабую замкнутость социальных систем и писал о необходимости учета этого фактора при математическом моделировании²².

Лидер современной синергетики И. Пригожин, характеризуя научные перемены, ставшие явными в конце XX в., отмечал тенденции к известному сближению не только естественных и общественных наук, но и конкретно естественнонаучных знаний и историописания. Этот процесс, по мнению ученого, связан с возрастанием роли принципа историчности в естественнонаучных знаниях и, соответственно, с появлением значимости исторического нарратива как репрезентации знания в целом²³. Другой видный представитель синергетики К. Майнцер подчеркивал возрастание в современных естественных науках роли событийности, связывая это явление также с влиянием гуманитарного знания²⁴.

Не только философы Хайдеггер и Делез акцентировали роль крупных исторических событий, но и Фернан Бродель, если не отрицал, то практически полностью абстрагировался в своих рассуждениях от признания роли малой будничной событийности. По его мнению, «событие должно быть уникальным и полагать себя единственным»²⁵, но другой представитель школы «Анналов» Жорж Дюби заявил: «Сегодня французские ученые возвращаются к событию»²⁶.

²⁰ Вентцель 1969: 23.

²¹ Durkheim 1950: 130-131.

²² Boudon 1968: 38.

²³ Пригожин 1991: 50.

²⁴ Майнцер 2010: 86.

²⁵ Бродель 1986. Т. 1: 39.

²⁶ Дюби (1994). С. 55.

Все вышесказанное подтверждает справедливость вывода о значимости современной историографии малых событий, образующих тенденции и традиции социально-экономического развития. Подобного рода исследования, создающие возможность изучения серии развивающихся во времени исторических тенденций, способствуют более углубленному изучению исторических эпох, а также непосредственному вычленению их отдельных периодов. Возникает возможность обнаружения разнообразных форм эволюции и ее отдельных этапов.

Одной из характерных черт современной постпозитивистской науки является, как отмечалось выше, внимание к различным формам общественного разнообразия. Одним из выражений этого качества являются современный конструктивизм и использование в ряде исследований образа ризомы, рассматриваемой, в частности, в сочинениях Делеза. Философ характеризует ризому как бессистемное разнообразие и уподобляет ее спутанному клубку происшествий. По этому поводу целесообразно, на наш взгляд, сделать некоторые уточнения. Наименование “ризома” происходит от греческого слова “ридза”, обозначающего корень, начало, основу. Выражение “ридза”, таким образом, характеризует определенные качества явления, ограничивающего разнообразие. Полагаем, что производное от выражения “ридза” обозначение “ризома” целесообразно также понимать, как разнообразие, имеющее (как и византийская “ридза”), в своей основе некоторые фиксированные пределы. В византийских поземельно-налоговых описях выражение “ридза” обозначает налоговую сумму, взимаемую собственником земли с движимого и недвижимого имущества ее держателей и варьирующую в определенных пределах в зависимости от качества земли.

Можно сделать следующее заключение. Ценностно-антропологический подход к проблеме исторической событийности, предлагаемый, в частности, Хайдеггером, не может рассматриваться как единственный и определяющий специфику понятийного аппарата современной исторической науки, акцентирующей разнообразные формы событийности. Применение количественных методов в историописании, распространенное с 1960-х гг., сочетается с возросшим интересом к малой однородной будничной событийности, образующей исторические тенденции, традиции и процессы. Внимание исследователей к длительному историческому времени в понимании Броделя предполагает одновременно и внимание к серии малых хронотопов, позволяющее применять как известные вероятностно-статистические методы, так и специальные коэффициенты, изменяющие локально-временную конкретику.

Крупные события, присутствующие в современных обобщающих исторических исследованиях, неизменно сочетаются с породившими их пространственно-временными тенденциями в их событийном выражении. Подобные взаимозависимости находят отражение в правосознании и праве, содержащем соответствующие регулирующие нормы.

Необходимо подчеркнуть такую особенность историописания, как отсутствие у исследователя прямого наблюдения по отношению к предмету изучения, реконструируемому на основе сведений источников. Это обстоятельство свидетельствует об особой роли исследовательской ментальной каузальности. Наличие малой однородной событийности с повторяющейся во времени структурой минимизирует субъективный фактор подобного познавательного процесса и позволяет признать его научную значимость и правомерность применения вероятностных статистических методов. Распространение данной методики в настоящее время можно рассматривать как существенный фактор повышения роли индуктивного анализа в общей системе исторического познания.

Неизменно возникающая в историческом исследовании проблема соотношения крупной и мелкой событийности побуждает исследователя обратиться к современному пониманию проблемы эмерджентности. Иными словами, необходимо констатировать, что значимость крупных исторических событий не равняется сумме значений составляющих их мелких происшествий, каждое из которых играет свою индивидуальную роль. Это важное обстоятельство современного историописания обуславливает возможность применения вероятностных методик при изучении серии мелких событий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Actes de Lavra / Eds. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. Paris: 1979. Vol. III. No. 133.
- Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomidès. Paris: 1984. No. 7.
- Demétrius Cydonès. Correspondance / Ed. R.-J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. Vol. II.
- Georgii Pachymeris. De Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim. Vol. I. Bonnae: 1835.
- Les Nouvelles de Léon VI le Sage / By P. Noailles, A. Dain. Paris: Les Belles Lettres, 1944.
- Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. II. Bonnae: 1830.
- Nicephore Gregoras Correspondance / Ed. R. Guiland. Paris, 1927.
- Агацши Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 58-66. [Agatstsi E. Epistemologija i sotsialnoe: petlia obratnoi svyazi // Voprosy filosofii. 2016. № 7. S. 58-66].
- Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: 1986. 861 с. [Brodell F. Struktury povsednevnosti: vozmoznoe i nevozmoznoe. M.: 1986. 861 s.]
- Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М.: 1969. 576 с. [Ventsel E.S. Teoriia veroiatnostei. M.: 1969. 576 s.]
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб: 1993. 352 с. [Gegel G.V.F. Filosofija istorii. SPb: 1993. 352 s.]
- Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: 1986. 141 с. [Dobrokhotov A.L. Kategorija bytija v klassicheskoj zapadnoevropejskoj filosofii. M.: 1986. 141 s.]
- Дюби Ж. Европа. Средние века. Смоленск: 1994. 316 с. [Diubi Zh. Evropa. Srednie veka. Smolensk: 1994. 316 s.]
- Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84-98. [Maintser K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke. Mezhdistsiplinarnoe vvedenie // Voprosy filosofii. 2010. № 10. S. 84-98].
- Миллер Д. Машинное угадывание // Вопросы философии. 2012. №7. С. 110-120. [Miller D. Mashinnoe ugadyvanie // Voprosy filosofii. 2012. №7. S. 110-120].
- Миллер Д. Машинное угадывание (ч. II). // Вопросы философии. № 8. М.: 2012. С. 117-126 [Miller D. Mashinnoe ugadyvanie (ch II). // Voprosy filosofii. № 8. M.: 2012. S. 117-126].

- Муцопулос Е. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 128-136. [Mutsopulos E. Aristotel o moralnykh i ekonomicheskikh krizisakh // Voprosy filosofii. 2016. № 5. S. 128-136].
- Пригожин И.Р. Философия нестабильности. // Вопросы философии. № 6. 1991. С. 47-52. [Prigozhin I.R. Filosofiiia nestabilnosti. // Voprosy filosofii. № 6. M.: 1991. S. 47-52].
- Смирнов С.А. Онтология человека: рамки и топика. // Вопросы философии, № 11. 2015. С. 39-49. [Smirnov S.A. Ontologiiia cheloveka: ramki i topika. // Voprosy filosofii, № 11. 2015. S. 39-49].
- Федорова М.М. Событие: современные подходы к формированию понятий // Вопросы философии. № 6. 2019. С. 40-49. [Fedorova M.M. Sobytiie: sovremennyye podkhody k formirovaniu poniatii. // Voprosy filosofii. № 6. 2019. S. 40-49].
- Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 447 с. [Khaidegger M. Vremia i bytie. M., 1993. 447 s.]
- Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. 2002. 452 с. [Khaidegger M. Bytie i vremia. Spb. 2002. 452 s.]
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. М.: 2009. 207 с. [Khvostova K.V. Vizantiiskaia tsivilizatsiia kak istoricheskaia paradigma. M.: 2009. 207 s.]
- Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XVI вв.) М.: 1968. 325 с. [Khvostova K.V. Osobennosti agrarno-pravovykh otnoshenii v pozdnei Vizantii (XIV–XVI vv.) M.: 1968. 325 s.]
- Чухрукидзе К.К. Генезис события у Ж. Делеза: от множественного к всеобщему. // Вопросы философии. № 8. 2012. С. 145-153 [Chukhruidze K.K. Genesis sobytiia u Zh. Deleza: ot mnozhestvennogo k vseobshchemu // Voprosy filosofii. № 8. 2012. S. 145-153].
- Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох. Томск: 1999. 320 с. [Shelling F.V.I. Sistema mirovykh epokh. Tomsk: 1999. 320 s.]
- Щедрина Т.Г. Грани настоящего (философические заметки читателям “Вопросов литературы”). // Вопросы философии. № 6. 2007. С. 159-167. [Shchedrina T.G. Grani nastoiashchego (filosoficheskie zametki chitateliam “Voprosov literatury”). // Voprosy filosofii. № 6. 2007. S. 159-167.]
- Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris: 1968. 464 p.
- Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris: 1950. 149 p.

Хвостова Ксения Владимировна, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН

Small events and transdisciplinarity

In modern historical science, a large role is played by small events, which are studied by using probabilistic statistical methods. The use of quantitative methods in historical writing, which has been widespread since the 60s of the twentieth century, is combined with an increased interest in small, homogeneous everyday events that form historical trends, traditions and processes.

Keywords: eventfulness, kairos, rizoma, mathematical modeling

Khvostova K.V., Chief researcher, doctor of historical sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

ВОСТРЕБОВАНЫ ЛИ КОНЦЕПТЫ «СУГГЕСТИЯ» И «КОНТРСУГГЕСТИЯ» СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКОЙ?

Рассматриваются некоторые идеи Б.Ф. Поршнева, изложенные в его статье 50-летней давности «Контрсуггестия и история», характеризуется их место в истории идей относительно динамики социальных изменений, анализируемой, в частности, в трудах отечественных ученых прошлого. Обосновывается настоятельность введения в глоссарий современных социальных наук концепта «суггестия» и понятия «контрсуггестия», показана их релевантность на широком историческом материале и полях взаимодействия социальных субъектов. Отмечено, что суггестия и противостоящая ей контрсуггестия пронизывают массовые настроения и влияют на все общественные отношения, особенно в кризисные моменты. Обращается внимание на феномен инфодемии, усугубляющей, по заключению Всемирной организации здравоохранения, проявления пандемии коронавируса, а также на его корреляцию с суггестией.

Ключевые слова: социальные науки, история идей, психология, антропогенез, диалектика суггестии и контрсуггестии, инфодемия, контрконтрсуггестия

«Вскую шаташася языцы, и людия поучишися тщетным»
(«Зачем мнутся народы, и племена замышляют тщетное?»
Псалтырь, псалом 2).

Меняющийся статус известных понятий

Нынешняя ситуация с пандемией, помимо прочего, требует пересмотра некоторых страниц истории идей, касающихся ламинарной и турбулентной динамики смены массовых настроений. Эта динамика схватывается, в частности, концептом суггестия¹. Он был детально рассмотрен в статье Б.Ф. Поршнева «Контрсуггестия и история», которая считалась введением к его монографии на эту же тему². К данному концепту в том или ином оформлении обращались постоянно и социальные мыслители прошлого; важную роль играл он и в исторических исследованиях. Это касается, в первую очередь, идеи о коллективном внушении, заставляющем массы людей принимать в качестве «своих» самые разные убеждения, слухи, установки и манеры, не всегда имеющие конструктивный характер, а зачастую порождающие и массовые психозы.

В предыдущей статье³ указывалось на роль историка и социального психолога Б.Ф. Поршнева в разработке концептов суггестии и контрсуггестии с привлечением материала литературных текстов, в первую очередь Л. Толстого и М. Алданова, освещавших суггестию войны и революционаризма. В настоящей статье будет обращено внимание на некоторые интерпретации означенных феноменов другими отечественными мыслителями. Знак вопроса в названии данной статьи – призыв

¹ Термин «концепт» применен для указания на родовые признаки понятия суггестия по отношению к понятиям контрсуггестия и контрконтрсуггестия.

² Поршнев 1971; 2014.

³ Задоржнюк, Задоржнюк 2020: 23-40.

к дальнейшей дискуссии о возможном вхождении поименованных концептов в глоссарий современных социальных наук.

Почему же *суггестия* – а не привычное «внушение»? Второе понятие определяется и сегодня как процесс целенаправленного и зачастую неаргументированного психического воздействия на человека или относительно небольшую группу при ослабленном контроле сознания и некритической оценке воспринимаемого. Концепт же *суггестия* как некий аналог понятия «внушение» лишь начинает использоваться, чаще всего в социальной психологии и психоистории; эффективно применяется он в социальных и политических науках, не исключая, к примеру, юриспруденции. Естественно, указанный концепт при этом обогащается новыми смыслами, с которыми приходится считаться и психологам. Примечателен следующий момент: отечественные психологические словари трактуют суггестию исключительно как синоним внушения, лишь в одном из них удалось обнаружить отдельное её определение: «Вид психического внушения, в результате которого происходит сущностное изменение в психических процессах. Однако эти изменения не замечаются человеком». Отмечается также термин *суггестивный вопрос* – «наводящий, то есть как бы внушающий верный ответ»⁴. А когда этот концепт в возрастающей степени оказывается востребованным, в частности, для объяснений и прошлой, и текущей истории, то от понятия «внушение» приходится несколько дистанцироваться.

Плодотворность такого вторжения понятия «внушение» в исторические исследования показывал еще в конце XIX в. психиатр и психолог В. Бехтерев, трактовавший его как отражение одного из феноменов коллективной психики. Он допускал, что массовое внушение может распространяться подобно «психической инфекции, как и развитие обыкновенной физической заразы», вывел на рассмотрение понятие «психический контагий». Здесь он во многом следовал положениям, изложенным психиатром В. Кандинским во второй части книги «Нервно-психический контагий: душевные эпидемии» (1981). Бехтерев отмечал: «Внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение»⁵. Прошло столетие с четвертью, но многие положения его речи на собрании Императорской военно-медицинской академии 18 декабря 1897 г. не потеряли актуальности. На путях поиска соответствующих объяснений как раз и обнаруживается потенциал концепта «суггестия», – и вовсе не через прямой перенос его дифференцированных значений из западного обществознания, где оно фактически синонимично внушению, а через его переосмысление. Таковое имеет длительную традицию в отечественном обществознании с учетом того момента, что его выработке предшествовали, к примеру, размышления

⁴ Большая 2007: 447

⁵ Бехтерев 1990: 9.

социолога Н. Михайловского о героях и толпе, историка В. Ключевского о естественных, созданных инстинктами, и искусственных, возникающих в результате сознательной активности людских союзах, юриста Л. Петражицкого о психологической подоплеке юридических норм и др. Все это пиршество идей наблюдалось в XIX в.; в веке же XX механизмы суггестии и контрсуггестии функционировали с повышенной активностью, но в рамках отечественных социальных наук волей-неволей анализировать их приходилось как бы походя.

Прорывная статья 50-летней давности

Солидное доказательство востребованности концепта *суггестия* и понятия *контрсуггестия* можно вывести из событий 50-летней давности: в 1971 г. появился сборник статей «История и психология» сотрудников Института всеобщей истории и Института философии АН СССР (отдела психологии). Он быстро исчез с прилавков книжных магазинов, одна из причин – вышеупомянутая статья Поршнева. Ее содержанию была присуща некая сцепка истории и психологии, но истории, включающей дописьменные периоды, и психологии, отличной от устоявшихся ее образцов. Статья из числа тех, которые были подобны глотку холодной воды в жару безвременья; правда, сегодня ей трудно найти хотя бы какой-то аналог по глубине мыслей и силе воздействия. Она-то и переистолковала старые и ввела принципиально новые термины для анализа «века толп» (по выражению С. Московичи; особому рассмотрению подлежит роль мыслителей XIX века Г. Тарда и Г. Лебона, а также его современника М. Фуко в комплексном анализе данного феномена) на фоне динамичных исторических событий, осуществляемых «мятущими» народами: суггестия, контрсуггестия и контрконтрсуггестия.

Положения статьи уже тогда разгадывались, как говорится, на всем серьезе. Сегодня это нужно вдвойне, поскольку над реальным миром надстраивается виртуальный – мир информационно-коммуникационных технологий. Он-то и задает новые характеристики старому багажу понятий и в первую очередь концепту *суггестия*, соотносящемуся, скорее, с вымышленной, а не подлинной реальностью.

Приведем поистине убийственное доказательство для дня сегодняшнего. В связи с пандемией коронавируса возникает проблема купирования его излишних последствий, одним из которых можно считать инфодемию. Термин в феврале 2020 г. начал использоваться Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) для обозначения не соответствующих действительности сведений об этой болезни, что ведет к различным негативным последствиям: соотносящийся с суггестией механизм нагнетания и распространения ложных слухов о ней по самой сути социально деструктивен. Сдерживать таковые практически невозможно как раз потому, что их усиливают именно плоды цивилизации – ускоряющиеся способы распространения информации⁶. В сентябре этого же года

⁶ Резник 2020. Это слухи о подобии коронавируса сезонному гриппу, о намеренности ее вбрасывания с Востока (более 70% американцев по этой причине негативно отно-

ВОЗ призвала активнее бороться с инфодемией, опираясь на достоверную и осмысленную информацию. Ведь ложная информация провоцирует риторику ненависти и повышает риск конфликтов.

Сказанное побуждает, по нашему мнению, генерализировать ряд положений статьи Поршнева, в первую очередь, иницилируя введение концепта *суггестии* и понятия *контрсуггестии* в аналитической инструментарий того, что он именовал «социально-исторической психологией»⁷. Они приживались с трудом, затем горизонты их употребления сузились: отечественные психологи предпочитали понятие «внушение», социологи в лучшем случае – «массовое настроение», в исторических исследованиях оно почти не встречалось. Но в поле зрения они находились: нельзя ведь было забыть, что понятием *контрсуггестия* Поршневым обозначал, помимо прочего, психические механизмы недоверия к воспринимаемому, а затем и неприятия общепринятого. Действия соответствующих механизмов как раз и задают историю, преодолевающую во многом биологические механизмы суггестии. Они в чем-то напоминают привычные слоганы – призыв к неповиновению устоявшемуся, праздник непослушания. В таком истолковании понятие *контрсуггестия* сегодня все чаще используют психологи, причем не только социальные, ибо слово «контрвнушение» в их лексиконе не встречается.

Поршневым настаивал, что контрсуггестия помогает человеку выйти за стандартизированные границы поведения, когда происходит расторжение некоторых биологически детерминированных психических реакций. Контрсуггестия создается второй сигнальной системой, а именно речью, когда индивиду могут быть сообщены некоторые важные для него сведения, которые могут повышать или понижать ценность имеющихся у него поведенческих паттернов и установок. При этом его психобиологическая система перестает нуждаться в постоянном присмотре, вырабатывая необходимый тип поведения через внутреннюю аргументацию. В итоге фактически происходит ревизия тех границ в социуме, в которых индивид чувствовал себя вполне защищенным – но без их разрушения нет развития ни человека, ни общества. Если суггестию можно трактовать как первоэмоцию в ходе знакового общения, то контрсуггестия – своеобразный первошаг психологии, носящей социальный характер в ходе разделения на «мы» и «они». При этом тезис Поршнева о том, что «развитие мышления есть основная, генеральная линия контрсуггестии», не значит отмены суггестии, просто с ходом истории меняется характер ее соотношения с контрсуггестией⁸. Тем самым, их диалектику, на наш взгляд, можно трактовать как одну из пружин развития социума в целом. В отдельном исследовании нуждается и

сятся к китайцам), рекомендации нарочито переболеть ею (так считает кружок студентов некоего американского университета и отечественный блогер, упомянутые этим автором). Фиксация того или иного слуха происходит мгновенно, а затем следует его подкрепление.

⁷ Поршневым 1971: 5.

⁸ Там же: 23.

введённое Поршневым понятие *контрконтрсуггестии*. Смысл последнего – подобно гегелевскому отрицанию отрицания – указание на формы торможения уже *контрсуггестии*. Мало того, что коренящиеся в традициях, обычаях, ритуалах паттерны поведения практически неискоренимы, они часто ориентированы на устранение негативизма поведения заумного (можно сказать и так: «забегающего поперед батьки в пекло»). Эта ступень феноменологии духа социальности (опять-таки воспользуемся гегелевской лексикой) пока серьезно не то что не исследована, но даже не рассмотрена нашей социальной наукой.

Несколько слов об истории слова

В пользу возможной генерализации выделенного и глубинно проработанного Поршневым концепта *суггестия* свидетельствует, помимо прочего, история соответствующего слова в английском языке. *Suggestion* в «Оксфордском словаре» ассоциируется с:

- 1) побуждением или наклонностью ко злу, охваченностью злобой; так оно употреблялось с 1340 г. и приводилось в поэтическом языке Дж. Чосером в 1386 г. и в драматургическом В. Шекспиром в 1595 г.;
- 2) акциями по побуждению кого-либо к определенному действию или курсу действий; вложением в ум некоей идеи, объекта или мысли; планом чего-то подобного воздействию идей – так оно применяется с 1382 г., а для обозначения гипноза с 1883 г.;
- 3) выдвиганием ложного утверждения и поддержки недостоверной информации;
- 4) в юриспруденции для указания на информацию, представленную не под присягой – с 1485 г.;
- 5) передачей идеи через некую как бы «естественную» связь – так впервые с 1605 г. трактовал суггестию Ф. Бэкон, идентифицируя её с идолом «рыночной площади»;
- 6) симптомом наличия или возникновения чего-то; намёком, недоказанным подозрением – так употребляли слово с 1863 г. в поэтическом языке;
- 7) злоупотреблением властью для обозначения политических махинаций – в английском языке с 1882 г.⁹

Рассмотрим подробнее пятое – наиболее интересное в ракурсе современного оперирования – его истолкование в трактате Ф. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук». В нём перечислены четыре «идола», деформирующие правильное познание людей и, соответственно, их социальное поведение. В соответствии с идолом «рода», ум скорее воспринимает положительное, чем отрицательное, а в связи с предпочтением первого он по самой своей природе уподобляется неровному зеркалу. Идол суженной «пещеры» ограничивает познание строением нашего тела, о котором писал еще Платон; оно по-своему искажает доходящий к человеку свет природы. Идол «театра» задает восприятие с помощью ложной теории доказательств, образно говоря, формирует сценарии поведения человеку, который, скорее, красуется, чем познает суть вещей. С суггестией связывается идол рыночной «площади»; он сводится «к обманчивому и чуть ли не колдовскому слову»¹⁰, сбивает мысль с пра-

⁹ The Oxford 1989: 143; Социологическая 2018: 14-15.

¹⁰ Бэкон 1971: т. 1, 325.

вильного пути и отождествляется с умственной болезнью, как отмечено в труде Ф. Бэкона «Великое Восстановление Наук».

В «Новом Органоне» мыслитель детализирует свое понимание, утверждая «существование идолов, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей... Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум»¹¹. Остается добавить, что в чем-то похоже о возможных деструктивных функциях знакового общения, в основном через мобилизующее слово в праязыке, писал и Поршневу. И далее: «Большая часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой»¹². Поршневу сказал бы, что это и осуществляется контрсуггестий.

Отметим, что траектория слова *суггестия* указывает на примечательную черту английского философствования: смыслы в его рамках, скорее, наращиваются, чем переистолковываются. Следы такого наращивания относительно «идола рынка» можно увидеть в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка, Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера, а позже историков Т. Карлейля и Р. Коллингвуда, напрямую апеллирующих к Ф. Бэкону, и наконец Б. Рассела. Последний считал разоблачение идолов, связанных с заблуждениями ума или человеческими слабостями, «одной из самых ярких частей философии Бэкона». При этом идолы «рынка» – заблуждения, «вызванные склонностью ума ослепляться словами»¹³.

Выделив в книге о 100 великих мыслителях Запада Ф. Бэкона, автор статьи о нем отмечает: «учение об идолах предвосхищает многие положения современной методологической теории и социальной психологии», при этом идолы «рыночной площади» особо опасны наименованием вещей, в природе (в т.ч. социальной) не существующих¹⁴. Обращение же к трактовкам идолов Бэкона – это побуждение усилить внимание и к современным интерпретациям механизмов суггестии и противостоящей ей контрсуггестии. В этом ракурсе ведутся, в частности, исследования феномена *wishful thinking* – термин по-разному переводится на русский язык и обозначает стиль мышления, ориентированный на восприятие и умственное достраивание только чего-то желательного. Нельзя сказать, что этот феномен зафиксирован в 1947 г. лишь в США психологом-когнитивистом Дж. Брунером¹⁵ – ведь идол «рода» Бэкона очень на него похож. Этот феномен трактовался позже как некая суггестия для элиты – группы лиц, принимающих ответственные решения.

¹¹ Там же: т. 2, 19–20.

¹² Там же: 20, 25.

¹³ Рассел 1998: 295.

¹⁴ Великие 1999: 251.

¹⁵ Брунер 1977: 104.

Но если смотреть на домысливание желательного расширительно, то можно допустить: похожие настроения овладевают и массами в ожидании «доброе царя», отсюда спрос на феномены самозванства, которое паразитирует на этих ожиданиях. Вот что еще интересно: «Оксфордский словарь» не привел (или не счел возможным упомянуть) еще одну трактовку суггестии – гносеологическую, данную Дж. Беркли почти сто лет спустя после Бэкона. Она выводится из труда «Опыт новой теории зрения (1710) – шестнадцатого положения, где написано, что расстояние «внушается духу через посредство некоторой другой идеи, которая сама воспринимается в акте зрения»¹⁶. Суть дела в следующем: зрением воспринимается, к примеру, дерево, но расстояние к нему – одно в ясную погоду, другое в туман и т.п. – или его толщина должны таким же образом домысливаться через внушение (суггестию): на сетчатке глаза ведь дается картинка, а не объемность или шероховатость дерева¹⁷.

И еще: очередное перечитывание знаменитого романа Л. Толстого позволило обнаружить, на наш взгляд, наиболее лапидарное и в то же время весьма яркое определение суггестии. В первой части третьего тома (самый конец третьего раздела) описан эпизод вторжения войск Наполеона в 1812 г. на переправе через Неман. Некоторые воинские части, в основном польские, решили не дожидаться прохождения по мостам, а переправлялись через бурную реку. Этого не следовало делать, но воодушевленные агрессоры не могли сдержаться порыва и многие из них погибли. Ряд переплывших были награждены орденами Почетного легиона и сразу забыты. Характеризуя этот излишний, хотя и, пользуясь концептом Поршнева, суггестивный порыв, Толстой применяет двоеслобие: «безумие самозабвения». Повторим еще раз, что более убедительного определения суггестии не найти и в научных исследованиях.

Несколько свидетельств о новейших трактовках феномена суггестии в плане той же теории познания, а также политологии и учения о праве. Попытка трактовать ее в русле политологии была предпринята при рассмотрении романа Р.П. Уоррена «Вся королевская рать», созданного на материале биографии знаменитого американского политика 1930-х Хью Лонга. Этот возможный кандидат в президенты США был убит на взлете своей яркой карьеры. В статье, анализирующей фабулу романа, отмечалось: «В пиковых нагрузках политического процесса, в частности при вхождении во власть, имеет место именно констелляция социальных технологий в политике (политтехнологии при этом отнюдь не играют ключевой роли) и суггестии. Только при высокой степени второй работают первые, и наоборот: можно утверждать, что связь между ними носит реципрокный, то есть взаимно усиливающий, характер.

¹⁶ Беркли 1978: 56.

¹⁷ Сам Беркли, как отмечал А.Ф. Грязнов в комментариях к его трудам [Беркли 1978: 533], будучи епископом англиканской церкви, не чуждался работы в данном направлении, доказывая место суггестии в «языке Творца», то есть Бога, созидającego вещи как комплексы ощущений.

Образно говоря, успешность продвижения по намеченной политической колее – восходящей и одновременно быстрой – гарантируется равномерным нажатием обеих педалей велосипеда»¹⁸.

Более любопытно и, на наш взгляд, весьма плодотворно привлечение понятия суггестии отечественным правоведом П. Крашенинниковым, который обнаруживает этот феномен всегда и везде. В своей монографии «Зарождение права» он подчеркивает: «Религиозная мифология, мифы не только разделяют картину мира на "своих" и "чужих", но и обнадёживают человека. Таким образом, наряду с источником власти, основанном на насилии и авторитете, возникает новый – суггестия (убеждение)»¹⁹. Лет сто тому назад суггестия, по убеждению Крашенинникова, еще раз встряхнула систему права в ходе принятия Конституции 1918 г.: «Большевики должны были овладеть источниками власти – насилием, суггестией (внушением) и правом. В.И. Ленин это хорошо понимал»²⁰. Суггестивные моменты, согласно Крашенинникову, корректируют и многие нормы семейного права. Остается добавить, что в начале февраля 2020 г. он выступил против во многом вызванного суггестией стремления внести в число поправок к Конституции слово «Бог», считая, что его место в душе, а не в юридическом тексте. Поправка все же прошла, но, думается, Конституции от этого святее не стала...

Зачем мнутятся народы?

Перед осмыслением диалектики суггестии и контрсуггестии – два слова о приведенном эпиграфе. В нем дано ощущение тревоги и непонятности относительно мнущегося поведения народов («языцев») и тщетных замыслений племен («людиев»), выраженное древнеиудейским царем Х в. до н.э. Давидом. Все они всегда приходили в волнение, подвергаясь тщетным иллюзиям. Иными словами, испытывали суггестивные воздействия, а на их фоне лишь зачатки контрсуггестии. Конечно, эти воздействия выводились, в первую очередь, из объективных факторов, включая необходимость борьбы за источники существования, но также из того же фиксируемого Поршневым социально-психического стремления к превосходству. Во многом именно суггестивный характер воздействий побуждал элиту и массы, героев и толпу, властителей и подвластных поступать «праведно» (по убеждению одних истолкователей) или «грешно» (по мнению других), действовать так, а не иначе.

Современные СМИ вносят качественные изменения в обоснование любых действий, используя при этом упомянутые выше приемы инфодемии. Для их оправдания отдается приоритет виртуальным реальностям с использованием таких квазиубеждающих слов как, к примеру, «гуманитарные бомбардировки» или «принуждение к миру» во имя «ценностей демократии», «санкционный режим» и т.п. Они в качестве навеса суггестии надстраиваются над действительным положением ве-

¹⁸ Задорожнюк 2019: 59.

¹⁹ Крашенинников 2016: 30.

²⁰ Крашенинников 2018.

щей – и доказательства социальной деструктивности подобных оправданий обнаруживаются с пугающей быстротой.

Исходя из вышеизложенного, а также из рассмотрения разнородных исторических свидетельств, постараемся еще раз обосновать настоятельность введения в глоссарий современных социальных наук терминов «суггестия» и «контрсуггестия». Памятуя, что доминирование механизмов суггестии, главным образом в самом начале человеческой истории, убедительно отмечено именно Поршневым, для уяснения диалектики суггестии и контрсуггестии следует учесть специфику проблем, которые он рассматривал, когда поставил перед собой «еретическую» задачу – значительно укоротить человеческую историю по сравнению с распространенными в науке представлениями, ее удлиняющими. Эта задача имеет двуединый характер, ибо «если бы это позволило правильнее видеть историю в целом, то тем самым увеличился бы коэффициент прогнозируемости»²¹. Вывод креативен как раз вследствие своей парадоксальности: видение начал детерминирует и постижение конца, что не значит – его приближение (по крайней мере, для человека разумного).

Поршневым подчеркивается: «палеонтология гоминид в течение XX века неумоимо удлиняет время существования человека и тем самым его историю», но если ее начало теряется в таком тумане, то и ее будущее таится во мгле. Длительность же пребывания человека на земле в течение неполных 100 лет возросла от 1 до 2 млн. лет, его останки надеются найти и в третичном периоде; так и просится аукционное выражение: Кто больше?... «И вот, – пишет ученый, – 17 лет тому назад я отважился поднять голос за обратную перспективу: за решительное укорочение человеческой истории на полных два порядка»²². Не все специалисты по антропогенезу приняли эту констатацию. Мы же приводим ее для постижения феномена суггестии, начиная с ее зарождения, и возможных суждений о возникающих вслед за этим элементах контрсуггестии.

Сплачивающая функция суггестии описана Поршневым во всей полноте, причем особо подчеркивается: «Суггестия вполне находит себя, когда она властна не над беззащитными, а над защищенными»²³. Так было, так есть, так и будет: механизмы суггестии – вечны, а их властность над защищенными – само собой разумеющееся свойство социума. Однако если суггестия предельно упрощается (и уплощается), то тормозится развитие самой жизни. Кто-то это осознает – и задумывается, допускает Поршневым, причем так бывает всегда: и в начале человеческой истории, когда суггестия выступала как фатум, и на высоких ступенях ее развития, когда мало кто признает, что находится под ее «слепым» воздействием. Контрсуггесторы находятся тоже всегда – и начинают или загадочно молчать, не разделяя общих тревог и упований, или искать другие места для своего обитания. Согласно Поршневу, такого рода

²¹ Поршневым 2014: 29.

²² Там же: 58-59.

²³ Там же: 497.

молчание – «ворота к мышлению»²⁴, а перемещения «мятущихся языков» (миграции этносов) – один из плодов того же мышления. Не всякая рыба ищет где глубже, и не каждый человек – где лучше, но второй, выбирая пути жизненных перемещений (включая, выражаясь языком социологии, траектории горизонтальной и вертикальной социальной мобильности), проходит, прежде всего, через упомянутые ворота. Так было постоянно, и развитие контрсуггестии после отворения «ворот» в ходе уже писаной истории предопределяло становление новых отношений между людьми. Ее суть в том, афористически утверждает Поршневу, что «контрсуггестия побеждала суггестию, вещи побеждали слова. Это принадлежит к очень глубоким чертам истории как цельного процесса»²⁵.

Размышления о подобной цельности историк отдают на откуп философам, считая не совсем серьезными теории о конце истории в духе хотя бы Ф. Фукуямы²⁶. Работы Поршнева предостерегают его коллег от подобной расточительности. Особенно в наши времена, когда постоянно образуются и новые способы манипулирования поведением людей через организованные влияния на них; сегодня – в форме улавливающих умы виртуальных социальных сетей. Поэтому контрсуггестия – не подарок свыше или некое заимствование извне, не результат лишь подражания или итог только научения, во многом она – плод индивидуализированных мыслительных усилий. И если сегодня самооправдание (рационализация, по З. Фрейду: как-де такого не обождать – он ведь плохой человек) – плод суггестии, основанной зачастую на массовой пропаганде, то «самостоянье человека» (по Пушкину) – плод его личных мыслительных усилий в духе контрсуггестии.

Вспомним механизмы воздействия суггестии, в прямом и в обратном направлениях, в романе Л. Толстого. Мобилизовав русских, ее сила погнала их вместе с другими народами против «узурпатора», включая тех, которые вчера еще признавали Наполеона «императором». Комментируя ответы на им же поставленные вопросы, Толстой пишет о странности и комизме современных ему социальных мыслителей: «Новая история подобна глухому человеку, отвечающему на вопросы, которых никто ему не делает»²⁷. Младшая дочь Толстого, комментируя описываемые в романе события, соотносила с суждениями отца свои наблюдения относительно надвигавшейся революции в 1916 г. «Где-то что-то назревало большое, неизвестное, страшное, страшнее войны... А люди в тылу жили по-прежнему: напивались, с жадностью гонялись за лишним рублем, беспечно веселились, читали газеты...»²⁸. Остается доба-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же: 507.

²⁶ Сам создатель указанной концепции признал неизбежность появления новых угроз и призывов к консолидации человечества. См.: *Философский словарь* 2021: 849. Пользуясь лексиконом Поршнева, можно утверждать, что Ф. Фукуяма из ультраконтрсуггестора стал просто контрсуггестором.

²⁷ Толстой 1963: т. VII, 335.

²⁸ Толстая: 2000: 256.

вить: странности и комизм не исчезали и в эти нелегкие времена зарождения того, что можно назвать суггестией революционаризма.

Как ни странно, едва ли не впервые с должным вниманием соответствующие страницы романа прочел Дж. Кейнс, следивший за «победным» шествием того же Запада (с 1914 г. – Германии, а с 1918 г. – стран Антанты) на ту же Россию²⁹. Вот цитата (с вложенной цитатой из Толстого) из известной статьи Кейнса «Россия», напечатанной в 1922 г. в приложении к газете «Манчестер гардиан»: «Величайшие русские сами учат нас понимать великие события истории... Толстой высмеивает историков, чьи ответы “подобны ответам человека, который, глядя на движущееся стадо и не принимая во внимание ни различной доброты пастбища в разных местах поля, ни погони пастуха, судил бы о причинах того или другого направления стада по тому, какое животное идет впереди стада”»³⁰. Кейнс и в других своих трудах солидаризируется со взглядами Толстого, ибо, опираясь на размышления русского писателя и социального философа, английский экономист и социальный мыслитель стремился отгадать тайны прошедшей войны и вытекавшей из нее русской революции, а также определить судьбы нового государства.

В настоящее время оперирование такими мыслительными блоками обнаружить трудно, но поиск новых объяснительных форм ведется с немалой силой, особенно на фоне (псевдо)крушения исторического материализма. Надо ведь, к примеру, хоть как-то объяснить суггестию тотального неприятия России в новом тысячелетии капиталистическими обществами: и на силу свободного рынка уповаает, и ценности демократии признает, и в международные организации, не считаясь ни с чем, вступает – а вот поди ж ты...

Далеко не в полной мере задействован аналитический потенциал идей Поршнева и современными социальными мыслителями России. Нелишне напомнить, что соответствующие суггестии и контрсуггестии механизмы смены массовых настроений держались в поле зрения классиками отечественной исторической мысли Н. Карамзиным, Н. Костомаровым, С. Соловьевым М. Покровским. Придерживаясь разных мировоззренческих позиций, они всегда обращали внимание на то, что можно назвать, пользуясь термином физиолога И. Павлова, сшибкой указанных настроений. О том же писали В. Ключевский, А. Лаппо-Данилевский, М. Любавский и другие историки дореволюционных времен. Достаточно вспомнить взгляды Ключевского на естественные союзы, созданные инстинктами, и искусственные, возникающие в результате сознательной активности. Или перечитать его афоризмы – шедевры не только слова, но и «непривычных» мыслей.

²⁹ Как пелось в революционно суггестивном стихе В. Маяковского: «Шли из шестнадцати разных сторон. Пушка – французская. Английский – танк. Белым папаша Антантовый стан»; поэтическое преувеличение – В. Ленин насчитывал при этом «только» четырнадцать таких «сторон».

³⁰ Keynes 1978: 436.

Суггестия, скандал и провокация

Приведем несколько соображений относительно диалектики суггестии и контрсуггестии на примере пары феноменов – скандал и провокация. Эта диалектика более чем уместна при рассмотрении данных сингулярных, т.е. единичных и зачастую неповторимых (по крайней мере, в феноменальной манифестации) явлений, сомневаться не приходится. При этом, если «скандалы могут и повторяться, лишь слегка модифицируясь от “звезды” к “звезде”, то провокации, особенно влияющие на траектории политического курса, каждый раз надо измышлять, реализовывать и подавать по-новому. Но для анализа и тех, и особенно других, трудно применять устоявшиеся аналитические процедуры»³¹.

Особенно важно проведенное в этом ракурсе выявление А. Дмитриевым механизмов суггестии в возникновении указанной пары и потенциала контрсуггестии в устранении произведенных ею последствий. Он признает: субъектные качества группы развиваются, когда поддерживается её устойчивость через общее видение и функционирование механизма суггестии, постоянно действующей на сознание входящих в нее. Появляются группы, которые спланируются на основе «свободной» связи, и поэтому начинают действовать и механизмы контрсуггестии, при этом не всегда они оказываются «лучшими», а механизмы суггестии – «худшими». Так, сегодня молодежь создает свои, по её мнению, «наконец-то свободные» способы коммуникации и социальные связи, претендуя и на творение нового социального субъекта. Казалось бы, чистая контрсуггестия, но в этой новизне отвергаемые «архаичные» моменты суггестии замещаются другими, поэтому свободный субъект не избавляется от старых ошибок «автоматически»³². Ничто не под луной – но это не фатум, а ход истории, столь же безуспешно удерживающей «старое», сколь и сопротивляющейся «новому» с опорой на механизмы как суггестии, так и контрсуггестии. Многое становится понятным в диалектическом их взаимодействии, если рассмотреть межпоколенческие связи в ракурсе распределительных отношений. Как считает Ф. Шереги, энергия молодого поколения направляется на междоусобный конфликт, как правило, под патриотическим или религиозными (например, войны обедневших рыцарей-крестоносцев) лозунгами. «Эти лозунги не меняют того факта, что основная “статистическая” причина такой войны – стремление старшего поколения избавиться от конкурентов в лице молодого поколения»³³. Суггестия здесь налицо, важны способы выявления её воздействия, что возможно уже через контрсуггестию.

Своеобразно их соотношение в ходе такого сингулярного явления как скандал (можно поэтому говорить о менеджменте скандальности, но не повторяемости одинаковых скандалов), в рамках которого чувства и эмоции конвертируются в конкретные деструктивные действия. Так, со-

³¹ Задорожнюк 2018: 114.

³² Социологическая 2018.

³³ Шереги 2014: 55.

ответствующим образом оформленная информация о проступке может привести к дискредитации лиц, организаций и социальных групп, расколу общественности, а иногда и смене элит³⁴. История демонстрирует целые цепочки такого рода скандалов. Начиная с казуса с драгоценностями, в который была невольнo втянута королева Мария Антуанетта перед Французской революцией в конце XVIII в., и заканчивая скандальным поведением Григория Распутина, менявшего «примеров» (так он именовал премьер-министров) в начале века XX.

Важным условием для разворачивания скандала является наличие публичного пространства для суггестии, где информация о нём может свободно и даже форсированно циркулировать. Эмоциональная реакция публики является источником и любопытства, и негодования. В итоге, распространение даже правдивой информации о проступке способно испортить репутацию фигурантам скандала и подорвать доверие к социальным группам и институтам, которые те представляют – такой информации не доверяют лишь задним числом. Поэтому и современная контрсуггестия – воздействие доводов разума на участников скандальной ситуации – носит крайне сложный характер. Скандал следует просвечивать как раз ее рентгеном, а позитивно ориентированным его участникам в ходе социально детерминированных противостояний необходимо осознать: некоторые скандалы, сигнализируя об обострении проблемы, зачастую способствуют поиску её решения.

Соответствующая функция скандала, равно как и провокации, на лицо, и лицо это, скажем так, наглое – если к нему приглядеться. Механизмы же контрсуггестии к рассмотрению указанного лица не допускаются³⁵. Но как раз такие механизмы в дальнейшем демонстрируют неизбежность нарушения сложившихся веками правил «игры», изменения нравов и обычаев, даже стиля семейных отношений. Так, одной из моднейших разновидностей современного скандала стал харассмент, причем сексуальные притязания мужчин к сослуживицам чаще всего обращаются социально-финансовыми претензиями к мужчинам-«агрессорам». Эта суггестивная атака со стороны ультрафеминистских кругов пока с трудом сдерживается мерами контрсуггестии. Если же уяснить суть происходящего в ретроспективе, то почему, к примеру, не признать: правила поведения мужчин, сформировавшиеся с древних времен, и ранее пересматривались, причем не без помощи женщин. Достаточно вспомнить суфражистское движение на переломе XIX–XX вв. в Европе или ранее – появление «нигилисток» в России 1860-х гг., героинь многочисленных романов, начиная с «Что делать?» Н. Чернышевского. Конечно, они обличались тогдашней печатью, но необычайная активность сегодняшних СМИ и особенно «желтой прессы» относительно харассмента, можно сказать, ультрасуггестивна. И нет контрсуггестора, который определил бы меру вины носительниц агрессивной жен-

³⁴ Дмитриев, Сычев: 2014.

³⁵ Там же.

ственности основного инстинкта, скажем, в случае соблазнительницы Евы и робкого поначалу Адама...

Вместо заключения

Начиная с нового века и тысячелетия нарастает вал суггестивных влияний на общества и государства, регионы и цивилизации, межгосударственные союзы и блоки, которые «сливаются в едином порыве» незнамо для чего. «Языцы шаташся» все сильнее, а «людие» мягутся интенсивнее. Да и носители индивидуальных сознаний не менее подвержены многократно усиливаемым СМИ суггестивным воздействиям. Барьеры контрсуггестии перед ними не то что не возникают – даже их контуры поначалу обнаруживаются с трудом. Если использовать поэтический язык, одна напасть в духе суггестивной инфодемии сменить другую спешит, дав разуму полчаса... Впервые появившаяся в новейшем издании «Философского словаря» персоналия о Поршневе отмечает новое звучание идей великого историка «в связи с надстраиванием механизмов суггестии посредством новейших информационно-коммуникационных технологий, что затрудняет контрсуггестию на индивидуальном и групповом уровнях»³⁶. Работа Поршнева полувековой давности в данном направлении востребована и по этой причине: сегодня нужен широчайший и углубленный анализ того, что можно назвать «двухэтажной суггестией» – в эпоху постиндустриального (или как его часто и почти синонимично именуют – информационного) общества над реальным освещением событий надстраивается большой навес из домыслов и ложных интерпретаций, которые носят в основном социальное деструктивный характер. Та же пандемия: угрозы вымирания – как в эпидемию чумы двух третей населения или смерти десятков миллионов от «испанки» – по всей видимости нет, но страхи в ходе инфодемии, резонируемые СМИ и сетевыми структурами, делают то, что выражается в характеристике шахматной игры словами: угроза страшнее нападения.

Остается надеяться, что подобные приливы суггестии не станут вечными и даже достаточно длительными; подтверждение этому – исторический опыт и неустрашимый инстинкт самосохранения человека и человечества. Однако разбираться в природе этих приливов все же нужно – причем на уровне и социальной психологии, и психологии личности, а также всех социальных (и не только социальных) наук. Суггестия и контрсуггестия в этом плане – предмет поистине комплексного научного анализа, включая элементы анализа социобиологического. Горизонты последнего в отечественном социальном познании пока не определены, но ряд исследователей их нащупывает.

Добавим от себя в русле размышлений о социологии революционизма, рассмотренной в предшествующей статье. В 1990-е суггестия перестройки оказалась связанной с перестройкой суггестии. В итоге наши люди стали так переживать взыскание правды, что, подобно глу-

³⁶ Философский словарь 2021: 583.

повцам Салтыкова-Щедрина, перестали сеять хлеб, бросая злаки в целину. Они же столь осмелели, что устраивали гульбища с иноземными артистами; настолько «поумнели», что особо не задумывались о будущем; столь поддались поклонению мамоне, что заботу о духовном передали юродивым и нищим... Кроме этого, глуповцы всегда оставались легковверными, любя выдавать суггестию авансом. Так, один из первых градоначальников (глава «Органчик») еще только подъезжал к городу Глупову, а его жители уже величали его «красавчиком» и «умницей», поздравляя друг друга с радостью. Как говорится, «вскую шаташась языцы» – а в переводе на современный русский, чему радовались?...

К каким последствиям это приводило нетрудно представить, но, переходя на язык науки, нужно признать, что оказывались действенными и механизмы самоспасения. Они носили едва ли не социобиологический характер, их продуктивность обеспечивалась своеобразной диалектикой суггестии и контрсуггестии.

В целом же соответствующий концепт Поршнева и рядоположные ему понятия – необходимый и даже неустранимый элемент анализа социального развития общества. Если человек подвергается суггестии, то он вполне может противостоять ей, опираясь на контрсуггестию; если же это затруднительно по причине малого социального опыта, то допустимы даже контрконтрсуггестивные действия. Ведь как раз они, по Поршневу, сдерживают то, что можно назвать ослепляющим светом разума, зачастую сгущающим тени – достаточно вспомнить, что теневой стороной революции как раз и может явиться террор во имя новизны.

Чтобы «заколыцевать» эпиграф и ярче воспринять диалектику суггестии и контрсуггестии, припомним еще один псалом (предшествующий приведенному в эпиграфе) и приведем их по-старославянски – без обращения к синодальному переводу Псалтыри (так они звучат убедительнее): «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста». Ибо такой муж во многом – контрсуггестор, человек мыслящий, а не тщетно мятущийся.

Остается кроме этого надеяться, что яркая страница истории идей, внесенная Борисом Федоровичем Поршневым полвека тому назад, будет дописываться в ходе комплексных исследований, обозначаемых концептом «суггестия», а также понятиями «контрсуггестия» и даже «контрконтрсуггестия».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 556 с. [Berкли Dzh. Sochineniya. M.: Mysl', 1978. 556 s.].
- Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни // Природа. 1990. № 7. – URL: <http://n-t.ru/nj/pr/vs.htm> (дата посещения: 25 августа 2020). [Bexterev V.M. Rol' vnusheniya v obshhestvennoj zhizni // Priroda. 1990. № 7. URL: n-t.ru/nj/pr/vs.htm (data poseshheniya: 25 avgusta 2020)].
- Большая психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 542 с. [Bol'shaya psichologicheskaya enciklopediya. M.: Eksmo, 2007. 542 s.].

- Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс. 1977. 412 с. [Bruner Dzh. Psihologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoj informacii. M.: Progress. 1977. 412 s.].
- Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1-2. М.: Мысль, 1971. 590 с. [Bekon F. Sochineniya v dvux tomax. T. 1-2. M.: Mysl', 1971. 590 s.].
- Великие мыслители Запада. Под ред. Я. Мак-Грилла. М.: КРОН-ПРЕСС. 1999. 796 с. [Velikie mysliteli Zapada. Pod red. Ya. Mak-Grilla. M.: KRON-PRESS. 1999. 796 s.].
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ЦСПиМ. 2014. 323 с. [Dmitriev A.V., Sychev A.A. Skandal. Sociofilosofskie ocherki. M.: CSPiM. 2014. 323 s.].
- Задорожнюк И.Е. На пути к социальной сингуляристике: анализ феномена провокации // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 111–116. [Zadorozhnyuk I.E. Na puti k social'noj singulyaristike: analiz fenomena provokacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 111–116.].
- Задорожнюк И.Е. Вхождение во власть: констелляция социальной технологии и суггестии // Социальные технологии, исследования. М., 2019. № 1. С. 47–59. [Zadorozhnyuk I.E. Vxozhdenie vo vlast': konstellyaciya social'noj tehnologii i suggestii // Social'nye tehnologii, issledovaniya. M., 2019. № 1. S. 47–59.].
- Задорожнюк Э.Г., Задорожнюк И.Е. Феномен суггестии и контрсуггестии войн и революций глазами писателей // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 23–40. [Zadorozhnyuk E.G., Zadorozhnyuk I.E. Fenomen suggestii i kontrsuggestii vojn i revolyucij glazami pisatelej // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 70. S. 23–40.].
- Крашенинников П.В. Зарождение права. М., 2016. 288 с. [Krashenninnikov P.V. Zarozhdenie prava. M., 2016. 288 s.].
- Крашенинников П. Закон без права // Российская газета. 10 июля 2018 г. [Krashenninnikov P. Zakon bez prava // Rossijskaya gazeta. 10 iyulya 2018 g.].
- Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М.: Мысль, 1971. С. 7–35 [Porshnev B.F. Kontrsuggestiya i istoriya // Istoriya i psihologiya. M.: Nauka, 1971. S. 7–35].
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Академический проект. 2014. 714 с. [Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsixologii). M.: Akademicheskij projekt, 2014. 714 s.].
- Рассел Б. Мудрость Запада. Пер. с англ. М.: Республика, 1998. 479 с. [Russel B. Mudrost' Zapada. Per. s angl. M.: Respublika, 1998. 479 s.].
- Резник М. Фейки в глобальной деревне. Как соцсети разносят инфодемию и чем ее лечить // Российская газета. 4 декабря 2020. [Reznik M. Fejki v global'noj derevne. Kak socseti raznosyat infodemiyu i chem ee lechit // Rossijskaya gazeta. 4 dekabrya 2020.].
- Социологическая мозаика – 2018. / Дмитриев А.В., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т.; предисл. М.К. Горшков. М.: КНОРУС, 2018. 242 с. [Sociologicheskaya mozaika - 2018. / Dmitriev A.V., Ivanov V.N., Toshhenko Zh.T.; predisl. M.K. Gorshkov. M.: KNORUS, 2018. 242 s.].
- Толстая А.Л. Дочь. М.: Вагриус. 2000. 572 с. [Tolstaya A.L. Doch'. M.: Vagrius. 2000. 572 s.].
- Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1963. 496 с. [Tolstoj L.N. Vojna i mir // Sobranie sochinenij v 20 tomax. T. 7. M.: GIXL, 1963.496 s.].
- Философский словарь / Под ред. А.А. Гусейнова, Ю.Н. Солодухина. М.: Мир философии. 2021. 944 с. [Filosofskij slovar' / Pod red. A.A. Gusejnova, Yu.N. Soloduxina. M.: Mir filosofii. 2021. 944 s.].
- Шереги Ф.Э. Аксиоматизация социологии // Социальные технологии, исследования. 2014. № 5. С. 44–64. [Sheregi F.E. Aksiomatizaciya sociologii // Social'nye tehnologii, issledovaniya. 2014. № 5. S. 44–64.].
- Keyns J.M. Russia // The Collected Writings. Vol. 18. L.: The Royal Economic Society. 1978. P. 436–437.
- The Oxford English Dictionary. Vol. XVII. L.: Clarendon Press, 1989. 1015 p.

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, заведующая, Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, elzador46@mail.ru

Задорожнюк Иван Евдокимович, доктор философских наук, зам. заведующего, Отдел социально-гуманитарных журналов, Национальный исследовательский университет «МИФИ», zador46@yandex.ru

Is there a demand for “suggestion” and “counter-suggestion” concepts in modern social science?

The article considers a number of ideas by B.F. Porshnev set forth 50 years ago in his article "Counter-suggestion and History", as well as its role in the history of ideas, especially in connection to the dynamics of social changes analyzed, in particular, in the works by Russian historians. The urgency of introducing the concept of "Suggestion" and the notion of "Counter- Suggestion" into the glossary of modern social sciences is justified, as well as their relevance is shown in a wide range of historical material and fields of interaction of social subjects. It is noted that Suggestion and opposing Counter-Suggestion permeate mass moods and affect all social relations, especially in crisis moments. Attention is drawn to the phenomenon of infodemia, which, according to the World Health Organization, exacerbates the manifestations of the coronavirus pandemic, as well as its correlation with suggestion.

Keywords: social sciences, history of ideas, psychology, anthropogenesis, dialectics of suggestion and counter- suggestion, infodemia, counter-counter- suggestion.

Ella Zadorozhnyuk, Dr.Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies RAS, elzador46@mail.ru

Ivan Zadorozhnyuk, Dr.Sc. (Philosophy), Deputy Head of the Department of Social and Humanitarian Magazines, National Research Nuclear University «MEPhI», zador46@yandex.ru

ИСТОРИЗМ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XIX – НАЧАЛА XX В. ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ

В статье исследуется становление междисциплинарности в интеллектуальной истории XIX – начала XX в. Методологическим основанием историзма этого периода, соединяющего различные области исторических, филологических, социальных наук и психологии, стала идея связи человека со временем его жизни и рефлексивно со временем культуры и социума (концепт «человек во времени»). Философия абсолютного идеализма Гегеля принимала человека только как «чистую» природу, как рациональность. Показана трансформация понимания человека от «великого характера» в гегелевской философии истории к человеку времени ренессансной культуры Я. Буркхардта, сверхчеловеку будущего в философии Ф. Ницше и к целостному человеку во времени социума и культуры в науках о духе В. Дильтея. При всем различии трех концепций выявлено сходство методологических оснований в установлении связи человека со временем его жизни и историческим временем культуры и в принятии идеи человека как фундаментальной для различения эпох или типов в истории культуры. Автор считает, что Дильтей дал первый опыт философского обоснования наук о духе как междисциплинарного гуманитарного проекта, в центре которого находилась идея целостного человека времени своего «жизнеосуществления», и определил историзм как смысл гуманитарного знания в целом.

Ключевые слова: историзм, междисциплинарность, человек во времени, история культуры, время и вечность, науки о духе, герменевтика, "жизнеосуществление", Г.В.Ф. Гегель, Я. Буркхардт, Ф. Ницше, В. Дильтей

Время и человек вступают между собой в великое, таинственное соглашение
Якоб Буркхардт. Размышления о всемирной истории

Что есть человек, говорит его история
Вильгельм Дильтей. Введение в науки о духе

Жизнь человека во времени есть безусловная предпосылка любых эпистемологических решений. Время определяет границы человеческой жизни. Внутри этих границ человек живет, участвуя в создании времени социума и культуры, которое принадлежит не только ему, но и другим. Человек и социум «временны» по-разному. Темпоральность как феномен человека – предмет широкого круга исследований: выясняется ли принадлежность человека к «своему поколению» или исторической эпохе, исследуется ли его социальная или культурная идентичность, пишется ли его биография или создается футурологический проект его Hi-tech будущего. В современный историзм связан с пониманием линейной и нелинейной темпоральности¹, обсуждаются проблемы времени истории и времени историка. Актуально различие в способах отношения к истории: 1) как исследованию прошлого «как оно было на самом деле»; 2) как реконструкции в настоящем прошлого, в каком оно нуждается; 3) как актуализации прошлого для моделирования будущего². В этом

¹ Румянцова 2010: 25–48.

² Чеканцева 2010: 71.

контексте проблема человека во времени, продумывание, определение и обоснование ее места в междисциплинарном гуманитарном знании или отказ ее замечать, как в теории, так и в методологии, безусловно, является маркером сохранения или отказа от историзма³.

Работая с темпоральностью, философия истории и исторические исследования сегодня, как и двести лет назад, представляют разные программы. Важно, нуждаются ли эти программы друг в друге⁴. Уместно вспомнить отмеченное Августином различие в постановке вопроса о времени и ответа на него: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»⁵. Августином же определена и смысловая парность: время и вечность. Однако историк не может не сказать о времени, ибо в этом его ремесло: извлекать из вечности время.

Историзм как методологическая процедура представления времени в формах мысли в европейской философии относится к XIX в. В трудах Гегеля убедительность историзма мысли держится не только на строгой архитектонике системы Абсолютного идеализма. В «Науке логики» Гегель теоретически выстроил как необходимый и потому закономерный процесс предшествующего-настоящего-последующего шагов в движении «чистой» мысли, обретающей понятийный язык в логических формах. Процесс этот структурируется, каждый разрыв «постепенности» находит свое категориальное закрепление в длительном и прогрессивном движении мысли от «бытийности» к «понятийности». Процессуальный и логически узаконенный способ существования мысли закрепляет «историзм» сменяемости ее форм, эксплицирующий саму логику. Гегель разработал универсальный механизм необходимой связи этапов движения мысли в форме «триад», применяя известную схему тезис-антитезис-синтез. Преобразуя формально-логическую структуру аристотелевской логики, он создал иной способ анализа мыслительных процедур, который позволил представить логику как диалектику – противоречивый и саморазвивающийся процесс движения разума к самопознанию. В «Науке логики» средством описания этой *онтологии* процесса мысли и является историзм. Полнота философской системы дана Гегелем в «Энциклопедии философских наук» и дополнена в лекциях по эстетике, философии права, философии истории и по истории философии. «Диалектическая триада» стала методологическим ключом, открывающим способы построения разных предметных областей знания, т.е. полноту дисциплинарной структуры науки своего времени. Историзм метода, таким образом, вошел в плоть гегелевской системы.

Познание диалектического процесса движения чистых понятий, приводящего к развитию форм духа, нашло свое завершение в высшей идеальности Абсолютного Духа. В системе Гегеля человек интересовал

³ Микешина 1998: 143–160.

⁴ Межуев 2018: 31–44.

⁵ Августин 1991: 292.

философа только его способностью к рациональным формам мысли. Во Введении к «Философии духа» Гегель высказался со всей определенностью об отношении философии духа к человеку: «человекознание»⁶, направленное на исследование особенностей психологических свойств разных людей, не имеет никаких связей с сущностью человека как познающего и самопознающего. Цель многоступенчатого движения от объективного духа через субъективный к абсолютному духу и есть процесс самопознания главной и сущностной идеи свободы, проявляющей себя в абсолютной бесконечности духа. В систематической последовательности понятий в «Философии духа» историзм осуществляет себя опять же по правилам «диалектической триады»: от Субъективного духа, где свобода достигается «как духовное сознание, ставшее *бытием*» к Объективному духу, где абсолютная идея находится в себе: свобода становится понятием, определяющим себя как предметность в праве, нравственности и государстве. Тождество реальности с понятием обретается в самопознании Абсолютного духа в последовательности сменяющихся форм – искусства, религии откровения и философии.

Понимание истории как всемирной истории Гегель дает в конце раздела «Объективный дух». Мирское движение истории осуществляется во времени «определенного духа народа», развитие сознания и действительность которого и составляет его историю. Всемирная история – воплощенная в событиях диалектика (борьба) «отдельных народных духов», которая историей выносится на *всемирный суд*. Свободное действие духа является единственным двигателем всемирной истории, определяющим ее развитие – *начало и цель* (истину), содержащуюся в самом «понятии духа» всемирной истории. Эта цель истории и есть «план providения, она указывает на действие Разума, что, по Гегелю, «с одной стороны, следует считать <...> убедительным предположением, с другой же стороны, это и есть философское познание»⁷.

История дана историку как предмет, в котором «предпосланы» цели Разума, лежащие в основании самих событий. Поэтому для историка невозможны априорные способы исследования или привнесение партикулярных субъективных интересов в свои описания. Историзм историка есть следование началам и целям духа всемирной истории. Гегель писал и о субстанциональной цели народа быть государством, без которого он не может существовать в истории. Допуская, что «в характере выдающихся индивидуумов» может быть выражен «общий дух времени», как и в незначительном событии – «время, народ, культура»⁸, он, однако, оставлял такие подробности и «мелочи» для романов.

⁶ Гегель писал, что в «прагматической разработке» истории невозможно понять «субстанционального характера всемирно-исторических индивидуумов» (Гегель 1977: 8). Идея Гегеля, что великое в истории осуществляется «великими характерами», подчеркивает субстанциональность в отношении знания о человеке.

⁷ Там же: 365-366, 370.

⁸ Там же: 368.

Всемирная история открывает путь к Абсолютному духу. Переход на эту высшую и завершающую ступень движения Абсолютной Идеи происходит благодаря мыслящему духу всемирной истории, который, сбрасывая «ограничения особенных народных духов» и собственный «мирской характер», «постигает свою конкретную всеобщность и возвышается до знания абсолютного духа как вечно действительной истины»⁹. Знающий разум свободен для себя. Природа и история раскрывают его возможности, являясь «сосудами его чести». Нравственные, правовые и религиозные формы являются необходимыми этапами, освобождающими дух для целесообразной деятельности по самоопределению и самореализации, т.е. разумного осуществления своей свободы.

Во втором и третьем разделах «Философии духа» понятийно выстроены формы, содержанием которых стали гегелевские идеи, репрезентирующие состояние европейской интеллектуальной культуры начала XIX в. В них можно видеть внутренние связи дисциплинарных областей гуманитарного знания того времени: права, морали, истории, искусства, теологии и философии. Формы духа объективируются в соответствующих социальных институтах: семья, гражданское общество, государство, правосудие. Синтезирующая роль в гегелевской системе отведена именно философии, находящейся на вершине пирамиды форм Абсолютного духа и осуществляющей рациональный синтез «гуманитарного знания» своего времени в движении к полному обретению свободы духа в философском разуме Гегеля.

Всемирно-исторический процесс, по Гегелю, как можно было видеть, не нуждается в человеке. Человек с его характером столь малая, несовершенная и скоропроходящая частичка, что движение к познанию свободы в Абсолютном духе ею пренебрегает. Заметим, что психология представлена Гегелем в разделе «Субъективный дух» и являет собой синтез антропологии и феноменологии духа. Гегель чрезвычайно строг к «отдельному человеку», самопознание которого оценивается им, в «тривиальном смысле», с высоты «всеобщей интеллектуальной и моральной природы человека», и потому понимается как исследование его слабостей и «погрешностей».

Таким образом, человек во времени никак не включен в движения духа к свободе, оставаясь за пределами разработанной философом системы. Однако отложенные в понятиях политические, нравственные и религиозные качества человека, находят свое закрепление в социальных формах — государстве, законодательстве, нравственных принципах и религиозных истинах. И в этом смысле не случаен гегелевский пример: «...принцип религиозной и нравственной совести становится, в конце концов, одним и тем же, а именно в протестантской совести — свободный дух, знающий себя в своей разумности и истине»¹⁰.

⁹ Там же: 371.

¹⁰ Там же: 381.

Очевидно, никакой иной период истории Европы не сохранил в документах, артефактах, и литературных произведениях такое количество свидетельств неповторимой, свободной и противоречивой индивидуальности. Человек запечатлен искусным в словесном и художественном творчестве, в науке, магии, театральных творениях, в архитектуре и строительстве, обустройстве коммунальных, торговых и ремесленных общин. И, вместе с тем, он – личность предприимчивая, авантюрная, способная к политической интриге, далеким путешествиям, к неожиданным изобретениям, готовая к кардинальным изменениям своей судьбы. Такими были граждане итальянских городов эпохи Ренессанса.

Нельзя сказать, что история Италии этого периода не была предметом изучения европейских историков. Однако книга «Культура Возрождения в Италии» (1860) Якоба Буркхардта заявила новую методологию в исторической науке, основанием которой стала *ценность человека*, живущего в своем времени. Ученик создателя критического историзма Леопольда фон Ранке, Буркхардт нашел научный интерес в античной и ренессансной истории искусств, архитектуры, политической и повседневной жизни Италии. Под пером Буркхардта этот раздел истории претерпел «революционное» преобразование. *Во-первых*, ее предметность уже невозможно было определить «узко»: история искусств перестала быть только описанием видов и стилей, жанров и приемов изобразительности в разных областях художественного творчества. Ее предметность творилась человеком и трансформировалась в область истории культуры. Вне понимания жизни человека писать историю искусства невозможно, счел Буркхардт. На страницах его книги ожили горожане итальянских городов-государств: художники и архитекторы, писатели и поэты, их дамы сердца, торговцы, гуманисты, их поклонники, коллекционеры, служители культа, папы и кардиналы, элита и простые люди. Кредо ученого состояло в том, чтобы показать художника, создававшего шедевры, как результат творения всего строя городской культуры ренессансного времени. *Во-вторых*, Буркхардт полагал, что произведения искусства открывали человеку его собственную природу, «внутреннего» человека, но не на средневековый лад божественного предопределения, а как творца всего разнообразия его собственной жизни. Время, личное время жизни, человек осознал и научился ценить именно в этой культуре. *В-третьих*, свобода в творчестве, в словесном выражении чувств и мыслей, в городском сообществе, в вере и отношении к Божественным силам была понята Буркхардтом как «критерий» достоинства человека.

А что же история как процесс, в который в свое время включаются разные эпохи? Сколь важна для понимания Ренессанса его связь с античностью? Буркхардт полагал, что красота, доступная человеку в его творениях, есть единственно подлинное выражение высшего и истинного. Она противится обнаружению каких-либо закономерностей в своем осуществлении. А потому не нужно думать, что содержание итальян-

ского Ренессанса есть реактуализация античного Рима. Буркхардт, по существу, повторил Гегеля, но в другом материале. Художник, достигая в своем произведении красоты и совершенства, *завершает* работу. Красота, так сказать, не исторична. Всякий раз создается новое творение и новое совершенство. Буркхардт и находит уникальные, характерные только для этой культуры проявления сущности человека-творца. Из них складывается целое – особый тип культуры итальянского Возрождения. И в этом смысле понятен его «эксперимент» во второй главе книги – представить государство как произведение искусства: «В историю вступала новая живая сущность: государство <...> сознательное, основанное на расчете творение»¹¹.

В своем дважды читанном курсе лекций по всемирной истории (1868–1869 и 1870–1871 гг.), который был опубликован уже после смерти, Буркхардт определял движение истории внутренним процессом “жизненных сил”, истощение которых ведет к разрушению и перерыву. Этими силами истории, на его взгляд, являются государство, религия и культура. Их взаимовлияния объясняют многие исторические процессы, которые рассматривались в его курсе специально. В отдельном разделе под названием «Индивид и всеобщее (Историческое величие)», Буркхардт, поставил проблему значения трудов человека-творца за пределами его времени. Речь шла о человеке, наделенном «необыкновенной интеллектуальной или нравственной мощью, чьи деяния затрагивают нечто *всеобщее*, то есть, целые народы или культуры, даже все человечество»¹². Иными словами, такого рода люди обладают не меньшими способностями и жизненными силами, чем государство и культура в целом. Об этом, как помним, писал и Гегель. Буркхардт в деяниях людей-творцов склонен видеть не рациональность, а «таинственный переворот», «преображение» или «повелительное выражение»¹³. Такое понимание человека в истории объяснимо, когда предметом изучения становится ренессансная культура Италии. Как отмечает современный исследователь, «в эпоху Ренессанса впервые зарождается историцизм как искусство оперировать историей ради утверждения ничем не ограниченного достоинства человека»¹⁴. Идея уникальной связи времени человека, наполненного творчеством, и всемирной истории, где остаются его результаты как достояние людей, принадлежащих культурам другого времени, была высказана Буркхардтом в самом жизнеутверждающем смысле. Эта идея не подчиняла человека гегелевскому прогрессу Духа в обретении им свободы в понятиях. Ее смысл состоял в том, что человек в свободном личном творчестве своими действиями осуществлял историю и обретал тем самым свое собственное место в «большом времени». Продолжение этой темы совсем на других основаниях не заставило себя ждать.

¹¹ Буркхардт 1996: 15.

¹² Буркхардт 2004: 181.

¹³ Там же: 182.

¹⁴ Толстенко 2010: 234-235.

Базельский университет был тем местом, где в 1869 г. приглашенный на должность профессора 25-летний Фридрих Ницше имел возможность познакомиться с профессором Буркхардтом. Р. Холлингдейл, известный биограф Ницше, отмечал, что мэтр «присутствовал на вводной лекции Ницше, и юному профессору очень хотелось установить с ним постоянную дружескую связь. Но Буркхардт избегал близкого знакомства»¹⁵. В литературе обсуждаются причины их не сложившихся отношений, идут споры о взаимовлиянии. Ницше, между тем, в «Сумерках богов» (1888) назвал Буркхардта «достопочтенным другом»¹⁶. Бесспорно, их могли бы объединить интерес к философии Шопенгауэра, а через него и абсолютная нетерпимость к философии Гегеля. Известно, что Буркхардт лестно отозвался о сочинении Ницше «Человеческое, слишком человеческое», а также нашел много достоинств в «Рождении трагедии» и «Несвоевременных размышлениях». Холлингдейл, обсуждая взаимоотношения двух профессоров, сделал вывод: «В целом отношение Буркхардта и Ницше к исторической науке сходно»¹⁷. Представляется, что это сходство можно объяснить не только предпочтением или неприятием философских авторитетов. Оба профессора, обнаружив интерес к связи человека и времени, пришли к пониманию культуры, различая ее разные исторические типы в дрящемся, но и завершающем себя времени истории. Внутренняя связь человека и времени культуры, к которой он принадлежит и которую осуществляет в собственной жизни, стала основанием различия исторических типов культур.

В «Рождении трагедии» (1872) Ницше теоретически проработал типологию греческой античности. А еще через два года выразил свое отношение к назначению истории в одном из четырех очерков «Несвоевременных размышлений» (1872–1876), задуманных как осмысление краха надежд, которые Ницше связывал с творчеством Р. Вагнера. К переосмыслению того, что есть человек, в т.ч. в истории, Ницше шел постепенно. В очерках его интересует отношение к истории как возможной реализации целей жизни человека («О пользе и вреде истории для жизни»), т.е. о необходимости знания исторического прошлого в настоящем. Однако помним, какое Ницше дал общее название: размышления *не своего времени* («Unzeitgemässe Betrachtungen»). Современная история как дисциплина, которую читают в университетских курсах, задается вопросом Ницше, выполняет ли она и каким образом задачу реального воздействия на реального человека? Человека «своего времени», имеющего свои жизненные цели и интересы. Ницше различил три возможных способа отношения к историческим трудам в соответствии с жизненными интересами человека: 1) монументальная история – описание деяний великих личностей как пример для будущего; 2) антикварная история – постижение собственного происхождения для тех, кого это

¹⁵ Hollingdale 2001: 52.

¹⁶ Ницше 1990б: 592.

¹⁷ Hollingdale 2001: 52.

интересует; 3) критическая история – суд над прошлым. Ближе всего к неповторимой жизни человека находится монументальная история как «новый вектор», где в центре стоит деятельная жизнь человека. Именно здесь завязывается соединение временного и вечного, как сердцевины его жизни. Ницше подробно цитирует размышления Гёте о назначении истории. Да и как тут не вспомнить труды Буркхардта. «Если человек, – писал Ницше, – желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквария, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, т.е. судящей и осуждающей, истории»¹⁸. Принципиальная разница с университетским историзмом состояла в том, что Ницше ставил проблему жизни человека *в его времени*, а сохранение ценностей и смыслов человеческой жизни в вечности: «То, что однажды помогло развернуть и наполнить еще более прекрасным содержанием понятие “человек”, – писал Ницше, – должно быть сохранено навеки, чтобы вечно выполнять это назначение»¹⁹.

До Заратустры оставалось почти 10 лет. За эти годы Ницше далеко ушел в переосмыслении человека и его назначения, предпочтя вечность времени. «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (1883–1885) стала историей человека по направлению к сверхчеловеку. Первая ее часть еще помнила историю как время «становления и борьбы», путь «наверх», «от рода к высшему роду»: «Так проходит тело через историю, становящееся и борющееся. А дух – что он для тела? Глашатай его битв и побед, товарищ и отголосок»²⁰. И человек еще предполагается к выздоровлению «на земле». Однако программа будущего движения к Сверхчеловеку избранных уже сказана. Все боги умерли. И Заратустра уходит. Вторая часть завершается рассказом-притчей «беседы тишины» с Заратустрой в «самый тихий час». Она беззвучно вменяет ему «теперь повелевать!», и он во второй раз покидает учеников, но еще в «глубокой скорби». Третья часть имеет эпиграф из первой части книги «О чтении и письме»: «Кто поднялся на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены, и жизни»²¹. Ее идею можно понять как расставание с событием, которое уже прожито и описано. Далее только остается свой смех. И он есть отказ от памяти? Последняя глава «Семь печатей (или: пение о Да и Аминь)» в каждом из семи фрагментов имеет рефрен: страстное стремление к «Вечности», к брачному кольцу колец – «кольцу возвращения» и признание в любви к вечности. В этом стремлении разговор тяжел, и вот пророчество: «Пой! Перестань

¹⁸ Ницше 1990: 174.

¹⁹ Ницше. 2009: 85.

²⁰ Ницше 1990а: 54.

²¹ Там же: 108.

говорить!»²². Пой и смейся, но не говори и не пищи. Последняя часть – уход от сострадания к высшему человеку, от Бога и от веры, как «беды» высших людей. К Заратустре пришел Лев, а голуби все прилетали и улетали... «Все это продолжалось или долгое время, или очень короткое время: ибо в действительности *не существует* для таких вещей на земле времени». Заратустра сказал: «час мой пришел! [...] Это *мое* утро, брезжит мой день, *вставай, вставай же великий полдень!*»²³. И с этими словами «сияющий и сильный» как утреннее солнце он покинул пещеру.

Ницше ушел от исторической типологии культуры “Рождения трагедии” к отрицанию несовершенного человека и его времени осмысления к необходимости переоценки всех ценностей культуры. Его философия истории стала историей нигилизма и его перспектив. Как пишет М. Хайдеггер в известной работе, посвященной разбору текста Ницше «Воля к власти», он хотел «увидеть в нигилизме закономерность истории». Хайдеггер, комментировал фрагмент о пессимизме в его двух видах – «как силы» и «как слабости». Пессимизм силы находит себя в «аналитике», позиции, которая позволяет увидеть условия «наперекор всему» обеспечивающие «овладение ходом вещей». Пессимизм слабости «ищет все "понять" и историографически объяснить», а пессимизм упадка «спасается в "*историцизме*"»²⁴. Различая формы нигилизма Ницше, Хайдеггер писал о том, что переоценка ценностей требует времени и потому отказаться от истории невозможно. «История полагания ценностей», замечал Хайдеггер, есть необходимость по смерти Бога, и означает конец метафизики, но «не означает прекращения истории», т.е. «истории будущего». Для Ницше будущее связано со сверхчеловеком.

Однако европейская мысль второй половины XIX в. шла разными путями. Влияние Ницше было многообразно и сказалось в большей степени к началу XX в., причем не только в философии Хайдеггера. Для Шпенглера восприятие типологизирующего метода Ницше в построении морфологии культуры сыграло свою роль. Но традиция научного осмысления того, что есть история, и рационально-философского обоснования концепта «человек во времени» сохраняла свое значение. История как дисциплина явно не захотела согласиться с Ницше в том, что «понимать» и/или «объяснять» есть признак пессимизма.

Вторая половина XIX и рубеж XX в. стали временем интенсивного развития и дисциплинарного определения не только истории как науки; социология, психология, лингвистика, этнография, антропология, история литературы и многие другие области гуманитарного знания искали основания своей теоретической и методологической самостоятельности. Вхождение их в корпус научных и учебных дисциплин остро ставило проблему самоопределения и демаркации пересекающихся предметностей и требовало разработки методологии внутри самих дисциплин.

²² Там же: 166-169.

²³ Там же: 236.

²⁴ Хайдеггер 1993: 93-94.

В 1876 г., когда Ницше завершил последний очерк «Несвоевременных рассуждений», в Англии вышли первым изданием три тома «Оснований социологии» Г. Спенсера. Идея представить в этом сочинении жизнь общества, состоящую из единиц – человеческих индивидов, подчиняющуюся законам биоэволюции, т.е. постепенно меняющуюся, была основательно фундирована предшествующей работой автора. Спенсер описал особенности различных социальных институций, в которые объединялись социальные единицы (люди), от “примитивных” до “цивилизованных” сообществ. Эти описания имели не динамический, а скорее статический характер («Дескриптивная социология» была издана много позже смерти автора), в них активно использовались данные этнографии, истории религии, наблюдений за “примитивными культурами”. «Основания социологии» выстроены на теоретической базе коммуникативных связей образующих сообщества людей, продуктом которой являются разнообразные институции, возникающие и усложняющиеся по мере эволюции социума от семьи до государства. Описание этих институтов содержится в первом томе. Во втором томе речь идет о различении институций по функциональному признаку на «церемониальные» и «политические», которые соответствуют «милитаристским» и «индустриальным» типам обществ. Описаниям религиозных, профессиональных и хозяйственных институций отводится третий том.

Однако не *opus magnum* Спенсера, состоящий из системно представленных описаний сообществ людей, событий, фактов самих по себе, данных в определенной последовательности, а поиск ответа на вопрос, что есть *исторический метод* (“geschichtlichen Methode”), по которому опознаются науки о духе (науки, не философия духа!) стал предметом исследования В. Дильтея. Его увлекали труды немецких просветителей, но более романтиков; он, как и Буркхардт, слушал лекции Ранке, учился у учеников Ф. Шлейермахера и глубоко усвоил как критический взгляд, так и практику протестантской герменевтики. Отсюда берет начало его собственный опыт исторических и психологических занятий, как он писал, *посвященных человеку как целому*. И так распорядились время и судьба, что в 1867 г. он был приглашен в Базельский университет.

Определяя философскую программу Дильтея, Н.С. Плотников считает, что она направлена на «формулирование нового основоположения познания в целом, ориентированного на исторический и практический характер человеческой жизни и ее структурных форм»²⁵. Таким образом, именно человек во времени его жизни становится в центр дильтеевского философствования, определяя его как философа жизни. Что же касается исторического, практического и структурного описания ее форм, то Дильтей предугадал три важнейших направления философии XX века: экзистенциализм, прагматизм и структурализм, каждое из которых по-своему отнеслось к историзму как методу. Человек понимался

²⁵ Плотников 2000: 14.

Дильтеем как «воляще-чувствующе-представляющее существо»²⁶. Рассуждая о методе на собственном опыте историка, «описательного психолога», историка науки и культуры, Дильтей центрировался на мыслеобразе действующего и чувствующего человека в его жизни. Историзм как метод, обладает способностью соединения наук о человеке в единое целое, структурно моделируя их отношения в соответствии с многообразием сил и способностей, присущих человеку.

Как же следует строить работу ученого-гуманитария? Ответ Дильтея формирует междисциплинарную стратегию, много опережающую осознанную готовность гуманитариев к синтезу: «...каждую составную часть современного абстрактного, научного мышления я соразмеряю с целым человеческой природы, какою ее являют опыт, изучение языка и истории». Опыт человека, язык и история – из них складывается «образ действительности» в процессе ее познания. «Внешняя» действительность дается в самой жизни. Человек синтезирует в себе всю сложность жизни как внешней, так и внутренней, как собственной, так и понимающей других людей. Таким образом создается «живое единство личности», включающее: 1) внешний мир, 2) индивидов вне нас, «их жизнь во времени» 3) их взаимодействие. Это единство опирается на «целостность человеческой природы, которая в воле, ощущении и представлении лишь развертывает различные свои стороны»²⁷.

Замысел Дильтея – критическое раскрытие возможностей «исторического разума». Дильтею принадлежит формула: *что* есть человек, говорит его история. И это новое основание философии истории для выстраивания методологии исторического познания. Согласно Плотникову, этот тезис действует «против идеи абсолютной достоверности самосознания в том виде, как она была сформулирована философами от Декарта до Гуссерля»²⁸. Не только самосознание, но идентичность человека в истории его жизни открывала широту исследований, как в предметной специфике, так и в общем синтезе гуманитарного знания. Оценка методологии Дильтея как пионерской, как мне представляется, абсолютно верна. Его выстраивание наук о духе являет в европейской интеллектуальной истории первую попытку осознания необходимости и продуктивности междисциплинарного синтеза гуманитарных наук, проективность которого задана временем «жизнеосуществления» человека. Обосновывая движение мысли от дескриптивной психологии, опирающейся на факты в событиях человеческого опыта, к новому содержанию антропологии, Дильтей утверждал, что биография отдельного человека по своей информативной и научной значимости в общей историографии «соответствует статусу антропологии внутри теоретических наук об исторически-общественной действительности»²⁹.

²⁶ Дильтей, 2000: 274.

²⁷ Там же.

²⁸ Плотников 2000: 13.

²⁹ Дильтей 2000: 310.

Доверие к индивиду как опытному источнику социально-исторического знания Дильтей строил, обращая внимание на направленность его деятельности как внутрь социума, так и на состояние его собственного духовного мира. Познавательные способности человека он называл действием «созерцающей интеллигенции»³⁰. Они имели и прагматический эффект, расширяя научные знания, совершенствуя мораль, право, формируя новые возможности социального и интеллектуального развития. Демонстрируя прагматизм интеллекта человека в разные периоды истории европейского духа, Дильтей отмечал продуктивность результатов, относя к ним риторику и логику, эстетику и этику, юриспруденцию и «науки о государстве», естествознание, историографию, и философию.

Онтология духовной жизни нашла обоснование в «Описательной психологии» (1894) в тесной связи с разработкой Дильтеем нового метода. Вообще психология как дисциплина, обретающая собственную предметность на рубеже XIX–XX вв., породила немало эпистемологических и методологических дискуссий относительно определения ее статуса, естественнонаучного или гуманитарного. Согласно Дильтею, описательная психология способна дать такое знание, прежде всего в методологии, которое сделает историю наукой о духе. Различая объяснительную и описательную психологию по их методу, Дильтей видел в психической структуре целенаправленность, через которую организуется не только внутренний, но и внешний опыт человека. Целенаправленность структурно связана с ценностью, переживаемой в жизни человека его чувствами и побуждениями. Сама психическая жизнь неделима и есть комплекс, внутренне связанный и структурированный. Дильтей рассматривает временное развитие этой связи. Эта внутренне-внешняя конструкция психической жизни человека позволяла заключить о целостности и единстве самого процесса гуманитарного познания. Дильтей заключает, что «никакое разграничение по специальностям тут ничего поделаты не может: как культурные системы – хозяйство, право, религия, искусство и наука – и как внешняя организация общества в союзы семьи, общины, церкви, государства, возникли из живой связи человеческой души, так они не могут, в конце концов, быть поняты иначе, как из того же источника»³¹. И этим источником является жизнь человека.

Дильтеевский историзм опирался на «понимающий» метод. Как правило, его разработку связывают с кругом герменевтических проблем и исследованиями литературных текстов как еще одним источником знаний о человеке во времени. Дильтей вошел в эту проблематику, участвуя в конкурсе, посвященном герменевтике Шлейермахера (1860). Герменевтический метод работы с текстом захватил Дильтея, он продолжил исследования, сопоставляя опыты интерпретации текстов в протестантской традиции³². Толкование литературных текстов и других

³⁰ Там же: 314.

³¹ Дильтей 1996: 20-21.

³² Дильтей 2001а.

письменных источников привело к анализу «правил» герменевтической науки в известной статье «Возникновение герменевтики» (1900)³³, где были продолжены поиски доказательств выбранной им методологии для синтеза наук о духе. Занимаясь построением (Aufbau) наук о духе с позиций историзма, Дильтей продолжил описание и анализ психической жизни человека как задачу дальнейшего синтеза гуманитарного знания в своей последней работе «Построение исторического мира в науках о духе» (1909–1910)³⁴. Герменевтика как способ понимания любых «жизнепроявлений» человека опирается на дескрипции связей его психической жизни. Разработка этого феномена приводит Дильтея к пониманию целого и частей, прерывного и незавершенного процесса, и их взаимосвязей. Таким образом, по Дильтею, постижение «структурной взаимосвязи жизни» – начиная с психической взаимосвязи и заканчивая взаимосвязью истории – есть задача по своему существу и герменевтическая, и, как видим, междисциплинарная.

Определяющими в герменевтике являются, *во-первых, связь (взаимосвязь)* в явлениях духовной жизни, которая строится на понимании связи психической стороны жизни человека («внутренней связности в нас самих») со всем комплексом наук о духе: «Взаимосвязь жизни дана нам лишь потому, что сама жизнь есть структурная взаимосвязь, в которой переживания сопряжены друг с другом так, что эти связи могут переживаться. Эта взаимосвязь постигается с помощью всеобщей категории, которая позволяет высказываться обо всей действительности, – категории отношения целого к частям...»³⁵. В.В. Биbihин подчеркивает, что, для Дильтея, жизнь не есть комплекс, а «связный комплекс». Не может быть «упорядочивание» материала извне, ибо «каждый факт, тем более каждый акт идут от связи и складываются из наслоения связей». Биbihин прочитывает эти наслоения как движение к «связи всех связей», «живой связи человеческой души», «связи в живом сознании»³⁶. *Во-вторых, переживание (Erlebnis)*, как включенность жизни в саму себя *в ее интенсивном моменте*, т.е. «пере-живание как превосхождение жизни ею же самой»³⁷, что гарантирует жизненную связь, закрепляет ее. Связь и есть синтез, то, что ведет к пониманию единства мира. *В-третьих, через понимание (Verstehen)* осознаются связи, представляя живую работу сознания. На этих основаниях и строятся науки о духе Дильтея в единстве философии и гуманитарных дисциплин. Герменевтика центрировала их отношения, как отметил Плотников, решая две задачи: «между общефилософским прояснением отношения жизни и познания, с одной стороны, и практикой гуманитарных наук, с другой»³⁸.

³³ Дильтей 2001: 235-262.

³⁴ Дильтей 2004.

³⁵ Дильтей 2000: 244.

³⁶ Биbihин 2001: 513.

³⁷ Там же: 514.

³⁸ Плотников 2000: 12.

К началу XX в., как известно, методология гуманитарных наук широко обсуждалась неокантианцами. В. Виндельбанд дискутировал с Дильтеем о методах в науках о духе и о природе, а также о специфике гуманитарного познания. Кризис позитивистской историографии заставил историков искать новые методологические опоры исторических исследований. Стало очевидно, что без концепта «человека во времени» XX веку было уже не обойтись: начало и конец его симметричны в поисках средств и методов для описаний «жизнеосуществления» человека, понятно, разными средствами. И школа «Анналов», и структуралистские штудии ранних обществ с их мифологиями и ритуалами, и религиозная антропология, и история идей, и этническая психология, и устная история – каждое направление исследований по-своему исходило из модели человека в его жизни и времени.

«Новый историзм» конца XX – начала XXI в. междисциплинарен своим разнообразием методов: интерпретация, дискурсивность, биография, реконструкция контекста времени текста и жизни автора и т.д. возвращают интерес к человеку и его времени. На этих путях вновь история встречается с филологией, внимание к языку ведет в словари, а потому и в лингвистику, а человек со всем его осознанным и бессознательным опытом равно принадлежит и истории, и психологии, и социальной истории, и философии. История телесности и визуальных практик также внесла свою лепту в снятие дисциплинарных границ в гуманитарном познании. И теперь, когда историки обсуждают отсутствие каузальности в исторических дискурсах, концепт «человек во времени» как основание интерпретации его целостности, представляется своего рода «путеводной нитью», чтобы вовсе не уйти от *опыта философии*. Дильтеевские идеи, как представляется, сохраняют продуктивность целостности человека во времени своего «жизнеосуществления», актуализируя историзм в гуманитарном познании.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Августин А. Исповедь // Памятники религиозно-философской мысли. М.: «Ренессанс». 1991. 488 с. [Avgustin A. Ispoved' // Pamyatniki religiozno-filosofskoj mysli. M.: "Renessans", 1991. S. 488].
- Бибихин В. Герменевтика и эстетика в творчестве Дильтея // Герменевтика и теория литературы. Собр. соч. в 6 т. Т.4. / Ред. В.В. Бибихина и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 510–524. [Bibikhin V. Germenevika i estetika v tvorchestve Dil'teya // Dil'tey V. Germenevika i teoriya literatury / Sobr. soch. v 6 t. T. 4. / V.V. Bibikhin, N.S. Plotnikov. M., Dom intellektual'noy knigi. 2001. S. 510-524].
- Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. Серия: Лики культуры. М.: Юрист, 1996. 591 с. [Burkhardt, J. Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii / per. s nem. N. N. Balashov, I.I. Makchan'kov. M., Yurist. 1996. 591 s.].
- Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с. [Burkhardt J. Razmyshleniya o vsemirnoy istorii / per. s nem. A. V. Dranov, A. G. Gadzhikurbanov. M., ROSSPEN. 2004. 560 s.].
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с. [Gegel' G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk. T.3. Filosofiya duha. M.: Mysl', 1977. 471 s.].

- Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с. [Dil'tey V. Opisatel'naya psikhologiya. SPb.: Aletejya, 1996. 160 s.].
- Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова // Собр. соч. в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги. 2000. Т. 1. С. 267-762. [Dil'tey V. Vvedeniye v nauki o dukhe. Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii // Dil'tey V. Sobr. soch. v 6 tt. T.1. / per. s nem. V.S. Malakhov. Red. A. V. Mikhailov, N. S. Plotnikov. M., Dom intellektual'noy knigi. 2000. S. 267-762.].
- Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / Пер. с нем. М.И. Левина. М.—Иерусалим: Университетская книга, Мосты культуры / Гешарим, 2000 а. 438 с. [Dil'tey V. Vozzreniye na mir i issledovaniye cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformatsii / Per. s nem. M.I. Levina. Moskva-Jerusalem: Universitetskaya kniga. Gesharim. 2000a.].
- Дильтей В. Возникновение герменевтики // Герменевтика и теория литературы Собр. соч. в 6 тт. Т.4. / Пер. с нем. под ред. В.В. Бибикина и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 235–262. [Dil'tey V. Voznikoveniye germenevtiki // Dil'tey V. Germenevtika i teoriya literatury. Sobr. soch. v 6 tt. T.4. / Per s nem. Red. V.V. Bibikhin, N.S. Plotnikov. M., Dom intellektual'noy knigi. 2001. s. 235-262.].
- Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Герменевтика и теория литературы Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. 2001а. С. 13–234. [Dil'tey V. Germenevticheskaya sistema Shleyermakhera v yeye otlichii ot predshestvuyushchey protestantskoj germenevtiki / Dil'tey V. Germenevtika i teoriya literatury. Sobr. soch. v 6 tt. T.4. 2001a. S. 13-234.].
- Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей В. Собр. соч. в 6 тт. Т. 3 / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004. С. 10–413. [Dil'tey V. Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe // Dil'tey V. Sobr. soch. v 6 tt. T. 3 / Per. s nem., red. V.A. Kurennoy, M., Tri kvadrata. 2004. S. 10-413.].
- Межуев В.М. История как философская проблема // Вопросы философии № 8, 2018. С. 34–41. [Mezhuev V.M. Istoriya kak filosofskaya problema // Voprosy filosofii № 8, 2018. S. 34-41].
- Микешина Л.А. Опыт постижения времени в логике и гуманитарном знании / Философия науки. Вып. 4. М. 1998. С. 143–160. [Mikeshina L.A. Opyt pozizheniya vremeni v logike i gumanitarnom znanii / Filosofiya nauki. Vyp. 4. M. 1998. S. 143-160.].
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории / Пер. с нем. Я. Бермана // Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники / сост., ред. изд., вступ.ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. С. 158-231. Примеч. С. 780–788. [Nitshe F. O pol'ze i vrede istorii // Nitshe F. Soch. v 2 tt. Literaturnyye pamyatniki. T. 1. / Per. s nem. J. Berman. Red., vstup. stat'ia, primichaniya K. A. Svasyan. M., Mysl'. 1990. S. 158-231; S. 780-788 (Primechaniya).].
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского // Соч. в 2 т. Т. 2. 1990 а. С. 5–237 [Nitshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo // Nitshe F. Soch. v 2 tt. T. 2. 1990a. S. 5-237].
- Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Пер. с нем. Н. Полилова // Соч. в 2 т. Т. 2. 1990б. С. 556–630. [Nitshe F. Sumerki idolov, ili kak filosofstvuyut molotom // Nitshe F. Soch. v 2 tt. T. 2 / Per. s nem. N. Polilov. 1990b. S. 556-630.].
- Плотников С.Н. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги. 2000. 226 с. [Plotnikov S.N. Zhizn' i istoriya. Filosofskaya programma Vil'gel'ma Dil'teya. M., Dom intellektual'noy knigi. 2000. 226 s.].
- Румянцева М.Ф. Линейная/нелинейная темпоральность в истории // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2010. С. 25–48. [Rumyantseva M.F. Lineinaia/nelineinaia temporal'nost' v istorii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossia – Vostok – Zapad / Pod. red. L.P. Repina. M., Krug. 2010. S. 25-48].
- Толстенко А. М. Открытие мира и человека в эпоху Ренессанса // Вестник РХГА. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 225–237. [Tolstenko A. M. Otkrytiye mira i cheloveka v epokhu Renesansa // Vestnik RKHGA. 2010. V. 11 (2). S. 225-237.].
- Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем., вступ.ст., комм. и указат. В.В. Бибикина. М.: Республика. 1993 С. 63–176. [Khaydegger M. Yevropeyskiy nihilizm // Khaydegger M. Vremya i bytiye: Sta'ti i vystup-

leniya / Sostav., per. s nem., vstup. statia, comm., ukazatel' V.V. Bibikhin. M., Respublika. 1993. S. 63-176].

Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под. ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 66–79. [Chekanceva Z.A. Vremia istorika // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniia: Rossiia – Vostok – Zapad / Pod.red. L.P. Repina. M., Krug. 2010. S. 66-79].

Hollingdale R. J. Nietzsche: The Man and His Philosophy. Cambridge: U.P., 2001. 2 ed. 270 p.

Марина Сергеевна Киселева, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН; markiseleva@gmail.com

Historicism and the beginning of interdisciplinarity in the intellectual history of the 19th – early 20th century human being in time

The article examines the formation of interdisciplinary in intellectual history in the 19th – early 20th century. The methodological basis of the historicism of this period, which unites various areas of historical, philological, social sciences and psychology, was the idea of a person's connection with the time of his life and reflexively with the time of culture and society (the concept of "human being in time"). Historicism of the philosophy of absolute idealism by G.V.F. Hegel accepted human being only as "pure" nature, as rationality. In the 1860s at the University of Basel J. Burckhardt, F. Nietzsche and W. Dilthey developed the idea of human being in time in the history of culture, philosophy and hermeneutics. The transformation of understanding of a person is traced from a "great character" in Hegel's philosophy of history to a person of the time of the Renaissance culture developed by Burckhardt, to the *Übermensch* of the future in the philosophy of Nietzsche and to an integral person in the time of society and culture in the sciences of the spirit of Dilthey. The present study reveals the similarity of methodological foundations of the three concepts in establishing a connection between a person with the time of his life and the historical time of culture; and in accepting that the idea of man was fundamental for distinguishing between eras or types in the history of culture. The author believes that Dilthey was the first to produce philosophical substantiation for the sciences of the spirit as the basis of an interdisciplinary humanitarian project, in the center of which is the idea of a whole person of the time of his "life-fulfillment", and defined historicism as the meaning of humanitarian knowledge in general.

Keywords: historicism, interdisciplinarity, human being in time, history of culture, "life-fulfillment", time and eternity, the relationship of the sciences of the spirit, hermeneutics, G.V.F. Hegel, J. Burckhardt, F. Nietzsche, W. Dilthey

Marina S. Kiseleva, Dr.Sc. (Philosophy), Professor. Senior Research Fellow, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation; markiseleva@gmail.com

МЕДИА И ИСТОРИЯ: ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ¹

В статье проанализированы особенности трансформации аксиологических функций медиа в отношении общественных представлений о прошлом в контексте антагонистического, космополитического и агонического проектов коллективной памяти. Обосновывается мысль, что переход от антагонистического к космополитическому типу коллективных воспоминаний в прошлом столетии и обозначившийся в начале XXI в. поворот к элементам агонического типа способствуют трансформации функций медиа и повышению их аксиологического статуса как среды развертывания дискурса исторической ответственности. Это связано с усилением роли и значения медиа в качестве инструмента конструирования самого дискурса исторической ответственности, а также инструмента демаркации различных ценностных сред обращения к прошлому и их носителей – сообществ памяти.

Ключевые слова: историческая ответственность, историческая культура, медиа, антагонистическая память, космополитическая память, агоническая память

Первым медиальным образом в истории человечества был, несомненно, древнегреческий бог Гермес – покровитель глашатаев, бог красноречия и риторики. Гермес, разумеется, имел, кроме медиальных, и целый ряд других примечательных качеств, но мы ограничимся анализом одних только его медиальных способностей.

Характерными чертами первого медиального бога были стремительность, находчивость, вездесущность и смыслённость – качества, без которых трудно обойтись и современным медиа. Гермес был единственным из олимпийских богов, кому было позволено посещать все сферы жизни – небо, землю, а также царство мёртвых, в которое он сопровождал души умерших. Гермес, как и современные медиа, был вездесущим. Более того, он был не только глашатаем и вестником, но и интерпретатором тех божественных известий, которые он доставлял людям. По аналогии с медиа Гермес не только информировал, но и комментировал и разъяснял принесённые им новости. Характерной чертой Гермеса была и его склонность к обману и хитрости. Уже древние греки понимали, что медиа в состоянии вводить людей в заблуждение, в чем мы, наталкиваясь на многочисленные fake news в интернете, нисколько не сомневаемся. Но древние греки относились к хитрости и обману совершенно по-другому, считая их нормальными и даже необходимыми формами человеческой коммуникации.

Именно от Гермеса происходит слово «герменевтика», под которым мы сегодня понимаем искусство толкования и понимания текстов. Древние греки идентифицировали Гермеса также с понятием «логос»,

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации».

т.е. со словом, речью, смыслом и значением – чисто герменевтическими категориями. Кроме того, Гермесу приписывалось изобретение древнегреческого алфавита, который позволил письменно фиксировать человеческий опыт и сохранять его в коллективной памяти. Развитие письменной культуры создало предпосылки для возникновения научной истории, которая могла теперь опираться не только на устное предание, но и на письменные свидетельства прошлых эпох. Между медиа и историей, таким образом, существует древняя взаимосвязь. Но существовали ли какая-либо взаимосвязь между медиальным богом Гермесом и музой истории Клио? Да, безусловно. Ведь атрибутами Клио служили папирусный свиток и грифель, а её характерным качеством было стремление письменно фиксировать происходящие события. Медиальный бог и муза истории использовали устную и письменную речь, знаки, обозначения и символы, универсальные методы интерпретации и нахождения смысла, а также общепризнанные критерии нравственной оценки прошедшего. Но прежде всего они занимались коммуникацией и были не только божественными, но и коммуникативными фигурами.

Не будет преувеличением утверждать, что история как таковая стала возможной, благодаря развитию медиальных средств восприятия и интерпретации мира – языка, алфавита и письменности. Без этих «медиальных инструментов» мы не имели бы сегодня научной истории. Однако и саму научную историю, а также историческую культуру мы также могли бы рассматривать как своеобразный медиум, посредник между модусами социального времени. В особенности данное положение было характерно для XIX века. В этой связи показательна оценка французского историка А. Марру, который писал: «Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам; история решала, как следует читать Илиаду; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии <...> Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии, показывая, что она <...> укоренена в прошлом»². Не случайно XIX столетие было названо «веком истории».

В XX веке ситуация изменяется. Несмотря на то, что тезис об историчности сущего получил дальнейшее развитие, набирает силу другая тенденция, связанная с умножением числа медиумов. Историческое восприятие мира начинает отходить на второй план по сравнению с образами настоящего, которые создают средства массовой информации и, в дальнейшем, Интернет. Реакцией исторической науки стали многочисленные исследования роли и значения средств массовой информации и Интернет-пространства для дальнейшего развития историографии³.

² Marrou 1959: 11.

³ Garde-Hansen 2011; Collective Memory 2011; Landsberg 2004.

Однако изменения происходят и за пределами научного отношения к прошлому. На первый план выходят новые медиумы, отражающие многосторонность, многоуровневость форм коллективной памяти⁴. Следствием этого стало появление новых концепций социальной и культурной памяти в историографии⁵, а также активное взаимодействие *media studies* и *memory studies*⁶. Другими словами, становится понятно, что медиальность всегда была оборотной стороной наших отношений с прошлым как в познавательном, так и в ценностном аспектах, а развитие медийных технологий способно изменять сами формы социальной памяти⁷. Представители медиафилософии даже склонны усиливать этот тезис, подчеркивая, что медиа сегодня являются «единственным <...> онтологическим условием существования человека»⁸. При этом, если эпистемологический аспект влияния новых медиумов получил уже довольно обстоятельные исследования⁹, то аксиологическая сторона вопроса оказалась изучена в меньшей степени¹⁰. Одним из малоисследованных вопросов в этой связи оказывается проблема исторической ответственности акторов исторической культуры в свете новых функций медиа, а также смены типов коллективных воспоминаний. Соответственно предметом нашей статьи является исследование трансформации функций медиа в дискурсе исторической ответственности в условиях смены типов коллективных воспоминаний. Наш фокус на типах коллективных воспоминаний и только потом уже на научной истории в данном случае инспирирован известной работой Патрика Хаттона¹¹, который призывал рассматривать историю как искусство памяти, поскольку она опосредует повторение и воспоминание как аспекты памяти.

Не будет преувеличением утверждать, что медиафилософия до сих пор не разобралась с вопросом о том, «что есть медиа?». Ответы специалистов разнятся и даже радикально отличаются друг от друга. Такая ситуация породила потребность в исторической рефлексии относительно данного понятия¹². В зарубежных и отечественных работах подчеркивается, что в современных *memory studies* термин «медиа» используется в узком (технология коммуникации) и широком (жанр) смыслах¹³. Узкий смысл отсылает исследователей к проблемам специфики конструирования образов прошлого в различных средствах массовой информации (книги, фотографии, телевидение, Интернет), в то время как широкий смысл указывает на специфику самих медиумов обращения к прошло-

⁴ Zierold 2006.

⁵ Репина 2005.

⁶ Garde-Hansen 2011: 1-2.

⁷ Zierold 2008: 399.

⁸ Савчук 2008.

⁹ Garde-Hansen 2011; Collective Memory 2011; Mediation 2009; Сафронова 2019.

¹⁰ Wertheim 2009.

¹¹ Хаттон 2003.

¹² Hoffmann 2002.

¹³ Garde-Hansen 2011: 26-27; Сафронова 2019: 178.

му, несводимых к аббревиатуре СМИ (биографические рассказы, литература, учебники, мемуары, семейная память). Вместе с тем современная медиафилософия склонна не только различать данные смыслы, но и рассматривать медиальность как любые формы существования социального посредничества в культуре. В нашей статье мы также вслед за представителями медиафилософии будем учитывать оба аспекта медиа.

Характер отношения медиа к этике можно объяснить на простом примере – «обманом» является как вводящий в заблуждение жест (указание пальцем в ложном направлении), так и вводящая в заблуждение речь или же вводящий в заблуждение письменный текст. Жест, речь и текст являются при этом «медиальными средствами» коммуникации. Они остаются «медиальными», независимо от того, несут они в себе ложную или правдивую информацию, медиа можно использовать для распространения как лживой, так и правдивой информации, как в моральных, так и аморальных целях. А это означает, что «цели» как таковые лежат вне медиа, т.е. существуют независимо от них. С другой стороны, реализовывать и проявлять себя эти «цели» могут только в медиальном пространстве, т.е. в пространстве человеческих жестов, слов и текстов. Вне этого пространства этические принципы теряют всякий смысл и становятся бесполезны. При этом медиа никоим образом не обосновывают этические цели. Более того, они даже не зависят от них. Медиа могут вполне обойтись без этих принципов. А вот человек без этических принципов обойтись не может. По этой причине он стремится получить правдивую информацию как о своём настоящем, так и о своём прошлом. По той же причине он ставит свои требования медиа, а точнее, людям, которые используют медиа для распространения информации. Это в одинаковой мере относится и к журналисту, и к историку.

Характер отношения между медиа и этикой лучше всего выражает понятие «достоверность». Это понятие представляет собой симбиоз «медиа» и «этики». Слово «достоверный» имеет медиальный характер, ибо достоверной или недостоверной может быть какая-либо информация – жест, слово, текст, одним словом, любая «медиальность». Слово «достоверный», с другой стороны, является также этической категорией, ибо оно обозначает прежде всего «достойную веру» информацию. Медиа должно быть «достойны веры». Их информация должна быть проверенной – достоверной. И это независимо от тех видов памяти, в которых эта информация хранится и распространяется.

«Память» тоже является медиальной категорией. Она тоже несёт в себе информацию, но только информацию, нацеленную на прошлое. При этом также информация о прошлом должна быть достоверной. Ответственность за достоверность информации несёт такой тип медиа как «память», а точнее носители памяти (тут мы имеем дело с двойным значением слова «память», которая подразумевает саму информацию и её носителя). В нашей статье мы не в состоянии обосновывать этические принципы – этой задачей занимается практическая философия. Но эти

принципы и не нуждаются в обосновании, ибо они являются общепризнанными, так как все люди, как правило, сходятся во мнении о том, что медиа, независимо от того, описывают ли они события прошлого или настоящего, должны излагать происшедшее адекватно, объективно и правдиво; и что нарушение принципа объективности и правдивости должно осуждаться, а не одобряться. Другое дело, что на практике этот тезис далеко не всегда соблюдается даже теми людьми, которые призывают нас к объективности. Но причём здесь слово ответственность? Там, где в отношениях между этикой и медиа никаких проблем не возникает, где принцип объективности строго соблюдается, там нет никакой необходимости говорить об ответственности. Об ответственности мы начинаем говорить лишь там и тогда, где и когда принцип объективности, правдивости, истинности нарушается и не соблюдается. Но что интересно, ответственность как за соблюдение, так и за нарушение этого принципа несут медиа, ибо этические принципы, как мы выше это упомянули, реализуют себя лишь на медиальном уровне и в медиальном пространстве, составным элементом которого является коллективная память. После того, как мы выяснили характер взаимоотношения между медиа, памятью и этикой, мы перейдём к анализу функций современных медиа в культуре и выявлению особенностей трансформации этих функций в контексте различных типов коллективных воспоминаний.

Мы отталкиваемся от идеи Анны Сенто-Булл и Ханса Лауге-Хансена, о трансформации коллективных воспоминаний от антагонистического типа к космолитическому и агоническому типам, получившей в последние годы распространение в исследованиях коллективной и культурной памяти. Ключевой тезис нашей работы состоит в том, что переход от антагонистического к космополитическому типу коллективных воспоминаний в прошлом столетии и обозначившийся в начале XXI века поворот к элементам агонического типа¹⁴ способствуют трансформации функций медиа и усилению не столько гносеологического их статуса в отношении к прошлому, сколько аксиологического статуса как среды развертывания дискурса исторической ответственности.

Анализ работ в *media studies* показывает, что одной из наиболее фундаментальных является антропологическая функция. Известный канадский медиальный философ Маршалл Маклюэн видел в медиа антропологическую категорию, считая, что медиа являются прежде всего «средством» расширения функций человеческого тела. Примером этого являются радио и телевидение, которые позволяют расширить возможности человеческого уха и глаза¹⁵. Телевидение, а сегодня и интернет, позволяют нам видеть и слышать не только то, что происходит в нашем непосредственном окружении, но и воспринимать события, которые происходят на значительном удалении от нас. Современный немецкий философ Майк Сандбот также воспринимает медиа с антропологиче-

¹⁴ Bull, Hansen 2015.

¹⁵ Маклюэн 2007.

ской точки зрения, характеризуя их как «подвижные и изменчивые формы человеческого созерцания времени и пространства». Сандбот по праву указывает на то, что медиальная коммуникация создаёт своё – медиальное – пространство и протекает в своём – медиальном – времени. Однако как медиальное пространство, так и медиальное время не могут существовать независимо от человека¹⁶, убеждён Сандбот. Это мнение сближает его с Иммануилом Кантом, хотя последний, в отличие от Сандбота, видит в пространстве и времени «чистые», а не «подвижные и изменчивые» формы созерцания. Эти различия, однако, не меняют антропологического характера медиа. Сандбот исходил из того, что, анализируя медиа, мы таким образом исследуем антропологическую сущность человека, ибо медиа не в состоянии существовать независимо от человека. Потому что символы и знаки, слова и тексты, новости и комментарии – это «продукты» человеческого разума, а не «события» или же, выражаясь кантовским языком, «вещи сами по себе» («Dinge an sich»). Медиальные продукты являются результатом человеческой коммуникации и человеческого общения. По этой причине они выполняют, кроме коммуникативной и информативной, также социальные функции.

История человеческой культуры изначально основывалась на медиальной коммуникации, которая привела к возникновению «социальных сетей». Последние сыграли в истории человечества, как это демонстрирует в своей актуальной работе английский историк Нил Фергюсон, существенную роль¹⁷. Под социальными сетями здесь подразумеваются не только социальные сети интернета, но и возникшие на коммуникативной базе социальные образования – группы, блоки, слои, классы, партии, союзы, течения. Фергюсон обратился к исследованию социальных функций медиа, которые, как он считает, неизбежно ведут к образованию коммуникативных «сетей». Уже наши далёкие предки – охотники и собиратели – были зависимы друг от друга. По этой причине они активно кооперировались и общались друг с другом, положив таким образом начало образованию «социальных сетей». Мы имеем полное право, убеждён Фергюсон, характеризовать человека как *Homo dictyus* (человек коммуницирующий). Благодаря развитой и разветвлённой коммуникации человечеству удалось создать «коллективный разум», который стал залогом всех наших культурных достижений¹⁸, подчёркивает он. На протяжении всей своей истории человеческое общество состояло из разных социальных групп и образований: семья, крестьянская община, аристократическая верхушка, чиновники, солдаты, рабы, которые образовывали свои коммуникативные «сети». С одной стороны, «сети» структурировали общество по иерархическому принципу, но, с другой, они были в состоянии «одним ударом» смести любые иерархические структуры, если последние препятствовали их функ-

¹⁶ Sandbothe 1977: 125-137.

¹⁷ Ferguson 2018.

¹⁸ Ibid: 39.

ционированию. Отношение между иерархическими структурами и сетями было сложным и противоречивым. Фергюсон изобразил его метафорически как отношение между «башней» и «площадью». Между иерархическими структурами, т.е. устремлённой ввысь «башней», с одной стороны, и социальными сетями («площадью»), с другой, имеется один общий момент – оба структурных образования основываются на медиальной коммуникации. Фергюсон описывает характерные черты внутригрупповой и межгрупповой социальной коммуникации сетей:

- Никто не является островом. Индивидуумы образуют своего рода «узлы» социальных сетей. Если видеть в индивидуумах коммуникативные «узлы», то понять их можно лишь во взаимосвязи с другими «узлами», с которыми они соприкасаются и коммуницируют;
- Близкое притягивает близкое. Социальные сети обладают притягательной силой, которая связывает друг с другом единомышленников;
- Слабые связи крепки. Важным фактором является плотность сети, а также её взаимосвязь с другими группами. Ключевым вопросом при этом является вопрос, имеет ли сеть качества «маленького мира»? А «сеть» должна обладать качествами микромира.
- Структуры определяются вирусностью. Идеи и идеологии существуют не «сами по себе», а лишь в сетевых мозгах и распространяются через них;
- Сети не спят. Сети являются не статическими, а динамическими образованиями. Они могут достигнуть уровня сложных адаптивных систем. При этом самые минимальные структурные изменения / движения внутри сети могут радикально изменить её поведение;
- Сети коммуницируют. Когда сети взаимодействуют друг с другом, тогда возникают инновации и рождаются изобретения. Если развитию сетей препятствуют застывшие и окостеневшие иерархические структуры, то тогда сети могут с поразительной скоростью привести их к падению;
- Богатые становятся богаче. В большинстве сетей господствует поразительное неравенство¹⁹.

Немецкий медиальный философ Хартмут Винклер называет медиа «машинами создания сетей» («Maschinen gesellschaftlicher Vernetzung»). Винклер, однако, указывает на то, что от всех других «машин» социальных взаимосвязей, которые сделали возможным обмен товарами, разделение труда, секс и насилие, медиа отличает их «символический характер»²⁰. Именно эта – символическая (или семиотическая) – функция медиа будет находиться далее в центре нашего анализа.

Как известно, кроме вышеописанных черт медиа являются ещё и человеческими восприятиями или «выражениями». По этой причине они для нас знаки, символы или следы. «Царство медиа – это царство символического» («Das Reich der Medien ist das Reich des Symbolischen»), заключает Винклер. Именно по этой причине, убеждены Сибилле Кремер и Петер Кох, медиа «открывают нам двери» внешнего мира, ибо «всё, что мы о мире узнали, подумали или сказали <...>, стало знанием, мыслью и словом, только благодаря медиа»²¹.

¹⁹ Ibid: 73-74.

²⁰ Winkler 2004.

²¹ Koch, Krämer 1997: 12.

Однако Мартин Зеель в своей работе «Медиа реальности и реальность медиа» обращает внимание и на тот факт, что в акте восприятия внешнего мира важную роль играют не медиа как таковые, а активная позиция человека по отношению к ним. Он утверждает, что медиа открывают доступ человеку к миру только потому, что мы их воспринимаем и понимаем. Отсюда следует, что в реальности не медиа «открывают» нам мир, а мы, используя медиа, открываем мир для себя. Зеель говорит: мой «тезис не постулирует, что все существующее опосредовано через медиа, а он, скорее, утверждает, что всё, что получено через медиа, предполагает наличие воспринимающего отношения к ним»²². Эту же мысль с оптимистических позиций развивает и российский исследователь Елена Кузнецова, которая отмечает, что многослойность медиального будет возрастать, что в свою очередь будет усиливать присутствие символического. Она подчеркивает, что «современная культурная ситуация свидетельствует об увеличении интермедийных практик, где смещение медиального разного генеза будет задавать нам новые вопросы о его ускользающей сущности. Вместе с тем, если видеть смысл истории в постоянно развивающемся знании о ней, то коммуникативность современного мира в самых различных аспектах дает нам возможность открытия новых исследовательских горизонтов»²³.

Итак, медиа не могут существовать без человека и вне человека, ибо они являются его «познавательными средствами». Для того, чтобы осознать этот факт, достаточно представить себе мир, в котором имеются смартфоны, радио, телевидение и книги, но в котором нет людей, т.е. нет никаких коммуникаций и межчеловеческих интеракций. Подобный, лишённый человека, мир, даже если он и будет наполнен различными медиа, не будет являться «медиальным». Ибо в таком мире медиа не в состоянии выполнить свою самую главную функцию – коммуникативную. Зеель приходит к выводу: даже если это звучит нереально жутко, но люди, в принципе, могут обойтись без медиа, однако, медиа без людей обойтись никак не могут.

Тезис о медиа как познавательных средствах в познании исторического получил сегодня исследования в различных аспектах. Философский аспект ставит акцент об онтологическом статусе познаваемой с помощью медиа исторической реальности, о пределах и возможностях различных медиа (кинематограф, телевидение, компьютерные игры, исторические реконструкции, виртуальные реконструкции) конструировать актуальное прошлое и изменять его статус в культуре²⁴. Не меньший интерес вызывает проблема познавательного статуса медиа и в среде историков, фокус исследований которых в последние годы сместился в сторону исследований культурной и коллективной памяти. В данном случае интересны точки зрения Астрид Эрл, Андреаса Гиссена и Джо-

²² Seel 1998: 250.

²³ Кузнецова 2007: 126.

²⁴ Там же: 125.

анны Гарде-Хансен. Указанные исследователи сходятся в том, что историки в ситуации роста влияния СМИ и появления других акторов исторической культуры (исторические реконструкторы, сообщества памяти, коммеморации политических партий) утрачивают известную монополию на познание прошлого. Так, Астрид Эрл отмечает, что культурная память основана на коммуникации, опосредованной медиа. Разделенные версии прошлого неизменно генерируются средствами «медиаальной экстернализации» (А. Ассман), наиболее базовой формой которой является устная речь. По ее мысли, более сложные медиа-технологии, такие как письменность, кино или интернет, расширяют темпоральные и пространственные рамки воспоминания, а сама культурная память конституируется множеством медиа, действующих внутри различных символических систем. Каждое из этих медиа имеет свой собственный способ запечатления прошлого и будет оставлять следы в памяти, которую создает²⁵. О нейтральности и активности масс-медиа пишет и Андреас Гиссен: «медиа не передают публичную память в первозданном виде. Они формируют ее по своей структуре и форме»²⁶. В свою очередь Джоанна Гарде-Хансен подчеркивает, что цифровые медиа сегодня не просто транслируют, но активно создают коллективную память: во-первых, цифровые медиа могут выступать инструментом создания материалов для традиционных архивов; во-вторых, они служат в качестве технологии создания новых способов архивирования информации о прошлом; в-третьих, цифровые медиа могут рассматриваться в качестве самоархивирующего феномена, и, наконец, в-четвертых, цифровые медиа могут оказаться оригинальной формой архива. Последний пример, по мысли британской исследовательницы и директора исследовательского центра медийной памяти и сообществ Университета Глостершира, может быть ярко проиллюстрирован страницей в фейсбуке шестилетнего Геньо Житомирского, трагически погибшего в концлагере Майданек в 1942 г. Несмотря на то, что вскоре после ее появления, страница была удалена, по мысли Гарде-Хансен, она является важным маркером, свидетельствующим о новых качествах цифровых медиа²⁷.

Наконец, еще одним важнейшим аспектом современных интерпретаций темы познавательных возможностей медиа в отношении прошлого является образовательный аспект. Наиболее ярко это показывают современные исследования исторической дидактики (англ. *History didactics*, нем. *Geschichtsdidaktik*), где дигитальное и медийное измерение из одного из аспектов превращаются в своеобразную новую социальную рамку исторического образования. Это оказалось особенно заметным на недавно состоявшейся международной научной конференции исторической дидактики в австрийском Граце (11–14 ноября 2020 г.)²⁸, участни-

²⁵ Ertl 2009: 2-3

²⁶ Huyssen 2003: 20.

²⁷ Garde-Hansen 2011: 72.

²⁸ The Graz Conference 2020.

ком которой был один из авторов данной статьи. Мысль о важной роли цифровой среды исторического образования хорошо выразил один из ключевых докладчиков конференции, профессор Вульф Канштайнер, который в своем докладе призвал ориентироваться не только на интеллектуальную рефлексию и критическое мышление как важнейшие инструменты воспитания историка, но и на концепт «погружения» (*immersion*)²⁹. По его мысли, современное историческое образование практически неотделимо от контактов со сферой медиа, а это значит – оно должно не противостоять им, а учитывать и использовать «экстраординарный погружающий потенциал» (*extraordinary immersive potential*). В докладе он призвал к оптимизму, подчеркнув, что мы имеем возможность жить в культуре, предполагающей возможность глубокого погружения в изучаемую эпоху, благодаря именно медийным (цифровым) средствам. Выделяя типы «погружения»: экранное (на примере телесериала «Холокост»), физическое (Мемориал жертвам холокоста в Берлине) и цифровое (виртуальная модель концлагеря в Баварии, видеоигра *Call of Duty*), он отметил, что высокий эмоциональный контекст любого из типов актуализирует дискурс ответственности. И здесь мы переносим уважаемого читателя с познавательной стороны на ценностную сторону интересующего нас вопроса.

Выступая как новое измерение познавательных средств, медиа встроены в мир человеческих интеракций. Это значит, что медиа являются не только «познавательными средствами», но и «ценностными инструментами», создавая общественный дискурс вокруг определенных событий прошлого, их трактовок или их восприятия в различных группах и сообществах коллективной памяти. На наш взгляд, именно здесь современные медиа (и в узком, и в широком смысле данного термина) способны оказать колоссальное воздействие на придание смысла историческим событиям, помещая последние в определенные ценностные рамки. Однако, как изменяются эти функции медиа сегодня, когда мы говорим о смене направленности коллективных воспоминаний?

В данном случае нас ждут несколько принципиально различных типов коллективной / культурной памяти, процессы формирования и специфика субъектов которых существенно изменяют саму постановку проблемы об исторической ответственности. Само понятие культурной памяти (и, на наш взгляд, коллективной памяти), по словам А. Эрл, является обобщающим понятием (*umbrella term*) и в самом широком понимании охватывает «медиа, практики, структуры, столь же разнообразные как миф, монументы, историография, ритуалы, устные воспоминания, конфигурации культурного знания, нейронные сети... взаимная игра настоящего и прошлого в социокультурных контекстах»³⁰. Еще один важный момент состоит в признании динамического характера культурной памяти. По мысли Астрид Эрл и Энн Ригни «динамика культурной па-

²⁹ Kansteiner 2020: 73.

³⁰ Erll 2008: 1-2.

мяти только тогда может быть полностью понятной, если мы будем принимать во внимание не просто значение социальных факторов, но также "медиальные" рамки воспоминания и специфические медиальные процессы, через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными»³¹. Однако, «медиа» для них – это не набор дискретных и статичных технологий передачи информации, а «комплекс и динамическая система». Другими словами, динамика воспоминаний, их реинтерпретация в различных медиумах оказывается ключевой для понимания механизмов трансляции культурной памяти.

В 2016 г. в журнале «Memory studies» была опубликована статья Анны Сенто-Булл и Ханса Лауге-Хансена, посвященная описанию трех наиболее значимых для современной Европы режимов функционирования исторической памяти³². По их мысли пространство исторической памяти в Европе на протяжении последних двух веков может быть представлено антагонистическими формами (включая националистическую память), космополитической памятью и памятью агонистической.

Говоря об антагонистических формах коллективной памяти, авторы, в первую очередь, имеют в виду националистическую память, которая стремится провести границу между друзьями и врагами и направлена на формирование и расширение собственной культурной идентичности, из которой «другие» оказываются исключенными. Такой тип памяти основывается на монологичности и ксенофобии и способствует формированию чувства принадлежности через конфронтацию с чужаками. В подобном случае историческая вина является важным элементом конструирования образов памяти, поскольку «другие» всегда предстают в образе «захватчика», «угрозы», «исторических врагов», «преступников». Ключевой акцент при этом делается на коллективной вине целой общности людей. Соответственно, жертвенными характеристиками наделяются представители «своей» нации в прошлом и настоящем, а лучшим способом познания собственной истории оказывается эмпатия страданий своего народа. В соответствии с этим историческая ответственность оказывается стремлением перенести ответственность с отдельных преступников в прошлом на всю общность людей той или иной территории. Зачастую такая ответственность смешивается с политической ответственностью. В этой связи Ханна Арендт отмечала, что политическая ответственность есть такая форма ответственности, «которую каждое правительство несет за все решения своих предшественников, а каждый народ – за свершения и прегрешения прошлого»³³. Указанный тип коллективной памяти неоднократно воспроизводился в европейской культуре в XIX–XX вв. Функция медиа в широком смысле и функция СМИ, в частности, в рамках такого типа коллективных воспоминаний состоит в том, чтобы выступать ретранслятором позиции доминирую-

³¹ Erll, Rigny 2009: 2.

³² Bull, Hansen 2015.

³³ Арендт 2013: 58.

щего исторического нарратива, выстраивая жесткую иерархию говорящих, отделяя «хорошую» историю от «плохой».

Иной тип коллективных воспоминаний складывается в Западной Европе после Второй мировой войны. Как отмечают авторы статьи, именно он является доминирующим в современный период и может быть условно назван «космополитической памятью»³⁴. В данном случае также предполагается оппозиция «добра» и «зла». «Добром» оказывается идея демократии, «злом» – любые формы тоталитаризма и авторитаризма. Космополитическая память оказывается востребованной в различных формах либеральной демократии и апеллирует к правам человека. В таком случае «другой» для нее – это любое проявление тоталитарной идеологии. Характерными чертами космополитической памяти являются саморефлексивность и диалогизм. Это формирует ее ориентацию на память о жертвах вне зависимости от национальности и государственной принадлежности. Также важной стороной данного режима функционирования памяти является стремление к достижению межсубъектного консенсуса. Итогом последнего оказывается состояние диалога, где стороны выстраивают новые «исторические» отношения. Такой проект лежит в основе политики памяти в Евросоюзе сегодня, что хорошо видно в концепциях различных западноевропейских музеев, посвященных общеевропейской истории и культурной памяти. Историческая вина в данном случае выходит за пределы национальной рамки и в большей мере соотносится с юридической виной и юридической ответственностью. Теоретической базой концептуализации исторической ответственности для данного типа коллективных воспоминаний выступают работы Карла Ясперса, Ханны Арендт и Теодора Адорно. Лейтмотив их работ, посвященных исторической вине Германии за развязывание Второй мировой войны и за Холокост, был связан, во-первых, с признанием персонального характера исторической вины и исторической ответственности, а, во-вторых, с подчеркиванием дискурсивной природы исторической ответственности. Это означало, что только после своеобразной «проработки прошлого» в общественном сознании мы можем говорить о полноценной «работе» механизма исторической ответственности. Этот момент удачно подчеркивает российский исследователь Даниил Аникин, который отмечает, что при такой модели исторической ответственности ответственность возникает не в сам момент совершения того или иного проступка, а в момент превращения этого проступка в предмет публичной дискуссии, причем хронологический разрыв между этими событиями не имеет никакого значения³⁵. В условиях космополитической памяти функция медиа оказывается более сложной, чем в условиях памяти антагонистического типа. Медиа уже не столько выступают ретрансляторами, сколько непосредственно участвуют в конструировании самого дискурса исторической ответственности, обеспе-

³⁴ Bull, Hansen 2015: 395.

³⁵ Аникин 2020: 460.

чивая и поддерживая процессы публичной передачи и интерпретации образов прошлого. На эту возрастающую роль ценностного аспекта медийного контекста справедливо указывал Юрген Хабермас, идеи которого могут считаться своеобразным духовным стержнем космополитического проекта памяти вообще. Он отмечал: «Дистанция между историческими науками и публичным процессом передачи традиции увеличилась. Опровержимость знания и конкуренция между вариантами толкования ведут скорее к проблематизации исторического сознания, нежели к формированию идентичности <...> только на уровне усвоения интерсубъективно разделяемых традиций, не находящихся в распоряжении ни у одного индивида, выбору может соответствовать лишь автономный и осознанный характер публично ведущейся дискуссии <...> в модусе этого спора об интерпретациях свершается публичный процесс передачи традиций. И исторические науки – как и другие экспертные культуры втягиваются в эту дискуссию лишь в аспекте своего публичного использования, но не как науки»³⁶.

Наконец, современные исследователи указывают на еще один режим функционирования коллективной памяти, который они условно называют «агоническим»³⁷. На наш взгляд, имеет смысл говорить лишь об элементе данного типа коллективных воспоминаний, который только складывается и не получил еще полного оформления в коммеморативных практиках в Европе и за ее пределами. По мысли зарубежных коллег, агоническая память предполагает непрекращающийся диалог. В данном случае предельно важно, что дебаты относительно памяти не могут быть прекращены, что позволяет рассматривать борьбу различных памятей в качестве политической борьбы. Таким образом, если космополитическую память интересует «деполитизация» пространства памяти, то агонистическую память направляет стремление к «реполитизации». Такой идеал памяти оказывается близок левым демократическим силам в Европе. Однако было бы неверно говорить об агонистической памяти как о стремлении к дискуссии ради нее самой. Наоборот, целью данной агонической памяти является укрепление социальной сплоченности и солидарности, достижение социальной справедливости и стремление демократических левых расширить демократические права граждан. На этом пути агоническая память не менее эмоциональна, но она не выстраивает нарратив через противопоставление «своих» и «жертв». В большей мере ее интересуют формы социальной солидарности и демократизации.

Агоническая память стремится уйти от моральных противопоставлений в сторону многообразия рассмотрения исторических конфликтов, апеллируя к радикальному историзму и ограничивая себя в моральных оценках прошлого. Стержнем такого отношения оказывается мультиперспективность в оценке национального нарратива и памяти о военных

³⁶ Хабермас 2005: 130-131.

³⁷ Bull, Hansen 2015: 397.

конфликтах. Единственной ценностной рамкой в таком случае оказывается демократическая дискуссия и признание легитимности других участников дебатов. Правда и здесь некоей безусловной этической рамкой выступает неприятие фальсификации источников, отрицание Холокоста, геноцидов и избегание памяти о жертвах войн и столкновений последних веков. Заметим, что использование темы «исторической виновности» здесь оказывается существенно размытым, в то время как на первый план выходит именно историческая ответственность, причем не в модусе «ответственность за», а в модусе «ответственность перед».

Новое качество исторической ответственности очень точно подмечает Д. Аникин, который говорит о трансформации самого дискурса исторической ответственности, выступающей сегодня не как онтологическая заданность, проявляемая в отдельных поступках, а как социальная практика, складывающаяся в рамках определенного сообщества и ориентированная на присвоение или участие в распределение символического капитала. По его мысли, историческая ответственность не возникает как результат коллективной интеллектуальной рефлексии по поводу событий прошлого, а представляет собой сложное сочленение исторических реконструкций и современных форм политической коммуникации³⁸. Эту мысль удачно дополняет замечание В. Сырова о том, что историческую ответственность сегодня «следует трактовать как ответственность за знание об историческом прошлом <...> современные представления об историческом прошлом эксплицитно или имплицитно произведены сообществом историков. Но, с другой стороны, не менее очевидно, что по целому ряду внутренних и внешних причин историки напрямую не формируют историческое сознание общества. Поэтому имеет смысл говорить о медиации в распространении исторических знаний, определении каналов такой медиации, институтов и акторов, ответственных за трансляцию знаний о прошлом»³⁹. Он предлагает говорить о, как минимум, трех сферах в распределении исторической ответственности: производители исторического знания, трансляторы и потребители.

Нам представляется, что в условиях складывающегося сегодня агонического типа коллективных воспоминаний функция медиа в отношении дискурса исторической ответственности будет еще более усиливаться. И эта функция будет связана не столько с познавательными, сколько с ценностными аспектами обращения к прошлому. Отмеченная выше сложность складывающегося нового дискурса исторической ответственности будет связана с подвижностью самих ценностных сред и их носителей – сообществ памяти. Медиа в такой ситуации как раз и оказываются важным инструментом демаркации данных динамических ценностных сред.

Таким образом, если в космополитическом проекте памяти медиа способствуют формированию публичного дискурса исторической от-

³⁸ Аникин 2020: 460.

³⁹ Сыров 2020: 121.

ветственности, то в условиях агонического подхода они превращаются в реального посредника все более умножающихся и усложняющихся дискурсов исторической ответственности (образовательный, научный, политический, религиозный, экономический), обеспечивая определенный баланс, который может и не заканчиваться компромиссом. Это позволяет нам в полной мере согласиться с позицией современных медиафилософов в России и за рубежом в том, что медиа перестают быть нейтральным посредником и в полном смысле превращаются в условие разворачивающихся процессов оценки и переоценки прошлого, где историк, политик, педагог, учащиеся школ и вузов, исторические реконструкторы, а также сообщества, использующие историю для актуальных целей, оказываются на одном этическом поле, где доминирование не всегда связано с обладанием только научно обоснованной информацией о прошлом. Не менее важной на данном поле оказывается позиция рядового гражданина, обладающего определенным историческим сознанием и выступающего в качестве активного субъекта в практиках реализации исторической ответственности.

Симптоматичным в таком случае можно считать появление в зарубежной науке в последние годы особой области гуманитарной рефлексии, получившей собирательное название «исторической этики» (*Moral history, Geschichtsethik*), которая занимается проблемами человеческого обхождения с историей и исторической наукой. В данный момент процесс институционализации данной дисциплины продолжается. Историческая этика прежде всего ставит вопросы о том, насколько занятие историей и прошлым является нравственной / моральной / этической задачей⁴⁰. И это вопросы не только к исторической науке. В данном случае мы действительно находимся на своеобразном этическом поле с динамическими границами различных ценностных сред.

Историческая этика, таким образом, имеет дело, с одной стороны, с определенными представлениями о прошлом, а, с другой, с той реакцией, которую человек, как существо нравственное, должен испытывать как по отношению к научно недостоверной информации, так и по отношению к действиям (политическим, религиозным, экономическим), основанным на ней. Эта реакция позволяет охарактеризовать себя одним словом – ответственность. Средой манифестации данной ответственности, как и реализации практик ответственного исторического сознания оказывается все та же сфера медиа. Именно поэтому проблема соотношения медиа и исторической науки, медиа и исторической культуры сегодня, в первую очередь, имеет не столько гносеологическое, сколько аксиологическое значение в контексте разворачивания все более усложняющихся дискурсов исторической ответственности и стоящих за ними изменяющихся практик жизни современного общества.

⁴⁰ Weber 2013: 113.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аникин Д.А. От онтологии поступка к исторической ответственности: методология философского исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 3. С. 457-466 [Anikin D.A. Ot ontologii postupka k istoricheskoy otvetstvennosti: metodologiya filosofskogo issledovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. 2020. T. 24. № 3. S. 457-466].
- Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Издательство института Гайдара, 2013 [Arendt H. Otvetstvennost' i suzhdenie. M.: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2013].
- Кузнецова Е.И. Репрезентация исторического в медиареальности // Медиафилософия. 2008. Т.1. № 1. С.119-126 [Kuznecova E.I. Rerezentaciya istoricheskogo v mediareal'nosti // Mediafilosofiya. 2008. T.1. № 1. S.119-126].
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007 [Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2007].
- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. Под ред.: И. М. Савельева, А. В. Поletaев. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С.122-169 [Repina L.P. Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii // Fenomen proshlogo / pod red. I.M. Savel'evoj, A.V. Poletaeva. Moskva, Izd. Dom GU VShE, 2005. S.105-144].
- Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. 2008. Т.1. № 1. С.5-25 [Savchuk V.V. Mediafilosofiya: formirovanie discipliny // Mediafilosofiya. 2008. T.1. № 1. S.5-25].
- Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019 [Safronova YU.A. Istoricheskaya pamyat'. Vvedenie. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019].
- Сыров В.Н. Историческая ответственность: за пределами проблемы соотношения свободной воли и детерминизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С.108-127 [Syrov V.N. Istoricheskaya otvetstvennost': za predelami problemy sootnosheniya svobodnoj voli i determinizma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2020. № 57. S.108-127].
- Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ / Политические работы. М.: Практикс, 2005. – С.114-137 [Habermas YU. Istoricheskoe soznanie i postradicionnaya identichnost'. Zapadnaya orientaciya FRG / Politicheskije raboty. M.: Praksis, 2005. – S.114-137].
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003 [Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2003].
- Bull A., Hansen H. L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. № 9(4). P. 390-404.
- Collective Memory in a New Media Age / ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. London: Palgrave Macmillan, 2011.
- Erl A. Cultural Memory Studies: an Introduction // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. P.1-19.
- Erl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / edited by Astrid Erl, Ann Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009. P.1-15.
- Ferguson N. Türme und Plätze. Netzwerke, Hierarchien und der Kampf um die globale Macht. Berlin: Propyläen Verlag, 2018.
- Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011.
- Hoffmann S. Geschichte des Medienbegriffs. Hamburg: Meiner, 2002.
- Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Redwood City, CA: Stanford Univ. Press, 2003.
- Kansteiner W. Didactics of Immersion: Historical Culture in the Digital Age // The Graz Conference. Historical Consciousness. Historical Thinking. Historical Culture. Core Concepts of History Didactics and Historical Education in Intercultural Perspectives Reflections on Achievements – Challenges for the New Generation. 11th – 14th November 2020 University of Graz, Austria. Graz: Graz Univ. Press, 2020. P.73-74.
- Koch P., Krämer S. Einleitung // Schrift, Medien, Kognition / hrsg. von Peter Koch und Sybille Krämer. Tübingen: Stauffenburg 1997. S.1-14.

- Landesberg A. Prosthetic Memory: the transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture Considers. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2004.
- Marrou H.I. De la connaissance historique. 6 ed. Paris: Editions du Seuil, 1959.
- Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / edited by Astrid Erll, Ann Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Sandbothe M. Digitale Verflechtungen. Eine medienphilosophische Analyse von Bild, Sprache und Schrift // Computernetze – ein Medium öffentlicher Kommunikation / Hg. Von Klaus Beck und Gerhard Vowe. Berlin: Spiess, V, 1977. S.125-137.
- Seel M. Medien der Realität und Realität der Medien // Medien-Computer-Realität / hrsg. von Sybille Krämer. Frankfurt a.M.: Suhrkamp 1998. S.244-269.
- The Graz Conference. Historical Consciousness. Historical Thinking. Historical Culture. Core Concepts of History Didactics and Historical Education in Intercultural Perspectives Reflections on Achievements – Challenges for the New Generation. 11th – 14th November 2020 University of Graz, Austria. Graz: Graz Univ. Press, 2020.
- Weber K.C. Ethisch reflektierter Geschichtsunterricht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (UTB), 2013.
- Wetheim D. Remediation as a Moral Obligation: Authenticity, Memory, and Morality in Representations of Anne Frank // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / edited by Astrid Erll, Ann Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Winkler H. Mediendefinition // Medienwissenschaft. 2004. Nr. 1. S.9-27.
- Zierold M. Gesellschaftliche Erinnerung: Eine medienkulturwissenschaftliche Perspektive. Berlin, New York: de Gruyter 2006.
- Zierold M. Memory and Media cultures // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. P.399-409.
- Буллер Андреас**, доктор философии, референт, Социальное министерство земли Баден-Вюртемберг (Штутгарт, ФРГ), andreas.buller@gmail.com
- Линченко Андрей Александрович**, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Томский государственный университет, доцент, Липецкий государственный технический университет, linchenko1@mail.ru

Media and History: Discourse of Historical Responsibility in a Changing World

The article deals with actual problems of the transformation of the axiological functions of media in relation to public representations of the past in the context of antagonistic, cosmopolitan and agonistic projects of collective memory. The transition from the antagonistic to the cosmopolitan type of collective memories in the last century and the turn towards elements of the agonistic type that has emerged today contribute to the transformation of media functions. This transformation is associated with the strengthening not so much of their epistemological status as their axiological status in relation to the past. The axiological status of media is associated with understanding it as a significant environment for the deployment of the discourse of historical responsibility. Modern media act as a tool for constructing the very discourse of historical responsibility, as well as a tool for demarcating various value environments of referring to the past and their carriers - communities of memory.

Keywords: historical responsibility, history, historical culture, media, antagonistic memory, cosmopolitan memory, agonistic memory

Buller Andreas, Dr. Phil., Referent in the Ministry of Integration Baden-Württemberg, Stuttgart / Germany, andreas.buller@gmail.com

Linchenko Andrei, Candidate of Science, Researcher, Tomsk State University; Lipetsk State Technical University; linchenko1@mail.ru

И.В. Кузин

О НЕВОЗМОЖНОСТИ ЗАБВЕНИЯ¹

В статье исследуется следующий парадокс: если индивидуальная память основана исключительно на внутренних ресурсах сознания, без принципиальной связи с внешним положением дел, то мир, оказавшись непричастным к ней, становится местом взаимного равнодушия и полного одиночества. Без осознания всеобщей связи и усвоения общей судьбы, в т.ч. через страдание как средства выхода за пределы инстинктивности страха, замкнутость на себя была бы непреодолимой. Цель проводимого сравнительного анализа с помощью примеров из художественной и исторической областей состояла в том, чтобы показать процесс погружения человека в измерение тотальной рассогласованности как с собой, так и с миром. В результате было продемонстрировано, что и катализатором, и действенным условием выхода из данного процесса является по-разному настраиваемый механизм *культуры как памяти*. Эти примеры свидетельствуют, что в жизненных исканиях, надеждах и через саму память происходит возвращение к такому прошлому, которое, задавая рутину жизни, открывается в качестве искомого источника основы. В ходе анализа выясняется и то, что разрыв нарастающих цепей автоматических отношений, хоть и обнаруживает себя как трудноразрешимая задача, вместе с тем является реализуемым опытом, который прекращает раздвоение, т.е. прекращается такое состояние, когда растягиваемое «памятливое забвение» превращается во вторую натуру человеческого «я». Разбор фильма А. Паркера «Сердца Ангела» позволяет прийти к заключению, что обратная сторона удержания памяти *бытия-лишь-при-себе* имеет отношение к повседневности *совместного бытия*, с его частными отражениями в личном опыте, не только духовно-душевно, но и телесном. Через этот опыт и начинает формироваться онтология памяти не как автоматического существования (дления), а как усилия трансцендирующей мысли, благодаря чему изменяется отношение к повторению того же самого.

Ключевые слова: *память, забвение, время, история, образ, кинематограф, обман, тело, индивидуальное, всеобщее, социальное*

Классическое произведение М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти»² послужило рождению целого направления, имеющего значение не только для исторической науки, но и для других гуманитарных исследований, объединённых общим понятием «исследования памяти» (*memory studies*). Историография по теме, очерченная идеями М. Хальбвакса, весьма обширна. Достаточно упомянуть не только таких крупных мыслителей и ученых, как В. Беньямин, М. Фуко, Х. Арндт, П. Рикер, Р. Козеллек, Й. Рюзен, Ф. Артог, Й. Йерушалми, П. Нора, Я. и А. Асманн, П. Хаттон, Д. Олик, А. Конфино, А. Хюссен, Х. Вельцер, Д. ЛаКапра, Т. Джадт и др., но и ряд международных коллабораций и издательских проектов, реализуемых на протяжении многих лет, таких как «Франкфуртская платформа исследований памяти (FMSP)» под руководством Астрид Эрл, сеть исследований памяти «Мнемоника: (Мне-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00371 А «Парадигмальные “заблуждения” и их влияние на культуру и общество» / Research is supported by RFBR grant, no. 19-011-00371.

² Хальбвакс 2007.

monics: Network for Memory Studies)», объединившей несколько национальных центров, авторитетный журнал «Memory Studies», издаваемый с 2008 г., а также организованную Палгрейв Макмиллан книжную серию «Memory Studies». Но при всем разнообразии дисциплинарных направлений в исследовании этой темы наблюдается определенная недостаточность использования компаративистских подходов. В частности, немаловажное значение в ее развитии имеют наработки, сделанные при изучении коллективного бессознательного, мифологического, религиозного и художественного сознания в первую очередь такими классиками, как Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, М. Мосс, К.Г. Юнг, Р. Бультман, Ж. Лакан, М. Элиаде, С. Жижек. Полученный таким образом интеллектуальный импульс для анализа исторической и коллективной памяти прибавляет ясности в постановке научных проблем и создает предпосылки для их разрешения под новым углом зрения.

Самим же М. Хальбваксом при сопоставлении индивидуальной и коллективной памяти были сформулированы аргументы и приведены примеры, благодаря которым было выдвинуто положение о том, что содержание индивидуальной памяти задается преимущественно социальной средой, в которой существует индивидуальное сознание.

В данной работе мы воспользуемся как художественными образами, так и историческими фактами, чтобы с их помощью раскрыть внутренние перипетии в построении своей индивидуальной судьбы, развитие которой обнаруживает обязательность *всеобщего* (собирающей раздельные единичности в целое общности). Коллизии, которые привычно возникают в случае противопоставления двух экзистенциально насыщенных категорий – индивидуальное и всеобщее, – находят свое отражение в феномене памяти. Памяти, поддерживающей идентичность, противостоит забвение, избавляющее человека от тяжести бремени прошлого и открывающее ему горизонты будущего.

Если удержание памятливого состояния представить как ограничение решимости предавать прошлое забвению, то возникнет вопрос, имеем ли мы в таком случае дело с навязчивой мемориальностью, препятствующей действиям на основе свободы или вовсе подрывающей ее возможность. Здесь можно получить парадокс: никакое осмысленное действие невозможно без его предваряющих условий, хранимых памятью, но можно ли тогда поступки, которые мы склонны квалифицировать как свободные, действительно, считать таковыми. Более того метафизика признавала полноту личности и события через установление единства существующих связей, на антропологическом уровне представляющего в виде мемориального комплекса. Диктатура памяти становится источником силы, благодаря которой человек может не уступать времени. Если даже время из-за нашей слабости неумолимо завершает все за нас, а порою и вовсе без нас, то его власть подвергать забвению все же преодолевается памятью. И тем не менее на фоне кажущейся столь безусловной значимости памяти, вполне уместно не оставлять без

внимания практики легитимации забвения, которые создают видимость возможности пренебречь существованием общества и тех меток, которые оно о себе оставляет³.

В развитие идей М. Хальбвакса нам бы хотелось предложить ряд иллюстраций, которые станут демонстрацией экзистенциального бессилия человека предать забвению прожитое, так как его память конституируется, поддерживается и сохраняется до тех пор, пока существует общественное целое, антиномичной частью которого он является, и пока он сам себя продолжает признавать социальным существом.

В основу реализации этой задачи будет положен сравнительный анализ с привлечением инструментария герменевтики кино, феноменологии религии и приемов историко-сюжетного повествования. Используемый при этом дескриптивный подход, или своеобразный герменевтический экфрасис, позволит кристаллизовать глубинные смыслы, скрытые за внешней постановкой проблемы. Наибольшую наглядность они обретают в случае сопоставления различных дискурсов – художественного и научного, их взаимообратимых отношений. При феноменолого-герменевтической установке диалогическое сопряжение художественной и научной стилистики придает изучаемому явлению необходимую онтологическую устойчивость и экзистенциальную многомерность. Метафорически эту процедуру можно сравнить с расположением зеркал друг против друга, когда художественный образ и научная систематика при взаимоотражении задают такую перспективу погружения в смысловое содержание феномена, в ходе которого раскрывается двуединство чувственного и мыслимого. На подобном фундаменте строились феноменологические исследования религиозного сознания Элиаде: в них были представлены подтверждения тому, что «осведомленность о нуминозном или опыт трансцендентности (там, где он существует в религиях) являются, несомненно, эмпирическими фактами человеческого существования и истории, и могут быть исследованы подобно всем фактам, связанным с существованием человека, соответствующими методами»⁴.

В предлагаемой статье приведенное положение, взятое в качестве методологического принципа, позволяет в специфическом ракурсе рассмотреть проблему живого соотношения памяти и забвения. М. Элиаде, применивший феноменологическую стратегию к изучению архаичного и религиозного опытов, не мог не воспользоваться описательными средствами феноменологии для осмысления феноменов памяти и забвения. Благодаря этому было показано, что элементы архаичной экзистенции не являются преходящими: архетипичность делает их актуальными и действенными для современности, хотя бы и предстающими в видоизменённых формах, требующих аналитического распознавания. К таким

³ См. об ошибочности представления традиционного человека как безразлично или безответственно относящегося к мирскому существованию, которое он с легкостью предаёт забвению: Элиаде (2) 2002: 295-296.

⁴ Werblowsky 1960: 236.

элементам относятся категории времени и истории, несмотря на отсутствие прямых представлений о них в «самосознании» архаичного человека. Их скрытое присутствие запечатлено в ритуалах и мифах, структурировавших процессы жизни, в рамках которых создавались как рычаги включения механизма забвения, так и средства их блокировки.

В этом контексте у нас появляется основание для поиска точек пересечения в одном поле научной историографии и ключевых мифологических сюжетов, в котором будет воссоздаваться никуда не исчезнувшая и сохраняющаяся человеческая природа в ее социальных проявлениях, т.е., по существу, может быть выявлен вневременной архетип темпоральной жизни индивида и коллектива. Элиаде подчеркивал, что «истинный историографический анамнез предполагает раскрытие общности своего народа с народом, исчезнувшим или находящимся на периферии исторического процесса»⁵. Данный тезис становится проводником к формулировке идеи о том, что на периферии сознания удерживается память о прошлом, временно преданном забвению, а также – к мысли о возможности достичь «ясного видения человеческого характера, которое позволяет рассмотреть нам другого как себя... Постольку поскольку мы можем войти в различные миры фантазии и фантастики, мы можем войти в религиозные миры другого посредством творческого процесса, который Элиаде описывает как творческую герменевтику»⁶.

Феноменологическое исследование многообразия религиозного опыта привело Элиаде к утверждению онтологической констелляции сакрального и исторического, к заключению о том, что для определения сакрального невозможно обойтись без «конкретных проявлений сакрального»⁷. При этом крайне существенно, что представление любой иерофании в качестве исторического феномена, как имеющей место всегда «при определенных исторических условиях», «вовсе не обязательно лишает ее вселенского характера»⁸. Этот вывод можно отнести ко всякому фундаментальному смыслу, определяющему человеческое бытие, т.е. он выводится не из чистого созерцания (теории), а всегда обнаруживается в виде исторического факта. Тем самым через наблюдение за индивидуальной и коллективной историями, и за их совмещением на самых разных уровнях повествования, формируется методологически продуктивный органон определения нелинейной логики производства смысла. В результате то, что значимо в мифологическом образе памяти зеркально воспроизводится (при всей остающейся разнице) в секулярной историографии. Секулярное повествование, обращающееся к своим достоверностям, выявляет подобное мифологическому эссенциальное содержание, которое имеет принципиальную ценность как для индивидуального, так и для социального понимания жизни.

⁵ Элиаде 2001: 153.

⁶ Rennie 2001: xvi.

⁷ Элиаде 2000: 29.

⁸ Там же: 31.

В пределах сказанного, в исследовании 1) будут определены конструктивные подходы в осмыслении культурной памяти, затем 2) допустимость и эвристичная эффективность описанного методологического принципа будет рассмотрена на примере параллельного развития двух сюжетов: с одной стороны, через историю работы с индивидуальной памятью, в художественной форме изображенной в фильме А. Паркера «Сердце Ангела», с другой – через описание механизмов активации коллективной памяти на почве исторических фактов, относимых к судьбе Германии второй половины XX в. 3) Связь этих сюжетов – художественного вымысла и исторической действительности – позволит сформировать образную схему; с ее помощью, в реальность человеческой экзистенции будут привнесены дополнительные смысловые грани, подчеркивающие органическую корреляцию художественного и научного, нуминозного и эмпирического, душевного и телесного, что 4) создает основу для доведения процесса игры отражений до возможности поставить вопрос о признании неизбывной и спасительной реальности иерофании.

1. Даже тогда, когда забвение кажется свершившимся фактом, оно является всего лишь отложенной памятью, которая навязчиво о себе напомнит и вновь вернется. Работу возвратного механизма памяти обеспечивают не столько индивидуальные желания и усилия, сколько имеющиеся в наличии социальное тело и физическое индивидуальное тело, выступающее в качестве социального конструкта. Тело – носитель печати всех встреч с природой и обществом, живой знак общества, не позволяющий забыть. Индивидуальная же душа неотрывна от постоянно работающей машины общественной жизни, которая формирует индивидуальные практики самой души. Можно сказать, что душа индивидуальной памяти стигматизирована обществом, присутствием Другого, без которого она сама как таковая неизбежно уничтожается. Онтология памяти тем самым высвечивает роль культуры и речи Другого, рождающейся из памяти о вовлеченности человека в существо страдания, в его изначальную связь с принуждением, благодаря которому преодолевается инстинктивный страх и осуществляется выход за самого себя к миру.

Классическое направление исторической науки отсылало к длинной памяти, делая человека ее заложником, когда течение прошлого удерживалось глобальными событиями. Это всеобщая история, «большое время», или *архетипическое отношение ко времени*. Следует заметить, что до момента появления *истории повседневности*, именно *проект всеобщей истории* индивидуализировал время, сменяя собой архетипичное отношение ко времени в арханке⁹.

⁹ *История повседневности* делала ставку на обретение человеком идентичности через близкую ему реальность жизни, а *всеобщая история* конструировала воображаемое «я», собираемое стрелой политически прожитого времени. На то, что проект всеобщей истории сегодня уже отсылает не к индивидуализации, а к архетипике, обращает наше внимание М. Элиаде: «По Гегелю, история “свободна” и всегда “нова”, она не повторяется; но, несмотря ни на что, она согласуется с планами Провидения и потому имеет модель (идеальную, но тем не менее модель) в самой диалектике

Если постмодернистский подход к истории схематично связать с историей повседневности, то ее методологическую ориентацию – с большой долей условности – можно обозначить как «беспамятливое» настоящее (т.е. когда берется *почти* в статике сам событийный момент, хотя бы и относящийся к далекому прошлому). Это «микроистория», или *индивидуализированное отношение ко времени*.

Разным подходам в осмыслении культурной памяти могут соответствовать различные абстрактные типы *индивидуального* (как экзистенциального, так и эстетического) переживания времени. В. Подорога предлагает один из возможных вариантов типизации времени:

- *фантастическое время*, которое производит «фантазмы изменения», т.е. оно «единственно способно изменять что-то внутри себя, давать образ изменяющегося в момент его изменения»;
- *внешнее время*, характеризующееся тем, что оно «организует пространство, в котором будет возможным протекание процесса восприятия»¹⁰.

Эта типология как в когнитивном, так и в экзистенциальном плане может быть скоординирована с устоявшимися методологическими подходами в осмыслении истории – *метанарративным* (всеобщая история) и *микронарративным* (история повседневности).

В случае метанаррации истории, как и в фантастическом времени, настоящее не играет существенной роли, так как приоритет отдается устремлению охватить всё текущее время, схватить его в образе, который сможет раскрываться в качестве своеобразного наставника, удерживающего связь времен и память о прошлом, через уроки которого можно постичь сущность истории и проложить маршрут движения в будущее. В отличие от такой позиции микронаррация, как и внешнее время, сосредотачивается больше на настоящем, так как в заботе о нем формируется внимательное и ответственное отношение к современникам, индивидуальная жизнь которых не должна становиться разменной монетой в интересах предьявленной сущности истории.

С этой диспозицией европейская цивилизация наиболее ощутимо и в парадоксальной форме столкнулась после окончания Второй мировой войны. В частности, два немецких поколения – «поколение 45-го года» и «поколение 68-го года» – разошлись в своем отношении к пережитой нацией исторической травме. «Шестидесятники» на отдалении от трагических событий своей страны потребовали откровенного, без умолчаний и в подробностях, разговора о преступлениях прошлого. Те же, кто был непосредственно причастен к событиям эпохи Третьего рейха, склонялись к тому, что случившееся лучше просто забыть, чтобы посвятить свою жизнь будущему. Данная позиция, благодаря Г. Люббе, получила наименование «коммуникативного замалчивания» и обрела положительное истолкование. А. Ассман, объясняя эту предложенную оцен-

Духа. ...Мы присутствуем при столкновении двух концепций: архаической, которую мы бы назвали архетипной и безысторической, и современной, постгегельянской, которая претендует быть исторической». – Элиаде (2) 2002: 81, 110.

¹⁰ Подорога 1994: 142.

ку, отмечает, что Люббе «интересовало не столько моральное *осуждение* преступников, сколько их биографическая *трансформация*. По мнению Люббе, молчание напоминало кокон, где происходит превращение гусеницы в бабочку; соответственно, так же состоялось превращение члена нацистской партии в гражданина демократического государства. Спустя два десятилетия тезис Люббе о “коммуникативном замалчивании”... уже не казался большинству читателей морально предосудительным, а был воспринят в качестве адекватного описания исторического переходного периода»¹¹. «Поколение 45-го года» сделало свой выбор в пользу перспектив настоящего – задействования всего сохранившегося креативного и интеллектуального потенциала страны. И «отсюда возникал культурно-политический посыл к разрыву с консервативными традициями, к прокладке новых путей, к смелым экспериментам, к внутреннему перевороту в университетах и гуманитарных науках»¹².

Однако поколение «шестидесятников», на основании лишь того, что они занялись извлечением уроков из прошлого, автоматически не превратилось в последователей метанарративной методологии. Прошлое для них обрело концептуальное значение не по существу, а ситуативно, в угоду сформулированным моральным, идеологическим и политическим задач. Немецкий литературовед К.-Х. Борер и вовсе возложил на них «ответственность за упразднение истории»: «“Поколение 68-го года”, ...помня одно, забыло о многом. Это было выражением желания этого поколения стереть прошлое и создать все заново»¹³. Такой интерес к усеченному прошлому является прекрасным изображением *«забвения через памятование»*, когда глубина и масштаб исторических процессов наивно или замысловато, но игнорируются.

2. Рассмотренные типы отношения к историческому времени можно найти в различных произведениях искусства, правда, чаще всего они в них даны через призму индивидуальной человеческой жизни, как, например, в культовом фильме режиссера А. Паркера «Сердце Ангела». Подобное взаимосоответствие частного и всеобщего, индивидуального и общественного мы находим и в мифологических сюжетах, и в проблематизациях рождающейся философии, и в конструкциях развившейся науки, что, в конечном счете, не исключает распространение той же логики на анализ коллективной и личной памяти. Частичная общность их структур имеет экзистенциальный характер, который, взятый в качестве формального принципа, задает условие памяти как таковой. Частичность же заключается в том, что коллективная, архетипическая память, рассмотренная через призму течения мирского времени, лучше поддается стиранию, чем память индивидуальная, что показал М. Элиаде.

В своем анализе он выделил как положительные, так и отрицательные стороны отношения ко времени, присущие архаичному человеку.

¹¹ Ассман 2019: 149.

¹² Там же: 151.

¹³ Там же: 354-355.

С точки зрения исторического сознания к негативной стороне можно отнести ту легкость, с которой предаются забвению лишённые сакрального значения события мирской жизни. У первобытного человека была «потребность... освободиться от воспоминаний о “грехе”, то есть от последовательности “персональных” событий, совокупность которых образует “историю”... Человек архаических культур с трудом переносил “историю” и периодически старался ее упразднить»¹⁴, в чем можно увидеть «творческое бессилие или – что сводится к тому же – его неспособность принять риск, связанный с любым творческим актом»¹⁵. Самим же традиционным сознанием забвение воспринимается негативно, только когда оно касается сакрального времени¹⁶, без которого невозможно свободное и необремененное отношение к мирскому времени:

«...Архаические и традиционные общества допускали свободу ежегодно начинать новое существование – “чистое”, с новыми, нетронутыми возможностями. ...Архаический человек обретает возможность окончательно победить время и жить в вечности. И поскольку ему не удастся это сделать, поскольку он “грешит”, то есть впадает в “историческое” существование, *во время*, – он каждый год упускает эту возможность. Но, по крайней мере, сохраняет *свободу* аннулировать свои ошибки, стереть воспоминание о своем “впадении в историю” и попытаться окончательно выйти из времени»¹⁷.

К положительным сторонам архаического переживания времени как раз и относится та сила по удержанию в памяти сакральных моментов, которые организуют всю жизнь сообщества, придавая ему единство. Человек архаики, переживая мирское время как лишённое значения, стремится перестать в нем существовать и сконцентрироваться на повторении божественного архетипа:

«...Благодаря повторению время останавливается или, по крайней мере, умеряется его разъедающая сила. ...Глубинный смысл поведения первобытного человека показывает нам, что человек в этом своем поведении руководствуется верой в абсолютную реальность, противостоящую миру житейских “нереальностей”. В конечном счете этот последний не является, собственно говоря, “миром”: он “нереален” по существу, не созданный, не существующий – ничто. ...На самом деле это поведение соответствует отчаянному усилию не потерять контакт с *бытием*»¹⁸.

Возвращаясь к произведению Паркера, сначала обратим внимание на примечательный факт почти что абсолютного совпадения лейтмотива фильма с одним из центральных эпизодов мифологического фольклора Индии о потере памяти йогом Мациендранатом¹⁹. Поэтому вовсе не случайно, что прослеживаемый в ходе кинематографического рассказа драматизм истории воспроизводит те же аспекты взаимодействия со временем, которые характерны для архаического сознания.

¹⁴ Элиаде (1) 2002: 71, 47.

¹⁵ Там же: 119.

¹⁶ «...Люди должны остерегаться забвения того, что произошло *in illo tempore*. Истинный грех – это забвение». – Элиаде (2) 2002: 300.

¹⁷ Элиаде (1) 2002: 120-121.

¹⁸ Там же: 80-81. «Коллективная память внеисторична». – Там же: 52.

¹⁹ См.: Элиаде 2001: 133-135.

В «Сердце Ангела» проблематизирована метафизическая сторона существования на пределе, понимаемого и в качестве черты перехода к истоку, и в качестве знака выхода за этот связующий исток, скольжению по времени и переступанию за установленные принципы. Путеводная нить сценария ведет к онтологической границе, где открывается, как минимум, двойственный смысл нашего положения в бытии. Чтобы достичь подобного эффекта, режиссер использует классическую аллерию зеркала. Гарольд (Гарри) Ангел, главный персонаж фильма, неоднократно застывает взглядом на отражающих его лицо поверхностях, от которых он как бы ждет ответа, ищет нечто скрытое за непроницаемой амальгамой, за которой на самом деле его поджидает встреча с самим собой, но с *другим*, о котором он даже не подозревает. Попытка успокоить себя тем, что это всего лишь призраки воспаленного воображения, по ходу событий ни к чему не приводит, наоборот, тревога только нарастает, приближая его к ужасающей развязке – узнаванию своего истинного лица.

Постепенно приоткрывающаяся жизнь (как оказывается – без памяти) предстает фальшью и одержимостью уничтожения своего прошлого, против чего все еще борется нечто «настоящее», изнутри рвущееся наружу, и в какой-то момент даже останавливающее от преступления. Это мы видим, например, в эротической сцене несостоявшегося убийства Ангелом своей дочери Эпифании²⁰. Возвращение сознания из морока спутанной памяти фиксируется символическим разбиванием зеркала. В данной символике одновременно указывается и на нравственный распад, и на утрату цельности жизни, воспринимаемой лишь по фрагментам, и на порыв выхода из бессвязности времен, чтобы переступить зеркальный барьер, отчуждающий героя от понимания самого себя. При этом во всех изображениях физическая составляющая действий и переживаний Ангела имеет почти что решающее значение, чему сразу же начинает служить исходное обыгрывание эпистемологического варианта присутствия в теле сразу двух душ. Благодаря этому тело и физическое измерение мира в целом наделяются онтологическим статусом, так как без них оказывается невозможно сдерживать поглощающую силу забвения и сохранять память²¹.

В этой связи любопытно звучит признание Нобелевского лауреата по литературе Гюнтера Грасса, представляющего «поколение 45-го года», который в 2006 г. заявил о своем эссовском прошлом, а желание прервать молчание выразил репликой, именуемой чувственно-телесные

²⁰ Эпифания (греч.) – появление, откровение божества; а также – слава. «Ритуальное воссоздание... первой эпифании реальности положено в основу всех священных календарей: праздник — это не церемония “в память” о каком-либо мифическом (следовательно, и религиозном) событии, а его *восстановление* в настоящем. А самым что ни на есть совершенным *Временем Начала* является Время космогонии, момент, когда появилась самая обширная реальность – Мир» (Элиаде (2) 2002: 289).

²¹ Более подробно о том, как эта тема освящается на научно-исследовательском уровне, см.: Ассман 2019: 131-145.

коннотации: «Это рвалось наружу». Для него «эти воспоминания никогда не забывались, но они тщательно прикрывались другими историями. Желание признаться, рассказать всю правду до конца возникло лишь при работе над автобиографией “Луковица памяти” (2006) ... Это оказалось для писателя последней возможностью рассказать наконец полностью историю собственной жизни, освободив ее от искажений»²².

В приведенном примере признания имеют большее значение, чем сами утратившие свою актуальность дела. Так и в фильме Паркера важнейшей стороной повествования становится не только содержание истории, но и ее внешнее сопровождение, данное в говорящих именах и фамилиях. Имя выступает своеобразным аналогом телесно зримого зеркала. Метафорически нам говорится, что имя не синхронично, а телеологично, т.е. я не есть свое имя, а направляюсь им к тому, чем должен стать, становлюсь или могу не стать им вовсе, возможно, из-за сопротивления навязанному мне движению. Онимические знаки по мере развития рассказа обретают целеполагающий смысл, ориентируя мышление в топографии памяти, вследствие чего забвение, несмотря на то что является «организующим принципом памяти»²³, снимается, удостоверяясь в своей вторичности – зависимости от затаившегося прошлого. Прошлое же «не исчерпывается нашим индивидуальным или коллективным обращением к нему; прошлое нельзя монополизировать, оно не поддается ни окончательной оценке, ни его длительному отрицанию, а главное, его никогда нельзя уничтожить полностью. ... Прошлое настаивает на том, чтобы его признали, оно снова и снова требует считаться с ним»²⁴.

Поэтому смысловой стержень фильма вращается вокруг проблемы восстановления памяти Гарри Ангела, в жизнь которого скрыто вpleлась судьба певца Джонни Либлинга²⁵. Ангел должен дойти до осознания, кто он такой, вспомнить самого себя. В результате он поймет, что на самом деле он – Джонни, который ради того, чтобы стать знаменитым, вступил в сделку с Люцифером и продал ему свою душу. Но расплачиваться по долгам Джонни не собирался, а с помощью различных ухищрений намеревался обмануть дьявола. В первую очередь он совершил ритуальное убийство солдата Гарри Ангела, душа которого переместилась в тело Джонни. Однако эта уловка, как и все следующие за ней inferнальные действия, не только не аннулировали и не предали забвению заключенный договор, но лишь ускорили неминуемую встречу с дьяволом. *Процедуры забвения оказались операциями по воспоминанию.*

3. С предложенным художественным образом мы можем вновь соотнести конкретный исторический факт. К интеллектуальным лидерам послевоенного поколения можно смело отнести Х.Р. Яусса, которого также не обошла стороной разоблачительная волна денацификации ше-

²² Ассман 2019: 156.

²³ Там же: 185.

²⁴ Там же: 346.

²⁵ Liable (англ.) – обязанный, связанный обязательством, ответственный.

стидесятих годов. Открывшаяся информация о службе в рядах СС поставила крест на дальнейшей академической карьере родоначальника «рецептивной эстетики». Его попытка оправдаться выглядела малоубедительной: «Я роковым образом ошибся в предвидении будущего, что привело меня в октябре 1939 года к вступлению добровольцем в войска СС (не ведая толком, что они собой представляют и чем это обернется) в надежде, что, став офицером запаса, *получу определенные привилегии и смогу ускорить* (за счет непрохождения трудовой повинности) *поступление в университет...* (курсив наш. – И.К.)»²⁶. Конечно, еще совсем молодой человек может недостаточно хорошо разбираться во всех тонкостях политической жизни своей страны, однако дарований Яусса и уровня его культуры вполне хватало, чтобы проявить нетерпимость к нацистской идеологии. Одно лишь решение расовых вопросов в ней, казалось бы, уже должно было стать достаточным основанием, чтобы не оказаться в числе яростных сторонников подобного мировоззрения.

Яусс либо разыгрывал карту наивности, либо, на самом деле, пребывал в драматичном заблуждении, когда механизм забвения создал в нем убеждение о его юношеской близорукости. Вместе с тем, оценка и осуждение его поступка становятся понятными и очевидными для нас с точки зрения современных политкорректных норм. Довоенные ценностные представления в европейском сообществе по меркам нынешнего дня были куда более неоднозначными и противоречивыми, в рамках которых расовая дискриминация далеко не всегда считалась безусловно предосудительным и недопустимым явлением. Приверженность научному, а не публицистическому подходу в осмыслении событий окружающего мира, а также герменевтический навык при их анализе, приучающий остерегаться переноса ценностей одного исторического времени на другие эпохи, в числе прочего могли мотивировать Яусса забыть о своем выборе, ставшем безоговорочно постыдным десятилетия спустя:

«В отличие от Гюнтера Грасса (Яусс. – И.К.) не нарушил молчание, когда его начали расспрашивать о прошлом, а принялся защищаться, оправдываться, умалять или приукрашивать свои прежние действия. Ничего другого ему не оставалось. Яусс настолько успешно отделил военные воспоминания от своей послевоенной идентичности, что даже позднее, когда его коллеги стали публиковать собственные воспоминания о войне, он не испытывал внутреннего давления, которое заставило его обратиться к этим страницам своей биографии. Импульсы поступали только извне. Поэтому у Яусса не родились ни слова, ни чувства, способные помочь ему в необходимой работе над собой. Результатом оказался внутренний раскол, который закапсулировал чужого “другого” в его собственной личности, не оставляя доступа к этому “другому”»²⁷.

В благой самонадеянности не обращать внимания на прошлое, а творить прекрасное будущее, Яусс не учел лишь одного важного обстоятельства, при таких расчетах не бросающегося в глаза, – тело. При сохраняющемся собственном теле или архивно сохранившихся данных об

²⁶ Цит. по: Ассман 2019: 155.

²⁷ Ассман 2019: 159.

этом теле искусственное забвение или успешное сокрытие своей идентичности обречено на провал. Без памяти разрушается смысловое единство разрозненных моментов жизни, которая с легкостью выбрасывает авантюриста, избавляющегося от памяти. Для него срабатывание подобной закономерности становится полной неожиданностью, поскольку уже успело сложиться устойчивое впечатление, что предприятие удалось. Тем самым даже при вычеркивании прошлого и манипуляции с ним, память полностью не упраздняется, ее форма продолжает выстраивать связи, но уже как бы в перепрограммированных условиях – поддерживать забвение. Форма начинает служить разрушению содержания и вносить разлад в отношения, но неминуемо, пройдя через такие испытания, возвращается к согласию цельности. В фильме А. Паркера это теоретическое положение иллюстрируется душевным пробуждением героя, который, находясь в теле Ангела, напоминает, что он – это Джонни, и цель его – уничтожить все, что хоть как-то может вернуть к памяти события прошлого, в чем более всего заинтересован Люцифер. Но попытка забвением снять с себя груз обязательств, взятых в прошлом, постепенно трансформируется в обратное движение – к возрождению памяти и избавлению от забвения²⁸.

Заключение сделки с Люцифером было отправным моментом в совершении убийства собственной души. В этом нефизическом акте виден исток последующих физических преступлений Джонни. Ритуал присвоения души Ангела, которая в будущем должна была прикрыть «спасающуюся» душу Джонни, не завершился однократным действием, а привел к последствиям, не только не сулящим спасения, но умножающим несчастья, отдаляющие человека от переживания гармонии и согласия с собой. В чем-то похожа на это судьба метафизического субъекта, классические идеалы которого выродились в интеллектуальное высокомерие «эго», превратившего *мнение* в легитимный способ описания мира. Благодаря успешно занимаемым эмпирическим позициям, его воплощения в повседневной жизни постепенно приобретали эталонный статус, хотя непосредственный опыт в неменьшей степени доказывал и его просчеты. Тем самым неотвратимо падал уровень чистоты, приписываемый теоретическому сознанию, а в практике жизни теоретический субъект все больше сталкивался с собственной неустойчивостью и внутренней рассогласованностью. Практический субъект, разрушающий претензии теоретического разума на всемогущество и полный контроль над идентичностью, вынуждает теоретического субъекта считаться с зыбкостью оснований и искать избавления от беспочвенности существования в пределах исторической памяти, балансирующей на грани с трансцендент-

²⁸ В этой связи можно вновь сослаться на упомянутые выше типы времени в концепции В. Подороги. Джонни, стирающий следы прошлого, живет во *внешнем времени*, в то время как Ангел, одержимый расследованием и восстановлением истории своей жизни, актуализирует *фантастическое время*. Также о соотношении форм памяти и забвения см.: Ассман 2019: 9-191.

ным. При отказе принимать столь противоречивое единство – основы и безосновности, – психологические разногласия усугубляются, и следующее за этим обезличивание влечет расставание с душой, поэтому при любой встрече с тем, что может напоминать о ней, появляется безразличие или отвращение. Показательным примером этого является реакция Ангела на слова Люцифера, неспешно и утрашающе пережевывающего яйцо, о том, что в некоторых религиях яйцо считается символом души:

«Люцифер: – Вы не хотите съесть?»

Ангел: – Нет, не хочу, меня и от кур передергивает, и от всего, что с ними связано».

4. На протяжении долгой истории развития человеческой культуры в том или ином виде фиксировалась принципиальная разница между телом и душой, когда их противопоставление рассматривалось с позиции имеющейся у души возможности освободиться от ограничивающего ее тела. В «Сердце Ангела» столкновение двух субстанций прослеживается в различии отношения двух душ – Джонни и Ангела – к существующему телесному измерению жизни:

- Джонни стремится заставить душевные силы служить его материальным интересам – тщеславию, а впоследствии уничтожению всех улик, которые смогли бы его изобличить;

- Ангел нацелен на борьбу с вырывающимися из глубин сознания хтоническими силами, усмирением которых гарантируется онтологический порядок и достигается телесное преображение, согласующееся с независимыми от тела возвышенными мотивами души.

Однако сценарное смешение двух душевных начал в телесном субстрате проблематизирует возможность однозначной оценки происходящих событий, которая напрашивается в рамках классической этико-религиозной установки:

- Проявленная душевная свобода оборачивается торжеством материи, потому что искреннему расследованию Ангела сопутствовали скрытые «действия» Джонни, реализующие его корыстный план, в результате чего неубийца Ангел становится виновным.

- Подлежащие суду поступки не могут быть отнесены к Ангелу, так как их исполнителем является все же Джонни. Из этого следует, что сами совершаемые телесные акты Ангела оказываются аксиологически бессодержательными и вне пределов нравственных суждений.

Произведенная в данном случае подмена показывает возможности искажения функциональных основ человеческой жизни. Формообразование, за которое сущностно отвечала умная душа, стало обеспечиваться через принципы телесного существования. Материя, присвоившая себе власть не по праву, в своем господстве над формой разлагающе просачивается во всё устройство бытия.

Коррупцированная²⁹ душа Джонни начинает формироваться в момент возникновения навязчивого желания всеми доступными средствами достичь известности, делающей его тело предметом культа и даю-

²⁹ От лат. *conruptio* – разложение, растрление.

щей ему массу материальных преимуществ. В потребительском обороте, наращивающем личные выгоды, возрастает автономность средств, становящихся целью, которая превращает использующих их потребителя в машину по их накоплению. Скапливающееся изобилие уплотняет и уплощает трансформированную душу, уже плотский характер которой оказывает разрушительное давление как на нее саму, так и на телесное ее состояние. Но тело на дне своего падения, прорывом в воспоминаниях, само подает сигнал о несоразмерности образовавшихся отношений между формой и материей. Вглядевшись и прислушавшись, возвращается осознание продолжающейся схватки души и тела за восстановление иерархического положения и за собственное спасение, что в сочинении «О хранении чувств, ума и сердца» Никодим Агиорит передал следующим образом: «Ум старается вернуть телесные чувства к наслаждению умственными наслаждениями и таким образом чувства понемногу смягчаются. Как тело посредством чувств старалось сделать ум и дух плотью, так теперь ум посредством своих нематериальных наслаждений делает плоть нематериальной, некоторым образом делает его духом»³⁰.

Немощность духа, временно передающего свою силу телу, в какой-то момент как бы приводит в чувство само тело, начинающее вновь отдавать себе отчет о надлежащем ему месте и необходимости напоминать духу о себе и своем правильном соотношении с ним. Ресурсный потенциал тела – быть мнемоническим инструментом души, обеспечивающим потерявшемуся духу возможность прийти в себя. В пройденном жизненном пути описывается герменевтический круг, утверждающий понимание организующей первичности души по отношению к телу. Память посредством тела наставляет поддерживать целостность человеческой экзистенции, вмещающей в себя алчность и щедрость, отчаяние и надежду, мужество и трусость, удовольствие и боль.

Пребывая в таком движении, графемы телесности реанимируют утраченные письма времени. Путанность их знаков может создавать сумбур во взаимодействиях с другими, когда лакуны былого, обозреваемые одним, дают о себе знать другому загадочными символами, которые проще истолковывать поверхностно, не вникая в их тайное содержание. И тогда мнимость, принятая таким образом за подлинность, подкрепляется нормой психологической защиты: печали и тревоги прошлого лучше предавать забвению, чтобы живое настоящее не становилось их жертвой. Обращение к непроясненному прошлому, действительно, может вредить настоящему, отягощая его лишними сомнениями. Возникающая здесь растерянность приводит к неразборчивости в выборе средств и, как следствие, к решению отказаться нести ответственность за содеянное, оправдывая это привычностью подобных действий в практике других.

Память в этой связи может выступить как то, что удерживает сам миг и таинство встречи, само *событие начала*, а не формальное его закрепление в факте необходимости его продления. И тогда память об

³⁰ Цит. по: Позов 1965: 35.

открытости мгновению события решает проблему застывания в себе, инерционного воспроизводства одного и того же, обозначая путь избавления от гнета привязанности к себе или друг к другу. Создаваемое в этом контексте культурное содержание представляет собой интенсификацию работы по определению смысловых связей мира и мысли. Проявляющаяся жизненная страсть к полноте прожитого извлекает на белый свет историю в разнообразии ее красок, и, подобно тому, как проходящий через призму белый свет распадается на многоцветье, в мире величие чревато ничтожеством. Коварство возникающей антиномии состоит в иллюзорной простоте ее разрешения, заражающей намерением в физическом мире окончательно все расставить по своим идеально смоделированным местам. Однако изначальная коммуникативная вовлеченность в существо этого мира убеждает в призрачности подобных надежд, заставляет признать неотъемлемость от него его симуляций, обманов и тщедушия, которые скрываются за масками справедливости и решимости. И сами притязания памяти на раскрытие истины оборачиваются фальсификацией и ужасающими способами прикрытия лжи.

Такое прочтение попытки забвения, которое можно найти в фильме А. Паркера при сопоставлении его с трагическими фактами истории, наводит и на вопрос: а существовала ли когда бы то ни было незамутненная открытость бытия мира или она уже невосполнимо утратилась?

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019. 552 с. [Assmann, A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej* [Forgetting History – Obsession with History]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 552 p. (In Russian)].
- Подорога В. Лицо других // Ad Marginem' 93 . Ежегодник. М.: Ad Marginem, 1994. С. 131-147 [Podoroga, V. *Lico drugih* [Face of others], in: Ad Marginem' 93. *Ezhegodnik*. М.: Ad Marginem, 1994, pp. 131-147. (In Russian)].
- Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Сын человеческий. Мадрид, 1965. 421 с. [Pozov A. *Osnovy drevne-cerkovnoj antropologii. Syn chelovecheskij* [Foundations of ancient church anthropology. Son of Man]. Madrid, 1965, 421 p. (In Russian)].
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с. [Halbwachs, M. *Social'nye ramki pamjati* [The social frameworks of memory]. М., Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p. (In Russian)].
- Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с. [Eliade, M. *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. М.: Akademicheskij proekt, 2001, 240 p. (In Russian)].
- Элиаде М. (1) Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2002. С. 21-124 [Eliade, M. *Mif o vechnom vozvrashhenii* [The Myth of the Eternal Return], in: Eliade, M. *Izbrannye sochinenija: Mif o vechnom vozvrashhenii* [Works: The Myth of the Eternal Return and others]. М.: Ladomir, 2002, pp. 21-124 (In Russian)].
- Элиаде М. (2) Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2002. С. 251-356 [Eliade, M. *Svjashhennoe i mirockoe* [The Sacred and the Profane], in: Eliade, M. *Izbrannye sochinenija: Mif o vechnom vozvrashhenii* [Works: The Myth of the Eternal Return and others]. М.: Ladomir, 2002, pp. 251-356 (In Russian)].
- Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2000. 394 с. [Eliade, M. *Traktat po istorii religij*. Tom 1 [Treatise on the history of religions. Vol. 1]. Spb.: Aletejja, 2000, 394 p. (In Russian)]
- Rennie B. Introduction // *Changing Religious Worlds: The Meaning and End of Mircea Eliade*. Ed. by B. Rennie. New York: SUNY Press, 2001, 330 p.
- Werblowsky, R. J. Zwi. Statement // Schimmel, Annemarie. “Summary of the Discussion”, *NUMEN*, Vol. 7 (Fasc. 2, Dec.), 1960, pp. 235-239.

Кузин Иван Владиленович, доктор философских наук, доцент, Институт философии, СПбГУ; iaffet@mail.ru

About Impossibility of Forgetting

The problem of individual memory is analyzed in this article. The following paradox is put forward: if the basis of individual memory is its own internal resources and they are not related to the external state of affairs, the world is a place of mutual indifference and complete loneliness. When a common destiny does not exist, it is impossible to overcome isolation. The purpose of the comparative analysis based on examples from art and historical studies was to show the process of putting a person in a state of disconnection from both himself and the world. As a result, it has been demonstrated that the mechanism of culture as memory is a condition for leaving this process. These examples show that in life searches, hopes and through memory itself there is a return to such a past, which, setting the routine of life, opens up as a sought-after source of foundation. Consequently breaking the automatism of connections is the termination of bifurcation. As a result forgetting ceases to be the second kind of human “self”. The bodily factor is of fundamental importance here. An analysis of A. Parker 's “Angel's Hearts” confirms this. Here, memory experience is shown.

Keywords: memory, forgetting, time, history, image, cinema, deception, body, individual, universal, social

Ivan V. Kuzin. Department of Social Philosophy and Philosophy of History, The Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University (SPbU); iaffet@mail.ru

Д.А. АНИКИН, А.Ю. БУБНОВ

ТРАЕКТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (на примере лидеров Белого движения)¹

Статья посвящена изучению особенностей формирования исторической памяти о Гражданской войне в постсоветской России. На примере образов лидеров Белого движения П.Н. Врангеля, А.В. Колчака, А.И. Деникина и П.Н. Краснова рассматриваются коммеморативные практики, мнемонические акторы и нарративы о Гражданской войне, представленные в публичном пространстве. Фигуры лидеров Белого движения анализируются в контексте политики «согласия и примирения». Колчак и Краснов не используются государственной властью как значимые образы исторической политики в силу дополнительных антипатриотических коннотаций (интервенция, участие в Великой Отечественной войне на стороне Германии). Образы Деникина и Врангеля оказываются более компромиссными в силу возможности их использования в мемориальных конфликтах на постсоветском пространстве (в частности, в символическом противостоянии с Украиной). Активная мемориализация Врангеля начинается в 2014 г. в связи с включением Крыма в состав России.

Ключевые слова: *политика памяти, историческая память, мемориальные практики, мнемонические акторы, нарратив, гражданская война.*

В 2017 г. Россия официально отметила столетие революции 1917 г., попутно выяснив, что общественный компромисс по поводу тех событий так и не стал историческим фактом. Не менее сложным вопросом для исторического сознания современного российского общества предстает юбилей Гражданской войны. Сложным хотя бы потому, что даже с точки зрения официальной историографии нет единого мнения относительно «точки отсчета» этой войны. Считать ли ее началом бунт чехословацких частей весной 1918 г., следуя советской историографической традиции, или сдвигать противостояние еще дальше к событиям «октябрьского переворота» или «корниловского мятежа»? Или сама постановка вопроса о начальных событиях методологически некорректна и правильнее говорить о стадиях «вхождения» в состояние войны, начиная с Февральской революции, а локальные попытки сопротивления советской власти относить к «малой» Гражданской войне².

Отдаленность событий Гражданской войны отчасти лишает современных исследователей возможности изучения коммуникативной памяти, переориентируя внимание с массовых социальных процессов на использование определенных образов прошлого в политической деятельности. Как считает О.Ю. Малинова, «рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики»³. Поэтому методологи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00833. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00833.

² Голдин 2018: 16–49.

³ Малинова 2015: 23.

ческой основой исследования становится процесс-реляционный подход Д. Олика, восходящий к идеям П. Бурдьё, ставящий вопрос о контекстуализации и динамике образов прошлого, а также их связи с политическими акторами и их ситуативными коалициями или конфликтами, реализующимися в символическом пространстве⁴.

Проблема заключается не только в методологии исследования, но и в мировоззренческом расколе относительно выбора путей развития. Распад СССР и кризис исторического нарратива, легитимировавшего его существование, привел к поиску альтернатив советскому государственному строю. Закономерно, что подобной альтернативой, пусть и не реализовавшейся в действительности, стала та модель государственности, которая могла бы сложиться в России, если бы противники коммунизма смогли реализовать свой исторический шанс и захватить власть.

В начале 1990-х гг. широкой публике становятся доступны художественные произведения и мемуары эмигрантов «первой волны». В то же время власть совершает идеологический поворот, видя в реабилитации Белого движения важный фактор переориентации России с дискредитированного коммунизма на слабо знакомый, но притягательный либерализм. В 1997 г. был издан президентский указ «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы гражданской войны», согласно которому постановка памятника жертвам Гражданской войны осуществляется «в целях реализации государственной политики, направленной на консолидацию российского общества в Год согласия и примирения»⁵. Примечательно, что в тексте указа не проводится различий между сторонами конфликта. По сути, погибшие участники Белого движения приравнивались к знакомым по советскому героическому пантеону бойцам Красной Армии. Соответственно, многие белые военачальники, отношение к которым до этого момента диктовалось классовым противостоянием, получили шанс не просто реабилитироваться, но и стать частью общероссийского пантеона героев, пусть и в отдаленной перспективе.

Логичным итогом этого процесса стало переосмысление Гражданской войны и роли отдельных ее участников в образовательных практиках. Большую роль в этом сыграла «Концепция УМК по отечественной истории», принятая 19.05.2014 г. на общем собрании РОИ, а также Концепция преподавания учебного курса «История России», утвержденная Министерством просвещения РФ 23.10.2020 г. С одной стороны, происходит закрепление определенного перечня лидеров Белого движения, знание которых, по крайней мере с точки зрения авторов Концепции, обязательный атрибут современного старшеклассника. Однако не менее важным становится увязывание образовательных практик с другими формами коммеморации (массовая культура, памятники и мемориалы, общественные дискуссии), без учета которых представление о трансформации коллективного исторического сознания будет неполным.

⁴ Olick 2007: 7-10.

⁵ Указ Президента РФ № 1155 от 06.11.1997...

Неравномерность представленности лидеров Белого движения в исторической памяти современного российского общества заставляет поставить вопрос о том, какие дополнительные факторы влияют на селекцию памяти о Гражданской войне, какие политические и культурные контексты определяют задействие или игнорирование вышеупомянутых персонажей в исторической памяти современной России.

Мы сосредоточим внимание на фигурах тех лидеров Белого движения, которые закрепляются в образовательном процессе, становятся объектами мемориального увековечивания и периодически проявляются в общественной повестке. Представленность фигур П.Н. Врангеля, А.В. Колчака, А.И. Деникина и П.Н. Краснова в мемориальном ландшафте современной России несопоставима, но каждый из них стал объектом общественных дискуссий, связанных как со своей исторической ролью, так и с необходимостью увековечивания его памяти, что позволяет получить ценный материал для сравнительного анализа и не только определить траектории коммеморации конкретных исторических деятелей, но также выявить общие стратегии трансформации мемориального ландшафта по поводу Гражданской войны в современной России.

П.Н. Врангель: от борца с коммунизмом к защитнику России

Историческая память о Врангеле, поддерживаемая в русской эмиграции, описывала его как непримиримого борца с советской властью, а относительно ранняя смерть позволила ему не оказаться в сложной этической ситуации во время Второй мировой войны. Поэтому символическое «возвращение» барона на Родину после распада СССР так и не состоялось – против оказались как члены семьи, так и руководство созданного им РОВСа. Первый памятник Врангелю был установлен только 14 сентября 2007 г. в Сремских Карловцах, в 70 км от Белграда, где генерал несколько лет жил до переезда в Бельгию. Установка памятника финансировалась из частных источников, но, что весьма показательным образом, его создание благословил Патриарх Алексий II. Само открытие памятника происходило в присутствии представителей РПЦ и СПЦ, с приветственным словом на нем выступил руководитель Управления по защите культурного наследия министерства культуры РФ В. Петраков.

Всплеск интереса к образу Врангеля в России наблюдается в контексте реалий 2014 года. Воссоединение Крыма с Россией, формирование т.н. «крымского консенсуса» создало запрос на актуализацию исторического контекста. Данный тренд был задан в выступлении В.В. Путина в том же году: «Считаю, что Крым может быть и сегодня уникальным мериллом, может и сегодня сыграть уникальную объединяющую роль для России, став своего рода историческим, духовным источником, еще одной линией примирения как красных, так и белых»⁶. Попыткой реализации указанного тренда можно считать и открытие 18 сентября 2016 г. первого на территории России памятника Врангелю в Керчи.

⁶ Путин 2014.

Источником финансирования были народные пожертвования, но основным инициатором установки стал Керченский союз монархистов, заручившийся благословением митрополита Феодосийского и Керченского Платона. Ранг представителей государственной власти оказался на порядок выше, чем в Сербии: на открытии с приветственным словом выступил первый заместитель министра культуры РФ Владимир Аристархов, который постарался вписать Врангеля в пантеон выдающихся отечественных полководцев: «Сегодня мы вспоминаем великого человека, того, чьё имя должно встать по праву в один ряд с выдающимися полководцами нашей истории, вместе с Дмитрием Донским, Александром Невским и другими нашими великими военачальниками». Но более показательна «фигура умолчания» в выступлении представителя власти, когда отсутствие упоминания конкретного противника Врангеля позволило сместить акцент с гражданского противостояния на борьбу с внешним врагом: «Наши дети и потомки должны знать людей, которые покрыли себя славой, сражаясь с врагами нашей страны, нашего народа, которые спасли сотни тысяч жизней от террора, от гибели»⁷. Положительное отношение к открытию памятника выразил РОВС в лице своего руководителя И.Б. Иванова: «Разумеется, РОВС горячо поддерживает эту инициативу патриотов из Керчи, ведь Петр Николаевич Врангель – это ещё и основатель нашей организации»⁸.

Установка памятника, рассматриваемая организаторами как жест национального примирения, вызвала, тем не менее, критику с разных идеологических позиций. Глава фракции КПФР в горсовете Симферополя, критикуя установку памятника Врангелю, также провел аналогию между событиями Гражданской войны и Крымским кризисом 2014 г., но изменил акценты в оценке прошлого. С его точки зрения, «от Врангеля только одна беда была. А сама военная операция Красной армии – это установившийся факт, тем более он играет в пользу России»⁹. Ответной реакцией на символическое помещение образа Врангеля в контекст «крымского консенсуса» стало и обращение потомка эмигрантов Александра фон Гана. Еще в 2015 г. в открытом письме «Отповедь чекистскому прислужнику» он констатировал: «В 1920-м именно в Крыму закончилось тысячелетнее Русское Царство. В 2014-м там же были перечеркнуты надежды на способность нынешнего руководства Российской Федерации отказаться от методов гражданской войны для сохранения собственной власти над нашей Родиной»¹⁰. В 2016 г. раскол приобрел и организационное выражение в форме восстановления А. фон Ганом основанного Врангелем Русского совета.

Следует обратить внимание на то, что существенной вехой в современной политике памяти становится 2014 год, когда воссоединение

⁷ В Керчи установлен первый в России памятник Врангелю...

⁸ В Крыму откроют первый в России памятник генералу Врангелю...

⁹ «Нечеловеческое безумие»...

¹⁰ Отповедь чекистскому прислужнику...

Крыма с Россией позволило символически перекодировать сам образ Врангеля и совершенные им действия. В новом политическом контексте барон превратился в защитника Крыма и, соответственно, положительного исторического персонажа, при этом на задний план оказался отодвинут вопрос о том, от кого именно он оборонял Крым. Вместе с тем подобное смещение акцентов не привело к закреплению Врангеля в качестве символической точки народного примирения, поскольку существенными и активно представленными в онлайн-пространстве остаются альтернативные точки зрения на его деятельность: коммунистическая и монархически-консервативная. С точки зрения коммунистов, артикулированной в полемике о памятнике Врангелю в Керчи, его образ периода Гражданской войны является воплощением не победы, а поражения в Крыму, что не способствует позитивному осмыслению исторического прошлого. События 2014 года раскололи и апеллирующее к символическому наследию русской эмиграции монархическое движение – для значительной его части помещение образа Врангеля в контекст «крымского консенсуса» представляется издевательством над его памятью.

А.В. Колчак: войны памяти и война с памятниками

В отличие от П.Н. Врангеля, личная и общественная жизнь адмирала оборвалась в хронологических рамках Гражданской войны и не имела продолжения в эмиграции. Несмотря на масштабы взаимного насилия в годы Гражданской войны в России и гибель большого количества людей в результате действий противоборствующих сторон, именно с Колчаком в наибольшей степени ассоциируется практика карательных операций против мирного населения. В силу зависимости от предшествующей текстовой традиции, то, что Д. Олик называет властью жанра в коллективной памяти¹¹, негативный образ Колчака воспроизводится и в современных представлениях.

В формировании памяти о Колчаке в постсоветской России можно выделить несколько тенденций. Первая тенденция связана с общей реабилитацией противников красных в 1990–2000-е гг., в условиях отказа от идеологических ограничений прежнего режима. В этот период происходило очищение образа Колчака от негативных трактовок, порожденных противостоянием и закреплённых в советской версии истории Гражданской войны. Популяризировались такие, прежде замалчивавшиеся вехи его биографии, как участие в полярных экспедициях, научный вклад в изучение и освоение Арктики, публицистическая деятельность по обновлению русского флота и успешное командование морскими силами в годы I Мировой войны. Реабилитация Колчака в общественном сознании сопровождалась появлением многочисленных мест памяти. Наиболее крупным событием стало появление в 2004 г. памятника в Иркутске, поставленного, в значительной мере, благодаря скульптору и общественному деятелю В.М. Клыкову. Для монархических и

¹¹ Олик 2012. Т. 11. № 1: 40–78.

национально-консервативных сил реабилитация имела большое идеологическое значение – Колчак олицетворял спасительный выход из революционной Смуты через национальную диктатуру.

Однако уже тогда обозначился конфликтный потенциал, связанный с фигурой Колчака. Попытка юридической реабилитации в конце 1990-х столкнулась с институциональной инерцией правопреемственности. Российские государственные институты в их наиболее консервативной части (военные суды) строго придерживались советской традиции отношения к Колчаку как военному преступнику. Решение об отказе в реабилитации было принято в 1999 г. военным судом Забайкальского военного округа. Для современных российских правых характерно оспаривание ключевого тезиса об осуждении Колчака и, следовательно, о необходимости его реабилитации: «Колчак никогда не был осуждён — ни легитимным судом России, ни даже советским судом. Решение предать его смерти принял «Иркутский военно-революционный комитет», то есть группа самозванцев, не имевшая никакого юридического статуса даже в рамках конституции РСФСР, принятой большевиками в 1918 году»¹². Вторая тенденция связана с региональным и коммерческим аспектами использования образа Колчака. Большое количество мест памяти возникло в городах, связанных с деятельностью Колчака в предреволюционный период и особенно во время Гражданской войны, в Санкт-Петербурге, Севастополе, Иркутске, Омске, Владивостоке.

В других случаях речь уже идет о коммерческой эксплуатации образа, удачно вплетенной в региональную политику памяти. К такому типу можно отнести экспозицию в камере иркутской тюрьмы, где Колчак содержался перед расстрелом или открытый в Омске ресторан «Колчак», с бронзовым барельефом адмирала. Наиболее крупной акцией по реабилитации Колчака и, одновременно, по коммерческому использованию его образа стал выход в 2008 г. на экраны фильма «Адмиралъ» и одноименного сериала. Снятый при государственной поддержке и закрепляющий в целом положительный образ Колчака, фильм уходит от однозначных оценок сил, участвовавших в Гражданской войне. Романтизируя фигуру Колчака, авторы в то же время показали его репрессивную политику против мирного населения. Закономерно, что коммерческая популяризация Колчака подвергается критике и слева, и справа. В статье, размещенной на сайте мемориально-просветительской организации «Белое дело», экскурсии по иркутской камере Колчака оцениваются как разрушающие память «аттракционы» «дешевого пошиба»¹³.

В целом, можно отметить, что тенденция возвращения памяти о Колчаке изначально носила компенсаторный и примиренческий характер. Это было отражением спада красно-белых противоречий в 1990-е годы в ходе совместного противостояния Ельцину коммунистов и национал-консерваторов (что было зафиксировано в известном политиче-

¹² Холмогоров 2020.

¹³ Кузнецов 2020.

ском ярлыке того времени «красно-коричневые»). Распад этого союза, вследствие изменения конфигурации политического поля в эпоху Путина, привел к идеологическому размежеванию национального и коммунистического сегментов. В новых условиях память о гражданской войне снова стала идеологической демаркацией «красных» и «белых». Конфликтный потенциал, который несла в себе фигура Колчака, проявился уже с начала 2000-х, но особенно ярко отразился в публичном пространстве накануне столетия революции 1917 года. Показательна история с памятной доской Колчаку, установленной на его петербургском доме. Одним из инициаторов ее установки была организация «Белое дело». Торжественно открытая в ноябре 2016 г., в присутствии высоких должностных лиц, доска уже в январе 2017 г. была несколько раз облита краской, а в июле демонтирована по решению суда. Этот эпизод стал самым известным, но не единственным в преддверии столетия революции, можно упомянуть также конфликт в алтайском селе Шипуново.

В целом, спор вокруг допустимости мемориальной реабилитации Колчака отражает столкновение двух нарративов о Гражданской войне – «красного», несоветского, соотносимого с таким мнемоническим актором, как КПРФ, и «белого», правоконсервативного, свойственного широкому спектру правых сил от националистов до монархистов. История с демонтажем доски в Петербурге получила наибольшую огласку и активно обсуждалась в социальных сетях. Как показывает анализ дискуссии в блоге на платформе «Живого Журнала», негативный образ Колчака играет важную роль в конструировании российскими левыми интерпретации Гражданской войны как национально-освободительной борьбы большевиков против интервентов и их пособников¹⁴. Впрочем, тема иностранного влияния характерна и для правых, использующих нарратив о предательстве Колчака французами и британцами. Популяризированный фильмом «Адмиралъ», этот сюжет оказывает заметное влияние на массовую память о Колчаке¹⁵. Не менее важна тема репрессивной политики омского правительства. В исторической литературе последнего времени предпринимаются попытки оспорить выводы советской историографии об ответственности Колчака за репрессии, поставить под сомнение их характер и масштабы¹⁶. Несмотря на это, публичная дискуссия между «красными» и «белыми» демонстрирует преобладание морального дискурса над политическим реализмом. Война с памятниками продолжилась и за пределами юбилейного года.

В мае 2020 г. в по решению местных властей Стерлитамака был демонтирован бюст Колчака, установленный местным предпринимателем перед зданием принадлежащего ему торгового центра.

Как отмечала О.Ю. Малинова применительно к анализу столетия революции, власти предпочитают политику плюрализма и уклонения от

¹⁴ Бубнов 2019. № 6: 29-43.

¹⁵ Петин, Стельмак 2016: 340-346.

¹⁶ Хандорин 2019.

«разжигания страстей» в конфликтных ситуациях¹⁷. В случае конфликта вокруг памяти о Колчаке эта формулировка требует уточнения. Российское государство, как актер политики памяти, далеко от монолитного единства. На региональном и федеральном уровнях власти зачастую руководствуются собственным пониманием о «своих» и «чужих» в Гражданской войне. Одни институты власти (как Министерство культуры) могут выступать за символическую реабилитацию белых, другие – препятствовать этому в силу юридической преемственности по отношению к советской традиции (как военные суды), а третьи – останавливать реабилитацию по логике уклонения от «разжигания страстей» (как местные власти). В случаях реального общественного противостояния мы видим преобладание политики уклонения от конфликтов, что на практике означает символическую поддержку левых, так как правые выступают ревизионистами и, следовательно, инициаторами «разжигания». Наглядно это проявилось в истории с памятной доской в Санкт-Петербурге, в случае с бюстом в Стерлитамаке и в ряде аналогичных эпизодов, в частности, со снятием памятной таблички В.О. Каппелю в Ульяновске.

А.И. Деникин: в поисках общественного консенсуса

Фигура Деникина оказалась одной из ключевых для восприятия Гражданской войны и в среде русской эмиграции, и в советской России. Для эмигрантского сообщества образ Деникина оставался неоднозначным: он пользовался популярностью как непримиримый борец с советской властью, но значительная часть монархически настроенной эмиграции не могла ему простить идеи созыва Учредительного собрания, что довольно быстро привело к институциональным расколам в эмигрантской среде. В противовес врангелевскому РОВСу, в 1932 г. был создан «Союз добровольцев», во главе которого встал Деникин. Особенно четко раскол проявился в годы II Мировой войны, когда Деникин отказался сотрудничать с немецкими войсками и призвал остальных эмигрантов не идти на предательство своего народа. Несмотря на резко негативное отношение к Германии и ее вторжению в СССР, Деникин сочувственно относился к «власовцам», видя в них не идейных предателей Родины, а жертв противостояния двух режимов. В своем неопубликованном очерке «Генерал Власов и власовцы» он отмечал: «Русские военнопленные поступили в ряды враждебной России и союзникам армии, не судить их за это нельзя было. Но судом праведным, который принял бы во внимание безвыходность положения, толкнувшего их на этот шаг и патриотические побуждения большинства из них»¹⁸.

В советском общественном сознании генерал Деникин традиционно предстал в образе одного из основных сторонников реставрации монархии, что способствовало даже созданию в 1920-е гг. термина «деникинщина». Позднейшая литературно-публицистическая деятельность

¹⁷ Малинова 2018. № 2: 40-41.

¹⁸ Деникин 2017, № 2: 246.

генерала, его отказ от сотрудничества с Гитлером во время II Мировой войны, не получили достаточного отражения в советской историографии, в силу чего его стереотипный образ, сложившийся уже к концу 1920-х гг., оставался неизменным вплоть до развала СССР.

Ключевым моментом в мемориализации образа Деникина в современной России стало перезахоронение его останков в 2005 г. в Донском монастыре. Разговоры об исполнении посмертной воли генерала велись уже в 1990-е гг., но имели, в большей степени, частный характер. Этот вопрос в 2005 г. решался уже на государственном уровне, причем, как отмечал архимандрит Тихон (Шевкунов) большую роль в этом сыграл президент, вложив собственные средства на установку памятника в Донском монастыре. В.В. Путин также принял участие в церемонии перезахоронения. Но, пожалуй, не менее значимым является участие в данном процессе Тихона (Шевкунова). Дело в том, что как раз в 2004–2006 гг. шел процесс воссоединения РПЦ и РПЦЗ, в ходе которого Московскому патриархату пришлось пойти на определенные уступки, в частности, по поводу канонизации царской семьи. Перезахоронение останков Деникина, традиционно пользовавшегося уважением русской эмиграции, в том числе и иерархов РПЦЗ, представляло собой символическое примирение, но не столько «красных» и «белых», сколько двух религиозных институций, которые нуждались в компромиссных фигурах, не вызывающих общественного отторжения ни с одной из сторон.

Показательно, что архимандрит Тихон вернулся к положительной характеристике образа Деникина в 2009 г., причем в контексте взаимоотношений с РПЦЗ, которая объявила патриотом России генерала Власова. По словам Тихона, «для тех, кто не обманывался и не обманывал, иллюзий не было. Поэтому, когда другому генерал-лейтенанту – Антону Ивановичу Деникину – предложили участвовать в движении, он ответил, что служил и служит только России, а иностранному государству не служил и служить не будет»¹⁹. Образ Деникина в данном контексте напрямую противопоставлялся не только коллаборационистам II Мировой войны, но и тем представителям «первой волны» русской эмиграции, которые не смогли удержаться на тонкой грани между ненавистью к советскому строю и предательством.

В отличие от ситуации с Врангелем, перезахоронение останков Деникина обозначило конфликтную ситуацию между семьей генерала и монархическим крылом эмиграции, представленным РОВС. Если позиция семьи диктовалась пожеланием самого Деникина быть похороненным в России, то позиция РОВС – идеологической непримиримостью. В официальном коммюнике Российского отделения РОВС И.Б. Иванов заявлял: «Очевидно, что существующий в РФ антинациональный режим, активно продолжающий дело разрушения теперь уже последних остатков Исторической России, постоянно нуждается в идеологическом

¹⁹ Архимандрит Тихон (Шевкунов) 2009.

прикрытии своих преступлений – как прошлых, так и нынешних... Символическое перезахоронение властями РФ праха ген. Деникина и крупнейшего Белого идеолога профессора И.А. Ильина как раз и призвано служить этим грязным политическим целям профессиональных провокаторов с Лубянки»²⁰. Тем не менее, в сознании российского общества перезахоронение останков Деникина вызвало, скорее, положительную реакцию. По данным ФОМ, 41% опрошенных в октябре 2005 г. оценили это событие положительно, в то время как доля отрицательных оценок составила лишь 21%, при этом немаловажно, что, даже среди положительно отнесшихся к данному событию, большинство исходило не из исторической значимости фигуры Деникина для российского общества, а из более универсальных религиозно-этических формулировок – 20% были уверены, что человек должен быть похоронен на своей родной земле, а еще 7% – что необходимо выполнение воли усопшего.²¹

После перезахоронения начинается достаточно активное использование образа Деникина в мемориальных практиках, хотя здесь тоже можно обозначить промежуточную дату – возведение в Донском монастыре в 2009 г. Мемориала белым воинам. К этому моменту список надгробий Донского монастыря пополнился останками генерала Каппеля, перезахороненного здесь в 2007 г. 24 мая 2009 г. состоялось открытие памятника, на котором В.В. Путин обратил особое внимание на слова Деникина по поводу Украины: «Преступление, это если кто-то только начинает говорить о разделении России и Украины»²². Характерно, что в украинской историографии еще в 1990-е гг. возобладало негативное отношение к Деникину, который воспринимался как представитель русского империализма и ярый противник украинского освободительного движения²³. Поэтому подчеркивание позиции Деникина по отношению к России и Украине выглядело как определенный символический маркер, вписывающий фигуру генерала в объединительный тренд не только на историческом, но и на геополитическом уровне.

П.Н. Краснов: персона non grata

Как и Врангель, генерал Краснов после поражения Белого движения в России обратился к активной литературной деятельности, которая, однако, служила для него еще одним способом выражения политической позиции. Еще в 1918 г. он продемонстрировал отчетливую прогерманскую ориентацию, обратившись к Вильгельму II с заявлением о нейтралитете Войска Донского по отношению к Германии, что уже вызвало определенные разногласия в Белом движении. Впоследствии, прогерманские симпатии Краснова стали причиной не только для одобрения им деятельности Гитлера, но и для активной агитационной работы по привлечению эмигрантов (прежде всего, представителей казачества) для

²⁰ Иванов 2005.

²¹ О перезахоронении останков генерала Деникина...

²² Путин назвал Украину малой Россией и призвал вернуть единство...

²³ Аникин 2019: 90–103.

участия во Второй мировой войне на стороне Германии. При этом существенные расхождения обнаружились у Краснова с генералом А.А. Власовым, который не рассматривал казачество в качестве отдельной национальности со стремлением к самоопределению.

Распад Советского Союза, активизировавший воссоздание казачьих сообществ, сделал возможным и переосмысление образа генерала Краснова, по крайней мере, среди казачества. Особую активность в данном вопросе проявили зарубежные казачьи организации, в частности, в 1994 г. на территории храма Всех Святых в Москве была установлена памятная плита с надписью ««Воинам русского общевойскового союза, русского корпуса, казачьего стана, казакам 15 казачьего кавалерийского корпуса СС, павшим за веру и отечество», но 7 мая 2007 г. она была разбита. В 2014 г., в рамках празднования 100-летнего юбилея начала I мировой войны, на ее месте была установлена новая плита с более нейтральной надписью – «Казакам, Павшим за Веру, Царя и Отечество», причем фамилия Краснова была с данной плиты убрана.

В 2008 г. общественная организация «Казачье зарубежье» обратилась к Войску Донскому с инициативой о реабилитации Краснова. Основным юридическим аргументом явилось утверждение, что приписываемая Краснову «шпионско-диверсионная и антисоветская деятельность» не может расцениваться как предательство, поскольку сам генерал никогда не был гражданином Советского Союза. Эта инициатива не была поддержана, причем очень характерными оказались отклики со стороны представителей РПЦ и ветеранских кругов. Как заявил атаман Всевеликого Войска Донского В. Водолацкий, первоначально подписавший распоряжение о создании рабочей группы по реабилитации: ««Рабочая группа, основываясь на исторических источниках, сделала важный и бескомпромиссный вывод: как бы ни была высока роль Петра Краснова в борьбе с большевиками в годы Гражданской войны, как бы ни ценили мы его научные и литературные произведения, как ни уважали бы его любовь к Тихому Дону, социально-политическая реабилитация этого человека невозможна, так как Петр Краснов в годы Великой Отечественной войны сотрудничал с фашистской Германией»²⁴. Нетрудно заметить, что в подобной формулировке подчеркивается не столько юридический, сколько морально-этический аспект проблемы, в частности, дискредитация подобной инициативой памяти участников Великой Отечественной войны.

В 2020 г. тема мемориализации Краснова вновь оказалась в центре общественного внимания. Поводом для этого стало публичное высказывание Е. Киселева в программе «Вести недели», когда он выступил за массовый снос памятника Ленину и установление памятников другим персонажам отечественной истории, в перечень которых вошел и Краснов. Данная реплика сразу вызвала критику со стороны депутата Думы

²⁴ Шаповалов 2020.

от КПРФ Ю. Афонина: ««Предложение установить памятник Краснову – это кощунство. Этот памятник никто не поддержит. Так можно прийти и до установки памятников Власову. На федеральных телеканалах очень много антисоветчиков и русофобов, это чувствуется».²⁵ Показательно, что основным аргументом является не идеологическое противопоставление Белого движения и Коммунистической партии, а сравнение Краснова с Власовым, что опять-таки демонстрирует особое значение Великой Отечественной войны в качестве символического метронома, определяющего политику памяти в современной России.

Анализ образов Врангеля, Колчака, Деникина, Краснова демонстрирует, что декларируемая «политика примирения», иначе говоря, стремление власти максимально нейтрализовать символические последствия Гражданской войны, скрывает накладывающиеся на траектории исторической памяти политические и культурные расколы современного общества. Мемориализация участников Белого движения обусловлена не стремлением к восстановлению исторической справедливости, но является способом легитимации существующего политического строя, пытающегося совместить как определенную преемственность по отношению к советскому прошлому, так и преодоление наиболее острых противоречий относительно советского наследия в общественной полемике. Образы персонажей Гражданской войны оказываются востребованы в современной политике памяти российского государства. При этом происходит фрагментаризация прошлого, его деление на слабо связанные друг с другом «места памяти», имеющие значимость лишь в контексте ключевых фактов массового исторического сознания (Великая Отечественная война), либо в результате сознательного использования в контексте современных геополитических и мировоззренческих конфликтов, предполагающих определенную ретроспективу.

Конфликтogenность образа Колчака, отраженная в коммеморациях, является не столько отсылкой к непримиримости «белых» и «красных» во время Гражданской войны, сколько отражает современное противостояние неосоветских и национал-консервативных позиций в публичном дискурсе. Сопровождающая дискуссию о Колчаке тема иностранного вмешательства, в данном случае, является побочным следствием усиления патриотического дискурса, негативно воспринимающего сотрудничество лидеров Белого движения с Антантой. В случае Краснова тема предательства национальных интересов отягощается сакрализацией Великой Отечественной войны. В данном случае траектории мемориализации демонстрируют обратную перспективу: героизации Врангеля в качестве командира I мировой войны способствует его последующее участие в Гражданской войне, а дегероизация Краснова является резуль-

²⁵ В КПРФ назвали кощунством идею Киселева установить памятник Петру Краснову...

татом не его действий в составе Белого движения, а профашистской позиции во время Великой Отечественной войны.

Относительно государственной поддержки мемориализации Деникина и Врангеля можно заметить несколько сходных элементов. Во-первых, непричастность советской власти к их гибели, предоставляющая возможность для хотя бы символического примирения между их потомками (или наследниками в институциональном смысле) и современным российским государством. Во-вторых, связанные с ними «места памяти» оказываются локализованы в Крыму, что становится дополнительным инструментом в реализации «войн памяти» на постсоветском пространстве, в процессе которых и Врангель, и Деникин, несмотря на личные и мировоззренческие разногласия, выступают в качестве символов воссоединения России в ее дореволюционных границах.

ИСТОЧНИКИ

- Архимандрит Тихон (Шевкунов): «Идея коллаборационизма – угроза России» // Известия, 2009, 15 сентября (№ 169/27940). [Arhimandrit Tihon (SHevkunov): «Ideya kolaboracionizma – ugroza Rossii» // Izvestiya, 2009, 15 sentyabrya (№ 169/27940).].
- В Керчи установлен первый в России памятник Врангелю // Сайт «Живой журнал» (2016). [V Kerchi ustanovlen pervyy v Rossii pamyatnik Vrangelyu // Sajt «ZHivoj zhurnal» (2016)] // URL: <https://khodakovsky.livejournal.com/54287.html> (16.05.2020).].
- В КПРФ назвали кошунством идею Киселева установить памятник Петру Краснову [V KPRF nazvali koshunstvom ideyu Kiseleva ustanovit' pamyatnik Petru Krasnovu] URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/04/27/n_14348287.shtml
- В Крыму откроют первый в России памятник генералу Врангелю // Сайт информационного агентства «Mil.Press Военное» (2016) [V Krymu otkroyut pervyy v Rossii pamyatnik generalu Vrangelyu // Sajt informacionnogo agentstva «Mil.Press Voennoe» (2016)]. URL: <https://xn--b1aga5aadd.xn--p1ai/2016/220782/> (16.05.2020).].
- Путин В.В.: Крым может сыграть уникальную роль в судьбе России // Официальный сайт газеты «Правда» (2016) [Vladimir Putin: Krym mozhet sygrat' unikal'nyuy rol' v sud'be Rossii // Oficial'nyj sayt gazety «Pravda» (2016)] // URL: <https://www.pravda.ru/news/distriacts/1221316-putin/> (16.05.2020).].
- Деникин А.И. Генерал Власов и власовцы // Новейшая история России, 2017, № 2. С. 228-255. [Denikin A.I. General Vlasov i vlasovcy // Novejshaya istoriya Rossii, 2017, № 2. S. 228-255].
- Иванов И.Б. Белую идею не похороните! Заявление Русского Обще-Воинского Союза по поводу перезахоронения чекистами праха генерала А.И. Деникина в Российской Федерации. [Ivanov I.B. Beluyu ideyu ne pohoronite! Zayavlenie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuza po povodu perezhahoroneniya chekistami praha generala A.I. Denikina v Rossij-skoj Federacii]. URL: <http://izput.narod.ru/binp.html>.
- Кузнецов Н. Память об адмирале Колчаке в современной России // Офиц. сайт Мемориально-просветительский и историко-культурный центр «Белое дело» [2020]. [Kuznetsov N. Pamyat' ob admirale Kolchake v sovremennoj Rossii // Oficial'nyj sayt Memorial'no-prosvetitel'skij i istoriko-kul'turnyj centr «Beloe delo» (2020). URL: <http://beloedelo.com/>.]
- «Нечеловеческое безумие»: Крымский памятник возмутил московского публициста // Сайт газеты «Комсомольская правда» (2016). [«Nechelovecheskoe bezumie»: Krymskij pamyatnik vozmutil moskovskogo publicista // Oficial'nyj sayt gazety «Komsomol'skaya pravda» (2016)]. URL: <https://www.vladimir.kp.ru/daily/26855.7/3896987/>.
- О перезахоронении останков генерала Деникина // <https://bd.fom.ru/report/map/dd054124> [O perezhahoronenii ostankov generala Denikina // <https://bd.fom.ru/report/map/dd054124>].
- Отповедь чекистскому прислужнику: Александр фон Ган о вояже в Крым "Великого Князя" Дмитрия Романова // Сайт «Livejournal» (2015) [Otpoved' chekistskomu prisluzhniku: Aleksandr fon Gan o voyazhe v Krym "Velikogo Knyazya" Dmitriya Romanova // Sajt «Livejournal» (2015)]. URL: <https://baltvilks.livejournal.com/241115.html>.

- Путин назвал Украину малой Россией и призвал вернуть единство. [Putin nazval Ukrainu maloi Rossiei i pryzval vernut' edinstvo]. URL: <https://kp.ua/politics/180937-putyn-nazval-ukrainu-maloi-rossiei-y-pryzval-vernut-edynstvo>.
- Указ Президента РФ № 1155 от 06.11.1997 г. «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы гражданской войны» // Официальный сайт Президент России (1997). [Ukaz Prezidenta RF № 1155 ot 06.11.1997 g. «O vozvedenii pamyatnika rossiyanam, pogibshim v gody grazhdanskoj vojny»] // Oficial'nyj sajt Prezident Rossii (1997)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11621>
- Холмогоров Е. Кто боится адмирала Колчака // Офиц. сайт Телеканал «Царьград» (2020). [Holmogorov E. Kto boitsya admirala Kolchaka // Oficial'nyj sajt Telekanal «Car'grad» (2020)]. URL: https://tsargrad.tv/articles/kto-boitsja-admirala-kolchaka_190343.
- Шаповалов А. Генерал атаманам уж не люб [SHapovalov A. General atamanam uzhe ne lyub] // https://www.ng.ru/regions/2008-01-31/7_krasnov.html

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аникин Д.А. «Своя, чужая, ничья...»: Гражданская война в современных образовательных дискурсах // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. С. 90-103. [Anikin D.A. «Svoya, chuzhaya, nich'ya...»: Grazhdanskaya vojna v sovremennykh obrazovatel'nykh diskursakh // Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019. S. 90-103.].
- Бубнов А. Ю. Гражданская война памяти: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С.29-43. [Bubnov A.Y. Grazhdanskaya vojna pamyati: konstruirovaniye narrativov o grazhdanskoj vojne v Rossii v onlajn-diskussii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2019. № 6. S.29-43.].
- Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // Historia Provinciae – Журнал региональной истории 2018. Т. 2. № 4. С. 16–49. [Goldin V.I. Grazhdanskaya vojna i intervenciya v Rossii i na Russkom Severe: aktual'nyye i diskussionnyye problemy // Historia Provinciae – Zhurnal regional'noj istorii 2018. T. 2. № 4. S. 16–49.].
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. Политическая энциклопедия, 2015. 288 с. [Malinova O.Y. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti. M. Politicheskaya enciklopediya, 2015. 288 s.].
- Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 40-51. [Malinova O.Y. Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushchih narrativov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 2. S. 40-51.].
- Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–78. [Olick J. Figuracii pamyati: processno-relyacionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 40–78.].
- Петин Д.И., Стельмак М.М. Сибирь, союзники и Колчак. Восприятие военно-революционного периода 1917–1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гэфнер, И.А. Селезнева. Москва: Институт Наследия, 2016. С. 340–346. [Petin D. I., Stel'mak M.M. Sibir', soyuzniki i Kolchak. Vospriyatye voenno-revoljucionnogo perioda 1917–1922 gg. sovremennym obshchestvom (V ramkah raboty Centra izucheniya istorii Grazhdanskoj vojny) // Grazhdanskaya vojna v Rossii (1917–1922): istoricheskaya pamyat' i problemy memorializacii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Omsk, 16–17 iyunya 2016 g.) / gl. red. D.A. Alisov, YU.A. Zakunov; отв. red. O.V. Gefner, I.A. Selezneva. Moskva: Institut Naslediya, 2016. S. 340-346.].
- Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл»; Изд. М.Б. Смолина (ФИБ),

2019. 200 с. [Handorin V.G. Mify i fakty o Verhovnom pravitele Rossii. M.: Obshchestvo razvitiya russkogo istoricheskogo prosveshcheniya «Dvuglavyj oryol»; Izd. M.B. Smolina (FIV), 2019. 200 s.].

Olick J. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007. 312 pp.

Даниил Александрович Аникин, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова, СГУ имени Н.Г. Чернышевского, dandee@list.ru

Александр Юрьевич Бубнов, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова, alexandr-bubnov@mail.ru

Trajectories of historical memory of the Civil War in Russia (the example of the leaders of the White movement P.N. Wrangel and A.V. Kolchak)

The article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of historical memory of the Civil War in post-Soviet Russia and is focused on the example of the two most important figures of the White movement, P.N. Wrangel and A.V. Kolchak. The study discusses commentary practices, mnemonic actors and narratives about the Civil War in Russia, presented in public space. The figures of the leaders of the White Movement are analyzed in the context of the policy of "consent and reconciliation" pursued by the Russian ruling elite. The memory of A.V. Kolchak becomes an important part of the symbolic struggle of modern supporters of the "red" and "white" causes. The image of P.N. Wrangel becomes especially relevant in 2014 in connection with the return of Crimea to Russia.

Keywords: memory policy, historical memory, memorial practices, mnemonic actors, narrative, civil war

D.A. Anikin, candidate of philosophical sciences, docent, associate Professor of the Department of history and theory of politics, Lomonosov Moscow State University, Saratov State University, dandee@list.ru

A.Yu. Bubnov, candidate of philosophical sciences, docent, associate Professor of the Department of history and theory of politics, Lomonosov Moscow State University, alexandr-bubnov@mail.ru

Л.В. СОФРОНОВА, А.В. ХАЗИНА

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ О РЕЛИГИОЗНОМ РАСКОЛЕ В БОГЕМИИ (1518-1519): *CONCORDIA VS TOLERANTIA*

В статье исследуется переписка Эразма Роттердамского с чешским дворянином Яном Слехтой (1518-1519). Анализ посланий показывает наличие в Богемии трех крупных религиозных партий: католиков, чашников, Общины чешских братьев, именуемых пикартами, и разрозненных нехристианских сообществ: иудейских общин и сект эпикурейского и николаитского (адамитского) толков. Такой религиозный плюрализм Эразм характеризует как аномалию, как болезнь социума, которую необходимо преодолеть. Предлагаемое им средство состоит в возвращении всех в лоно римской церкви при условии согласия в ключевых положениях христианства. Эразм предлагает не закреплять разъединение через признание за некатолическими группами их прав на отличие, а, наоборот, создать условия для ликвидации этого раскола. Таковую позицию Эразма не следует трактовать как принятие религиозного плюрализма, как веротерпимость и толерантность в современном понимании слова.

Ключевые слова: *Эразм Роттердамский, Богемия, Ян Слехта, эпистолярное наследие, толерантность, веротерпимость, чашники, пикарты, согласие*

В центре внимания данной статьи – переписка Эразма Роттердамского с чешским гуманистом Яном Слехтой (1466–1525). Она включает три письма 1518–1519 гг.¹, которые не упоминаются ни в русскоязычных биографиях Роттердамца, ни в посвященных ему специальных статьях. Наше внимание эти письма привлекли из-за упоминания их в зарубежных исследованиях в связи со становлением традиции толерантности². В современном, особенно западном социуме толерантность понимается как базовая ценность и политико-правовая, социальная норма гражданского общества. Высокая оценка толерантности как фундаментального универсального принципа, на котором должны базироваться и мир в целом, и отдельные общества, закономерно привела к попыткам историков, социологов, политологов – отыскать ее генезис. Поскольку исторически первой формой проявления толерантности была веротерпимость, то представляется оправданным обращение ученых к истории XVI века, когда в условиях межконфессиональных споров и религиозных войн конфликтующие между собой религиозные партии, светская и духовная власть вынуждены были вырабатывать принципы сосуществования. И фигура Эразма Роттердамского – самого видного христианского мыслителя той эпохи, непосредственно вовлеченного в религиозные распри, – правомерно оказывается в фокусе внимания ученых.

В историографии еще со времени публикации в 1920 г. специального исследования Роберта Г. Мюррея о проблеме толерантности Эраз-

¹ Письма 950, 1021, 1039 в фундаментальном латинском издании эпистолярного наследия Эразма: Erasmus 1906-1958. Vol. III. P. 551-553; Vol. IV. P. 79-85; 113-119.

² Inter alia: Remer 1994, 1996; Zagorin 2003; Khazina 2008.

ма³ сложилась традиция считать Роттердамца поборником религиозной свободы, пионером духовного плюрализма, идейным вдохновителем таких бесспорных адептов толерантности, как Кастеллио, Локк, а также мыслителей эпохи Просвещения⁴. В этом историографическом ряду стоят и известные биографы Эразма. Так, Й. Хёйзинга назвал его идеи «частью современного (modern) мировоззрения», а самого гуманиста – «предтечей Локка, Вольтера, Руссо, Гердера, Песталоцци, а также британских и американских мыслителей XX века»⁵. Согласно С.П. Маркишу, «толерантность Эразма была необходимым начальным шагом к истинной толерантности; и, как он сделал это во многих других областях, Эразм сделал также первые шаги по этому новому пути, конца которого мы не достигли даже теперь»⁶. Таким образом, нидерландский гуманист был встроен в качестве одного из краеугольных камней в либеральную традицию, которая бросает вызов духовным авторитетам и создает фундамент западной демократии, плюрализма и мультикультурализма⁷.

Однако подобное прочтение Эразма оспаривается другими, весьма немногочисленными исследователями. Иконокластическими можно назвать штудии швейцарского ученого итальянского происхождения Марио Туркетти, который попытку увидеть в религиозных взглядах Эразма начало современной толерантности назвал «тяжелым грехом», «невыносимым анахронизмом». Цитируемая здесь работа Туркетти носит красноречивое название: «Неправильный вопрос: Эразм и толерантность. Идея *συγκατάβασις*»⁸. Ученый напоминает о необходимости поместить Эразмову религиозную мысль в ее исторический контекст, дабы избежать двусмысленности и не запутать и без того сложную проблему. По его словам, если Эразм говорил, что религиозное заблуждение «следует временно потерпеть» (*interdum tolerandus est*), это не означает, что он защищал веротерпимость как принцип гражданского права: гуманист действительно был пионером, но не идеала толерантности в современном смысле слова, а идеала религиозного согласия – *concordia*, по гречески – *συγκατάβασις*⁹. Американские исследователи Гэри Ремер и Джеймс Трейси на примере религиозной мысли Роттердамца периода лютеровской и цвинглианской Реформации также оспаривают распространенное мнение о его приверженности толерантности как политике сосуществования в одном государстве различных конфессий¹⁰.

Таким образом, отсутствие упоминаний о переписке Эразма со Слехтой в отечественной эразмиане и наличие в зарубежной историо-

³ Murray 1920.

⁴ Ferguson 1931; Bainton 1932, 1951; Leclerc 1960: 114-133; Gilmore 1971; Hoffmann 1982: 80-106; Guggisberg 1983; Walsham 2006.

⁵ Huizinga 1957: 192.

⁶ Markish 1986: 143.

⁷ Bietenholz 2009; Nehushtan 2016:19, 65; MacPhail 2019.

⁸ Turchetti 1991 (a); 1984; 1991(b).

⁹ Turchetti 1991 (a): 395.

¹⁰ Remer 1996: 81; Tracy 1997: 49-62.

графии двух противоположных подходов к трактовке Эразмова восприятия толерантности обусловили необходимость настоящего исследования. К тому же, письма относятся к 1518–1519 гг., в то время как исследования о толерантности Эразма чаще обращаются к сочинениям, созданным позже, между 1524–1535 гг., уже в разгар Реформации в Германии. Но если в условиях противостояния католиков и лютеран в Германии Эразм говорил о необходимости согласия (*concordia*) между ними, мы не можем просто экстраполировать эту точку зрения на его восприятие религиозного раскола в Богемии в более ранний период. В исследованиях, где переписка со Слехтой все же упоминается, тексты эпистол цитируются избирательно, принципиально значимые пассажи, не вписывающиеся в концепцию толерантности Эразма, игнорируются. Наконец, трудно согласиться и с аргументацией такого рода, что послания гуманиста «имплицитно наводят на мысль о толерантности»¹¹. Итак, цель настоящей статьи состоит в анализе отношения Эразма Роттердамского к религиозному расколу в Богемии в начале XVI в. и соотнесении его с понятием «толерантность», что, в конечном итоге, позволит верифицировать распространенную в историографии оценку Роттердамца как одного из основателей современной традиции толерантности¹².

Осенью 1518 г. Эразм, находившийся в то время в Лувене, получил среди прочих писем послание от некоего Яна Слехты (1466–1525), образованного чешского дворянина, выпускника Пражского университета, около 16 лет (1490–1507) служившего секретарем при дворе Владислава II Ягеллона, короля Чехии и Венгрии. С 1507 г. он, отойдя от дел, жил в местечке Костелец в верховьях Эльбы, к северо-востоку от Праги, занимаясь литературной деятельностью и образованием сына. Слехта поддерживал эпистолярные контакты с друзьями-гуманистами как в Богемии, так и за ее пределами (до нас дошли 46 писем). Он был также автором не сохранившегося, но хорошо известного при его жизни философского трактата «Микрокосм», написанного в жанре платоновского диалога, об отношениях человека и Бога, души и тела¹³. Как известно, в Чехии еще в 1485 г. была провозглашена и в 1512 г. вновь подтверждена религиозная свобода двух конфессий: римско-католической и уtrakвистской, к которой принадлежало большинство населения страны, но чашники не имели епископа и не были признаны Римом. В окружении Слехты было много уtrakвистов, но сам он оставался католиком.

Эразм и Слехта не были знакомы. Вероятно, поводом к началу переписки послужило одно из писем Роттердамца, опубликованное в январе 1518 г. в очередном эпистолярном сборнике, где упоминались «рас-

¹¹ *Zagorin* 2003: 55.

¹² Под толерантностью мы понимаем терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. В области религии она состоит в признании со стороны государства и официальной церкви права на существование и исповедание любой религии, уважительное отношение к представителям всех верований. См.: *Biller* 2008: 471–472; *Oxford Advanced Learner's Dictionary...* 2011.

¹³ Подробнее см.: *Zeman* 1987: 259–260.

кольники-богемцы». Их угроза другим европейским странам приравнивалась Эразмом к опасности, исходящей от иудеев, маранов и турок¹⁴. Можно предположить, что такая оценка задела Слехту, и он решил защитить свою родину в глазах Эразма. Письмо Слехты не сохранилось, но из ответа Эразма можно узнать о его стиле и содержании. Оно было выдержано в традициях гуманистической эпистографии и начиналось с восхваления адресата. Далее следовал краткий рассказ о себе, и наконец, главное – попытка убедить Эразма в том, что его обобщенное мнение о жителях Богемии ошибочно: и тут живут «в большом количестве люди, стремящиеся к наукам и благочестию, которых не затронули заблуждения схизматиков»¹⁵. Он пригласил гуманиста в Прагу, дабы тот смог убедиться в этом. Ответа Роттердамца (письмо 950) Слехте пришлось ждать почти год: письмо, составленное лишь 23 апреля 1519 г., еще четыре месяца находилось в руках курьера и было доставлено адресату только 11 сентября 1519 г., уже «вопреки всякой надежде». Эразм благодарит богемца за его «скорее панегирик, чем письмо». Удивительный талант и красноречие, с которыми прославляются заслуги Роттердамца, это, по его изящному выражению, энкомий самому автору, а не ему, объекту восхваления. Изысканная латынь Слехты служит лучшим подтверждением его слов о том, что в Богемии есть не только покровители «благим наукам», но и те, кто сам усердно ими занимается¹⁶. Однако гуманист отклонил приглашение приехать в Прагу. Одной из причин отказа он назвал небезопасность Богемии в силу царящего в ней религиозного раскола и призывает искать пути к его преодолению.

В течение месяца Слехта составил элегантный и содержательный ответ (письмо 1021)¹⁷. Соглашаясь с призывами Эразма к единению, богемец вынужден подтвердить, что в Чехии и Моравии «весь народ разделен на три партии»¹⁸. Первая – партия тех, кто повинуется римскому понтифику и признает его истинным викарием Христа. Эта религиозная группировка имеет солидную социальную базу: «к ней относится большинство магнатов, знати, власть предрежащих в крупных королевских городах, монастыри, некогда богатые, теперь же разоренные и ограбленные». Вторая партия объединяет «тех, кто раздает причастие народу под обоими видами <...>, чьи священники читают Св. Писание на родном языке», т.е. утраквистов, хотя Слехта не употребляет этого слова. Именно причастие под двумя видами и использование национального языка в богослужении были главными требованиями чашников, которых «они придерживались неотступно». Среди приверженцев данной группировки автор письма называет немного знати, но большое число

¹⁴ Письмо, адресованное Риккардо Бартолини от 10 марта 1517 г.: Erasmus. Ep. 549. Lin. 11-14: «Одна Галлия не заражена ни еретиками, ни раскольниками-богемцами, ни иудеями, ни полуиудеями-марранами, не испытывает [близкого] дыхания турок».

¹⁵ Erasmus. Ep. 950. Lin. 46-47.

¹⁶ Ibid. Lin. 1-4.

¹⁷ Erasmus. Ep. 1021.

¹⁸ Ibid. Lin. 98-99.

дворян и почти 30 королевских городов. Он излагает историю участия утраквистов в Базельском соборе (1436), подчеркивая их готовность соблюдать обряды католической церкви и повиноваться Риму при условии уступки им именно по этим вопросам¹⁹. В самом чешском обществе споры о допустимости причащения мирян не только хлебом, но и вином – *sub utraque specie* достигли особой остроты. Слехта, сообщая о многочисленных трактатах, издаваемых в стране на эту тему, приводит главные доводы утраквистов в обоснование их евхаристической практики: «Такое причащение было установлено Христом, передано апостолом Павлом коринфянам (1 Кор. 11: 17-34), подтверждено всеми древними учителями [церкви], как греческими, так и латинскими, наконец, в течение приблизительно тысячи двухсот лет незыблемо сохранялось»²⁰. В конце концов, оно было признано самой католической церковью на Базельском соборе. Как известно, эти решения собора не были ратифицированы Римом в лице папы Евгения IV и последующих понтификов. По мнению чашников, проторому Слехта явно сочувствует, если римские понтифики не желают признавать традиции, которые «Христос установил, древняя церковь соблюдала, а собор подтвердил, и не подчиняются им, то они не могут считаться ни истинными vicariorum Христа, ни преемниками апостола Петра»²¹. Именно из-за непреклонности и неуступчивости папства Богемия, утверждает Слехта, не вернулась в лоно римской церкви. История утраквистской церкви, объединявшей большинство населения страны, вызывала у автора-католика явное сочувствие.

Членов третьей партии Слехта называет пикартами²². Это прозвище имело тогда негативную коннотацию, поскольку указывало на родство либо с сектой бегардов, либо – шире – с французской Пикардией, которая в средние века считалась родиной многих еретических движений. По мнению Слехты, именно оттуда 97 лет назад в Богемию прибыл какой-то беглец, по имени которого (Пикарт или Бегард) и называются его adepty²³. Отметим, что здесь обнаруживается некоторое противоречие: в историографии пикартами именуются представители радикального крыла таборитов хилиастического и адамитского толка. Пикарты, стремясь к установлению тысячелетнего царства Христа на земле, практиковали не только общность имущества, но и – в подражание невинности первых людей в раю – требование ходить нагими и сексуальную свободу. Отсюда их другое имя – адамиты. Пикарты в 1421 г. были изгнаны из Табора и уничтожены Яном Жижкой, а их лидеры – прилюдно сожжены²⁴. Однако в особенностях учения и жизни пикартов, которые приводит Слехта, нет столь приметных черт. Видимо, он употребляет данное название по отношению к Общине чешских или богемских бра-

¹⁹ Ibid. Lin. 138-148.

²⁰ Ibid. Lin. 118-126.

²¹ Ibid. Lin. 148-151.

²² Erasmus. Ep. 1021. Lin. 181.

²³ Ibid. Lin. 182-184.

²⁴ Рубцов 1955: 175-180.

твьев – одной из христианских сект, возникших из осколков гуситского движения в середине XV в.²⁵ Автор письма утверждает, что эта третья партия состоит «из разбойников, убийц, объявленных вне закона изгоев и всякого рода подонков»²⁶. Их численность умножилась в правление короля Владислава II, поскольку, по мнению Слехты, тот, являясь еще и королем Венгрии, не уделял должного внимания Богемии²⁷. Переходя к описанию их взглядов, автор письма указывает на следующие черты:

«О высшем понтифике, епископах и прочих священнослужителях они отзываются не иначе, как о явных антихристах, называя самого папу или зверем, или блудницей из Апокалипсиса; и поскольку все, что делает духовенство, противоречит учению Христа и преданию, то, [спрашивают они], разве может оно обладать какой-либо властью или благодатью для совершения таинств? И какие бы церковные службы ни совершались, для них это не богослужения, не таинства, не благословения, а настоящие богохульства, гнусности и хулы. Они сами выбирают себе епископов и священников из неотесанных и необразованных мирян, имеющих жен и детей; друг друга называют братьями и сестрами; признают авторитет лишь Ветхого и Нового Завета, учителей церкви, как старых, так и новых, и их сочинения презирают, и учения их не разделяют. Священники их, когда служат мессу, не используют никаких священных облачений, никаких прошений и молитв, кроме Молитвы Господней, и употребляют квасной хлеб. В церковные таинства почти или совсем не верят и не принимают. Тех, кто присоединился к их ереси, заставляют поодиночке перекрещиваться в обычной воде. Ни соль, ни воду не благословляют, не используют освященное масло. Полагают, что в таинстве евхаристии нет ничего божественного, только освященные хлеб и вино <...>; поэтому всех, кто преклоняет перед ними колена и почитает, обвиняют в идолопоклонстве, поскольку верят, что это таинство было установлено Христом ни с какой иной целью, кроме воспоминания о Его страданиях <...>; почитание святых и молитвы за усопших считают бесполезным и нелепым делом, равным образом и тайную исповедь и епитимьи священника за грехи – ненужными, блудничия и посты – притворством и лицемерием. Они утверждают, что праздники в честь Девы Марии, апостолов и других святых суть изобретение бездельников, хотя соблюдают воскресенья, праздники Рождества, Пасхи и Пятидесятницы»²⁸.

Таким образом, братья представляли собой оппозицию не только католической церкви, но и настроенным компромиссно гуситам-утраквистам. Они вдохновлялись примером раннехристианских общин с их стремлением к бедности, простоте, всеобщему труду, строгим нравственным нормам и братской взаимопомощи. И если, по мнению Слехты, первые две партии могли бы прийти к примирению, то «эта гнусная секта» с ее «порочными догматами» должна быть «уничтожена королем или обращена к истинной вере и религии»²⁹.

²⁵ Первая братская община-колония (Unitas fratrum), была создана в 1457 г. в деревне Кунвальд на северо-востоке страны с разрешения правителя (регента) Чехии Йиржи Подебрада. Выразителем их идей был Петр Хельчицкий (ок. 1390 – ок. 1460), соратник Яна Гуса, в силу своего пацифизма не принявший вооруженной борьбы таборитов и вновь возглавивший движение после окончания гуситских войн.

²⁶ Erasmus. Ep. 1021. Lin. 187-188.

²⁷ Ibid. Lin. 188-193. Владислав II (1456–1516) из рода Ягеллонов, с 1471 г. – король Чехии, с 1490 г. – король Венгрии.

²⁸ Ibid. P. 84-85. Lin. 194-228.

²⁹ Ibid. P. 85. Lin. 231-235.

В ответном послании (письмо 1039)³⁰ Эразм высказывается о каждой из религиозных группировок. По его мнению, власть римского понтифика, как викария Христа, необходима для обуздания правителей, склоняющихся к тирании. Кроме того, папа, «черпающий из чистых истоков евангельского учения», может преодолеть любую ересь. Поэтому относительно католической партии гуманист отметил, что «страстно желал бы, чтобы она была и первой, и единственной»³¹. Его оценка утраквистов имеет двойственный характер. С одной стороны, поддерживая их, он признается, что не находит достаточно веских причин, по которым католическая церковь отказалась от практики, установленной самим Христом (ввела причастие для мирян под одним видом), с другой – он полагает, что, отвергая решение и обычай римской церкви, сторонники второй партии «больше погрешают». Они должны принять евхаристическую практику, принятую в большей части христианского мира³².

Затем Роттердамец переходит к партии пикартов, признавая, что они отклонились от правил христианской жизни еще дальше, чем утраквисты. И это не удивительно, поскольку – тут он цитирует Слехту – их основателем был человек, запятнанный преступлениями. И далее, разбирая все критические высказывания Слехты, комментирует их в неожиданно примирительном духе. Если пикарты совершают злодеяния, их следует обуздать; но это не дело любого желающего, и при этом не должно использоваться насилие, чтобы из-за виновных не пострадали невинные. С другой стороны, замечает Эразм со ссылкой на Августина, «самые суровые наказания ожидают тех священников, чьи нечестивые нравы ведут к поруганию среди необразованных и неверных достопоклоняемого имени Господа нашего Иисуса Христа». То, что они выбирают себе священников и епископов, не противоречит обычаю древней церкви. Так были избраны св. Николай Мирликийский и св. Амвросий Медиоланский. Эразм соглашается с тем, что «если избирают несведущих и необразованных, это довольно терпимо, если святость их жизни компенсирует недостаток учености». Далее, он не видит причин, «отчего нужно порицать то, что они друг друга называют братьями и сестрами». Напротив, гуманист желает, чтобы «это обращение использовалось среди всех христиан, а нравы не расходились со словами». Даже в принципиальном вопросе о признании авторитета Св. Писания Эразм весьма снисходителен: «То, что меньше почитают учителей [церкви], чем Св. Писание, означает, что они больше воздают Богу, чем людям, и правильно делают, но полностью отвергать учителей столь же неправильно, как если б принимать только их». Он признает справедливость их аргумента, о том, что Христос и апостолы служили в повседневной одежде. Однако отказ чешских братьев от обычая, установленного Отцами церкви «не без спасительной цели», он считает нечестивым. «Это

³⁰ Ep. 1039 от 1 ноября 1519г. Т. IV. P. 113-119.

³¹ Ibid. P. 115. Lin. 98-99.

³² Ibid. P. 116. Lin. 123-129.

обряды, но посредством этих обрядов народу передаются божественные тайны». Впрочем, полагает Эразм, ради согласия папе можно уступить чехам использование их собственных обрядов, как это уже позволено католикам восточного и амвросианского (миланского) обрядов. Гуманист не видит ереси в том, что они используют Молитву Господню, ибо она является частью и католической богослужбной практики, но с их стороны глупо, по его мнению, отказываться от других молитв. При этом он делает оговорку, что точно также неправильно поступает католическое духовенство, «примешивая в богослужение любые, отовсюду взятые, песнопения». Эразм согласен со Слехтой, что мнения братьев о таинствах «кощунственны более, нежели могут вынести благочестивые уши», но зато в римской церкви «правильно установленные обряды используются ради выгоды, бесполезной славы или тирании». Отказ братьев от умеренных постов и ночных бдений тоже не находит понимания у Эразма, поскольку и те, и другие установлены апостолами; однако он равным образом не одобряет принуждения к ним силой, характерного для католической практики. Наконец, в вопросе о праздничных днях Роттердамец поддерживает мнение братьев, ибо оно «близко к церковной традиции времен Иеронима», и критически отзывается о безмерном умножении числа праздников в римской церкви. Запрет трудиться в эти праздники он называет бесчеловечным, ибо честный подмастерье не может заработать на хлеб для своих детей. К тому же, церковные праздники порой заканчиваются беспорядками и насилием³³.

Высказывая католику Эразму негативное мнение о пикартах, католик Слехта, вероятно, ожидал большего единомыслия. Но, как видим, восприятие ереси было различным даже в католической среде³⁴. Эразм демонстрирует не только терпимое отношение к различиям теологического и литургического характера, но и критически характеризует католичество. Несоответствие религии значительной части чешского народа учению и обрядовым практикам римской церкви он описывает в весьма примирительном духе. Можем ли мы на основании этого утверждать, что он был готов толерантно принять данный религиозный плюрализм и легитимизацию конфессий, отличных от официальной церкви?

В поисках ответа на данный вопрос следует исходить из его представления о церкви как о Телес Христовом³⁵. Как Тело Христово церковь не может не быть единой. Ранее уже цитировались его высказывания о единстве католической церкви³⁶. В другом месте, сожалея о разделении чешского народа на три партии, он восклицает: «О, если б какой-нибудь

³³ Ibid. P. 116-117. Lin. 130-193.

³⁴ Софронова 2015.

³⁵ Этой проблеме посвящен трактат Эразма «О желанном церковном согласии [О восстановлении согласия церкви]»: Erasmus 1533. Английское издание под названием «Нешвенный хитон Христов» (это еще один образ, символизирующий единство церкви) см.: Erasmus and the Seamless Coat of Jesus 1971: 29-109. Подробнее об экумениологии Эразма см.: Rummel 2004: 62-70; Pabel 1995: 57-93.

³⁶ Erasmus. Ep. 1039. Lin. 98-99.

благочестивый мастер из этой триады сделал монаду!»³⁷. Подобная экклесиология, на наш взгляд, исключает сосуществование различных религий. Эразм в обоих письмах призывает чехов добиваться единства: «Было бы лучше даже при неправильных взглядах достичь согласия, чем при правильных – сохранять разделение³⁸»; «что касается религиозного раскола, по-моему, урон был бы меньше, если бы ошибались все, но одинаково»³⁹. Поэтому наличие нескольких религиозных групп в Чехии гуманист воспринимает как болезнь (*morbus*) и стремится найти «надежные и действенные лекарства»⁴⁰ для ее уврачевания.

Восстановление единства христианской церкви, полагает гуманист, может быть достигнуто путем взаимных уступок: «Легко придет согласие, если каждая партия в чем-то уступит другой»⁴¹. Уступки должны быть сделаны в той части христианской религии, которую Эразм считает совокупностью несущественного. Таким образом, надо отделить вопросы важные и необходимые для каждого христианина от тех, которые таковыми не являются. Существенное состоит из малого числа положений, но таких, «которые очевидно выражены в Св. Писании и без которых невозможно наше спасение». Они составляют «сумму и суть философии Христа» и заключаются в следующем:

«Вся наша надежда должна быть возложена на Бога, который даром все нам прощает, через Сына Своего Иисуса, чьей смертью мы все искуплены, в чье Тело [т.е. церковь] мы вступаем посредством крещения, дабы, умерев для похотей этого мира, мы могли жить в соответствии с Его учением и примером, не только не допуская никакого зла, но и стремясь искренне всем служить; мы должны стойко терпеть, если случится нечто неблагоприятное, с упованием на будущее воздаяние, которое, несомненно, ожидает всех благочестивых в пришествие Христа; и так всегда возрастать от добродетели к добродетели; наконец, никаких заслуг себе не вменяя, но все хорошее, что есть в нас, и что мы можем сделать, приписывать Богу»⁴².

По сути, это означает веру в спасение через Иисуса Христа и нравственный образ жизни в подражание Христу. По мнению Эразма, «эти вещи очень легко втолковать людям, чтобы они стали частью их естества», ибо они просты и немногочисленны, а «малое быстрее усвоится многими людьми»⁴³. Эти аспекты христианской доктрины составляют область существенного, где обязательно единомыслие. А за пределами данных вероучительных постулатов находится зона вопросов, не имеющих значения для спасения. По сути, Эразм мог бы применить здесь переосмысленное в христианском контексте философское понятие адиафоры (*ἀδιάφορα*), «вещей безразличных», нейтральных с точки зрения

³⁷ Ibid. Lin. 83.

³⁸ Erasmus. Ep. 950. Lin.48-49: *iniquioribus conditionibus habere concordiam quam aequis dissidium.*

³⁹ Idem. Ep. 1039. Lin. 41-44.

⁴⁰ Ibid. Lin. 197-198.

⁴¹ Ibid. Lin.: 202-203.

⁴² Ibid. Lin. 228-237.

⁴³ Ibid. Lin. 238-239.

спасения человека⁴⁴. Гуманист был знаком с данной категорией: рассуждения на тему важного/неважного в христианском благочестии обнаруживаются в других его сочинениях, в т.ч. в хронологически близких к посланиям Слехте⁴⁵. Однако Эразм не пользуется ни этим греческим термином, ни его латинскими эквивалентами (*indifferentia*, *res media*), вероятно, дабы избежать ненужной интеллектуализации веры, за которую он критиковал схоластов. Многие пункты официального вероучения он относит к данной категории: «Теперь из одной статьи [веры] мы сделали шестьсот, из которых многие таковы, что мы даже можем их или не знать, или сомневаться, без ущерба для благочестия»⁴⁶. В сфере несущественного он допускает широту взглядов и мнений, но предостерегает от споров между адептами разных точек зрения: «Если кто-то захочет исследовать более глубокие вопросы, которые возводят ум к высшему и уводят от простых вещей – о божественной природе или об ипостаси Христа, или о каких-либо таинствах, – пусть занимается, лишь бы не тотчас всех извещал о том, что ему или кому-то другому показалось правильным. Ибо как из многословных договоров рождаются тяжбы, так и из многочисленных дефиниций рождается недоверие»⁴⁷.

Различение существенных и несущественных положений вероучения Эразм показывает на двух примерах. Первый касается злободневной для Богемии темы о евхаристии. Гуманист формулирует самое важное, что должно быть усвоено каждым христианином:

«Я знаю, что действительно пречистое тело и пречистая кровь Христовы принимаются теми, кто чист <...> И поэтому я должен проверить себя, нет ли чего во мне, что не согласуется со Христом, нет ли чего, что разъединяет с ближним. Остальное же – как это понимать с точки зрения десяти категорий⁴⁸, или каким образом пресуществляется хлеб с помощью мистических молитв, каким образом одно и то же тело <...> в разных местах присутствует⁴⁹, едла ли, по моему мнению, ведет к совершенствованию в благочестии». Второй пример отделения существенного от несущественного связан с темой воскресения: «Я знаю, что я воскресну; это всем обещал Христос, который первый из всех воскрес. Остальное же – каким это будет тело, как оно будет воссоздано – исследование этого меньше всего ведет к истинному благочестию»⁵⁰.

Итак, в христианском вероучении Эразм выделяет общее для всех христиан ядро – «архетип Христов», которое должно стать платформой для объединения религиозных партий в Чехии. В остальных положениях, прежде всего, касающихся внешней стороны религии, должны быть сделаны взаимные уступки. Так, «легко можно было бы кое-что усту-

⁴⁴ Концепция адиафоры была распространена как в античной философии (у киников, стоиков), так и в раннехристианской этической мысли (у Климента Александрийского, Оригена, св. Василия Великого, Лактанция, блаженного Августина).

⁴⁵ Эразм Роттердамский 1986: 69-89.

⁴⁶ Erasmus. Ep.1039. Lin.: 225-226.

⁴⁷ Ibid. Lin. 239-243.

⁴⁸ Десять категорий Аристотеля. Confer: Arist. Categ. IV-IX.

⁴⁹ Сатирическое описание этого и других подобных богословских споров схоластов Эразм дает в главе LIII «Похвалы глупости»: Эразм Роттердамский 1960.

⁵⁰ Erasmus. Ep.1039. Lin. 246-260.

пить в отношении обрядов», поскольку они являются человеческими установлениями: в обрядовых практиках «царит несусветная пестрота, ибо любой по своему настроению может что угодно изобрести, и всякий нечто добавить к изобретенному»⁵¹. Второстепенными, по его мнению, являются вопросы, регулирующие церковную жизнь: о совершении таинств, о назначениях на должности в чешской церкви, о выплатах римской курии. Гуманист возлагает упование на инициативу и снисходительность со стороны католической церкви: «В мире так много кардиналов, так много епископов, так много правителей, о, если б Христос вдохновил кого-либо из них решить эту задачу в истинно христианском духе!» Он приводит в пример апостола Павла: «Если бы Павел был главой в Риме, я твердо уверен, что он согласился бы не только на некоторое сокращение своих доходов, но даже на уменьшение своей власти, если только такой ценой он мог бы достичь согласия»⁵².

Свои опасения о том, что «согласию не дает осуществиться жажда богатства» католического духовенства⁵³. Эразм высказывает в обоих своих посланиях Слехте. В письме 1039 он прямо указывает на вину епископата: «Более всего люди отвращаются от власти римского понтифика из-за того, что они беспощадно обираются и притесняются жестокостью тех, через кого осуществляется власть римской церкви». И резюмирует: «Больше всего послужит стимулом для достижения согласия в мире, если светские правители, а в первую очередь, римский понтифик, будут избегать любого рода произвола и алчности. Ибо [люди] легко отходят, если видят уготованное им рабство, когда осознают, что их не зовут к благочестию, а захватывают как добычу. Но если они знают, что мы безопасны, что мы благодетельны, они очень легко примут нашу веру»⁵⁴. Ради достижения согласия папе следует «отбросить запутанные споры прошлого и впредь взимать как можно меньше, если люди всем сердцем поверят ему как отцу». Папа Лев X, «и миролюбивый, и благожелательный», согласится на этот шаг. Помимо «мягкосердечия и благочестия» понтифика гуманист уповает в этом вопросе на поддержку императора Карла Габсбурга, «всем душой расположенного к тому, что касается христианской религии». В целом, эта задача возлагается на политическую и религиозную элиту – только «всеобщими усилиями благородных и влиятельных людей»⁵⁵ удастся преодолеть раскол.

Однако миролюбие и уступчивость допускаются только в отношении двух партий: утраквистов и Общины богемских братьев. В переписке же обсуждаются и другие религиозные течения, распространившиеся

⁵¹ Ibid. Lin. 217-218. Трактовка обрядов как вещей несущественных, характерная для протестантских реформаторов XVI в., стала предметом полемики между ними и адептами католицизма. Например, см. спор М. Лютера с Т. Мором, защищавшим церковные обычаи и обряды: Осиновский 1978: 22-223.

⁵² Erasmus. Ep.950. Lin. 47-56.

⁵³ Ibid. Lin. 49-50.

⁵⁴ Erasmus. Ep.1039. Lin. 262-267.

⁵⁵ Ibid. Lin. 198-205.

в Чехии. Слехта упоминает также «евреев, эпикурейцев, отрицающих бессмертие души, и практикующих общность жен николаитов⁵⁶», которых немало найдется среди его соотечественников⁵⁷. Эразмова реакция на это сообщение двойственна. Относительно евреев он безоценочно, лишь в порядке констатации, указывает, что они в большом числе живут также в Германии, Италии, особенно в Испании⁵⁸. Постулаты двух других течений Роттердамец характеризует как «нестественные», «безумные», «Эпикуровой глупостью». Их сторонников, по словам гуманиста, «стыдно даже еретиками называть. Нет ничего омерзительнее имени еретика, но они и его недостойны»⁵⁹. Эти течения не подлежат обсуждению при разговоре об установлении мира и согласия, так как они находятся в конфликте с самой сущностью христианства. В послании другому богемцу, представителю Общины чешских братьев Архлебу из Босковице (? – 1528) в январе 1521 г. Эразм писал: «Больше всего я желал бы, чтобы весь ваш народ сам мог объединиться в христианском согласии, чтобы затем и со всеми остальными странами вместо розни имел бы мир и полное единение. По крайней мере, теперь если не самая большая, то лучшая часть королевства уже признает всенародное церковное согласие. К тому же, как я слышал, и чудовищная секта николаитов проклята всем народом. Остается только присоединить партию пикартов»⁶⁰.

Наконец, при ответе на поставленный в начале статьи вопрос, важно учесть одно лексикологическое наблюдение. В переписке со Слехтой Эразм не употребляет ни существительное *tolerantia*, ни однокоренной глагол *tolerāre* в какой-либо форме, ни производное прилагательное *tolerans*. Часто встречающемуся слову *dissidium* (раскол) противопоставляется не *tolerantia*, а *concordia* (согласие, единодушие). В двух письмах Эразма оно встречается 9 раз. В тех пассажах, где речь идет о том, каким должно быть отношение Рима к обрядовым различиям у богемцев, вместо *tolerans* используются прилагательные-синонимы: *mitis* (миролюбивый), *exorabilis* (доступный просьбам, снисходительный), *clemens* (мягкосердечный, кроткий)⁶¹. В хронологически близких к исследуемой переписке посланиях Эразма можно обнаружить ту же дихотомию *dissidium* – *concordia*, в то время как *tolerantia* включена в антонимическую пару с другим словом – *ferocitas* (высокомерие) и в таком контексте по-

⁵⁶ Секта адамитского толка, возникшая в южночешских лесах, вероятно, из остатков партии пикартов, уничтоженных Я. Жижкой в 1421 г. Называлась по имени одного из лидеров – Николая, крестьянина из местечка Власеник.

⁵⁷ Erasmus. Ep. 1021. Lin. 95-98.

⁵⁸ Позицию Эразма по отношению к евреям С.П. Маркиш охарактеризовал как асемитизм – холодное невнимание к евреям, исключение их из сферы своих интересов (Markish 1986: 142-143). Позиция Роттердамца обусловлена его мнением о ненужности для его занятий *bonae litterae* ни еврейских книг (кроме Ветхого Завета), ни знания каббалы, см. его письмо Т. Уолси (май 1519 г.): Ep. 967. Lin. 71. : «Ни Талмуд, ни Каббала мне никогда не нравились».

⁵⁹ Erasmus. Ep. 1039. Lin. 53-54.

⁶⁰ Idem. Ep. 1183. Lin. 46-52.

⁶¹ Ibid. Lin. 201-202, 207.

нимается как «смирение», «принятие»⁶² Подобный узус⁶³ также убеждает в том, что религиозному разделению в Чехии Эразм противопоставлял согласие-единодушие, т.е. воссоединение в лоне католической матери-церкви отпавших ее частей.

Таким образом, переписка Эразма Роттердамского с чешским дворянином Яном Слехтой показывает, во-первых, наличие сложной религиозной ситуации в Богемии, сложившейся еще в период гуситских войн, а в начале XVI в. приведшей к оформлению трех главных конфессиональных партий: католиков, чашников, Общины чешских братьев, а также разрозненных нехристианских сообществ: иудейских общин и сект эпикурейского и николаитского (адамитского) толков. Такой религиозный плюрализм Эразм характеризует как аномалию, болезнь социума, которую необходимо преодолеть. Предлагаемое им средство состоит в восстановлении церковного единства и возвращении всех в лоно римской церкви при условии согласия между всеми в ключевых положениях христианства. К ним относятся только постулаты, ясно выраженные в Священном Писании и необходимые для спасения каждому христианину. В остальных вопросах, которые были предметом споров между религиозными группами в Богемии: об обрядах, о причащении под одним/двумя видами, о назначениях на церковные должности, следовало пойти на взаимные уступки. Следовательно, Эразм предлагает не закреплять разъединение через терпимое отношение к этому разъединению и признание за некатолическими группами их прав на отличие (что и подразумевает толерантность), а, наоборот, создать условия для ликвидации этого раскола. Однако из межконфессионального диалога следует исключить нехристианские течения. Такую позицию Эразма не следует трактовать как принятие религиозного плюрализма, как веротерпимость в современном понимании слова.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М.: Наука, 1978. 327 с. [Osinovskij I. N. Tomas Mor: utopicheskiy kommunizm, humanizm, Reformacija. M.: Nauka, 1978. 327 s.]
- Рубцов Б.Т. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV в. в Чехии). М.: Госполитиздат, 1955. 329 с. [Rubcov B.T. Gusitskie vojny (Velikaya krest'yanskaya vojna XV v. v SNeckii). M.: Gospolitizdat, 1955. 329 s.]
- Софронова Л.В. Восприятие ереси в английской религиозной практике предреформационной эпохи: казус Джона Колета // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 350-367 [Sofronova L.V. Vospriyatie eresi v anglijskoj religioznoj praktike predreformacionnoj epohi: kazus Dzhona Koleta // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 350-367].

⁶² В письме от 13 ноября 1517 г. кардиналу Доменико Гримани Эразм пишет о том, что апостол Павел советовал «отдаляться от роскоши к воздержанности, от похоти – к чистоте, от высокомерия – к терпимости, от расколов – к согласию, от войн – к миру» (a luxu auocat ad sobrietatem, a libidinibus ad castimoniam, a ferocitate ad tolerantiam, a dissidiis ad concordiam, a bellis ad pacem): Ep. 710. Lin. 83-85.

⁶³ Эта особенность Эразмовой лексики – редкое употребление слова *tolerantia* и большая частотность синонимичных терминов – *mansuetudo* (мягкость), *lenitas* (кротость), *caritas* (любовь), *moderatio* (сдержанность) – обнаруживается и в более поздних сочинениях (1520–1530-х гг.): Turchetti 1991 (a): 381–383.

- Хазина А.В. Приглашение историка на пир: исторические фрагменты Посидония в «Прируощих софистах» Афинае // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 167-174 [Hazina A.V. Priglaschenie istorika na pir: istoricheskie fragmenti Posidoniya v «Priyushchih sofistah» Afineya // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 24. S. 167-174].
- Христианство. Энциклопедический словарь: в 3-х тт. / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1993. Т. 1. 863 с. [Hristianstvo. Enciklopedicheskij slovar': v 3-h tt. / Pod red. S. S. Averinceva i dr. M.: «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya», 1993. T. 1. 863 c.]
- Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М.: Гослитиздат, 1960. 167 с. [Erasm Rotterdamskij. Pohvala gluposti. M.: Goslitizdat, 1960. 167 s.]
- Эразм Роттердамский. Послание к Паулю Вольфу (14 августа 1518 г.) // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 69-89. [Erasm Rotterdamskij. Poslanie k Paulyu Vol'fu (14 avgusta 1518 g.) // Erasm Rotterdamskij. Filosofskie proizvedeniya. M.: Nauka, 1986. S. 69-89].
- Bainton R.H. The Parable of the Tares as the Proof Text for Religious Liberty to the end of the Sixteenth Century // Church History. 1932. Vol. I. Iss. 2. P. 67-99.
- Bainton R.H. The Travail of Religious Liberty: nine biographical studies. Philadelphia: The Westminster Press, 1951. 298 p.
- Bietenholz P. Encounters with a Radical Erasmus: Erasmus' Work as a Source of Radical Thought in Early Modern Europe. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 326 p.
- Nehushtan Y. Intolerant Religion in a Tolerant-Liberal Democracy. L.: Bloomsbury, 2016. 232 p.
- Erasmus Roterodamus. Des. Erasmi Roterodami [De amabili ecclesiae Concordia liber] Liber de sarcienda ecclesiae concordia de[ue] sedandis opinionum dissidijs, cum alijs nonnullis lectu dignis. Omnia recens nata, & nunc primum typis excusa. Basel: Froben, 1533. 129 p.
- Erasmus Desiderius Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami / Rec. per P.S. et H.M. Allen. 12 vols. Oxford: The Oxford University Press, 1906-1958.
- Erasmus and the Seamless Coat of Jesus: De Sarcienda Ecclesiae Concordia (On Restoring the Unity of the Church). With Selections from the Letters and Ecclesiastes / Trans. with introduction and notes R. Himelick. Lafayette (Ind.): Purdue University Studies, 1971. 222 p.
- Ferguson W.K. The Attitude of Erasmus toward Toleration // Persecution and Liberty: Essays in Honor of George Lincoln Burr. N.Y.: Century Co, 1931. P. 171-181.
- Gilmore M. "De modis disputando" The Apogetic Works of Erasmus of Rotterdam // Florilegium Historiale. Essays presented to W.K. Ferguson / Ed. By J.G. Rowe and W.H. Stockdale. Toronto: The University of Toronto Press, 1971. P. 68-88.
- Guggisberg H.R. Defense of Religious Toleration and Religious Liberty in Early Modern Europe: Arguments, Pressures and some Consequences // History of European Ideas. 1983. V. 4. № 1. P. 35-50.
- Hoffmann M. Erasmus and Religious Toleration // Erasmus of Rotterdam Society Yearbook. 1982. Iss. 2. P. 80-106.
- Huizinga J. Erasmus and the Age of Reformation. N.Y.: Harper & Row, 1957. 266 p.
- Lecrer J. S.I. Toleration and the Reformation / Trans. by Th.L. Westow. 2 vols. Vol. 1. N.Y.: Association Press, 1960. 544 p.
- MacPhail E. Religious Tolerance from Renaissance to Enlightenment: Atheist's Progress. Part of: Routledge Research in Early Modern History (31 Books). NY., L.: Routledge, 2019. 162 p.
- Markish S.P. Erasmus and the Jews. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 212 p.
- Murray R. H. Erasmus and Luther: their attitude to toleration. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1920. 502 p.
- Pabel M.H. Peaceful people of Christ: the irenic ecclesiology of Erasmus of Rotterdam // Erasmus' vision of the Church / Ed. M.H. Pabel. Kirksville: Sixteenth Century Journal Publishers, 1995. P. 57-93.
- Remer G. Dialogues of Toleration: Erasmus and Bodin // The Review of Politics. 1994. Vol. 56 (2). P. 305-336.
- Remer G. Humanism and the Rhetoric of Toleration. Pennsylvania: U.P., 1996. 194 p.
- Rummel E. Erasmus and the Restoration of Unity in the Church // Conciliation and Confession: the struggle for unity in the Age of Reform, 1415-1648 / Eds. H.P. Louthan and R.C. Zachman. Notre Dame, IN.: University of Notre Dame Press, 2004. P. 62-70.
- Tracy J.B. Erasmus, Coornhert and the acceptance of Religious Disunity in the Body Politic: A Low Countries Tradition? // The Emergence of Toleration in the Dutch Republic / Ed. C. Berkvens-Stevelinck, J. Israel, G.H.M. Posthumus Meyjes. Leiden: Brill, 1997. P. 49-62.

- Turchetti M. Concordia o Tolleranza? François Bauduin (1520–1573) e i “Moyenneurs”. Geneva, 1984.
- Turchetti M. Une question mal posée: Érasme et la tolérance. L’idée de Sygkatabasis // Bibliothèque d’Humanisme et Renaissance. 1991 (a). Vol. 53. P. 379–395.
- Turchetti M. Religious Concord and Political Tolerance in Sixteenth- and Seventeenth- Century France // The Sixteenth Century Journal. 1991 (b). Vol. 22 (1). P. 15–25.
- Walsham A. Charitable Hatred: Tolerance and Intolerance in England, 1500–1700. Manchester: Manchester University Press, 2006. 364 p.
- Zagorin P. How the *Idea of Religious Toleration* Came to the West. Princeton: U.P. 2003. 371 p.
- Zeman J.K. Jan Slechta // Contemporaries of Erasmus. Vol. 3. Toronto: University of Toronto Press, 1987. P. 259–260.

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Lidiasof@yandex.ru

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Annh1@yandex.ru

Erasmus of Rotterdam on the Religious Schism in Bohemia (1518-1519): concordia vs tolerantia

The article examines the correspondence of Erasmus of Rotterdam with the Czech nobleman Jan Slechta (1518-1519). The analysis of the epistles shows that there were three major religious parties in Bohemia: Catholics, Chashniki, a Community of Czech brothers called picarts, and some scattered non-Christian communities: Jewish communities and sects of epicurean and nicolaitean (Adamite) followers. Erasmus characterizes such religious pluralism as an anomaly, as a disease of society that must be overcome. The remedy proposed by the humanist is to restore ecclesiastical unity and return all to the bosom of the Roman Church, provided that all agree on the key points of Christianity. Erasmus proposes not to consolidate the division by tolerating this division and recognizing the rights of non-Catholic groups to differ, but, on the contrary, to create conditions for the elimination of this division. Non-Christian movements should be excluded from interfaith dialogue. This position of Erasmus should not be interpreted as acceptance of religious pluralism, as toleration and tolerance in the modern sense of the word.

Keywords: Erasmus of Rotterdam, Bohemia, Jan Slechta, epistolary heritage, tolerance, religious tolerance, Chashniki, picarts, consent

Lydia Sofronova, Doctor of History, Professor of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lidiasof@yandex.ru

Anna Khazina, PhD in history, Head of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Annh1@yandex.ru

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ И ОТВРАЩЕНИЕ К ИНЦЕСТУ (СЛУЧАЙ ФРЕНСИСА ХАТЧЕСОНА)

В статье реконструированы представления Фрэнсиса Хатчесона об истоках и моральном статусе запрета на инцест. Интерпретация этого запрета создает затруднения для любой теории морали, которая отождествляет ее содержание с непричинением вреда и помощью другому человеку. Степень морального осуждения инцеста не соответствует его относительной безвредности для других (в категориях, используемых Хатчесоном, участники инцестуальных отношений не проявляют явного «недостатка благожелательности»). Автор показывает, как Хатчесон, обсуждая универсальность морального чувства и моральные препятствия для заключения брака, пытается редуцировать «отвращение к инцесту» к благожелательным переживаниям.

Ключевые слова: мораль, запрет на инцест, благожелательность, моральное чувство, препятствия для брака, естественный закон, Френсис Хатчесон

Дискуссия о том, что задает специфику различных областей культуры – одна их важнейших в гуманитарных и социальных науках. Проблема определения специфики морали представляет собой ее важную часть. Если взять современный срез обсуждения этой проблемы, то мы увидим, что преобладающее понимание морали привязано к нормативно заданному альтруистичному и честному отношению к другому человеку. Те определения морали, которые не ограничиваются перечислением ее формальных свойств, как правило, отождествляют ее с ценностями и требованиями, регулирующими поведение агента в отношении других людей – реципиентов его действий¹. Такое понимание морали глубоко укоренено в распространенных представлениях о ней и преобладает среди исследователей, но довольно часто подвергается сомнению.

Некоторые философы и психологи полагают, что этот способ ограничения моральных феноменов, постепенно формировавшийся в западной культуре последние четыре века, не является корректным и универсальным. Так, Дж. Хайдт предположил, что он характерен лишь для особой социокультурной общности – западной, образованной, индустриальной и демократической субкультуры, а за ее пределами действует принцип: «В морали есть нечто большее, чем вопросы вреда и честности». Хайдт выделяет четыре базовых ценностных оппозиции, остающихся за пределами этой усеченной морали: верность/предательство, свобода/угнетение, авторитет/его подрыв, святость/разложение. Для целей данной статьи важна последняя оппозиция. Базовой эмоцией, которая ее выражает, Хайдт считает отвращение, а связанными с ней добродетелями – умеренность, целомудрие, благочестие, моральную чистоту².

В истории западной мысли становление преобладающего на настоящий момент взгляда на содержание морали происходило за счет пре-

¹ См., напр.: Gewirth 1971: 1; Turiel 1983: 3; Gert 2005: 14.

² Haidt 2012: 95–112, 128–155.

одоления той многовекторности моральных требований, которую пытается защищать Хайдт. Важным эпизодом в этом процессе были споры о границах моральной добродетели в британской философии и теологии XVIII в. Именно в них полное отождествление морального добра с действием благу другого человека и общества получило первую отчетливую артикуляцию. В них же такое отождествление впервые подверглось систематической критике. В категориях того времени мыслители спорили о тождестве или неполном совпадении моральной добродетели и благожелательности³. Для сторонников первого подхода автоматически попадали под вопрос те общераспространенные моральные запреты, которые не имеют очевидной связи с причинением вреда другому человеку. Среди последних – запрет на инцест. Кстати, именно он был одним из предметов исследования Хайдта, пытавшегося показать наличие разных измерений, или «модулей», морали. В одном из своих экспериментов он продемонстрировал повсеместное, хотя иногда и скрытое, моральное осуждение инцестуальных половых отношений даже в случае заведомой невозможности опасных репродуктивных последствий⁴. Целью данной статьи является реконструкция представлений об истоках запрета на инцест британского морального философа Фрэнсиса Хатчесона (1694–1746) и определение роли, которую в этих представлениях играло свойственное ему отождествление морали и благожелательности.

В «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1725) стартовой точкой рассуждения Хатчесона об инцесте является позиция Бернарда Мандевилля. Это отражает одну из основных интенций трактата. Не случайно в его первом издании защита идей «покойного графа Шафтсбери» от автора «Басни о пчелах» (1714, первый том) упоминается даже на титульном листе⁵. Мандевиль настаивает на том, что запрет на инцест, как и моральная добродетель в целом, имеет искусственное происхождение: «Раньше на Востоке сестры выходили замуж за братьев, а для мужчин считалось похвальным жениться на собственной матери. Такие браки отвратительны; но точно известно, что, какой бы ужас мы ни испытывали при мысли о них, в природе нет ничего, чему бы они противоречили, а отвращение к ним основано на моде и обычае»⁶. Для заострения своего эпатажного утверждения Мандевиль уподобляет запрет на инцест запрету на употребление спиртных напитков в исламе. При этом он не вводит в свое рассуждение об инцесте фигуры «политиков» и «моралистов», играющие центральную роль в той «предположительной истории» возникновения моральной добродетели, которая содержится в первом томе «Басни о пчелах». Именно их намерения обычно позволяют понять, каким потребностям социального це-

³ См. подробнее: Прокофьев 2018; 2019.

⁴ Haidt 2012: 39–40.

⁵ Hutcheson 2004: 199.

⁶ Мандевиль 1974: 295–296. Обсуждение инцеста содержится в «Исследовании о природе общества», добавленном Мандевилем во второе издание первого тома «Басни о пчелах» (1723).

лого отвечает тот или иной моральный феномен. В этой связи позиция Мандевиля по поводу характера запрета на инцест оказывается вполне прозрачной (этот запрет не природен, а конвенционален), но то, как он понимал происхождение и назначение запрета, остается за скобками.

В литературе встречается утверждение, что в «Исследовании...» Хатчесон пытается доказать природный характер запрета на инцест, опровергая мнение о его конвенциональности, высказанное Мандевилем⁷. Однако это не совсем так. Задача Хатчесона состоит в том, чтобы показать, что утверждение о конвенциональности запрета на инцест, которое он частично разделяет, не опровергает тезиса о природности морального чувства⁸. Структура аргумента, которому противостоит Хатчесон, по его собственным словам, такова: «Мы обычно полагаем, что то, что идет от природы у одного народа, будет также от природы у всех». Однако «мы обнаруживаем, что у некоторых народов определенные действия сразу же и всегда сопровождаются самым сильным отвращением... и что у другого народа те же самые действия будут считаться безвредными или благородными». Соответственно, моральное одобрение и неодобрение не может корениться в единой для всех людей природе. Инцест является одним из самых ярких и убедительных примеров подобных действий: «Среди христиан кровосмешение немедленно вызывает такое же отвращение, как и убийство... [однако] в Греции считалась благородной женитьба на сводных сестрах, а среди персидских магов – женитьба на матерях». Соответственно, если осуждение инцеста не является универсальным, а причиной расхождений в его оценках могут служить только обычай и образование, то и «все наше одобрение или неодобрение действий» может «возникнуть таким же образом из обычая и образования»⁹.

Самым простым способом решения стоявшей перед Хатчесоном задачи было бы доказательство того, что запрет на инцест не является моральным. Тогда его конвенциональность никак не противоречила бы тезису том, что моральное чувство «естественно и не зависит от обычая и образования». Однако Хатчесон признает именно моральный характер отвращения к инцесту и ненависти к кровосмесителям. Если бы за негативным отношением к инцесту стояло себялюбие (а оно является в «Исследовании...» единственной альтернативой моральному чувству в области мотивов человеческого поведения), то мы, пытаясь избегать кровосмесительных отношений сами, не осуждали бы других людей, которые вступают в них. Мы «никогда бы не испытывали бы к другим лицам, допустившим кровосмешение, ненависти больше, чем по отношению к обанкротившемуся торговцу»¹⁰.

⁷ Aldridge 1951: 309, 311; Wolf 2014: 1–2, 29.

⁸ Гораздо ближе к пониманию задач Хатчесона, обсуждающего инцест, оказывается Дэниэл Кари (см.: Carey 2005: 176–177).

⁹ Хатчесон 1973: 198.

¹⁰ Там же: 199.

Но если отвращение к инцесту – это именно моральное отвращение, то почему оно не имеет универсального распространения? Ответ Хатчесона встроен в общую канву рассуждения, развернутого в четвертом разделе трактата, где идет речь о всеобщем согласии с «основой одобрения моральных действий», которое, однако, не исключает значительной вариативности моральных оценок на уровне «нравов». Одобрение и неодобрение инцеста разными культурами вполне укладываются в диалектику универсального и партикулярного, представляя собой продукт партикулярных конвенций внутри природного единообразия, конвенций, которые складываются на всеобщем естественном фундаменте.

Природной основой морального одобрения, по Хатчесону, является благожелательность, которая проявляет себя как в содействии благу отдельных индивидов, так и в содействии общественному благу. По своему внешнему рисунку инцестуальные отношения, в отличие от жестокости, предательства или отказа в помощи, не выражают недостатка благожелательных чувств («в них нет ничего, что противоречило бы благожелательности»). Но если их осуждение является моральным, то его основой, конечно, должны быть не что иное, как «злоба или... отсутствие благожелательности»¹¹. Один из возможных аргументов, доказывающих, что готовность совершить кровосмешение свидетельствует об отсутствии благожелательных переживаний, опирается на допущение долговременных негативных последствий инцеста для благополучия потомков. Этот аргумент находится в русле одного из обсуждаемых Хатчесоном принципов вариативности «нравов», а именно того, который связан с разным пониманием «влияния действий на всеобщее естественное благо человечества» («люди часто ошибаются, вычисляя избыток естественного блага или злых последствий определенных действий; но основой, на которой одобряется любое действие, является все же какая-то направленность его к большему естественному благу других») ¹². Однако инцест рассматривается в «Исследовании...» как пример иного принципа вариативности. Хатчесон специально подчеркивает, что отвращение к кровосмешению имеет место «даже у тех, кто не знает и даже не думает о какой-либо необходимой направленности его во вред человечеству»¹³. И обнаруживает другую зависимость между запретом на инцест и универсальным моральным чувством.

Рассуждение об инцесте в «Исследовании...» является частью анализа ложных мнений о воле и законах Бога. Там, где инцест ненавистен, «его считают оскорбительным для Божества, и это навлекает справедливое мщение на виновного в нем человека». Отношения Бога и человека Хатчесон рассматривает в перспективе чувства благодарности к Создателю, поэтому тот, кто противится воле Бога, проявляет себя как существо, лишённое благожелательности. Дополнительная связь осуждения

¹¹ Там же: 198-199.

¹² Там же: 191.

¹³ Там же: 198.

инцеста с моральным чувством возникает из-за участия в инцестуальной связи двоих людей. Здесь имеет место уже «прямое» противоречие между кровосмешением и благожелательностью. Тот, кто инициирует инцестуальные отношения или соглашается на них, подвергает «соучастника, который должен быть дорог ему из-за природных уз, самому большому несчастью, низости, бесчестию и наказанию»¹⁴. Естественно, что в тех странах, где кровосмешение не воспринимается в качестве чего-то отвратительного для божества, оно не противоречит благожелательности и выступает как «безвредное» и морально индифферентное явление.

Контекст обсуждения инцеста в «Исследовании...» и аргументы, указывающие на его связь с благожелательностью, не позволяют выявить, считал ли Хатчесон такие отношения противоречащими моральному чувству в каком-то итоге, после преодоления всех его искажений. С одной стороны, инцест обсуждается после констатации того, что ложные мнения о воле божества привели «к изобилию глупостей, предрассудков, убийств, разрушений государств, которое основывалось на чувстве добродетели и долга»¹⁵. И это ставит запрет на инцестуальные отношения на одну доску с иными «глупостями» и «предрассудками». С другой стороны, Хатчесон дважды упоминает о возможном вреде кровосмешения. Удостоверение такого вреда могло бы превратить запрет на инцест в такую норму, которая для любого проникнутого благожелательностью человека поднимается над вариативностью «нравов». Однако Хатчесон никак не развивает эту тему. Прямых оценок инцеста как аморального деяния в тексте трактата не содержится¹⁶.

В «Кратком введении в моральную философию» (1742 г. на латинском языке; 1747 г. на английском) Хатчесон обращается к проблеме инцеста, обсуждая частный практический вопрос о препятствиях браку¹⁷. Он разделяет такие препятствия на естественные (как, например,

¹⁴ Там же: 199.

¹⁵ Там же: 197.

¹⁶ Даже указание на страдания партнера по инцестуальным отношениям не играет решающей роли в окончательном моральном осуждении инцеста. Если в этом случае имеет место «ложное мнение» общества о воле Бога, то ответственность за страдания лежит не на том, кто нарушил запрет, а на том, кто неверно интерпретировал волю Бога. Ситуация напоминает ситуацию человека, который убедил другого не участвовать в каком-нибудь бесчеловечном ритуале (это еще один пример изменчивости морального чувства у Хатчесона) и тем самым навлек на него бесчестие и страдание.

¹⁷ Существует спор исследователей философии Хатчесона о том, как соотносятся между собой вышедшее при его жизни «Краткое введение...» и изданная посмертно «Система моральной философии». Некоторые рассматривают их как продукты последовательного развития мысли Хатчесона (у У. Скотта, например, это тексты, иллюстрирующие, соответственно, аристотелианский и стоический периоды творчества мыслителя (Scott 1900: 62–63)). Однако ни смысловая, ни временная последовательность этих трактатов на настоящий момент не является точно установленной. И «Краткое введение...», и «Система...» создавались задолго до их издания и связаны с двумя разными курсами лекций, которые Хатчесон читал одновременно. Но, как замечает Луиджи Турко, в отношении отдельных фрагментов, можно точно утверждать, что «Система...» содержит более детальное обсуждение предметов, ранее

слишком ранний возраст и состояние здоровья) и моральные (среди которых – наличие договора о заключении брака с другим лицом и кровное родство). В случае родственников по прямой линии (предки и потомки) браки запрещены законом природы. Хатчесон называет следующие причины запрета: «значительная разница в возрасте» и несовместимость «супружеских чувств и супружеской близости» с «почтением родителям, которое было вложено природой и подкреплено воспитанием». В случае родственников по боковой линии (братьев и сестер) предложенные ранее разными авторами природные причины запрета их браков (точнее – признания этих браков «пагубными и нечестивыми») не кажутся Хатчесону вполне убедительными. Однако он указывает на наличие такого запрета даже в тех странах, которые не подверглись влиянию «иудейских законов», и делает отсюда вывод о существовании более раннего «позитивного божественного закона», остатки которого определяют отношение к браку между братьями и сестрами у большинства народов. Смысл этого закона, т.е. божественный замысел его дарования, состоял в том, чтобы благожелательность и любовь, характерные для кровных родственников и свойственников, распространялись шире, связывая между собой разные семьи¹⁸. Таким образом, позиция Хатчесона избирательно соединяет аргументацию, предложенную Блаженным Августином и Гуто Гроцием. Как и Августин, Хатчесон, полагает, что запрет на браки и половые отношения между братьями и сестрами – это «запрет со стороны религии» и его возникновение связано с необходимостью «соединения для общественной жизни возможно большего количества лиц»¹⁹. Критику этой идеи Гроцием, построенную на том, что польза такого способа интеграции общества недостаточна для признания инцеста по боковой линии «незаконным и недозволенным», Хатчесон не принимает²⁰. Однако, в отличие от Августина, он не усматривает в этой форме инцеста «противоречия закону природы» и, подобно Гроцию, считает, что природные основания имеет только запрет на браки и половые отношения между родственниками по восходящей линии²¹.

Итак, в отличие от «Исследования...», где обсуждается лишь сама по себе широко распространенная тенденция видеть в кровосмешении оскорбление божества, в «Кратком введении» Хатчесон намечает разные направления связи между запретом на инцест и благом общества. Это поддержка почтения к родителям и формирование дополнительных уз благожелательности и любви. Создатель, и как творец человеческой природы, и как источник «позитивного божественного закона», запретятронутых в «Кратком введении» (Turco 2007: XI). Рассуждение о родстве как моральном препятствии браку относится именно к ним.

¹⁸ Hutcheson 2007: 223–224.

¹⁹ Блаженный Августин 1998: 80.

²⁰ Гуто Гроций 1994: 247. О судьбе разграничения природных и неприродных оснований запрета на разные формы инцеста в истории британской философской и теологической мысли раннего Нового времени см.: Pollak 2003: 37–38.

²¹ Блаженный Августин 1998: 81; Гуто Гроций 1994: 247.

щая инцест, проявляет свою благожелательность к человеку. Мнение о его воле, порождающее моральное отвращение к кровосмешению, на этом фоне вряд ли может быть названо «ложным», что снимает нормативную неопределенность, сохранявшуюся в «Исследовании...». Автор первой работы о представлениях об инцесте в британской мысли XVIII века, Алфред Олдридж, предположил, что в «Кратком введении...» Хатчесон «более не связывает инцест с моральным чувством», но это предположение не учитывает тождество морального чувства и доброжелательности, а также включение Хатчесоном в число проявлений благожелательности стремления к общественному благу²².

Рассуждение об инцесте из «Краткого введения...» вызвало критический отклик Юма, который, получив более раннюю, латинскую версию трактата от автора, кратко проанализировал ее в ответном письме Хатчесону (10 января 1743 г.). В замечании к разделу «Краткого введения...» о препятствиях браку, Юм упрекает Хатчесона в том, что тот опасается сводить что-либо из сферы добродетели к «изобретению и человеческому соглашению»²³. Запрет на половые отношения между братьями и сестрами, по Юму, коренится в той опасности, которая возникает из-за их постоянного близкого общения. Без такого запрета они «развратили бы друг друга» в раннем возрасте. Поэтому запрет выражен столь категорично – так, чтобы не оставить ни малейшей надежды на удовлетворение инцестуальных желаний – и поддерживается за счет формирования «искусственного ужаса» перед их возникновением.

Примечательно, что Юм полностью отвлекается от того исходного контекста, в котором проблема инцеста возникла в полемике Хатчесона с Мандевилем. Расхождения между народами в их оценке кровосмешения указывают на то, что проблема, ответом на которую является формирование «искусственного ужаса», не универсальна, а Юм описывает ее как общечеловеческую. Понимание Хатчесоном запрета на инцест как средства сохранения почтительного отношения к родителям и создания в обществе дополнительных уз благожелательности и любви в структурном отношении не столь далеко отстоит от юмовского тезиса об «изобретении» этого запрета с целью оградить братьев и сестер от раннего взаимного развращения. Особенно, если принять во внимание, что в «Исследовании о принципах морали» (1751) конечный смысл превращения инцеста в «величайшую низость» состоит не просто в сохранении «чистоты нравов» как таковой, а в поддержании целомудрия, без которого затруднена забота о потомстве²⁴. Другими словами, и Хатчесон, и Юм видят в запрете на инцест не прямое выражение принципа «общественной пользы», хотя и по-разному трактуют последнюю²⁵. То,

²² Aldridge 1951: 309.

²³ Hume 1932: 48.

²⁴ Юм 1996: 212.

²⁵ Сам термин «общественная польза» при обсуждении запрета на инцест применяет лишь Юм (Там же: 213). Говоря о структурном сходстве позиций Хатчесона и Юма, я имею в виду, что деятельность Бога-законодателя после творения, опирающаяся на

что в случае инцеста по прямой линии Хатчесон ссылается на «закон природы», а в случае инцеста по боковой – нет, не превращается в тексте «Краткого введения...» в центральное обстоятельство, поскольку в нем нет обсуждения нормативных следствий этого различия.

В трактате «Система моральной философии» (1755 г., издан посмертно) инцест обсуждается дважды. Как в «Исследовании...» – в свете анализа факторов, искажающих моральное чувство, и как в «Кратком введении...» – в свете выявления препятствий для заключения брачных союзов. Основная часть соображений об инцесте сосредоточена в обсуждении второй темы. Некоторые аргументы при этом мигрируют из общетеоретического блока хатчесоновой моральной философии в прикладной. Между этими двумя обращениями к теме инцеста имеется если не противоречие, то существенное внутреннее напряжение; оно соответствует напряжению между «Исследованием...» и «Кратким введением...». Итак, в первом томе «Системы...» Хатчесон возвращается к анализу поправок, которые вносит религиозное чувство в «одобрения и осуждения» «единообразно устроенной моральной способности». Религиозный человек исходит из того, что Бог является образцом морального совершенства, объектом благодарности и существом, имеющим наиболее точное представление об общественном благе. Поэтому божественный закон для него по определению благодетелен. Если Бог предписывает человеческие жертвоприношения или другие «чудовищные ритуалы», то они считаются морально допустимыми. Именно здесь Хатчесон добавляет, что таким же образом инцест и полигамия могут восприниматься разными народами как отвратительные или морально индифферентные явления²⁶. Однако между этими примерами имеет место существенное различие. Человеческие жертвоприношения являются очевидным пренебрежением благожелательностью и только особое понимание воли Бога придает им характер морально допустимых или обязательных, а инцест и полигамия, напротив, начинают восприниматься людьми как результат отсутствия благожелательности только в свете особой интерпретации божественной воли. Если принять во внимание это различие и то, что Хатчесон обсуждает именно вопрос о противодействии

прозрачные соображения общественной пользы, у Хатчесона и полу-осознанная, включенная в процесс эволюции общества деятельность «изобретателей» социальных институтов у Юма, радикально отличаются от любой концепции, в которой Бог произвольно творит человеческую природу или дает человечеству закон. На фоне таких концепций предложенные Хатчесоном и Юмом объяснения причин возникновения запрета на инцест оказываются похожи друг на друга в фундаментальном отношении. Достаточно сравнить теологическое обоснование моральных требований, не связанных с благожелательностью, Хатчесоном и Дж. Батлером. У Батлера благожелательный Создатель предъявляет эти требования, не оставляя людям возможности понять их связь с благом каждого человека и общественным благом (Butler 2006: 313). У Хатчесона он делает это, отвечая на конкретную проблему общественной жизни. Не удивительно, что при следующем обращении Хатчесона к проблеме инцеста произойдет сдвиг от божественного законодателя к законодателю вообще (см. ниже).

²⁶ Hutcheson 1755. Vol. 1: 96.

«покорности Богу» моральному чувству, то становится ясно, что в первом томе «Системы...», как и в «Исследовании...», итоговое моральное суждение об инцесте остается подвешенным. Замечание о «пагубных последствиях», сопровождающее краткое упоминание инцеста и полигамии, сохраняет ту же неопределенность, что и в предыдущем трактате.

В обсуждении родства как морального препятствия браку, содержащемся во втором томе «Системы», складывается иная картина. Хатчесон начинает с утверждения, что «обычно указываемые природные причины едва ли кажутся имеющими силу, которая соразмерна огромному бесчестию и идее нечестивости, сопровождающим такие браки»²⁷. Эта фраза может быть истолкована просто как общая постановка проблемы или как критическая оценка существовавшего на тот момент теоретического осмысления феномена инцеста. Дальнейшее рассуждение оставляет вероятность обоих толкований. Но признание Хатчесоном обоснованности морального осуждения инцеста, несмотря на то, что это осуждение может быть избыточным, сразу же очевидно. Самым «отвратительным», по Хатчесону, является брак между родственниками по прямой линии. В нем равенство, создаваемое любым браком, противоречит неравенству возраста и естественному почтению детей к родителям. На это противоречие и реагирует «природный инстинкт», что порождает отвращение. Хатчесон называет такую форму инцеста «чудовищной» и, вопреки всему сказанному в «Исследовании...» и в первом томе самой «Системы...» о той вариативности «нравов», которая складывается под влиянием представлений о воле Бога на моральное чувство, утверждает, что отвращение к таким бракам «универсально». Пример с брачными практиками «персидских магов» превращается из ставящего теоретическую проблему факта в исключение, которое лишь подтверждает правило. Этот пример, по словам Хатчесона, «не является возражением тому, что подтверждено всем миром за его пределами»²⁸.

Переходя к родству по боковой линии, Хатчесон воспроизводит юмовское рассуждение, сформулированное в переписке с ним. И возражает Юму, отмечая, что дети с менее близкой степенью родства, которые часто воспитываются вместе, также подвергаются указанной Юмом опасности, но мы не видим морального осуждения любовных отношений и брачных союзов между ними. В этой полемике с Юмом Хатчесон вводит важное замечание, дополнительно проясняющее его позицию по вопросу о природности отвращения к инцесту: в случае братьев и сестер, которые изначально равны между собой, противоречие, характеризующее браки и любовные отношения детей и родителей, отсутствует, поэтому «природное отвращение» здесь, если и есть, то очень слабое²⁹.

Вновь переходя к обсуждению всех кровосмесительных браков, Хатчесон более подробно раскрывает появившуюся в «Кратком введе-

²⁷Hutcheson 1755. Vol. 2: 170.

²⁸Ibid. 170-171.

²⁹Ibidem.

нии...» мысль о божественном законе, который предшествовал «иудейскому» и затронул большинство народов. Предположение о его существовании связано с тем, что отвращение к таким бракам превосходит любые соображения пользы и благоразумия³⁰. Во всяком случае в современных условиях. Но в ранний период истории человечества ситуация была иной. Без ограничения «браков между близкими родственниками» со стороны «мудрого законодателя» (уже не Бога, как в «Кратком введении...») возникала опасность, что такие браки будут широко распространены и каждая семья превратится в замкнутую в самой себе систему, не связанную узами привязанности с другими семьями. Вводя запрет на инцест, законодатель добился единства общества, того, что «семьи прекрасным образом переплетены между собой в отношении привязанностей и интересов»³¹. Дополнительным благоприятным следствием было предотвращение «вырождения человеческой расы», подобно тому, как предотвращается вырождение домашнего скота за счет смешения линий и пород³². При этом негативные последствия запрета на инцест были минимальными, поскольку в отношениях между родственниками остается достаточно способов проявления их привязанности друг другу и выражения долга по отношению друг к другу без сексуальной или матримониальной составляющей.

Это древнее законодательство многосторонне изменило статус любовных связей и браков между родственниками. До введения закона в них не было «неизменной низости» и «моральной нечистоты». И даже более того, в истории человечества имелся краткий период, когда они были необходимы: сам «Бог вынудил непосредственных потомков Адама сочетаться брачными узами друг с другом». Однако после того, как закон был введен, стремление человека вступить в инцестуальную связь стало тождественным «распутной похоти, нечувствительности к чести и величайшей негуманности в отношении того, кого он должен вовлечь в это бесчестье вместе с собой»³³. Таков «динамический» или «исторический» ответ Хатчесона тезису Гроция, что аргумент от «распространения дружеских связей» не учитывает, что «менее полезное оттого еще не становится недозволенным»³⁴. Кроме того, здесь мы вновь видим, что Хатчесон, вопреки суждению Юма, оказывается недалеко от введения искусственного и конвенционального элемента в область моральной

³⁰ В рассуждении Хатчесона сохраняется заданная Гроцием тема разграничения природных оснований запрета на инцест и оснований, связанных с пользой. Но, как видим, в нем нет свойственного Гроцию строгого разделения этих оснований по принципу: природные основания – восходящее родство, утилитарные – боковое (Гуго Гроций 1994: 247). Хатчесон допускает наличие каких-то природных истоков запрета в случае с боковым родством, а причины, связанные с «пользой и благоразумием», обсуждает как причины отвращения к любым «бракам между близкими родственниками» (Hutcheson 1755. Vol. 2: 171–172).

³¹ Ibid: 172.

³² Ibid: 173.

³³ Ibidem.

³⁴ Гроций 1994: 247.

добродетели и совсем не настаивает на том, что ее формирует один только природный инстинкт. Этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что внимание Хатчесона смещается с фигуры законодательствующего Бога на фигуру «мудрого законодателя», кем бы он ни был. Хатчесон прямо утверждает, что высказанные им соображения о «браках между близкими родственниками» «обосновывают запрет на такие браки любым законодателем»³⁵.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Проблема морального статуса запрета на инцест оказывается трудноразрешимой для теорий морали, отождествляющих ее содержание с императивами невредения и оказания помощи другому человеку, поскольку в данном случае теоретик сталкивается с практикой, которая, по крайней мере, по внешней видимости не противоречит стремлению к благу другого человека, но считается глубоко безнравственной. Этика Хатчесона является хорошей иллюстрацией таких затруднений. Британский философ разрешает их с помощью редукции запрета к благу других людей и обществу благу. В «Исследовании...» и в первом томе «Системы...» эта редукция носит преимущественно дескриптивный характер. Хатчесон прослеживает трансформацию морального чувства, приводящую к осуждению действий, которые не выражают безразличия или ненависти к другому человеку. В «Кратком введении...» и во втором томе «Системы...» редукция является уже нормативной. Хатчесон не только объясняет, как так получилось, что подобные действия вызывают моральное осуждение, но и предьявляет основания, по которым к этому осуждению следовало бы присоединиться любому наделенному моральным чувством человеку. Определенные природные предпосылки отвращения к кровосмешению были подкреплены и многократно усилены законодательством, которое исходило из общественного блага. Мотивы «мудрого законодателя» сохраняют свою актуальность и по сей день. Внутри построенного в соответствии с этим законодательством общества, испытывающего отвращение к инцесту, соблюдение запрета поддерживается не только осознанием благотворности закона, но и стремлением не навлечь своими действиями правовых и моральных санкций на кон-

³⁵ Hutcheson 1755. Vol. 2: 173. Если поместить рассуждение об инцесте, содержащееся во втором томе «Системы...», в общий контекст британской полемики о моральном и юридическом статусе этого феномена в раннее Новое время, то выявляется еще одно интересное обстоятельство (очерк полемики см.: Pollak 2003: 28–37). Хатчесон повторяет протестантские аргументы против «папистской» практики создания множества ограничений брака ради получения материальной выгоды от дозволений их нарушить (Hutcheson 1755. Vol. 2: 174) и параллельно воспроизводит аргументацию английских католиков: природный запрет на инцест касается лишь восходящего родства, а запрет браков между братьями и сестрами есть не элемент природного закона, а результат позднейшего позитивного божественного законодательства. Естественно, что Хатчесон не вспоминает при этом итоговый вывод католиков о том, что именно поэтому установление конкретизированных норм в сфере браков между родственниками по боковой линии является прерогативой папского престола.

кретных других людей. Примечательной особенностью этой нормативной редукции является то, что, хотя в «Системе...», в отличие от «Исследования...», Хатчесон выделяет относительно независимую от морального чувства способность, регулирующую поведение людей в сфере сексуальности – «чувство приличия и достоинства», он не пытается свети к этому чувству отвращение к инцесту. Сочетание слов «чувства приличия» используется в разделе о препятствиях браку, но лишь один раз и не как технический термин моральной философии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блаженный Августин О Граде Божием / составление и подготовка текста к печати С. И. Еремеева // Блаженный Августин Творения. Т. 4. СПб.: Алетея, 1998. 589 с. [Blazhennyi Avgustin O Grade Bozhiem / sostavlenie i podgotovka teksta k pečati S. I. Eremeeva // Blazhennyi Avgustin Tvoreniya. T. 4. SPb.: Aleiteya, 1998. 589 s.]
- Гуго Гроций О праве войны и мира / пер. с лат. А.Л. Сакетти. М.: Ладомир, 1994. 870 с. [Gugo Grotsii O prave voyny i mira / per. s lat. A.L. Saketti. M.: Ladomir, 1994. 870 s.]
- Мандевиль Б. Басня о пчелах / общ. ред. и вступит. статья Б.В. Мееровского; пер. с англ. Е. С. Лагутина. М.: Мысль, 1974. 376 с. [Mandevil' B. Basnya o pchelakh / obshch. red. i vstupil. stat'ya B.V. Meerovskogo; per. s angl. E. S. Lagutina. M.: Mysl', 1974. 376 s.]
- Прокофьев А.В. Полемика о содержании моральной добродетели в британской философии XVIII в. // История философии. 2019. Т. 24. №1. С. 31–43. [Prokof'ev A.V. Polemika o sodержanii moral'noi dobrodeteli v britanskoi filosofii XVIII v. // Istoriya filosofii. 2019. T. 24. №1. S. 31–43.]
- Прокофьев А.В. Френсис Хатчесон и возможность моральной добродетели за пределами благожелательности // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 1. С. 43–56. [Prokof'ev A.V. Frensis Khatcheson i vozmozhnost' moral'noi dobrodeteli za predelami blagozhelatel'nosti // Eticheskaya mysl'. 2018. T. 18. № 1. S. 43–56.]
- Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах / общ. ред. и вступит. статья Б.В. Мееровского; пер. с англ. Е. С. Лагутина // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М: Искусство, 1973. С. 41–262. [Khatcheson F. Issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei krasoty i dobrodeteli v dvukh traktatakh / obshch. red. i vstupil. stat'ya B.V. Meerovskogo; per. s angl. E. S. Lagutina // Khatcheson F., Yum D., Smit A. Estetika. M: Iskusstvo, 1973. S. 41–262].
- Юм Д. Исследование о принципах морали / пер. В.С. Швырева // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 171–314. [Yum D. Issledovanie o printsipakh morali / per. V.S. Shvyreva // Yum. D. Sochineniya v 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1996. S. 171–314.]
- Aldridge A.O. The Meaning of Incest from Hutcheson to Gibbon // Ethics. 1951. Vol. 61. № 4. P. 309-313.
- Butler J. Dissertation II: Of the Nature of Virtue // The Works of Bishop Butler / ed. D.E. White. Rochester: University of Rochester Press, 2006. P. 309–314.
- Carey D. Locke, Shaftsbury, and Hutcheson: Contesting Diversity in the Enlightenment and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 260 p.
- Gert B. Morality: Its Nature and Justification. New York: Oxford University Press, 2005. 438 p.
- Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 393 p.
- Haidt J. The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion. New York: Pantheon Books, 2012. 423 p.
- Hume D. The Letters of David Hume / ed. J.Y.T. Graig. V. 1. Oxford: Clarendon Press, 1932. 532 p.
- Hutcheson F. A System of Moral Philosophy. Vol. 1–2. Glasgow: R. & A. Foulis, 1755.
- Hutcheson F. An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises / ed. W. Leidhold. Indianapolis: Liberty Fund, 2004. 259 p.
- Hutcheson F. Philosophiae Moralis Institutio Compendiaria: with a Short Introduction to Moral Philosophy / ed. L. Turco. Indianapolis: Liberty Fund, 2007. 316 p.
- Pollak E. Incest and the English Novel, 1684–1814. Baltimore: Johns Hopkins U.P., 2003. 261 p.
- Scott W.R. Francis Hutcheson: His Life, Teaching and Position in the History of Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1900. 296 p.

Turco L. Introduction // Hutcheson F. *Philosophiae Moralis Institutio Compendiaria: with a Short Introduction to Moral Philosophy* / ed. Luigi Turco. Indianapolis: Liberty Fund, 2007. P. XI–XXIV.

Turiel E. *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 240 p.

Wolf A.P. *Incest Avoidance and the Incest Taboos: Two Aspects of Human Nature*. Stanford: Stanford University Press, 2014. 177 p.

Прокофьев Андрей Вячеславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, сектор этики, Институт философии РАН; avprok2006@mail.ru

Benevolence and Abhorrence of Incest (the Case of Francis Hutcheson)

The paper reconstructs Francis Hutcheson's view on the moral status of incest and origins of the incest prohibition. The phenomenon of incest creates problems for every theory of morality that identifies its content with other-regarding requirements. The intensity of moral blame that incestuous behavior faces is not consistent with its relative harmlessness in comparison with violence or refusal to help (in Hutcheson's terms, participants of incestuous relationships do not express 'want of benevolence'). The author shows how Hutcheson reduces the 'abhorrence of incest' to benevolent affections in his discussions of the universality of moral sense and moral impediments of marriage.

Key words: morality, Incest prohibition, benevolence, moral sense, impediments of marriage, natural law, Francis Hutcheson

Andrey V. Prokof'ev, Dr.Sc. (Philosophy), leading research fellow, Department of Ethics, RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation, avprok2006@mail.ru

А.Ю. ДВОРНИЧЕНКО, Р.-Е.А. КУДРЯВЦЕВА

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТУАНИСТИКИ СЛУЧАЙ С.М. СОЛОВЬЁВА¹

Немногочисленные сочинения, в которых предпринимались попытки изобразить российскую литуанистику, т.е. историографию Великого княжества Литовского, в её историческом развитии, игнорировали С.М. Соловьёва, сыгравшего громадную роль в становлении исторической науки в России. При этом упор делали на «москвоцентричность» исторического сознания историка. Проникновение в это сознание путем скрупулезного анализа научных трудов позволяет, с одной стороны, увидеть в нём следы борьбы разных подходов к истории ВКЛ, с другой стороны, с полным основанием поставить С.М. Соловьёва в ряды ведущих российских литуанистов.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, литуанистика, С.М. Соловьёв, раздвоение исторического сознания*

Великое княжество Литовское, Жомойтское и Русское (далее – ВКЛ) по-прежнему как-то очень странно отражается в исторической памяти нашей страны, проявляется в её интеллектуальной жизни. Складывается впечатление, что у среднестатистического российского гражданина знание об этом государстве стремится к нулю. Телевидение ещё несколько лет назад как-то пыталось исправить ситуацию – можно сослаться хотя бы на интересные передачи А.Г. Гордона, в которых довелось участвовать и автору этих строк². То был высокий научный интерес, вполне сродни теориям антропогенеза или изучению чёрных дыр во Вселенной. К сожалению, в некое подобие дыры, скорее всего, невежества и лени этот интерес и канул...

Остаётся слабая надежда на политический его «катализатор». В связи с событиями в Белоруссии популярный исторический журнал «Дилетант», вспомнив слова одного из героев А.Н. Островского о том, что «Литва на нас с неба упала», пытается просветить нашего читателя информацией о «делах литовских»³, обещая при этом в следующем номере рассказать обо всех «князьях Белой Руси: от Миндовга до Лукашенко». Действительно, половина следующего номера посвящена Литовской Руси и красочно (с картинками на лощеной бумаге) рисует общий, в основном адекватный, абрис этой истории: от Миндовга до Витовта (к счастью, нынешнего президента Белоруссии к литовским князьям всё-таки не отнесли)⁴. Конечно, и в таком виде это гораздо лучше, чем тиражировать в учебниках и по радио старинные анекдоты, например о том, что

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00073).

² Дворниченко 2005: 299–319.

³ Кузнецов 2020: 58–61.

⁴ Дилетант 2020: 4–44.

три доблестных смоленских полка победили в Грюнвальдской битве. Но, всё равно, как говорил поэт, «только этого мало»...

В этой ситуации интересно узнать, а как воспринимало российское общество эту историю до 1917 г., какие тогда были представления о роли в российской истории ВКЛ? Можно было бы сразу перейти к исторической памяти, как таковой⁵, но пока никто как следует не потрудился и над исторической наукой. Какое-то время назад мы решительно двинулись по этому пути⁶. Выяснилось, что представление о возникновении интереса к литовско-русской истории в России лишь с работ Н.Г. Устрялова некорректно. Приятно было узнать, что интерес этот был в первую очередь научным, напрямую не связанным с польским освободительным движением, восстанием 1830 г., а уходил корнями в «осмнадцатый» век, в труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, А.Л. Шлёцера, прорастая и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. И всё-таки значение Устрялова, как и всей новой эпохи русской историографии, которая началась в 30-40-е гг. XIX века, нельзя преуменьшить⁷.

И тут перед нами встаёт величественная фигура С.М. Соловьёва, под знаком которого эпоха и началась. Соловьёв-литуанист – это до сих пор загадка. Считается, что о Литве Соловьёв упоминает только в связи с князьями Северо-Восточной Руси и, позднее, московскими государями; это только вставки и отступления от главной темы⁸. В работах бело-русских коллег великий историк и вовсе лишен статуса литуаниста⁹. Некоторые воззрения Соловьёва на ВКЛ упомянуты в диссертации калининградского историка М.Е. Мегема¹⁰. Статья казанского историка А.М. Столярова, посвящённая взглядам Соловьёва на литовско-русскую историю¹¹, написана на ограниченном круге историографических источников и ситуацию скорее затуманивает, чем проясняет...

С.М. Соловьёв сам постарался нас запутать. Он пускался в такого рода рассуждения, возражая «критикам Карамзина»: «Русь *разделялась на два государства* (курсив наш – авт.), совершенно равные, самостоятельные, идущие по различному историческому пути, никогда после не соединявшиеся? В таком случае надобно оставить всякую мысль о внутреннем единстве русской истории». Вот, оказывается, в чём дело. Разве можно лишить родную историю некоего «единства»?! Далее Соловьёв цитирует практически буквально слова Устрялова из его знаменитой статьи, правда, без всякого упоминания автора этих слов. Смысл концепции Устрялова заключался в том, что ВКЛ было русским госу-

⁵ Представления о польско-литовской истории и взаимоотношениях её с русской выплескивались на страницы специальных журналов: Котов 2019. С. 258-272.

⁶ Дворниченко, Кудрявцева 2019: 935–955; Дворниченко, Кудрявцева 2020 (а): 930–943; Дворниченко (в печати).

⁷ Дворниченко 2020 (b): 219–236.

⁸ Кром 2009: 181.

⁹ Белаза́рович 2006.

¹⁰ Мегем 2018: 54–55, 57–58.

¹¹ Столяров 2013: 198–202.

дарством. А, раз так, то историк должен говорить с равной подробностью о делах московских и литовских, по крайней мере до той поры, пока ВКЛ было самостоятельно и спорило с Москвой. Потом, когда угаснет род Гедиминов и ВКЛ объединится с Польшей, степень этой подробности должна уменьшаться: Москва выдвигается на первый план и тут литовская история должна умолкнуть¹².

Та часть статьи Устрялова, где речь шла о борьбе с польскими угнетателями и о мудрой политике российских правителей, вполне импонировала Соловьёву. Собственно, он согласен и с выводом о том, что со временем «литовская история должна умолкнуть». Только «умолкнуть» она должна раньше: уже с XIII в. на первом плане должна находиться Северо-Восточная Русь. В дальнейшем пространстве обширной статьи Соловьёв собирался вернуться к вопросу о значении «Юго-Западной Руси» и даже в «известной степени» согласиться с «возражателями» (значит, не был он всё-таки полностью уверен в своём подходе). К сожалению, он этого не сделал – то ли забыл, то ли не захотел¹³. Примерно в таком же ключе высказался он и в своей знаменитой «Истории России с древнейших времён»¹⁴.

Итак, позиция Соловьёва, казалось бы, ясна. Однако, с ним получилось примерно то, что ранее с Карамзиным – некое раздвоение сознания¹⁵. Может быть, это следствие его замечательной научной добросовестности. Как бы там ни было, никто до Соловьёва в России столь подробно не писал о ВКЛ. Но важнее другое. Несмотря на мощное давление патриотически-политического груза, в разрез со своими заявлениями о меньшей значимости западнорусской истории, выдающийся историк, фактически, созидает концепцию, которая входит в противоречие со всеми его утверждениями. И в настоящее время эта концепция известна под названием «две Руси». Но обо всём по порядку...

Начинает Соловьёв не так уж традиционно – не с образа врага. Уже в первом томе он старается понять для себя и объяснить читателю, что же это за «странные народы – литва и ятвяги», которые с незапамятных времён засели среди непроходимых болот и пушч¹⁶. Замечательно то, что Соловьёв сразу же находит большую пользу от этих народов для своих любимых славян. И связано это с любезной его сердцу географической ситуацией. Прячась в своих дебрях, литовцы не только сами успешно отбивались от немцев, но и заслонили от них восточных своих соседей, «охранили западные границы русских славян»¹⁷. Историк даёт сжатую,

¹² Устрялов 1839.

¹³ Соловьёв 1995: 56–58.

¹⁴ Соловьёв 1988 (b): 640.

¹⁵ Может это звучит несколько обидно для великого историка, но, на наш взгляд, более приемлемо, чем утверждение о том, что «С.М. Соловьёв принял концепцию Н. Г. Устрялова в её основных положениях». И ещё менее убедительна мысль о том, что Соловьёв «нарушил стройность» концепции Устрялова (Столяров 2013: 201).

¹⁶ Соловьёв 1988 (a): 65, 111, 117.

¹⁷ Там же: 64–65.

но емкую характеристику этих народов, привлекает данные по литве для характеристики родового строя, культурных явлений древности¹⁸. Поэтому трудно согласиться с авторами комментариев советских времён к первым двум томам Соловьёва в том, что историк говорит о соседних со славянами народах только в связи с «вооруженной борьбой»¹⁹. Это ворчание вполне в духе «гамбургского счёта», с которым подходила советская историческая наука к своей «дореволюционной» предшественнице²⁰. Конечно, Соловьёв отдаёт дань и одной из прежних традиций – яркими красками рисовать вражду с литовскими племенами. С литовцами, ятвягами, пруссами приходилось активно бороться «старым» древнерусским князьям, потом эту «эстафетную палочку» перехватили западнорусские земли и «новые» князья, и Новгород с Псковом²¹. Эта борьба, поразив воображение русского народа, отразилась в песнях, что и отмечено историком, когда речь заходит об истории культуры²².

Но вот уже возникают союзы с литовцами («пришла литва с полочанами», Ярослав и сын Дмитрий с Миндовгом литовским, Тройнатом жмудским...)²³. Литва начинает входить в политические альянсы Восточной Европы наряду с Северо-Восточной Русью, монголами и «немцами»²⁴. Борьба Литвы с Тевтонским орденом имеет выдающееся значение для Восточной Европы. С другой стороны, эта борьба сдерживала силы Литвы и дала возможность формирующемуся Московскому государству укрепить свои силы²⁵. Историк следит за политически-династической борьбой в Литве, за тем, как литовские князья утверждаются на столах в русских городах, как их зовут на княжение²⁶. Медленно, незаметно, но постоянно распространяют они свои владения на восток и на юг, в областях русских²⁷. Вот уже и литовский выходец Довмонт в глазах летописца сравнился с Владимиром Мономахом, что является высшей похвалой. А вот Псков (на время) признал свою зависимость от Литвы²⁸. Героическую борьбу Пскова с Ливонским орденом²⁹ без Литвы

¹⁸ Там же: 91, 112–114, 283.

¹⁹ Пашуто, Шульгин 1988: 728, 738.

²⁰ Во всяком случае, как отметил И.Д. Ковальченко, историк, хоть и придерживался идеи Гегеля о существовании исторических и неисторических народов, но был чужд шовинизма (Ковальченко 1988: 28).

²¹ Соловьёв 1988 (а): 208, 261, 357, 403, 563, 581, 614, 618, 627; 1988 (b): 38, 43, 125, 133, 136, 147, 206; 1995 (а): 160, 187. «Дикие литовцы стали чаще выходить из своих дремучих лесов, опустошать русские области и утверждаться в них» (Соловьёв 1998 (с): 274, 277, 279).

²² Соловьёв 1991: 136.

²³ Соловьёв 1988 (b): 156–157.

²⁴ Там же: 171, 199, 216.

²⁵ Соловьёв 1998 (e): 100.

²⁶ Соловьёв 1988 (b): 173–176, 221.

²⁷ Соловьёв 1849: 3.

²⁸ Соловьёв 1988 (b): 194, 231.

²⁹ Этот народ (ливонцы) не довольствовался одной данью с Руси, а хотел стать в Руси твёрдой ногой, подчинить русскую жизнь своим правилам. На их пути встала

не понять. Сложные отношения с ней Пскова нельзя свести к военному противостоянию, хотя и этого хватало³⁰. Касательно сложности отношений... «Литва готовилась окончательно слиться с Русью под властью одного из сыновей Даниловых», – строит планы историк, имея в виду ситуацию с Войшелком и Шварном³¹. Планам не суждено пока сбыться: литовцы выбрали себе единоплеменного князя – «так порвано было в самом начале мирное соединение Литвы с Русью»³². Юго-Западная Русь закоснела в старине своей, а Литва и Польша усилились единовластием и стали действовать на Русь более наступательно³³.

Тот переворот (собрание земель), произведённый на севере своими князьями – потомками св. Владимира, на юге был произведён Гедимином, «который тем или другим способом собрал Русскую землю под одну власть»³⁴. Причём, если Гедимин занят был подчинением волостей Юго-Западной Руси, то сын его Ольгерд обратил внимание на Северо-Восточную. Сильно на этот процесс влиял внешний фактор, прежде всего – орденская угроза. Рыцарям было очень непросто с новой страной. «Страна» эта была весьма сильной: достаточно только взглянуть на географическое положение этого государства, чтобы уразуметь его значение – ведь уже в начале XIV в. область Литвы находилась при соединении 4-х главных речных систем Восточной Европы (кроме волжской)³⁵.

«Изначала судьба Литвы была тесно связана с судьбою Руси...», – писал историк в своей докторской диссертации³⁶. А дальше он ставит очень важный вопрос. Гедимина обычно называют «завоевателем русских областей». Но каков же был характер этого завоевания? Он заставил всех князей Юго-Западной Руси – потомков св. Владимира – признать своё первенство точно так же, как прежде, они признавали роль северного князя владимирского. Другими словами, род Гедимина по отношению к Юго-Западной Руси играет ту же роль, что род князей московских по отношению к Северо-Восточной Руси: Литва собирает Юго-Западную Русь, точно так же как Москва – Северо-Восточную³⁷.

одна небольшая область, а, вернее, город, который в течение двух веков сдерживал напор ливонцев. Это был героический Псков (Соловьев 1998 (f): 43).

³⁰ Соловьев 1998 (f): 52, 59–61, 63, 65–68 и др. Соловьев 1995 (a): 194–195.

³¹ Соловьев 1988 (b): 177, 196. Этот момент слияния, единения куда-то уходит в учебном издании. См.: Соловьев 1995 (a): 189–190.

³² Заметим, кстати, что учёный весьма охотно употребляет понятие «Литовская Русь», во всяком случае, не менее охотно, чем «Западная Русь». См., напр., в «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома» (Соловьев 1996. Указатели: 522). Понятие «Литовская земля», судя по всему, более узкое и чаще всего не включает в себя Русь (Там же: 150, 151, 220–221, 328, 330–331).

³³ Соловьев 1988 (b): 183–184.

³⁴ Там же: 237–238.

³⁵ Соловьев 1849: 3. Важность географического положения ВКЛ историк подчёркивает и в своей «Истории России с древнейших времён» (Соловьев 1988 (b). С. 65).

³⁶ Соловьев 1996: 144.

³⁷ Исследователь в своей докторской диссертации стремится следить и за теми Рюриковичами, которые «остались в Юго-Западной, старой Руси» и за их отношения

Мало того, вполне в русле своей органической теории, Соловьев высказывает уверенность, что родовые отношения на севере были разрушены в результате преобладания «новых» городов и возникшего в них понятия об отдельной собственности. На юге же родовые отношения разрушились из-за того, что во главе русских князей «стал чуждый род Гедиминов, стремившийся к приобретению могущества, к увеличению своей собственности на счёт других владетельных родов»³⁸. Это же стремление не позволило Гедиминовичам утвердить русские родовые отношения и друг к другу: они сосредотачивали власть в одних руках и сильнейший из них всегда гнал и истреблял братьев. К этому надо добавить ещё и «могущественное влияние государственных идей Запада, с которым литовские владельцы с самого начала вошли в тесную связь»³⁹. Что же получилось «на выходе»? «Как скоро обе половины Руси собрались в два сильные тела, то и вступили в борьбу между собой», – таково трагическое следствие русских процессов политогенеза⁴⁰. Борьба эта ожесточённая: её не смягчают даже близкие родственные отношения между государями. Страшная борьба на жизнь и на смерть шла между Витовтом и Василием, несмотря на Софью Витовтовну в Москве. Да и между Иваном и Александром, несмотря на Елену Ивановну в Вильно⁴¹.

«Судьба Восточной Европы в руках двух государей – Московского и Литовского, но какие же отношения между этими двумя могущественными владельцами?»⁴². Это не только, а до поры и не столько *борьба*. Тем более, что первым её участникам Ольгерду и Симеону Гордому летописцы приписывают почти одинаковые похвальные качества⁴³. И в государствах так много сходства: даже *разбои* похожи по количеству, да и по качеству⁴⁴. Московские князья часто женились на княжнах литовских и выдавали дочерей своих замуж в Литву⁴⁵. Конечно, великий историк не знал нашего слова «симбиоз». Но не будет

ми к великим князьям литовско-русским. К временам Казимира все они уже вошли в служебные и подданные отношения к Гедиминовичам (Соловьев 1996: 196).

³⁸ А.М. Столяров явно не читал эту работу Соловьёва. Иначе вряд ли бы он обнаружил в его творчестве идею о том, что теория родовых отношений и их распада, трансформации в государственные отношения «работала» только на материале Московского государства. На «примере» ВКЛ эта теория не действовала, поскольку здесь «суть исторического развития состояла в борьбе между правителями-католиками и их православными подданными» (Столяров 2013: 201). Соловьев сильно бы удивился такому упрощению его концепции.

³⁹ Соловьев 1988 (b): 144–145.

⁴⁰ Там же: 244–245. «...Трудно, невозможно было разъединить, разнять на две половины страну, единую по своему географическому положению, происхождению народа, его языку, вере, истории; князья литовские и московские хорошо понимали невозможность дележа и потому, принявши оба титул князей русских, тем самым вызвали друг друга на отчаянный бой» (Соловьев 1996: 145).

⁴¹ Соловьев 1996: 217.

⁴² Соловьев 1998 (g): 101.

⁴³ Соловьев 1996: 145.

⁴⁴ Соловьев 1988 (b): 602.

⁴⁵ Там же: 486.

большого насилия над Соловьёвым, если предположить, что он видел именно такой характер отношений между «владельцами». Когда, предваряя работу своего ученика В.О. Ключевского, он анализирует географические известия иностранцев о России, то для XV в. о Литве и не сообщает. Путешественники того времени знали Малую Россию⁴⁶. Литва «в обширном смысле», что «простирается от города Черкасск на Днепре до границ ливонских» появляется только тогда, когда Соловьёв анализирует знаменитые записки Герберштейна, а это уже XVI в.⁴⁷ И ещё одно наблюдение «путешественников» отмечает историк: никакие народы, кроме литовцев и поляков, в Москву не допускаются⁴⁸. Не случайно он так подробно изучал «дипломатические сношения»⁴⁹. К сожалению, они должны были прекратиться: православные служилые литовские князья начали отъезжать в Москву, начало XVI в. ознаменовалось войной⁵⁰.

Соловьёв следит за перипетиями этой борьбы (Литва всё же была и опасным врагом⁵¹) родственных государственных образований. Одни князья искали защиты у Литвы, другие – у Москвы; одни бежали из Москвы в Литву, другие в обратном направлении⁵². И там, и здесь встречаются с чеством, дают богатые кормления⁵³. Борьба динамична и чревата неожиданными поворотами. И хотя Соловьёв считает, что подробно за внутренними событиями в ВКЛ российский историк следить не должен, однако, не упускает ни одного судьбоносного «внутреннего происшествия» и события. Находится место и браку Ягайло с Ядвигой⁵⁴. Поляки рады были такому объединению, а вот литовцы и русские не очень. Первые становились неким придатком к Польше, но русским было ещё хуже. Ведь при литовцах у них ничего не изменилось: литовцы был народ дикий, идолопоклонники, грамоты у них не было. Они стали всему учиться у русских и уже почти обрусели, принимали православную веру. Теперь ситуация изменилась – русским стало тяжело. Но, поскольку и литовцы не хотели быть в зависимости от Польши, то Литва и Западная Русь будут долго отбиваться от соединения с Польшей, будут стараться иметь своего собственного великого князя⁵⁵. И всё-таки «безрассудное поведение Ягайло и его преемников» сыграло роль мины замедленного действия – под отношения двух молодых государств была подведена религиозная основа, точнее борьба за веру⁵⁶.

⁴⁶ Соловьёв 1998 (b): 407.

⁴⁷ Там же: 433.

⁴⁸ Там же: 416. Русский человек замечал племенное сходство и «поляков-литву» ставил особо от других, например, от немцев и других западных «племён» (Соловьёв 1995 (b): 28).

⁴⁹ Соловьёв 1998 (g): 102.

⁵⁰ Там же: 120.

⁵¹ Соловьёв 1995 (a): 196.

⁵² Соловьёв 1988 (b): 265–266.

⁵³ Там же: 397, 406.

⁵⁴ Там же: 293. Ягайло «замыслил тогда роковой брак» (Соловьёв 1849: 5).

⁵⁵ Соловьёв 1998 (c): 287; Соловьёв 1995 (a): 207.

⁵⁶ Соловьёв 1996: 220

С большим вниманием отнесся историк к битве на Ворскле 1399 г. Замечательно, что по своему значению он ставит эту битву в один ряд с Куликовской. Мысль его оригинальна. Ведь Витовт, вообще-то, потерпел страшное поражение. Но Темир-Кутлуй пришёл не нападать, а защищаться от замыслов одного из государей Восточной Европы. Соглашался при этом на унижительные условия договора, что лучше всего показывает перемену отношений. Да и какое было следствие татарской победы: опустошение некоторой части литовских владений – и всё! И эта битва свидетельствовала о слабости монголов. Впрочем, другой её исход мог представлять большую опасность для Москвы⁵⁷. Соловьев отдал должное Грюнвальду (существование Ордена после него – только продолжительная агония), неудавшейся коронации Витовта, движению Свидригайло, который держался русского народонаселения⁵⁸.

При Василии Дмитриевиче на первом плане – отношения литовские⁵⁹. Союз Василия с тестем Витовтом удерживал и церковную связь между Русью Литовской и Русью Московской: митрополит Киприан мог до полутора лет жить в Киеве⁶⁰. Два родственных государства как бы дополняют друг друга в важном деле строительства единоначалия в этом конце Европы. Чего не успевали сделать князья московские, то доканчивали литовские, отнимая независимость и у князей Восточной Руси. Рязань и Тверь постоянно колебались между Литвой и Москвой, Новгород хотел быть самостоятельным⁶¹. Эти государства настолько похожи, что даже казачество, носит у них один характер⁶². Почему Литва уступала? Сначала её сдерживала борьба с немцами, потом союз с Польшей и окончательная борьба с Орденом⁶³. После изначальных заявлений Соловьева может показаться странным, что, рассматривая «внутреннее состояние русского общества», он много внимания уделяет литовско-русским сюжетам, будь то географическая ситуация, сословный строй, административное устройство, внешний вид городов, церковная история. Потом идёт другой процесс: московский князь становится собственником, и собственность его постоянно увеличивается за счёт Литвы⁶⁴. Отдельная тема – Елена и её жизнь в Литве⁶⁵. Ещё одна тема – отношения Москвы с Литвой в контексте присоединения Новгорода⁶⁶.

⁵⁷ Соловьев 1988 (b): 365–366.

⁵⁸ Там же: 374, 420, 425.

⁵⁹ Там же: 377.

⁶⁰ Там же: 558. Потом, правда, последовал разрыв между князьями, который повлёк за собой и разделение митрополии.

⁶¹ Там же. С. 410, 412. Соловьев 1995 (a): 212.

⁶² Соловьев 1998 (d): 132.

⁶³ Соловьев 1988: 418. «Казимир своей явной враждой только сердит Иоанна, а вреда ему сделать не может; слабость его была очевидной» (Соловьев 1998 (c): 296).

⁶⁴ Соловьев 1989: 98.

⁶⁵ Там же: 119, 147. Великий князь больше всего опасался обращения своей дочери и её подданных в латинство, в чём постоянно и не без основания подозревался литовский, говоря современным политическим новоязом, «партнёр» (Соловьев 1996: 219).

⁶⁶ Соловьев 1845: 114–115.

По мысли рано ушедшего из жизни историка Л.А. Кочи, Соловьёв как предательство рассматривал стремление новгородцев найти союзников в Литве⁶⁷. Вероятно, ситуация была несколько сложнее. До поры, до времени, заглядывая ещё в Киевскую Русь, Соловьёв был «над схваткой» и скорее симпатизировал Новгороду. Ведь Новгород хочет только «старины», а Симеон и литовские князья выкручивают ему руки⁶⁸. Но вскоре Новгород, действительно, камнем лёг на пути прогресса. Во всяком случае, в том смысле, как это понимал Соловьёв.

При жизни Казимира в сношениях его с Иоанном было равенство, но после его смерти оно нарушается в пользу Москвы⁶⁹. Привлекает внимание восстание Глинского, подозреваемого в желании восстановить Великое княжество Русское, в то время как очередной московский Василий хотел мирно воссоединить Литовскую Русь с Московской⁷⁰.

Отдельная глава посвящена борьбе за Смоленск, который воистину стал камнем преткновения в отношениях двух государств: ведь из самого положения Смоленской области понятно, почему Смоленск служил постоянно поводом к спору между Северо-Восточной, или Московской, и Юго-Западной, или Литовской Русью⁷¹. Меняется форма переговоров: требование «прародительской отчины» – Киева, Полоцка, Витебска и других городов стало необходимым условием для переговоров Москвы с ВКЛ. Форма эта имеет важное историческое значение: она показывает характер борьбы между двумя государями, из которых один назывался великим князем литовским и русским, а другой – великим князем всея Руси⁷². Для Соловьёва это повод подчеркнуть последовательность московских князей в их завоевательных устремлениях, но ситуация-то деликатная, ведь с Русью связаны и тот, и другой правители.

Война сменяется миром, потом снова приходит война. Наблюдается «сильный приплыв» Гедиминовичей и западнорусских Рюриковичей к московскому двору. А, вообще, это отдельная эпопея, ведь приверженцы старины крепко держались за обветшалое право отъезда, а поскольку ехать к русским князьям уже не было возможности, то ехали в Литву⁷³. Вот почему с них брали клятвенную грамоту – не отъезжать.

⁶⁷ Коча 1982: 117.

⁶⁸ Соловьёв 1845: 116–117.

⁶⁹ Соловьёв 1988 (b): 199.

⁷⁰ Там же: 214–217. Мира, правда, не получилось, а вышла большая война. См.: Соловьёв 1995 (a): 243–244.

⁷¹ Там же: 67.

⁷² Там же: 249. Впрочем, учёный чувствует и этот «оттенок»: Иван III обнаружил «страшное посягание на эту отчину» в самом титуле своём, называя себя государем всея Руси, «тогда как такая значительная часть Руси была за Литвою» (Соловьёв 1996: 216).

⁷³ Соловьёв 1988 (b): 291–292. В другой работе историк объясняет, почему литовско-русские князья ехали в Москву: «Рюриковичи южные», подчинились сильному великому князю литовскому, чтобы этот сильный владетель оборонял их отчины. «Но когда литовские князья продали своё могущество за престол польский, то Рюриковичи, их служебники», начали искать другого защитника (Соловьёв 1996: 214).

Когда речь заходит о «делах внутренних», Соловьева интересуется не только торговля Московии с ВКЛ, но и (как прежде) социальная структура (знать и крестьяне), административное устройство, западно-русские казаки, города, которые продолжают получать новые грамоты на магдебургское право и подтверждать старые, судьбы евреев в ВКЛ⁷⁴. Когда историк изучает историю права, то он следит за изменениями в «обеих половинах Руси», пристальное внимание уделяя Первому Литовскому Статуту. Замечает при этом серьезные различия в «Западной и Восточной России», которые явились следствием раннего преобладания сословного и государственного интереса (в ВКЛ) над личным произволом, чего не было в Руси Московской⁷⁵. В Статуте и в XVI в. законодательство твердо держится постановления Русской Правды⁷⁶. Историка интересуют даже особенности церковного суда в Западной России⁷⁷.

При литовской по происхождению опекунше нового юного царя началась вновь борьба с ВКЛ⁷⁸. Отношения особенно осложнились уже при Сигизмунде-Августе, который не хотел вечного мира с Россией без Смоленска. Впрочем, в этот момент Иоанн не хотел его и со Смоленском. Король не называл Иоанна царем, а тот в отместку отказывался величать его королем⁷⁹. Когда же Иоанн обратил своё внимание на Ливонию, война с Литвой отложились, вроде бы опять на неопределенное время. Дела ливонские заставляли Иоанна желать вечного мира и союза с Литвой; однако, эти дела не только не могли повести к вечному миру, но ещё и ускорили разрыв⁸⁰. И в итоге всё внимание царя обращено уже на Литву⁸¹. Историк уделяет внимание Люблинской унии. «Последнему из Ягеллонов удалось довершить дело, бывшее историческою задачей его династии: склонить Литву к вечному соединению с Польшею», — замечает историк. Литовцы тут сильно упорствовали, но согласились, поскольку увидели, что русские их не поддерживают. А русским было всё равно, к Литве или к Польше, поскольку «литовские вельможи вели себя в отношении русскому народонаселению вовсе не так, чтоб могли заслужить его привязанность»⁸². Причём соединение последовало явно в ущерб Литве, поскольку она должна была уступить Польше Подляшье, Вольнь и княжество Киевское.

Интересна трактовка Соловьёвым дальнейших событий, приведших «к отторжению русска областей». В правление Сигизмунда I и Си-

⁷⁴ Там же: 303, 306, 308, 310–311.

⁷⁵ Там же: 329, 331. Пусть фраза и вычурна, но свидетельствует о том, что «московский» патриотизм не сбивает с толку историка — он видит преимущества литовско-русского строя.

⁷⁶ Там же: 332.

⁷⁷ Там же: 337.

⁷⁸ Там же: 392–399.

⁷⁹ Соловьёв 1989: 494–497.

⁸⁰ Там же: 500, 502.

⁸¹ Там же: 553.

⁸² Там же: 593–594.

гизмунда-Августа «католицизм не возобновлял попыток усилиться в литовских областях за счёт православия. Казалось, что главное препятствие для соединения Великого княжества Литовского и Королевства Польского больше не вернётся»⁸³. Распространение протестантизма вызвало противодействие католичества – на помощь католицизму явились иезуиты, раздули фанатизм в католиках. Под горячую руку попались и православные... Всё в дальнейшем кончилось отторжением Малороссии, присоединением её к России Великой или Московскому государству⁸⁴! Интересны также интенции Иоанна стать великим князем литовским⁸⁵. В его душе боролись разные устремления. Он не хотел быть королём на Польше – зачем отдавать себя в руки своевольным панам и шляхте. Но вот быть избранным в великие князья литовские, отдельно от Польши – совсем другое дело. Ведь Литва, привыкнув занимать второстепенное положение при Польше, вполне могла занять подобное положение и при соединении с царством Московским. «Притом в Литве преимуществовал элемент русский», большая часть ВКЛ – земли, населенные православными. Иоанн считал их своими отчинами⁸⁶.

Соловьев подчеркивает сходство, некое внутреннее единение между двумя родственными государствами и в это время. Правда, объединиться им было не суждено, возможность эта утонула в безбрежных посольских речах, которые подробно приводит Соловьев. А избран был Баторий, и дальше историк внимательно следит за борьбой Московского государства с этим «Стефаном-королём».

Мы всегдавольно или невольно сравниваем два грандиозных «национальных нарратива»⁸⁷ – Карамзина и Соловьёва, хотим увидеть те или иные черты развития в труде второго. Видимо, такой прогресс есть. Материал по ВКЛ у Соловьёва более обильный и многогранный, хотя в научном восприятии этого государства Соловьёв близок Карамзину. Можно говорить всё о той же разновидности «раздвоения сознания» и отнести это на счёт тех условий, которые диктовали авторам сами формы исторического повествования: звучит ведь величественно – национальный нарратив! До Литвы ли тут? Однако, не помешало же это Д.И. Иловайскому, создававшему нечто подобное, заявить о наличии двух полностью равноправных центров объединения русских земель – московском и литовском⁸⁸. Значит, дело всё-таки не в нарративе как таковом, а в сдвигах в российском историческом сознании, росте историзма, трансформации политической ситуации.

Легче сравнивать двух гигантов в плане использования исторических источников и литературы. Соловьёв охватил тот компендиум ли-

⁸³ Соловьев 1998 (а): 475.

⁸⁴ Соловьев 1989: 594.

⁸⁵ Там же: 568, 598.

⁸⁶ Там же: 602.

⁸⁷ См. о «национальных нарративах»: Прошлое для настоящего 2020.

⁸⁸ Иловайский 1996: 57, 59.

тературы и источников, который был у Карамзина: копии с документов Кёнигсбергского архива, польских историописателей, немецкие хроники и исторические работы историков из германских земель⁸⁹. Естественно, что за время после Карамзина появилось много нового, что и вошло в научную базу Соловьёва. Это работы (и издания документов) И. Даниловича, Д. Зубрицкого, Э. С. Тобиена, А. Дзялынського, Л. Рогальского, М. Грабовского, М. Малиновского, А. Пжедзецкого, М. Баллинского, Ф.К. Новаковского. Отдельным редким изданием он пользуется, когда речь заходит о правлении Стефана Батория⁹⁰. Соловьёв одним из первых среди историков стал привлекать актовый материал⁹¹, используя такие крупные издания, как «Акты Западной России»⁹², ряд менее масштабных проектов⁹³. Соловьёв обращается к источникам, споря со своими предшественниками, когда речь заходит, например, о Ведровской битве, об отсутствии сведений в летописях о плене Ольгерда⁹⁴. В ход идут и архивные документы, в частности РГАДА (ф. 79. Сношения России с Польшей).

Проведённый анализ творчества Соловьёва показывает, что история ВКЛ получила подробное изображение в «Истории России с древнейших времён»⁹⁵, а Соловьёв, хотел он того или нет, становится в ряд серьёзных исследователей истории Великого княжества Литовского.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I–III. СПб., 1846–1848. 428 с. + 444 с. + 362 с. [Akty, odnosjashiesja k istorii Zapadnoj Rossii. T. I–III. SPb., 1846–1848. 428 s.+444 s. + 362 s.]
- Белазаровіч В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапамажнік. Гродна: ГрДУ, 2006. 346 с. [Belazarovich V.A. Gistaryjagrafija gistoryi Belarusi: dapamozhnik. Grodna: GrDU, 2006. 346 s.]
- Дворниченко А.Ю. Великое княжество Литовское // Гордон А. Диалоги. Вып. 2. М.: Предлог, 2005. С. 299–319. [Dvornichenko A. Yu. Velikoe knjazhestvo Litovskoe // Gordon A. Dialogi. Вып. 2. М.: Predlog, 2005. S. 299–319]
- Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // Bylye Gody. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 935–955. [Dvornichenko A.Yu., Kudrjavceva R.-E.A. Fenomen Velikogo knjazhestva Litovskogo v nauchnom diskurse rubezha tysjacheletij // Bylye Gody. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 935–955]
- Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Первые российские литуанисты: случай Н.М. Карамзина // Bylye Gody. 2020 (a). Vol. 57. Is. 3. P. 930–943. [Dvornichenko A.Yu., Kudrjavceva R.-E.A. Pervye rossijskie lituanisty: sluchaj N.M. Karamzina // Bylye Gody. 2020 (a). Vol. 57. Is. 3. P. 930–943]

⁸⁹ К этому времени уже были более полные и совершенные издания: *Scriptores rerum Livonicarum* 1846–1848.

⁹⁰ *Panovanie Henrzka Walezjusza* 1860.

⁹¹ Пашуто, Сахаров, Шульгин 1988: 689.

⁹² Акты, относящиеся к истории Западной России 1846–48. См. также: *Собрание древних грамот* 1846; *Книга посольская* 1843.

⁹³ *Древние привилегии литовско-волинских каранмов* 1853.

⁹⁴ Соловьёв 1989: 353–354.

⁹⁵ Интересен в этом плане даже указатель к трудам Соловьёва, составленный его сыном: в нём события литовско-русской истории отражены весьма подробно, начиная с первой статьи (Указатель 1911).

- Дворниченко А.Ю. У истоков российской литуанистики: век «осьмнадцатый» // Российская история (в печати). [Dvornichenko A.Yu. U istokov rossijskoj lituanistiki: vek «os'mnadcatyj» // Rossijskaja istorija (v pečati)]
- Дворниченко А.Ю. «Присвоение» истории или её постижение? (Русская литуанистика XIX – начала XX в.) // Тетради по консерватизму. 2020 (b). № 2. С. 219-236. [Dvornichenko A.Yu. «Prisvoenie» istorii ili ejo postizhenie? (Russkaja lituanistika XIX – nachala XX v.) // Tetradi po konservatizmu. 2020 (b). № 2. S. 219-236]
- Древние привилегии литовско-волинских караимов, извлеченные из актов замка Луцкого // Временник МОИДР. Кн. XVI. 1853. С. 37-53. [Drevnie privilegii litovsko-volynskih karaimov, izvlechennye iz aktov zamka Luckogo // Vremennik MOIDR. Kn. XVI. 1853. S. 37-53]
- Иловайский Д.И. История России. Собиратели Руси. («Московско-литовский период, или собиратели Руси»). М.: Чарли, 1996. 540 с. [Ilovajskij D.I. Istorija Rossii. Sobirатели Rusi. («Moskovsko-litovskij period, ili sobirатели Rusi.») M.: Charli, 1996. 540 s.]
- Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Кн. I. М.: В университетской типографии, 1843. 482 с. [Kniga posol'skaja Metriki Velikogo knjazhestva Litovskogo. Kn. I. M.: V universitetskoj tipografii, 1843. 482 s.]
- Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С. Историк Сергей Михайлович Соловьёв. Его жизнь, труды, научное наследие // Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1988. С. 6-48. [Koval'chenko I.D., Dmitriev S.S. Istorik Sergej Mihajlovich Solov'jov. Ego zhizn', trudy, nauchnoe nasledie // Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. I. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. M.: Mysl', 1988. S. 6-48]
- Котов А.Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862–1864 годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 258-272. [Kotov A.E. Pol'skij vopros na stranicah «Vestnika Jugo-Zapadnoj i Zapadnoj Rossii» (1862–1864 gody) // Nauchnyj dialog. 2019. № 8. S. 258-272]
- Коча Л.А. С.М. Соловьёв о новгородской истории // Новгородский исторический сборник. Т. 1(11). Л.: Наука, ЛО, 1982. С. 113–118. [Kocha L.A. S.M. Solov'ev o novgorodskoj istorii // Novgorodskij istoričeskij sbornik. T. 1(11). L.: Nauka, LO, 1982. S. 113–118]
- Кром М. Великое княжество Литовское в российской историографии XIX – XX веков // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. С. 177-192. [Krom M. Velikoe knjazhestvo Litovskoe v rossijskoj istoriografii XIX – XX vekov // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. S. 177-192]
- Кузнецов А. Дела литовские // Дилетант. № 59. Ноябрь 2020. С. 58–61. [Kuznecov A. Dela litovskie // Diletant. № 59. Nojabr' 2020. S. 58–61]
- Мегем М.Е. Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии. Дисс. канд. ист. наук. Калининград, 2018. 245 с. [Megem M.E. Srednevekovaja istorija Litvy (do 1385 g.) v dorevoljucionnoj rossijskoj i sovetskoj istoriografii. Diss. kand. ist. nauk. Kaliningrad, 2018. 245 s.]
- Пашуто В.Т., Шульгин В.С. Комментарии к «Истории России с древнейших времён» // Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. С. 720-739. [Pashuto V.T., Shul'gin V.S. Kommentarii k «Istorii Rossii s drevnejshih vremjon» // Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. I. T. 1–2. M.: Mysl', 1988. S. 720-739]
- Пашуто В.Т., Сахаров А.М., Шульгин В.С. Комментарии к третьему и четвертому томам «Истории России с древнейших времён» // Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1988. С. 681-690. [Pashuto V.T., Saharov A.M., Shul'gin V.S. Kommentarii k tret'emu i chetvertomu tomu «Istorii Rossii s drevnejshih vremjon» // Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. II. T. 3-4. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. M.: Mysl', 1988. S. 681-690]
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlja nastojashhego: Istorija-pamjat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaja monografija / Pod obshh. red. L. P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Собрание древних грамот и актов городов Вильна, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей по разным предметам. Ч. I. Вильно: тип. А. Марциовского, 1843. 194 с. [Sobranie drevnih gramot i aktov gorodov Vil'na, Kovna, Trok, pravoslavnyh monastyrej, cerkvej po raznym predmetam. Ch. I. Vil'no: tip. A. Marciovskogo, 1843. 194 s.]

- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времён М.: Мысль, 1988 (a). 797 с. [Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. I. T. 1–2. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon M.: Mysl', 1988 (a). 797 s.]
- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1988 (b). 765 с. [Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. II. T. 3–4. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. M.: Mysl', 1988 (b). 765 s.]
- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5–6. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1989. 782 с. [Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. III. T. 5–6. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. M.: Mysl', 1989. 782 s.]
- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. История России с древнейших времён. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. 701 с. [Solov'ev S. M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. VII. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. T. 13–14. M.: Mysl', 1991. 701 s.]
- Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 43–186. [Solov'jov S.M. N.M. Karamzin i ego literaturnaja dejatel'nost': «Istorija gosudarstva Rossijskogo» // Solov'jov S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. XVI. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1995. S. 43–186]
- Соловьев С.М. Учебная книга русской истории // Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995 (a). С. 153–528. [Solov'ev S.M. Uchebnaja kniga russkoj istorii // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XVIII. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1995 (a). S. 153–528]
- Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995 (b). С. 5–152. [Solov'ev S.M. Publichnye chtenija o Petre Velikom // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XVIII. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1995 (b). S. 5–152]
- Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // Сочинения. В 18 кн. Кн. XIX. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996. С. 6–338. [Solov'ev S. M. Istorija otnoshenij mezhdru russkimi knjaz'jami Rjurikova doma // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XIX. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1996. S. 6–338]
- Соловьев С.М. Восточная Европа в XVII веке // Сочинения. В 18 кн. Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (a). С. 474–505. [Solov'ev S.M. Vostochnaja Evropa v XVII veke // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XXI. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (a). S.474–505]
- Соловьев С.М. Географические известия о Древней России // Сочинения. В 18 кн. Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (b). С. 402–473. [Solov'ev S.M. Geograficheskie izvestija o Drevnej Rossii // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XXI. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (b). S. 402–473]
- Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории // Сочинения. В 18 кн. Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (c). С. 247–401. [Solov'ev S.M. Obshhedostupnye chtenija o russkoj istorii // Sochinenija. V 18 kn. Kn. XXI. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (c). S. 247–401]
- Соловьев С.М. Малороссийское казачество до Хмельницкого // Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (d). С. 132–147. [Solov'ev S.M. Malorossijskoe kazachestvo do Hmel'nickogo // Solov'ev S.M. Sochinenija v 18 knigah. Kn. XXII. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (d). S. 132–147]
- Соловьев С.М. Крестоносцы и Литва // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (e). С. 82–100. [Solov'ev S.M. Krestonoscy i Litva // Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. XXII. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (e). S. 82–100]
- Соловьев С.М. Псков и Ливония // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1998 (f). С. 42–81. [Solov'ev S.M. Pskov i Livonija // Solov'ev S.M. Sochinenija. V 18 kn. Kn. XXII. Dopolnitel'naja. Raboty raznyh let. M.: Mysl', 1998 (f). S. 42–81]
- Соловьев С.М. Обзор дипломатических сношений московского двора с литовским во второй половине XV века // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. XXII. М.: Мысль, 1998 (g). С. 101–120. [Solov'ev S.M. Obzor diplomaticheskikh snoshenij moskovskogo dvora s litovskim vo vtoroj polovine XV veka // Solov'ev S.M. Sochinenija v 18 knigah. Kn. XXII. M.: Mysl', 1998 (g). S. 101–120]

- Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М.: университетская типография, 1845. 202 с. [Solov'ev S.M. Ob otnoshenijah Novgoroda k velikim knjaz'jam. М.: universitetskaja tipografija, 1845. 202 s.]
- Соловьев С.М. Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу. СПб., [б.и.], 1849. 118 с. [Solov'ev S.M. Ocherk istorii Malorossii do podchinenija ee carju Alekseju Mihajlovichu. SPb., [b.i.], 1849. 118 s.]
- Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. Публичные лекции. М.: университетская типография, 1852. 70 с. [Solov'ev S.M. Vzgljad na istoriju ustanovlenija gosudarstvennogo porjadka v Rossii do Petra Velikogo. Publichnye lekcii. М.: universitetskaja tipografija, 1852. 70 c.]
- Столяров А.М. Взгляды С.М. Соловьева на проблему образования Великого княжества Литовского // Филология и культура / Philology and Culture. 2013. № 1 (31). С. 198-202. [Stoljarov A.M. Vzglyady S.M. Solov'eva na problemu obrazovanija Velikogo knjazhestva Litovskogo // Filologija i kul'tura / Philology and Culture. 2013. № 1 (31). S. 198-202]
- Указатель к Истории России с древнейших времён Сергея Михайловича Соловьева. Составил М. С. Соловьев. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1911. 616 с. [Ukazatel' k Istorii Rossii s drevnejshih vremjon Sergeja Mihajlovicha Solov'eva. Sostavil M. S. Solov'ev. SPb.: Tip. T-va «Obshhestvennaja pol'za», 1911. 616 s.]
- Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб.: В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с. [Ustrjalov N. G. Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoj istorii dolzhno zanimat' Velikoe knjazhestvo Litovskoe? SPb.: V tipografii Jekspedicii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1839. 42 s.]
- Panowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorego; królów Polskich. Z rękopismów Albertrandego. Kraków: Czas, 1861. 512 s.
- Scriptores rerum Livonicarum. Bd. I-II. Riga und Leipzig, 1846-1848. 930 s. + 852 s.

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России с древнейших времён до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет; a.dvornichenko@spbu.ru

Кудрявцева Регина-Елизавета Антоновна, младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет; aethel@yandex.ru

On the history of the Russian Lithuanistic: the case of S. M. Solov'ev

The authors of far from numerous works, which attempted to trace the development of the Russian Lithuanistic (i.e. the historiography of a history of Great Duchy of Lithuania (GDL) before the Union of Lublin (1569) usually disregarded such famous historian as S.M. Solov'ev, who had played a prominent role in Russian historical studies. In his case the scholars usually referred to the “Moscow-centricity” of his historical consciousness. But the painstaking study of this consciousness gives opportunity, from one side, to notice some struggle of different approaches to historical knowledge and, from another side, to see Solov'ev among the leading Russian lithuanists.

Keywords: Lithuanistic, Great Duchy of Lithuania and Russia, S. M. Solov'ev, bifurcation of historical consciousness

Dvornichenko Andrey, Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University; a.dvornichenko@spbu.ru

Kudrayvtseva Regina-Elizaveta, Junior Researcher, St. Petersburg State University; aethel@yandex.ru

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКЕ
О ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ. 1860–1910-е гг.

В статье рассматривается участие представителей отечественной исторической и историко-правовой науки в обсуждении «приходского вопроса» в 1860–1910-е гг. Реформа православного прихода в Российской империи была одной из самых остро дискутируемых тем, затрагивавших Церковь, общество и государство. В трудах ученых – П.В. Знаменского, М.М. Богословского, В.М. Верюжского, С.В. Юшкова – была воссоздана картина состояния и развития древнерусского прихода, описаны его место в земском самоуправлении, отношения с епархиальной и царской властью, положение клира. Книга П.В. Знаменского, созвучная с построениями славянофилов, оказала заметное влияние на общество. В начале XX в. научное сообщество не было едино в приходском вопросе, что давало возможность представителям разных общественных сил апеллировать к созвучной им позиции ученого или группы ученых.

Ключевые слова: история РПЦ синодального периода; реформа православного прихода; историческая наука; каноническое право о православном приходе; М.М. Богословский; В.М. Верюжский; Н.А. Заозерский; П.В. Знаменский; С.В. Юшков

Вопрос о реформе православного прихода в Российской империи был одной из самых остро дискутируемых тем, затрагивавших Церковь, общество и государство, в последние 50 лет старого порядка. В эпоху Великих реформ было осознано кризисное состояние православного прихода, ставшее результатом последовательного наступления светских и церковных властей на самостоятельность приходской общины в конце XVII – начале XIX в.¹ Из самоуправляемой общности приход превратился в административно-фискальную единицу, подчиненную государственным интересам. Прихожане лишились возможности участвовать в управлении его имуществом (созданным их трудами и на их средства) и в формировании приходского клира. Сословная замкнутость приходского духовенства вела к отчуждению между ним и паствой, как образованной ее частью, так и крестьянами, составлявшими большинство населения страны². В 1860-е гг. были предприняты первые попытки оживить приходскую самодеятельность, но они не увенчались успехом³. Эта неудача положила начало острой дискуссии по «приходскому вопросу».

Инициаторами дискуссии стали представители старшего поколения славянофилов (Д.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов). Очень быстро в нее включилось на страницах епархиальной прессы приходское духовенство. В 1870-е гг. в полемику о приходе были вовлечены представители земского самоуправления. На их выступления и инициативы должна была реагировать церковная власть, как епархиаль-

¹ Стефанович 2002: 208, 314–317.

² Беглов 2012а: 371–388; 2014б: 56–81; 2013.

³ Руновский 1899; Папков 1900; 1902: 143–164; Freeze 1983: 286–297; Римский 1999: 328–362; Федоров 2003: 209–219; Прокофьев 2010; Панкрат 2011.

ная, так и центральная в лице Святейшего Синода⁴. Не осталась в стороне и имперская бюрократия. К концу царствования Александра II в дискуссии оказались вовлечены все сколько-нибудь значимые общественные силы: иерархия и чиновничество, духовенство и земцы, общественные деятели, публицисты, академическая профессура.

Прежде всего обсуждался вопрос о возможности участия мирян в распоряжении церковно-приходским имуществом и в выдвижении кандидатов в члены приходского клира. Пожалуй, это были самые острые темы «приходского вопроса». Кроме этого, он возникал в контексте проектов реформы духовных школ, поскольку «выборность» духовенства предполагала де-монтаж сословного характера приходского клира. Для земских деятелей приход среди прочего представлял интерес как возможная основа будущей «мелкой земской единицы», о создании которой мечтали представители местного самоуправления⁵.

В статье рассматривается один аспект полемики – участие представителей исторической и историко-правовой науки в обсуждении «приходского вопроса». В дискуссиях вокруг православного прихода все стороны исходили из некоего идеального понимания прихода. Одни такое идеальное состояние видели в древней, допетровской Руси, и в таком взгляде чувствовался отголосок славянофильских воззрений. Оппоненты же такой точки зрения критиковали допетровские порядки и, так или иначе, признавали нормальным положение прихода во второй половине XIX в. Такое положение сохранялось до начала работы предсоборных совещательных органов, когда выявились и другие позиции. В обоих случаях речь шла об интерпретации истории, в частности, истории древнерусского прихода. В этой ситуации изыскания в области истории православного прихода в России приобретали особую актуальность. Они влияли на взгляды чиновников, публицистов, общественных деятелей, к их выводам апеллировали в ходе полемики, а сама эта полемика косвенно определяла направления научных изысканий, поскольку исследователи откликались на актуальные для общества темы⁶. Представители духовенства, работ которых мы коснемся в дальнейшем, выступали в них как представители научного сообщества.

Первой значимой работой, повлиявшей на дискуссии по приходскому вопросу, была книга П.В. Знаменского «Приходское духовенство на Руси»⁷. Она была структурирована тематически, и ее части (матери-

⁴ Беглов 2014а: 172–200.

⁵ Органы земского самоуправления в 1864 г. были созданы на губернском и уездном уровнях. Поэтому помимо стремления «увенчать здание» – создать всероссийское представительство, земства стремились «нащупать фундамент» в виде «мелкой земской единицы», которая была бы ближе к местному населению, чем уездное земство. Градовский 1903: 459–469; Захарова 1969: 36–42; Полунов 1996: 90.

⁶ За пределами статьи останутся публикации А.А. Папкова, который пытался работать в научно-популярном жанре, но современниками воспринимался как публицист.

⁷ Петр Васильевич Знаменский (27.03.1836–02.05.1917) родился в Нижнем Новгороде в семье диакона. С 1860-х преподавал на кафедре церковной истории Казанской духовной академии и на историко-филологическом факультете Казанского универ-

альные средства, повинности, администрация, образование приходского духовенства в древней Руси и др.) печатались в периодике 1860-х гг.⁸ Это фундаментальное исследование было первым и до последнего времени единственным трудом о приходском духовенстве допетровской Руси, и до сих пор используется историками⁹. Конечно, основной акцент ученый делал именно на истории духовенства, поэтому приходская организация допетровской Руси была рассмотрена им в самых общих чертах и только на материале севера России XVII в.

П.В. Знаменский исходил из того, что весь строй древнерусской жизни имел общинный характер, а приход и община были тождественны друг другу. В этой ситуации храм как центр всей общинной жизни сообщал религиозную санкцию и хозяйственным, и административным связям прихожан между собой. Соответственно община пользовалась правами самоуправления, которые распространялись и на приходскую церковь. В этой ситуации единства местной общины приходское духовенство испытывало сильное и постоянное влияние земства. Фактически, священник и причт выступали как земские выборные люди, чувствовавшие себя частью общины и имевшие право голоса в ее делах. Однако с XVI в., с постепенным усилением государственной централизации управления, с точки зрения Знаменского, происходил упадок земского значения приходского духовенства. Право выбора священника со стороны прихожан превращалось в «злоупотребление», в наем за более дешевую плату. Потеря связи с земством вела к развитию наследственности в среде духовенства, к формированию духовного сословия. Одновременно падало благосостояние причтов, священник впадал в положение раба. Знаменский яркими красками рисует это отчуждение клириков от прихода и их приниженное положение, которое уже вполне сформировалось, по его мнению, к концу XVII в. Тогда приходское духовен-

ситета, в библиотеке Казанской академии заведовал богатейшим собранием книг Соловецкого монастыря (перевезены сюда в 1855 г. во время Крымской войны ввиду опасности вторжения английского флота на север Российской империи), был редактором и цензором академического журнала «Православный собеседник». Особую известность приобрел в связи с написанным им пособием «Руководство к русской церковной истории», которое выдержало семь изданий и было удостоено премии митрополита Макария (Булгакова). Степень доктора церковной истории получил за книгу «Приходское духовенство со времен реформы Петра». В 1892 г. избран почетным членом Казанского университета и, по представлению В.О. Ключевского, удостоен *honoris causa* ученой степени доктора русской истории Московского университета. В том же году избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности; являлся почетным доктором всех четырех Духовных академий, членом ряда научных обществ. В 1906 и 1908 гг. избирался членом совета право-монархической организации «Казанский отдел Русского Собрания»; был одним из вдохновителей и активных членов казанской миссионерской общественной организации «Братство святителя Гурия».

⁸ Знаменский 1865. Ч. 1: 145–188; 1865. Ч. 2: 290–302; 1866. Ч. 1: 37–55; 1866. Ч. 2: 124–136; 1867; 1866. Т. 21. № 9–10: 1–35, 131–169 (2 пагин.); 1867. Т. 22. № 1–4: 62–90, 181–221, 307–322, 476–500 (1 пагин.).

⁹ Ср.: Стефанович 2002: 19 и др.

ство, по его словам, «представляло из себя толпу пролетариев, церковных поденщиков, день за днем пробивавшихся исправлением обряда как работою»¹⁰. Поэтому «бедность, унижение и упадок нравственных сил» среди священнослужителей «идут быстрыми шагами до самого XVIII в., когда совершилось окончательное унижение духовенства»¹¹.

В концепции П.В. Знаменского именно дезинтеграция земской и церковной общины – шедшая под влиянием государственной централизации – была причиной кризиса приходской жизни и отчуждения духовенства от паствы. Порядок, когда управление приходом находилось у местной общины, он явно считал образцовым. Однако такой взгляд сформировался у ученого под влиянием специфической группы источников – документов, свидетельствующих о приходской жизни Новгорода, Пскова и севера Руси с их традициями самоуправления. Сделанные на этом материале наблюдения Знаменский распространил на всю территорию страны. Современные исследователи древнерусского прихода считают такую картину односторонней. В ней явно преувеличено земское значение приходского духовенства, как и степень его последующего падения¹². Между тем это была выдающаяся работа, построенная на максимальном охвате опубликованного к тому времени материала¹³.

Выводы П.В. Знаменского, хотя и в смягченном виде, были усвоены официальной церковной историографией (в частности, митрополитом Макарием (Булгаковым)). Явная идеализация им древнерусского прихода находила отклик в славянофильски ориентированных кругах¹⁴. Взгляд Знаменского на приход и духовенство как на часть земства подпитывал убежденность земцев в том, что духовенство и приходская организация должны рассматриваться как часть земского общества¹⁵. Нарисованная им картина – вольно или невольно – подталкивала к сравнению с господствовавшими синодальными порядками, задавала эталон, с которым сравнивалась жизнь прихода второй половины XIX в.

Сам П.В. Знаменский в следующей книге постарался показать генезис того печального состояния, в котором находилось современное духовенство¹⁶. Монография, посвященная приходскому клиру синодального периода, также строилась по проблемно-тематическому принципу. В ней он прослеживал борьбу выборного и наследственного начала при формировании клира, стремление государства регламентировать численность духовенства путем введения приходских штатов, развитие

¹⁰ Знаменский 1867. Т. 22. № 1–4: 499 (1 пагин.).

¹¹ Знаменский 1866. Т. 21. № 9–10: 169 (2 пагин.).

¹² См.: Стефанович 2002: 20, 28 и др.

¹³ Основываясь на известном тогда круге источников, к аналогичным выводам приходили и другие исследователи. См.: Виноградов 1868.

¹⁴ Такое «совпадение» П.В. Знаменского со славянофилами позволяет поставить вопрос об их влиянии на казанского ученого. Однако нам представляется, что позиция Знаменского была обусловлена прежде всего доступными в то время источниками, которые, как мы отметили, рисовали определенную картину развития прихода.

¹⁵ См.: Беглов 2014а: 172–200.

¹⁶ Знаменский 1873.

гражданских прав духовенства, его отношение к епископам и способы его содержания. В заключение он высказывал сдержанный оптимизм по поводу мероприятий александровского царствования, направленных на активизацию деятельности приходов через организацию приходских попечительств. Причем организацию попечительств, приходских советов, братств он расценивал именно как «пробуждение общественного движения приходской жизни»¹⁷, совпадая в такой оценке с Д.Ф. Самариним¹⁸. Последующие научные изыскания по истории приходского духовенства и прихода в целом оставались в русле, проложенном казанским ученым. Ситуация изменилась в 1900-е гг., о чем скажем ниже.

В 1882 г. в газете «Русь», издававшейся И.С. Аксаковым, была напечатана серия статей профессора Московского университета протоиерея Александра Иванцова-Платонова (1835–1894) «О русском церковном управлении» (в 1898 г. они вышли отдельным изданием)¹⁹. Статьи эти писались как своего рода «церковная программа» данного славянофильского органа. Главной идеей, которую проводил их автор, была необходимость реализации соборного начала на всех уровнях церковной жизни и церковного управления. Организация прихода обсуждалась им в 9-й статье «О более правильном устройстве приходских и благочиннических собраний, епархиальных съездов и окружных епископских соборов». Ее особенность заключалась в том, что соборный институт – приходское собрание формально существовал в российском приходе, но на деле был абсолютно безжизненным. Исправить ситуацию отец Александр считал возможным, если привлечь прихожан не только к заботе о материальных нуждах храма и причта, но и к удовлетворению «нравственных потребностей прихода». Он скептически оценивал существующие приходские попечительства, поскольку им предоставлены дела, которые надлежит ведать не группе лиц, а всему приходу в целом:

«Попытка такого рода учреждений, конечно, вызвана была желанием как-нибудь косвенными путями вызвать к жизни, как будто отдельно от прихода, такие отправления религиозно-нравственной деятельности, которые по существу своему должны быть прямым выражением самой приходской жизни, но на восстановление которых при нынешнем состоянии приходов и отношении их к высшей церковной администрации как будто не остается никакой надежды»²⁰.

Он считал, что не нужно создавать особые учреждения, когда необходимо восстанавливать нормальную жизнь в самом приходе. Попечительства, по его мнению, создавали антагонизм между прихожанами, тогда как весь приход должен быть объединен общим делом. Руководителем приходских институтов должен быть выборный священник, действительным представителем мирян – церковный староста, в приходских собраниях должны участвовать все члены прихода, «а не избранные и почетнейшие лишь». Только для специальных приходских

¹⁷ Там же: 849.

¹⁸ О взглядах на приход Д.Ф. Самарина см.: Беглов 2014а.

¹⁹ Иванцов-Платонов 1898.

²⁰ Там же: 54.

дел могут быть избраны особые люди: для наблюдения за школами, богадельнями, для участия в счете церковных сумм и т.д. При этом работа приходских институтов, по мнению отца Александра, должна быть лишена всяких формальностей, поэтому он высказывался против обязательной регламентации жизни прихода и даже против ведения протоколов приходских собраний²¹. Из его рассуждений видно, что он разделял взгляд славянофилов на необходимость выборности приходского духовенства и участия прихожан в ведении церковного хозяйства, хотя и не входил в детальное обсуждение этих вопросов.

Хотя в начале XX в. исследования истории православного прихода по-прежнему проводились в основном на материале северорусского, но они корректировали картину его внутреннего устройства, созданную П.В. Знаменским и А.А. Папковым. Особенно значимыми были работы трех авторов: М.М. Богословского, В.М. Верюжского, С.В. Юшкова.

М.М. Богословский, ученик В.О. Ключевского, доцент, а позднее профессор Московского университета и академик, преподаватель русской гражданской истории в Московской духовной академии, в начале 1910-х гг. выпустил в свет фундаментальный труд «Земское самоуправление на русском севере». Во второй его том вошли главы о церковном приходе, еще в 1910 г. напечатанные отдельными статьями в «Богословском вестнике», журнале МДА²². Богословский показал глубокую связь приходского самоуправления с земским, их изоморфизм и взаимопроникновение (когда, например, церковные старосты выполняли функции представителей земской власти и признавались в этом качестве коронной). Ему не была близка идея Знаменского о постепенной потере приходом своего земского характера, напротив, он показывал, что приход и в конце XVII в. был своего рода обращенным к церкви лицом земской общины. А разобщение их началось с 1680-х гг., когда северно-русские архиереи (Холмогорские и Устюжские) начали проводить реформы для усиления контроля над приходом и приходским духовенством. Эти реформы уже придавали приходу значение «церковно-бюрократической единицы»²³. Следствием их стало «присущее бюрократии отношение к земству: за земством остается только *доставление* средств, но *распоряжение* этими средствами переходит к бюрократическим органам»²⁴. При этом Богословский обращал внимание и на обратную сторону власти земской общины в приходских делах, подчеркивал, что зависимость духовенства от земского мира была подобна той зависимости, в которой находились служившие в церквях вотчинных и домовых²⁵. Не идеализацию северно-русского прихода, а скорее его детальное феноменологическое описание видим мы в книге Богословского.

²¹ Там же: 53–55.

²² Богословский 1912. Т. 2: 19–52; 1910. Т. 2. № 5: 158–181 (2 пагин.); № 6: 315–337 (3 пагин).

²³ Там же: 328–329. Ср.: Там же: 176.

²⁴ Там же: 337.

²⁵ Там же: 173.

Несколько иным был взгляд на поморский приход у В.М. Верюжского, преподавателя столичной духовной академии (впоследствии священника и ключаря храма «Спаса на крови», а после 1927 г. – одного из лидеров иосифлянской оппозиции). Его книга о первом епископе Холмогорской епархии Афанасии (Любимове) вышла в 1908 г.²⁶ Архиепископ Холмогорский Афанасий был как раз тем реформатором, который начал наступление на приходскую самостоятельность, реализованное уже в синодальный период. Поэтому Верюжский смотрел на старый приход с высоты синодального периода, отмечая злоупотребления на приходских выборах, зависимость клира от мирян, его необразованность и несение им тягла, явно имея в виду, что эти «изъяны» допетровской приходской организации были исправлены в имперский период. Впрочем, он обращал внимание и на положительные стороны единства прихода и земства, в частности, на тесную связь священника и прихода²⁷.

Молодой историк права С.В. Юшков, тогда еще студент Петербургского университета и ученик известного византиниста В.Н. Бенешевича, а в будущем крупный советский правовед, опубликовал свою книгу как ответ М.М. Богословскому²⁸. Он отчасти полемизировал со своим предшественником, отрицая, например, наличие у прихода прав юридического лица²⁹. Юшков сделал акцент и на таких малоизученных прежде типах приходов как приходы вотчинных и монастырских церквей, а также приходы соборных уездных храмов, которые строила и содержала уездная земская организация.

В работах этих представителей русской исторической науки уже предпринято сопоставление северных приходских порядков с центральными, идеализация северного прихода и его древнего устройства уступила место всестороннему анализу этого феномена. Особенность ситуации заключалась в том, что труд П.В. Знаменского соответствовал уровню науки его времени, затем наука ушла вперед, представив более сложную картину допетровского прихода, но общественные деятели, ратовавшие за приходские преобразования, прежде всего А.А. Папков и его приверженцы, по-прежнему основывали свои рассуждения на выводах Знаменского, с его идеализацией старых приходских порядков³⁰.

Важной темой, обсуждаемой в рассматриваемый период, был вопрос о выборности приходского духовенства. Мы знаем, что славянофилы, затем Папков и сторонники «общественного» подхода к приходской реформе считали расширение прав прихожан в этом вопросе одним из ключевых пунктов реформы (наряду с расширением их прав в распоря-

²⁶ Верюжский 1908. Фрагменты книги, относящиеся к истории северного прихода и приходского духовенства, печатались в 1905–1906 гг. в журнале Петербургской духовной академии. Верюжский 1905. № 1: 67–86; № 3: 363–385; № 5: 699–713; № 6: 778–798; 1906. № 7: 79–98; № 8: 285–301; 1906. № 9: 425–441.

²⁷ Верюжский 1905: 364–367, 369, 373–374.

²⁸ Юшков 1913.

²⁹ Современные историки считают, что отрицал необоснованно. Зольникова 1990: 10.

³⁰ Ср.: Стефанович 2002: 26–27.

жении храмовым и приходским имуществом). Протесты против такого взгляда на выборное начало в приходе стали особенно активны с 1905 г. и раздавались в основном из духовной среды. Аргументы противников выборности приходского духовенства сводились к следующему: народ стоит на низком уровне своих духовных запросов и не готов к участию в выборах членов причта; выборность приведет к утрате духовенством высокого уровня образования; она будет насилием над волей епископа (в этом пункте большинство авторов игнорировало то, что сторонники выборности говорили, как правило, о праве прихожан рекомендовать своего кандидата и о сохранении последнего решающего слова за епископом); выборность поставит избранных священников в новую зависимость от зажиточных прихожан, «разуваемых», кулаков и т.п. Раздавались и прямые признания, что выборность разрушит сословный строй, а значит, сделает неопределенным будущее детей духовенства³¹.

Для подкрепления своих позиций критики выборного начала прибегали к ссылкам на Священное Писание, канонические постановления Соборов, русскую церковную практику. Такие ссылки служили, как правило, иллюстрацией той мысли, что выборность клира, хотя и существовала в древней Церкви, вызывала различные церковные беспорядки и была отменена обоснованно, а на Руси она имела место в отсутствие духовных школ, с появлением которых надобность в приходском выборе отпала³². Упоминание канонических правил в этой полемике поначалу не приводило к их детальному разбору. В результате одно и то же правило иногда использовалось для аргументации противоположных позиций. На новый уровень обсуждение выборного начала вышло в 1906–1908 гг. в рамках полемики вокруг 13-го правила Лаодикийского Собора (343 или 364 г.), в которую включились специалисты по каноническому праву. Правило это гласило, что «сборищу народа» не позволено избирать «имеющих произвестися во священство». Критики выборного начала интерпретировали эти слова как прямой запрет на участие мирян в выборах клира. Полемику вокруг 13-го правила нужно рассматривать в контексте работы Предсоборного присутствия и Особого синодального совещания для выработки проекта о православном приходе³³. Оба эти органа считали возможным дать прихожанам право ходатайствовать перед епископом о своем кандидате и предполагали выработать специальный механизм участия прихожан в определении кандидатов на священнические должности. Но такую позицию разделяли не все их члены. Так, член Особого совещания профессор Харьковского университета М.А. Остроумов остался на этот счет при особом мнении.

Как бы откликаясь на обсуждение этого вопроса в Предсоборном присутствии, А.А. Папков выступил со статьей в «Новом времени», в которой обсуждал авторитет 13-го правила для решения вопроса об

³¹ Преображенский 1908: 53–64; Иванов 1914: 104–112.

³² Свидерский 1913: 30, 35–38.

³³ Беглов 2012б: 39–61.

участии прихожан в выборе членов клира. Ему возразили – уже на страницах официальной церковной печати – М.А. Остроумов и филолог, выдающийся собиратель русского фольклора и русских церковных древностей Е.В. Барсов. Они подвергли критике деятельность Предсоборного присутствия и персонально профессора Московской Духовной академии Н.А. Заозерского, который присоединился к дискуссии в издаваемом Московской Духовной академией «Богословском вестнике». Последним включился в полемику в 1908 г. в журнале Казанской Духовной академии «Православный собеседник» канонист, профессор этой академии И.С. Бердников, критиковавший «открытия в области церковного права», сделанные А.А. Папковым. Poleмика шла в двух направлениях.

Во-первых, обсуждался статус 13-го правила. Все участники дискуссии были согласны с тем, что сохранившийся текст представляет собой не сами правила Лаодикийского Собора, а их оглавление или краткое изложение («эпитоме», по выражению Заозерского). В связи с этим Папков считал невозможным строить на нем аргументацию против участия мирян в избрании священников. В целом солидаризовался с ним Заозерский, который подчеркивал, что по сохранившемуся «эпитоме» о смысле самого правила можно судить лишь гипотетически. Их оппоненты, напротив, считали, что краткое изложение полностью передает содержание канона, и не соглашались пересматривать его статус.

Во-вторых, обсуждался вопрос, кому именно правило запрещало участие в избрании священнослужителей. Эта часть дискуссии концентрировалась вокруг понимания слова “ὄχλος” в греческом оригинале правила, и предпочтительности вариантов его перевода (“сборище народа”, “община”, “простой народ”, “мирские человеки”). Остроумов был склонен ставить знак равенства между “ὄχλος” и “λαός” – “народ”, “миряне”, и соответственно понимал 13-е правило как запрещение участвовать в выборе клирика мирянам вообще. Заозерский, проведя тщательный филологический анализ, доказывал, что этим словом обозначалось “сборище народа”, т.е. неорганизованная толпа. Исходя из этого, смысл правила он понимал так, что им предположительно регулировался порядок участия мирян в избрании священнослужителей, что возможно запрещалось избрание одними мирянами, без руководящего участия в этой процедуре совета священников, пресвитериума. При этом он отмечал, что с полной уверенностью сказать, как именно отцы Лаодикийского Собора собирались регулировать этот порядок, невозможно³⁴.

Еще одним поводом для дискуссии стало другое, 5-е правило того же Лаодикийского Собора, в котором говорилось, что «избрание в церковные степени не должно быть в присутствии слушающих». Это несколько загадочное правило также интерпретировалось как запрет на участие мирян в выборах клириков. Такая интерпретация как будто подтверждалась средневековыми толкователями церковных канонов – мо-

³⁴ Папков 1906: 3–4; Остроумов 1907: 53–57; Барсов 1907: 142–146; Папков 1907: 844–847; Заозерский 1907: 639–661 (2 пагин.); Бердников 1908.

нахом Иоанном Зонарой (первая половина XII в.) и патриархом Феодором Вальсамоном (вторая половина XII в.), которые считали, что во время обсуждения кандидатов на рукоположение не должны присутствовать все желающие³⁵. Такую точку зрения подверг критике Заозерский, который считал толкования 5-го правила Зонары, Вальсамона, Аристина экстраполяцией практики XII в. на более ранний период³⁶. Истинный же смысл правила, по мнению профессора Московской академии, заключался в том, что отцы Лаодикийского Собора предписали не производить избрание священнослужителей и их хиротонию в присутствии лиц, состоящих в чине слушающих Священные Писания, т.е. оглашенных и кающихся. Тем самым, верные – полноправные члены Церкви, не находящиеся под епитимьей, могли присутствовать и при избрании, и при рукоположении и участвовать в этих актах. На этом основании Заозерский считал возможным дать прихожанам право представлять епархиальному архиерею своих кандидатов в члены приходского причта. Он подчеркивал, что речь идет именно о рекомендации этих кандидатов, а не о выборе, результат которого обязателен для епископа, и урегулирование «в соответствии с канонами» участия мирян в деле избрания только возвысит, а не умалит авторитет епископа, поскольку освободит его от давления сильных мира сего и сословных соображений:

«Раз за прихожанами будет узаконено канонически принадлежащее им право представления своего излюбленного кандидата и епископ не встретит канонических препятствий к уважению этого представления, он найдет в этом правиле сильную опору против «натиска на его архиерейскую совесть» сильных мира, которым нет дела до нужды прихода, а есть лишь интерес оказать свою благосклонности излюбленному протеже, или проявить свою власть над архиереем»³⁷.

Полемика вокруг канонов Лаодикийского Собора не привела к консенсусу ее участников (все остались при своем мнении), но вывела обсуждение на новый, теперь уже научный уровень. В последующем, при спорах вокруг выборного начала их участники апеллировали уже к статьям тех или иных канонистов, высказавшихся по этому вопросу.

Русская историческая и историко-правовая наука была заметным участником дискуссий о православном приходе. Начиная с 1860-х гг. ученые регулярно обращались к этой теме либо предвосхищая общественный интерес, либо откликаясь на него. Трудami П.В. Знаменского, М.М. Богословского, В.М. Верюжского, С.В. Юшкова была воссоздана картина состояния и развития древнерусского прихода, описаны его место в земском общинном самоуправлении, отношения с епархиальной и царской властью, положение в нем клира. Это было сделано в основном на материале северно-русского прихода. Поэтому первостепенное вни-

³⁵ Несколько иное толкование давал канонист XII в. диакон Алексей Аристин. Он считал, что, согласно этому правилу, молитвы хиротонии не должны читаться на громко, чтобы народ слышал их.

³⁶ Заозерский 1912. Т. 1. № 2: 329–330 (3 пагин.).

³⁷ Там же: 331–333, 335.

мание уделялось общинному приходу, хотя в работе С.В. Юшкова был представлен и приход, основанный разными типами вотчинников.

Между тем влияние научных идей было неравномерным. Так, книга П.В. Знаменского 1860-х гг., в которой присутствовала определенная идеализация древнерусского прихода, будучи созвучна с построениями славянофилов, оказала заметное влияние на публицистику А.А. Папкова, а через нее – на восприятие истории русского прихода широкими общественными слоями. Отголоски этого влияния слышались через десятилетия после выхода в свет исследования казанского ученого. По сути Знаменский невольно принял участие в формировании мифа об «идеальном» древнерусском приходе, который оказался исключительно живучим. С другой стороны, труды историков начала XX в., корректировавшие выводы их выдающегося предшественника, становились фактором научной дискуссии, но не имели столь же масштабного влияния на общественные представления о приходе. Последние теперь в большей степени определялись позицией публицистов, того же Папкова.

На этом примере мы видим, что отношения науки и общественного сознания развиваются далеко не линейным образом. Очевидно, все дело было в том историческом моменте, когда появлялись те или иные исследования. Труд П.В. Знаменского увидел свет в момент формирования «приходского вопроса», в самом начале полемики о приходе, когда позиции сторон только формировались, и поэтому оказал на них существенное влияние. Его последователи в 1900-е гг., получившие более точные научные результаты, работали, когда полемика была уже в разгаре и достигла (в 1906 г.) высокого градуса. В этом контексте их публикации – нельзя сказать, что остались незамеченными, – но повлияли на ход полемики в гораздо меньшей степени, чем труд казанского профессора, а в принципиальных чертах не повлияли вообще.

Вместе с тем научное сообщество (особенно это касалось правоведов и канонистов) само не было едино в приходском вопросе, что наглядно показала полемика вокруг правил Лаодикийского собора. Это давало возможность представителям разных общественных сил апеллировать к позиции того ученого или группы ученых, чья позиция была созвучна их общественным интересам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барсов Е.В. Новейшие толковники древних церковных правил // Церковные ведомости. 1907. № 4. С. 142–146 [Barsov E.V. Noveishie tolkovniki drevnix tserkovnykh pravil // Tserkovnye vedomosti. 1907. № 4. S. 142–146].
- Беглов А.Л. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: Нестор, 2012. С. 371–388 [Beglov A.L. Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii o pravoslavnom prikhode k nachalu 1890-kh gg.: (Obzor osnovnykh zakonodatel'nykh aktov) // Religii mira. Istoriia i sovremennost'. 2006–2010. M., SPb.: Nestor, 2012. S. 371–388].
- Беглов А.Л. Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2012. Вып. II: № 5(48). С. 39–61 [Beglov A.L. Osoboe Soveshchanie dlia vyrabotki proekta o pravoslavnom prikhode 1907 g.

- // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii «Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi». 2012. Vyp. II: № 5(48). S. 39–61].
- Беглов А.Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 5 (21). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000561-6-1> [Beglov A.L. Soslovnost' pravoslavnoi prikhodskogo dukhovenstva v Rossii v nachale KhKh veka: regional'nye osobennosti // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia». M., 2013. Vyp. 5 (21) URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000561-6-1>].
- Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200 [Beglov A.L. Zemskie proekty pereustroistva pravoslavnoi prikhoda. 1860–1890-e gg. // Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2014. № 1(32). S. 172–200].
- Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2(57). С. 56–81 [Beglov A.L. Pravoslavnyi prikhod Rossiiskoi imperii kak ob'ekt fiskal'noi politiki svetskikh i tserkovnykh vlastei v kontse XIX – nachale KhKh vv. // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii II «Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi». 2014. № 2(57). S. 56–81].
- Беглов А.Л. (отв. ред). Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустройении прихода. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2017 [Beglov A.L. (otv. red). Dokumenty Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918. T. 14. Protokoly zasedanii i materialy Otdela o blagoustroenii prikhoda. M.: Izd-vo Novospasskogo monastyria, 2017].
- Бердников И.С. Смысл XIII правила Лаодикийского собора // Православный Собеседник. 1908. № 5, 6, 9 [Berdnikov I.S. Smysl XIII pravila Laodikiiskogo sobora // Pravoslavnyi Sobesednik. 1908. № 5, 6, 9].
- Богословский М.М. Церковный приход на русском севере в XVII веке // Богословский вестник. 1910. Т. 2. № 5. С. 158–181 (2 пагин.); № 6. С. 315–337 (3 пагин) [Bogoslovskii M.M. Tserkovnyi prikhod na russkom severe v XVII veke // Bogoslovskii vestnik. 1910. T. 2. № 5. S. 158–181 (2 pagin.); № 6. S. 315–337 (3 pagin)].
- Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 1–2. М., 1909–1912 [Bogoslovskii M.M. Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v. T. 1–2. M., 1909–1912].
- Верюжский В.М. Северно-русский приход в конце XVII века // Христианское чтение. 1905. № 1. С. 67–86; № 3. С. 363–385; № 5. С. 699–713; № 6. С. 778–798 [Veriuzhskii V.M. Severno-russkii prikhod v kontse XVII veka // Khristianskoe chtenie. 1905. № 1. S. 67–86; № 3. S. 363–385; № 5. S. 699–713; № 6. S. 778–798].
- Верюжский В.М. Северно-русское приходское духовенство в конце XVII века // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 79–98; 1906. № 8. С. 285–301; 1906. № 9. С. 425–441 [Veriuzhskii V.M. Severno-russkoe prikhodskoe dukhovenstvo v kontse XVII veka // Khristianskoe chtenie. 1906. № 7. S. 79–98; 1906. № 8. S. 285–301; 1906. № 9. S. 425–441].
- Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908 [Veriuzhskii V.M. Afanasii, arkhiepiskop Kholmogorskii. SPb., 1908].
- Виноградов Н.Я. Исторический очерк древнерусского сельского прихода. Тамбов, 1868 [Vinogradov N.Ia. Istoricheskii очерк drevnerusskogo sel'skogo prikhoda. Tambov, 1868].
- Градовский А.Д. Всесословная мелкая единица // Мелкая сословная единица. Сб. статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 459–469 [Gradovskii A.D. Vsesoslovnaia melkaia edinitsa // Melkaia zemskaia edinitsa. Sbornik statei. 2-e izd. [Vyp. 1.] SPb., 1903. S. 459–469].
- Заозерский Н.А. Смысл и значение так называемого 13 правила Лаодикийского собора: (По поводу мнений А.А. Папкова, М.А. Остроумова и Е.В. Барсова) // Богословский вестник. 1907. Т. 1. № 4. С. 639–661 (2 пагин.) [Zaozerskii N.A. Smysl i znachenie tak nazываемого 13 pravila Laodikiiskogo sobora: (Po povodu mnenii A. A. Papkova, M. A. Ostroumova i E. V. Barsova) // Bogoslovskii vestnik. 1907. T. 1. № 4. S. 639–661 (2 pagin.)].
- Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 11. С. 523–562 (2 пагин.); № 12. С. 653–687 (3 пагин.); 1912. Т. 1. № 2. С. 319–350 (3 пагин.) [Zaozerskii N.A. Chto est' pravoslavnyi prikhod i chem on dolzhen byt'? // Bogoslovskii vestnik. 1911. T. 3. № 11. S. 523–562 (2 pagin.); № 12. S. 653–687 (3 pagin.); 1912. T. 1. № 2. S. 319–350 (3 pagin.)].

- Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1969 [Zakharova L.G. Zemskaja kontrreformna 1890 g. M., 1969].
- Знаменский П.В. О способах содержания духовенства в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник. 1865. Ч. 1. С. 145–188 [Znamenskii P.V. O sposobakh soderzhaniiia dukhovenstva v XVII i XVIII stoletiiakh // Pravoslavnyi sobesednik. 1865. Ch. 1. S. 145–188].
- Знаменский П.В. Об отношении гражданской власти к русскому духовенству в XVII–XVIII столетиях // Православный собеседник. 1865. Ч. 2. С. 290–302 [Znamenskii P.V. Ob otnoshenii grazhdanskoj vlasti k russkomu dukhovenstvu v XVII–XVIII stoletiiakh // Pravoslavnyi sobesednik. 1865. Ch. 2. S. 290–302].
- Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1866. Т. 21. № 9–10. С. 1–35, 131–169 (2 пагин.); 1867. Т. 22. № 1–4. С. 62–90, 181–221, 307–322, 476–500 (1 пагин.) [Znamenskii P.V. Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi // Pravoslavnoe obozrenie. 1866. T. 21. № 9–10. S. 1–35, 131–169 (2 pagin.); 1867. T. 22. № 1–4. S. 62–90, 181–221, 307–322, 476–500 (1 pagin.)].
- Знаменский П.В. О сборах с низшего духовенства русского в казну епархиальных архиереев в XVII–XVIII столетиях // Православный собеседник. 1866. Ч. 1. С. 37–55 [Znamenskii P.V. O sborakh s nizshego dukhovenstva russkogo v kaznu eparkhial'nykh arkhiereev v XVII–XVIII stoletiiakh // Pravoslavnyi sobesednik. 1866. Ch. 1. S. 37–55].
- Знаменский П.В. О поступлении в России на церковные должности в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник. 1866. Ч. 2. С. 124–136 [Znamenskii P.V. O postuplenii v Rossii na tserkovnye dolzhnosti v XVII i XVIII stoletiiakh // Pravoslavnyi sobesednik. 1866. Ch. 2. S. 124–136].
- Знаменский П.В. Об отношении русских священно- и церковнослужителей к приходам // Православный собеседник. 1867. Ч. 1 [Znamenskii P.V. Ob otnoshenii russkikh sviashchenno- i tserkovnosluzhitelei k prikhodam // Pravoslavnyi sobesednik. 1867. Ch. 1].
- Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873 [Znamenskii P.V. Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremen reformy Petra. Kazan', 1873].
- Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990 [Zol'nikova N.D. Sibirskaia prikhodskaia obshchina v XVIII veke. Novosibirsk, 1990].
- Иванов П.А., свящ. Реформа прихода. Томск, 1914 [Ivanov P.A., sviashch. Reforma prikhoda. Tomsk, 1914].
- Иванцов-Платонов А.М., прот. О русском церковном управлении. Двенадцать статей из № 1–16 газеты «Русь» 1882 года. СПб., 1898 [Ivantsov-Platonov A.M., prot. O russkom tserkovnom upravlenii. Dvenadsat' statei iz № 1–16 gazety «Rus'» 1882 goda. SPb., 1898].
- Остроумов М.А. Вниманию православного общества (ответ А.А. Папкову) // Церковные ведомости. 1907. № 2. С. 53–57 [Ostroumov M.A. Vnimaniiu pravoslavnogo obschestva (otvet A.A. Papkovu) // Tserkovnye vedomosti. 1907. № 2. S. 53–57].
- Панкрат Т.В. Благотворительная деятельность приходских попечителей Москвы (вторая половина XIX — начало XX столетия). М., 2011 [Pankrat T.V. Blagotvoritel'naia deiatel'nost' prikhodskikh popechitel'stv Moskvu (vtoiaia polovina XIX — nachalo XX stoletiiia). M., 2011].
- Папков А.А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России (Отдельный оттиск из журнала «Русский вестник»). М., 1900 [Papkov A.A. Nachalo vozrozhdeniia tserkovno-prikhodskoi zhizni v Rossii. (Otdel'nyi ottisk iz zhurnala «Russkii vestnik»). M., 1900].
- Папков А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902 [Papkov A.A. Tserkovno-obshchestvennye voprosy v epokhu tsaria-osvoboditelia. SPb., 1902].
- Папков А.А. Вниманию православного общества // Новое время. 1906. № 11033. С. 3–4 [Papkov A.A. Vnimaniiu pravoslavnogo obschestva // Novoe vremia. 1906. № 11033. S. 3–4].
- Папков А.А. Правило или заголовок. Ответ профессору Остроумову и г. Барсову по вопросу о значении так называемого 13-го правила Лаодикийского Собора // Церковные ведомости. 1907. № 21. С. 844–847 [Papkov A.A. Pravilo ili zagolovok. Otvet professoru Ostroumovu i g. Barsovu po voprosu o znachenii tak nazyvaemogo 13-go pravila Laodikiiskogo Sobora // Tserkovnye vedomosti. 1907. № 21. S. 844–847].
- Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996 [Polunov A.Iu. Pod vlast'iu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III. M., 1996].
- Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. СПб., 1908 [Preobrazhenskii I.V. Periodicheskaia pechat' po voprosu o prikhodskoi reforme. SPb., 1908].

- Прокофьев А.В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 2010 [Prokof'ev A.V. Prikhodskaiia reforma 1864 goda i ee vliianie na samosoznanie prikhodskogo dukhovenstva. Dissertatsiia... kandidata istoricheskikh nauk. M., 2010].
- Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999 [Rimskii S.V. Rossiiskaia Tserkov' v epokhu Velikikh reform: (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov). M., 1999].
- Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898 [Runovskii N. Tserkovno-grazhdanskie zakonopolozheniia otноситel'no pravoslavnogo dukhovenstva v tsarstvovanie imperatora Aleksandra II. Kazan', 1898].
- Свидерский М., священник. Вопрос о церковном приходе в Предсоборном присутствии и в русской литературе XX в. Киев, 1913 [Sviderskii M., sviashch. Vopros o tserkovnom prikhode v Predsobornom prisutstvii i v russkoi literature KhKh v. Kiev, 1913].
- Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002 [Stefanovich P.S. Prihod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh. M., 2002].
- Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003 [Fedorov V.A. Russkaia Pravoslavnaiia Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period. 1700–1917. M., 2003].
- Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. СПб., 1913 [Iushkov S.V. Ocherki iz istorii prikhodskoi zhizni na severe Rossii XV–XVII vv. SPb., 1913].
- Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.
- А.Л. Беглов, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, beglov.al@yandex.ru*

Russian historical studies in the Church-public debate about the Orthodox parish. 1860-1910s

The article deals with the participation of representatives of the national historical and legal studies in the discussion of the “parish issue” in the 1860–1910s. The reform of the Orthodox parish in the Russian Empire was one of the most acutely debated topics, which affected the Church, society and the state. The author concludes that scholars were prominent in these discussions. In the works of P.V. Znamensky, M.M. Bogoslovsky, V.M. Veryuzhsky, S.V. Yushkov the picture was re-established of the status and development of the old Russian parish described as well as its place in the zemstvo self-government, the relationship with the diocesan and the Royal power, the situation of the clergy. P.V. Znamensky's book was in tune with the Slavophiles ideas and had a significant impact on the press. In the early twentieth century, the scholarly community (especially the lawyers and canonists) itself was not united in the question of the parish issue. This gave an opportunity to representatives of different social forces to appeal to the position of a scholar (or a group of scholars), whose views were in tune with their public interests.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church of the Synodal period; reform of the Orthodox parish; historical science; Canon law of the Orthodox parish; M.M. Bogoslovsky; V.M. Veryuzhsky; N.A. Zaozersky; P.V. Znamensky; S.V. Yushkov

Alexey Beglov, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

А.Н. МАЛИНКИН

«КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х ГОДОВ: РОЖДЕНИЕ ЖАНРА

В статье рассматриваются условия и идейные предпосылки зарождения особого жанра в марксистской социологии – «критики буржуазной социологии». Лидер большевистской партии и основатель советского государства, В.И. Ленин, придал этой критике государственно-политическое значение, выдвинул её программу и задал образец. На конкретных примерах он показал, что «принцип партийности» в философии применим в качестве универсальной методологии подозрения и разоблачения идейных противников. Выявляются причины и анализируются последствия подмены доктринальной критики идеологическим разоблачением. Рассматриваются позитивные социокультурные функции доктринальной критики по существу.

Ключевые слова: критика, буржуазный, социология, философия, идеология, политика, методология, подозрение, разоблачение

В первые четыре-пять лет после Октябрьского переворота 1917 года в идейной сфере царила почти неограниченная свобода мысли, слова, самовыражения. Бурлила и пенилась философская и социальная мысль – главным образом марксистская, а также и немарксистская. Параллельно в стране бушевала Гражданская война, раскручивался маховик террора. В своём выступлении на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 года. В.И. Ленин говорил: «Мы зажгли социализм у себя и во всем мире. Кто хоть сколько-нибудь мешает этой борьбе, с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот – против нас»¹. Л.Д. Троцкий обосновал «красный террор» с позиций марксистского понимания соотношения политики и морали в книге «Терроризм и коммунизм», написанной им в поезде наркомвоенмора. «Кто хочет цели, тот не может отказываться от средства, – утверждал он. – (...) Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его революционной диктатуры. Кто отказывается от диктатуры пролетариата, тот отказывается от социальной революции и ставит крест на социализме»².

В 1921 г. в условиях разрухи начался голод, вызванный гражданской войной и крестьянскими бунтами из-за «продразвёрстки», которая поломала систему хлебной торговли³. Это стало поводом для изъятия ценностей у Русской православной церкви. «Именно теперь, и только теперь, – писал Ленин 19 марта 1922 г., – когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подав-

¹ Ленин 1969: 289.

² Троцкий 1920: 22, 23.

³ В то время от голода погибло не менее 5 млн. человек.

лением какого угодно сопротивления». Ленин потребовал «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»⁴.

Вскоре, однако, руководство РКП(б) вынуждено было ввести НЭП. Стремление большевиков любой ценой удержать власть в таких условиях вызвало ужесточение идейных баталий в публичной сфере. Начало конца пред- и дореволюционному творческому хаосу идей положила статья Ленина «О значении воинствующего материализма»⁵. Она была опубликована в третьем номере журнала «Под знаменем марксизма», специально созданного в начале 1922 г. как трибуна для критики. Концепция журнала была ясно сформулирована в слове «От редакции»:

«Мы не стремимся быть исследователями, ...мы борцы, наш журнал – журнал борьбы за материалистическое мировоззрение, наш орган – орган полемики. Он возник из законного желания молодой пролетарской интеллигенции осмыслить современность, преодолеть эклектизм, проповедуемый некоторой группой так называемых марксистов, углубить и заострить своё знание критикой идейного разброда, царящего среди буржуазной интеллигенции. (...) На баррикадах мы показали всему миру, как хорошо мы умеем критиковать оружием. На страницах нашего журнала нам предстоит доказать, что мы хорошо владеем и другим оружием – критикой»⁶.

В программной статье, оказавшей огромное негативное влияние на всё последующее развитие духовной культуры Советской России и СССР, «вождь мирового пролетариата» прямо санкционировал гонения на инакомыслящих, поставив задачу выявления «идейных рабов буржуазии», «...неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами»⁷.

Эта установка имела универсальный характер: в первую очередь, она относилась к отечественным авторам, но распространялась, естественно, и на зарубежных. Ленин сам показал пример, раскритиковав «представителей современной научной критики религии» – российского профессора Р.Ю. Виппера (1859–1954) и немецкого историка Артура Дрекса (1865–1935). Ленина возмутила «смешная и реакционнейшая претензия» Виппера «подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической, и материалистической». Его позицию в брошюре «Возникновение христианства» (1918) он квалифицировал как «прислужничест-

⁴ Ленин 1922 (1): 516, 517. Если верить А.Н. Яковлеву, церковь была ограблена на 2,5 миллиарда золотых рублей, зерна же закупили только на один миллион рублей, да и то лишь на семена (Яковлев 1995: 89).

⁵ К её написанию «вождя» подтолкнула супруга, боровшаяся тогда с религией на педагогическом фронте в должности председателя Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР (Крупская 1933).

⁶ От редакции 1922: 4.

⁷ Ленин 1922: 6.

во господствующей буржуазии». А. Древу, автору книги «Миф о Христе», досталось больше: «Это – реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками»⁸. Между тем, перевод книги Древа Ленин расценил как тактический «союз с прогрессивной частью буржуазии», который «обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами».

В заключение Ленин подверг критике «обширные, якобы «социологические» исследования» «О влиянии войны»» «некоего г. П.А. Сорокина», опубликованные в первом номере журнала «Экономист»⁹ за 1922 год. «Учёная статья, – писал Ленин, – пестрит учёными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных зарубежных учителей и сотоварищей». Лидер большевиков обратил внимание на то, что Сорокин назвал 92,2 развода на 10000 браков в Петрограде «цифрой фантастической» в нежелательном смысле (т.е., что их слишком много). Ухватившись за неудачную реплику, Ленин продемонстрировал на примере Сорокина, что такое методология марксистского «классового подхода» в оценке продуктов научной и культурной деятельности: оказывается, журнал «Экономист» – «орган современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.»; издатель журнала «Русское техническое общество» – собрание «крепостников, реакционеров, «дипломированных лакеев поповщины»», а журналу «Под знаменем марксизма» «придётся вести войну и против подобных «образованных» крепостников». «Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, – писал Ленин, намекая на оплошавшего «социолога», – хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста»¹⁰. В этом же году журнал «Экономист» был закрыт, а П. Сорокин выдворен из страны.

Согласно «принципу партийности», который был выдвинут Лениным ещё в главном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), миф, религия, философия, наука и другие формы духовной культуры суть части надстройки (идеологии), а она определяется базисом, т.е. производственными отношениями, которые всегда имеют классовый характер, поэтому все эти формы духовной культуры не могут быть сами внеклассовыми, внепартийными. Стало быть, за символическими образами мифа, притчами религии, умозрительными конструкциями философии, абстрактными понятиями науки следовало подозревать и искать скрытый классовый интерес¹¹. Его надлежало выявлять,

⁸ Там же: 8.

⁹ Орган промышленно-экономического отдела «Русского технического общества».

¹⁰ Там же: 11-12.

¹¹ Новый импульс теоретическому дискурсу о «культуре подозрения мотивов» и традиции «философской подозрительности», восходящей к К. Марксу, Ф. Ницше, З. Фрей-

тем самым разоблачая якобы абсолютно свободных от общества, объективно мыслящих «наблюдателей» как выразителей интересов буржуазии, враждебных пролетариату. Это Ленин и сделал в отношении взглядов Маха, Авенариуса, А. Богданова, Виппера, Дрекса, Сорокина и других.

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», справедливо утверждал Ленин. Но при этом объяснение сложнейшего феномена социальной обусловленности форм человеческого познания и сознания множеством разнородных факторов (как материального, так и идеального свойства), он сводил к методологии разоблачения с «*пролетарских*» социально-классовых – *de facto* политически-партийных – позиций. Такой эпистемологически односторонний подход требовал соответствующего, *предвзятого* отношения ко всему культурному наследию прошлого, равно как надлежащего бдительного контроля за актуальным состоянием смыслопорождающей деятельности и её результатов в стране. Фактической целью критики был отбор того, что не противоречит идеям Маркса, Энгельса, но главное – их пониманию самим Лениным, поскольку реальное право на последнее слово в определении «ортодоксальности» марксизма принадлежало тогда именно ему. На доктрины, которые в той или иной мере противоречили ленинской трактовке марксизма, ставилось клеймо «*буржуазные*».

Так в начале 1920-х гг. в лоне большевистской социальной мысли начало зарождаться особое *направление*, или её особый жанр, – «критика буржуазной социологии». Конечно, критические баталии на этой ниве происходили и до революции. Ленин был их активным участником¹². Но они происходили в совершенно иных исторических условиях и другом социокультурном контексте. Частное мнение одного сталкивалось с частным мнением другого, и, даже если взаимная критика переходила в конфликт, ситуация не выходила за рамки гражданско-правовой нормальности, которую поддерживали, в т.ч. обычные досудебные способы урегулирования частных распрей. Специфическое отличие «критики буржуазной социологии» в Советской России заключалось в её более высоком, государственно-политическом статусе, который придал ей Ленин, в её программности, апологетической (идеократической) направленности и разоблачительном характере. Последствия такой критики и конфликтов на её почве были совсем иными, о чём будет сказано ниже.

Ленинская установка на критику была успешно реализована. Советскую социальную мысль конца 1920-х – начала 1930-х можно квалифицировать как почти полностью «марксистскую». Под мощным идеологическим давлением немарксистская социология в конце 1920-х сошла на нет. «Ещё в первые годы после революции выходили некоторые такие книги, – писал Н.И. Кареев, – но потом... перестали выходить. Из прежних социологов кто умер, кто эмигрировал, кто перестал писать

ду, структуралистам и др. придал Н. Луман, анализировавший проблемы социологии знания в контексте своей теории социальных систем (Луман 2002: 319-352).

¹² Ленин 1953.

или не мог ничего издать, а новых немарксистских авторов не появилось ни одного»¹³. В начале 1930-х буржуазная философско-социальная мысль осталась лишь за рубежом. Но внутри страны ещё надо было избобличать её скрытых сторонников – идейных врагов революции.

Правда, говорить о существовании в 1920–1930-х гг. социологии как особой дисциплины, т.е. об автономном дисциплинарном единстве эмпирического и теоретического уровней социального познания, на наш взгляд, было бы анахронической натяжкой. И, следовательно, не вполне корректно было бы утверждать, что в 1920-е годы уже практиковалась «критика буржуазной социологии». Социология существовала в то время по преимуществу в форме *философской социологии*, в которой сначала преобладала, а затем и безраздельно господствовала «*марксистская социология*». Внутри же последней доминировал «*исторический материализм*», часто трактовавшийся вульгарно-материалистически либо в позитивистском смысле. Более того, проверка доктрин на соответствие либо несоответствие учению Маркса и Энгельса обязывала критику рассматривать социальные идеи, ставшие объектами его анализа, не только через философско-социологическую оптику, но также и политически-идеологическую. Ведь само это учение было не только философией истории и социальной философией (отождествляемой с «марксистской социологией»), но и *коммунистической идеологией*. Последняя кристаллизовалась в политически-партийные структуры во многих европейских странах, в «Коммунистическом интернационале» обрела международно-организационную форму, а в России получила и государственный статус. В 1920-1930-е годы «критика буржуазной социологии» входила в состав единого сплава, именовавшегося то «критикой буржуазной идеологии», то «критикой буржуазной философии», поскольку, согласно марксизму, философия – неотъемлемая часть «идеологической надстройки», а идеология обычно принимает философскую форму.

В свете вышесказанного становится понятно, почему социальная и философская мысль оказались в нашей стране на долгие годы в положении обоюдно-ущербного скрывания. Однако последнее объясняется вовсе не тем обстоятельством, что в 1920-е годы социальной мысли не удалось «отделиться» от философии (а также на самом деле от религиозного типа сознания, хотя и в зеркально-перевернутой протестной форме «научного коммунизма»). Такое объяснение косвенно оправдывает стремление радикальных сциентистов во что бы то ни стало отгородиться от философии, как будто родственная и сущностная связь социальной мысли с философской порочна сама по себе. Это либерально-прогрессистское представление, до сих пор рождающее иррациональный страх у социологов перед философией («метафизикой»), на самом деле – плод глубокого заблуждения, ибо исходит из наивной веры в позитивистский проект О. Конта, который был и остаётся утопией. Причины же совсем в другом. Во-первых, тогда как на Западе социальная

¹³ Кареев 1992: 118.

мысль подпитывалась достижениями самых разных философских течений, а философия учитывала наработки конкретных социальных исследований, стимулируя новые, в СССР социология была втиснута в прокрустово ложе *одной единственной* философской доктрины. Да, учение Маркса и Энгельса заключало в себе богатый эвристический потенциал. Но поскольку с середины 1920-х оно стало превращаться в догматический «марксизм-ленинизм», его творческая разработка стала для советских социологов делом, реально опасным для жизни, отчего велась почти исключительно на Западе в различных формах академического неомарксизма¹⁴. Во-вторых, социология и философия *равным образом* попали в силовое поле самой притягательной *гуманистической идеологии* Запада второй половины XIX и XX в., отчего равным же образом пострадали. В отличие от всех предшествующих и современных ей идеологий, она имела не только системную форму, укоренённость в различных видах знания («три источника и три составных части марксизма»¹⁵, но и – что самое главное – претендовала на статус *подлинно научной теории по образцу естествознания*. Приверженность сциентизму роднила марксистов с позитивистами, поддерживая их квазирелигиозную веру, соответственно, в коммунизм и альтруизм.

Согласно *логике естественнонаучного познания*, предполагалось, что истина одна. Стало быть, если Маркс и Энгельс открыли естественнонаучную истину, то марксизм – *единственно верная (истинная)* социально-историческая теория. Монопольное право марксизма, в его *большевистской (ленинской)* трактовке, на истину в последней инстанции служило основанием для формирования закрытого, замкнутого на себя типа мышления, организованного аксиоматически. Монополия на истину подразумевала идеологическую зачистку в сфере публичной циркуляции идейных доктрин: все другие теории, предшествующие ей и современные, объявлялись *ложными* и их надо было рассматривать либо как *ошибочные* вследствие добросовестного заблуждения в силу субъективных или объективных причин, либо как *подрывные*, т.е. нарочито превратные, специально измышленные как орудие идеологического противодействия марксизму и Советской России, поскольку научный коммунизм становился её государственной идеологией. Ленин придерживался именно такого взгляда, и последний стал руководящим принципом «критики буржуазной социологии», сохранившись до конца 1980-х.

Критика велась по классово-предрассудочной схеме, которую Ленин установил в качестве образца применения марксистского «принципа партийности». Она включала логическую процедуру субсумации, т.е. подведение уникального авторского текста, написанного на конкретную тему, под абстрактное представление (стереотип) о классовых интересах коллективного социального субъекта под названием «буржуазия».

¹⁴ Дмитриев 2004.

¹⁵ Ленин 1969: 42-48.

Согласно доктрине Маркса и Энгельса (позднее творчески развитой в учении Ленина об «империализме как высшей стадии развития капитализма»), классовым интересам крупной буржуазии второй половины XIX века, утратившей былую прогрессивность и стремившейся к тому, чтобы только упрочить своё господство, соответствуют религия и идеализм во всех возможных формах. Почему? С одной стороны, потому что философы-идеалисты и религиозные философы конца XIX – начала XX в., как правило, происходили из высших слоёв общества, зажиточных и образованных, т.е. из дворянства или буржуазии. Тогда как материалистический взгляд на мир был свойствен, как правило, представителям низших слоёв, материально нуждавшимся и малообразованным. Могло ли быть случайным такое избирательное сродство между характером мировоззрения и социально-классовым положением? Едва ли. По мнению, Маркса и Энгельса, здесь-то как раз и «зарыта собака»: бытие человека определяет его сознание, а общественное бытие определяет общественное сознание! Этот фундаментальный принцип исторического материализма по-разному критически обыгрывался в концепциях «социологии знания» М. Шелера и К. Мангейма¹⁶. Объединяло же их то, что они, каждый по-своему, лишали марксизм «научно-коммунистической» революционности и превращали его в академический неомарксизм».

С другой стороны, религия и идеализм соответствовали, в понимании большевиков, интересам буржуазии в том смысле, что идеалистический «мистицизм» и религиозный «дурман» («опиум народа»), будучи благообразной маской, не позволяли пролетариату увидеть истинное лицо буржуазии и своё собственное бедственное положение, осознать себя как класс. Они побуждали трудящихся смириться со скрытым обманом, отвлекали от борьбы за реальное освобождение и счастье на земле. Тот факт, что в капиталистическом обществе они выполняли эту идеологическую *функцию* (с чем трудно спорить) опрометчиво расценивался большевиками как подтверждение того, что они суть идеологии, т.е. что их *сущность* как раз в том и состоит, чтобы служить *идеологиями* класса буржуазии. На этих основаниях «буржуазной» объявлялась вся религиозная и вся идеалистическая философия¹⁷, а также и та, которая претендовала на преодоление односторонностей идеализма и материализма (например, феноменологическая). Ведь такое преодоление означало бы преодоление также диалектического и исторического материализма, следовательно, и всего марксизма, а потому отвергалось как вообразимое, т.е. существующее только в головах идеалистов.

Если указанная выше субсумация давала отрицательный результат, т.е. если в тексте обнаруживалась твёрдая приверженность автора материализму, – пусть не вполне диалектическому или не совсем историче-

¹⁶ Малинкин 2015; 2019.

¹⁷ В 1930-х гг. в числе обвинений, которыми клеймились «деборинцы» как «меньшевистствующие идеалисты», было такое: «сторонник буржуазно-идеалистической философии» (в этом был обвинён, в частности, В.А. Юринец).

скому, – это означало, что автор – выразитель интересов пролетариата, а его текст, хотя и заслуживает критики, но конструктивной, благожелательной. Так было, например, в случае критики В. Румием¹⁸ сциентистского экстремизма в статьях большевика-фронтовика С.К. Минина «Философию за борт!», «Коммунизм и философия»¹⁹.

Если субсумация не приводила к однозначному выводу о доктрине, поскольку в ней обнаруживались противоречивые признаки, не позволявшие точно квалифицировать классовую позицию автора, то он подозревался в заискивании перед буржуазией, склонности к ренегатству (как, например, в истории с К. Каутским и германской социал-демократией после 1920 г.) либо в непонимании чего-то в силу своего непролетарского происхождения или положения в обществе. Если она приводила к обнаружению очевидных признаков сходства текста с представлением об интересах врагов пролетариата, это означало, что он был написан убеждённым пособником буржуазии. Так было, например, в случае с оценкой Лениным «истинных» намерений авторов сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы»²⁰. Он увидел в нём «литературное прикрытие белогвардейской организации» (!)²¹.

Вместе с «принципом партийности» Ленин внедрил в сферу «наук о духе» этос властно-политической деятельности и установки партийно-политической борьбы, выявленные и описанные К. Шмиттом как специфические для политической сферы²². В результате профессиональные и человеческие коммуникации внутри академического и вузовского сообществ трансформировались в той мере, в какой получили приоритет несвойственные духовно-культурной сфере *партийно-политические* принципы формального и неформального группообразования. Гуманитарно-научные тексты и высказывания начали оцениваться не столько по их содержанию, сколько по тому, «свой» их автор или «чужой», «друг» или «враг», а это определялось по единственному критерию – *верности* ортодоксальному марксизму, т.е. *преданности* «линии партии». Волей-неволей учёные стали объединяться в группы, состязавшиеся с другими группами уже не столько за первенство в профессиональных достижениях, сколько за то, чья точка зрения ближе к точке зрения Маркса и Энгельса и/или позиции Ленина, ибо эта победа означала легитимацию групповой позиции в качестве *ортодоксально марксистской*, т.е. един-

¹⁸ «В. Румий», «В. Ваганян», «В. Тер», «В.В.» и др. – псевдонимы, которые использовал Вагаршак Арутюнович Тер-Ваганян (1893-1936), в 1922–1923 г. ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Советский партийный деятель, член партии с 1912 г., философ, входивший в «деборинскую группу». Расстрелян как фигурант «I Московского процесса».

¹⁹ Минин 1922 (1); Минин 1922 (2).

²⁰ Освальд 1922. Авторы сборника – Ф.А. Степун, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан. Первые трое были высланы в 1922 г. на «философском пароходе»; последний дважды арестовывался, был обвинён в участии в контрреволюционной организации и шпионаже, расстрелян в 1939 г.

²¹ Ленин 1987: 531.

²² Шмитт 2016.

ственно верной и, соответственно, вела к делегитимации оппонентов как «ревизионистов», «оппортунистов», «уклонистов» и т. п.

Рассмотрим эти последствия в свете социологии знания более подробно. Во-первых, само гуманитарное познание (отчасти и естественнонаучное) в значительной мере утратило самостоятельность и автономность, превратилась в объект идеологического *подозрения*, а также *внешнего* для неё политического управления и направления. Но поскольку «принцип партийности» мышления в добровольно-принудительном порядке был принят и разделялся всеми (те, кто его не принимал, изгонялся), создавалась видимость *внутренней* самоорганизации учёных сообществ – как формальной самоорганизации, осуществляемой через посредство партийных ячеек и парткомов, так и неформальной, реализуемой через ревнителей партийной дисциплины.

Отсюда та лёгкость, с которой И.В. Сталин, опираясь на проделанную Лениным политизацию сферы социального и гуманитарного познания, начал манипулировать учёными-гуманитариями с Постановления ЦК ВКП(б) О журнале «Под знаменем марксизма»²³. Известный факт: у людей, казалось бы, привыкших критически-аналитически работать со смыслами, но испытывавших экзистенциальный страх в условиях репрессий, формировались глубочайшие иллюзии в отношении *свободы* своего личного мировоззренческого самоопределения. Иначе невозможно объяснить, с одной стороны, «встречные социалистические обязательства» учёных, взятые в честь «свободной советской науки», ВКП(б) и тов. Сталина, «нашего великого учителя, гениального теоретика и вождя»²⁴, а с другой стороны, самоуничтожительные покаянные письма, в которых профессора и научные сотрудники, избалованные в «меньшевистствующем идеализме» и даже «терроризме»(!), в ответ на клевету коллег признавались в допущенных ошибках и просили прощения²⁵.

Во-вторых, предметный критический анализ текста стал подменяться политтехнологией распознавания, по лексике, стилистике и смыслу текст, «свой» его автор либо «чужой», «друг» он либо «враг». «Принцип партийности» стал применяться как универсальная методология подозрения и разоблачения, заменяя собой объективную предметную критику. Понятно, что это не способствовало повышению общего уровня развития и квалификации учёных-гуманитариев, зато плодило карьеристов. Последние, используя благоволение к ним Сталина, в 1930-1940-е захватили власть в академической сфере и свели счёты с неугодными.

Оптика воинствующего материализма приводила к тому, что некоторые авторы, которых едва ли можно отнести к невеждам, например, Ст. Кривцов, В.В. Адоратский, слово «телеология» прочитывали как «теология» – видимо, им так хотелось уличить С.Л. Франка²⁶, автора

²³ Постановление 1930.

²⁴ Письмо 1936.

²⁵ Баммель 1932. А иногда, помимо прочего, клеветали на коллег (Корсаков 2013).

²⁶ Франк 1922.

книги «Очерк методологии общественных наук», в связи его идей с религией, хотя именно в этой книге Франка о религии вообще речь не шла²⁷. Созидательная позитивная функция критики, сущностно свойственная диалоговой конституции духовно-культурной сферы, начала вытесняться и в начале 1930-х годов была почти полностью вытеснена деструктивным отношением к тем, кто считался идейными врагами.

В-третьих, существенно изменился, с точки зрения смысловой логики, характер академических дискурсов. Учёные споры и дискуссии всё чаще вели к *конфронтации* внутри академических и вузовских сообществ, поскольку вне-научная, политически-идеологическая, мотивация в выборе способов аргументации подрывала базисную профессионально-корпоративную солидарность, существовавшую ранее по отношению к истине как *абсолютной ценности*. Честный поиск того, что есть на самом деле («естины»), возможный на основе взаимного уважения и конструктивной критики *свободных самостоятельно мыслящих индивидуальных личностей*, стал вытесняться *коллективным мнением* (часто инспирированным как фикция), которое обосновывалось апелляцией к авторитету марксизма и его признанных толкователей. Тут уже трудно было говорить об адекватности понимания коллегами друг друга, равно как о продуктивности дискуссий и полемики. На это обратил внимание А.А. Богданов, выступивший в Коммунистической академии с любопытным по замыслу докладом «Пределы научности рассуждения» и подверг критике типичный для 1920-х гг. стиль мышления и ведения полемики. За ним, как он считал, стоит неосознанная подмена смысла понятий, характерная для «словесного фетишизма»: слова господствуют над умами тех, кто их употребляет, а последние не отдают себе отчёта в том, что это не они ведут полемику, а полемика ведёт их.

«Представьте себе такую вещь, – говорил он. – Я нечто утверждаю, привожу такие-то факты, такие-то данные, доказываю. Я понимаю таким образом, что это называется доказательством, – факты свожу, систематизирую, проверяю. А мне на это отвечают, что такой-то и такой думали иначе и приводят цитаты, говорят, что Маркс в 66 году написал то-то, Плеханов в 1906 г. – то-то, Деборин в 1916 г. – то-то, Вайнштейн в 1926 г. – то-то, и считают, что этим “доказывают” мне противоположное. Очевидно, здесь слово “доказательство” имеет совершенно разное значение. Прибавлю, даже слово “полемика” имеет разное значение. Мне говорят, что вот эти возражения полемика против меня. Но я мог бы догадаться об этом только по сопровождающим эпитетам, а по существу, это как будто даже не полемика, это как будто дружеский совет: “смотрите, какие специалисты, знающие, компетентные, высказывают другую мысль, не имеют ли они каких-нибудь фактов, которых вы не учитываете?”. Это не полемика, это дружеский любезный совет. Это значит, что мои оппоненты иначе понимают слово “полемика”, слово “опровергать”. Люди разных культурных миров совершенно различно понимают эти термины»²⁸.

В прениях по докладу коллеги из «другого культурного мира» безжалостно раскритиковали товарища Богданова в том самом стиле,

²⁷ Парсамов 2017: 218-219.

²⁸ Богданов 1927: 253-254.

который он позволил себе пожурить. Примечательно высказывание Н.А. Карева. «Если теперь... т. Богданов сам более не претендует на то, чтобы быть ортодоксальным представителем воззрений Маркса и Энгельса, то все же вопрос об ортодоксии имеет некоторое значение для многих других. Цитатами нельзя, конечно, доказать, в собственном смысле этого слова, истинность или неистинность тех или иных положений. Но когда оказывается, что чьи-либо взгляды резко расходятся с воззрениями основоположников марксизма, высеченными из одного камня, то для всякого, кто хочет быть верным марксизму, это уже свидетельство их шаткости. Согласие с теорией, нашедшей себе подтверждение в опыте классовой борьбы миллионов, весит неизмеримо больше, чем очень многие так называемые “доказательства”»²⁹.

Обратим внимание на лексику и логику «деборинца» Карева, достойную Тертуллиана: Богданов для него не «свой», ибо не «верен» марксизму в «ортодоксальной», буквально «*правоверной*», т.е. ленинской трактовке. Но даже если к некоей доктрине относиться как к религиозной догме (сакральному «камню»), обязательно ли подменять верностью ей поиск истины, стремление к объективному познанию? Конечно, нет. Можно быть глубоко верующим и в то же время учёным-первопроходцем в своей области научного знания или оригинально мыслящим философом. Откуда же такая идейная ксенофобия? На наш взгляд, своим сектантским радикализмом большевизм как гражданско-политическая квазирелигия нового типа превзошёл в нетерпимом отношении к инакомыслию православию и другие традиционные религии России.

В постсоветских исследованиях по истории философии и науки уже достаточно полно описаны обстоятельства и факты учёных «дискуссий» 1920–1930-х гг., стиль «полемики» того времени, а также их печальные последствия с окончательным утверждением Сталина на вершине власти³⁰. Остановимся поэтому для сравнения на характеристике канонических аспектов доктринальной критики.

В нашем понимании, основными условиями и функциями критики вообще, независимо от культурно-исторической эпохи и страны происхождения критикуемой доктрины (учения, теории, концепции), являются:

- 1) *информирование* образованного сообщества о факте существования доктрины, тем самым минимальное культурное *просвещение* посредством включения в актуальный социокультурный контекст информации о ней и о содержащемся в ней знании;
- 2) прочтение представляющих доктрину текстов (текста) и *адекватное понимание* их смысла;
- 3) *анализ* (в идеале всесторонний) содержащегося в доктрине знания в виде ценностей, смыслов, идей;
- 4) *выявление, формулировка, объяснение и опровержение* (хотя бы частичные, показательные) ложных, ошибочных положений, заблуждений, домыслов, фальсификаций и т. п.;

²⁹ Прения 1927: 266.

³⁰ Огурцов 1989; Мочалов 1993; Корсаков 2012; 2013; Парсамов 2017(1); 2017 (2).

5) *рецепция* содержащегося в доктрине знания и его конструктивная *адаптация* применительно к национально-культурной традиции (по меньшей мере, частичные) – либо *полное неприятие доктрины* с аргументированным отказом от рецепции и адаптации содержащегося в ней знания.

Понятно, что критика, в таком понимании, – неотъемлемая составная часть нормальной академической работы по конвертации новой информации в знание. Она не нуждается в том, чтобы её выделяли в особый жанр (такое выделение складывается только в условиях цензуры). Вопрос лишь в том, насколько идеологизировано и/или политизировано наше актуальное представление о «нормальности» академической работы и склонны ли мы вообще рефлексировать на эту тему.

Указанные функции критики одинаково необходимы и взаимосвязаны так, что одна опирается на другую. Последняя функция открывает дорогу к выявлению эвристического потенциала содержащихся в доктрине идей – если, конечно, таковые имеются – на основе их творческого (синтетического) переосмысления. Конструктивная предметная критика в литературе и искусстве, философии и науке чрезвычайно востребована, поскольку она создаёт и поддерживает социокультурную коммуникативную среду (ментальную инфраструктуру), необходимую как воздух для творчества. Критика тем более значима, если поднимается до уровня идейного руководства творческим процессом, в смысле его духовно-культурного направления, осуществляемого на основе подлинно свободного самоопределения индивидуальных личностей-творцов. Критиками, в высоком смысле этого слова, в российской истории культуры были, например, В.В. Стасов, А.А. Григорьев В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев Н.А. Добролюбов и др.

Понимание Лениным доктринальной критики приводило к минимизации её первой функции, искажению или извращению второй, третьей, четвёртой. Последние две функции искусственно отрывались от второй и третьей, а пятая работала только на негативную селекцию идей как политически-идеологический фильтр или сепаратор. Мы описали механизм применения Лениным критики, которая базировалась на вульгарно-материалистическом социологизме как универсальной методологии подозрения. Заложенный в ленинском подходе социально-классовый предрассудок превращал понятие «критики» в муляж. По сути, это была уже не критика, а срывание масок и личин. Общекультурный термин «критика» эвфемически использовался Лениным, его соратниками-последователями (Сталиным и «сталинистами») для прикрытия идеологически мотивированных инвектив против неугодных, а проще говоря, их травли. Вербальная агрессия замещала в такой «критике» реальное насилие, но в условиях 1920-х, а тем более 1930–1940-х гг. воспринималась как санкция на его применение, т.е. служила условным сигналом (скрытым доносом) для карательных органов.

Что касается «критики буржуазной социологии» вообще, то она, естественно, меняла со временем свой профиль в зависимости от преоб-

ладания в ней той или иной функции и претерпела эволюцию от преимущественно разоблачительно-деструктивной «критики» в 1920–1930-е до преимущественно информационно-просветительской и рецептивной критики в 1970–1980-е гг. Примечательна в этой связи характеристика, данная ей Г.С. Батыгиным. Жанр «критики буржуазной социологии» окончательно сложился, по его мнению, в конце 1940-х:

«Если не принимать всерьёз оскорбительных выпадов в адрес «буржуазии», – пишет он, – можно сказать, что благодаря тщательному реферированию иностранной литературы в рамках этого жанра осуществлялась интенсивная рецепция западной общественной мысли. Многие «критики» на протяжении по меньшей мере четырех послевоенных десятилетий составляли интеллектуальный бомонд. Они имели возможность читать западные книги и периодические издания, недоступные подавляющему большинству научных сотрудников и преподавателей диамата и истмата»³¹.

Батыгин рассматривает «критику буржуазной социологии» с 1960-х как одну из «четырёх линий в советской социологической мысли» (наряду с «конкретными социальными исследованиями», «математической социологией» и ««научно-коммунистической» социологией»). Жанр «критики», по его мнению, «на самом деле был не так прост и заключал в себе некоторую амбивалентность», а именно: когда «критики» утверждали, что взгляды критикуемых авторов противоречат идеям Маркса, Энгельса, Ленина, это не было ошибкой, зато, работая с источниками, они «транслировали западные идеи на советскую аудиторию».

«Можно сказать, они строили деревянного троянского коня для коммунистической Трои. То, что критик не мог сказать открыто, он выражал путём реферирования и публикации текстов идейного врага. Этот жанр сформировался внутри научного сообщества в отчётливо распознаваемый “незримый колледж” людей, включённых в мировую интеллектуальную традицию. Минусом жанра можно считать подмену добросовестного исторического исследования переложением идейного наследия вперемешку с собственными оригинальными мыслями»³².

Взгляд Батыгина на «критику буржуазной социологии» в духе итальянской поговорки «traduttore – traditore»³³ вполне оправдан, в особенности по отношению к последним двум десятилетиям СССР. Правда, все функции «критики буржуазной социологии» как особого жанра, которые отмечает Батыгин, – информирование и просвещение, предметный анализ, рецепция (по крайней мере, частичная), – были представлены и в 1920-е годы. Они пробивали себе дорогу, несмотря на формальную идеологическую цензуру и неформальный «товарищеский» контроль. Не вся критика «буржуазной» философской и социальной мысли в 1920-е гг. «сводилась к утверждению, что взгляды критикуемых персон враждебны подлинно научной социологии марксизма»³⁴. Некоторые «критики» того времени были высокообразованными людьми, владели многими иностранными языками, глубоко знали свой предмет. За раз-

³¹ Батыгин 1998: 32.

³² Там же: 36.

³³ Traduttore – переводчик, traditore – предатель.

³⁴ Там же.

облачительно-критической лексикой в их текстах просматривалось желание познакомить читателей с зарубежными доктринами в неискажённом виде. К таким критикам относились Н.И. Бухарин, С.А. Оранский, И.П. Разумовский, А. Фогараши, А.М. Деборин, И.К. Луппол, Гр. Баммель, В.А. Юринец, Ф.Е. Тележников и др.

В заключение, приведу два примера. Они выбиваются из общей массы, но назвать их исключениями тоже нельзя. В «Вестнике коммунистической академии» за 1928 г. (Кн. 30(6)) были опубликованы статья Ф. Тележникова³⁵ «Дюркгейм о предмете и методе социологии» и его же обзор «По иностранным социологическим журналам». Они мало отличаются от работ в этих жанрах, публиковавшихся в последние два десятилетия СССР. А вот цитата из рецензии того же автора на книгу С.А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии»:

«Тов. Оранский анализирует вопросы на основе критики буржуазных социологических направлений. Это обстоятельство придает свежесть всей работе. Советская общественность чрезвычайно мало знакома с историей и современным состоянием буржуазной социологии. Для освещения этого вопроса поразительно мало делалось и делается нашей марксистской мыслью. Между тем можно было бы извлечь много поучительного в результате знакомства с теми вопросами, которые ставятся иностранной социологической мыслью. По всему этому, попытку С.А. Оранского ознакомить советскую общественность с буржуазной социологией, хотя бы в связи с трактовкой проблем исторического материализма, мы должны расценить как своевременную и достойную внимания»³⁶.

Что это, если не «строительство деревянного троянского коня»?

Второй пример – статья Гр. Баммеля³⁷ «Макс Шелер, католицизм и рабочее движение», где критикуется религиозная социальная философия в послереволюционной Германии. Первая часть большой статьи посвящена в целом адекватному изложению взглядов Э. Гуссерля и М. Шелера, их критическому разбору с привлечением для сравнительного анализа текстов Фомы Аквинского на латинском языке. Если хулиганский тон, ругательные эпитеты рассматривать как защитный покров или «эзопов язык» и обращать внимание только на предметный анализ, то выяснится, что перед нами достаточно компетентное историко-философское исследование. «Охарактеризовать на живом, вырванном куске современности, на философе Шелере, возрождение религии в современной *философии* как служанки капитала и является задачей нижеследующих страниц»³⁸. Почему именно Шелер? Потому что Шелер «относится к числу самых серьёзных болтунов, самых тонких и глубоких филистеров, самых образованных и талантливых пошляков нашего времени»³⁹. По хо-

³⁵ Тележников, Филарет Евгеньевич (1897–1943) – советский философ, социолог, востоковед. Был репрессирован, умер в Вятском ИТЛ НКВД СССР.

³⁶ Тележников 1929: 258.

³⁷ «Гр. Баммель» (псевдоним) – Бажбеук-Меликов Григорий Константинович (1900–1939), автор книги «На философском фронте после Октября» (1929). Умер в 1939 г. в Севвостлаге НКВД СССР (бухта Нагаево, Дальневосточный край).

³⁸ Баммель 1926: 48.

³⁹ Там же.

ду изложения Баммель чрезвычайно обильно цитирует немца в собственном переводе (это ли не «тройный конь»?), причём так увлекается, что местами даже забывает разоблачать. Не в силах скрыть своего восхищения, Баммель заканчивает статью словами:

«Таков Шелер. О Шелере напишут много книг. Ему посвятят не фельетоны, не статьи, а целые монографии, и не малое число этих монографий будет принадлежать перу общепризнанных припечатанных представителей так называемой «духовной культуры». Его имя будет украшать распухшие, как и его книги, богословские трактаты. Будут его превозносить за “тонкость” мысли, удивляться его “чуткости души”, а на невероятно витиеватое построение его пышнопорожных фраз будут указывать как на образец художественности. Одни назовут его величайшим психологом нашего времени, другие – гениальным основоположником нового понимания религии. Будут ли при этом его читать, трудно сказать, но, нет сомнения, его размышления о социальных недугах капиталистического общества положат на музыку, чтобы пролетарским массам попы затыкали уши лирической ватой»⁴⁰.

Трудно себе представить более комплементарный отзыв от идейного противника. Для умеющих читать между строк такая «критика» – лучшая рекомендация.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баммель Гр. Макс Шелер, католицизм и рабочее движение // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 47-68. [Bammel' Gr. Maks Sheler, katolitsizm i rabocheye dvizheniye. Pod znamenem marksizma. 1926. No. 7-8: 47-68 s.].
- Баммель Гр. Письмо в редакцию «Под знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1932. № 1-2. С. 217-225. [Pis'mo v redaktsiyu «Pod znamenem marksizma» // Pod znamenem marksizma. 1932. № 1-2. 217-225 s.].
- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции. Глава I / Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 23-44. [Batygin G.S. Preyemstvennost' rossiyskoy sotsiologicheskoy traditsii. Glava I / Sotsiologiya v Rossii. Pod red. V.A. Yadova. M., Izd. 2-ye. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 1998. 23-44 s.].
- Богданов А. Пределы научности рассуждения // Вестник коммунистической академии. 1927. Кн. 21. С. 244-263. [Bogdanov A. Predely nauchnosti rassuzhdeniya // Vestnik kommunisticheskoy akademii. 1927. Kn. 21. 244-263 s.].
- В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). Изд.2-е, доп. М.: Политиздат, 1987. 642 с. [V.I. Lenin i VCHK. Sbornik dokumentov (1917-1922 gg.). Izd.2-ye, dop. M.: Politizdat, 1987. 642 s.].
- Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.). СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний Сад. 2004. 528 с. [Dmitriyev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannaya Frankfurtskaya shkola (1920-1930-ye gg.). SPb.; M.: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, Letniy Sad. 2004. 528 s.].
- Кареев Н.И. Марксистская социология // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 113-162. [Kareyev N.I. Marksistskaya sotsiologiya // Mir Rossii. 1992. T. 1. № 1. 113-162 s.].
- Корсаков С.Н. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал 2013. Т. № 1(10). С. 135-163. [Korsakov S.N. Ivan Kapitonovich Luppul: renessansnyy chelovek v tiskakh stalinskogo rezhima // Filosofskiy zhurnal 2013. T. № 1(10). S. 135-163 s.].
- Корсаков С. Н. Политические репрессии в Институте философии (1930-е–1940-е годы) // Философский журнал. 2012. Т. № 1(8). С. 120-170. [Korsakov S. N. Politicheskiye repressii v Institute filosofii (1930-ye–1940-ye gody) // Filosofskiy zhurnal. 2012. T. № 1(8). 120-170 s.].
- Крупская Н.К. Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма» (Из воспоминаний) // Под знаменем марксизма. 1933. № 1. С. 147-

⁴⁰ Там же: 68.

149. [Krupskaya N.K. Obstanovka, v kotoroy pisalas' stat'ya Lenina «O znachenii voinstvuyushchego materializma» (Iz vospominaniy) // Pod znamenem marksizma. 1933. № 1. 147-149 s.].
- Ленин В. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5-12. [Lenin V. O znachenii voinstvuyushchego materializma // Pod znamenem marksizma. 1922. № 3. 5-12 s.].
- Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Выпуск I / Соч. Изд-е 4-е. М.: Госполитиздат, 1953. Т. 1. 1893-1894. С. 113-186. [Lenin V.I. Chto takoye «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? Vypusk I / Soch. Izd-ye 4-ye. M.: Gospolitizdat, 1953. T. 1. 1893-1894. S. 113-186 s.].
- Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / Полное собрание сочинений. Т. 23. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 42-48. [Lenin V. I. Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma / Polnoye sobraniye sochineniy. T. 23. Izd. 5-ye. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. 42-48 s.].
- Ленин В.И. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на восточный фронт на Пленуме Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г. / Полное собрание сочинений. Т. 38. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 277-290. [Lenin V.I. Doklad o zadachakh professional'nykh soyuzov v svyazi s mobilizatsiyei na vostochnyy front na Plenumе Vserossiyskogo Tsentral'nogo Soveta professional'nykh soyuzov 11 aprelya 1919 g. / Polnoye sobraniye sochineniy. T. 38. Izd. 5-ye. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. 277-290 s.].
- Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 19 марта 1922 г. / Неизвестные документы. 1891-1922. М.: РОССПЭН, 2017. С. 516-523. [Lenin V.I. Pis'mo V.M. Molotovu dlya chlenov Politbyuro TSK RKP(b). 19 marta 1922 g. / Neizvestnyye dokumenty. 1891-1922. M.: ROSSPEN, 2017. 516-523 s.].
- Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества / Теоретическая социология. Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. 432 с. [Luman N. «Chto proiskhodit?» i «Chto za etim kroetsya?». Dve sotsiologii i teoriya obshchestva / Teoreticheskaya sotsiologiya. Antologiya: V 2 ch. / Per. s angl., fr., nem., it. Sost. i obshch. red. S.P. Ban'kovskoy. M.: Knizhnyy dom «Universitet», 2002. Ch. 2. 432 s.].
- Малинкин А.Н. Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 175-186. [Malinkin A.N. Sotsiologiya znaniya M. Shelera i K. Mankheyma: sravnitel'nyy analiz metodologiy // Voprosy filosofii. 2015. № 11. 175-186 s.].
- Малинкин А.Н. Концепция феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019. 230 с. [Malinkin A.N. Kontsepsiya fenomenologii Maksa Shelera. Sheler vs Gusserl'. M.: Russkaya shkola, 2019. 230 s.].
- Минин С.К. (1) Философию за борт // Под знаменем марксизма. 1922. № 5-6. С. 122-127. [Minin S.K. (1) Filosofiyu za bort // Pod znamenem marksizma. 1922. № 5-6. 122-127 s.].
- Минин С.К. (2) Коммунизм и философия // Под знаменем марксизма. 1922. № 11-12. С. 184-199. [Minin S.K. (2) Kommunizm i filosofiya // Pod znamenem marksizma. 1922. № 11-12. 184-199 s.].
- Мочалов И.И. Репрессированная наука: становление феномена (1917-1922 г.) / Наука и тоталитарная власть (сб. статей) / Философские исследования. 1993. № 3-4. С. 107-130. [Mochalov I.I. Repressirovannaya nauka: stanovleniye fenomena (1917-1922 g.) / Nauka i totalitarnaya vlast' (sb. statey) / Filosofskiye issledovaniya. 1993. № 3-4. 107-130 s.].
- Огурцов А. Подавление философии / Суровая драма народа. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 353-374. [Ogurtsov A. Podavleniye filosofii / Surovaya drama naroda. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989. 353-374 s.].
- Освальд Шпенглер и конец Европы. Сборник статей. М.: Книгоиздательство «Берег», 1922. 95 с. [Osvald' Shpengler i konets Yevropy. Sbornik statey. M.: Knigoizdatel'stvo «Bereg», 1922. 95 s.].
- От редакции // Под знаменем марксизма. 1922. № 1-2. С. 4. [Ot redaktsii // Pod znamenem marksizma. 1922. № 1-2. 4 s.].
- Парсамов В.С. Журнальные рецензии как форма «классовой борьбы» в советской России начала 1920-х годов / Сад ученых наслаждений. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 209-226. [Parsamov V.S. Zhurnal'nyye retsenzii kak forma «klassovoy bor'byu» v

- sovetskoy Rossii nachala 1920-kh godov / Sad uchenykh naslazhdeniy. M.: Izdatel'skiy dom NIU VSHE, 2017. 209-226 s.].
- Парсамов В.С. Идеологическая экспертиза и историческое знание в большевистской России 1920-х – первой половины 30-х годов // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 222-249. [Parsamov V.S. Ideologicheskaya ekspertiza i istoricheskoye znaniye v bol'shevistskoy Rossii 1920-kh – pervoy poloviny 30-kh godov // Rossiya i sovremennyy mir. 2017. № 3 (96). 222-249 s.].
- Письмо научных работников Москвы товарищу Сталину // Фронт науки и техники. Орган ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений и ВАРНИТСО. 1936. № 1. С. 7-9. [Pis'mo nauchnykh rabotnikov Moskvy tovarishchu Stalinu // Front nauki i tekhniki. Organ TSK Soyuzu rabotnikov vysshey shkoly i nauchnykh uchrezhdeniy i VAR-NITSO. 1936. № 1. 7-9 s.].
- Постановление ЦК ВКП(б) О журнале «Под Знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1930. № 10-12. С. 1-3. [Postanovleniye TSK VKP(b) O zhurnale «Pod Znamenem marksizma» // Pod znamenem marksizma. 1930. № 10-12. 1-3 s.].
- Прения по докладу А. Богданова (Шатуновский, Карев, Асмус, Вайнштейн, Баммель, Кан) // Вестник коммунистической академии. 1927. Кн. 21. С. 263-283. [Preniya po dokladu A. Bogdanova (Shatunovskiy, Karev, Asmus, Vaynshteyn, Bammel', Kan) // Vestnik kommunisticheskoy akademii. 1927. Kn. 21. 263-283 s.].
- Тележников Ф.С. А. Оранский, Основные вопросы марксистской социологии // Вестник Коммунистической Академии. 1929. № 32. С. 258-261. [Telezhnikov F.S. A. Oranskiy, Osnovnyye voprosy marksistskoy sotsiologii // Vestnik Kommunisticheskoy Akademii. 1929. № 32. 258-261 s.].
- Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Петербург: Гос. изд-во, 1920. 178 с. [Trotsky L. Terro-rizm i kommunizm. Peterburg: Gos. izd-vo, 1920. 178 s.].
- Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Книгоиздательство «Берег», 1922. 122 с. [Frank S.L. Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk. M.: Knigoizdatel'stvo «Bereg», 1922. 122 s.].
- Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 568 с. [Shmitt K. Ponyatiye politicheskogo / Per. s nem. pod red. A.F. Filippova. SPb.: Nauka, 2016. 568 s.].
- Яковлев А.Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. 191 с. [Yakovlev A.N. Po moshcham i yeley. M.: Yevraziya, 1995. 191 s.].

Малинкин Александр Николаевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; lo_zio@bk.ru

“Criticism of bourgeois sociology” in Soviet Russia of the 1920s: the birth of a genre

The article discusses the real historical conditions and ideological prerequisites for the emergence of a special genre in Marxist sociology – «criticism of bourgeois sociology». The leader of the Bolshevik party and the founder of the Soviet state, V.I. Lenin, gave this criticism state-political significance, put forward its program, outlined its focus and set a pattern. Using concrete examples, he showed that the «principle of party affiliation» in philosophy is applicable as a universal methodology for suspecting and exposing ideological opponents. The causes are identified and the consequences of substituting doctrinal criticism with ideological unmasking initiated by V.I. Lenin are analyzed. The positive sociocultural functions of doctrinal criticism in essence are considered.

Keywords: V.I. Lenin, criticism, bourgeois, sociology, philosophy, ideology, politics, methodology, suspicion, exposure

Alexander N. Malinkin, Cand. Sci. (Philos.), leading researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center. Russian Academy of Sciences; lo_zio@bk.ru

ЕВГЕНИЙ АНАНЫН ПЕРЕД ПРОБЛЕМОЙ ИТАЛЬЯНСКОГО РЕНЕССАНСА

Статья посвящена участию русского историка-медиевиста Евгения Аркадьевича Ананьина, проживавшего в Италии, в дебатах вокруг концепции итальянского Ренессанса в первой половине XX в., его попыткам очистить поле ренессансных исследований от укоренившихся клише (в первую очередь от постулируемой антитезы Средневековья и Возрождения) и представления о Ренессансе как возвращении к античности). Значительная часть публикаций Ананьина в итальянских научных журналах – полемические статьи и рецензии, раскрывающие панораму ренессансных концепций в Европе 1920–1930-х гг. Русский исследователь выступал против зарубежных историков, обесценивающих оригинальность итальянского Возрождения, и в целом против попыток использовать понятие Ренессанса *ad usum proprium*. В настоящей статье речь пойдет о некоторых ренессансных концепциях и их авторах (Буркхард, Бурдах, Папини, Вальзер, Забугин, Нейман, Нордстрем), о которых говорит (или же, наоборот, умалчивает) Ананьин, и о его собственных взглядах, скрывающихся за критическими замечаниями. В статье затрагивается кампания против оккупации иностранцами поля ренессансных исследований, развернутая в Италии в середине 1930-х гг., и связанное с этой кампанией открытое противостояние Ананьина итальянскому мыслителю и литератору Джованни Папини, ставшему во главе открывшегося во Флоренции в 1937 г. Национального института ренессансных исследований.

Ключевые слова: *русская итальянистика, ренессансные исследования, итальянский Ренессанс, Е.А. Ананьин, В.Н. Забугин, Дж. Папини*

«Исследуя представления о Ренессансе в истории, я сталкивался с различными интерпретациями, которые из-за своей надуманности, стремления к упрощению или к тенденциозной схематизации должны быть без раздумий забракованы или по меньшей мере глубоко переработаны и исправлены»¹. Такой вводной полемической репликой начинается обобщающий труд Евгения Ананьина «Понятие “*rinascita*” в Средние века: V–X вв.», опубликованный в 1958 г. Эта работа явилась суммой высказанных несколькими десятилетиями ранее (в 1930-ые-начале 1940-х гг.) историко-философских воззрений Ананьина, выступавшего на страницах итальянских научных журналов за очищение поля ренессансных исследований от укоренившихся клише.

Евгений Аркадьевич Ананьин (Eugenio Anagnine) (1888 Москва – 1965 Венеция) историк-медиевист (в рассматриваемой нами ипостаси), участник революционного движения, меньшевик². Одним из основных предметов исследований Ананьина-медиевиста стала культура эпохи Возрождения. Получив историко-философское образование в Высшей школе социальных наук при Сорбонне, он обосновался в Италии в 1920-х гг. В ренессансные исследования он погрузился не сразу. Первое время в Италии Ананьин был активным участником научных дебатов во-

¹ Anagnine 1958: IX.

² Подробнее об Ананьине-ученом и Ананьине-революционере см.: Гардзонио 2000.

круг русской революции, работал над осмыслением революционных событий и политических проблем советской России. Неудачи с публикацией его трудов, которые он, в частности, пытался напечатать в журнале «Либеральная революция» (*Rivoluzione Liberale*) итальянского антифашистского мыслителя Пьеро Гобетти (*Piero Gobetti*)³, побудили его переключиться с острозлободневной тематики на более спокойную, на первый взгляд, область медиевистики. С 1930-х гг. вплоть до своей кончины в 1965 г. Ананьин опубликовал в Италии несколько монографических исследований и множество научных статей о проблемах Средневековья и Ренессанса, имевших, однако, скромную популярность преимущественно среди итальянских филологов и историков. Его монография о Пико делла Мирандола (*G. Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463-1494. Bari: G. Laterza & Figli, 1937*), вышедшая при поддержке Бенедетто Кроче также не получила широкой известности, хотя была новаторской для своего времени как по охвату источников⁴, так и по предлагаемой оценке творчества ренессансного автора⁵.

Одним из лейтмотивов работ Ананьина периода его интенсивных ренессансных исследований 1930-х гг. является очищение понятия Возрождения от клише, переоценка устоявшихся в итальянской (и в целом европейской историографии) догм и канонов, которые начали формироваться в эпоху Просвещения. Окончательный ренессансный канон и значение эпохи для итальянской историософии (во многом связанные с поиском национальной идентичности недавно объединенного Итальянского государства и итальянского народа) утверждаются в последней четверти XIX столетия. Этот «ренессансный стандарт» складывается во многом под влиянием концепции швейцарского историка Якоба Буркхарда: взгляд на Возрождение как на эпоху разлома, разрыва со Средневековьем; Ренессанс как возрождение классической языческой культуры, способствовавшей освобождению от схоластики; практически полное замалчивание значения христианства в культуре Возрождения. В знаменитой работе Буркхарда «Культура Италии в эпоху Возрождения», опубликованной в канун объединения Италии, отчетливо звучит мысль о том, что ренессансная культура является выражением духа итальянского народа и с Ренессанса, собственно, и начинается новая эра в Италии – время обретения подлинного национального самосознания. Эти и другие идеи, выраженные швейцарским историком, были абсолютно созвучны идеалам Рисорджименто, а затем течению итальянского неоидализма в его различных модификациях. Тезисы Буркхарда прочно укрепились в ренессансной историографии, и Ананьин почти во всех своих статьях и рецензиях не перестает их опровергать, утверждая, что

³ Подробнее о социально-политических работах Ананьина 191–1920 х гг. и его переписке с П. Гобетти см.: Саббатини 2011.

⁴ Например, Ананьин был первым, кто подробно исследовал с помощью профессоров Иерусалимского университета каббалистический корпус работ Пико делла Мирандола и использованные им первоисточники.

⁵ Подробнее см.: Рици 2019, Гардзонно, Сульпассо 2011.

концепция швейцарского историка больше не удовлетворяет требованиям современной исторической критики и требует коррекции.

В 1934 г. в *Nuova rivista storica*⁶ была опубликована статья «Проблема Ренессанса», в которой Ананьин представил основные концепции Возрождения, а также сформулировал свой подход к исследованиям. Главный редактор журнала итальянский историк Коррадо Барбагалло (*Corrado Barbagallo*)⁷ в сноске выражает сожаление из-за размещения статьи в разделе «Обзоры» и подчеркивает, что это «не просто критический обзор некоторых недавних публикаций, а это горячая, умнейшая и оригинальная апология итальянского Ренессанса»⁸. Основываясь на вышедших в 1920-е – начале 1930-х гг. трудах по истории, культуре и философии эпохи Возрождения (Вальзер, Нейман, Нордстрем, Тоффанин), Ананьин своей работой показывает несостоятельность концепции Якоба Буркхарда и его школы. В первую очередь русского историка занимает вопрос об отмене постулируемой антитезы Средневековья и Возрождения, а также представления о Ренессансе как возвращения к античности. Затем Ананьин критикует получившие большое распространение в послевоенные годы пангерманские и франкофильские концепции, обесценивающие оригинальность итальянского Возрождения. Критика Ананьина направлена также и против распространившихся в период после Первой мировой войны философских и художественных произведений, которые обвиняли Ренессанс во всех бедах и катастрофах Европы, при этом идеализируя Средневековье и представляя его свободным от искушений возрожденческой эпохи (Честертон, Марсель, Бердяев, Папини). Подобные интерпретационные ходы не прибавляют, по Ананьину, ничего нового к уже известным буркхардианским тезисам: меняются лишь оттенки с «просвещенческих» на «катастрофические» поствоенной эпохи⁹. В то же время критикуемые концепции подтверждают удивительную жизнеспособность тезисов Буркхарда, представляя собой различные их модификации и мутации.

Среди заслуг углубленных исследований Ренессанса последних десятилетий Ананьин особо выделяет прояснение отношений и нахождение родства между средневековой и возрожденческой эпохами. Здесь русский историк особо выделяет вклад швейцарского историка Эрнста Вальзера (*Ernst Walser*) и ставит ему в большую заслугу тот факт, что он продемонстрировал сохранение в ренессансную эпоху многочисленных

⁶ 1930-е гг. были сложными для журнала, т.к. редакция держала независимый от политической конъюнктуры курс. С 1933 г. журнал был вынужден сократить количество выпускаемых номеров и страниц, чтобы выжить. Возможно ещё и с этим связан нижеуказанный факт размещения публикации Ананьина в разделе «Обзоры».

⁷ Дирекция журнала состояла из нескольких человек, но всего вероятнее, что статьи Ананьина проходили именно через Барбагалло, т.к. он специализировался в том числе на ренессансной эпохе. В 1936 г. вышла его монография «Эпоха Ренессанса и Реформы (1454–1556)», рецензия на которую в том же журнале «Обзоры», см.: *Anagnine 1936*.

⁸ *Anagnine 1934*: 555 [n. d. D.]

⁹ *Anagnine 1934*: 556.

религиозных проявлений Средневековья и указал на то, изменение в отношении религии и догмы от Средневековья к Ренессансу не был столь драматичным как принято считать. Гуманизм, по Вальзеру, это «бунт против рационализации веры, против засилья схоластического метода», не восстание против католицизма как такового, но всегда против конкретных несовершенств церковного устройства, которые расходились с апостольским идеалом и, соответственно, атеизм гуманистов развеивается при более детальном исследовании: «Всё это верно не только по отношению к таким фигурам как Салютати или Бруни... но также и по отношению к тем, кого принято относить к языческому, свободолюбивому, распущенному и атеистическому Ренессансу, например, Лоренцо Медичи или Луиджи Пульчи; даже эти, если и не всегда оказываются примерными христианами, всё же – при более детальном рассмотрении – под скептической и эпикурейской наружностью хранят глубинные потенции чистого религиозного чувства»¹⁰.

Согласно Ананьину, труд Вальзера «оправдывает гуманистическое течение перед католической традицией». Но тут же русский историк предлагает свое *contra*: «Недостаточно вычислить искренность веры того или иного гуманиста или мыслителя, недостаточно отрицать в Гуманизме существование течений явно атеистических и материалистических... необходимо исследовать мог ли основной подход Гуманизма к проблеме жизни и сознания способствовать медленному ли или стремительному распаду и обесцениванию католическо-средневеково-трансцендентального идеала (“католический” и “средневековый” здесь для меня просто синхронные термины), мог ли он или нет, хоть и поступательно и через бесконечные борьбу и противостояние привести к выработке новых концепций философии, религии, морали абсолютно противоположных средневековому традиционализму, несовместимых с принципами и основами Католицизма»¹¹. У Ананьина нет сомнений в положительном ответе, в том, что Ренессанс – это «бунт постепенный, но радикальный против средневековых ценностей»¹². Он смотрит на Ренессанс не «статично» (за что и критикует Вальзера) а «динамично»: не в его непосредственном явлении и становлении, но в его отдаленных последствиях, в проекте, возможностях. Русский историк не отрицает значительность христианской компоненты Ренессанса, так как для его собственной концепции важна континуальность между Средневековьем и периодом Возрождения, в который итальянская мысль начала создавать новый духовный порядок, используя достижения средневековых религиозно-философских идей и в то же время разрушая громоздкую схоластическую философию, которая жила прошлыми славными заслугами. Ключевым в концепции Ананьина является подчеркивание бунта (хоть и отсроченного) ренессансных деятелей против католического средне-

¹⁰ Ibid: 559.

¹¹ Ibid.: 559-560.

¹² Ibid: 572.

векового идеала. Среди завоеваний эпохи он выделяет укрепление средневекового универсализма и оформление нового восприятия человека, Бога, природы, ставшее возможным после долгой критической работы гуманистов над античными и средневековыми источниками.

Высоко оценивая монографическое исследование Вальзера, опубликованное в 1932 г.¹³, Ананьин не освещает тот факт, что швейцарский ученый был далеко не первым, кто преодолел разрыв Средневековье-Ренессанс и выявил континуальность религиозно-философской мысли двух эпох. Ключевой вклад принадлежит другому швейцарскому историку Конраду Бурдаху (Konrad Burdach) и его работе «Реформация. Ренессанс. Гуманизм» (1918). В некрологе по случаю смерти ученого в 1936 г. Ананьин особо подчеркнет тот факт, что Бурдах различил в идеях итальянского гуманизма «глубинные, жизненные, национальные, религиозные переживания от формул абсолютно формальных, лингвистических, стилистических»¹⁴, однако, в рассматриваемой статье и других своих работах он говорит о Бурдахе преимущественно в критическом ключе, считая его концепцию заблуждением не менее сильным и опасным (хоть и в корне противоположным), чем идеи Буркхарда. Бурдах, по мнению Ананьина, «растворяет ренессансную идею в средневековой концепции «*renovatio*», лишая тем самым Возрождение его наиболее ярких характеристик»¹⁵. В своих исследованиях швейцарский историк, действительно, обращает внимание на глубокую связь Средневековья и Возрождения и особо выделяет религиозную составляющую последней, но при этом он не склонен отрицать уникальность и обновляющую силу, заложенную в эпохе.

Не упоминает Ананьин и про концепцию «христианского Возрождения» своего соотечественника – признанного филолога и глубочайшего знатока ренессансной культуры, автора книги «История христианского Возрождения в Италии» (1924) – Владимира Забугина¹⁶. Труды последнего были, разумеется, знакомы Ананьину. По-видимому причину надо искать в непростой «ренессансной конъюнктуре», сложившейся в академических кругах Италии 1920х – 30х гг. В конце 1920-х концепция «христианского Возрождения» Забугина и в целом большой массив его историко-философских трудов были подвергнуты острой идеологической критике¹⁷. Упоминать о «вычеркнутых» из анналов итальянской науки было не безопасно. Однако, судя по открытой полемике Ананьина с видными итальянскими учеными, присягнувшими фашистскому режиму, он был достаточно бесстрашным. Вероятнее предположить коренное расхождение исследовательской оптики. Несмотря на общие темы и единое страстное желание преодолеть стереотипы, сложившиеся

¹³ Walser E. *Gesammelte Studien zur Geistesgeschichte der Renaissance*. Basel, 1932.

¹⁴ Anagnine 1937a: 82.

¹⁵ Anagnine 1958: IX.

¹⁶ О биографии и работах Забугина см. Надзаро 2014; Рицци 2019; Селунская 2019.

¹⁷ Об этом см. Кусенко 2019.

вокруг понятия Ренессанса, всё же Ананьин и Забугин – две совершенно разные души. Забугин, действительно, утвердил своим исследованием религиозный характер итальянского Ренессанса (само название концепции «христианское Возрождение» бросало решительный вызов «языческому» Ренессансу Буркхарда и «двойному» Людвиг Пастора). Русский мыслитель подчеркивал, что «христианское Возрождение» является, по существу, возвращением к раннехристианской умонастроенности и что «“ренессансы” такого рода повторяются на определенных поворотах истории на протяжении всего Средневековья восточного и западного. Мощный гений Данте, Джотто, Никколо Пизано представляет собой не что иное, как последнюю волну, самую величественную, самую бурную»¹⁸. Не умаляя оригинальность и историческую значимость итальянского Ренессанса, Забугин смог продемонстрировать в своей работе четкую и уверенную преемственность христианской цивилизации, которая, благодаря преобразованиям в ренессансный период смогла обогатиться, не забывая в своем новаторстве соотносить свой путь с евангельскими идеалами и заветами Отцов Церкви. По сути, Забугин, признанный итальянскими коллегами¹⁹ блестящим знатоком латинских и итальянских первоисточников и итальянской культуры, десятилетием раньше Вальзера «оправдал гуманистическое течение перед католической традицией». Определенно заслуживал упоминания и новаторский для своего времени междисциплинарный подход Забугина к ренессансным исследованиям, который он обозначал следующим образом: «На правах совершенной равнозначности мы исследуем все проявления “христианского Возрождения” в поэзии, в изобразительном искусстве, в архитектуре, в музыке... Человеческая культура должна быть изучаема не иначе как органическое целое самых различных проявлений, несхожий по форме, но идентичных по содержанию»²⁰. Отсутствие ссылки на Забугина, молчание Ананьина определенно говорящее и имеет отношение как к академическому климату Италии 1930-х, так и к глубоко личным концептуальным убеждениям Ананьина, склонному фокусироваться на логике развития самих идей, часто независимой от индивидуальных характеристик тех, кто их поддерживает.

С большой тщательностью Ананьин разбирает франкофильскую концепцию²¹ шведского историка Йохана Нордстрема (Johan Nordström), склонного отрицать оригинальность итальянского вклада, считая настоящим Ренессансом именно французский²² XII–XIV вв. и, таким

¹⁸ Zabughin 1924: 3.

¹⁹ О высокой оценке творчества Забугина среди итальянских филологов, историков и философов см. Sabbadini 1912; 1922; Carrara 1924; Rossi 1919; Gentile 1989; Campana 1990.

²⁰ Zabughin 1924: 6.

²¹ Nordström J. Le Moyen Âge et la Renaissance. Parigi, 1933.

²² В рецензии на работу французского исследователя Франца Функ-Бретано (Frantz Funk-Bretano), который находит влияние итальянского Ренессанса на французскую культуру скорее вредоносным, вторгающимся в естественный ход её развития, Ана-

образом, сдвигая датировку эпохи Возрождения на три века. Роль Италии сводится в его концепции лишь к распространению по Европе созданных во Франции новых тем и форм мысли. Петрарка, Данте, Макиавелли и другие деятели ренессансной Италии оказываются у Нордстрема последователями и имитаторами достижений французов, «звеньями в тысячелетней цепи французской культуры»²³, не прибавившими ничего оригинального к уже существовавшей до них литературной и философской традиции. Не отрицая того факта, что итальянский Ренессанс вместил в себя усилия и достижения предшествующих европейских поколений, Ананьин считает несостоятельным тезис Нордстрема и полагает, что случилось как раз обратное: уже к середине XIV в. произошло относительное понижение философской культуры, в том числе в оном из основных ее центров – в Париже – что, как утверждает Ананьин, «сделало из Ренессанса кузницу и предвестника новых тем... придало итальянскому Ренессансу уникальные черты эпохи великого подъема, цветения культуры, духовного обновления»²⁴. Интерпретация Нордстрема, согласно Ананьину, не решает проблемы Ренессанса, а подобно Буркхарду и его школе (критику которых Ананьин всё время держит в уме в связи с рассматриваемыми концепциями Ренессанса) проводит демаркационную линию между варварством Средневековья и интеллектуальной утонченностью Ренессанса: будто последний это *deus ex machina* без связей с прошедшим. Разницу между двумя историками Ананьин видит лишь в дате начала эпохи Возрождения: Нордстрем отодвигает эту дату почти на три века назад.

В связи с критикой ренессансных концепций, обесценивающих вклад Италии, Ананьин затрагивает важную и тонкую тему национальных корней итальянского Ренессанса. На протяжении всех веков после падения Римской империи в Италии присутствовал, по выражению Ананьина, «уникальный ментальный габитус»²⁵, состоящий в том, что страна ощущала себя наследницей и хранительницей духовного и идейного достоинства Рима. Универсализм Средневековья (а затем Ренессанса) был ни чем иным, как попыткой вместить в себя все предшествующие достижения греческой, римской, христианской культуры, охватить, синтезировать и понести дальше все достижения предшествующих веков, распространяя универсализм на все народы Европы. Поэтому греческие и латинские литературные и философские тексты, их авторы и герои были для итальянцев не просто предметом абстрактных штудий или эстетического любования, но живой частью дрящущейся истории Рима. В Италии сложилась собственная историософская концепция, в которой,

наньин подчеркивает, что тезис о северном (Франция, Фландрия) «Настоящем Ренессансе» не новый, а восходит к французскому историку второй половины XIX в. Луи Куражо (Louis Courajod). См.: Anagnine 1937b.

²³ Anagnine 1934: 583.

²⁴ Ibid P. 561.

²⁵ Ibid: 579.

например, фигура Вергилия²⁶, согласно Ананьину, представляла для итальянцев «символ исчезнувшей римской власти, неистребимое обаяние цивилизации, которая продолжала служить уроком и стимулом и быть объектом печальных сожалений и ностальгии, духовным завещанием великих мертвых часто ничтожным живым»²⁷. Эта тоска по возрождению Империи, по её величию, соединявшаяся с надеждой на великое будущее итальянского народа, призванного вслед за римским к мессианскому служению в Европе – составляли, по Ананьину, итальянский Ренессанс, который поэтому не мог быть просто репликой или имитацией достижений других национальных европейских культур. Не иметь собственных идей, не проявить себя ни в добром, ни в худом, ни в великом, ни в малом, но слепо следовать за чужими свершениями считалось порочным у итальянских гуманистов. Недаром Владимир Вениаминович Бибихин замечает, что у Данте «самой беспросветной доли в его аде удостаиваются не злодеи, а бездеятельные»²⁸. И Ананьин подчеркивает, что итальянский гуманизм уделял особое внимание нуждам своего времени, был деятельным. Заклучая свою ренессансную «апологию», русский историк постулирует «двойную сугубую оригинальность» итальянского Возрождения: «оригинальность по отношению к классической античности и оригинальность по отношению к культурному наследию трансальпийских стран»²⁹.

В целом очень аккуратные тезисы Ананьина укладывались в рамки «разрешенных» в Италии 1930-х гг. представлений о Ренессансе: русский историк утвердил национальный гений итальянского Ренессанса, его преемственность и вместе с тем бунт против средневековых идеалов, активную позицию гуманистов по отношению к преобразованию реальности и, главное, обновленческий и новаторский пафос эпохи, положившей начало современной европейской цивилизации. Эта связь Ренессанса с последующим ходом историко-культурного развития была важна для Кроче, который считал, что Ренессанс начал сводить с небес на землю духовные ценности, созданные христианством, а эпоха Просвещения продолжила и усовершенствовала начинания ренессансных деятелей, радикализовала их. Для Джентиле также первостепенной

²⁶ И здесь, упоминая про значимость фигуры Вергилия в эпоху Средневековья и Возрождения, Ананьин не ссылается на Забугина, на его известную двухтомную монографию «Вергилий в эпоху итальянского Возрождения от Данте до Торквато Тассо» (1921–1923). Забугин прямо говорит в этой работе, что Вергилий был для Возрождения «оплотом римского духа, идеи цивилизационной мощи Рима» (Zabughin 2000: 415).

²⁷ Anagnine 1934: 579.

²⁸ Бибихин 1998: 274. Бездеятельные (*ignavi*) описаны в третьей песне (22–69) Ада Данте. Наименование «*ignavi*» Данте приписывает грешникам, которые были как бы мертвы при жизни (предпочитали не проявлять себя, не иметь собственных идей, оставаться всегда нейтральными и выступать на стороне сильного) и не заслуживают даже адских мук, но обречены вечно бежать обнаженными за знаменем, вращающимся вокруг своей оси, и быть терзаемыми слепнями и осами.

²⁹ Anagnine 1934: 594.

была связь итальянского Ренессанса с ходом дальнейшего развития мысли и с торжеством национального гения Италии. В его концепции были неразрывно связаны три периода Ренессанс-Рисорджименто-фашизм, из которых первый заложил основы становления последующих. Конечно, с обоими мэтрами итальянской философии Ананьину было о чем полемизировать, однако, открыто он выступал именно против зарубежных «разрушителей» образа итальянского Ренессанса, защищая его от популярной особенно в межвоенные годы эксплуатации эпохи *ad usum proprrium*.

Несмотря на несомненные заслуги перед итальянским Возрождением Ананьин всё же попал в категорию неблагонадежных иностранных исследователей, когда в середине 1930-х гг. в Италии развернулась целенаправленная кампания против оккупации «чужаками» поля ренессансных исследований. В 1935 г., планируя проведение международного конгресса, посвященного эпохе Возрождения, ректор Флорентийского университета Биндо де Векки (Bindo De Vecchi), написал Муссолини о необходимости поднятия среди итальянских ученых интереса к области ренессансных исследований и закреплении за ними неоспоримого первенства в этой области, т.к. «до сих пор иностранцы являются самыми глубокими знатоками этого периода нашей истории»³⁰. Председателем состоявшегося в 1937 г. на вилле Поджо-а-Каяно конгресса, а потом и главой Национального Института Ренессансных исследований во Флоренции (создание и основные направления работы которого обсуждались на конгрессе) был избран итальянский мыслитель Джованни Папини (Giovanni Papini)³¹. Продолжая официально заданную линию, Папини в своем интервью 1937 г. газете «Фашистский труд» повторил мысль про силье иностранных исследователей и имплицитно указал на Ананьина как на одного из таких авторов. Слова из данного интервью приводит в своей публикации итальянская исследовательница Джузеппина Ларокка: «...Исследователи Возрождения – почти все иностранцы и среди самых современных два – русские, а один – скандинав. Иностранные исследователи, несущие – почти всегда – свою протестантскую и демократическую ментальность. Возрождение начинается с Данте, в Италии, и оно является периодом абсолютного господства итальянского творческого гения в мышлении, в искусствах, в политике. Эта атака – хотя и лишена решительного фундамента – заслуживает большего внимания, в том числе потому, что она опасна»³². Отсылку к «двум русским» Ларокка комментирует следующим образом: «Нескрываемая отсылка к двум русским ученым не могла не относиться к Владимиру Забугину, автору посмертной «Истории христианского Возрождения» и

³⁰ Цит. по: Seardo 2015: 186.

³¹ Согласно документам, сохранившимся в архиве Особого Секретариата Дуче (см. Рицци 2019), в 1937 г. Ананьин делал попытки занять пост главы Национального Института изучения Возрождения во Флоренции.

³² Цит. по. Ларокка 2019: 166.

самому Ананьину, единственным русским голосам на тему истории итальянской культуры между XIII и XVI веками (Николай Оттокар, другой исследователь, был специалистом по коммунальному периоду)»³³. Конечно, «неудобные» концепции Забугина и Ананьина, претендующие на переосмысление глубинных мотивов и значения Ренессанса в европейской культуре, а, главное, - на очищение его от мифов и клише, были, по выражению Папини, «наступлением» на сложившуюся традицию.

Евгений Ананьин, в свою очередь, открыто, достаточно смело и резко ответил Папини и подробно разобрал его статью «Мысли о Ренессансе»³⁴ (1937 г.) в своей публикации «Дж. Папини и Возрождение», вышедшей со значительным запозданием лишь в 1939 г. в «Новом Историческом Журнале». Теперь критика Ананьина была направлена против внутренних искажений и схематизаций Возрождения, против итальянского академика, утвержденного стражем «итальянскости» Ренессанса самим Дуче³⁵. Подхватывая слова из интервью Папини, Ананьин пишет: «Так как до сих пор, согласно Папини, Ренессансом занимались больше всего «иностранные исследователи, которые внесли свою протестантскую и демократическую ментальность» (!? Буркхард, к примеру, вполне себе «протестант» и «демократ»! И потом наиболее близкие к нам Пастор и Забугин – иностранцы да, но католики и какие!), выказывая непонимание католических ценностей, римских, итальянских того исторического периода, это вызвало необходимость защищать их, и вот почему сам Папини начал публиковать свой “Rinascita”».³⁶ После этого вступления Ананьин предлагает читателям подробный разбор основных тезисов Папини о Ренессансе.

Надо заметить, что в целом концепция Ренессанса Папини, который на момент занятия должности руководителя Института, был уже маститым литератором и мыслителем, органично выростала из его предшествующего творчества. Ещё в ранний период своего сотрудничества с журналами «Ла Воче» (La Voce) и «Лачерба» (Lacerba) и серьезного увлечения прагматизмом формируется важная для Папини концептуальная связка между деятельностью, религией и искусством и понимание мыслителем творчества как той сферы, где человек, активно преображая материю мира, уподобляется Богу. Именно в ренессансной эпохе, для Папини, воплотился идеал человеческого призвания сотрудничества Творцу, соединения с Ним, возвращение к Нему через свободное творчество. И в великих умах Возрождения он угадывает именно такие стремления, например, в уста Пико делла Мирандола он вкладывает следующие слова: «Целью всего моего творчества, всех моих трудов,

³³ Там же: 166-177.

³⁴ Доклад «Мысли о Ренессансе», прочитанный Папини на конгрессе 16 мая 1937 г. затем был опубликован под тем же названием в первом номере журнала Национального Института Ренессансных исследований «Возрождение» (Rinascita).

³⁵ О взаимоотношениях Ананьина и Папини см.: Larocca. 2018; Larocca 2019.

³⁶ Anagnine 1939: 109.

всей моей жизни было снова привести человека к Богу, вернуть человека к Богу, возратить человеку его божественное предназначение, вернуть его к его божественным истокам, к его исконной божественной природе, в общем, я мечтаю быть, примирителем божественного и человеческого, примирителем творения со своим Творцом, Адама со Христом».³⁷ И подобное возвращение человека к Богу происходило, по Папини, именно в период Ренессанса, который в отличие от Средневековья (итальянский мыслитель решительно противопоставляет две эпохи) не умерщвлял и не умалял человеческую природу, не замыкал свободную мысль в созерцании или пустом теоретизировании, наоборот, обратился от абстрактных понятий к познанию человека и мира. Папини особо подчеркивает религиозность Ренессанса, именно «правильную» религиозность по сравнению с умаляющей человека средневековой аскезой. Эпоха Возрождения для него – это возвышение человека без вытеснения Бога. Из этих соображений вытекает основной яркий тезис разбираемой Ананьиным статьи «Мысли о Ренессансе»: «Творцы искусства против творцов отвлеченных понятий» (*Artisti contro Astrattisti*). Папини пишет: «Ренессанс – это реванш поэтов над философами, имеющих воображение над рационалистами, первооткрывателей и исследователей над созерцателями лишь внутреннего или логического мира, натуралистов над строящими силлогизмы, в общем, творцов искусства над творцами отвлеченных понятий».³⁸

Критикуя тезисы Папини, Ананьин продолжает последовательно отстаивать неприемлемость антитезы Средневековье-Ренессанс и чрезмерного преувеличения религиозной компоненты последнего. Русский историк подчеркивает, что «самые яростные отрицатели Средневековья не клеветали на него так, как Папини». А выдвигание на первый план сочетания религиозной и творческой составляющих представляется Ананьину «спектаклем», пародией на Ренессанс, «искуплением рода человеческого кисточкой и резцами»³⁹. В концепции Папини решительно всё вызывает негодование Ананьиного, отчего в статье встречаются прямые выпады против итальянского автора: «мастер небольших и вкусных сентенций»⁴⁰ или «любит обобщать и совсем не любит уточнять»⁴¹. Статья написана с нескрываемым волнением за дальнейший ход развития ренессансных исследований в Италии. Ведь ложные, по

³⁷ «Ma alla fine di tutto il mio pensiero, di tutte le mie fatiche, di tutta la mia vita era di ricondurre l'uomo a Dio, di restituire all'uomo la sua divina impronta, di ricondurlo alla sua divina origine, alla sua primordiale divina natura, sogno di essere, insomma, il riconciliatore del divino e dell'umano, il riconciliatore della creatura col suo Creatore, di Adamo con Cristo» Papini 1963: 567-568.

³⁸ «La Rinascita è la rivincita dei poeti sui filosofi, dei fantastici sui razionalisti, degli scopritori e indagatori della creazione sui contemplanti del puro mondo interiore o logico, dei naturalisti contro i sillogizzanti, insomma degli Artisti contro gli Astrattisti» Papini 1947: 11.

³⁹ Anagnine 1939: 113.

⁴⁰ Ibid: 109.

⁴¹ Ibid: 112.

Ананьину, представления об эпохе, против которых они много раз выступал, с новой силой зазвучали из уст директора только что открытого исследовательского Института, претендующего на первенство в освещении проблем Ренессанса. Ананьин восклицает: «Что нового открыл Папини? Открытие и переоценка человека? Но об этом уже Я. Буркхардт. Непрерывность религиозного характера Ренессанса? Это уже утвердил К. Бурдах. Папини примирил два тезиса в то, что, по его мнению, составляет «синтез», добавив в свой актив несколько страничек не лишенных риторического папианского лиризма...Папини не разрушил ни один предрассудок, не поставил никакой новой проблемы. Ничего не построил, ничего не обновил»⁴². В этих словах ключевая характеристика творчества самого Ананьина. Он историк, взвешенно исследующий факты и идеи. Папини – ведущий итальянский интеллектуал и мыслитель, идеи которого в силу обстоятельств времени работали на создание мифологизированного образа эпохи, прославляющего историко-культурное прошлое фашистского режима.

Свой критический разбор Ананьин завершает пожеланием официальному голосу Института ренессансных исследований – журналу *Rinascita* – опубликовать более взвешенные исследования, «не претендовать на отмену долгой традиции исследований (как итальянских, так и зарубежных) и не предвещать апокалиптическим тоном наступление для нашего бедного Ренессанса неизвестно какой новой и прекрасной эры»⁴³. Нет, журнал под руководством Папини продолжил вести ренессансные исследования в том же концептуальном ключе, действительно, предвещая для Италии прекрасную эру «третьего Ренессанса». Голосу Кроче непросто было противостоять мощному потоку новой мифологизации Возрождения, а Ананьину, иностранному исследователю, едва получившему итальянское гражданство⁴⁴, это было вовсе не под силу.

Труды Ананьина в Италии сейчас изучаются в основном славистами как пример диалога культур и участия русских эмигрантов в научной жизни страны. Специалисты по Возрождению значительно продвинулись в освещении различных проблем эпохи и, пожалуй, работы Ананьина уже не открывают новых горизонтов для ученых. Однако непрестанные попытки русского историка расчистить поле ренессансных исследований от клише и стереотипов, уйти от общих мест в исследование конкретных фактов, переменить идеологическую ориентацию на проблемную - до сих пор сохраняют свою актуальность как в европейской, так и в отечественной науке, где большинство критикуемых Ананьиним тезисов до сих пор доминируют.

⁴² Ibid: 113.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ананьин получил итальянское гражданство в 1937 году благодаря поддержке Дж. Джентиле.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М.: Прогресс-Традиция, 1998. [Bibihin V.V. Novyj Renesans. M.: Progress-Tradicija, 1998].
- Гардзонио С. Евгений Ананьин-русский революционер и исследователь итальянской культуры // *Res Philologica* – II. Филологические исследования. СПб.: Петрополис. 2000. С. 73-81. [Gardzonio S. Evgenij Anan'in-russkij revoliucioner i issledovatel' ital'janskoj kul'tury// *Res Philologica* – II. Filologicheskie issledovaniya. SPb.: Petropolis. 2000. S. 73-81].
- Гардзонио С., Сульпассо В. Осколки русской Италии. Книга I. Русский путь. М. 2011. [Gardzonio S., Sul'passo V. Oskolki russkoj Italii. Kniga I. Russkij put'. M. 2011]
- Кусенко О.И. Итальянские рецензенты концепции «христианского Возрождения» Владимира Забугина // *Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и Дальнем Востоке*. 2019. №3. С. 92-98. [Kusenko O.I. Ital'janskie recenzenty koncepcii "khristianskogo Vozrozhdeniya" Vladimira Zabugina // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i Dal'nem Vostoke*. 2019. №3. S. 92-98].
- Ларокка Д. Пространство и “следы” Ренессанса. Евгений Ананьин и Джованни Папини // *Диалог со временем*. 2019. №69. С. 161-171. [Larocca G. Prostranstvo i "sledy" Renesanssa. Evgenij Anan'in i Giovanni Papini // *Dialog so vremenem*. 2019. №69. S. 161-171].
- Надзаро А. *A bono in bonum*. В.Н. Забугин: от «Судьбы Вергилия» до «Христианского Возрождения в Италии» // *Россия-Италия: культурные и религиозные связи в XVIII-XX веках*. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205-224. [Nadzaro A. A bono in bonum. V.N. Zabugin: ot «Sud'by Vergiliya» do «Khristianskogo Vozrozhdeniya v Italii» // *Rossiya-Italija: kul'turnye i religioznye svyazi v XVIII-XX vekah*. SPb.: Aleteya, 2014. S. 205-224].
- Рицци Д. Ананьин Евгений Аркадьевич // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия*. М.: РОССПЭН, 2019. С. 52-55. [Rizzi D. Anan'in Evgenij Arkad'evich // *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine XX veka: enciklopediya*. М.: ROSSPEN, 2019. S. 52-55].
- Рицци Д. Забугин Владимир Николаевич // *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия*. М. 2019. С. 262-265. [Rizzi D. Zabugin Vladimir Nikolaevich // *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine XX veka: enciklopediya*. М.: ROSSPEN, 2019. S. 262-265].
- Саббатини М. Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные Музы». К истории русско-итальянских отношений. Салерно. 2011. С. 343-359. [Sabbatini M. Evgenij Anan'in i P'ero Gobetti: pis'ma o Rossii (1924–1925 gg.) // «Bespokojnye Muzy». K istorii russko-ital'janskih otnoshenij. Salerno. 2011. S. 343-359].
- Селунская Н.А. Чужая страна прошлого, или история с географией. Помпоний Лэт и Владимир Забугин // *Диалог со временем*. 2019. №.69. С. 17-29. [Selunskaya N.A. Chuzhaya strana proshlogo, ili istoriya s geografiej. Pomponij Let i Vladimir Zabugin // *Dialog so vremenem*. 2019. №. 69. С. 17-29].
- Anagnine E. Il problema del Rinascimento // *Nuova Rivista Storica*. 1934. VI. Novembre-Dicembre. P. 573-594.
- Anagnine E. Recensione a C. Barbagallo L'Eta della Rinascenza e della Riforma (1454–1556) // *Leonardo*. 1936. VII. P. 384-387.
- Anagnine E. Conrad Bùrdach (1859–1936) // *Nuova rivista storica*. 1937a. Fasc. I-II. Gennaio-Aprile. P. 82-83. (1924)
- Anagnine E. Recensione a Frantz Funk-Bretano, La Renaissance // *Leonardo* 1937b. XV P. 24-27.
- Anagnine E. G. Papini e il Rinascimento // *Nuova rivista storica*. 1939. VI. P. 109-113.
- Anagnine E. Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo: V–X sec. Milano; Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1958.
- Campana A. Vladimiro Zabughin // *Enciclopedia Vergiliana*. Vol. V. Roma: Treccani, 1990. P. 653-655.
- Carrara E. Introduzione, V. Zabughin, Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924. P. VII–VIII.
- Gentile G. Lo spettro bolscevico / Dopo la vittoria // *Opere complete*. Vol. IV. Firenze, 1989. P. 27-30.
- Larocca G. L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939). Pisa, 2018.
- Nordström J. Le Moyen Âge et la Renaissance. Parigi, 1933.
- Papini G. Pensieri sul Rinascimento // *L'imitazione del Padre*. Firenze: Monnier. 1947.

- Papini G. Pico della Mirandola / Giudizio Universale // Politica e civiltà. Milano: Mondadori, 1963.
- Rossi V. Recensione a L'umanesimo nella storia della scienza. Il commento Vergiliano di Zono de'Maginalis ecc., di V. Zabughin // Giornale Storico della Letteratura Italiana. 1919. LXXXIII. P. 274-275.
- Sabbadini R. Recensione a Zabughin V., Giulio Pomponio Leto: saggio critico. Vol. II // Giornale Storico della Letteratura Italiana. 1912. № 60. P. 182-186.
- Sabbadini R. Recensione a V. Zabughin Vergilio nel Rinascimento italiano. Da Dante a Torquato Tasso. Vol I. Il Trecento e il Quattrocento // Giornale Storico della Letteratura Italiana. 1922. № 80. P. 166-171.
- Seardo C. Dal «Leonardo» a «Pensieri sul Rinascimento»: l'approccio pragmatista di Giovanni Papini // Tesi di laurea magistrale. Pisa University, 2015.
- Zabughin V. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924.
- Zabughin V. Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a Torquato Tasso. Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia. Trento: Editrice Università degli Studi di Trento, 2000.
- Кусенко Ольга Игоревна**, кандидат философских наук, научный сотрудник, сектор истории западной философии, Институт философии РАН; isafi137@gmail.com

Evgenij Anan'in and the Problem of the Italian Renaissance

The reevaluation of the dogmas and canons rooted in the Renaissance historiography was a common direction of the studies in this field in the first half of the 20th century. At that time many original concepts emerged that corrected or completely refuted the previous ones. The present article is devoted to the participation of the Russian historian Evgenij Anan'in, who lived and worked in Italy, in the debates around the notion of the Italian Renaissance and to his attempts to contribute to the elimination of cliché from the field of Renaissance studies (primarily to abolish the postulated antithesis of the Middle Ages and Renaissance and the idea of the Renaissance as the revival of antiquity). A significant part of Anan'in's publications in Italian scientific journals consists of polemic articles and reviews, which reveal a panorama of Renaissance concepts in Europe of the 1920-1930s. The Russian researcher was strongly opposed to foreign historians who denied the originality of the Italian Renaissance; he also was against all the kind of attempts to use the concept of the Renaissance *ad usum proprium* (national, ideological etc.). The article focuses on the Renaissance concepts and their authors (Burkhard, Burdach, Papini, Walser, Zabughin, Neumann, Nordström), which Anan'in analyzed (or, conversely, clearly ignored) in his texts and on his own views that are hidden behind critical remarks. The publication also deals with a company deployed in Italy in the mid-1930s against the foreign «occupation» of the Renaissance field (the primacy in which was believed to belong to Italians) and the case of an open confrontation of Anan'in and Giovanni Papini, who became the head of the National Institute of Renaissance studies opened in Florence in 1937.

Keywords: Italian Studies in Russia, Renaissance studies, Italian Renaissance, E.A. Anan'in, V.N. Zabugin, G. Papini

Kusenko Olga I., PhD in Philosophy, Research Fellow at the Department of Western Philosophy of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; isafi137@gmail.com

У ИСТОКОВ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ КАРЕЛИИ:
Г.С. ЕПИФАНОВ И ЕГО ВРЕМЯ*

В статье рассматривается возникновение фольклористики в Олонецкой губернии (Карелии) во второй четверти XIX в. Первыми фольклористами были ссыльные поэт-декабрист Ф.Н. Глинка и друг М.Ю. Лермонтова С.А. Раевский, а также выпускник местной гимназии В.А. Дашков и учитель Г.С. Епифанов. Особое внимание уделено анализу публикации Г.С. Епифанова «Заметки об Олонецкой стороне», испытавшей влияние сочинений Н.В. Гоголя и В. Скотта. Сделан вывод, что в отличие от работ других фольклористов, написанных в русле казенного патриотизма, эта статья Г.С. Епифанова отражала более независимую и отчасти оппозиционную позицию автора, из-за чего сам он подвергся гонениям властей.

Ключевые слова: *Ф.Н. Глинка, В.А. Дашков, Г.С. Епифанов, С.А. Раевский, Н.В. Гоголь, В. Скотт, фольклористика, Карелия, предания, демонология*

Первыми собирателями и исследователями русского фольклора Карелии были отбывавшие ссылку в Петрозаводске поэт-декабрист Федор Николаевич Глинка (1786–1880) (в ссылке – 1826–1830 гг.)¹, друг М.Ю. Лермонтова Святослав Афанасьевич Раевский (1808–1876)² (в ссылке – 1837–1839 гг.)³, учившийся в петрозаводской гимназии в 1837–1839 гг. сын губернатора А.В. Дашкова Василий Андреевич Дашков (1819–1896) и выпускник С.-Петербургского университета, смотритель Петрозаводского и Повенецкого уездных училищ Григорий Степанович Епифанов.

Сосланный в Перозаводск в июне 1826 г. за участие в движении декабристов поэт Ф.Н. Глинка был назначен советником Олонецкого губернского правления. За годы ссылки он хорошо изучил природу и историю, быт, занятия, этнографию и фольклор населения Олонецкого края. Пребывание в Петрозаводске вдохновило его на создание двух поэм «Карелия»⁴ и «Дева карельских лесов» и цикла стихотворений. Наибольшую известность получила поэма «Карелия». По наблюдениям В.Г. Базанова она состоит из трех сюжетов: исторического (о ссылке Марфы Романовой в Толвуйский погост), религиозно-дидактического (о монахе-отшельнике, его переживания и речи) и фольклорно-этнографического (описания мифологии и быта северных крестьян)⁵.

На интерес Ф.Н. Глинки к фольклору и этнографии жителей Карелии большое воздействие оказали сочинения петрозаводского краеведа

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» (проект № 20-09-42034).

¹ О петрозаводской ссылке Ф.Н. Глинки см.: Базанов 1945; Пашков 2000-2001.

² О С.А. Раевском см.: Гиллельсон 1981: 461.

³ См.: Базанов 1981: 14-27; Пашков 1990: 88-102.

⁴ Глинка 1830.

⁵ Базанов 1955: 56.

Т.В. Баландина⁶. Ф.Н. Глинка лично был знаком с ним и в примечании к поэме «Карелия» писал: «Житие Лазаря Муромского в рукописи получил я от Т.В. Баландина, занимающегося здесь с давнего времени описанием достопамятностей Олонецкого края»⁷. У Баландина Глинка заимствовал предание об основании Петрозаводска и упоминание в Житии Лазаря Муромского древнейших жителей Обонежья – лопи и самояди⁸. Предание об основании Петрозаводска можно считать памятником устного народного творчества из-за отсутствия какой-либо конкретики, хотя там в своеобразной форме отразились реальные события⁹. Но Житие Лазаря Муромского – это агиографический памятник, произведение древнерусской литературы, а не «предание о местном силаче Фаддее»¹⁰.

Мистически настроенный поэт Ф.Н. Глинка часто упоминает персонажей народной демонологии:

«Понятие кореляков о духах есть тройкое. Первое место занимают лешие. Они по природе своей добры, простосердечны, любят дружить с человеком, сожалеют о нем и часто оказывают ему услуги. Во второй степени поставляют духов водяных. Они сердиты, но честны и весьма прозорливы: видят далеко будущее и объявляют о нем справедливо, хотя неохотно. Наконец, воздушные духи блудят невидимо за человеком, замечают в нем все худое и высказывают оное с торжеством и смехом»¹¹.

Героиня поэмы девушка Маша повествует о нечистой силе:

«Она преважно уверяет,
Что есть у них водяники,
Воздушники и лесовые.
Их часто видят старики
Или видали в дни былые»¹²

В поэме есть рассказанные девушкой Машей четыре сказки о богатыре Заонеге, но это не памятники устного народного творчества, или, как пишет В.Г. Базанов, «народные сказки и предания», а произведение самого Ф.Н. Глинки, написанное на местном материале. В одном примечании Глинка показал знание старинной обонежской поговорки: «Шелойником называется у заонежан ветер, дующий с юго-запада. Есть пословица “Ветер шелойник – на Онеге разбойник!” Ибо ветер сей причиняет много вреда судам»¹³. Поэту настолько понравилось слово «шелойник», что он использовал ее еще дважды: в поэме «Дева карельских лесов» и в стихотворении «Олонецкая песня», в котором к этому слову дано примечание: «Шелойник-ветр - так называется у туземцев юго-

⁶ Подробнее о нем и его сочинениях см.: Баландин 2016; Пашков 2000. Т. 1: 88-110.

⁷ Глинка 1957: 403.

⁸ Глинка 1957: 401-403. Ср.: Баландин 2016: 40-42, 200-206.

⁹ См.: Мегорский 1907 № 65, 69, 72, 73, 77 (далее ОГВ).

¹⁰ Базанов 1955: 38.

¹¹ Глинка 1830: 398.

¹² Там же: 375.

¹³ Там же: 400. Эта поговорка была настолько распространена в Обонежье, что даже попала в сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа»: «Ветер шелойник на Онеге разбойник (юго-западный, вредный для судов)». Даль 1984: 339.

западный ветер»¹⁴. В поэме «Дева карельских лесов» Глинка обращается также к народной демонологии:

«Бывало мы толпой глядели
Сквозь наши темные леса,
Когда на озере белели
Карельских лодок паруса.
Однажды озеро яснело,
И берег был угрюм и дик,
И вдруг с подножья закипело,
И встал какой-то чудный лик!
В глазах его светлело пламень,
Он плыл на наволок пустой,
И смело сел на серый камень,
И вынул гребень золотой.
Я испугалась, убежала,
Но все смеялись надо мной:
“Как ты проста: ты не узнала:
То наш хозяин водяной!”»¹⁵

В одном из примечаний к поэме он упоминает лешего: «Есть предание, что лешие, духи лесные, чрезвычайно боятся грома!»¹⁶. В поэме «Дева карельских лесов» Глинка упоминает и о карельских рунах:

«Он говорил им о Кореле,
О финнах горной стороны,
Где, в их глуши, на самом деле,
Поверишь басням старины.
Там часто сам, как дух в туманах,
Пастух иль рыбарь на скалах
Поет таинственные руны»
Уж непонятные для нас!
И часто в полуночный час
Звучат под шум дубравный струны,
И движется в его руках
Создание бога Вейнамены,
Преданья рун его бесценны:
Убереглись они в веках»¹⁷.

Бесспорны заслуги Ф.Н. Глинки в переводе на русский язык карело-финских рун. В этой работе большую помощь ему оказал финский ученый А.М. Шёгрэн, который в 1824–1829 гг. совершил путешествие по Европейскому Северу России и Предуралья для изучения финно-угорских народов России («народов финского племени»), с 29 ноября по 23 декабря 1826 г. он жил в Петрозаводске, где и познакомился с Глинкой. При его содействии Глинка увлекся переводами на русский язык карело-финских рун¹⁸. За годы ссылки он перевел руны, названные им «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы»¹⁹. Стихотворение «Вей-

¹⁴ Глинка 1957: 275.

¹⁵ Там же: 325.

¹⁶ Там же: 341.

¹⁷ Глинка 1957: 325.

¹⁸ Пашков. Т. 1: 22-32, 111-115;

¹⁹ Глинка 1957: 362-265.

намена и Юковайна» было опубликовано в журнале «Славянин»²⁰. Это была первая публикация карело-финских рун на русском языке. К стихотворению «Рождение арфы» (в оригинале речь идет о создании кантеле) имеется примечание: «Древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника с изустного перевода проф. Шёгрена»²¹.

Ф.Н. Глинка не был фольклористом, все его обращения к фольклору были обусловлены его поэтическим творчеством, были тем материалом, откуда он черпал вдохновение. Эти обращения носили любительский, несистемный и кратковременный характер. Но переводы карело-финских рун, сделанные с помощью А.М. Шёгрена, являются его серьезной заслугой перед российским финноугроведением.

Выпускник Московского университета С.А. Раевский, сосланный в Петрозаводск за распространение стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта», служил чиновником особых поручений. Он стал создателем и первым редактором первой в крае газеты «Олонецкие губернские ведомости», где в июне 1838 г. опубликовал программную статью «О предметах и цели издания “Прибавлений” к “Олонецким губернским ведомостям”»²². В ней он писал о необходимости собирать фольклор:

«Описывая характер крестьян, заметить должно их постоянство, горделиво-вежливые поклоны, поверья, предания, предания, разнообразные суеверные толки, песни – записать рассказы их старожил о Петре Великом, о местах его пребывания в Петрозаводске, на заводах, на Марциальных водах, на пути из Архангельска в Повенец со свитой и яхтами по лесам и местам непроходимым, о житье бытге наместников, Тутолмина и Коновницына²³, губернаторов, между коими памятен Державин и, в народе Рыхлевский»²⁴.

Другая программная статья Раевского «О престопадной литературе. О собиании русских народных песен, стихов, пословиц и т. п.»²⁵ начинается перепечаткой из газеты «Симбирские губернские ведомости» обращения П.В. Киреевского, Н.М. Языкова и А.С. Хомякова «О собиании русских народных песен и стихов»²⁶ с призывом к местной интеллигенции начать активное собиание народных песен и духовных стихов, известное также как «Песенная прокламация». В статье содер-

²⁰ Глинка 1828. № 21: 308.

²¹ Глинка 1957: 262. Интересно примечание к стихотворению «Вейнамена и Юковайна»: «Сей образчик финской поэзии с соблюдением аллитерации, т.е. повторения одной и той же буквы в каждом стихе, из книги “Uber die Finnische Sprache und ihre Litteratur”; экземпляр сей книги получил я от самого сочинителя *г-на Шёгрена*, который был здесь (в городе Петрозаводске) в исходе прошлого года». – Там же: 264.

²² Раевский 1838. Неофициальная часть № 1, 2 (от 4 и 18 июня).

²³ Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809) – генерал-губернатор Архангельской и Олонецкой губерний (1784–1793); Коновницын Петра Петрович (1744–1796) – генерал-губернатор (1793–1796) (Кораблев, Мошина 2006: 10-14).

²⁴ Державин Гаврила Романович (1743–1816) – губернатор Олонецкого наместничества с сентября 1784 по октябрь 1785 г.; Рыхлевский Андрей Иванович (1783–1830) – губернатор Олонецкой губернии (1821–1825). Кораблев, Мошина: 20-24, 35-37.

²⁵ Раевский 1838. Неофициальная часть. № 12, 13, 19 и 21 (от 8 и 15 октября, 26 ноября и 17 декабря).

²⁶ Киреевский, Языков 1838. № 15. Прибавление № 14 (от 14 апреля).

жались и практические указания собирателям. Раевский добавляет, что необходимо также собирать сказки, поговорки, пословицы, плачи. На плачах он останавливается подробнее, вероятно, потому, что во время ссылки неоднократно имел возможность слышать их в исполнении местных плакальщиц. В статье приведены тексты двух плачей - плач дочери по умершей матери и плач невесты после рукобיתья²⁷ - и отмечается, что «исключительно русские жители Олонецкой губернии произносят эти причеты». Раевский сообщает еще и о бытовании плачей на могилах родственников при посещении кладбищ:

«Может быть подобные, как мне дали знать, можно услышать, следя поэтический обычай здешних крестьян, в дни поминок приходящих *пахать* (мест) могилы ближних: разметя пыль и разостлав платок, они начинают вслух беседовать с покойниками, высказывая им все важнейшее, что по смерти их случилось и могло к ним относиться».

Во втором «Прибавлении» Раевский поместил свою статью «Одно из воспоминаний о государе императоре Петре Великом»²⁸, в которой излагается рассказ о серебряной чарке, подаренной Петром I крестьянину из села Святозеро. Этот рассказ старшая дочь крестьянина поведала некоей даме, от которой, как пишет автор, «его и ныне можно слышать». Будучи проездом в Святнавалоке, Петр захотел стать крестным отцом у только что родившейся дочери местного крестьянина. Крестной матерью стала старшая дочь крестьянина. Ей царь и подарил серебряную чарку в виде церковного ковша и ёмкостью одна унция (около 30 мл)²⁹.

Деятельность С.А. Раевского по изучению фольклора Олонецкого края продолжалась недолго. В марте 1839 года он был освобожден из ссылки и сразу же уехал из Петрозаводска.

В.А. Дашков, сын А.В. Дашкова, губернатора Олонецкой губернии в 1836–1840 гг., в июне 1837 г. был ««по неспособности к математическим наукам и по слабости здоровья» отчислен из Института инженеров путей сообщения и прибыл к отцу в Петрозаводск, поступил в местную гимназию, в июле 1839 г. ее окончил и вскоре уехал из Петрозаводска³⁰. Интересно, что педагоги гимназии устроили В. Дашкову экзамен, чтобы определить уровень его знаний. Вероятно, знания оценивались по трехбалльной системе. Итоги экзаменов были такие: Закон Божий – 3, рус-

²⁷ Рукобיתье – часть старинного русского свадебного обряда, в ходе которой отцы жениха и невесты окончательно договаривались по поводу свадьбы.

²⁸ Раевский 1838. Неофициальная часть № 2 (от 18 июня).

²⁹ Раевский 1860. Пар. 2: 147-148. Эта публикация С.А. Раевского была перепечатана в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1860 год» и во многих других краеведческих изданиях. См.: Криничная 1978: 152-153, 194-195; 1991: 196-197, 270-271; Азбелев 1992. Т. 12: 215-216; Путилов 2008: 193-194. Есть основания считать данный рассказ не преданием, а источником устной истории, поскольку он имеет реалистичное содержание и был получен для публикации всего через одно звено от рассказчика. Но в последующих публикациях он приобрел характер предания.

³⁰ Дело по прошению дворянина Василия Дашкова о принятии его в число своекоштных воспитанников гимназии // НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 26-30. Биографические сведения о нем см.: Пашков 2017. Т. 2: 28-31.

ский язык – 1, русская словесность – 3, физика – 1, математика – 3, история – 2, французский язык – 3, немецкий язык – 1, география и статистика – 2³¹. Тем не менее в 1838–1843 гг. под именем В.А. Дашкова было опубликовано, главным образом в столичных изданиях, несколько статей с народными песнями и пересказом исторических преданий³², вошедших в его сочинение «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении»³³.

В то время считалось возможным для крупного чиновника публиковать под своим именем научные сочинения, написанные его подчиненными, зависимыми от него или нанятыми им людьми. Так, в 1833 г. вышла книга вологодского губернатора Н.П. Брусилова «Опыт описания Вологодской губернии»³⁴. Ее настоящим автором был старший учитель физики и математики Вологодской гимназии Н.П. Фортунатов (1783–1831)³⁵. В 1836 г. вышло «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря...»³⁶, «составленное трудами Соловецкого монастыря архимандрита Досифея» (Немчинова). Но настоящим автором этого «Описания Соловецкого монастыря» был учитель приходского училища Воскресенский, сосланный в 1825 г. «за произнесенные в запальчивости слова» в тюрьму Соловецкого монастыря, где его продержали десять лет, затем он был освобожден, но с условием не покидать монастырь³⁷.

Уместно предположить, что губернатор А.В. Дашков мог организовать создание «Описания Олонецкой губернии» для своего сына (усилиями того же С.А. Раевского, которому могли пообещать за это освобождение из ссылки). Конечно, это не исключает какого-то участия В.А. Дашкова в написании серии краеведческих статей, но очевидно, что их писала или доводила до должного уровня более опытная рука.

Известно, что в 1841 г. В.А. Дашков сдал экзамен на юридическом факультете Московского университета на право поступить на государственную службу и в июле 1842 года поступил на службу в канцелярию московского генерал-губернатора князя А.Г. Щербатова. Возможно, что

³¹ НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 7/14. Л. 27.

³² Дашков 1839: 159; 1839. Т. 5. № 9: 61–67; 1840. Ч. 3: 90–96; Ч. 6: 81–86; 1843. Т. 42. № 168: 519–524 и др.

³³ Дашков 1841. Ч. 42. № 11: 176–263; № 12: 303–438 (далее «Журнал МВД»). Отдельное издание: Дашков 1842.

³⁴ Брусилов 1833. 64 с.

³⁵ О напечатании казенных иждивений старшего учителя Вологодской гимназии Николая Фортунатова под заглавием «Описание Вологодской губернии» (1832 г.) // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3132. Л. 1–4. Милов 1981: 214.

³⁶ Досифей (Немчинов) Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присовокуплением многих царских, патриарших и других знаменитых гражданских и духовных лиц, грамот, относящихся к истории сего монастыря, составленное трудами Соловецкого монастыря архимандрита Досифея. Изд. 1-е. Ч. 1–3. М., 1836. 446 + 275 с.

³⁷ Гернет. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1960: 280.

публикация исследований об Олонецкой губернии, вышедших в 1839–1841 гг. и создававших ему образ исследователя, должна была помочь В.А. Дашкову в становлении его служебной карьеры. В дальнейшем он никакими собственными научными исследованиями не отметился. Но его юношеские увлечения фольклором и этнографией не прошли даром. В 1867–1896 гг. В.А. Дашков был директором Румянцевского музея и на этой должности сделал много полезного для развития музейного дела и этнографии как организатор и меценат³⁸.

Среди первых собирателей русского фольклора Карелии затерялась фигура Г.С. Епифанова. Вероятно, это произошло из-за того, что он был автором всего одной статьи «Заметки об Олонецкой стороне»³⁹, опубликованной в 1839 г. в популярном петербургском журнале «Сын отечества», издававшемся А.Ф. Смирдиным. Биографические сведения о Епифанове крайне скудны. Он родился, вероятно, в 1814 г. и был «из купеческих детей», в 1831 г. окончил 2-ю С.-Петербургскую гимназию, а в 1835 г. – С.-Петербургский университет, затем оказался преподавателем Петрозаводского уездного училища (1835–1838), Олонецкой губернской гимназии (в 1838 г. преподавал там французский язык) и смотрителем Петрозаводского и Повенецкого уездного училища (1838–1854)⁴⁰. В одном из документов, относящихся к марту 1837 г., упомянуто, что у него не было в Петрозаводске ни родственников, ни дворовых людей⁴¹. По итогам ревизии деятельности Олонецкой дирекции народных училищ было отмечено, что в Петрозаводском уездном училище «арифметику и геометрию изъясняет Епифанов хорошо, но не довольно терпелив в изъяснении, и дети робеют пред ним»⁴². Впрочем, в 1838 г. он получил благодарность попечителя учебного округа.

Г.С. Епифанов известен упомянутой выше статьёй, где есть помета о том, что она была закончена в Петрозаводске 8 февраля 1839 г. Целью своей статьи он считал ознакомление читателей с Олонецкой губернией и ее жителями: «Если мой рассказ познакомит хотя немного с олончанами, даже хотя укажет только на существование Олонецкой губернии, то и довольно». Сначала Епифанов описывает «исторические достопамятности» губернии: упраздненную Соломенскую пустынь и ее реликвии, Толвуйский погост как место ссылки Марфы Романовой – матери первого царя династии Романовых Михаила, Петрозаводск, основанный Петром I (отметим, что историю основания Петрозаводска он знает очень плохо, смешивая ее с походом по Осударевой дороге). Много места уделяется Марциальным водам, автор сообщает уникальные сведе-

³⁸ См. подробнее: Коваль 2009. 336 с.

³⁹ Епифанов 1839. Т. 8. Отд. 6: 72–88.

⁴⁰ Калинина 2011: 128.

⁴¹ НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 13. Л. 20.

⁴² Письмо попечителя С.-Петербургского учебного округа князя М.А. Дондукова-Корсакова директору народных училищ Олонецкой губернии М.И. Троицкому от 29 декабря 1836 года // НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 13. Л. 72–72об.

ния об истории и современном состоянии курорта, описывает Марциальноводскую церковь, остатки строений и сохранившиеся реликвии петровского времени, сообщает сведения о потомках крестьянина Ивана Рябоева, открывшего целебный источник. Но историю пребывания на водах Петра I он знает приблизительно и допускает грубые ошибки.

Первое историческое предание, изложенное Г.С. Епифановым, известно современным фольклористам как предание «Петр I в Повенце» или «Остров Воротный»⁴³. Впервые было зафиксировано П.П. Свиным летом 1828 г. во время путешествия в Соловецкий монастырь⁴⁴. Оно восходит к факту, отраженному в «Походном журнале» Петра I (август 1702 г.). Когда царь после похода по Осударевой дороге достиг Повенца и с флотилией двинулся по Онежскому озеру, то из-за сильного встречного ветра вынужден был вернуться. В «Походном журнале» сказано: «В 28 день. Отсель пошли Онегою озером и поворотились назад за противною погодою. В 29 день. После полудня пошли»⁴⁵. Епифанов привел и предание о серебряной чарке, опубликованное Раевским, дополнительно сообщив, что владельцем чарки является «семейство С-х». Большой интерес представляет предание о могиле Фаддея Блаженного:

«Могилу *Фаддея Блаженного*, предсказавшего, будто бы, Великому Петру близкую кончину, находится в ограде соборной церкви Петрозаводска⁴⁶. Г-р У-в⁴⁷ был, подобно тысячам мужей, под самовластным правлением своей супруги. Ему, то есть его супруге, что почти одно и то же, а может быть и важнее, не понравилось, что могила Блаженного перед ее окнами... Она потребовала от мужа уничтожить последний земной приют Фаддея. Вот однажды, когда сон бежал от нее... подошла она к окну и видит – на могиле теплится свеча! В ужасе отскочила она и закрылась подушками; в другую, в третью ночь, влекомая любопытством, видела она все также свечу. Тут пораженная таинственными знаменами, отказалась она, едва ли не в первый раз, от своего требования, и могила до сих пор еще видна, хотя почти вросла уже в землю; на камне ее нет никакой надписи»⁴⁸.

В конце 1830-х гг. Фаддей уже был известен жителям Петрозаводска, в основном, благодаря местным устным преданиям и сочинениям Т.В. Баладина. Но данного предания нет у Баладина⁴⁹, вероятно, оно бытовало в устной форме. Оно имеет определенный оппозиционный оттенок, поскольку порицает губернатора А.А. Ушакова и его жену.

⁴³ Публикацию предания и библиографию о нем см.: Петр I в Повенце. Остров Воротный // Северные предания (Беломорско-Онежский регион): 127-129, 190, 214; Петр Первый - кум // Криничная 1991: 210, 274; Петр I в Повенце // Народная проза: 172; <Петр I в Повенце. Остров Воротный> // Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни: 216-217; Остров Воротный // Петр I в русских народных преданиях, легендах, сказках и анекдотах / Сост. И.Н. Райкова 1993: 20.

⁴⁴ Свиный 1829. Ч. 37. № 105-106: 133. Новейшая публикация: Пашков. Т. 2: 104. Это предание приводит также В.А. Дашков. – Дашков 1841. Ч. 42. № 12: 384.

⁴⁵ Походный журнал 1702 года. Изд. 2-е. СПб., 1911: 1.

⁴⁶ До 1872 г. кафедральным был Петропавловский собор (сгорел в 1924 г.).

⁴⁷ Г-р У-в – вероятно, имеется в виду А.А. Ушаков, губернатор Олонецкой губернии в 1802–1804 гг. (Кораблев, Мошина 2006: 30-32). Это единственный в истории губернии губернатор, фамилия которого начиналась на «У».

⁴⁸ Епифанов: 76.

⁴⁹ Баладин: 138-150.

Два предания посвящены событиям Смутного времени. Одно из них рассказывает, как местный крестьянин, захваченный в плен литовцами (или Литвой), должен был переправить их через реку Суну, но направил лодку в водопад Кивач, сам сумел выбраться на берег, а литовцы погибли в водопаде⁵⁰. Фольклористы называют такие сюжеты традиционными мотивами, которые повторяются у разных народов и при разных, но сходных обстоятельствах. Второе предание «Девичий остров» также имеет традиционный мотив. В статье помещены предания о монастырях – Машезерской и Андрусовской пустынях. О Машезерской пустыни Г.С. Епифанов пишет: «...Но еще древнее, по преданию, Машезерская, в 20 верстах от города. Церковь во имя Пророка⁵¹ имеет, уверяют поселяне, такое странное построение, что невозможно снять плана, и, будто бы, год от году она уходит более и более в землю. “Уже третьи окна прорублены в ней”, - сказывают они, с совершенной уверенностью в истине своих слов»⁵². Г.С. Епифанов пересказывает житие Андреяна Андрусовского (с многочисленными вымышленными деталями), но достаточно достоверно излагает историю посещения Андрусовской пустыни Александром I в 1819 г. и описывает ее состояние.

Завершающая часть статьи посвящена народной демонологии:

«Простой народ, как и везде, верит здесь в существование духов, которым приписывает людские страсти, насмешливость, гнев, сострадание... Так, населяет он пустынные леса – *лесовиками*, воды – *водяниками*, дома – *домовыми*, но, говоря о них, всегда выражается иносказательно, называя: *он, хозяин, другая половина* и проч.»⁵³

Подробно описано как можно увидеть и признать домовых и лесовых, даны советы как себя вести при встрече с нечистой силой. Большой интерес представляет рассуждение о том, как выглядит чёрт:

«Всем известно, что чёрт ныне одет по-немецки, и Рудый Пасечник давно уже описал костюм его, будто с натуры, как говорят художники. Но Олонецкий, проклятый, еще не слишком просветился, не носит, подобно малороссийскому, кургузного платья, да, к тому же, и слишком холодно в его лесах, особенно зимою. Здесь пока он носит полушубок, но, наперекор крещеных, запахивает направо. Не забавляется ли этой выдумкой простой народ над нашим немецким покроем? Ведь наши сюртуки, фраки все застегиваются направо»⁵⁴.

Епифанов цитирует сочинение Панько Рудого, т.е. повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», изданную в 1832 г. Возможно, Епифанов собирал былички под влиянием творчества раннего Гоголя.

В статье приведены былички о невидимых селах лесовых около Олонца, близ Машезера и деревни Сямнеги, о русалке, жившей в реке Шуе, несколько быличек о водяных. Автор делает попытку объяснить такое широкое бытование веры в нечистую силу:

⁵⁰ Боровков 1818. Ч. 1. Кн. 3: 384. Новейшая публикация: Пашков. Т. 2: 42-43.

⁵¹ В Машезерской пустыни была церковь во имя пророка Илии (Савандер К. Тайны деревни. Машезеро. [Б. м. : б. и.], 2000: 9).

⁵² Епифанов: 77.

⁵³ Там же: 78.

⁵⁴ Там же: 79.

«Странно наше нехотение, если можно так выразиться, пустоты. Человек везде хочет жизни, все хочет заселить существами близкими к своим понятиям. Както несовместно, не ладится с людьми мысль о пустыне – нет людей, так пусть будут духи. И люди творят их по своему образцу, дают им свои прихоти, свои страсти, и потом твердо верят в создание собственного воображения, а сколько пищи для него в тиши лесов, в многочисленных водах Олонецких! Явления природы, причины которых недоступны ограниченному уму крестьянина, он объясняет действием духов»⁵⁵.

Аналогичное объяснение дано наводнению в Петрозаводске:

«Осенью в 1800 году от бесперывных и сильных дождей, чрез почти все лето, все, даже и малые речки выступили из берегов и наполнили заводской пруд таким количеством воды, что плотина не устояла против напора. Ее промыло и стремлением снесло еще другие, ниже по речке Лососинке устроенные. Ну, это свершалась свадьба подземных духов!... Водяник Машезерский сватался на дочери Онежского, вот от того то и снесло плотины!»⁵⁶

Бытование среди петрозаводчан таких объяснений причин наводнения подтверждает очевидец этого наводнения краевед И.К. Чудинов в мемуарном очерке «Наводнение в Петрозаводске в 1800 г. (из воспоминаний укоренного старожила)»⁵⁷. Впрочем, сам Г.С. Епифанов не был вполне убежденным материалистом. Он приводит несколько рассказов некоего купца с налетом мистики (возможно, в них отразились воспоминания его детства и юности, проведенных в купеческой среде).

В статье Г.С. Епифанова кратко затронуты похоронные и свадебные обряды местных жителей, а завершает статью обширная цитата из сочинения Т.В. Баландина ««Историческое краткое сведение о состоянии доселе бывшего и нынешнего положения города Олонца и о прочем»»⁵⁸, с изложением истории возникновения старейшего города Олонецкого края. Баландина Епифанов называет «олонецким антикварием» и пишет в примечании: «Унтер-шихтмейстер Баландин. Рукопись его любопытная по слову, находится в библиотеке Александровского завода». Возможно, словосочетание «олонецкий антиквариий» навеяно названием романа В. Скотта «Антиквариий»⁵⁹ События романа происходят в Шотландии в 1790-е гг., а главный герой – историк-любитель, археолог и коллекционер Джонатан Олдбок. С учетом огромной популярности романов В. Скотта в России в 1820–1830-е гг.⁶⁰, можно предположить, что образованный выпускник С.-Петербургского Г.С. Епифанов мог назвать «антикварием» местного краеведа Т.В. Баландина.

Создается впечатление, что статья Г.С. Епифанова оборвана на полуслове. Там нет какого-либо заключения. Но в конце текста есть примечание от редакции «Сына отечества»: «Просим почтенную особу, приславшую сии любопытные заметки об Олонецкой стороне, продол-

⁵⁵ Епифанов: 80-81.

⁵⁶ Там же: 81-82.

⁵⁷ ОГВ. 1864. № 21 (от 30 мая).

⁵⁸ Опубликована: Баландин: 175-206.

⁵⁹ Скотт В. Антиквариий. Пер. с фр. Ч. 1-4. М., 1825-1826.

⁶⁰ См. подробнее: Долинин 1988: 126-235.

жить их, как нам обещал доставивший сию статью»⁶¹. То есть статья была благожелательно принята редакцией журнала, которая была готова и дальше печатать на своих страницах произведения этого автора, но никакого продолжения не последовало. Более того, «Заметки об Олонецкой стороне» стали единственной публикацией Г.С. Епифанова⁶².

Возникает вопрос: «Почему так произошло?» Можно предположить, что статья не понравилась высокопоставленным петрозаводским чиновникам, и автору было сделано настолько серьезное внушение, что он навсегда оставил намерение изучать фольклор и краеведение Олонецкого края. В статье было два эпизода, которые могли вызвать такую реакцию. Первый эпизод: святотатственное решение губернатора-подкаблучника А.А. Ушакова, принятое под влиянием жены, о сносе могилы месточтимого святого Фаддея Блаженного, которое показывало его в негативном свете, но также бросало тень на всех губернаторов как представителей высшей власти в губернии. Второй эпизод: сопоставление представителей нечистой силы и господствующего сословия, в первую очередь, чиновничества, поскольку и те, и другие носили одежду, застегивающуюся налево. Отголоском этого недовольства можно считать фразу из появившейся через полгода после выхода статьи Епифанова статьи В.А. Дашкова «Нравы, обычаи и одежда жителей Олонецкой губернии»: «Но эти заметки не верно замечены, сверяя некоторые из них, я показывал их лицам, знающим хорошо Олонецкую сторону: те находили, что некоторые из поверьев не справедливы»⁶³.

Ситуацию со статьей Г.С. Епифанова можно понять, если представить, что фольклористика на местах была частью более широкого процесса изучения края, обычно называемого краеведением. Краеведение состояло из двух направлений: официального и общественного, зарождавшегося среди образованной части общества. В николаевскую эпоху официальное краеведение существовало в рамках «теории официальной народности» и должно было подкреплять на фактическом материале знаменитую триаду С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность», доказывая, что простой народ любит своего царя и привержен православию. Но одновременно возникало другое направление – общественное, предполагавшее эмпирическое изучение жизни народа, его культуры и представлений о прошлом. Резкого разграничения этих направлений не было. Иногда, особенно в николаевскую эпоху, даже один человек мог выступать с позиций того и другого направления.

Однако случай с Г.С. Епифановым был особенным. По-видимому, он собирал материалы и опубликовал свою статью (показательно, что не в местных «Губернских ведомостях», а в петербургском журнале, т.е. хотел избежать местной цензуры и одновременно заявить о себе как о местном исследователе) не только не под контролем, но и без ведома

⁶¹ Епифанов: 88.

⁶² Иванова 1996: 239.

⁶³ Дашков 1840. Ч. 3: 96.

местного чиновничества, что позволило ему более свободно излагать материал, но не спасло от резко негативной реакции местных властей.

В Олонецкой губернии поставленные под жесткий контроль местных властей краеведение и фольклористика, как его составная часть, после взлета на рубеже 1830–1840-х гг. понемногу деградировали на протяжении последующих двух десятилетий. Но со смертью Николая I пришла новая эпоха. 2 марта 1859 года в Петрозаводск в ссылку прибыл выпускник Московского университета П.Н. Рыбников.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Базанов В.Г. Карельские поэмы Фёдора Глинки. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 127 с. [Bazanov V.G. Karelskie poemu Fyodora Glinki. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1945. 127 s.]
- Базанов В.Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 311 с. [Bazanov V.G. Kareliya v russkoj literature i fol'kloristike XIX veka. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1955. 311 s.]
- Базанов В.Г. Поэзия русского Севера. Петрозаводск: Карелия, 1981. 288 с. [Bazanov V.G. Poeziya russkogo Severa. Petrozavodsk: Kareliya, 1981. 288 s.]
- Баландин Т.В. Петрозаводские северные вечерние беседы / Ред. и сост. А.В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 384 с. [Balandin T.V. Petrozavodskie severnye vechernie besedy / Red. i sost. A.V. Pigin. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2016. 384 s.]
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1960. 384 с. [Gernet M.N. Istoriya carskoj tyur'my. Izd. 3-e. T. 1. M.: Gos. izd-vo juridicheskoy literatury, 1960. 384 s.]
- Гиллельсон М.И. Раевский Святослав Афанасьевич // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 461. [Gillel'son M.I. Raevskij Svyatoslav Afanas'evich // Lermontovskaya enciklopediya. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1981. S. 461.]
- Глинка Ф.Н. Избранные произведения / В.Г. Базанов. Л.: Советский писатель, 1957. 503 с. [Glinka F.N. Izbrannyye proizvedeniya / V.G. Bazanov. L.: Sovetskij pisatel', 1957. 503 s.]
- Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1984. [Dal V.I. Proverbs of the Russian people. T. 2. M., 1984.]
- Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 320 с. [Dolinin A.A. Istoriya, odetaya v roman: Val'ter Skott i ego chitateli. M.: Kniga, 1988. 320 s.]
- Иванова Т.Г. Русский фольклор. Библиографический указатель 1800–1855. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 263 с. [Ivanova T.G. Russkij fol'klor. Bibliograficheskij ukazatel' 1800–1855. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 263 s.]
- Калинина Е.А. «Имена их известны будут в истории просвещения России...» Деятели народного образования Олонецкой губернии в первой половине XIX века. Петрозаводск: Петропресс, 2011. 144 с. [Kalinina E.A. «Imena ih izvestny budut v istorii prosveshcheniya Rossii...» Devyateli narodnogo obrazovaniya Oloneckoj gubernii v pervoj polovine XIX ve-ka. Petrozavodsk: Petropress, 2011. 144 s.]
- Коваль Л.М. В.А. Дашков: тридцать лет во главе Московского публичного и Румянцевского музеев. М.: Пашков дом, 2009. 336 с. [Koval' L.M. V.A. Dashkov: tridcat' let vo glave Moskovskogo publichnogo i Rumjancevskogo muzeev. M.: Pashkov dom, 2009. 336 s.]
- Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск: Изд-во ООО «Паритет», 2006. 100 с. [Korablev N.A., Moshina T.A. Oloneckie gubernatory i general-gubernatory. Bio-graficheskij spravochnik. Petrozavodsk: Izd-vo ООО «Paritet», 2006. 100 s.]
- Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с. [Krinichnaya N.A. Predaniya Russkogo Severa. SPb.: Nauka, S.-Peterburgskoe otdelenie, 1991. 328 s.]
- Народная проза / Сост. С.Н. Азбелев // Библиотека русского фольклора. Т. 12. М.: Советская Россия, 1992. 608 с. [Narodnaya proza / Sost. S.N. Azbelev // Biblioteka russkogo fol'klora. T. 12. M.: Sovetskaya Rossiya, 1992. 608 s.]
- Пашков А.М. Дашков Василий Андреевич // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв. / под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2. С. 28–31. [Pashkov A.M. Dashkov Vasilij Andreevich // Russkie fol'kloristy. Biobibli-

- graficheskij slovar'. XVIII–XIX vv. / pod red. T.G. Ivanovoj. SPb.: Dmitriј Bulanin, 2017. T. 2. S. 28–31.].
- Пашков А.М. Друг М.Ю. Лермонтова в Петрозаводске // Краевед Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 88–102. [Pashkov A.M. Drug M.YU. Lermontova v Petrozavodske // Kraeved Karelii. Petrozavodsk: Kareliya, 1990. S. 88–102.].
- Пашков А.М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1–2. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000–2001. 175+217 с. [Pashkov A.M. Kareliya i Solovki glazami literatorov pushkinskoj epohi. T. 1–2. Petrozavodsk: izd-vo PetrGU, 2000–2001. 175 + 217 s.].
- Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост. Б.Н. Путилов. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с. [Petr Velikij: Predaniya. Legendy. Anekdoty. Skazki. Pesni / Sost. B.N. Putilov. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 320 s.].
- Савандер К. Тайны деревни. Машезеро. [Кондопога]: б. и., 2000. 61 с. [Savander K. Tajny derevni. Mashezzero. [Kondopoga]: b. i., 2000. 61 s.].
- Северные предания (Беломорско-Онежский регион) / Сост. Н.А. Криничная. Л.: Наука, 1978. 255 с. [Severnye predaniya (Belomorsko-Onezhskij region) / Sost. N.A. Krichnaya. L.: Nauka, 1978. 255 s.].

Пашков Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; pashkov@petsu.ru

At the origin of Folklore studies in Karelia: G.S. Epiphanov and his time

The article reveals the origins of Folklore studies in Olonets province (Karelia) in the second half of the 19th century. First folklorists were an exiled poet and Decembrist Fyodor Glinka and Lermontov's friend Svyatoslav Raevsky, also a local gymnasium student Vasilij Dashkov and a schoolteacher Grigory Epiphanov. The greatest attention is paid to the analysis of a publication by G. Epiphanov, «Notes about Olonets side», which influenced by the writings by Nikolay Gogol and Walter Scott. It is concluded that in the contrast to the works of other folklorists, written in the spirit of official patriotism, this G. Epiphanov's article reflects a more independent and partly opposition author's view, because of what he was persecuted by the authorities.

Keywords: F.N. Glinka, V.A. Dashkov, G.S. Epiphanov, S.A. Raevsky, N.V. Gogol, W. Scott, folklore studies, Karelia, legends, demonology

Pashkov Alexandr Mikhailovich, Dr.Sc. (History), Professor, Chair of National History, Petrozavodsk State University; pashkov@petsu.ru

ТЕОРИИ ЖАРКИХ КЛИМАТОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

В центре внимания статьи находятся климатические объяснения патогенности жарких стран, доминировавшие в западной медицине в Новое время. Исследуется связь между концептуализацией жарких климатов врачами и меняющимся интеллектуальным и политическим контекстом XVII–XIX вв.

Ключевые слова: имперская медицина, медицинское знание, тропическая медицина, жаркие климаты

Значение медицинских теорий жарких климатов, сформировавшихся в Новое время, не ограничивается областью истории медицинского знания. Оформляясь в ходе колониальной экспансии Запада, эти концепции становились её важным составным элементом. Именно они во многом определяли возможности продвижения европейцев на имперских территориях, стратегии взаимоотношений с местным населением и перспективы дальнейшей колонизации новых регионов, большая часть которых находилась в тропических широтах.

История развития медицинских теорий жарких климатов показывает сложность и многообразие интеллектуальных связей между метрополиями и колониями, опровергая представление об одностороннем распространении научного знания от центра к периферии. Как утверждает М. Харрисон², исследования, осуществляемые врачами в колониях, имели не меньшее значение для западной медицины, чем те, что проводились в парижских госпиталях в ходе знаменитой «клинической революции» 1790-х – начала XIX в., описанной М. Фуко, У. Байнумом и Э. Акеркнехтом. Выраженные отличия природных условий тропиков стимулировали интенсивное изучение связей между заболеваемостью и окружающей средой, а распространённая в колониальных госпиталях практика диссекций в сочетании с данными метеорологических измерений обеспечивала почву для нового понимания болезней.

Вместе с тем, в обширном корпусе литературы о роли медицинского знания в имперских проектах колониальных держав, теории жарких климатов занимают незаслуженно мало места. Они, как правило, рассматриваются обобщённо, предваряя сюжеты о появлении тропической медицины в конце XIX в., или, напротив, затрагиваются в узких трудах о конкретных регионах³. Настоящее исследование призвано отчасти восполнить этот пробел и изучить истоки этих теорий, их развитие и трансформацию в менявшихся интеллектуальных и политических контекстах XVII–XIX вв. Под теориями жарких климатов понимается весь

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 19-48-04110).

² Harrison 2010: 9, 23.

³ См., напр.: Chakrabarti 2014; Arnold 1996; Senior 2018.

спектр климатических объяснений патогенности тропических стран, существовавших в западной медицине до появления бактериологических концепций в последней трети XIX в.

***Окружающая среда и здоровье человека
в античной медицинской традиции***

Представления европейцев о медицинской специфике жарких климатов вплоть до конца XIX в. формировались на основе античной медицинской традиции. В текстах Гиппократова корпуса (V–IV вв. до н.э.)⁴ впервые в истории Запада была зафиксирована и обоснована зависимость здоровья человека от окружающей среды. Поскольку эти работы стали генеалогическим источником теорий жаркого климата Нового времени, а гуморальная система, изложенная в них, несколько столетий составляла фундамент медицинских взглядов европейских врачей, стоит прежде всего кратко остановиться на их содержании.

В этом комплексе медицинских трактатов были впервые сформулированы принципы рациональной медицины: болезнь рассматривалась как природное явление, вызванное исключительно естественными причинами и подлежащее лечению рациональными способами. В логике древнегреческих врачей макрокосм Вселенной и микрокосм тела человека соотносены друг другу: они подчиняются одним природным законам и состоят из одинаковых элементов⁵. Земля, вода, огонь и воздух – четыре элемента, составляющих Вселенную, присутствуют в теле человека в виде их четырёх жидких эквивалентов («гуморов») – крови, флегмы, жёлтой и чёрной желчи, обладающих, как и элементы, качествами горячего/холодного и влажного/сухого⁶. Здоровье человека основано на балансе гуморов внутри его организма; нарушение баланса приводит к болезни. Дисбаланс гуморов становится следствием или индивидуальных причин, связанных со спецификой телесной конституции и образом жизни человека (его диетой, физической активностью, режимом дня и т.д.), или общих причин, воздействующих на жителей определённой местности: погоды, климата и географических особенностей места⁷.

Обращение к окружающей среде как фактору заболеваемости, по-видимому, должно было прежде всего объяснить сезонность болезней: в Греции того времени преобладали респираторные заболевания и маля-

⁴ Гиппократов корпус – собрание древнегреческих медицинских текстов, часть которых приписывается Гиппократу (ок. 460 г. до н.э. – ок. 370 г. до н.э.), остальные принадлежат авторам, представлявшим разные врачебные школы. Наиболее важные для данной статьи тексты – «О воздухах, водах и местностях» и «Эпидемии I–III», по мнению исследователей, были написаны самим Гиппократом. – Карпов 1936: 65–73.

⁵ Snowden 2020: 33.

⁶ Кровь сочетала в себе свойства горячего и влажного, флегма – холодного и влажного, жёлтая желчь – горячего и сухого и чёрная желчь – холодного и сухого. См.: Гиппократ. О природе человека. 1936: 198–203.

⁷ Гиппократ. О природе человека. 1936: 198–199, 202–205; Гиппократ. О воздухах, водах и местностях. 1936: 287–291. В работах наиболее известного последователя и комментатора Гиппократа, Галена (II в. н.э.), а также арабских авторов IX–X вв. классификация причин существенно усложнилась. См.: Nutton 2014: 298.

рийные лихорадки, имевшие чётко выраженную связь с временем года и топографией местности⁸. По Гиппократу, такая зависимость определялась доминированием одного из четырёх гуморов по очереди в каждом из времён года. Под влиянием качеств физической среды (например, зимнего холода и влажности) в теле начинает преобладать гумор с аналогичными качествами (холодная и влажная флегма); его избыток и вызывает специфически сезонные (в данном случае, «зимние») болезни.⁹

Помимо сезонных атмосферных колебаний, значение имели predisposing факторы самой местности – качество воды, почвы, специфика рельефа. Особенно неблагоприятное сочетание различных факторов окружающей среды, как считалось, приводило к загрязнению воздуха и возникновению массовых заболеваний¹⁰. Основными источниками загрязнения признавались стоячие болота и пруды, испарения от больных и умерших животных и людей, испражнения, испорченная еда, гниющие растения, пары, исходящие из земных расщелин, – всё, что сопровождалось плохим запахом, сигнализирувавшим об опасности¹¹. Античным врачам было очевидно, что вдыхание такого воздуха вызывает болезнь¹², но механизм её появления оставался неясным. Древнеримские авторы Лукреций, Варрон, а затем Гален высказывали предположения о существовании в загрязнённом воздухе болезнетворных частиц («семян болезни» и «анималкул»), однако невозможность доказать их присутствие делало эти теории маргинальными для греко-римской медицины, сосредоточенной на конкретных проявлениях заболевания в теле человека.¹³ Воздух, тем не менее, продолжал считаться важнейшей внешней причиной и одновременно главным переносчиком болезней.

Положение о зависимости болезней от особенностей окружающей среды наиболее полно обосновано в двух трактатах Гиппократова корпуса: «О воздухах, водах и местностях» и «Эпидемии I–III». Эти тексты стали основополагающими для медицинских теорий жарких климатов в Новое время; врачи апеллировали к ним вплоть до начала XX в.

Трактат «О воздухах, водах и местностях» написан для врачей-периодетов, чья практика была связана с постоянными перемещениями между городами: автор указывает на наиболее значимые климатические и топографические элементы, позволявшие прогнозировать характерные для данного места заболевания. Говоря о сходствах и различиях регионов, автор не стремится показать все возможные вариации климатиче-

⁸ Nutton 2014: 32.

⁹ Гиппократ. О природе человека: 201–203.

¹⁰ Гиппократ. О ветрах. 1936: 264–266; О природе человека: 205. При этом у Гиппократ, использовавшего термин «эпидемии», имеется в виду именно совокупность разных заболеваний в одной местности в конкретное время, а не более знакомое нам и появившееся позже представление о распространении одной чётко определённой инфекционной болезни. См.: Martin, Martin-Granel 2006: 977–978.

¹¹ См.: Nutton 1983: 13.

¹² Гиппократ. О природе человека: 205.

¹³ Nutton 1983: 14–16.

ских условий. Вместо этого он описывает диаметрально противоположные географические среды, исходя из свойств которых можно определить качества всего многообразия промежуточных типов и, соответственно, типичные для них болезни. Эта гибкость гиппократовой традиции в дальнейшем позволила вписывать в неё всё новые природные ландшафты, открывавшиеся европейцам в Азии, Африке и Америке¹⁴.

Помимо собственно медицинских наблюдений, данный текст содержит положения о влиянии топографии и климата на физические и культурные свойства жителей Европы и Азии: мягкий климат азиатских стран, обеспечивающий изобилие природных даров, в то же время лишает их жителей энергичности и склоняет к праздности. Европейцы же, вынужденные бороться с суровой природой, наделены мужественным духом и трудолюбием. Идея о том, что «формы людей и нравы отражают природу страны»¹⁵ стала значимой частью философской мысли Запада и легла в основу дискуссий о расе и акклиматизации.

Во втором тексте «Эпидемии» (книги I и III) подробно рассматриваются «состояния погоды» (или «атмосферные конституции») каждого времени года в отдельно взятой местности и описывается влияние погодных изменений на характер заболеваний. Если трактат «О воздухах...» сосредоточен на пространственных различиях природных сред, то в «Эпидемиях» речь идёт о темпоральных различиях, основанных на наблюдениях большой длительности. Эти два способа медико-географического видения в дальнейшем найдут развитие в отдельных традициях медицинского описания и интерпретации ландшафтов¹⁶.

Во II в. н.э. врач и философ Гален объединил идеи Гиппократов и его последователей в систему, которая легла в основу западной медицины и в своих главных чертах сохраняла актуальность в течение нескольких веков. Положение о зависимости болезней от свойств окружающей среды продолжало оставаться частью медицинской традиции, но в системе Галена акцент был сделан на индивидуальном характере болезней¹⁷ – считалось, что они прежде всего определялись специфической природой каждого человека, его конституцией, диетой, образом жизни.

Изучение болезней жарких стран в раннее новое время

Колониальная экспансия нового времени привела европейцев на территории, неизвестные древним. Её основным вектором стали тропические регионы Азии, Африки и Америки. Изначально «тропики» были термином астрономическим, означавшим зоны между тропиком Козерога и тропиком Рака: в границах двух этих широт Солнце достигает зенита и поворачивает обратно (греч. *trōpikos*, *τροπικός* «поворотный круг»). Поскольку со времён античной Греции главной составляющей

¹⁴ Гиппократ. О воздухах...: 305. См. об этом: Seth 2020: 39.

¹⁵ Гиппократ. О воздухах...: 304.

¹⁶ Гиппократ. Эпидемии (книги I–III): 332–349, 371–378. О двух традициях медицинского описания см.: Seth 2020: 59–60.

¹⁷ Nutton 1983: 15.

климата считалась температура воздуха – на разнице температур было основано деление климатических поясов Земли на жаркие, умеренные и холодные¹⁸, – тропические территории попадали в категорию «жарких». Древние греки считали их непригодными для проживания человека и потому в основном необитаемыми. Открытия мореплавателей конца XV – XVI в. нанесли удар по этим представлениям. Уже к середине XVI в. стало очевидно, что ни одна часть Земли, «ни холодная, ни жаркая, не лишена обитателей»¹⁹. В тропических зонах обнаружили регионы, чьи климатические характеристики сильно варьировались. Среди них были не только территории, сложные для проживания европейцев (как Гвинейское побережье), но и довольно мягкие, благодаря пассатам, страны «вечного лета» (как Барбадос в Карибском море). Природное изобилие тропиков ошеломляло путешественников – в первых отчётах новые земли предстают как воплощение рая на Земле. Вместе с тем, с ростом европейского присутствия в колониях постепенно набирает силу и противоположная тенденция – тропики начинают описываться как патогенная зона. Это стало реакцией на вымирание европейцев, которые прибывали в колонии всё в большем числе, но редко могли провести там и несколько лет. Потребность в осмыслении причин высокой смертности обусловила появление значительного числа медицинских трудов; именно врачи сыграли важнейшую роль в патологизации тропиков. С течением времени в европейской культуре представление о тропиках как о нездоровом, гибельном пространстве вытесняет «райский» образ этих мест²⁰.

Разнообразие новых для европейцев природных сред давало богатый материал для уточнения медицинских теорий. С практической точки зрения понимание механизмов возникновения и закономерностей течения болезней в жарких климатах было критически важным в определении возможностей дальнейшей колонизации тропиков. Теоретико-методологической основой для медицинских исследований болезней жарких стран становится неогиппократизм.

Хотя основная часть Гиппократова корпуса, переработанная и дополненная Галеном, была хорошо известна в средневековой Европе, важнейшие трактаты, обосновывающие тесную связь между окружающей средой и здоровьем человека («О воздухах...» и «Эпидемии») имели ограниченное хождение. В эпоху Ренессанса происходит реактуализация этих текстов: они включаются в программу университетских курсов, многократно переиздаются и комментируются ведущими европейскими врачами²¹. В конце XVI в. появляются медицинские работы, написанные под очевидным влиянием «Воздухов», с описанием климата места и характерных для него болезней; в XVII в. начинают создаваться медицинские топографии отдельных регионов Старого и Нового Света,

¹⁸ Leighly 1974: 58.

¹⁹ Ramusio. Navigazioni e viaggi, 1: 8. 1563. Цит. по: Headley 1997: 3.

²⁰ Arnold 1996: 7; См также: Curtin 1961.

²¹ Siraisi 2019: 72–79, 94.

построенные на принципах гиппократова учения²². Интерес к «Воздухам» и «Эпидемиям» был следствием ряда факторов, далеко не все из которых имели отношение к медицине: заметную роль, например, играло стремление гуманистов объяснить происхождение и характер различных политических режимов, которые, согласно Гиппократу, зависели от особенностей окружающей среды²³. С расширением колониальной экспансии гиппократовы тексты становятся руководством для переселенцев, помогавшим определить возможности акклиматизации и стратегии выживания в новых природных условиях. Кроме того, эти трактаты значительно выделялись на фоне прочих медицинских текстов эпохи: в то время как в галеновой традиции (как и в большей части Гиппократова корпуса) внимание врача было сосредоточено на индивидуальном пациенте, в «Воздухах» и «Эпидемиях» речь шла о влиянии окружающей среды на здоровье целых групп людей²⁴. В раннее Новое время с ростом централизованных государств и формированием колониальных империй потребность в обеспечении здоровья групп – гарнизонов, флотских команд, населения городов и стран – становилась всё более насущной.

Важное значение имел и сам метод Гиппократ: акцент на необходимости внимательного наблюдения за состоянием пациента и окружающей средой отличал его труды от последующей галеновой «книжной» традиции, где упор делался на изучении уже известных теорий. В эпоху Бэкона, Бойля и Локка, считавших наблюдение единственной верной основой знания, такой подход казался особенно актуальным. В работах английского медика Т. Сиденгема (1624–1689), знаковой фигуры неогиппократизма, Гиппократ предстаёт в качестве идеала эмпирически ориентированного врача²⁵. Труды Сиденгема дали новый импульс поиску корреляций между всплесками заболеваемости и свойствами окружающей среды. Изучив серию вспышек различных эпидемических болезней в Лондоне в 1660–1670-х гг., Сиденгем переосмыслил прежнее понятие «атмосферной конституции», заменив его «эпидемической конституцией». Новое понятие обозначало специфическое состояние атмосферы, порождавшее конкретную болезнь (а не неопределённое множество разных болезненных синдромов, как у Гиппократа); по мысли Сиденгема, тонкие изменения совокупности погодных условий приводили к появлению новых болезней, каждая из которых зависела от уникальной конфигурации «эпидемической конституции», существовавшей в данный момент времени²⁶.

²² См., напр.: Prospero Alpini. De medicina Aegyptiorum (1591). Цит. по: Harrison 2010: 36–37; Clermont Charles. De aere, locis, et aquis terrae Angliae (1672). Цит. по: Miller 1962: 133. Одной из первых медицинских топографий стал труд Бернардо Рамадзини о Модене 1695 г. См.: Hannaway 1993: 301.

²³ См. Siraisi 2019: 94; Barrett 2000: 81–82 о труде Ж. Бодена «Метод легкого познания истории» (1566) как попытке применить идеи «Воздухов» к философии истории.

²⁴ Seth 2020: 32, 59.

²⁵ Sydenham 1717 (1696): IX.

²⁶ Sydenham 1717 (1696): 4–10.

Огромное разнообразие болезней, согласно Сиденгему, следовало упорядочить, создав классификации, подобные ботаническим²⁷. Составление типологий болезней требовало тщательного изучения метеорологических условий, сопутствовавших эпидемическим вспышкам, и предполагало многолетний сбор данных усилиями поколений учёных²⁸. Способы исследования свойств воздуха в это время значительно изменились благодаря развитию экспериментальных наук. Появление приборов для измерения атмосферного давления, температуры воздуха, количества осадков давало возможность квантифицировать наблюдения за погодой²⁹. Хотя работы самого Сиденгема продолжали описательную традицию Гиппократов, в трудах его последователей в. появляются количественные данные³⁰. Дальнейшее развитие медицинской метеорологии, основанной на инструментальном измерении, привело к появлению в XVIII в. масштабных проектов по составлению карт болезней европейских стран – исследований, которые внесли существенный вклад в укрепление идеи о связи заболеваний с окружающей средой³¹.

Влияние неогиппократизма на осмысление болезней жарких стран не было немедленным и повсеместным. Первые медицинские отчёты о тропических регионах, написанные в XVI в., были посвящены не климату, а лекарственным свойствам местных растений: широкий спектр экзотических средств – камфоры, шафрана, сандалового масла, листьев коки – вызывал в Европе большой интерес, обещая увеличение имевшегося терапевтического арсенала³². Отчасти такая тенденция отражала влияние гиппократовых текстов, где указывалось, что лекарства, как и болезни, формируются окружающей средой, и соответственно, могут быть найдены в тех же местах. Однако акцент на лекарствах, а не климате показывает, что в этот период далеко не все врачи считали окружающую среду важным фактором в этиологии болезней.

В небольшой книге англичанина Дж. Уэйтсона 1598 г., первой работе в европейской истории, полностью сосредоточенной на тропических болезнях, жара уже выступает в качестве одной из главных причин заболеваемости, но зависимость болезней от окружающей среды автором специально не обсуждается³³. Попытки систематического описания тропических болезней в тесной связи с климатическими условиями были впервые предприняты в работе голландского врача Якоба де Бондта (Бонтиуса) об Ост-Индии 1642 г.³⁴ Труд Бонтиуса, работавшего в Батавии – столице голландских колониальных владений на острове Ява,

²⁷ Sydenham 1717 (1696): VI.

²⁸ Sydenham 1717 (1696): 9-10.

²⁹ Hannaway 1993: 297.

³⁰ См., напр.: Arbuthnot 1733: 88, 165.

³¹ См. об этом: Hannaway 1993: 298–300.

³² О работах Г. де Орты, Н. Монардеса, Х. Акосты см.: Barrett 2000: 70–71; Harrison 2010: 33–34.

³³ Watson 1598.

³⁴ Bondt 1769 (1642).

представлял собой наиболее полное медицинское исследование тропического региона того времени. Врач подробно описал этиологию, симптомы, периодичность и способы лечения распространённых в этой части Ост-Индии болезней и сделал ряд выводов о зависимости заболеваний от свойств местности – её рельефа, направления ветра, времени суток и сезона. По Бонтиусу, климат Батавии был неблагоприятен для европейцев: её тёплый и влажный воздух ускорял распад тканей и был насыщен нездоровыми испарениями близлежащих болот³⁵. Голландский врач объяснял этиологию и течение болезней в терминах гуморальной медицины, однако свои заключения он дополнял данными патологоанатомических вскрытий. Бонтиус получил отличную подготовку по анатомии в Лейдене и как глава колониального госпиталя мог беспрепятственно заниматься диссекцией. За полтора столетия до врачей парижских клиник периода Революции Бонтиус описывал связи между симптомами болезней и картиной поражения внутренних органов³⁶.

Как отмечает М. Харрисон, переход к длительному наблюдению за пациентом в условиях госпиталя и практика вскрытий – перемены, составившие суть «клинической революции» во Франции 1790-х – начала XIX в., – начались в колониях значительно раньше, чем в Европе. В отличие от коллег, работавших в метрополии, колониальные врачи уже в XVII в. имели доступ к массам пациентов в поднадзорных им госпиталях и могли свободно проводить анатомические вскрытия. Отказ от предшествующей книжной, умозрительной медицинской традиции в пользу практико-ориентированной, основанной на наблюдении и эксперименте, происходил здесь гораздо быстрее³⁷. Работа Бонтиуса оказала большое влияние на медицинские труды по Ост-Индии и была хорошо известна в Европе³⁸. Интерес к окружающей среде разделяли и врачи, работавшие в западном полушарии: ссылаясь, как Бонтиус, на гиппократовы «Воздухи» и собственные наблюдения, они утверждали, что климат и топография местности во многом определяют набор характерных для неё болезней. Так, автор первой англоязычной монографии о тропических болезнях Томас Трэпем (1679) называет Гиппократа своим учителем и начинает работу главами о воздухе, водах и местностях Ямайки, буквально отсылая читателя к названию античного текста. Основной причиной болезней на Ямайке Трэпем считал воздействие на организм человека чрезмерной жары: по мнению врача, она вызывала избыточную выработку жёлтой желчи и предотвращала её нормальный отток³⁹.

Труд Трэпема и работы других его современников, показывают, что в XVII в. гиппократово учение о зависимости болезней от окружающей среды было общей теоретической основой медицинских работ о

³⁵ Bondt 1769 (1642): 15, 20, 109, 114.

³⁶ Bondt 1769 (1642): 85–99.

³⁷ Harrison 2010: 4, 65.

³⁸ Harrison 2010: 40.

³⁹ Trapham 1679: 2–49, 71, 84–87.

жарких климатах. Оно определило вектор дальнейших поисков, развивавшихся в направлении исследования свойств воздуха: именно они выходят на первый план в объяснении тропических заболеваний, особенно лихорадок, которые признавались главной причиной смертности европейцев в жарких странах. Внутри этой общей модели, однако, были возможны вариации; как отмечают исследователи, античный текст нередко был скорее конвенциональной рамкой, позволявшей представить работы европейских медиков в качестве части авторитетной классической традиции⁴⁰. Апелляции к имени Гиппократу не мешали авторам XVII и затем XVIII вв. рассматривать болезни с точки зрения механической философии и включать в объяснительные схемы данные новых научных открытий, например, У. Гарвея о работе сердца и сосудистой системы. С конца XVII в. в отчётах о тропических болезнях появляются элементы корпускулярных теорий, основанных прежде всего на учении Р. Бойля о свойствах воздуха. Показательно, что сам Бойль, разрабатывая свою теорию, опирался в том числе на сведения своих корреспондентов из жарких стран об особенностях местных климатов⁴¹.

Однако наибольшим влиянием у колониальных врачей пользовался Сиденгем, соединивший учение Бойля о воздушных частицах с важным для Гиппократу метеорологическим фактором. В его теории эпидемических конституций воздух играл важную роль: болезни возникали в результате особого состояния атмосферы, в которой вредоносные частицы воздуха с дыханием попадали в кровь человека и с кровью разносились по всему организму⁴². Для колониальных врачей акцент на влиянии воздуха на человека был особенно актуальным: климатические условия тропических зон очевидно отличались от европейских, и теория Сиденгема открывала возможность понять природу тропических болезней через изучение характеристик местного воздуха. Кроме того, метод Сиденгема позволял объяснять не только эндемические болезни, свойственные конкретной местности, но и гораздо более непредсказуемые массовые, эпидемические заболевания. Если первые были следствием устойчивого влияния окружающей среды, то вторые, по Сиденгему, определялись действием непостоянных природных факторов. Идентификация этих факторов могла помочь предотвращать эпидемии⁴³. Идеи Сиденгема распространялись на колониальных территориях и благодаря влиянию известного голландского врача Г. Бурхаве (1668–1738). Значительную долю его студентов в Лейденском университете составляли британцы, и на протяжении большей части XVIII в. теориями Бурхаве руководствовались медики Эдинбургского университета, главной «кузницы» кадров для британских заморских колоний⁴⁴.

⁴⁰ Miller 1962: 140; Harrison 2010: 31.

⁴¹ Boyle 1692: 151, 245–248. Об этом см.: Harrison 1999: 5.

⁴² Sydenham 1717 (1696): 1–2.

⁴³ Riley 1983: 167–168.

⁴⁴ Harrison 2010: 31.

В трудах врачей, работавших в тропических колониях, традиции гуморальной медицины и подходы механической философии легко дополняют друг друга. Так, в работе Р. Тауна 1726 года о болезнях на острове Барбадос в Вест-Индии внимание к поведению, диете и конституции человека, свойственное древнегреческим медицинским текстам, соединяется с механицистскими объяснениями влияния воздуха на заболеваемость. По мысли Тауна, избыточная влажность тропического воздуха в сочетании с его высокой температурой напрямую воздействует на сосудистую систему, расслабляя ткани, увеличивая вязкость крови и уменьшая скорость кровообращения. Результатом становится застой крови, который и приводит к появлению лихорадок⁴⁵. Но другие заболевания проистекают из разной восприимчивости к погодным условиям людей с разной конституцией: так, дизентерии и коликам, обычно возникающим в зной, в наибольшей степени подвержены пациенты с желчным темпераментом.⁴⁶ При этом оба способа объяснения болезней, как видно, включают атмосферные условия в качестве неперменного фактора заболеваемости. Опыты европейских учёных XVII в. с использованием различных приборов – барометра, термометра, вакуумного насоса – способствовали лучшему пониманию физических свойств воздуха. Благодаря экспериментам Бойля, Гука, Герике воздух становится исчислимой сущностью⁴⁷. Однако, хотя наблюдения за метеорологическими условиями велись в Европе уже с конца XVII в. (исследователи говорят о своеобразной моде на дневники погоды в этот период)⁴⁸, связи между заболеваемостью и состоянием воздуха практически не отслеживались. В колониях такими исследованиями занимались гораздо активнее. Неслучайно известный лондонский врач Джон Арбетнот, пытаясь объяснить учение Гиппократов «механическими причинами, проистекающими из качеств и свойств воздуха» в своём труде 1733 года, в основном обращался к отчётам врачей, работавших в тропиках⁴⁹.

Одной из наиболее влиятельных работ второй половины XVIII в., прослеживающей корреляции между атмосферными условиями и заболеваемостью, стал труд У. Хиллари о болезнях на Барбадосе 1759 г., многократно переиздававшийся в XVIII в.⁵⁰ Его первая часть представляет собой дневник наблюдений за погодой с указанием количества осадков, температуры в разное время суток, атмосферного давления и преобладающих в это время заболеваний. Структурно текст, построенный на длительных, 30-месячных наблюдениях в одном регионе, повторяет гиппократовы «Эпидемии», хотя описательные определения погоды и дополнены здесь – в духе времени – количественными данными⁵¹.

⁴⁵ Towne 1726: 10–13.

⁴⁶ Towne 1726: 71, 114.

⁴⁷ Hannaway 1993: 304.

⁴⁸ Seth 2020: 67.

⁴⁹ Arbuthnot 1733: 152–153.

⁵⁰ Hillary 1811 (1759). О переизданиях см.: Seth 2020: 57.

⁵¹ Hillary 1811 (1759): 15–97.

Вторая часть организована вокруг пространственных, а не темпоральных различий: речь идёт о болезнях, свойственных всей Вест-Индии как климатически отличному от Европы региону. Эта модель, более конвенциональная для работы о жарких климатах, ориентирована на гиппократовы «Воздухи»⁵². Как ученик Бурхаве, Хиллари объяснял этиологию болезней в терминах механической философии: жаркий тропический воздух разреживает и ощелачивает жидкости внутри организма, которые блокируют мелкие сосуды и «секреторные поры» и вызывают ряд патологических состояний, от стригущего лишая до дизентерии⁵³.

Отслеживание колебаний свойств погоды с помощью новейших измерительных приборов, по мысли учёных конца XVII–XVIII в., должно было дать устойчивую, доказательную основу теориям возникновения болезней. Дополнительным стимулом для таких исследований стало появление жёлтой лихорадки в американских колониях в конце XVII в. Вирус, вызывающий это заболевание, по-видимому, был занесён из Африки с судами работорговцев: с XVII в. в колониях Карибского бассейна активно развивалось плантационное хозяйство, основанное на рабском труде. Обилие стоячей воды на плантациях обеспечивало идеальную почву для размножения комаров *Aedes aegypti*, переносивших патоген. С Карибских островов жёлтая лихорадка распространилась на североамериканский континент, вызвав масштабные эпидемии в Филадельфии, Нью-Йорке и Бостоне, и на юг – в Эквадор, Колумбию и Перу. Размах эпидемий жёлтой лихорадки, сопровождавшихся высокой смертностью европейских солдат и поселенцев, поместил эту болезнь в центр внимания медицинского сообщества Запада. Исследования местных врачей показывали, что вспышки заболевания приходились на пик жаркого сезона – «в особенности если ему предшествовала тёплая, влажная погода»⁵⁴. Как известно сейчас, такая периодичность связана с особенностями жизненного цикла комара *Aedes aegypti*, который не может выживать и размножаться без воды и теряет активность при температуре ниже +17°C.⁵⁵ Врачам же XVIII в. было очевидно, что жёлтую лихорадку вызывает сочетание погодных факторов, и повторяющийся каждый год паттерн лишь убеждал их в верности выводов.

Хотя ценность наблюдений за погодой в XVIII в. признавалась многими врачами, и систематические метеорологические измерения велись не только в Новом Свете, но и в Европе, именно в колониях, где заболеваемость европейцев особенно явно коррелировала с климатическими условиями, представление о связи между климатом и болезнями, ранее основанное на обыденном опыте, оказалось научно доказано и в XVIII в. превратилось в медицинскую догму⁵⁶.

⁵² Hillary 1811 (1759): 105–260. О двух разных моделях медицинского описания колониальной территории см.: Seth 2020: 59–60.

⁵³ Hillary 1811 (1759): VI–VII, IX, 148, 256–257.

⁵⁴ Hillary 1811 (1759): 57.

⁵⁵ Cooper, Kiple 1999: 1101.

⁵⁶ Kupperman 1984: 238–239.

Опасности жарких стран: медико-географическое осмысление тропиков во второй половине XVIII–XIX вв.

Главным в изучении заболеваний жарких климатов долгое время оставался вопрос о том, отличались ли они от европейских лишь размахом или же были принципиально иными. От ответа на этот вопрос зависели способы их лечения и профилактики, а в стратегическом плане – возможности колонизации тропических регионов европейцами.

В свидетельствах конца XVI – XVII в. отношение к жарким климатам оставалось довольно амбивалентным: в одних текстах сохранялась позитивная тональность ранних отчётов путешественников, описывавших тропические регионы как идиллически прекрасные и изобильные⁵⁷. В качестве референтной точки выступали европейские времена года – обычно весна или лето: так, в 1645 г. поэт Э. Уоллер называл Бермуды «летними островами»⁵⁸, а врач Трэпем, говоря о Ямайке как о «летней стране», отмечал её мягкий и благоприятный климат, отсутствие многих знакомых в Европе болезней – таких, как цинга или оспа – и в целом более лёгкое течение заболеваний⁵⁹. Но другие авторы высказывали настороженность в отношении тропической жары, указывая на неизбежное нарушение баланса между телом, привычным к умеренному климату, и новой, резко отличающейся окружающей средой. Первые поселенцы Барбадоса сомневались в возможности «переносить такой зной, не задыхаясь» и описывали ощущения «поджаривания» и потери «живости и бодрости» на палящем солнце острова⁶⁰.

Такие расхождения в оценках отчасти были следствием различий природных сред тропических регионов: одни были более пригодны для проживания европейцев, чем другие. При этом само разнообразие вариантов описания показывает, что в XVII – первой половине XVIII вв. тропики не считались единой болезнетворной зоной. Но оценки свойств тропиков могли варьироваться и в рамках одного региона и зависеть, например, от переселенческой повестки. Необходимость привлекать европейских поселенцев в американские колонии обуславливала регулярное появление в XVII в. позитивных описаний жарких климатов с акцентом на благотворности тёплого воздуха⁶¹. Кроме того, по наблюдениям С. Сета, разногласия в отношении влияния жарких климатов на здоровье могли определяться не столько медицинскими аргументами, сколько вопросом о том, кому принадлежит авторитетное знание о болезнях – экспертам из метрополии или малоизвестным местным врачам. В то время как знаменитые врачи из Лондона утверждали, что в болезнях европейцев, живущих в тропиках, нет ничего принципиально отличного и значение имеет лишь квалификация доктора, колониальные

⁵⁷ Как, например, в описании Ямайки Колумбом в 1495 г. См.: Wey Gómez 2008: 225.

⁵⁸ Seth 2020: 43.

⁵⁹ Trapham 1679: 3, 57–61, 68–69.

⁶⁰ R. Ligon. A True and Exact History of the Island of Barbados. London, 1673 (1657). Цит. по: Kupperman 1984: 214.

⁶¹ Seth 2020: 55–56; Kupperman 1984: 217.

врачи акцентировали внимание на различиях в симптомах и течении местных заболеваний, разобраться в которых может лишь медик, хорошо знающий регион⁶². Наконец, одна и та же территория могла выступать и как схожая, и как особенная в рамках одного текста: так, в уже упоминавшейся работе У. Хиллари о болезнях на Барбадосе медико-метеорологические наблюдения первой части в духе гиппократовых «Эпидемий» и трудов Сиденгема помещают остров в один ряд с Европой – заболевания описываются как зависящие от сезонных характеристик воздуха, и географические характеристики места отходят на второй план. В то же время во второй части, опиравшейся на «Воздухи» и посвящённой эндемическим болезням острова, география Барбадоса имеет первостепенное значение, поскольку определяет набор специфически вест-индских заболеваний, связанных с жарким климатом⁶³.

Несмотря на многообразие мнений о болезнях тропических территорий, в целом врачи XVII – первой половины XVIII в. были в большей степени ориентированы на поиск сходств между ними и заболеваниями, свойственными Европе. Как правило, речь шла о лихорадках разного рода, считавшихся в то время не симптомом, а самостоятельным заболеванием, и внешние их признаки не слишком отличались от лихорадок, обычных для европейских летних месяцев. Врачам было очевидно, что в жарком климате знакомые им болезни меняют характеристики – их течение резко ускоряется или симптомы становятся более выраженными, но сами заболевания не рассматривались как принципиально иные.

Однако к середине XVIII в. представления о болезнях жарких климатов изменились. Врачи, работавшие в тропиках, всё более склонялись к точке зрения о тропических болезнях как отличных от европейских и требующих особенного подхода к терапии. Уже в работе Р. Тауна 1726 года о Барбадосе климат и природа острова выступают как специфическая патогенная среда; Таун, описывая несколько неизвестных в Европе болезней, показывает, что и терапия, и методы диагностики заболеваний не универсальны и зависят от местных условий⁶⁴. В труде У. Хиллари 1759 г. не просто говорится о болезнях, свойственных тому же острову, – ряд из них определяются как характерные для тропиков в целом⁶⁵.

Такая перемена стала следствием целого ряда факторов: рост числа военных и гражданских поселений европейцев в тропических колониях и расширение медицинской сети стимулировал научные исследования местных болезней. Интенсификация военных и торговых контактов между колониями способствовала обмену накопленной информацией и увеличению корпуса медицинского знания о тропиках. Появление в Западном полушарии болезней, характерных для жарких зон Восточного (таких, как привезённая с рабами из Африки жёлтая лихорадка), пока-

⁶² Seth. 2020: 15, 25–30, 44–56.

⁶³ Hillary 1811 (1759); см. об этом: Seth. 2020: 60.

⁶⁴ Towne 1726: 61–63; 184–192.

⁶⁵ Hillary 1811 (1759): 105–131, 218–227.

зывало сходство разных тропических регионов между собой и объединяло их в одну патогенную область.

Первой попыткой синтезировать медицинские знания о тропиках стала работа военно-морского хирурга Джеймса Линда «Эссе о болезнях европейцев в жарких климатах» (1768)⁶⁶. Сведения, собранные на отдельных и очень разных территориях – от Суматры и Индии до восточного побережья Африки и Карибских островов, – были объединены в общую медико-географическую концепцию «жарких стран». В то время как раньше, писал Линд, заболеваемость и смертность европейцев в тропиках приписывалась погрешностям их диеты и образа жизни, теперь стало очевидно, что виной тому было воздействие «вредного для здоровья климата»⁶⁷. В трудах современников и последователей Линда «нездоровость» воздуха из универсальной, характерной для разных климатов черты превратилась в специфическую, практически постоянную и главную особенность жаркого, тропического климата. Врачи указывали на обильную растительность – основной источник миазмов, на тропическую жару и влажность, придававшие необыкновенную скорость процессам распада тканей, наконец, на ослабляющее воздействие жаркого климата на организм европейцев, который утрачивал способность к сопротивлению действию миазмов⁶⁸. В ряде медицинских текстов говорилось о неприменимости многих положений европейской медицины в тропических колониях, поскольку болезни – даже такие хорошо известные европейцам, как дизентерия и гепатит – приобретали в тропиках другие характеристики⁶⁹. В этих работах жаркие страны выступали в качестве отдельной эпидемиологической категории, требующей особого подхода: появилась медицина жарких климатов⁷⁰.

Принципиально важным оставался вопрос о возможности выживания европейцев в климатически враждебной среде тропических колоний. Проблемы акклиматизации, постоянно обсуждавшиеся в это время, были тесно связаны с концепциями расы и культурных различий. Согласно М. Харрисону, примерно до конца XVIII в. считалось, что европейцы смогут постепенно адаптироваться и жить в тропиках. Эта идея основывалась на распространённом в эпоху Просвещения убеждении, что человеческое тело может постепенно изменяться в ответ на влияние климата, вплоть до изменения цвета кожи, и приобретать иммунитет к местным болезням⁷¹. Чтобы приспособиться к жизни в тропиках, европейцы должны заимствовать отдельные элементы туземных обычаев

⁶⁶ Lind 1771 (1768).

⁶⁷ Lind 1771 (1768): 4–16.

⁶⁸ Lind 1771 (1768): 10; Wilson 1780: 10–22, 40; Johnson 1846 (1813): 23, 51; Annesley 1828: 49–50, 58–60; Medical report. 1858. RAMC/509/3. Wellcome Collection. См. также свидетельства военных: Lieutenant Colonel Robert Kyd to David Hay. 1790. IOR/P/3/53. British Library: 682.

⁶⁹ Madden 1829: 375 – 376; Johnson 1846: 248 – 251.

⁷⁰ Harrison 2010: 64, 72.

⁷¹ Harrison 1996: 74–76.

– например, манеру одеваться или принимать пищу, – и следовать местным практикам поведения⁷².

К XIX в. оптимизм в отношении акклиматизации европейцев в тропиках постепенно угас: смертность от местных болезней была по-прежнему высокой, и всё больше колониальных врачей высказывало убеждение в невозможности полной адаптации европейцев к тропической среде. Начиная с 1820-х гг. этот тезис стали обосновывать фундаментальными биологическими различиями между европейцами и туземным населением. К 1850-м гг. идея о различиях была уже твёрдо укоренена; невозможность адаптации европейцев к тропикам выступала в качестве аргумента о непреодолимой пропасти между физическими характеристиками туземцев и европейцев⁷³.

В концепциях расовых различий заметная роль принадлежала климатическим объяснениям: со времён античных философов считалось, что расовые характеристики определялись теми климатами, в которых представители этих рас жили тысячелетиями. В медико-географических теориях местное население определялось как неотъемлемая часть среды, как сформированное своим климатом и потому отражавшее его важнейшие свойства⁷⁴.

Так же, как и расы, климаты приобретали фиксированные характеристики. Жаркие климаты, противопоставляемые умеренным, всё чаще описывались как сущностно нездоровые и патогенные, ассоциировавшиеся с «нестерпимой жарой, болотами, грозящими лихорадкой, полчищами насекомых и милями непролазных джунглей»⁷⁵. Такое медико-географическое восприятие тропиков как нездоровых по самой своей сути становилось основанием для активных административных действий в колониях. «Неправильные» местности было необходимо исправить, оздоровить – через внедрение сельского хозяйства европейского типа, через осушение болот, вырубку лесов, в дальнейшем – с помощью санитарных мер и городского планирования⁷⁶.

К концу XIX в. в связи с развитием бактериологии роль климата и топографии в медицинском имперском дискурсе постепенно уходит на второй план, однако сама идея тропиков как патологического и патогенного пространства, связанного, по словам Д. Арнольда, с «острым, почти осязаемым чувством тропической опасности»⁷⁷, оставалась актуальной и продолжала влиять на способы обсуждения колониальных территорий. Характерно, что, хотя большая часть медицинских объяснений жарких климатов была посвящена районам влажных тропических лесов, в категорию «жарких стран» регулярно включались и земли с сухим

⁷² См.: Johnson 1846 (1813): 575–608; Madden 1829: 381–386.

⁷³ Harrison 1996: 74–83, 87–88.

⁷⁴ Harrison 1999: 13–14.

⁷⁵ Curtin 1961: 94.

⁷⁶ См., напр.: Lind 1771 (1768): 165, 84. Bewell 1999: 39–42.

⁷⁷ Arnold 1996: 7.

тропическим климатом (зоны пустынь), и субтропические прибрежные зоны, и даже территории с континентальным (Китай, Иран) и умеренным (Алжир, Марокко) климатом. Все эти земли объединяли общие коннотации экзотичности, опасности и культурной отсталости их жителей. Все они были «тропическими», или, по выражению А. Мулен, «*para-tропическими*»: быть тропическим означало быть готовым к колонизации европейцами⁷⁸. Размытость границ категорий «тропиков» и «жарких климатов» в XVII–XIX вв. показывает условность их связи с географическими характеристиками конкретного региона и демонстрирует их встроенность в дискурсивный имперский контекст.

Столкновение европейцев с новыми природными средами в ходе колониальной экспансии способствовало актуализации античных концепций, связывавших здоровье человека с географическими особенностями места. Развитие этих концепций с опорой на новые научные методы и медицинские практики – главную роль здесь сыграли метеорологические наблюдения и распространённые в колониях анатомические вскрытия – привело к трансформации представлений о болезни и здоровье. Если в античности и в средневековье болезни считались прежде всего следствием индивидуального поведения, в новое время центральное место в объяснении заболеваний стало отводиться воздействию окружающей среды. Античные правила в отношении диеты и режима продолжали существовать – многие из них используются до сих пор, – но акценты в объяснительных моделях эндемических и эпидемических заболеваний сместились в сторону характеристик воздуха, определяемых топографией и географией местности.

Наблюдения и выводы врачей о влиянии среды на здоровье, сделанные на материале жарких климатов, широко использовались и вне колониальных контекстов – при расквартировании солдат, устройстве тюрем, больниц и фабрик в городах, – везде, где «нездоровый» воздух мог способствовать появлению массовых заболеваний. Невозможность контролировать свойства климата заставляла сделать ставку на следование санитарно-гигиеническим правилам, подразумевавшим как приспособление к окружающей среде (выбор «здорового» места, обеспечение вентиляции жилищ), так и её активное преобразование.

В колониях, где патогенность сред всё чаще ассоциировалась с образом жизни туземного населения, трансформация окружающего пространства была не просто способом сохранения здоровья европейцев, но также и частью цивилизаторской миссии. Медицинские концепции жарких климатов, таким образом, не только определяли стратегии выживания европейцев в колониях, но и формировали имперское видение территорий, а также играли важнейшую роль в конструировании культурной «инаковости», выстраивая оппозиции между здоровым и патологическим в человеческом теле и в окружающей среде.

⁷⁸ Moulin 1996: 161.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гиппократ. Избранные книги / Под ред. В.П. Карпова. М.: Государственное изд-во биологической и медицинской литературы, 1936. [Gippokrat. Izbrannye knigi / Pod red. V.P. Karpova. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1936.]
- Карпов В.П. Гиппократ и Гиппократов сборник / Гиппократ. Избранные книги / Под ред. В.П. Карпова. М.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы, 1936. С. 9–81. [Карпов В.П. Gippokrat i Gippokratov sbornik. /Gippokrat. Izbrannye knigi / Pod red. V.P. Karpova. M.: Gos. izdatel'stvo biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1936. S. 9–81.]
- Annesley J. Researches into the Causes, Nature, and Treatment of the More Prevalent Diseases of India, and of Warm Climates Generally: Illustrated with Cases, Post Mortem Examinations, and Numerous Coloured Engravings of Morbid Structures. London, 1828.
- Arbuthnot J. An essay concerning the effects of air on human bodies. L.: Printed for J. Tonson, 1733.
- Bondt J. An Account of the Diseases, Natural History, and Medicines of the East Indies. Translated from the Latin of James Bontius, Physician to the Dutch Settlement at Batavia. To which are added annotations by a Physician. London: T. Noteman, 1769 (1642).
- Boyle R. The General History of the Air, Designed and Begun by the Hon. Robert Boyle Esq. London: Awnsham and John Churchill, 1692.
- Irvine, Lieut. Memoir of the Climate, Soil, Products and Husbandry of Afghanistan and the neighbouring Countries. 1812. British Library IOR/H/659.
- Johnson J. The Influence of Tropical Climates on European Constitutions. N.Y., 1846 (1813).
- Hillary W. Observations on the Changes of the Air and the Concomitant Epidemical Diseases, in the Island of Barbados. To Which is Added a Treatise on the Putrid Bilious Fever, Commonly Called the Yellow Fever; and Such Other Diseases as Are Indigenous or Endemial, in the West India Islands, or in the Torrid Zone. Philadelphia: B.&T. Kite, 1811 (1759).
- Lieutenant Colonel Robert Kyd to David Hay, Secretary to Government, 30 July 1790. Proceedings regarding the climate of Northern India. Bengal Public Proceedings, IOR/P/3/53. Asia, Pacific and African Collections, British Library.
- Lind J. An Essay on Diseases Incidental to Europeans in Hot Climates. L.: Printed for T. Becket and P.A. De Hondt, 1771 (1768).
- Madden R. Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine. London, 1829.
- Medical report to accompany the return of sick and wounded of HM's 84th Regiment of Foot for the year ending 31 March 1858. Papers of Surgeon General Francis Innes. Royal Army Medical Corps Muniments Collection, RAMC/509/3. Wellcome Collection.
- Proceedings regarding the climate of Northern India. 1790. British Library IOR/P/3/53.
- Sydenham T. The Whole Works of That Excellent Practical Physician, Dr. Thomas Sydenham: Wherein Not Only the History and Cures of Acute Diseases Are Treated Of, After a New and Accurate Method; but Also the Shortest and Safest Way of Curing Most Chronical Diseases. Transl. by John Pechey. London: M. Wellington, 1717 (1696).
- Towne R. A treatise of the diseases most frequent in the West-Indies, and herein more particularly of those which occur in Barbadoes. London: Printed for J. Clarke, 1726.
- Trapham Th. A Discourse of the State of Health in the Island of Jamaica with a Provision Therefore Calculated from the Air, the Place, and the Water, the Customs and Manner of Living &c. By Thomas Trapham. London: Printed for R. Boulter, 1679.
- Watson G. The cures of the diseased, in remote regions. Preventing mortalitie, incident in forraine attempts, of the English nation. London: F. K[ingston] for H. L[ownes], 1598.
- Wilson A. Rational advice to the military, when exposed to the inclemency of hot climates and seasons. London: Printed and sold by W. Richardson, 1780.
- Arnold D. 'Tropical Medicine Before Manson'. Warm Climates and Western Medicine: the Emergence of Tropical Medicine, 1500-1900. Ed. by D. Arnold. Amsterdam: Rodopi, 1996.
- Barrett F.A. Disease and Geography: The History of an Idea. Toronto, Ontario: Geography Department, York University, 2000.
- Bewell A. Romanticism and Colonial Disease. Baltimore, Md: Johns Hopkins U.P., 1999.
- Cooper D.B., Kiple K.F. 'Yellow fever'. The Cambridge World History of Human Disease. Ed. by K.F. Kiple. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1100 – 1107.
- Chakrabarti P. Medicine and Empire: 1600-1960. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Curtin Ph. 'The "White Man's Grave": Image and Reality, 1780-1850'. Journal of British Studies. 1961. Vol.1, no.1. P. 94-110.

- Hannaway C. 'Environment and Miasmata'. Companion Encyclopedia of the History of Medicine. Ed. by W.F. Bynum and R. Porter. Vol.1. London: Routledge, 1993. P. 292 - 308.
- Harrison M. 'The Tender Frame of Man: Disease, Climate, and Racial Difference in India and the West Indies, 1760-1860.' Bulletin of the History of Medicine. 1996. Vol. 70, Nr. 1. P. 68–93.
- Harrison M. Climates and Constitutions: Health, Race, Environment and British Imperialism in India, 1600-1850. New Delhi: Oxford University Press, 1999.
- Harrison M. Medicine in an age of commerce and empire: Britain and its tropical colonies, 1660–1830. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Headley J. M. 'The Sixteenth-Century Venetian Celebration of the Earth's Total Habitability: The Issue of the Fully Habitable World for Renaissance Europe'. Journal of World History. 1997. Vol. 8, no. 1. P. 1–27.
- Kupperman K.O. 'Fear of Hot Climates in the Anglo-American Colonial Experience'. The William and Mary Quarterly. 1984. Vol. 41, No. 2. P. 213–240.
- Leighly J. 'Early Steps in the Classification of Climates'. In: Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers. 1974. Vol. 36. Iss.1. P. 57–70.
- Martin P. M.V., Martin-Granel E. '2,500-year Evolution of the Term Epidemic'. In: Emerging Infectious Diseases. Vol. 12, No. 6, June 2006. P. 977–978.
- Miller G. "'Airs, Waters, and Places" in History'. Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1962. Vol. 17, No. 1. P. 129–140.
- Moulin A.M. 'Tropical Without the Tropics: The Turning-Point of Pastorian Medicine in North Africa'. Warm Climates and Western Medicine: the Emergence of Tropical Medicine, 1500-1900. Ed. by D. Arnold. Amsterdam: Rodopi, 1996.
- Nutton V. 'The Seeds of Disease: An Explanation of Contagion and Infection from the Greeks to the Renaissance'. In: Medical History. 1983. Vol. 27. P. 1–34.
- Nutton V. Ancient Medicine. London: Routledge, 2014.
- Riley J. 'The Medicine of the Environment in Eighteenth-Century Germany'. In: Clio Medica: Acta Academiae Internationalis Historiae Medicinae. 1983. Vol. 18. P. 167–178.
- Senior E. The Caribbean and the Medical Imagination, 1764-1834: Slavery, Disease and Colonial Modernity. Cambridge, United Kingdom; N.Y.: Cambridge University Press, 2018.
- Seth S. Difference and Disease: Medicine, Race, and the Eighteenth-Century British Empire: Cambridge University Press, 2020.
- Siraisi N.G. History, Medicine, and the Traditions of Renaissance Learning. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019.
- Snowden F.M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven: Yale University Press, 2020.
- Wey Gómez N. The Tropics of Empire: Why Columbus Sailed South to the Indies. Cambridge (Massachusetts): MIT, 2008.

Афанасьева Анна Эдгардовна, кандидат исторических наук, доцент, Школа философии и культурологии, НИУ «Высшая школа экономики»; aafanasieva@hse.ru

Hot climates theories in European medical literature of modern times

The article is focused on climatic explanations of the pathogenicity of the tropics, which dominated in Western medicine of the modern period. It explores the relationship between the conceptualisation of hot climates by physicians and the changing intellectual and political contexts of the 17th – 19th centuries.

Key words: *imperial medicine, medical knowledge, tropical medicine, hot climates*

Anna Afnasyeva, PhD, Associate Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow. E-mail: aafanasieva@hse.ru

А.Ю. ФОМИН

«МОНГОЛЫ» И «ЕВРЕЙСКИЙ КАПИТАЛ» ПРОТИВ «БЕЛОГО ЦАРЯ» РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО В ПОИСКАХ ПРОГРАММЫ «ПАТРИОТИЧЕСКОЙ» ПРОПАГАНДЫ¹

Рассматриваются идейные поиски историка-любителя полковника Ф.И. Сурина и его единомышленников в контексте идеологического противостояния противникам самодержавия в период Первой русской революции и «думской монархии». Особое внимание уделяется их общим представлениям о роли России в мировом историческом процессе и текущих политических задачах российского государства.

Ключевые слова: Сурин, Первая русская революция, «желтая опасность», расизм, русский национализм, русское офицерство, Скобелев, Мошков

Первая русская революция была временем небывалого общественного подъема. Доминирование противников режима в публичном пространстве заставило охранителей выйти на политическую сцену и начать с ними борьбу. Первоначальная растерянность правительства перед натиском «освободительного движения» побуждала консерваторов из «публики» проявлять инициативу. Относительно своих оппонентов реакционное движение казалось инертным и разобщенным, однако охранительная мобилизация частично затронула группы, декларировавшие свою принципиальную аполитичность, в т.ч. армейское офицерство. В создавшихся условиях некоторые военные считали своим долгом ради «спасения отечества» принять участие в политической борьбе, хотя бы давая официальным лицам ценные, как им казалось, рекомендации по преодолению текущего кризиса и сплочению народа.

12 октября 1905 года на стол исполняющего должность начальника Главного штаба генерала А.А. Поливанова лег документ, содержащий, по мнению его автора, предложения исторической значимости; общероссийского и даже международного масштаба. Это была записка «Об интеллектуальном противодействии посредством: а) литературы, б) сцены, в) пения, г) проповеди и лекций, д) школьных учебников и т.д.», составленная полковником Федором Иосифовичем Суриным – осматривающим оружие штаб-офицером управления Казанского военного округа²¹.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90046 «Российское офицерство и публичная политика в период думской монархии (1906–1914)».

²¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 290. Ф.И. Сурин родился в 1846 г., происходил из потомственных дворян Казанской губернии. В 1863 г. он был выпущен из Александровского сиротского кадетского корпуса в Екатеринбургский лейб-гренадерский полк в чине подпоручика. Участвовал в подавлении польского восстания 1863–64 гг. С 3 января 1878 г. он находился на театре Русско-турецкой войны, где «заведовал боеприпасами» во взятой русскими войсками крепости Силистрия. С 1879 г. Сурин служил в частях и административных подразделениях Казанского военного округа. В 1910 г. был отправлен в отставку с присвоением чина генерал-майора (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3234. л. 2-19). С 1880 г. состоял «членом-сотрудником» Общества

Кому или чему полковник Сурин считал необходимым оказать «интеллектуальное противодействие» посредством печати, изящных искусств, а также лекций, проповедей и школьных учебников? По его убеждению, абстрактным врагам России, к которым относились как революционеры, так и их мнимые зарубежные покровители, удалось наполнить и увлечь антигосударственной «литературой и проповедью <...> ¼ наших газет, журналов, нашей интеллигенции, высших и средних учебных заведений». Несмотря на то, что Сурин не слишком хорошо владел политическим языком эпохи и называл революционную агитацию «проповедью», его мысли звучат весьма современно. Говоря нынешним языком, его главный посыл состоял в том, что российское государство проигрывает в развязанной против него «информационной войне»: «Этому [революционному] увлечению дает отпор лишь сила войска и полиции. Отпор интеллектуальный – разоблачение лживости и опасности для Руси революционных действий – вовсе не организован, не поручен верноподданнической интеллигенции и не действует так же умело и решительно как вражий». В качестве примера того, как правительству следует действовать в информационном поле, Сурин указывал на опыт недавнего противника России – Японии: «Сановникам, полководцам, литераторам велено было сочинять и пускать в ход боевые песни, стихи, пьесы, статьи, разъяснявшие цель, выгоды, опасности, уязвимые места России и т. д. Десятилетние упорные внушения, как известно, вполне окупили все усилия и расходы, доказали всему миру, что литературные, психические внушения так же могущественны и необходимы для победы, как заранее подготовленное, многочисленное войско»³.

Забываясь о благе Родины, полковник разработал целую программу широкой патриотической пропагандистской кампании. Все те ресурсы, которые, в понимании Сурина, использовал против России враг, должны были быть обращены против него. На организационном уровне силами Главного штаба, Совета государственной обороны, управления военнo-учебных заведений и ведомства народного просвещения надлежало создать своего рода Министерство пропаганды в виде комитетов или особых совещаний «для руководства литературной, учебной, верноподданнической деятельностью, для интеллектуальной борьбы с революцией и прессой, закупленной врагами, с людьми, увлеченными психической эпидемией»⁴. От общих целей Сурин переходил к конкретным задачам. Каждый комитет, в зависимости от сферы своей компетенции (будь то литература, печать, театр, «публичные лекции и проповеди»), должен был заниматься внедрением в общественное сознание круга основополагающих, по мнению полковника Сурина, идей. Во-первых, спасение

археологии, истории и этнографии при Казанском университете, но в изданиях общества его работы не печатались. В 1914-1916 гг. пожертвовал казанскому городскому музею коллекцию археологических артефактов, «этнографических предметов» и книг. Скончался в 1919 г. (Сидорова 2014: 239).

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 290.

⁴ Там же.

России заключено в духовном единении православной церкви и самодержавия (традиционный, восходящий к Н.М. Карамзину «символ веры» русских консерваторов): «Русь объединилась, усилилась и спаслась от ига монголов только благодаря объединяющей всех сильной власти русского царя, и благодаря воодушевлению, поддержанному русской православной верой». Во-вторых, Россия находится в готовом сомкнуться кольце врагов: «Это объединение посредством царя и креста снова стало необходимым ввиду замышленного и возможного нового нашествия на Русь союзных войск Японии, Китая, Англии и др.». В-третьих, России принадлежит великая историческая миссия защиты христианской цивилизации Европы от варварского Востока: «Россия – защитница всей Европы от Азии. Усиление России прекратило разгром Европы – турками, монголами и другими выходцами из Азии. Ослабление России поведет к разгрому всей Европы, к падению ее культуры»⁵. Развивая этот пункт своей программы, Сурин выходил за пределы внутренней политики. По его убеждению, Россия должна была немедленно заняться ни чем иным как материальной, организационной и пропагандистской подготовкой «нового крестового похода против желтой расы». Вокруг этой цели должна была строиться внешняя политика страны. Русскому царю надлежало заключить «союзный крестовый договор» со славянскими и православными государствами: Болгарией, Сербией, Черногорией, Румынией и Грецией. На первый взгляд, это образование напоминает «всеславянский союз» Н.Я. Данилевского, однако, по мысли Сурина, со временем к этому причудливому православному, панславянскому и антивосточному блоку, осознав эпохальное значение и глубокую справедливость его целей, неизбежно примкнули бы все прочие христианские народы. Видимо, тогда и должен был начаться великий азиатский «крестовый поход» христианского Запада с православным царем во главе. Таким образом, полковник отметал идею особого, чуждого Европе славянского «культурно-исторического типа». Напротив, он видел Россию законной защитницей и главой не только славянства, но и всей семьи европейских народов. «Неблагодарным» западным братьям стоило лишь признать очевидные права России на первенство.

Полковник Сурин гордился своими историческими штудиями. В последнем пункте его программы содержалось безапелляционное требование «внести в школьные учебники истории» предлагаемое им «объяснение причин прежнего завоевания России и указание на необходимость готовиться к новому нашествию». Положения, в соответствии с которыми надлежало привести школьные учебники, начальник Главного штаба должен был найти в прилагаемой к проекту статье Сурина «Завоевание России монголами: прежнее и замышляемое». В 1904 г. эта статья объемом приблизительно в два авторских листа была помещена в декабрьском номере консервативного журнала «Русский вестник». Она являлась своего рода итогом многолетних изысканий Сурина в области

⁵ Там же. Л. 290об.

истории, археологии, этнографии и даже сравнительного языкознания. Являясь деятельным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, полковник, по собственным словам, провел много «историко-археологических исследований» в Поволжье и Приуралье. Накопленные данные позволили ему создать оригинальную концепцию истории Евразии со времен раннего Средневековья.

Отправной точкой для Сурина стало неожиданное наблюдение, сделанное им в ходе осмотра средневековых памятников Поволжья: «древнемонгольские» (золотоордынские) укрепления очень напоминали ему западноевропейские крепости и замки. Поразило его и обнаруженное в ходе раскопок множество вещей «несомненно западноевропейской работы». Другое наблюдение относилось уже к области языкознания: по мнению полковника, многие «монгольские названия», например, «орда, татары, алай» наверняка имели латинское происхождение. Подозрения Сурина усилились после того, как он заметил большое сходство «монгольского – буддийского» богослужения с католическим. После еще одного наблюдения становится ясно, к чему полковник подводит читателя: ему показалось очень странным, что практически одновременно с монголами вторглись на Русь крестоносцы и шведы⁶. По его мнению, в XIII в. существовал глобальный заговор против православия с папой римским во главе. Несмотря на взятие Константинополя в 1204 г., крестоносцы не сумели полностью сломить сопротивление православных славян и греков. Для этого, а также для борьбы с исламским миром им и понадобились язычники-монголы. Чингисхан являлся всего лишь послушным орудием Запада, то же относилось к его многочисленным потомкам, включая Батюя. Более того, своими победами монгольская армия была обязана западным полководцам и «инструкторам»⁷.

Как же Сурин объяснял тот факт, что обо всем этом умалчивали историки? Ответ прост – они предавали национальные интересы, находясь под гипнотическим влиянием западной науки: «до наших дней научной разработкой и систематизацией русской истории преимущественно занимались иностранные и неправославные ученые – “западники” Санкт-Петербургской Академии наук. Они же раздавали патенты на знание истинных ученых только тем из своих и из русских православных, которые одобряли все то, что доказывало русским необходимость придерживаться нерусских взглядов на русскую историю»⁸.

Историческая наука того времени, очевидно, не могла принять пропитанные теорией заговора, дилетантские, хотя и весьма самоуверенные построения полковника. Это были не имевшие ничего общего с подлинной историей, перенесенные в прошлое геополитические фантазии человека начала XX в., современника Русско-японской войны. С этой точки зрения взгляды Сурина и представляют определенный интерес.

⁶ Сурин 1904: 582-583.

⁷ Там же: 592.

⁸ Там же: 584.

Родная для Сурина Казань являлась одним из важнейших центров изучения Востока в России, но полковник был далек от научных традиций российского востоковедения, чуждого жестких расистских коннотаций, характерных для западного ориентализма⁹. Лейтмотив сочинения Сурина – презрение к восточным народам. Он придерживался откровенно расистской трактовки популярного в то время мифа о «желтой опасности». По его мнению, сами ни на что не способные «желтые дикари», как и в Средние века, представляют угрозу исключительно благодаря помощи Запада: «Всю душу, силу и технику завоевателей монголов составляли эти иностранцы-руководители. Так было, так и есть теперь в Японии и в Китае»¹⁰.

Что касается судьбы политического проекта, изложенного Суриным в послании начальнику Главного штаба, то военное ведомство, вполне ожидаемо, не стало всерьез его рассматривать. Однако Поливанов все же счел записку Сурина заслуживающей внимания и распорядился направить статью «О завоевании России монголами» на рецензирование в редакцию «Русского инвалида»¹¹. Текст рецензии обнаружить не удалось, но судя по тому, что статья так никогда не и не была напечатана в виде отдельной брошюры с рекомендацией к распространению в войсках (как предлагал ее автор), отзыв едва ли был положительным.

Не найдя поддержки и понимания у военного начальства, полковник Сурин, тем не менее, попытался собственными силами способствовать пропаганде патриотических идей. На этот раз в качестве инструмента идеологического воздействия был избран театр. Незадолго до начала Первой мировой войны была опубликована псевдоисторическая пьеса Сурина «Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни?». В преамбуле говорилось, что пьеса является первым опытом «беатификации любимого русским народом героя Скобелева». «Беатификация» таких деятелей прошлого, как Скобелев, необходима, поскольку «при новом внезапном нападении невозможно избежать новой Цусимы, трудно ожидать будущей Полтавы, если <...> подготовка патриотического подъема не будет начата задолго до внезапного нападения»¹². По сюжету русского героя-богатыря генерала Скобелева коварно отравляет иностранка, суфразистка и нигилистка с красноречиво намекающим на ее национальную принадлежность именем Юдифь. Имя героини указывает также на смелый художественный замысел. Сурин трактует историю Юдифи и Олоферна с точностью до наоборот: Олоферн – Скобелев наделен всеми возможными благородными чертами, тогда как благочестивая ветхозаветная героиня Юдифь предстает исчадием ада, воплощением антисемитских и антизападных стереотипов. Вероятно, столь провокационная интерпретация библейского сюжета должна была сделать

⁹ Толыц 2019.

¹⁰ Сурин 1904: 613.

¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 293.

¹² Сурин 1913: 6.

пьесу выдающимся в глазах современников произведением. Но творчество Сурина вновь оказалось невостребованным – насколько известно, «Смерть Скобелева» никогда не ставилась на сцене.

В пьесе Сурин обыгрывает известные трагические эпизоды биографии М.Д. Скобелева, смешивая реальные факты и расхожие слухи с собственным вымыслом. Капитан Узатис, храбрый боевой офицер, пользовавшийся покровительством Скобелева, в 1880 г. вследствие приобретенных на жестокой партизанской войне привычек убил и ограбил О.Н. Скобелеву – мать генерала. Узатис, по всей видимости, действовал исключительно по собственной инициативе, но у Сурина он оказывается лишь пешкой в руках заговорщиков – англичан. Австрийская или германская подданная Шарлотта Альтенроз, в номере которой скончался Скобелев, у Сурина превращается в еврейку Юдифь. Сообщники Юдифи – англичане, но у нее самой отсутствует определенное гражданство. Эта героиня является агентом «еврейского капитала», наиболее прочно укоренившегося в «англо-саксонском» мире. «Мисс Юдифь» в пьесе связана не только с Англией, но и с Америкой¹³.

Конструирование идеального, в понимании Сурина, образа русского полководца и государственного деятеля не предполагало сходства героя пьесы с подлинным М.Д. Скобелевым. Сурин не сомневался, что в пропагандистских целях можно отбросить аккуратность и по отношению к памяти прославляемого исторического деятеля. Реальный Скобелев в последние годы жизни размышлял о судьбоносном противостоянии «тевтонов и славян», в котором последние должны были, объединившись, завоевать себе свободу. Его публичные анти-немецкие высказывания имели широкий резонанс и вызвали дипломатические осложнения¹⁴. Скобелев в пьесе Сурина не замечает существования Германии – все его помыслы обращены на Восток.

В облике Скобелева на сцене должен был предстать образцовый, по мнению «драматурга», политический и военный лидер начала XX в. Он транслировал излюбленные идеи Сурина о «желтой опасности», «крестовом походе» против азиатов и т.п. Помимо этого, Скобелев, как подлинный народный вождь, указывал пути решения многих проблем русской жизни и современности в целом. Он учил крестьян развивать хозяйство силами общины; стыдил революционеров, восставших против «царя и креста»; демонстрировал европейцам «историческое величие» России посредством живых картин; внушал непокорным азиатам, что владычество русского царя несет им благо; поддерживал экстравагантные проекты типа отправки преступников со всей Европы на завоевание Тихого океана в качестве русских «морских казаков» и т.п.¹⁵ В целом пьеса представляет собой донельзя лубочное, карикатурное произведение, которое едва ли подходило даже для народного театра, тогда как ав-

¹³ Сурин 1913: 17.

¹⁴ Речь Скобелева в Париже. 1882 г. // Красный архив. 1927. Т. 27: 219–220.

¹⁵ Сурин 1913. 25 – 27; 77; 50; 59–63; 70–71; 78; 98–100.

тор предполагал дорогую и масштабную постановку с использованием сложных декораций и самых современных тогда технических средств.

Почему выбор Сурина пал именно на Скобелева? Во-первых, образ героя освобождения Болгарии, «полководца Суворову равного» в 1913 г. приобрел актуальность в связи с событиями на Балканах. К тому же, на 1912 г. приходилось тридцатилетие со дня смерти Скобелева. Во-вторых, «белый генерал» отличился по двум важнейшим для Сурина направлениям: в деле покорения азиатских народов и освобождения балканских славян от турецкого «ига»¹⁶. Значение имело и то, что Скобелев был склонен к авантюрам, не лишен политических амбиций, умер в расцвете сил при странных обстоятельствах – все это создавало благоприятную почву для конспирологии. Наконец, фигура Скобелева могла быть интересна Сурина как участнику Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Каковы были истоки идей Сурина? Во-первых, на него, несомненно, оказала влияние популярная в русской публицистике рубежа XIX–XX вв. тема «белого царя», которому суждено править Азией. В то время легенду о «белом царе» активно пропагандировал известный в России почитатель Востока князь Э.Э. Ухтомский – представитель т.н. *восточничества*. Увлечение Ухтомского Востоком имело особое значение, поскольку князь вращался в самых высоких сферах Петербурга. Сблизившись с Николаем II еще в его бытность наследником престола, Ухтомский претендовал на роль неофициального советника молодого императора по восточным вопросам. Получив в свое распоряжение старинные «Санкт-Петербургские ведомости», Ухтомский наполнил терявшую интерес читателя газету «восточной» тематикой. Издание стало восприниматься публикой, в том числе иностранными дипломатами, как официоз российского правительства по делам Востока. Ухтомскому доверяли важные дипломатические поручения в Китае, но князь не преуспел на этом поприще и стал утрачивать политическое влияние, оставаясь, однако, одним из авторитетнейших знатоков Востока в печати¹⁷. Ухтомский не считал Восток чем-то враждебным и чуждым. Напротив, он полагал, что житель Азии, будь то индус или китаец, духовно ближе русскому человеку, чем европеец. По Ухтомскому, Россия и страны Востока от Персии до Кореи и Японии принадлежат к одной цивилизации, для которой характерно особое мудрое консервативное мирозерцание: сохранение традиций предпочтительней безудержного прогресса, духовное важнее материального, а вера выше критической рациональности и т.п. Таким образом, историческая миссия России состоит в том, чтобы защитить древний религиозный Восток от агрессивного империализма «бездуховного» капиталистического Запада. Этого ждут от России и сами азиаты, которые якобы издавна готовы преклониться перед легендарным «белым царем». Народы Востока должны легко согласить-

¹⁶ Сурин сочинил речевку для обозначения борьбы на два фронта. В пьесе Скобелев несколько раз декламирует: «Двойной отпор Руси врагам готовим мы и здесь, и там!».

¹⁷ Схиммельпеннинк ван дер Ойе 2009: 70–102.

ся на господство России в силу своего с ней органического родства. Ухтомский также писал, что воцарение «западных начал» будет для Срединного царства несравненно более болезненным и губительным, чем «добродушный погром китайцев нашим (русским – А.Ф.) оружием»¹⁸. «Погром», который планировал Сурин, должен был быть далеко не «добродушным», и сами китайцы были для него не духовными братьями, нуждавшимися в защите от «хищнического» Запада, а представителями враждебной «низшей» расы. Но идею о том, что русскому царю суждено править Востоком, он вполне мог позаимствовать из широко тиражированных сочинений Ухтомского.

«Желтую опасность» увязывал с антироссийским западным заговором другой генерал – известный своей деятельностью в качестве председателя Московского славянского общества А.И. Череп-Спиридович¹⁹. Но если Сурин апеллировал к прочно укоренной в российском общественном мнении англофобии, то Череп относился к несколько иному течению. Он представлял восходящую к И.С. Аксакову и московским славянофилам, близкую генералу Скобелеву панславянскую и анти-германскую линию, к которой после Русско-японской войны был примешан «желтый» вопрос. «Желтая опасность» была инкорпорирована Черепом в мифологию вечного противостояния между славянами и германцами. Специфика текущего исторического момента, по его мнению, состояла в том, что Германия посредством «десятков тысяч» своих агентов активно готовит Китай к нападению на Россию. Но сама она не решится атаковать Россию до готовности Китая, а потому России необходимо нанести упреждающий удар по германизму – объединиться с балканскими славянами в Славянскую империю или Славию (подобно тому, как Пруссия создала германский рейх) и, опираясь на дружественные западные нации, разгромить Австрию, чему изолированная (до прихода китайцев) Германия не посмеет помешать. В противном случае России грозит скоординированное китайско-немецкое нападение и раздел между «монголами» и германцами²⁰. Сочинения Черепки показывают, что к 1910-м гг. традиционная англофобия была серьезно потеснена агрессивной германофобией и в значительной мере утратила былую политическую актуальность после русско-английского соглашения 1907 г. Об Англии Черепки отзывался исключительно благожелательно и противопоставляет качественные английские промышленные товары германской «дряни»²¹. Его симпатии распространяются и на весь «англо-саксонский» мир – удержать массу «желтых» от нападения Россия (а скорее уже Славия) должна не иначе как вступив в союз с Соединенными Штатами²². Схемы Черепки и Сурина очевидно похожи. Меняются наименования врагов,

¹⁸ Ухтомский 1900: 47.

¹⁹ Шемякин 2013.

²⁰ Череп-Спиридович 1911: 34–35, 48–50.

²¹ Там же: 32–33.

²² Там же: 45–46.

но Англию можно легко заменить на Германию и наоборот без утраты основного содержания. Однако есть и существенное отличие: Череп был сосредоточен на панславянской программе и чужд вселенского пафоса избавления белой расы от желтой угрозы. Но в остальном двух «идеологов» сближает прямолинейность, безудержное прожектерство и склонность к теориям заговора, а также подчёркнутая нацеленность на защиту самодержавия. После революции Череп-Спиридович забыл о панславизме и стал одним из наиболее известных конспирологов русской эмиграции, объяснявшим «катастрофу», постигшую Российскую империю, деятельностью «иудо-монгольского» мирового правительства²³.

Ухтомский и Череп-Спиридович мыслили главным образом в романтических категориях «народного духа», в то время как у Сурина видны следы более «прогрессивных», научных социал-дарвинистских воззрений. Вероятней всего, «прививку» естественнонаучного расизма Сурин получил от своего сослуживца по штабу Казанского военного округа и коллеги по Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете генерала В.А. Мошкова. В отличие от Сурина, Мошков создал себе репутацию настоящего ученого: он первым составил этнографическое и антропологическое описание гагаузов – малочисленного народа, проживающего на территории современной Молдавии. За работы об инородцах Поволжья Мошков был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества²⁴. Кроме того, фольклористы до сих пор высоко оценивают его как этномузыковеда – собирателя народных песен и мотивов²⁵. Но сам Мошков вовсе не считал собрание фольклора или составление этнографических описаний своим главным вкладом в познание. Эти штудии лишь подтолкнули его мысль к самым широким обобщениям истории человечества.

Мошков разработал оригинальную полигенетическую концепцию происхождения человека. По его мнению, во времена ледникового периода на территории северной Европы, отделенной широкими водами от остальных частей света, сформировался «белый дильювиальный (допотопный) человек». Тысячелетия борьбы за существование в суровых климатических условиях сделали этого «нордического» человека верхом физического и интеллектуального совершенства. Параллельно в Азии и Африке расселялся питекантроп (по Мошкову, высшая человекообразная обезьяна). После схода ледника «гениальный дильювиальный человек» покинул свои исконные земли и приступил к колонизации остальных материков. «Звероподобных», лишенных речи питекантропов он обращал в нечто среднее между домашней скотиной и рабами, но при этом повсеместно стал с ними скрещиваться. Появившегося в результате такого смешения современного человека Мошков назвал «ублюдочным»²⁶.

²³ Ермаков 2018.

²⁴ Русские фольклористы. 2018: 649.

²⁵ Фольклористическое наследие В. А. Мошкова. 2003.

²⁶ Мошков. 1907: 42–120.

В наименьшей степени метизация затронула население Европы (особенно германские народы), но даже наиболее «чистокровным» европейцам, по мнению Мошкова, далеко до их «гениальных» предков. Если белый человек пострадал от смешения с обезьяной (Мошков называл это «грехопадением»), то питекантропа скрещивание возвысило. Согласно теории Мошкова, гибридная сущность современного человека полностью определяет социальную и политическую структуру мира. Элиты занимают господствующее положение в силу своей биологической полноценности, близости к «гениальным» белым предкам, тогда как в низших классах преобладают признаки питекантропов. Мошков подробно писал об отсутствии духовной жизни и способности к абстрактному мышлению у русских и европейских крестьян, сближавшей их с цветными «дикарями»²⁷. Женщины не пользуются равными с мужчинами правами, поскольку у них доминируют признаки самок питекантропа – наложниц древнего белого человека²⁸. Господство европейцев обусловлено их биологическим превосходством над небелыми народами, но и последние имеют своими правителями тех, в чьих жилах есть благородная белая кровь²⁹. «Ублюдочный» вид не может быть устойчивым, и по законам природы человечество стремится вернуться к «исходным типам» – «дилловальному» белому человеку и питекантропу. Этот скрытый «эволюционный» процесс ответственен за все катаклизмы и противоречия человеческой истории³⁰. Но когда он завершится, белый человек снова обретет утраченную вследствие кровосмешительства «грехопадения» древнюю райскую гармонию, а питекантроп вернется в джунгли.

Сочинения Мошкова являются образцом использования «научного» подхода в целях реакционного, социал-дарвинистского мифотворчества. Наукообразие «железных» доказательств в виде россыпи из личных наблюдений автора и цитат классиков расологии (Г. Лебона, Ж. Гобино, Е.И. Денникера, Х. Чемберлена, Э. Ранке и др.) должно было легитимировать реакционные идеологические постулаты о жесткой биологической обусловленности всех форм социального неравенства. Крайний натурализм Мошкова полностью стирал границу между социумом и миром природы. История человечества, по Мошкову, являлась лишь отображением естественных эволюционных процессов, на которые люди не в силах повлиять. Итогом этих процессов должно было стать появление (а точнее, возвращение) совершенного белого человека, но приблизить или отдалить этот момент никак нельзя – ведь все находится во власти природных сил. Подобный биологический детерминизм, с одной стороны, давал потенциальным сторонникам учения Мошкова уверенность в будущем торжестве «расы господ», а с другой, как будто подразумевал полную деполитизацию через признание человеческого бесси-

²⁷ Там же: 162–183.

²⁸ Там же: 132–135.

²⁹ Там же: 166–171.

³⁰ Мошков. 1910: 8–24.

лия перед лицом природы. Однако на практике сторонникам расовых теорий было нелегко отказаться от активной роли в истории. Разница между Мошковым и Суриным состоит в том, что последний отказался от наиболее жестких форм натурализма и перенес вопрос о торжестве белой расы в сферу политики. У Сурина история имеет самостоятельное значение, исход борьбы между «высшей» и «низшей» расами заранее не предрешен, а потому необходима самая полная мобилизация ресурсов белого человечества на борьбу с его экзистенциальным врагом.

Самобытность Мошкова выражается еще и в том, что он был совершенно равнодушен к ключевому для большинства расовых теоретиков еврейскому вопросу. При всем его расистском мировоззрении Мошкова нельзя считать антисемитом, равно как и фанатиком какой-то конкретной национальности. Правильней было бы назвать его ревнителем квази-аристократической «расы господ», черты которой, пусть и неравномерно, но все же проявлялись во всей человеческой популяции. Мошков в глобальном масштабе противопоставлял биологический детерминизм ненавистной ему левой, демократической «утопии» равенства между людьми и народностями. Судьбы России его мало интересовали.

Подобная «вселенская» широта воззрений обособляла Мошкова даже от тех редких русских националистов, которые пытались адаптировать для своих нужд европейские расовые теории. Научный расизм не очень хорошо приживался на русской почве. Не в последнюю очередь потому, что расизм европейских теоретиков часто был направлен и против славян³¹. Если к расистским учениям все же обращались, то, как правило, с целью (в отличие от Мошкова) представить славян и русских в качестве полновесных представителей «высшей» арийской расы, ничуть не уступавших германцам. Наиболее известными адептами расовых теорий среди русских националистов были профессор университета св. Владимира И.А. Сикорский и влиятельный публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков. Первый настаивал на особом «здоровье» и «жизненной силе» русской «расы-нации», единственную угрозу для которой представляет смешение с абсолютно чуждым, «дегенеративным» еврейством³². У второго были выражены характерные для Мошкова мотивы «загрязнения» русской нации низшими элементами. Утратой русскими своей расовой чистоты и единства Меньшиков подобно Мошкову (но вряд ли под его прямым влиянием) объяснял существующие политические неурядицы и даже борьбу фракций в Государственной думе³³.

Мошков, очевидно, находился на некотором удалении от основных политических течений тогдашней России. Можно ли считать маргиналом и полковника Сурина? Он не гнушался чрезвычайно смелых исторических построений, примитивной аргументации и топорных художественных приемов, но в его идеях и, особенно, в их преломлении было

³¹ Подробней см.: Weinerman 1994.

³² Могильнер 2008: 265–270.

³³ Weinerman 1994. P. 450–452.

мало оригинального. Не было ничего исключительного и в его стремлении поучаствовать в пропагандистской кампании. В то время в Военное министерство поступало множество записок о поднятии пошатнувшейся дисциплины и патриотического духа посредством пропаганды. В той же связке дел, что и записка Сурина, имеется прошение «Потомственного дворянина Николая Александровича Андрушкевича и сына канцелярского служителя Ивана Викторовича Шкарина», датированное 1-м мая 1905 г. Эти господа решили издавать листок «На войне» с целью «популяризировать настоящую (Русско-японскую – *А.Ф.*) войну среди общества и народа», а также «противостоять многочисленным прокламациям подпольных кружков». Для успеха своего предприятия Андрушкевич и Шкарин просили выделить им 5000 рублей и приобрести за казенный счет «некоторое количество» экземпляров издания³⁴.

С подобными инициативами выступали и люди, занимавшие более высокое положение. Командующий войсками Виленского военного округа, мотивируя свое решение оказать поддержку газете, выходящей при штабе округа, писал военному министру: «К числу действительнейших средств для проведения в армию здравых идей и для борьбы с зловредной пропагандой, столь сильно проникшей в войска, надо отнести печатное слово»³⁵. Командование Приамурского военного округа решило издавать рассчитанную как на военных, так и на гражданских лиц газету охранительного направления с неожиданным для такого рода изданий названием «Свободное слово». Объясняя этот оригинальный ход, начальник штаба округа также писал о необходимости «парализовать столь пагубное влияние преступных (нелегальных – *А.Ф.*) изданий и разнузданной местной прессы»³⁶. Командующий войсками Туркестанского округа, ходатайствуя о выделении средств на нужды выходящей в Ташкенте военной газеты, подчеркивал, что решение о начале ее издания было принято «под влиянием серьезной необходимости противиться энергичной пропаганде агитаторов-революционеров в войсках»³⁷.

Предприимчивый издатель – штабс-капитан Свистун-Жданович, добываясь казенной субсидии для своего журнала «Война и мир», обосновывал целесообразность государственной поддержки тем, что у армии должна быть возможность «высказаться и отстоять себя печатным словом» в то время, как сейчас она ничего не делает «в противовес самой энергичной пропаганде»³⁸. Полковник Дубенский, редактор-издатель официозного «Русского чтения», согласовывая с Главным штабом вопрос о распространении газеты за счет министерства, уверял, что эта мера поможет справиться с революционной пропагандой в войсках, поскольку нижние чины будут получать «спокойные известия о делах

³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Л. 187.

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5300. Л. 106.

³⁶ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 60.

³⁷ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

³⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68807. Л. 94.

в России, о новостях в армии»³⁹. Войсковой старшина 1-ого Аргунского полка Забайкальского казачьего войска Ф.Ф. Тютчев, обосновывая значимость создания особого официального издания для солдат, писал: «На печатные прокламации и распространение революционных газет военное ведомство должно ответить самым широким распространением собственного печатного органа, в котором со спокойным беспристрастием разоблачались бы иезуитские происки революционеров»⁴⁰. Корнет полевого жандармского эскадрона Трилицкий, предлагая «взять в казну» редактируемый им «Вестник русского солдата», писал, что военная администрация недооценивает значение печатного слова: «Печать – громадная сила <...>. Этой силой мы до сих пор пренебрегали и не пользовались ей, всецело предоставляя ее своим врагам революционерам...»⁴¹.

Можно привести еще массу подобных примеров. Однако в данном случае важно то, что организация государственной пропаганды на качественно новом уровне являлась насущной проблемой в 1905-1907 гг. Неэффективность применявшихся методов борьбы с революционной агитацией, недостаточное использование возможностей печатного слова – общее место рассмотренных записок. Руководство военного ведомства во многом разделяло эту точку зрения. Комитет по образованию войск, отвечавший за экспертизу поступающей в армию печатной продукции, отмечал неспособность прежней официальной печати соответствовать запросам читателей в условиях жесткой конкуренции со свободно высказывающейся на различные темы частной прессой⁴². Выход видели в финансовой поддержке консервативных частных военных изданий⁴³.

Подобная политика военных властей порождала все большее число желающих внести свой вклад в дело «интеллектуального противодействия» революционной пропаганде. Формуляр типичной записки верно-подданного, из патриотического долга предлагавшего свои услуги правительству, непременно включал в себя просьбу о деньгах. Сурин прямо не добивался субсидий, но и он, несомненно, стремился угодить правительству и правой общественности в надежде на награду и признание. Вероятно, Сурин не получил серьезного отклика не из-за дикости и идеологической неприемлемости его трудов, а ввиду отсутствия у него конкретных реализуемых предложений, граничащего с безумием прожектерства. В 1913 г. пьеса о Скобелеве с таким идейным наполнением могла иметь шансы на успех, однако драматургического мастерства Сурина не хватило для того, чтобы создать, пусть и плохое, но сколько-нибудь технически пригодное для постановки произведение, которое не выглядело бы пародией. Сурин неплохо чувствовал политическую конъюнктуру момента, в попытках обрести покровителей цинично и грубо при-

³⁹ РГВИА. ф. 400. Оп. 3. Д. 5295. Л. 1.

⁴⁰ РГВИА. ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 78.

⁴¹ РГВИА. ф. 868. Оп. 1. Д. 776. Л. 47.

⁴² Там же. Л. 81.

⁴³ Фомин 2019.

способлял к своим нуждам идеологические конструкции, которые брал в готовом виде из печати и от своих знакомых. Проблема заключалась в том, что ему не хватало умения облекать свои задумки в удобоваримую форму. Менее увлеченные, но лучше понимающие бюрократическую практику просители нередко добивались большего.

Основой российского дискурса о «желтой опасности», в рамках которого следует рассматривать сочинения Сурина, был глубоко укоренившийся в культуре страх перед опустошительным нашествием азиатских варваров на христианский мир⁴⁴. Религиозные эсхатологические мотивы, наиболее ярко представленные в известном «пророчестве» Владимира Соловьева, преобладали над научным расизмом. Сурин присоединил к противостоянию языческому воинству антихриста тему биологической борьбы за существование между расами-видами.

Сильней всего программа Сурина перекликается с брошюрой члена «Союза Михаила Архангела» Н.Д. Облеухова (псевдоним – П. Ухтюбижский). Во-первых, России, по мнению этого автора, не избежать рокового столкновения с желтыми народами, «испытывающими ограниченную ненависть к европейцам»⁴⁵. Во-вторых, Россия потерпела поражение от Японии, поскольку на самом деле «против России воевала <...> не Япония, а Англия при помощи японских штыков»⁴⁶. Более того, против России существовал «международный заговор»: «На англо-американские деньги была организована и подогрета внутренняя смута, и в то же время даже без объявления войны на нас напала Япония, действовавшая по указке Англии и Соединенных штатов»⁴⁷. В-третьих, могущества России, «опомнившейся» и окрепшей после неудач, явившихся «господней карой» за отступничество от веры и «исторических заветов», хватит для того, чтобы отразить грядущее нашествие⁴⁸. Как и у Сурина, «крестоносное» воинство одержит победу над азиатским драконом: «Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет православия с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнения. Крест одержит победу над драконом, олицетворяющим “князя мира сего”»⁴⁹.

О вовлеченности полковника Сурина в деятельность политических организаций ничего не известно, но по своим взглядам он явно примыкал к крайне-правому лагерю. В этом отношении показательна его попытка увязать две «великие» фобии: «желтую опасность» и «еврейский заговор». Азиатские полчища натравливает на Русь Англия – страна, олицетворяющая «еврейский капитал». В целом традиционная риторика «истинно русских» людей сочеталась у Сурина с менее характерным для черносотенных авторов расовым, биологическим уклоном. Но, пожалуй,

⁴⁴ Дятлов 2014: 30.

⁴⁵ Ухтюбижский. 1913: 65

⁴⁶ Там же: 69.

⁴⁷ Там же: 78.

⁴⁸ Там же: 86.

⁴⁹ Там же: 85.

наиболее отличительной чертой его сочинений являлся своего рода наивный оптимизм. Одержимость Сурина борьбой с внешним врагом как бы отодвигала на второй план внутренние противоречия, делала их незначительными. Ему казалось, что хорошо поставленная пропаганда способна в короткий срок сплотить и мобилизовать население империи, включая революционеров (людей, временно заблуждающихся, но не лишенных «чести») и инородцев, которые должны были осознать, что под властью русского царя они процветают. По этой логике можно было точно так же в одночасье прекратить междоусобные распри народов Европы, указав им на общего врага. Борьба с восточной угрозой должна была решить проблемы всего европейского континента.

Можно заключить, что военные, выступавшие с консервативными и националистическими политическими высказываниями, не придерживались единой системы взглядов. В данном случае правильней говорить об общем «стиле мышления»⁵⁰. Он включал в себя приверженность упорядоченной, иерархической организации общества; представление о нации как об объективной, вневременной, обладающей уникальными качественными характеристиками сущности – культурном (духовном) сообществе или биологическом сверхорганизме, принадлежность к которому должна означать политическое единство и устранять социальные противоречия; убежденность в том, что за любыми негативными политическими и социальными тенденциями стоит планомерная деятельность враждебных сил; наконец, склонность к жестким, решительным действиям и предельно примитивным подходам к решению сложных проблем. На этой основе могли создаваться самые разные, в т.ч. взаимоисключающие политические проекты. Представляется, что вытекающий из отсутствия единой доктрины плюрализм мнений по конкретным вопросам при общих основополагающих установках был характерен и для русских правых в целом.

Революция заставила активизироваться в публичном поле не только правую общественность. После 1905 г. правительство предпринимало попытки адаптироваться к новой политической реальности, в которой ему необходимо было публично защищать свой курс. К работе в официозных изданиях нового типа (таких как газеты «Русское государство», а затем «Россия») удалось привлечь талантливых сотрудников, способных вести публицистический отдел на уровне ведущих «независимых» изданий. Правительственные органы печати говорили на понятном образованной публике политическом языке. Ситуация в армии была сложнее. Разрозненные усилия подобных Сурину армейских «энтузиастов» охранительной политики даже в случае поддержки со стороны военных властей редко оказывали существенное влияние на настроения нижних чинов. Проблема заключалась не столько в ущербности их идей, сколько в отсутствии адекватного для малограмотной солдатской среды языка патриотической пропаганды. Идеи полковника Сурина были при-

⁵⁰ Мангейм 1994: 572-583.

митивны, но и для их восприятия требовались базовые познания в истории и географии. Офицеры, не имевшие эффективного инструментария идеологической обработки, в массе своей испытывали трудности с разъяснением нижним чинам смысла военных конфликтов и происходивших в стране событий. Отсутствие системы всеобщего обучения налагало на армию бремя общегражданского патриотического воспитания нижних чинов. На страницах «Русского инвалида» и других офицерских изданий создавался образ идеального командира – воспитателя народной массы, который должен был не только обучить «малоразвитого» крестьянина приемам военного дела, но и сделать из него сознательного добродетельного гражданина, даже привить ему передовые приемы ведения сельского хозяйства. Это была откровенная утопия. Перед офицерством ставилась невыполнимая силами одной лишь армии задача.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Дятлов В.И. Экзотизация и «Образ врага»: синдром «Желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. №2 (20). С. 23-41. [Dyatlov V. I. Ekzotizatsiya i «Obraz vraga»: sindrom «Zheltoj opasnosti» v dorevolucionnoj Rossii // Idei i idealy. 2014. №2 (20). S. 23-41.].
- Ермаков В.А. Антимасонская деятельность русской монархической эмиграции "первой волны" (1917–1940) // Интерактивная наука. 2018. №3 (25). С. 23-36. [Ermakov V. A. Antimasonskaya deyatel'nost' russkoj monarhicheskoj emigracii "pervoj volny" (1917–1940) // Interaktivnaya nauka. 2018. №3 (25). S. 23-36.].
- Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 572-654. [Mannheim K. Konservativnaya mysl' // Manhejm K. Diagnostz nashego vremeni. M.: Yurist, 1994. S. 572-654.].
- Могильнер М. Homo imperii. История физической антропологии в России. М.: НЛО, 2008. 512 с. [Mogilner M. Homo imperii. Istoriya fizicheskoj antropologii v Rossii. M.: NLO, 2008. 512 s.].
- Мошков В.А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Т.1. Происхождение человека. Варшава, 1907. 239 с. [Moshkov V. A. Novaya teoriya proiskhozhdeniya cheloveka i ego vyrozhdeniya, sostavlennaya po dannym zoologii, geologii, arheologii, antropologii, etnografii, istorii i statistiki. T.1. Proiskhozhdenie cheloveka. Varshava, 1907. 239 s.].
- Мошков В.А. Механика вырождения. 1912 г. – начало «железного века» в России. Варшава, 1910. 192 с. [Moshkov V. A. Mekhanika vyrozhdeniya. 1912 g. – nachalo «zheleznogo veka» v Rossii. Varshava, 1910. 192 s.].
- Речь Скобелева в Париже. 1882 г. // Красный архив. 1927. Т. 27. С. 219–220. [Rech' Skobeleva v Parizhe. 1882 g. // Krasnyj arhiv. 1927. T. 27. S. 219–220.].
- Русские фольклористы: биобиблиографический словарь XVIII-XIX вв. : в 5 т. Т. 3 : Краинский О. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 880 с. [Russkie fol'kloristy: biobibliograficheskij slovar' XVIII-XIX vv. : v 5 t. T. 3 : Krainskij - O. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2018. 880 s.].
- Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931). Казань: Институт археологии АН РТ, К(П)ФУ, 2014. 304 с. [Sidorova I. B. Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1931). Kazan': Institut arheologii AN RT, K(P)FU, 2014. 304 s.].
- Сурин (Масальский) Ф.И. Завоевание России монголами: прежнее и замышляемое // Русский вестник. 1904. № 12. С. 582 – 618. [Surin (Masal'skij) F. I. Zavoevanie Rossii mongolami: prezhnee i zamyslyhaемое // Russkij vestnik. 1904. № 12. S. 582 – 618.].
- Сурин Ф.И. Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни? СПб., 1913. 104 с. [Surin F.I. Smet' geroya Skobeleva. Chto dorozhe zlota, lyubvi, zhizni? SPb., 1913. 104 s.].
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: НЛО, 2009. 421 с. [Schimmelpenn-

- ninck van der Oye D. Navstrechu Voskhodyashchemu solncu: kak imperskoe mitofvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s YAponiej. M.: NLO, 2009. 421 s.].
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019. 287 с. [Schimmelpenninck van der Oye D. Russkij orientalizm. Aziya v rossijskom soznanii ot epohi Petra Velikogo do beloj emigracii. M.: ROSSPEN, 2019. 287 s.].
- Толыц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013. 332 с. [Tol'c. V. «Sobstvennyj Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimper-skij i rannesovetskij period. M.: NLO, 2013. 332 s.].
- Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. 87 с. [Uhtomskij E. E. K sobyitiyam v Kitae. Ob otnosheniyah Zapada i Rossii k Vostoku. SPb., 1900. 87 s.].
- Ухтубижский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. 99 с. [Uhtyubizhskij P. Russkij narod v Azii. SPb., 1913. 99 s.].
- Фольклористическое наследие В.А. Мошкова. Антология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 161 с. [Fol'kloristicheskoe nasledie V. A. Moshkova. Antologiya. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. 161 s.].
- Фомин А.Ю. Первая русская революция и официальная военная печать // Ученые записки НовГУ. 2019. №3 (21). С. 9. [Fomin A.Yu. Pervaya russkaya revolyuciya i oficioznaya voennaya pečat' // Uchenye zapiski NovGU. 2019. №3 (21). S. 9.].
- Череп-Спиридович А.И. Как избавиться России от экономического и политического рабства. СПб., 1911. 52 с. [Cherep-Spiridovich A. I. Kak izbavit' Rossiyu ot ekonomicheskogo i politicheskogo rabstva. SPb., 1911. 52 s.].
- Шемякин А.Л. По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.) // Славяне и Россия. 2013. №1. С. 586 – 609. [Shemyakin A. L. Po stopam S. A. Nikitina («slavyanskaya Moskva» i Serbiya v 1878–1917 gg.) // Slavyane i Rossiya. 2013. №1. S. 586 – 609.].
- Weinerman E. Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17. № 3. Pp. 442 – 496.

Фомин Антон Юрьевич, аспирант, младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; a.fomin1511@gmail.com

"Mongols" and "Jewish capital" versus the "White tsar":

Russian officers inventing the program of "patriotic" propaganda⁵¹

The article deals with the intellectual speculations of an amateur historian colonel F. I. Surin and some of his fellow-thinkers in the context of ideological struggle against the opponents of Russian autocracy during the period of the First Russian Revolution and the “Duma monarchy”. Their perceptions of the Russia’s role in the global historical process and current political goals of Russian state are primarily taken into account.

Keywords: Surin, First Russian Revolution, yellow peril, racism, Russian nationalism, Russian officers, Skobelev, Moshkov

Anton Yu. Fomin, postgraduate student, junior research fellow, Saint Petersburg Institute of History, RAS; a.fomin1511@gmail.com

⁵¹ The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90046 «Russian officers and public policy during the Duma monarchy (1906 – 1914)».

«СФОРМИРОВАЛСЯ УДЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ОБРАЦА РАЗВИТОГО
СОЦИАЛИЗМА». ИНТЕРЕСЫ ПРАВЯЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ
СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА¹

В статье реконструируются интересы правящих региональных элит СССР конца 1960-х – 1980-х гг. Анализируются связи и противоречия в описании интересов региональных элит. Корпус источников составили впервые вводимые в научный оборот документы фонда (Ф. 100) РГАНИ; мемуары; данные устной истории. Были проанализированы основные виды властных интересов, включая установление личных неформальных контактов. Была выявлена структура интересов региональной власти в позднем СССР, включавшая декларируемые и скрытые интересы.

Ключевые слова: *поздний СССР, региональные элиты, интерес, устная история, мемориальный дискурс, Брежнев*

В статье предпринята попытка реконструировать интересы² правящих региональных элит в позднем СССР (1950–1980-е), вычленив их общие и уникальные характеристики. Связи и противоречия в описании интересов правящих элит были изучены посредством сравнительного анализа двух полярных блоков источников: с одной стороны, мемориального дискурса (мемуары и интервью региональных элит), а с другой – писем советских граждан во власть, которые поступали из провинции в союзно-республиканский центр и отложились в фондах РГАНИ. Хронологические рамки связаны с концепцией А. Юрчака о позднем социализме, который интерпретируется как «период примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая»³.

Актуальность обращения к *региональной проблематике* позднего СССР обусловлена как сложностями центр-периферийных отношений в России⁴, так и тенденциями развития региональной истории, в которой теория «пространственного поворота» является методологической опорой. Как подчеркивает Л.П. Репина, «обращение к более ограниченным – региональным или трансрегиональным – пространствам сулит немалые преимущества... удобства презентации полученных результатов»⁵.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства» (№ 19-18-00269).

² «Интерес – необходимое отношение субъекта к объективным условиям жизни, выражающееся в стремлении создать, сохранить или преобразовать эти условия». Никифоров 1972: 6.

³ Юрчак 2014: 36. М. Добсон отмечала, что «послевоенные и постсталинские годы были относительно девственной территорией». Dobson 2011: 905.

⁴ Коньков 2008.

⁵ Репина 2019: 6.

По словам А.А. Фокина, «тема регионов – это еще одно из многочисленных белых пятен в истории СССР»⁶.

Под *правлящими региональными элитами* понимаются 1-е секретари региональных партийных комитетов (обкомов), а также председатели региональных исполнительных комитетов (облисполкомов)⁷. 1-й секретарь обкома КПСС и председатель облисполкома образовывали властный тандем. О.В. Хлевнюк отмечал, что «1-й секретарь был важным, можно сказать, ключевым элементом региональной системы власти»⁸.

Репрезентативен для исследования материал Верхневолжских областей РСФСР (Владимирская, Ивановская, Костромская, Калининская /Тверская, Ярославская). Письма советских граждан из Верхневолжских регионов в Москву; документы, фиксировавшие реакцию власти на жалобы граждан) интересны как с точки зрения социальных проблем советского общества, так и с ракурса анализа интересов правящих региональных элит в СССР. Второй блок источников, незаменимый в изучении мемориального дискурса, это воспоминания региональной элиты (пик их публикации пришелся на 2000–2010 гг.), а также интервью с 1-м секретарем Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенковым, опубликованное в 1995 г. М.Л. Размолодиным отдельной книгой⁹ (трансформировалось затем в мемуары Лощенкова¹⁰). К сожалению, другие 1-е секретари обкомов КПСС Верхневолжского региона эпохи 1970–1980-х гг. не оставили мемуаров, что отчасти компенсируется наличием воспоминаний их подчиненных, а иногда и недругов. Мемуары председателей Костромского и Ярославского облисполкомов (А.Е. Еремина и В.Ф. Торопова¹¹ важны как с точки зрения выявления декларируемых интересов региональных элит, так и в смысле анализа скрытых мотиваций местной власти. Еще более информативны воспоминания региональной партноменклатуры меньшего ранга: из Владимирской области – Е.В. Бученкова, из Тверской (Калининской) области – В.П. Липина¹², а также председателя регионального Комитета народного контроля М.Е. Бородин¹³. Третий существенный блок в корпусе источников составляют пять *неформализованных интервью*¹⁴, проведенных автором в 2017–2018 гг.

⁶ Фокин 2017: 12.

⁷ Хромов 2009.

⁸ Хлевнюк 2007: 36. Характеризуя историографию вопроса, отметим также работы Э. Модсли и С. Уайта, В.П. Мохова, Р.Г. Пихоя, Й. Горлицкого о функционировании власти в позднем СССР, ее взаимодействии с народом. См.: Модсли, Уайт 2011, Мохов 1998, Пихоя 2000, Gorlizki 2010, Деннингхаус, Савин 2015.

⁹ Размолодин 1995.

¹⁰ Лощенков 2000.

¹¹ Еремин 2003. Торопов 2001.

¹² Бученков 2009. Липин 2016.

¹³ Бородин 2011.

¹⁴ Интервью опубликованы: Никифоров 2018. Аудиозаписи и транскрибированные тексты с подписями интервьюируемых находятся в личном архиве автора. И.А. Толстоухов – 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС в 1986–1990 гг., В.В. Величко – помощник 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС в 1970–1980-е, Н.П. Воронин

Основные субъекты, вокруг которых построено исследование интересов региональных элит, являются «политическими долгожителями» 1960–1980-х гг. В.Ф. Торопов в мемуарах писал, что «они держались на своих постах в области или районе по 15–25 лет, свыкаясь с недостатками, да просто не видя их в работе»¹⁵. Действительно, 1-е секретари региональных парткомов непрерывно руководили в эру Брежнева в среднем 15–25 лет. Лишь ближе к Перестройке срок их пребывания в должности стал сокращаться. Приведем данные по пяти областям: Владимирская (М.А. Пономарёв, 1961–1983; Р.С. Бобовиков, 1983–1989), Ивановская (В.Г. Ключев, 1972–1985), Калининская (Н.Г. Корытков, 1960–1978; П.А. Леонов¹⁶, 1978–1985), Костромская (Ю.Н. Баландин, 1971–1986), Ярославская (Ф.И. Лощенков, 1961–1986)¹⁷. Мемуаристы из партноменклатуры так фиксировали этот принцип: «Брежнев утверждал 1-ми секретарями республик и обкомов тех, *кого лично знал и кому доверял*, боюсь, видимо, чтобы с ним не повторилась хрущевская история»¹⁸.

Интересы региональных элит следует рассматривать в разных измерениях. Во-первых, это публично декларируемые интересы в интервью и мемуарах. Во-вторых, скрытые интересы, о которых можно судить косвенно: по жалобам граждан в отношении представителя власти), либо по мемуарам противников регионального лидера. В обоих случаях возникает проблема субъективности источника, который может демонстрировать неосознанное и гиперболизированное искажение информации, либо показывать осознанное сведение счетов с недругом из властных структур через эго-документ. Публично декларируемые интересы четко артикулируются через социально одобряемые клише (забота о людях, ответственность за народ и порученное дело).

Так, председатель Ярославского облисполкома В.Ф. Торопов, описывая интенсивность труда партработников, пафосно отмечал: «Чувство огромной ответственности перед людьми, партией за порученный участок заставляло так работать»¹⁹. Е.В. Бученков, 1-й секретарь Муромского райкома КПСС, рассказывая о председателе Владимирского облисполкома Т.С. Сушкове и 1-м секретаре Владимирского обкома КПСС М.А. Пономареве подчеркивал общественную направленность их деятельности («Люди не были для них серой массой. Глубокое знание дела, связи экономики с политикой – вот что всегда их отличало в стиле руководства. Ездили без охраны и «мигалок») и честность («не думали о лич-

– секретарь Ярославского обкома КПСС по идеологии в 1980-е, С.Н. Овчинников – зам. председателя Ярославского облисполкома в 1970–1980-е, Т.П. Колпаков – секретарь Ярославского обкома КПСС по сельскому хозяйству в 1970–1980-х гг.

¹⁵ Торопов 2001: 159.

¹⁶ Ранее – многолетний руководитель Сахалинского обкома КПСС (1960–1978).

¹⁷ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/YeYY/11607.asp>. Зарубежные исследователи, определили региональную политику Брежнева как «доверие и попечительство» (Шаттенберг 2018) и «доверие к кадрам» (Gorlizki 2010).

¹⁸ Торопов 2001: 159.

¹⁹ Торопов 2001: 147.

ной выгоде, были бескорыстными в устремлениях, чем поколение эпохи «дикого капитализма»²⁰. Похожий образ конструировался в отношении т.н. красных директоров. Секретарь по идеологии Ярославского обкома Н.П. Воронин, говоря о хозяйственных руководителях позднего СССР, отмечал: «их отличало одно: они были *государственники*. Никакого превалирования личных интересов. Говорят о коррупции: она, конечно, всегда была. Но вопрос в количестве. Раньше воровать было стыдно. Потом стыдно было не воровать»²¹. Мотивация этих деклараций очевидна: желание представить себя и коллег в позитивном образе перед внешним миром. Обращает на себя внимание противопоставление «золотого века» (позднесоветской эпохи) и «дикого капитализма» 1990-х гг.

Обратимся к декларируемым *управленческим интересам*, связанным с решением ресурсных проблем региона. В интервью местной элиты лейтмотивом звучали идеи *искусства лоббизма* как фактора успеха во взаимодействии регионов и центра: «возможность решать ресурсные проблемы региона зависела от умения, искусства руководителя “выбивать лимиты”»; «все новые объекты, которые были не связаны с оборонной, требовали лоббирования интересов»²². 1-й секретарь Ярославского обкома И.А. Толстоухов подчеркивал парадоксальную общность интересов министерств и региональной власти: «Задачи и интересы у нас были общие, и мы всегда находили поддержку и при встречах и при приезде руководства их решали. При возникновении проблем с поставкой сырья вмешивались: звонили поставщикам, обращались в парторганизации по месту предприятий, подключали снабженцев»²³. В.П. Липин рассказал, как могли решаться возникавшие проблемы, описывая руководителя Сахалинского обкома КПСС П.А. Леонова: «Дефицитные морепродукты, добываемые дальневосточниками, всегда служили весомым подспорьем в разговорах с руководителями столицы любого уровня»²⁴.

Решение ресурсных проблем, по мнению мемуаристов и интервьюируемых, было невозможно без *неформальных связей и личных контактов*. Н.П. Воронин в интервью отмечал, что 1-й секретарь Ярославского обкома Лощенко был «в хороших отношениях с Е.К. Лигачевым. В.А. Ковалев [председатель Ярославского облисполкома] с А.Н. Косыгиным был в хороших контактах. Принимаемые решения строились на добрых хороших отношениях. Все эти контакты носили одновременно и личный, и деловой характер... Критерий был один – целесообразность и, безусловно, личные связи»²⁵. Фактически о том же рассказывал пред-

²⁰ Бученков 2009.

²¹ Никифоров 2018: 26.

²² Никифоров 2018: 8, 20.

²³ Никифоров 2018: 58. По поводу снабженцев М. Левин подмечал, что среди ключевых интересов советской бюрократии была возможность «содержать армию хорошо оплачиваемых «голкачей», хотя для них не было ни бюджетных средств, ни места в штатном расписании». Левин 1997.

²⁴ Липин 2016: 120.

²⁵ Никифоров 2018: 27.

седатель Костромского облисполкома А.Е. Еремин: «В распределении часто учитывались не только объективные, но и субъективные факторы... *близко познакомился с министром торговли*, его замами, начальниками управлений»²⁶. В.П. Липин подчеркивал неформальный характер отношений 1-го секретаря Калининского обкома П.А. Леонова с министром обороны Д.Ф. Устиновым: «Дверь в кабинет министра обороны, как говорят... открывал ногой. Через Д.Ф. Устинова он был своим человеком в среде руководителей ВПК»²⁷. По мнению Дж. Истера, *личные связи* постоянно использовались для получения политических и экономических ресурсов от государственного центра»²⁸. Г.В. Башкиров, анализируя управленческий стиль 1-го секретаря Ивановского обкома В.Г. Клюева, отмечал его нацеленность на установление неформальных контактов в Москве: «Для него было актуально не столько глубокое изучение деловых и личных качеств нижестоящих руководителей, сколько поддержание неформальных связей с И.В. Капитоновым и четкая ориентация на фигуру Л.И. Брежнева»²⁹. Обращает на себя внимание, что помимо Брежнева у главы регионального парткома был и своеобразный патрон-покровитель в Политбюро – И.В. Капитонов, глава отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, ранее руководивший Ивановским обкомом КПСС³⁰. Очевидно, иметь такого патрона в Политбюро стремился каждый региональный партийный лидер. Если для главы Калининского обкома П.А. Леонова таким покровителем был Д.Ф. Устинов, а для Ивановского партийного лидера В.Г. Клюева – И.В. Капитонов, то для 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенкова, вероятно, такой фигурой был А.П. Кириленко. По крайней мере, в интервью и мемуарах Лощенков неоднократно упоминает Кириленко как человека, с которым он постоянно советовался, называя его «3-м лицом в государстве после Брежнева и Суслова». Важно помнить, что супругой Кириленко была уроженка города Рыбинска Ярославской области³¹.

1-й секретарь Калининского обкома КПСС П.А. Леонов использовал пребывание в центральном аппарате для налаживания контактов: «Почти 5 лет работы в одном из ведущих отделов ЦК многое дали Павлу Артемовичу... Самое главное, что здесь получил Леонов – это *прочные личные связи в высших эшелонах власти...* через Черненко, с которым они тогда жили в одном доме, сумел побывать несколько раз на приеме у Брежнева... Со многими партчиновниками рангом ниже он был на короткой ноге. В результате старых цеховских знакомств *столличные кабинеты всегда открывались*»³². Цитата ярко характеризует де-

²⁶ Еремин 2003: 88.

²⁷ Липин 2016: 119, 120.

²⁸ Истер 2010.

²⁹ Башкиров 2017: 217.

³⁰ И.В. Капитонов (1915–2002), зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС (1965–1983), 1-й секретарь Ивановского обкома КПСС (1959–1964).

³¹ Размолодин 1995: 121.

³² Липин 2016: 120.

тали установления неформальных контактов в Москве и их долговременные утилитарные последствия для будущего регионального лидера. Вероятно, *установление тесных неформальных отношений* с представителями высших эшелонов власти в партийно-государственном аппарате союзно-республиканского центра было главной ценностью и важнейшим интересом региональных элит в позднем СССР. Этот тип интересов не только ключевой, его также можно считать *условно пограничным между декларируемыми и скрытыми интересами* региональных правящих групп. Неформальные контакты позволяли региональному руководителю, решать две важные задачи. Во-первых, реализовывалась цель, декларируемая в мемориальном дискурсе правящей элиты: приобретение новых ресурсов и лимитов для региона (об этом с гордостью сообщают авторы мемуаров и интервьюируемые). Во-вторых, обеспечивалась относительная безопасность и стабильность статуса регионального лидера, в т.ч. в случае возникновения очага критики в «домашнем» регионе с выходом на «властный верх» (жалобы граждан в Москву).

Последняя задача – проявление *завуалированных интересов правящих региональных элит СССР, некоторые из них можно классифицировать и как защитные*. Так, П.Е. Бородин в мемуарах приводил мнение зам. зав. орготделом ЦК КПСС Н.С. Игрунова, дающее представление о механизмах *защитных интересов*, которые оформились у представителей региональных элит: «Искать защиты у Генерального секретаря и/или близкого к нему члена Политбюро, устранить возможного претендента из своего окружения... скомпрометировать, убрать за несоответствие»³³. Фрагмент дает представление еще об одном *приоритетном интересе региональных элит – кадровом*.

«Подбор, расстановка и воспитание кадров» – этот устойчивый лозунг встречается как в официальных документах СССР, так и в мемуарах советской элиты. Наиболее лаконично этот интерес сформулировал председатель Костромского облисполкома А.Е. Еремин: «Нужен хороший кадр»³⁴. Кадровый вопрос понимался высшей партийной бюрократией своеобразно. Так, В.Г. Клюев, 1-й секретарь Ивановского обкома, при комплектовании аппарата придерживался двух аргументов: «фактор личных симпатий первого секретаря и фактор лояльности подчиненных». При этом, по словам Г.В. Башкирова, «достижениям в социально-экономической сфере при решении кадровых вопросов он не придавал первостепенного значения». В итоге для Клюева «оказалось слишком сложной задачей подобрать на руководящие посты людей, сочетавших личную лояльность 1-му секретарю обкома с талантами руководителя»³⁵. Председатель Ярославского облисполкома В.Ф. Торопов высказывал подобное наблюдение, характеризуя эпоху Брежнева: «В кадровой политике занял прочное место *протекционизм*... выдвигались подхалимы,

³³ Цит. по: Бородин, 2011: 297.

³⁴ Еремин 2003: 6.

³⁵ Башкиров 2017: 214, 217.

угодники, хорошо служившие хозяину»³⁶. В результате для значительной части регионов РСФСР было справедливо утверждение В.П. Липина, характеризовавшее ситуацию в Калининской области 1970-х гг.: «Сформировался удельный князь образца развитого социализма»³⁷.

Авторы жалоб, критикуя региональную власть и требуя «навести порядок», часто задаются риторическим вопросом, отражающим идеалистические представления о КПСС: «Неужели нет никакой управы на этих случайных людей, примкнувших к Великой партии Ленина». При этом они же констатируют безуспешность предыдущих попыток: «Писали тов. Капитонову – все без результата»³⁸. Обращает на себя внимание такая деталь писем как *страх за личное благополучие, объясняющий анонимность* авторов: «Свой адрес не пишу, из-за того, что могут быть неприятности, но живу в Ярославле»³⁹. Авторы анонимных писем из Иваново – «ветераны партии и труда» – также подчеркивали, что «при благоприятной обстановке» назовут свои фамилии»⁴⁰.

Письма с критическими замечаниями в адрес Калининского обкома содержат многочисленные жалобы граждан в отношении регионального парткома. В письмах без подписи под прицелом критики оказался как 1-й секретарь Калининского обкома т. Корытков («плохо руководит сельским хозяйством, нарушает коллективность в работе бюро, грубит, допускает серьезные недостатки в подборе кадров»), так и 2-й секретарь обкома Карасев («обеспечивает жилплощадь родственникам»). Среди злоупотреблений 2-го секретаря обкома называлась помощь дочери в незаконном получении квартиры и «выпивке»⁴¹. Преемник Корыткова на посту 1-го секретаря обкома П.А. Леонов был обвинен в похожих нарушениях: «глубоко не вникает в дела, плохо организует работу бюро обкома», «проявляет личную нескромность... занял целый дворец в основном бору... живет там как на барской усадьбе с полным бесплатным обслуживанием...»⁴², «не соблюдает ленинские нормы»⁴³. Материалы проверки ЦК КПСС свидетельствовали об умении Леонова отвести от себя обвинения. Так, «улучшенную жилплощадь», на которую указывали анонимы, Леонов объяснял «аллергическим заболеванием жены»⁴⁴.

Часто в жалобах граждан содержалось указание на *моральное разложение партработников*. Так, в письме товарища Максимова подчеркивалось, что работники Калининского обкома КПСС «больше времени тратят на охоту да женщин, чем на работу». Автор письма обличал пороки кадровой политики, указывая на такие негативные явления при на-

³⁶ Торопов 2001: 159.

³⁷ Липин 2016: 121.

³⁸ РГАНИ. Ф.100. Оп. 6. Д. 195. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 58.

⁴⁰ Там же. Д. 115. Л. 3-4.

⁴¹ Там же. Д. 120. Л.30, Л.33.

⁴² РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 120. Л. 59.

⁴³ Там же. Л. 111.

⁴⁴ Там же. Л. 56.

значении на должность как *непотизм и коррупция* («по принципу личной преданности, дружбе и крамольным связям на воровстве и разврате»). В заключение Максимов давал крайне *негативные характеристики региональных руководителей и предлагал провести ротацию кадров*: «Уберите от нас демагогов и карьеристов, подхалимов и развратников. Пришлите честных, порядочных, преданных партии, принципиальных работников. Таких как Полозков в Краснодаре. Своим мы не доверяем»⁴⁵. В этом фрагменте видны детали, характеризующие представления автора письма о региональной власти: твердое убеждение в наличии принципиальных работников, указание на положительные образы власти из другого региона (Полозков⁴⁶), парадоксальное неверие в возможность обновления кадров на местной основе, которые можно обозначить как «*ожидание варяга*». В другом письме коммунисты города Калинина прямо констатировали неутешительные *итоги пребывания у власти первого секретаря Калининского обкома КПСС П.А. Леонова*: «Нашу область за годы работы Леонова... уж совсем развалили»⁴⁷.

1-го секретаря Ярославского обкома Ф.И. Лощенкова обвиняли во всевозможных пороках: *от приписок в отчетности до морального разложения*. В одном из писем указывалось: Лощенкова «погряз в непорядочности, пьянствует на глазах народа... На правительственной трибуне идет круговая пьянка». Анонимные письма обвиняли Лощенкова в *создании нездоровой управленческой среды и в кадровых ошибках*: «окружил себя сомнительными людишками, которые пользуются его попустительством, творят беззаконие и злоупотребляют положением». В качестве негативного выдвигенца Лощенкова назывался один из его подчиненных Мальшев: «построил дачу под Москвой... закончивший подхалим и угодник Лощенкова, пьяница и бездельник, морально разложившийся тип, хам и грубиян»⁴⁸. Критически оценивался и 2-й секретарь обкома Морозов, который в анонимном письме 1972 г. был обвинен в *аморальном поведении* – «в злоупотреблении спиртными напитками»⁴⁹. Подобной же критике подвергся зав. отделом пропаганды и агитации С.Н. Овчинников⁵⁰, авторы писем обвиняли его и в использовании служебного положения «при подготовке диссертации и устройстве сына в аспирантуру». Однако «сигналы, отмеченные в письме, не подтвердились». В резолюции надзорного органа ЦК отмечалось, что Овчинников отличается «партийной выдержанностью и скромностью»⁵¹.

В письме 1969 г. подвергалась критике кадровая политика Лощенкова («старается освобождать неугодных работников») и неудовлетворительная организация снабжения населения продовольственными това-

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 241. Л. 40.

⁴⁶ Полозков И.К. – 1-й секретарь Краснодарского крайкома КПСС (1985–1990).

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 241. Л. 32.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 195. Л. 2.

⁴⁹ Там же Л. 42.

⁵⁰ См.: Никифоров 2018.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 195. Л. 49.

рами⁵². В жалобе 1970 г. также критиковался стиль работы Лощенкова: «неправильное отношение к кадрам, плохое руководство хозяйственным строительством, излишества при обмене квартир». Резолюция контролирующих органов ЦК на жалобу была стандартной: «рассмотрение показало, что не соответствует действительности»⁵³. Особенно колоритным было анонимное рукописное письмо 1978 г., адресованное Брежневу. Автор сравнивал Лощенкова с монархом: «у нас в области секретаря обкома зовут царь Федор Иванович». Не менее обидным для советского партработника было и другое сравнение: «Лощенков как капиталист Рябушинский имеет поместье в сотню гектар, которое охраняет отряд милиции, а какой штат прислуги – повара, няни, бабки». Автор резюмировал: «Разве это по-ленински? Народ об этом знает и очень возмущается». Подобно другим авторам аноним обвинял Лощенкова в *коварной кадровой политике*: «не сразу, а через определенное время убирает своих противников, боясь как бы не заняли его место». Автор в соответствии с *идеологическими идеалами эпохи* призывал «разобраться в деле Лощенкова по-ленински». Сам Лощенков отрицал все обвинения: «факты, изложенные в анонимном письме являются злобной клеветой»⁵⁴.

Надо сказать, что председатель регионального комитета народного контроля М.Е. Бородин, настроенный к Лощенкову враждебно, дал ему в мемуарах похожую отрицательную характеристику: «Черновой работы не любил... Его слова во многих случаях не совпадали с тем, что он делал. Перед высоким начальством угодничал, приспособливался. Поддерживал угодников и подхалимов, допускал интриганство». Более того, Бородин подчеркивал, что Лощенков «допускал вмешательство в кадровые дела обкома супруги Веры Степановны»⁵⁵. Последний факт вызывает сомнение. В жалобах на Лощенкова отмечалось, что он «увлекается показной стороной дела и шумихой», допустил «излишества в оборудовании спецгостиницы и строительстве дач для обкома и облисполкома»⁵⁶. Стремление к «показной стороне дела» было характерно и для других региональных руководителей. 1-й секретарь Калининского обкома КПСС П.А. Леонов создавал «для марафета» настоящие «потемкинские деревни» («вдруг проедет большое московское начальство») по маршруту следования на отдых Л.И. Брежнева: «Регулярно ездивший по этой трассе Брежнев должен был узреть порядок, который наводил здесь калининский секретарь»⁵⁷. По сути, такие устремления региональной элиты можно характеризовать как демонстративный презентизм.

Среди замечаний в адрес Лощенкова, отметим критику его *авторитарного управленческого стиля*: «принимая решения по принципиальным вопросам не всегда советуется с секретарями и членами бюро

⁵² Там же. Л. 13.

⁵³ Там же. Л. 22.

⁵⁴ Там же. Л. 24.

⁵⁵ Бородин 2011: 296.

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 195. Л. 8.

⁵⁷ Липин 2016: 123.

обкома, ослабил требовательность». В *резолуциях контрольных органов ЦК* значилось: «утверждение о нескромности Лощенкова на праздновании дня рождения, размещении в гостинице обкома личных гостей, излишества при пользовании дачей не подтверждается». В 1972 г. с Лощенковым была проведена беседа в ЦК КПСС, в ходе которой он заверил, что им будут «приняты меры к устранению отмеченных недостатков»⁵⁸.

Значительный блок составляют критические письма в адрес 1-го секретаря Костромского обкома КПСС Ю.Н. Баландина. Красной линией в числе жалоб идут стандартные формулировки: «неправильное отношение к кадрам и поведение в быту», неполное освоение лимитов капиталовложений, невыполнение плана по вводу в действие фондов производственных мощностей и жилых домов»⁵⁹. В письме 1984 г. аноним, обращаясь к «дорогим товарищам из Центрального комитета», подчеркивал *коммуникативные недостатки костромского лидера* («перед трудящимися не выступает», «его мало знают»), а также *моральное разложение* Баландина («люди видят, как его пьяного из обкома в машину выносят») ⁶⁰ и *неправильный стиль руководства* («грубость, запугивание»). Критика Баландина была подчас противоречива: отсутствие ротации партийных кадров («в руководстве обкома задержались работники пенсионного возраста») и одновременно необоснованная сменяемость хозяйственных руководителей (завод «Мотордеталь») ⁶¹. Наиболее рельефно *персональные недостатки* Баландина были изложены в письме «молодых рабочих костромского завода «Мотордеталь» на имя генсека К.У. Черненко от 17.02.1985 г. Рабочие отмечали, что Баландин «привел область в запустение», делая *парадоксальное наблюдение об обеспеченности региона продуктами питания*: «в мясо-молочной области нет этой продукции – только птица в продаже дохлая». При этом они добавляли фразу, свидетельствующую о *номенклатурных привилегиях и использовании служебного положения*: «правда, есть для определенного круга лиц и работников торговли». По мнению рабочих, именно Баландин был повинен в таком положении дел, поскольку далек от простого народа: «ни разу не бывал в магазинах города». Председатель Костромского облисполкома А.Е. Еремин пытался оправдать ситуацию объективными факторами и показать стремление власти исправить ситуацию: «В то время дефицит товаров возрастал из-за опережающих темпов роста доходов населения, дешевизны товаров и стабильности цен...»⁶².

Описание Баландина формирует *образ местного князька эпохи позднего СССР*: «разъезжает на машине – на дачу или в Дом рыбака, где его подопечные ловят для него рыбу в его владении и готовят разные снадобья». Также указывается на *моральное разложение* костромского

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 195. Л. 39.

⁵⁹ Там же. Д. 129. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Д. 195. Л. 2.

⁶¹ Там же. Л. 3, Л. 7.

⁶² Еремин 2003: 85.

лидера: «Напивается, что еле из машины вытаскивают». Не забывают авторы письма раскритиковать и *использование служебного положения Баландиным*: «Сын его 3 года назад закончил вуз Костромы и околачивается на легкой работе, да объездил все загранки... небось не поехал бы работать педагогом сельской школы». Задавая риторический вопрос («Безобразия не искореняется, а с каждым годом прогрессирует. С кого же нам молодым брать пример?»), рабочие переходят к критике кадровой политики на собственном заводе: «Предприятие – сменилось 3 руководителя за 10 лет». Они подчеркивают *коррупцию и казнокрадство среди хозяйственных руководителей*: «Сидит в кресле такой неподступный директор, а после контрольно-ревизионной проверки такие махинации... короче оказывается вор». Завершается письмо очередной *критикой недостатков Баландина как руководителя и человека*: «давно уже снять пора, хватит ему жиреть за счет трудового народа на этом посту, он себя не зарекомендовал, не пользуется уважением среди масс, а только среди определенного круга лиц, с кем пьет»⁶³.

Письма с замечаниями в адрес 1-го секретаря Ивановского обкома В.Г. Ключева также отложились в РГАНИ. В резолюции 1975 г. орготдела ЦК КПСС подчеркивалось, что Ключев «в ущерб другим отраслям много внимания уделяет текстильной промышленности». Этот факт, вероятно, не случаен, поскольку позднее Ключев стал Министром легкой промышленности СССР (1985–1989). Авторы писем критиковали «необоснованно высокую сменяемость кадров председателей колхозов, директоров совхозов». Однако в резолюции 1983 г. констатировалось, что сведения, «касающиеся личного поведения В.Г. Ключева, являются клеветническими»⁶⁴. По мнению анонимов, Ключев был повинен в «необоснованной перестановке руководящих кадров», которая «породила обстановку растерянности среди руководящих работников»⁶⁵. По подсчетам Г.В. Башкирова, за 1978–1980 гг. Ключев заменил 12 из 18 первых секретарей райкомов КПСС⁶⁶. Критиковалась его *склонность к наградам* («получение 2-х орденов Ленина по меньшей мере не скромность») и *карьеризм* («сейчас поговаривают, что он нацелился на героя и на Москву... Ключев по существу рязанский Ларионов»). Надо сказать, что карьеризм формально находился в отрицательной шкале ценностей номенклатуры, которые они публично декларировали в мемориальном дискурсе. Так, Е.В. Бученков писал: «*Карьеристов* тогда не любили, не уважали. Если человек рвался на должность, его изучали со всех сторон и чаще всего не пропускали. Зарваться может. И считалось нескромным делиться амбициями»⁶⁷. Полагаю, это была чисто декларативная фраза, предназначенная для публики. Характеризуя 1-го секретаря Калинин-

⁶³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 195. Л. 9.

⁶⁴ Там же. Д. 115. Л. 66-67.

⁶⁵ Там же. Л.1.

⁶⁶ Башкиров 2017: 215.

⁶⁷ Бученков 2009

ского обкома П.А. Леонова, его подчиненный, напротив, отмечал, что карьерный рост был важным элементом его неформальных интересов: «видел в руководстве сельским хозяйством самый короткий для себя путь к успеху, возможность проявить себя умелым руководителем»⁶⁸.

Письма с критикой в адрес Владимирского обкома касались 1-го секретаря Р.С. Бобовикова, который «необоснованно менял кадры, допустил излишества при ремонте квартир»⁶⁹. Жалоба в комитет партийного контроля носила анонимный характер: «Мы, партийцы со стажем не отважились поставить подписи, опасаясь гонений и расправы со стороны Бобовикова». Лидеру областной партийной организации *оценка давалась крайне нелицеприятная*: «Ни на грамм не обладает партийной совестью и моральной чистотой, человек с презрением и пренебрежением относящийся к другим людям, обуреваемый жадной личной властью и не останавливающийся ни перед чем, чтобы занять еще больший пост, но уже в Москве». Авторы письма обвинили Бобовикова в *казнокрадстве*, называя точные цифры: «ремонт квартиры обошелся Бобовикову в 136 т.р. – все эти средства похищены из государственного кармана»⁷⁰. Жители региона крайне негативно относились к своему руководителю: «хапуга с размахом, который великим князьям владимирским не снился... Сиятельный володимерский владыка». Указывая на *масштабы казнокрадства*, они описывали роскошь и дефицитные материалы, которые использовал Бобовиков для строительства своей дачи: «бассейн, стройматериалы из Ленинграда, люстры заморские, импортная мебель». При этом подчеркивался скромный образ жизни предыдущего регионального партийного лидера: «как скромно, по-советски жил 1-й секретарь М.А. Пономарев»⁷¹. В.Ф. Торопов в мемуарах подтверждал типичность поведения Бобовикова для среды советской партноменклатуры брежневского периода: «То была пора льгот и поблажек аппаратчикам. Не только в ЦК, но в республиках и областях жилье для аппарата строилось повышенного качества, возводились отдельные, богато оборудованные поликлиники и санатории. Снабжение аппаратчиков даже в областях и районах было улучшенным, часто в специальных магазинах»⁷².

Авторы письма указывают на «великую бобовиковскую чистку» («уничтожает партийные кадры работников», «изгнал неугодных»)⁷³. Из письма следует, что в узком кругу Бобовиков делал неприятные для владимирцев заявления: «Из Владимира Ленинград не сделаю, но Пискаревское кладбище получится обязательно»⁷⁴. Анонимы подчеркивали,

⁶⁸ Липин 2016: 122.

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 107. Л. 25.

⁷⁰ Там же. Л. 32.

⁷¹ Там же. Л. 33.

⁷² Торопов 2001: 159.

⁷³ Е.В. Бученков в мемуарах отмечал, что «в Ленинграде за быструю перестановку кадров Бобовикова прозвали “шахматистом”». Бученков 2009. (Р.С. Бобовиков занимал должность председателя Ленинградского облисполкома в 1980–1983 гг.).

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 107.

что «в ЦК КПСС у него [Бобовикова] имеется крепкая поддержка», намекая на влиятельного партийного функционера, главу ленинградской парторганизации Г.В. Романова⁷⁵. «Хамство, грубость, окрики» – так авторы писем определяли стиль руководства Бобовикова⁷⁶.

Дело, посвященное злоупотреблениям во Владимире, содержит и другие письма с обвинениями в адрес Бобовикова: «допускает неоправданную сменяемость кадров»⁷⁷, практикует «приписки и искажения в отчетности»⁷⁸. В письмах, адресованных ЦК КПСС, содержатся жалобы на «обстановку страха и боязни, кадровую чехарду», «разнос, накачки и угрозы о несоответствии занимаемой должности» со стороны Бобовикова⁷⁹. Е.В. Бученков, работавший под руководством Бобовикова, подтверждает приведенные факты, значительно смягчая формулировки: «У Ратмира Степановича был взрывной темперамент, моментально принимал решения... Чего греха таить, иногда эти решения были не очень продуманы, особенно в вопросах расстановки кадров»⁸⁰.

Обратимся к реакции на письма трудящихся отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС по РСФСР. Резолютивная часть решения по вопросам, связанным с жалобами на партийных руководителей регионов, содержала стандартные формулировки. Во-первых, часто отрицалась достоверность информации и подчеркивался ее клеветнический характер: «приведенные в письмо факты извращены и вымыслены». Во-вторых, партийные контролеры стремились продемонстрировать свою работу. Частыми в заключениях были указания на осуществление проверочных мероприятий, которые, как правило, «злоупотреблений» не выявляли. В-третьих, практически все резолюции содержали фразу-клише «Полагали бы возможным рассмотрение анонимного письма на этом закончить»⁸¹. Вероятно, письма с критическими замечаниями воспринимались контрольными органами ЦК как клевета («очернительские и злопыхательские характеристики»; «приведенные сведения лишены основания»). Как правило, рассмотрение жалоб завершалось стандартными формулировками, описанными выше. В отдельных случаях проводилась *стандартная проверка и воспитательная беседа*. Так, ревизия ЦК КПСС 1986 г. показала приписки во Владимирской области («на каждом втором из предприятий»)⁸². Из справки отдела ЦК от 17 апреля 1986 г. известно, что большинство жалоб в отношении Бобовикова подтвердилось: «заменено 50% лиц, входящих в номенклатуру обкома... подтвердилась личная нескромность – допущенные излишества в расходовании государственных средств при ремонте дома для

⁷⁵ Романов Г.В. – 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970–1983).

⁷⁶ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 107. Л. 34.

⁷⁷ Там же. Л. 54.

⁷⁸ Там же. Л. 65.

⁷⁹ Там же. Л. 68-69.

⁸⁰ Бученков 2009.

⁸¹ Там же. Д. 195. Л. 2; Д. 129. Л. 1.

⁸² Там же. Д.107. Л.68-69.

проживания его семьи». В справке отмечалось, что с Бобовиковым проведена беседа по телефону, в ходе которой он «признал допущенные ошибки, заверил, что сделал необходимые выводы»⁸³.

Подводя итоги, отметим среди публично декларируемых интересов: забота о народе, достижение различных благ для вверенного региона («выбивание» ресурсов/лимитов для новых инфраструктурных и социокультурных объектов, а также защита существующих в регионе). Пограничным между декларируемыми и скрытыми интересами региональных элит следует признать установление неформальных связей в структурах союзно-республиканского центра. Эти контакты выполняли функцию продвижения региональных интересов, но с другой стороны, они осуществляли защиту местного лидера от возможных посягательств на его статус со стороны недругов. К скрытым интересам региональной элиты относились разнообразные кадровые стратегии, связанные с «подбором, расстановкой и воспитанием» лояльных клиентов, устранением конкурентов, реальных и потенциальных. Важным интересом был поиск и опора на патрона-покровителя в высших эшелонах власти союзно-республиканского центра. Удалось выявить, по крайней мере, четыре клиент-патронские линии, отражавшие неформальные связи регионального лидера и влиятельного члена Политбюро: Р.С. Бобовиков (Владимирский обком) – Г.В. Романов, В.Г. Клюев (Ивановский обком) – И.В. Капитонов, П.А. Леонов (Калининский обком) – Д.В. Устинов, Ф.И. Лощенков (Ярославский обком) – А.П. Кириленко. Анализ контента архивных документов РГАНИ позволил увидеть ряд девиаций в интересах правящих элит, отошедших от принципов ленинской морали. Эти девиации проявились в «личной нескромности» (стремление к роскоши, излишества в быту, использование служебного положения), местничестве, кумовстве и nepoтизме, обусловленные партийными привилегиями. Негативные особенности лидеров Верхневолжья можно выделить достаточно условно. Карьеризм и склонность к наградам были, судя по источникам, присущи 1-му секретарю Ивановского обкома КПСС В.Г. Клеюву и главе Калининского обкома КПСС П.А. Леонову. 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенкова и лидера костромской парторганизации Ю.Н. Баландина наиболее часто обвиняли в моральном разложении / пьянстве, а владимирского партийного лидера Р.С. Бобовикова – в стяжательстве и карьеризме.

Сущность интересов региональных элит ярко отразили метафоры, которые использовали жители провинций в жалобах: «удельный князь образца развитого социализма», «сиятельный владыка», «царь Федор Иванович», «капиталист Рябушинский».

Анализ интервью, мемуаров и критических писем граждан, посвященных персональным особенностям руководителей Верхневолжских регионов, позволяет по-новому взглянуть на интересы правящих элит. Длительное пребывание в должности неизбежно приводило к психоло-

⁸³ Там же. Л. 35-36.

гической коррозии и профессиональной деформации региональных лидеров. Письма из провинции с жалобами наглядно демонстрировали нарастание казнокрадства, кумовства, произвола, коррупции и моральной деградации в среде региональных элит СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Башкиров Г.В. Под дланью «хозяина области». 1-й секретарь Ивановского обкома КПСС В.Г. Клюев и его стиль работы с руководящими кадрами // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI. Иваново, 2017. С. 212-217. [Bashkirov G.V. Pod dlan'yu «hozyaina oblasti». Pervyy sekretar' ivanovskogo obkoma KPSS V.G. Klyuev i ego stil' raboty s rukovodyashchimi kadrami // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX-XXI. Ivanovo, 2017. P. 212-217].
- Бородин М.Е. Время, действия, лица. Белгород, 2011. 422 с. [Borodin M.E. Vremya, dejstviya, lica: vospominaniya. Belgorod, 2011. 422 p.].
- Бученков Е.В. С высоты прожитых лет. Владимир, 2009. 285 с. [Buchenkov E.V. S vysoty prozhityh let. Vladimir: Kalejdoskop, 2009. 285 p.].
- Головинова Ю.В. Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. С. 74-77. [Golovinova YU.V. Partijno-administrativnaya elita SSSR v otechestvennoj istoriografii rubezha XX–XX vv. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4. P. 74-77].
- Еремин А.Е. От станка до Верховного Совета. Кострома, 2003. 168 с. [Eremin A.E. Ot stanka do Verhovnogo Soveta. Kostroma, 2003. 168 p.].
- Истер Дж.М. Советское государственное строительство. М., 2010. 255 с. [Ister Dzh.M. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Moscow, 2010].
- Коньков А.Е. Центр-периферийные отношения в РФ в условиях административной реформы. М., 2008. 24 с. [Kon'kov A.E. Centr-periferijnyye otnosheniya v RF v usloviyah administrativnoj reformy. MoscowMGU, 2008. 24 p.].
- Левин М. Номенклатура. Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управления // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 69-76. [Levin M. Nomenklatura Arcanum imperii: Tekhnologii upravleniya protiv sociologii upravleniya // Svobodnaya mysl'. 1997. № 4. P. 69-76].
- Липин В.П. Без прикрас о себе и других. Тверь, 2016. 160 с. [Lipin V.P. Bez prikras o sebe i drugih. Tver', 2016. 160 p.].
- Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль, 2000. 79 с. [Loshchenkov F.I. Ot Stalina do Gorbacheva. Yaroslavl', 2000. 79 p.].
- Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. М., 2011. 431 с. [Modslie E., Uajt S. Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Moscow, 2011].
- Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). Пермь, 1998. 255 с. [Mohov V.P. Evolyuciya regional'noj politicheskoj elity Rossii (1950–1990). Perm', 1998].
- Никифоров Ю.П. Природа и социальная сущность интереса. Автореферат дисс... канд. философ. наук. Горький, 1972. 20 с. [Nikiforov, YU.P. Priroda i social'naya sushchnost' interesa. Avtoreferat diss... kand. filosof. nauk. Gor'kij, 1972. 20 p.].
- Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты. Ярославль, 2018. 79 с. [Nikiforov YU.S. Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity. Yaroslavl', 2018. 79p.].
- Пихоя Р.Г. СССР. История власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. 684 с. [Pihoya R.G. SovetskijSoyuz. Istoriyavlasti. 1945–1991. Novosibirsk, 2000.].
- Размолodin М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова (интервью с бывшим 1-м секретарем Ярославского обкома КПСС). Ярославль, 1995. 176 с. [Razmolodin M.L. Epizody iz zhizni i deyatel'nosti F.I. Loshchenkova (interv'yu s byvshim 1-m sekretarem Yaroslavskogo obkoma KPSS). Yaroslavl', 1995. 176 p.].
- Репина Л.П. История регионов, или “территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5-16 [Repina L.P. Istoriya regionov, ili “territoriya istorika” posle prostranstvennogo povorota // Dialog so vremenem. 2019. № 69. P.5-16].
- Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль, 2001. 173 с. [Toropov V.F. Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelya oblispolkoma. Yaroslavl', 2001. 173 p.].

- Фокин А.А. Коммунизм не за горами. Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с. [Fokin A.A. Kommunizm ne za gorami. Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960. M., 2017. 221 p.].
- Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953- конце 1950-х гг. // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49. [Hlevnyuk O.V. Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 - konce 1950-. Ustojchivost' i konflikty // Otechestvennaya istoriya. 2007. №3.].
- Хромов Е.А. Региональные элиты в СССР в конце 1950–середине 1960 // Вестник Томского государственного университета. 2009. №323. С.183–186. [Hromov E.A. Regional'nye elity v SSSR v konce 1950 seredine 1960 // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №323. P.183–186.].
- Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с. [Shattenberg S. Leonid Brezhnev. Velichie i tragediy acheloveka i strany. Moscow, 2018. 623 p.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с. [Yurchak A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie. M.: NLO, 2014. 664 p.].
- Dobson M. The Post-Stalin Era. De-Stalinization, Daily Life, and Dissent // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. No.12. P.905–924.
- Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No. 69. P. 676–700.

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; старший научный сотрудник, Вологодский государственный университет, Nikifor2108@yandex.ru

"An appanage prince of a pattern of developed socialism has emerged".

The interests of the ruling regional elites of the USSR in the later 20th c.⁸⁴

The article reconstructs the interests of the ruling regional elites of the USSR in the late 1960s - first half of the 1980s. The relations and contradictions in the description of the interests of regional elites are analyzed. The corpus of research sources was made up of archival documents, the documents of the foundation (F.100) of the Russian State Institute of Scientific Research and Entrepreneurship; memoirs; oral history data obtained during interviews. The main types of power interests, including the establishment of personal informal contacts, were analyzed and systematized. The study revealed the structure of the interests of regional authorities in the late USSR, which included 2 interconnected blocks - declared and hidden interests.

Key words: late USSR, regional elites, interests, oral history, memorial discourse

Yury Nikiforov, PhD in History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Yaroslavl, Russia. Nikifor2108@yandex.ru

⁸⁴ The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00269 "Transformation of Russian society in the 1950–1990s: class genesis and evolution of the economic structure".

А.А. ТУРЫГИН, Е.В. ЗИМИНА

**БРИТАНСКИЙ «ДЖИНГО» И НЕМЕЦКИЙ «ВИКИНГ»
ФОРМИРОВАНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА «ГЕРОЯ КОЛОНИЙ»
СЕСИЛА РОДСА И КАРЛА ПЕТЕРСА**

Литература, наряду с официальными источниками, может дать представление о формировании культа двух одиозных деятелей колониальной эпохи – Сесила Родса и Карла Петерса. Их деятельность на африканском континенте, получившая неоднозначную оценку при жизни, впоследствии была переосмыслена официальной пропагандой, привела к изменению общественного мнения о колониализме и имперских ценностях. Африканское прошлое Империи в Великобритании вылилось в одну из форм протеста 2020 г., в то время как в Германии его пересмотр был связан с оценками национал-социализма, реанимировавшего идеи колониализма.

Ключевые слова: британский колониализм, немецкий колониализм, культ империи, колониальная экспансия, африканская литература, европейская литература.

Британская и германская колониальная литература, формировавшаяся в разных по протяжённости временных рамках и литературных стилях, имеет много общих и специфических черт. Общим, несомненно, было воспевание империи и имперских ценностей, героизация пионеров колониализма, воздействие на читателя. Колониальные тексты представлены двумя большими группами: приключенческая литература, т.н. «литература для мальчиков», где колониальная политика преподносилась читателю в завуалированном виде: приключения и поиск сокровищ составляли основную сюжетную линию. В таких произведениях часто фигурировали и реальные исторические личности. Приключенческий роман Г. Френсена «Петер Моор едет на юго-запад» считался одним из самых популярных бестселлеров о путешествии немца в Африку с целью усмирения восставших дикарей. Среди приключенческих романов о колониализме в Британии пальма первенства принадлежала Г.Р. Хаггарду, создавшему Аллана Квотермейна. Вторая группа произведений отличалась большей политизированностью. В Германии это было связано с процессом формирования национального самосознания вследствие запоздалого объединения. Из-за открытого равнодушия Бисмарка к колониализму, литература, ставшая своего рода средством обеспечения имперской идентичности рейха и нации, нередко обращается к политическим темам: «жизненное пространство», «место под солнцем», «культурно-историческая миссия германцев», риторика «великой державы».

Германская и британская колониальная литература как индикатор общественного мнения подвергает сомнению тезис историков об «управляемом социальном империализме». В соответствии с ним, колониальная экспансия была сопряжена с внутривнутриполитическими интересами и сохранением социального и политического статус-кво, являясь «оборонительной идеологией» и средством легитимации политического режима¹. Парадокс в том, что лидеры Германии и Великобритании не

¹ Wehler 1969; 1970: 86.

только не распознают важность националистических сил для колониальной экспансии, но также игнорируют тот факт, что в конце XIX века колониальная политика часто разделяла нацию, а не объединяла её. Колониальный вопрос стал центром внимания, как для левых, так и для правых сил, инструментом оппозиции, а колониальное движение отнюдь не было удобным инструментом в руках правительства.

Сесил Родс (1853-1902)

Период значимых структурных изменений в Южной Африке тесно связан с именем Сесила Родса. Он добился двух вещей, сделавших его ключевой фигурой региона. Первым достижением стала постепенная консолидация алмазодобычи под управлением его компании Де Бирс. Благодаря финансовой поддержке Ротшильдов, к 1880 г. Родс сумел выстроить алмазную империю. «Файнэншл Ньюз» отмечала его успехи: «прекрасно известно, что за мистером Родсом стоит большая сила, а его плодотворный ум породил множество идей, большинство из которых были приняты к действию и воплощены в жизнь»². В то же время сэр Уильям Харкорт, секретарь по делам колоний, писал: «Родс – великий джинго, но он и дешёвый джинго»³. Вторым достижением Родса стало его появление на политической сцене. В 1882 г. он был избран в Парламент Капской колонии, а в 1883–1884 гг. активно занимался расширением границ Капской колонии в Басутоленде (ныне Лесото) и Бечуаналенде (Ботсвана). Став в 1890 г. премьер-министром Капской колонии, он решил расширить владения за счёт земель на другом берегу Замбези. Хотя красная линия от Кейптауна до Каира свидетельствует о том, что Родс действовал во имя Империи, однако это не согласуется с его высказываниями и поступками. Ньюбери полагает, что интересы Родса в этом регионе были исключительно экономическими, а имперские идеи служили лишь прикрытием⁴. Поход против матабеле (ндебеле) в 1893 г. должен был не только освободить новые земли под золотые прииски (золота там оказалось намного меньше, чем изначально рассчитывал Родс), но и создать стопроцентно белую колонию на территории Африки. Но сказать с уверенностью, насколько искренне Родс считал, что эти земли должны принадлежать Империи, невозможно. По словам Ганса Зауэра, однажды Родс долго смотрел на алмазные рудники в Кимберли, а когда Зауэр спросил его, что тот видит, Родс повёл рукой и сказал: «Власть»⁵. Назвав захваченные земли своим именем, Родс прежде всего постарался укрепить свой имидж, а вовсе не имидж метрополии.

Понятно, что привлекало окружающих в молодом англичанине, приехавшем в Южную Африку в 17 лет в 1870 г. Во-первых, Родс был выходцем из простой семьи священника и не имел никаких связей. Правда, у него был неплохой стартовый капитал в три тысячи фунтов,

² Luchembe 1995: 24.

³ Ibid: 27.

⁴ Newbury 1981: 29.

⁵ Roscoe 2007.

доставшийся в наследство от тётушки⁶. Он сделал себя сам и стал британско-африканским вариантом американской мечты. Во-вторых, его очень плохое здоровье вызывало к нему симпатию. Сердечные приступы преследовали Родса всю жизнь, и он не сомневался, что умрёт раньше своих друзей и компаньонов. Своё первое завещание Родс составил в пользу своего секретаря Невилла Пикеринга. Отметим, что уверенность в скорой смерти могла подвигнуть Родса к тому, чтобы оставить состояние одному из самых близких друзей; Родс хотел, чтобы после его смерти деньги нашли достойное с коммерческой точки зрения применение.

Друзья Родса сыграли огромную роль в создании образа Родса как преуспевающего коммерсанта и выразителя имперских идей. В небольшой компании Родс умел производить на слушателей огромное впечатление. Как говорил Барни Барнато, совладелец алмазных приисков в Кимберли: «Пробыв с ним полчаса, вы не только соглашались с ним, но и начинали думать, что его мнение было всегда и вашим мнением [...]. У Родса была удивительная власть над людьми: он связывал их по рукам и ногам, как он всегда это делает. Это его метод. Ему невозможно сопротивляться: вы вынуждены быть с ним»⁷. Многие, знавшие Родса лично, называли его «генератором идей» и добавляли, что всю остальную работу за него делают другие.

Быстрый взлёт Родса сделал его чрезвычайно популярной фигурой. Рори дю Плесси⁸, исследуя манию душевнобольных пациентов в больницах Капской колонии в 1870-1900 гг., отмечает, что среди белых пациентов «мания Родса» сравнима с европейским феноменом «мании Наполеона». Родс был единственной особой некоролевской крови, ставшей предметом мании многих белых душевнобольных колонистов. Дю Плесси считает, что Родс был для белого населения колоний квинт-эссенцией мифов и легенд о белом человеке в Африке, королём Денег.

Постепенно личность Родса стала привлекать и профессиональных писателей. В 1897 г. Олив (Оливия) Шрейнер, писательница, суфражистка, феминистка писала Джону Мерримену: «Мы боремся с Родсом, потому что его имя в Южной Африке ассоциируется с притеснениями, несправедливостью и моральной деградацией – но даже если бы он завтра умер, остался бы ужасающий факт: в нашем обществе сформировалась матрица, которая вскормила, вырастила и создала такого человека!»⁹ Под «матрицей» Шрейнер понимает систему организаций и интересов, в которую с юности был вовлечён Родс, которую сам частично создавал, и которой сам же вынужден был подчиняться. Сюда входят и финансовые интересы Родса и его финансистов в Лондоне, в частности, Ротшильда, и стремление к лидерству в мировой добыче и продаже алмазов, и попытки объединения южноафриканских колоний. Однако, как

⁶ См: Roscoe 2007.

⁷ Ibidem.

⁸ du Plessis 2019: 4.

⁹ Roscoe 2007.

отмечает Шрейнер, не Родс первым придумал эту систему, в которой белые являются господствующей расой, не Родс разработал иерархию физического труда на алмазных рудниках, не Родсу принадлежит идея экспроприации природных ресурсов у местного населения. Шрейнер считала Родса примерным учеником матрицы и высококлассным менеджером, который нашёл своё место в системе, нацеленной на получение прибыли. Шрейнер не упоминает викторианский колониальный культ, но он, без сомнения, также оказал влияние на таких людей как Родс. Достаточно вспомнить оксфордскую инаугурационную лекцию Джона Рескина 1870 года, которая произвела на Родса огромное впечатление: «Англия должна как можно скорее приобретать колонии, захватывать каждый клочок полезной незанятой территории»¹⁰.

Повесть Шрейнер «Рядовой Питер Холкит в Машоналенде» и ее антианглийские высказывания явились причиной изменившегося отношения к ней в Британии. Припоминали и то, что она была дочерью немецкого миссионера и, возможно, могла очернять Родса, чтобы способствовать распространению немецкого влияния на юге Африки. Скорее всего, никаким «немецким агентом» она не была, но ее деятельность не могла не сказаться на восприятии Родса как личности, а вместе с ним – и на восприятии самой Империи – недаром буры считали Шрейнер своей национальной героиней. По этой причине ей, как и впоследствии Дорис Лессинг, был закрыт въезд в Капскую колонию.

В 1891 г. Шрейнер впервые встретилась с Редьярдом Кипплингом, который в тот год совершал кругосветное путешествие. В 1897 г. Кипплинг вновь оказался на юге Африки уже в качестве особого гостя Британской южноафриканской компании. Приглашение это было несчастливым. Родс не только потерял пост премьер-министра Капской колонии. Его преследовали и другие неприятности. Разразилась эпидемия чумы крупного рогатого скота практически на всех территориях, подконтрольных Родсу, вследствие чего там начался голод. В доме самого Родса произошёл пожар, уничтоживший много документов и ценных вещей. В такой ситуации Родсу предстояло восстановить не только дом, но и репутацию. Кипплинг идеально подходил для этой цели как «певец империи». Приехав в Кейптаун, Кипплинг вскоре отправился в железнодорожное путешествие, которое организовал для него лично Родс. Если Энтони Троллопу в 1877 г. условия работы на алмазных рудниках представлялись дантовским адом, то Кипплинг видит из окна вагона «огромные отгороженные охраняемые территории, на которых трудится туземец». И, не уделяя этому туземцу особого внимания, он тут же в восторженно описывает безупречную работу железной дороги¹¹.

В 1897–1898 гг. Кипплинг ограничивается описаниями природы, зарисовками кейптаунской жизни и архитектуры, оставшейся от голландской «оккупации». Если Родс рассчитывал, что именитый писатель при-

¹⁰ Ruskin 1870.

¹¹ Twidle 2012: 92.

несёт Капской колонии и обеим Родезиям такую же литературную славу как Индии, то он ошибся. Правда, в Кейптауне Киплинг был частым гостем и даже имел там дом, построенный для него по приказу Родса. Вернувшись туда в 1900 г. в смятенных чувствах после смерти дочери, Киплинг попытался списать своё душевное состояние на окружающую ситуацию. В тот момент уже шла англо-бурская война, которая стала для Британской империи чередой отступлений и разочарований, а сам «африканский лев», Родс, находился в осаждённом Кимберли.

Киплинг находился под сильнейшим влиянием Родса, но, по мнению Оруэлла, не мог смириться с тем, что «Империя – предприятие по получению прибыли»¹². Чувствуя писательскую ответственность перед пригласившим его человеком и перед Империей, Киплинг пытался героизировать то, что ему казалось странным: Британия, «мать демократии», вела войну против двух небольших колоний, неизвестных миру до тех пор, пока там не нашли золото. Киплинг много времени проводил в заново отстроенном поместье Родса, напоминающем дворец, и описывал его в своих дневниках и письмах. Стихи Киплинга на могиле Родса звучат величественно и в то же время пусто. Миссию Киплинга, которую возлагал на него Родс, можно считать провалом. Пожалуй, исключением стало стихотворение «Завещание», которое Киплинг посвятил, по одной версии, доктору Джеймсону, по другой – самому Родсу, а по третьей – своему сыну. В последнее время стихотворение исключено из программ английских учебных заведений как «расистское», хотя оно просто повествует о несгибаемой воле и решимости.

Артур Конан Дойл во многом разделял взгляды Родса на роль Британской империи в мире. Как и Родс, он считал, что лишь британцы могут нести культуру и цивилизацию другим народам. Он также полагал, что Британия и США снова должны стать одним государством – эта мысль звучит не только в его политических памфлетах, но и некоторых рассказах о Шерлоке Холмсе, например, в «Знатном холостяке», опубликованном в 1892 г. Дойл посетил Южную Африку в 1900 г. в качестве военного врача. В письмах матери он писал о боевом духе в армии в самых восторженных выражениях. Однако он упоминал и ужасающую организацию госпиталей для британских солдат, антисанитарию, плохое питание. Вернувшись в Англию, он тут же приступил к написанию книги «Великая бурская война». В книге Родсу уделено совсем немного места. Дойл отмечает, что Родс был энергичным человеком, оказавшим Империи немало услуг, хотя политикой ему заниматься не следовало. Дойл писал это, когда Родс был ещё жив, но использование прошедшего перфекта ясно даёт понять, что для Дойла Родс остался в прошлом. Дойл использовал имя Родса для поддержания собственной репутации спиритуалиста уже гораздо позже, в 1928 г., и якобы разговаривал с духом «великого» Родса на могиле последнего¹³.

¹² Orwell 1942: 16.

¹³ Миллер 2012: 465-466.

Смерть Родса в 1902 г. и его завещание оказались столь же противоречивы, как и его жизнь. Например, условия стипендии Родса не исключали её получения молодыми людьми неевропейской расы. Возможно ли утверждать, что в конце жизни Родс пришёл к мысли, которая прослеживается в политических речах того времени: надо говорить не о превосходстве англичан, а об «англоязычной расе»? Под расой здесь понимается не цвет кожи, а объединение по языковому признаку. Эту точку зрения разделяют и некоторые современные авторы: Фергюссон утверждает, что одной из заслуг Империи стало то, что английский язык стал языком международного общения, что, по мнению Фергюссона, даёт англоязычным странам конкурентное преимущество¹⁴.

Как бы то ни было, в 1923 г. Британская южноафриканская компания прекратила своё существование, и Родезия (Южная Родезия) получила статус доминиона. Администрация новой страны решила превратить эту территорию в стопроцентно белую колонию. Родезия стала одной из самых сегрегированных стран, где сегрегация проводилась не только по цвету кожи. Существовала и внутренняя сегрегация белого населения, при которой буры и немногочисленные европейские эмигранты считались людьми второго сорта¹⁵.

Уилбур Смит, автор британского происхождения, родившийся в Северной Родезии (ныне Замбия) и живущий в ЮАР – выходец из семьи колонизаторов и, как он сам утверждает, «до двадцати лет тоже верил во все эти колониальные идеи»¹⁶. Но увлечьшись историей добычи алмазов и золота на африканском континенте, Смит постепенно пришёл к пониманию сути тех методов, которые использовала Империя для достижения целей. В цикле романов о вымышленной семье Баллантайн Родсу отводится значительное место. Главные герои, алмазодобытчики и финансисты, относятся к Родсу с восхищением, но постепенно из обаятельного героя Родс превращается в воплощение абсолютного зла. Всё, к чему он прикасается, гибнет. Смит напрямую связывает разобщённость африканских народов и войну в Зимбабве с деятельностью Родса.

После выхода второго романа Смита из цикла о Баллантайнах «Лучший из лучших» (1982) и романа «И ангелы плачут» (1983) Родс стал часто фигурировать в произведениях поп-культуры, а затем и всевозможных критических статьях, появляющихся в Интернете. Это и рассказы в жанре альтернативной истории «Сесил Родс в аду» Майкла Суонвика, и многочисленные статьи с игрой слов в заголовке: английское звучание фамилии «Родс» омофонично слову *roads* (дороги). Отсюда и многочисленные «Дороги в ад», и «Дороги к богатству», в зависимости от политических пристрастий пишущего. Сериал Би-Би-Си 1998 г. показывает Родса как абсолютное зло. Вместе с тем, существует, сайт «Призрак Родса», где якобы сам Родс рассказывает о своей жизни.

¹⁴ Фергюссон 2013: 33.

¹⁵ Ibid: 148-150.

¹⁶ Kerridge 2014.

Кампания «Родс должен уйти», начавшаяся в 2015 г. в университете Родса (ЮАР), была вначале направлена исключительно против памятнику Родсу (в 2020 г. памятник убрали). Мдудумане¹⁷ отмечает, что хотя он полностью разделяет убеждение в необходимости сноса памятника и переименования университета, делать это нужно осознанно. Он приводит пример, когда активисты движения не имеют представления о том, кто такой Родс. Для них это кто-то «связанный с алмазами». Таким образом, создаётся впечатление, что памятник сносят только потому, что Родс – белый. Этот посыл, по словам Мдудумане, в корне неверен. Того же мнения придерживается и Лучембе, который полагает, что псевдо-патриотизм и национализм коренного населения – крайне отрицательное явление, каковы бы ни были прегрешения Родса. Кстати, слова Мдудумане оказались в определённой мере пророческими. В 2020 г. во время пика кампании *Black Lives Matter* в Эдинбурге была осквернена статуя короля Шотландии Роберта Брюса (1274–1329), который не имел к работорговле никакого отношения.

Последней ареной «драки за Родса» стал Оксфордский университет. Статуя Родса, по решению Ориель-колледжа, может быть убрана с фасада здания в 2021 г. Война между активистами и администрацией колледжа развернулась по поводу т.н. *Mandela-wash*, т.е. «отмыванию с помощью Манделы»¹⁸. Термин впервые появился, когда Нельсон Мандела стал президентом ЮАР в 1994 г. Мандела ставил своей задачей национальное примирение, и этим воспользовались те, кто ранее был явным сторонником апартеида. Поняв, что политический климат переменился, они стали добиваться личных встреч с Манделой, и обязательно фотографировались с ним. Эти фотографии являлись доказательством «дружбы» с Манделой в случае возможных обвинений в преступлениях на расовой почве. Наиболее ярким примером *Mandela-wash* стало объединение фонда Родса с фондом Манделы в 2003 г., и теперь организация называется Фонд Манделы-Родса. Ориель-колледж пошёл по такому же пути. Ректор Паттен заявил: «обо всех проблемах, связанных с историей Сесила Родса, я могу сказать следующее: если для Манделы это было нормально, то для меня тем более». Под «этим» понимается то, что имена Родса и Манделы стоят вместе в названии фонда¹⁹.

Карл Петерс (1856-1918)

Германского путешественника, учёного, общественного деятеля Карла Петерса (1856–1918) по праву можно было бы назвать человеком 1885 года, слава и популярность которого могли сравниться с авторитетом создателя немецкого рейха канцлера Бисмарка. Вернувшись после успешной экспедиции в Восточную Африку, Петерс мог подтвердить её многочисленными соглашениями с африканскими вождями, уступавшими ему права на свои территориальные владения. Публикация этих до-

¹⁷ Mdudumane 2005: 98-100.

¹⁸ Cohen 2020: 1-4.

¹⁹ Ibidem.

говоров в немецких газетах, обеспечивала их легитимное признание. Годом ранее канцлер Бисмарк, для которого колониальные дела не были первостепенными²⁰, объявил о протекторате рейха над частными владениями германских колонистов в бухте Ангра-Пекена, Того и Камеруне, Новой Гвинее и тихоокеанских островах. По сравнению с относительно небольшими форпостами немецкого колониализма в Западной и Центральной Африке, новые территории общей площадью в 140000 км², которые достались Петерсу, были способны превратить рейх в колониальную державу. После возвращения Петерса в Германию, его сторонники добиваются от кайзера Вильгельма I хартии²¹, которая обеспечит германский протекторат над новыми территориями (1885), где создаётся Германская Восточная Африка. Права на владение ею признаются за Петерсом и основанным им «Обществом немецкой колонизации».

Так же как 28-летний Петерс, внезапно прославившись и став очень популярным среди поколения своих сверстников в эпоху колониального бума, молодой рейх, в одночасье превратившийся в колониальную державу, оказался к этому не готов: практически полностью отсутствовала колониальная администрация, не были созданы юридические рамки, определяющие характер взаимоотношений метрополии с колониальными владениями, новые территории не были в достаточной мере заселены немцами, чтобы превратить их в очаги немецкой культуры.

Петерс чутко уловил колониальные симпатии обществуности 1880-х гг., отражая их в своих статьях и публичных выступлениях. Ученик историков Теодора Моммзена, Иоганна Густава Дройзена, Генриха фон Трейчке, Георга Вайца, Вильгельма Ваттенбаха, картографа и географа Иогана Киперта, юриста Рудольфа Гнейста, Карл Петерс, защитив диссертацию в Берлинском университете (1879), умело использовал университетскую кафедру и приобретённые ораторские способности, готовя себя к карьере политика. Знакомство с одним из самых популярных апологетов германского национализма историком Трейчке, критика Шопенгауэра с позиций философского пантеизма и дарвинизма, ставшая известной, благодаря публикации научного труда Петерса (1883) о допустимости конкуренции между людьми в процессе познания собственной воли²², сделали его узнаваемым в академическом сообществе. Фридрих Мейнеке позже напишет о сердечном приветствии вернувшихся на родину героев – Карла Петерса, графа [Иоахима] Пфайля и [Карла Людвиг] Юльке, бесстрашных завоевателей Африки²³.

Фигура Карла Петерса, который ввиду своей стремительно возросшей популярности становится для немецкого общества новым «конкистадором» и «героем колоний»²⁴, обладала интегративной силой и

²⁰ Baumgart 1992: 141–153; Riehl 1993: 22; Gründer 2000: 58.

²¹ Pelizaeus 2008: 222.

²² Peters 1883.

²³ Meinecke 1914: 21.

²⁴ См. Gründer 2000: 33.

притягательностью для широкого общественно-политического лагеря: от либералов до консерваторов. Пристальное внимание общественности к Петерсу и частота его публичных выступлений на сессиях всевозможных колониальных обществ и учредительном собрании Пангерманского союза (1891) стали теми условиями, в которых родилась нарративная традиция, проливающая свет на способности Петерса. Она нашла выражение в художественно-публицистической и политической литературе.

Литературная традиция колониального героизма создавалась не без участия самого Петерса. Начиная с 1891 г., в разных редакциях публиковался его труд «Немецкая экспедиция Эмина-паша (1889–1890)»²⁵, содержащий подробный 560-страничный отчёт с иллюстрациями и портретом самого Петерса кисти известного мюнхенского художника Франца Ленбаха (1836–1904). Упоминание научной степени автора, богатый иллюстративный материал и практически одновременный перевод издания на английский язык, повысившие цену покупки до 16 марок, должны были работать на имидж её автора. Изысканный литературный стиль повествования позже был высоко оценён Максом Кохом в «Истории немецкой литературы»: он охарактеризовал книгу Петерса, как «самый выдающийся продукт» современной колониальной литературы²⁶. Создавая имидж бесстрашного героя, Петерс прибегает к многочисленным литературным сравнениям. Так, в тексте описывается, как маленький немец, напоминающий Давида, ускользает от сильного Голиафа, олицетворявшего британский флот, отважно ведёт в бой отряд, сопровождающий экспедицию (примечательно, что экспедиция Петерса вступает в сражения с африканскими племенами не в целях самообороны, а для их покорения), рассказывает покорённым народам о том, что значит быть добродетельным немцем. Богатое воображение и образованность Петерса дополняли образ колонизатора чертами крестоносца. Описывая сожжение крааля народа масаи, Петерс сравнивает треск пламени со звоном колоколов, призывающих к службе в канун адвента.

Центральной идеей, проходящей через колониальные сочинения Петерса, является идея «прагматической колонизации», или альтернативного для немецкого среднего класса способа разбогатеть. Ведение повествования от своего собственного имени Петерсу было необходимо для демонстрации примера: не получив наследства после смерти своего дяди по материнской линии Карла Энгеля, он затевает колониальную авантюру с походом в Восточную Африку, в которую позже, благодаря триумфальному возвращению в Берлин с двенадцатью договорами о правах на африканские земли, он успешно вовлёл молодой рейх. Широкий общественный резонанс, ставший следствием громкой общественной кампании, освещавшей этот сюжет, позволил Петерсу добиться от руководства рейха установления протектората над Восточной Африкой. Бисмарк, считавший эти договоры Петерса всего лишь «документами,

²⁵ Peters 1891.

²⁶ Koch 1900: 270.

подписанными несколькими неграми», вынужден был уступить²⁷. Протекторат был полезен с точки зрения безопасности в колониальных делах, право на ведение которых получило образованное Петерсом акционерное «Общество немецкой колонизации». «Общество», определившее себя как «компания среднего класса», давало возможность мелким предпринимателям, офицерам, государственным служащим и торговцам, наиболее восприимчивым к пропаганде больших колониальных проектов, стать инвесторами, приобретая акции по оптимальной цене (максимум пятьдесят марок)²⁸. Намерением приобрести симпатии и, в будущем, финансовые средства акционеров, объясняется страстное, детализированное описание Петерсом своей экспедиции, а образ немецкого колонизатора, как хладнокровного, увлечённого жаждой поиска сокровищ «конкистадора», с той лишь разницей, что им мог оказаться уже не обедневший идалго средневековой Кастилии или Эстремадуры, а выходец из Ганновера, Бремена или Франкфурта. Тактическая задача общества, по мнению самого Петерса, состояла в том, чтобы подталкивать нерешительное в делах колоний правительство рейха к новым авантюрам, ведь «лучшая защита, как всегда, это – нападение»²⁹.

С учётом массового характера колониальной литературы, относящейся к образу Петерса, интерес представляет роман «Консул» баронессы Фриды фон Бюлов (1857–1909), который был опубликован в тот же год, что и описание экспедиции в Восточную Африку самого Петерса. Два литературных произведения дополняют образ «пионера колоний», создававшийся, как самим Петерсом, так и его почитателями. Конечно, воображение баронессы, которую считают основателем жанра немецкого колониального романа³⁰, не было лишено пристрастия, поскольку, как отмечают её биографы, она была лично знакома с Петерсом. Фрида фон Бюлов, побывав в Восточной Африке вслед за Петерсом (1885–1889), пыталась убедить немцев в достоинствах колонизации публикацией серии романов о его колониальном опыте. Восторженная поклонница приключений стремится познакомить читателя с теми, без кого, по её мнению, Германия осталась бы без колоний. Эта решимость была особенно очевидна в отношении Петерса. В романе «Консул» (*Der Konsul*, 1891) Петерс предстаёт в образе барона Макса фон Зюльфа. Барон был назначен консулом в Восточную Африку для развития коммерции и распространения немецкого языка (для удобства заключения торговых сделок). Однако, в силу личных качеств и способностей, барон вскоре значительно расширил круг своих обязанностей, проявив себя, как независимый и самостоятельный лидер. Своими несогласованными с правительством рейха действиями (самостоятельным заключением торгового договора с одним африканским вождём) он вызвал массу

²⁷ Wehler 1976: 342.

²⁸ Peters 1943: 157.

²⁹ См: Peters 1943: 203 f.

³⁰ Benninghoff-Lühl 1983: 236.

упрёков и был отозван в Берлин. Главная героиня романа – Нелли – влюблённая в барона, оставшись без своего возлюбленного, рассуждала о границах свободы действий мужчин и женщин в колониях. Нелли, безусловно, недовольна попытками правительства контролировать каждый шаг сильного лидера, действующего в интересах рейха. В романе даны такие характеристики консулу [Петерсу]: способность к «хладнокровному самоконтролю»³¹, бесстрашие, сила и храбрость³², «фанатичная преданность» и служение отечеству³³. Рассуждения о патриотизме Петерса обоснованы гендерной спецификой. Патриотизм – всего лишь прикрытие мужского эгоизма. Когда возможности его проявлять уже исчерпаны, мужчины стараются найти способ компенсации в виде силы, которую они направляют на всё что угодно, считая это своим по праву³⁴.

В действиях барона отражаются многие реальные события и идеи, актуальные для Германии второй половины XIX в. Например, торговые противоречия с Великобританией, прежде всего в колониях, в романе выражаются отношениями между консулом и купцом, предпочитавшим иметь дела с британцами, а не с другими немцами, плебеями, по его мнению³⁵. Зажиточные немцы, разбогатевшие на торговле с британцами, предпочитают в романе менять свои имена (с «Йоганна Фридриха» на «Джона Фридрикса»), что отражает неразвитость связей между Берлином и заморскими территориями рейха, безразличие к судьбам немцев, живущих за пределами отечества (идеи, позже воспринятые пангерманцами). К числу одного из первых благородных поступков барона автор романа относит совет еврейскому купцу переименовать заведение с французского «Restaurant» на немецкий «Wirtshaus». Вслед за этим в рассуждениях барона появляется антисемитская риторика. Он задаётся вопросом о еврейском лицемерии на грани презрения к самим себе, о хитрости и злобе, таящихся в душе евреев³⁶. Барон пытается покончить с модой на всё иностранное, вызывая своими действиями одновременно и раздражение Лондона, и опасения Берлина. Гордость и независимость барона, качества, которым симпатизирует автор романа, в конечном итоге приводят его к потере должности, но моральной победе.

Местное население колонии играет второстепенную роль в романе, в основном присутствуя в виде черных слуг с широкими улыбками на лицах, способных от природы только «смеяться и петь»³⁷.

В «Тропической лихорадке» (*Tropenkoller*, 1896) Петерс предстаёт специалистом лесного хозяйства Удо Бироном, направленным Берлином с особой миссией в Восточную Африку. Роман написан в то время, когда немцы возмущены разоблачениями о карательных мерах Петерса

³¹ См: Bülow 1891: 74.

³² Ibid: 72-73.

³³ Ibid: 190.

³⁴ Ibid: 73.

³⁵ Ibid: 76.

³⁶ Ibid: 80.

³⁷ Ibid: 71-72.

по отношению к местному населению – виселицами в Килиманджаро, но из романа читатель понимает, что повешены были не черные слуги Петерса, а наказанные за совершенные преступления лживые торговцы и их арабские рабы (справедливости и наказания добивается Удо Бирон, раскрывший торговые преступления). Во французской версии романа автор добавляет образу Петерса телесности, рассматривая её в контексте добродетелей, которые немцы считали для себя характерными: Бирон имеет крепкое телосложение и моральный облик, он – северный немец, высокий, светловолосый, с голубыми глазами, он «не боится опасности»³⁸ и обладает «истинным темпераментом Зигфрида»³⁹.

В романе «В земле обетованной» (*Im Lande der Verheißung*, 1899), опубликованном позже остальных, образ Петерса дополняется ожиданиями будущего. В нём Петерс появляется в роли Ральфа Кроме, руководителя нескольких экспедиций в Восточную Африку, которому неблагодарное правительство отказывается предоставить пост губернатора новых территорий, не учитывая его заслуг перед рейхом. В этом новом образе Петерса автор связывает собственные мысли с будущим рейха, полагая, что для успеха в колониальных делах стране нужен харизматический лидер, фюрер, способный к управлению, олицетворяющий высшую власть. По мнению баронессы, таким человеком, появившимся в самый подходящий момент истории, является Ральф Кроме⁴⁰. На примере колониальных проектов Петерса, баронесса, от лица героя романа, рассуждает о значимости для Германии таких людей как он, полагая, что своеобразие немецкого народа заключается в том, что ему постоянно нужны исключительные личности, проводники⁴¹.

Образ колонизатора Петерса дополняет английский период его жизни, по сути, вынужденного изгнания (1896–1905). Из-за скандала по поводу жестокости Петерса, направленного в Килиманджаро в качестве рейхскомиссара расследовать причины восстания против немецкой колониальной администрации⁴², он с позором был уволен со службы, лишён чинов и пенсии. Стремясь избежать публичного суда, он переехал жить в Лондон, пока кайзер Вильгельм II с подачи депутатов рейхстага не реабилитировал Петерса, назначив ему пожизненную пенсию (1905). В Великобритании он продолжил заниматься колониальными проектами, основав компанию *South East Africa Ltd.*, занимавшуюся добычей золота в Анголе и Родезии (названной в честь Сесилия Родса).

Работа Петерса «Англия и англичане» (1904) является одной из попыток осмыслить историю Британии глазами немца, в т.ч. сравнить её колониальную политику с немецкой⁴³. Восхищаясь Британской импери-

³⁸ Bülow 1902: 13.

³⁹ Ibid: 243.

⁴⁰ Bülow 1914: 134.

⁴¹ Ibid: 310.

⁴² Speitkamp 2005: 138.

⁴³ Peters 1904.

ей, он предположил, что только лишь ошибки политиков не позволили ей стать ведущей державой мира. Учитывая их, Петерс обрисовал будущее континентальных держав, в котором те смогли бы стать реальными конкурентами Британии. Ядром этого будущего должен таможенный союз метрополий и колоний Германии, Франции и России, и только после этого они смогут сойтись «в борьбе не на жизнь, а на смерть»⁴⁴. Таким образом для Петерса, как человека своего времени, колониальные противостояния были немислимы без войн, способных покончить с конкуренцией белых людей за господство, а империи – без стремлений монополизировать свою власть. Для Петерса была совершенно неприемлема колониальная модель управления Британской империей, поскольку парламентскими дебатами, по его мнению, невозможно было захватывать колонии. Успех любого колониального дела для Петерса был связан с индивидуальной волей, решимостью и неприкрытым мужеством, что могла продемонстрировать «военная диктатура Гогенцоллернов»⁴⁵ и единоличный стиль правления кайзера. Свою книгу об англичанах Петерс писал в эпоху расцвета вильгельминизма, которым историки называют персональный режим правления Вильгельма II⁴⁶.

По сравнению с количеством текстов, опубликованных в эпоху Вильгельма II, авторы колониальной литературы, писавшие в период Веймарской республики уже после смерти колонизатора, реже ссылались на Петерса. Будучи более заинтересованными в теме колониального ревизионизма, они, следовательно, отдавали предпочтение Паулю фон Леттов-Форбеку (1870–1964), генералу, который возглавлял африканский корпус в Восточной Африке во время Первой мировой войны. Тем не менее, Эдит фон Зальбург опубликовала в 1929 г. довольно популярный роман о Петерсе и его времени⁴⁷. Сюжет позволяет пересмотреть биографию Петерса и его деятельность. Так, например, дело в Килиманджаро полностью игнорируется. Напротив, фигура Петерса используется для разоблачения того, что называлось «колониальной ложью». Автор стремится показать, как Петерсу удалось завоевать дружбу африканцев и вести мирную колонизацию. Поскольку риторика того времени стремилась продемонстрировать, что немецкая колониальная администрация организовала «лучшую колонизацию», автор настаивает на мирном и филантропическом характере деятельности Петерса.

В образе Петерса графиня фон Зальбург раскрывает суть популярной среди националистов Веймара идеи связи крови и почвы, позже столь востребованной у нацистов. Персонаж Петерса, немец, оказавшийся в Лондоне (лондонский период жизни Петерса с 1881 по 1883 г.), на время оставляет столицу, отправляясь за город к родственникам. Очарованный сельской жизнью, главный герой говорит о том, что немцы

⁴⁴ Ibid: 179.

⁴⁵ Ibid: 99.

⁴⁶ Radkau 1994: 211-241.

⁴⁷ Salburg 1929.

способны создавать очаги культуры, а свои жизненные силы получают от земли своего отечества: лучшее заложено в традициях, возникающей на немецкой земле, а они в свою очередь являются источником силы⁴⁸.

Провокационным с точки зрения образа идеального немецкого колонизатора выглядит роман Бальдера Олдена, представляющий Петерса как обычного человека с его сильными и слабыми сторонами, который, следуя порокам человеческой натуры, фактически довел до самоубийства своего родного дядю Карла Энгеля (вопрос о наследстве)⁴⁹.

С приходом нацистов к власти фигура Петерса вновь приобретает авторитет (Х. Кёрвер, Э. цу Клампен, Р. Вихтерих)⁵⁰. Она наполняется патриотической семантикой, героикой первооткрывателя и борца за расширение немецкого пространства.

Поражение Германии во Второй мировой войне поставило точку в колониальной мифе и экспансионистских амбициях, наполнявших литературный образ Петерса. Во многом это было связано с поиском новых ориентиров развития немецкого общества и национальной идентичности. Миф о герое колоний, развивавшийся под влиянием фольклорной риторики и пропаганды, в новых условиях уже не мог быть средством манипуляции общественным сознанием. Африканское наследие Петерса тоже было переосмыслено, исходя из идей суверенитета, обретённого Танзанией (Германская Восточная Африка) в процессе деколонизации. «Петерс – человек с кровью на руках», сообщается в современном историческом путеводителе по Танзании⁵¹.

В самой Германии с 1980-х гг. продолжается процесс переименования улиц и проспектов, названных именем Петерса, частично из-за его расистских взглядов (Карлсруе, Ганновер, Хильдесхайм, Бонн, Мюнхен)⁵², частично из-за его реабилитации нацистами. В некоторых случаях названия улиц сохранялись, но для них «подыскивался» совершенно другой человек с похожей фамилией.

Сравнение британского и германского колониализма в фокусе колониальной публицистики и литературы представляет важный аспект изучения колониализма в целом. Развиваемый современной историографией подход *histoire croisée*, применимый к сравнению обоих феноменов, демонстрирует потребность в более глубоком осмыслении колониализма, чем просто истории колониальной политики и биографий деятелей колониального движения. Изучение взаимоотношений метрополий и колоний через призму общественного мнения, одной из форм выражения которого является колониальная литература, позволяет глубже понять колониализм, выходя за рамки политических решений.

⁴⁸ Ibid: 68.

⁴⁹ Olden 1927.

⁵⁰ Coerver 1937; Wichterich 1934.

⁵¹ Map and Guide to Tanzania 1995: 5.

⁵² Braun 2015.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Давидсон. А.Б. Сесиль Родс и его время. М: Мысль, 1984. 367 с. [Davidson. A.B. Sesil' Rods i ego vremya. M: Mysl', 1984. 367 s.].
- Миллер Р. Приключения Конан Дойла. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. 480 с. [Miller R. Priklyucheniya Konan Dojla. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2012. 480 s.].
- Фергюссон Н. Империя: Чем современный мир обязан Британии; Пер. с англ. К. Бандуровского. М.: Астрель; CORPUS, 2013. 311 с. [Fergyuosson N. Imperiya: SChem sovremennuj mir obyazan Britanii; Per. s angl. K. Bandurovskogo. M.: Astrel': CORPUS, 2013. 311 s.].
- Baumgart W. Bismarcks Kolonialpolitik / Johannes Kunisch (Hrsg.), Bismarck und seine Zeit. Berlin, 1992. S. 141–153.
- Benninghoff-Lühl S. Deutsche Kolonialromane 1884-1914 in ihrem Entstehungs- und Wirkungszusammenhang. Bremen: Übersee-Museum, 1983. 236 S.
- Braun M. Streit über Straßennamen // Stuttgarter Zeitung. 4. Juli 2015
- Bülow B. Le Vertige des tropiques. Épisode de la vie aux colonies allemandes. Berlin, 1902. 301 p.
- Bülow F. Der Konsul. Vaterländischer Roman aus unseren Tagen. Berlin: F. Fontane & Co, 1891. 288 S.
- Bülow F. Im Lande der Verheißung. Ein deutscher Kolonial-Roman. Dresden: Carl Reißner, 1914. 234 S.
- Bülow F. Tropenkoller. Episode aus dem deutschen Kolonialleben. Berlin: F. Fontane, 1896. 290 S.
- Coerver H. Carl Peters. Ein Kämpfer um deutschen Raum. Leipzig: Teubner, 1937. 48 S.
- Cohen R. Mandela-Wash: How Invoking Mandela's Name Cannot Obscure Past Injustice // RSA: CODESRIA Bulletin. 2020. June (3). pp. 1-4.
- Decker K. Meine Farm in Afrika: Das Leben der Frieda von Bülow. Berlin, 2015. 480 S.
- du Plessis R. A hermeneutic analysis of delusion content from the casebooks of the Grahamstown Lunatic Asylum, 1890-1907 / The South African journal of psychiatry: SAJP: the journal of the Society of Psychiatrists of South Africa. 2019. 25 (1263). pp. 1-7.
- Gründer H. Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn: Schöningh, 2000. 368 S.
- Kerridge J. Wilbur Smith interview for Desert God: 'My life is as good as it's ever been' // Daily Telegraph. 2014. 14 September
- Koch M. Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1900. 311 S.
- Lindner U. Koloniale Begegnungen. Deutschland und Großbritannien als Imperialmächte in Afrika 1880-1914. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 2011. 533 S.
- Luchembe C.C. Legacy of Late Nineteenth Century Capitalism: The Case of W.R. Grace and C.J. Rhodes // Ufahamu: A Journal of African Studies. 1995. 23(2). P. 4-28.
- Map and Guide to Tanzania. 1995.
- Mdudumane K. The Historical Production of Cecil John Rhodes in 20th Century Cape Town. RSA: University of the Western Cape. 2005. pp. 98-105.
- Meinecke F. Die deutsche Erhebung von 1914. Vorträge und Aufsätze. Stuttgart; Berlin, 1914. 112 S.
- Mlambo A.S. Some Are More White Than Others: Racial Chauvinism As A Factor of Rhodesian Immigration Policy, 1890-1963 // Zambezia: The Journal of Humanities of the University of Zimbabwe. 2000. XXVII (II). pp. 136-160.
- Newbury C. Out of Pit: The Capital Accumulation of Cecil Rhodes // Journal of Imperial and Commonwealth History. 1981. 10 (1), pp. 25-49.
- Olden B. Ich bin ich. Der Roman Carl Peters. Berlin: Wegweiser, 1927. 308 S.
- Orwell G. Rudyard Kipling. London: Horizon, 1942. 48 p.
- Pelizaes L. Der Kolonialismus. Wiesbaden: Marixverlag, 2008. 256 S.
- Peters C. Die deutsche Emin-Pascha-Expedition (1889-1890). München / Leipzig, 1891. 560 S.
- Peters C. England und die Engländer. Berlin, 1904. 284 S.
- Peters C. Gesammelte Schriften. Bd. 1. München, 1943. 530 S.
- Peters C. Willenswelt und Weltwille. Studien und Ideen zu einer Weltanschauung. Leipzig, 1883. 404 S.
- Radkau J. Die wilhelminische Ära als nervöses Zeitalter, oder: Die Nerven als Netz zwischen Tempo- und Körpergeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1994. 20(2). S. 211-241.
- Roscoe A. The Columbia Guide to Central African Literature in English Since 1945. New York: Columbia University Press, 2007. 302 p.
- Riehl A. Der Tanz um den Äquator. Bismarcks antienglische Bündnispolitik und die Erwartung des Thronwechsels in Deutschland 1883 bis 1885. Berlin, 1993. 886 S.

- Ruskin J. Imperial Duty. Oxford. 8 February, 1870 // <https://www.sahistory.org.za/archive/imperial-duty-john-ruskin-oxford-8-february-1870-0>
- Salburg E. Carl Peters und sein Volk. Der Roman des deutschen Kolonialgründers. Weimar: Alexander Duncker, 1929 308 S.
- Shee J. The Ill Health and Mortal Sickness of Cecil John Rhodes // Central Africal Journal of Medicine. 1965. Apr (11). pp. 89-93.
- Speitkamp W. Deutsche Kolonialgeschichte. Stuttgart, 2005. 208 S.
- Thomas A. Rhodes: The Race for Africa. St. Martin's Press. 1997. 368 p.
- Twidle H. All Like and Yet Unlike the Old Country: Kipling in Cape Town, 1891-1908: A Reappraisal // English in Africa. 2012. 39 (2). pp. 85-109.
- van Wyk S. M. Grounds of Conquest: A Survey of South African English Literature. Kenwyn [South Africa]: Jutalit, RSA: Juta, 1990. 244 p.
- Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1969. 582 S.
- Wehler H.-U. Imperialismus. Neue wissenschaftliche Bibliothek. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1970. 465 S.
- Wichterich R. Dr. Carl Peters. Der Weg eines Patrioten. Berlin, 1934. 197 S.
- Wildenthal L. When Men Are Weak: The Imperial Feminism of Frieda von Bülow // Gender & History. Vol. 10 (1). 2002. pp. 53-77.

Турьгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственный университет; aturigin@mail.ru

Зимина Евгения Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, Костромской государственный университет; ezimina@rambler.ru

The British Jingo and the German Viking: the Emergence and Reception of the Colonial Hero Image of Cecil Rhodes and Carl Peters

The paper considers the colonial policy of Kaiser Germany and the British Empire in Africa via periodicals and fiction. Alongside with official sources, fiction can provide an insight into the way the cult of the two most notorious colonialists – Cecil John Rhodes and Carl Peters – emerged. Their activities in the African continent, cautiously assessed even in their lifetime, was reconsidered in official propaganda and by writers of the 19th-20th centuries, which led to the change in public opinion regarding colonialism and imperial values. The process of reconsidering went in different ways, however. The imperial past of the British Empire was shown in the protests of 2020 in the UK, whereas in Germany this reconsideration is closely connected with the reassessment of the Nazi period that attempted to revive colonial ideas of the first quarter of the 20th century.

Key words: British colonialism, German colonialism, imperial cult, colonial expansion, fiction, African literature, European literature

Turygin Alexander Aleksandrovich, PhD, Associate Professor, Department of History, Kostroma State University; aturigin@mail.ru

Zimina Evgeniia Vitalievna, PhD, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Languages, Kostroma State University; ezimina@rambler.ru

О.В. РЯБОВ

РЕГУМАНИЗАЦИЯ «ЧУЖИХ»: ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ «ВРАГА НОМЕР ОДИН» В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

Исследуется, как в кинематографе США на протяжении 1940–1960-х гг. менялись способы изображения СССР: от дегуманизации образа врага до деконструкции этого образа. Исследование опирается на концепцию Н. Хэслема, согласно которой дегуманизация аутгруппы осуществляется в двух формах: анималистской (при помощи сравнения с животными) и механицистской (за счет уподобления машинам). Показано, что в 1940–1950-х гг. голливудские фильмы широко использовали обе формы дегуманизации при создании образа «врага номер один». Регуманизация СССР происходит в фильме «Русские идут! Русские идут!» (1966), который выступил как своеобразный кинематографический манифест *Realpolitik* и философии разрядки.

Ключевые слова: образ врага, дегуманизация, регуманизация, Холодная война, кинематограф США, фильм «Русские идут! Русские идут!»

Образ врага вызывает обоснованный интерес у исследователей на протяжении десятилетий². В наиболее значимых работах, определивших методологию нашего исследования, предметом анализа становятся различные технологии создания врага в межгрупповых конфликтах; одной из них является дегуманизация, то есть полное или частичное лишение представителей аут-группы права считаться частью человеческого рода. Однако в значительно меньшей степени изучаются способы деконструкции образа врага и преодоления этой враждебности – то, что можно обозначить как практики регуманизации.

Образ врага – постоянный элемент человеческой истории, но особенно богатый материал для анализа дает эпоха Холодной войны. В вышедшей еще в конце Холодной войны монографии Р. Рибера и Р. Келли отметили: возможно, никогда прежде в истории одно общество так не ненавидело другое и не боялось его на протяжении столь длительного времени. Особенности современных видов вооружения (в первую очередь, ядерного оружия) обусловили то, что врагом, против которого допускалось ведение боевых действий, становилось все гражданское население противника, а не только их армии. Жители СССР и США должны были свыкнуться с мыслью о том, что потенциально они либо соучастники массовых убийств, либо жертвы убийств другой стороны. По сути, ядерное противостояние могло быть «продано» обществу только при условии массового производства образов врага³.

Заметную роль в ней играл кинематограф; в кинематографическую Холодную войну были вовлечены ведущие актеры, режиссеры, сцена-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ» (рук. О. В. Рябов).

² Напр.: Keen 1986; Aho 1994; Harle 2000; Гудков 2005; Oppenheimer 2006.

³ Rieber, Kelly 1991: 5.

ристы по обе стороны «железного занавеса». Среди тех, кто принимал участие в создании фильмов, прямо или косвенно затрагивающих тему советско-американской конфронтации, можно назвать такие имена, как С. Кубрик и А. Довженко, Б. Уайлдер и Л. Гайдай, С. Крамер и Г. Александров, Г. Пек и В. Тихонов, К. Гейбл и А. Баталов, К. Хенберн и Л. Орлова. Всего за данный период кинематографы СССР и США выпустили примерно по девяносто фильмов, в которых получила отражение тема советско-американской конфронтации⁴.

Целью статьи является анализ того, как в американских фильмах на протяжении 1940-1960-х гг. менялись способы изображения СССР: от дегуманизации образа врага до деконструкции этого образа. В первой части мы остановимся на теоретических вопросах исследования дегуманизации как приема конструирования образа врага. Вторая посвящена формам и технологиям дегуманизации «врага номер один» в фильмах Голливуда, созданных в 1940-1950-х гг. Наконец, мы рассмотрим, как врагу возвращаются атрибуты человечности в кинематографе разрядки на материале фильма «Русские идут! Русские идут!» (*The Russians are coming! The Russians are coming!*, 1966, реж. Н. Джуисон).

Понимание врага как социального конструкта предполагает обращение к его функциям, среди которых можно выделить такие, как: а) функция укрепления коллективной идентичности, реализуемая при помощи репрезентаций врага как максимально отличающегося от «своих» и проведения заметной, прочной и естественной символической границы между ними; б) функция мобилизации, требующая создания образа смертельной опасности для каждого члена сообщества; в) функция легитимации насилия, связанная с изображением врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже уничтожение; г) функция легитимации власти, предполагающая репрезентации правителей как надежных защитников от врага, а оппозиции – как внутренних врагов и пособников врагов внешних; д) функция предсказания победы, требующая обоснования собственного военного превосходства и изображение врага слабым, уязвимым и комичным⁵.

Символические границы, исключаящие «чужих», проводят при помощи различных дискурсов, среди которых могут быть названы политический, классовый, нравственно-ценностный, исторический, гендерный, профессиональный, этнический, расовый, эстетический. Антропологический дискурс связан с борьбой за определение критериев человечности. Дуальная концепция дегуманизации, разработанная Н. Хэслемом, предлагает различать два набора характеристик, атрибутируемых человеку: уникально человеческие (*uniquely human*), которые отли-

⁴ Федоров 2010. Подробнее о кинематографической Холодной войне см. также, напр.: Туровская 1996; Strada, Troper 1997; Cauter 2005; Shaw 2007; Kenez 2008; Shaw, Youngblood 2010; Shcherbenok 2010; Kapterev 2010; Kozovoi 2014; Рябова 2018; Юдин 2019; Heed, Kubyshkin 2019; Riabov 2020; Белов 2020.

⁵ Рябов 2019

чают его от животных, и сущностно человеческие (human nature), отличающие его от машины⁶. Первые включают в себя цивилизованность, мораль, воспитанность и способность к абстрактному мышлению, вторые – эмоциональность, теплоту в межличностных отношениях, субъектность (vital agency) и творческое мышление.

Отрицание этих характеристик у представителей аут-группы используется в двух формах дегуманизации: соответственно, анималистской (animalistic) и механицистской (mechanistic). Наделение образа «чужих» такими чертами, как нецивилизованность, отсутствие морали, нехватка интеллектуальных способностей и образования, грубость, неспособность к самоконтролю свойственно анималистской форме⁷. Кроме того, способом анималистской дегуманизации является инфрагуманизация; данный прием заключается в том, что «чужим» приписываются только первичные эмоции, которые свойственны и животным (в т.ч. радость, огорчение, страх, вождление, гнев), между тем как «своим» – также и вторичные (включая любовь, надежду, сожаление, ностальгию)⁸. Приписывание отмеченных качеств представителям аут-групп способует формированию определенного отношения к ним: ими необходимо управлять, поскольку они неспособны к самоконтролю; общение с ними не предполагает равного диалога, поэтому разрешается ими манипулировать; происходит их объективация, поэтому допустимо их использовать, относясь к ним не как к цели, а только как к средству⁹.

Механицистская форма дегуманизации включает в себя лишение представителей аут-группы таких характеристик, как воля, субъектность, индивидуальность, эмоциональность, теплота в межличностных отношениях, сострадание, гибкость мышления, способность испытывать боль¹⁰. Уподобление «чужих» машине предполагает моральное исключение; отношение к ним как к неодушевленной вещи; отсутствие способности сопереживать, в т.ч. в случае их уничтожения.

Рассмотрим, как применялись отмеченные способы дегуманизации.

Дегуманизация врага широко использовалась пропагандистскими машинами обеих сверхдержав. Прежде всего, это справедливо в отношении анималистской формы дегуманизации; так, в американских репрезентациях СССР особая роль принадлежит «русскому медведю». Помимо прямой, использовалась и косвенная форма, предполагающая приписывание врагу характеристик, означающих недостаточную окультуренность и тем самым человечность. В репрезентациях СССР и коммунистического блока были широко задействованы практики ориентализма, подчеркивающие цивилизационную чуждость и отсталость врага¹¹. В случае с кинообразами представителей коммунистического мира это

⁶ Haslam 2006: 255-257.

⁷ Haslam 2006: 255.

⁸ Leyens et al. 2007.

⁹ Haslam 2006: 254, 260.

¹⁰ Haslam 2006: 256.

¹¹ См., напр.: Sharp 2000: 59.

проявляется в большинстве фильмов, созданных в 1940-1950-х гг. Среди приписываемых им качеств можно выделить, во-первых, те, которые акцентируют внимание на отсталости СССР как недостаточной цивилизованности: бытовая неустроенность и грязь, необразованность населения, дурные манеры. Во-вторых, это качества, свидетельствующие о неспособности к самоконтролю, проявляющейся в пьянстве, бытовом насилии, необузданной сексуальности. В-третьих, это черты, призванные подчеркнуть отсутствие уважения к человеческой личности: деспотизм властей, подавление индивида коллективом, игнорирование права на частную жизнь. Такого рода характеристики обнаруживаются в большинстве голливудских фильмов, изображающих коммунистических врагов; среди наиболее примечательных – «Красная угроза» (The Red Menace, реж. Р. Спрингстин, 1949), «Вторжение в США» (Invasion, USA, реж. А. Грин, 1952), «Пилот реактивного самолета» (Jet Pilot, реж. Дж. фон Штернберг, 1957), «Зверь Будапешта» (The Beast of Budapest, реж. Х. Джонс, 1958), «Путешествие» (The Journey, реж. А. Литвак, 1959), «Зверь из долины Юкка» (The Beast of Yucca Flats, реж. К. Фрэнсис, 1961).

Сравнение врага с животными – обычная практика военной пропаганды, но уподобление машине происходило значительно реже. Тем не менее, в исследуемый период механицистская дегуманизация коммунистического врага применялась активно¹². В кинематографе США можно выделить три сюжета, в зависимости от того, как в них представлен источник дегуманизации: роботоподобное существование индивидов в тоталитарном обществе, например: «Шелковые чулки» (Silk Stockings, реж. Р. Мамулян, 1957) и «Красный кошмар» (The Red Nightmare, реж. Дж. Ваггнер, 1962); превращение коммунистами американцев в зомби при помощи советской науки («Маньчжурский кандидат»; The Manchurian Candidate, реж. Дж. Франкенхаймер, 1962); похищение тел американцев инопланетным разумом как аллегория захвата США коммунизмом (например: «Захватчики с Марса» (Invaders from Mars, реж. У. Мензис, 1953), «Вторжение похитителей тел» (Invasion of the Body Snatchers, реж. Д. Сигел, 1956), «Я вышла замуж за монстра из космоса» (I Married a Monster from Outer Space, реж. Дж. Фаулер, 1958)).

Формы механицистской дегуманизации включали в себя как прямое сравнение врагов с роботами, так и наделение их роботоподобными чертами, среди которых следует назвать, прежде всего, отсутствие эмоций. В исследуемых кинокартинах отрицательные герои не проявляют не только любви и сострадания, но также гнева, ненависти, ярости, страха, что отражается и в особенностях их мимики: неподвижное лицо, остекленевший взгляд; излишне говорить, что они не улыбаются. Далее, отметим отсутствие человеческой теплоты в социальных отношениях. Подобно насекомым, представители коммунистического мира прекрасно взаимодействуют друг с другом, но дружба не представляет для них ценности. Не нужна коммунистам и семья: в фильмах нет и намек на

¹² Подробнее см.: Riabov 2020.

то, что родители любят своих детей. Коммунистических женщин отличает полное отсутствие романтики, которую они расценивают как буржуазную глупость, лишённую практического смысла. Эта эмоциональная бедность обнаруживает себя и в отношении к любви¹³. В фильме «Вторжение похитителей тел» один из пришельцев объясняет: «В любви нет никакой необходимости... Любовь. Желание. Амбиции. Вера. Без них жить так просто». Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие творческих способностей: их действия стандартны, а мышление запрограммировано. Наконец, роботоподобность коммунистов эксплицируется через лишение их субъектности и индивидуальности. Например, мир, который хотят создать пришельцы из фильма «Вторжение похитителей тел» – это общество, свободное не только от тревог, но и от индивидуальных различий. Отсутствие собственной воли, беспрекословное подчинение приказам руководителей – ещё одна характерная черта представителей коммунистического мира.

Заметим, что практики механицистской дегуманизации проявляют себя на протяжении всей эпохи Холодной войны. Дуэль человека, символизирующего Америку, и машины, символизирующей СССР, становится ключевым эпизодом голливудских блокбастеров 1980-х, среди них: «Огненный лис» (Firefox, реж. К. Иствуд, 1982), «Красный рассвет» (Red Dawn, реж. Дж. Милиус, 1984), «Рокки IV» (Rocky IV, реж. С. Сталлоне, 1985), «Рэмбо III» (Rambo III, реж. П. Макдоналд, 1988)¹⁴.

В конце 1950-х гг. в результате изменения в политической жизни СССР и США возобновилось сотрудничество в сфере культуры, что проявилось, в частности, в подписании Д. Эйзенхауэром и Н. Хрущевым двустороннего «Соглашения об обменах в области науки, техники, образования и культуры», известного как «соглашение Лейси-Зарубина» (1958). На символическом уровне эти перемены отразились в таких событиях, как Американская Национальная выставка в Сокольниках и визит Н. Хрущева в США, состоявшийся в 1959 г. Однако в кинематографе способы изображения основного соперника ещё долго оставались прежними. Например, фильм С. Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал беспокоиться и полюбил бомбу» (Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb, 1964), который примечателен тем, что впервые высмеивал американских «ястребов», при изображении СССР использовал отмеченные выше приемы дегуманизации как в анималистской форме (даже руководитель СССР показан склонным к пьянству и «морально неустойчивым»), так и в механицистской («машина судного дня» становится символом коммунизма как безжалостной, смертельно опасной силы, которая не подчиняется человеку).

Переломным в истории кинематографической Холодной войны стал выпущенный в 1966 г. фильм «Русские идут! Русские идут!». По сюжету советская подлодка «Спрут» случайно подошла к острову у се-

¹³ См. подробнее: Рябов 2013.

¹⁴ Palmer 1993: 214, 219; Shaw, Youngblood 2010: 160, 168.

веро-восточного побережья США настолько близко, что села на мель. Часть экипажа во главе со старшим помощником Юрием Розановым отправилась на американскую территорию, чтобы найти буксир и снять подлодку с мели до того, как их заметят американские военные. В результате многих приключений, когда дело едва не дошло до вооруженного столкновения между моряками и жителями острова, все заканчивается благополучно, между ними устанавливаются теплые отношения, и «Спрут» уходит в море.

У этого фильма интересная история создания – режиссер Н. Джуисон задумывал его как первый совместный проект США и СССР в области кино¹⁵. От этой революционной идеи в конце концов пришлось отказаться, однако это не помешало фильму стать подлинно поворотным в истории репрезентаций «своих» и «чужих» в период Холодной войны.

Итак, как же создается очеловеченный образ «чужих»? Прежде всего, регуманизация осуществляется за счет изображения внешности советских военных: в этом фильме, в отличие от маккартистских картин 1940–1950-х гг., нет персонажей с отталкивающей внешностью. Моряки показаны достаточно воспитанными; некоторые из них говорят по-английски. Они часто улыбаются и смеются, беззлобно подшучивают друг над другом, стараясь подбодрить в непростой ситуации. Взаимопомощь и товарищество – их отличительные характеристики; они не оставляют товарищей в опасности, даже несмотря на реальную перспективу быть уничтоженными авиацией США. Обращает на себя внимание и креативность моряков. Первокласной комедией фильм делает изобретательность его героев, которые всегда находят выход из сложных ситуаций, и советские персонажи не уступают в этом американцам.

Регуманизация советских персонажей достигается также при помощи приписывания им такой необязательной черты, как любопытство. Собственно, именно с любопытства капитана «Спрута» и начинается эта история: ему так хотелось увидеть своими глазами, что из себя представляет Америка, что подлодка подошла слишком близко к острову.

Более человечными подводников делает и проявляемый ими страх смерти. Казалось бы, это не самая лестная характеристика для военных; однако это ни в коем случае не ставит под сомнение смелость моряков, они часто рискуют жизнью, но при этом не готовы с ней расстаться по глупости, в отличие от животных, роботов или фанатиков.

Особо следует остановиться на религиозности. Обвинения большевиков в гонениях на религию занимали важное место в создании образа «красной угрозы», и в США Холодная война нередко позиционировалась как крестовый поход против безбожного СССР¹⁶. Между тем в руках одного из моряков в одной сцене виден, по всей вероятности, молитвенник. В другой сцене он же, услышав звуки органа, доносящие из церкви, с восторгом шепчет: «Гендель». Правда, другой подводник

¹⁵ Shaw 2010: 238-240.

¹⁶ Kirby 2003: 5.

быстро «поправляет» товарища: «Не Гендель. Чайковский!». Отметим, кстати, что это один из немногих приемов в изображении советских персонажей, который режиссер заимствует из фильмов 1950-х гг. – насмешка над «борьбой с низкопоклонством перед Западом», в рамках которой в СССР якобы все достижения в области науки и культуры приписывались представителям собственной страны (как, например, в фильме «Не отпускай меня» (Never let me go, реж. Д. Дэйвс, 1953)).

Важнейшую роль в регуманизации «чужих» в этом фильме сыграло изображение такой «вторичной эмоции», как любовь. Романтические отношения между советским моряком Алексеем Колчиным и американской девушкой Элисон Палмер стали еще одним случаем историй любви между представителями враждебных блоков, занимающих в кинематографической Холодной войне особое место¹⁷. Канон подобных историй был создан в «Ниночке» (Ninotchka, реж. Э. Любич, 1939)¹⁸ и затем воспроизведен во многих фильмах 1940-1960-х гг., он заключался в том, что женщина из страны советского блока влюбилась в мужчину из страны «свободного мира» и убежала с ним на Запад. История любви в анализируемом фильме примечательна тем, что на этот раз женщина представляет «своих», в то время как «чужих» – мужчина. Правда, в отличие от прочих фильмов, она не отправляется с возлюбленным на другую сторону «железного занавеса», но Колчин обещает американке перед расставанием, что впереди у них «долгая совместная жизнь мирного сосуществования» (a long life of peaceful coexistence). В связи с этой романтической историей образ Колчина становится одним из центральных. Для голливудской продукции Холодной войны вполне ожидаемо, что самый положительный и очеловеченный советский персонаж, к тому же полубившийся американской девушке, выражает несогласие с проводимой советскими властями политикой. Действительно, Колчин признается Элисон: в СССР ему с детских лет внушали, что американцы плохие, что они враги России; никто в его стране не доверял американцам. Он же с этим не согласен и говорит, что не хочет никого ненавидеть. Но данным высказыванием его критика советского строя ограничивается. Он ни секунды не сомневается, что должен вернуться в СССР. Как справедливо заметил Т. Шоу, ему не приходит в голову мысль, что можно попросить политического убежища в США – так, как происходило с советскими персонажами в других голливудских картинах¹⁹.

Однако и остальные подводники не горят желанием ни погибать, ни убивать американцев. Если им приходится вступать в противоборство с жителями острова, они стараются при этом обходиться корректно. Показательно, что за все время действия картины они не произвели ни одного выстрела в сторону американцев и не попытались ударить

¹⁷ Рябов 2013.

¹⁸ «Ниночка» была обязана сюжетом комедии «Дирк», на премьере которого в Москве в 1936 г. присутствовал Э. Любич; в качестве ответа на эту картину Г. Александрова он и задумал свой фильм (Hudson 2019: 63).

¹⁹ Shaw 2010: 239.

никого из них. Более того, Розанов демонстрирует галантность по отношению ко всем дамам, которые вынуждены терпеть неудобства из-за присутствия моряков на острове, и даже целует руку хозяйке дома, миссис Уиттакер, принося извинения за то, что на какое-то время пришлось ограничить свободу передвижения членам ее семьи. Другой моряк, вынужденный связать немолодую американскую леди, чтобы та не могла поднять панику, просит за это у нее прощения, и даже после того, как получают в ответ ошутимый пинок, не становится менее почтительным.

Обращает на себя внимание еще одна важная деталь – то, как представлены установки взаимного восприятия советских и американских персонажей картины. Розанов не сомневается, что американцы – здравомыслящие люди, которые, как и моряки, должны быть заинтересованы в том, чтобы невольное вторжение на остров не привело к жертвам среди населения и тем более к ядерной войне между СССР и США. Именно поэтому он рассчитывает на помощь американцев и удивляется, видя стремление большинства островитян, не задумываясь о последствиях, открывать огонь по подводникам при первой возможности. Фильм, скорее, высмеивает ура-патриотизм тех жителей острова, Получается, что американцы в каком-то смысле в большей степени подвержены мифам пропаганды Холодной войны, чем советские военные.

Конечно, нередко в этой комедии моряки вызывают смех у зрителя, однако их комичность связана в основном не с национальной принадлежностью или идеологией, а с тем, что они иностранцы, военные, которые волей случая оказались на территории державы, у которой не самые дружественные отношения с их страной.

Особое место в регуманизации «врага номер один» занимают образы детей. Символ детства – важный ресурс создания образа врага, которым пропаганда пользовалась во все времена, дегуманизируя противоположную сторону; это в полной мере использовалось и кинематографом Холодной войны. Однако оспаривание гегемонного дискурса также может осуществляться при помощи образа ребенка. В двух эпизодах фильма акцентируется отношение советских моряков к детям – причем, подчеркнем, американским. В одном из них Колчин остается в доме Уиттакеров, чтобы те не имели возможность поднять панику на острове. Внезапно в комнату, где находятся вся семья и вооруженный автоматом Колчин, входит трехлетняя дочь хозяев, и моряк непроизвольно направляет оружие в ее сторону. К счастью, все окончилось благополучно, но Колчина сама мысль о том, что он мог невольно стать убийцей ребенка, шокирует настолько, что он больше не хочет брать в руки оружие.

Второй эпизод происходит в финале картины. Капитан подлодки, подозревая жителей острова в том, что те захватил в плен его товарищей, угрожает открыть огонь. Островитяне готовы начать ответную стрельбу. В этот момент американский мальчик, забравшийся на колокольню церкви, чтобы лучше было видно происходящее, сорвался, покатился по крыше и повис на коньке, каждую секунду рискуя упасть и

разбиться. На помощь ребенку бросаются и советские моряки, и местные жители. Спасает его, рискуя собственной жизнью, Колчин. Однако даже командир подлодки, который в ряде эпизодов показан самодуром, обнаруживает человеческие чувства: он сразу отдает команду морякам помочь мальчишке и бурно радуется после того, как все благополучно закончилось. То есть, именно спонтанная, продиктованная не идеологией или трезвым расчетом, но самой человеческой природой, реакция на смертельную опасность, которая грозит ребенку, сближает советских и американских персонажей и помогает разрешить все недоразумения.

Так можно охарактеризовать приемы, при помощи которых происходит очеловечивание образов представителей коммунистического мира. Этот фильм не ставит знак равенства между СССР и США, и не стремится убедить аудиторию в том, что русские – *такие же* люди, как американцы. Фильм снимался, прежде всего, для киноаудитории США, и норму воплощают именно американцы; эмоциональной кульминацией картины является сцена, которая позволяет представить американцев как эталон благородства, когда островитяне, рискуя собственными жизнями, сопровождают на своих лодках «Спрут», тем самым не позволяя самолетам ВВС США атаковать его. Однако фильм демонстрирует, что русские – *тоже* люди. Другие, но люди, с которыми можно и нужно договариваться об условиях мирного существования; у них те же базовые ценности, что и у граждан США: они хотят жить, поэтому стремятся не допустить развязывания ядерной войны, в которой не будет победителей, они способны любить, они заботятся о детях и т.д.²⁰ Они не стали «своими»; они не превратились в «других», т.е. тех, которые отличаются от «своих», но при этом оцениваются как равные. Но они перестали быть «врагами», которые несут смертельную опасность «своим» и которых необходимо нейтрализовать. За ними признается право на законные интересы. Собственно, это и есть своеобразный кинематографический манифест Realpolitik и философии разрядки.

Подводя итоги, отметим, что в период Холодной войны кинематограф США широко использовал анималистскую и механицистскую формы дегуманизации при создании образа «врага номер один». Выход фильма «Русские идут! Русские идут!», представившего очеловеченный образ «чужих», знаменовал собой начало разрядки в кинематографической Холодной войне. Успех фильма и у зрителей (почти 22 млн. долларов в прокате против затраченных на производство 4 млн.), и у кинематографического сообщества (четыре номинации на «Оскар» в 1967 г.) позволяет предположить, что он отражал настроения, по крайней мере, части американского общества второй половины 1960-х. Показательно, что в конце Холодной войны в условиях начавшегося потепления дву-

²⁰ В США основное послание фильма было воспринято именно в таком ключе; в опубликованной в 1966 г. в «Нью-Йорк Таймс» рецензии отмечалось, что фильм вскрывает «фундаментальный факт, что, в конце концов, русские и американцы – люди, и потому их базовые качества одинаковы» (цит. по: Starck 2016: 176).

сторонних отношений был снят фильм, который во многом повторял картину Н. Джуисона. Главный герой фильма «Русские» (Russkies, реж. Р. Розенталь, 1987) – радист советского корабля Михаил Пушкин, выброшенный во время шторма на берег Флориды, даже внешне похож на Колчина. Фильм рассказывает о дружбе Михаила с тремя американскими подростками, которые поняли, что не все русские похожи на злодеев из комиксов, о его романтических отношениях с американской девушкой, о спасении им тонущего ребенка, о благородстве, проявленном американцами в отношении Михаила, когда ему грозила опасность.

В заключение хотелось бы затронуть вопрос о том, в какой степени можно говорить о сходных тенденциях эволюции образа «врага номер один», создававшегося в советском кинематографе. Тезис о том, что советский и американский образы врага носили зеркальный характер, который появился еще в 1960-х гг., может быть принят, но с одной существенной оговоркой. Дело в том, что способы репрезентации «своих» и «чужих» в кинематографах США и СССР, обладая многими сходными чертами, имели и принципиальное различие: если первый базировался по преимуществу на национальном принципе, то второй – прежде всего, на классовом, потому в основе репрезентаций США была идея «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной».²¹ Обязательным компонентом фильмов о США было присутствие в них не только «плохих» американцев, но и «хороших». В число первых входили политики, «военщина», капиталисты, продажные журналисты, деятели церкви, ку-клукс-клановцы, и в отношении них кинематограф применял те же приемы дегуманизации, сравнивая с животными или с машинами. Что же касается «хороших американцев» (коммунистов, борцов за мир, представителей рабочего класса, афроамериканцев), то в их человечности у советской аудитории сомнений не возникало. Однако «в нагрузку» к человечности к их образу добавлялись такие черты, как «правильные» классовая принадлежность, политические убеждения, отношение к идеям коммунизма и к политике СССР. Кроме того, можно говорить о некой «символической советизации» «хороших американцев»: по своим качествам и поступкам они были похожи на советских протагонистов.

В кино США также встречались советские персонажи, которые вызывали положительные эмоции у американской аудитории, но лишь тогда, когда они были борцами с советской системой, ее критиками или, на худой конец, жертвами. То есть, очеловечивание образов представителей коммунистического мира шло при помощи приписывания им антисоветскости. Фильм «Русские идут! Русские идут!» как раз и примечателен тем, что положительные герои остаются «чужими» – советскими военными моряками, которые возвращаются в СССР.

По оценке Т. Шоу, возвращение человечности советским персонажам в этом фильме осуществляется за счет их декоммунизации²². Поз-

²¹ Riabov 2017: 214-217.

²² Shaw 2010: 244.

волим себе с этим не согласиться. Разумеется, в фильме нет, да и не могло быть реабилитации коммунистических идей. Однако, как было отмечено выше, нет и обличения советского строя. Декоммунизации советских персонажей в фильме не больше, чем «декапитализации» американских. Соперничество коммунизма и капитализма выносятся за скобки взаимодействия представителей двух народов. Значение этого фильма в истории «борьбы за сердца и умы» становится особенно очевидным, если рассматривать его в контексте динамики развития образов «врага номер один» в американской культуре Холодной войны и сравнивать с фильмами 1940–1950-х, а также с произведением, использованным в качестве основы при написании сценария фильма Н. Джуисона (им стал опубликованный в 1961 г. роман Н. Бенчли, который активно эксплуатирует антисоветские стереотипы маккартистской эпохи²³).

Возвращаясь к параллелям с эволюцией советского кино, прежде всего, отметим, что курс на мирное сосуществование между государствами с различным строем, провозглашенный на XX съезде КПСС, получил отражение в появлении художественных произведений, в которых происходит аналогичные изменения: в них представлены положительные американские персонажи, которые при этом не являются просоветскими. Наиболее примечательным аналогом регуманизации «врага номер один» в советской культуре стал роман Е. Пермяка «Сказка о сером волке» (1960). Один из его центральных персонажей – американский писатель Джон Тейнер. Он не является антисоветчиком, но и просоветским его назвать сложно. Он не ставит под сомнение ценности американского образа жизни. Он не похож на «хороших американцев» советского кинематографа 1940–1950-х и чужд всякого пафоса в плане борьбы за мир. Однако его поведение выглядит безупречным, и у жителей советского колхоза он завоевывает уважение и симпатию. Однако в осуществленной в 1962 г. на «Ленфильме» экранизации повести Пермяка, после многочисленных редактирований сценария²⁴ Тейнер превратился во второстепенного и довольно одномерного персонажа, а сам фильм «Серый волк» сфокусировался на успехах колхозной жизни.

В истории советского кинематографа периода оттепели наиболее заметной попыткой изменения образов американцев стал фильм «Русский сувенир» (реж. Г. Александров, 1960), который рассказывает о том,

²³ Benchley 1961 (рус. пер.: Бенчли 1998). Вызывает сомнение справедливость оценки К. Штарк, полагающей, что позитивный образ Колчина создается посредством его американизации, на что указывают внешность моряка и моральные нормы, которым он следует (Starck 2016: 184). Однако, почему бы, введя за режиссером, не допустить, что не только американские, но и советские военные могут стараться спасти ребенка, нравиться девушкам и не хотеть стрелять в безоружных людей. Опять-таки, в этом фильме нет ничего, похожего на эволюцию образа главного героя комедии Б. Уайлдера «Один, два, три» (One, two, three, 1961), молодого коммуниста из Восточной Германии, в котором под влиянием соблазнов общества потребления, действительно, все становится американским: от одежды и убеждений до профессии и места жительства. С Колчиным ничего подобного не происходит, он остается советским моряком.

²⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-257, оп. 35, д. 320; оп. 18, д. 372, 373, 374.

как группа западных туристов, оказавшихся в Сибири, знакомятся с успехами СССР в построении коммунизма²⁵ Съёмкам предшествовала публикация в «Искусстве кино» (1957), в которой режиссер дал характеристики персонажам и обозначил основную цель – показать возможность мирного сосуществования государств с различным строем. Образцовую советскость воплощает главная героиня, Варвара Комарова, роль которой исполняет Л. Орлова. В нее влюбляются два американских туриста: миллионер Эдлай Скотт и его секретарь Гомер Джонс, помогающий боссу писать книгу о России. В комментариях Г. Александров так охарактеризовал основное правило Скотта: «На деньги можно купить все: честь, совесть, невинность, любовь – дело только в цене»²⁶.

Однако режиссер стремился показать, что часть представителей правящих кругов США, тех самых «плохих американцев», теперь готова к конструктивному взаимодействию с СССР во имя мира. Познакомившись с советским образом жизни, Скотт меняется: он видит выдающиеся достижения СССР во всех сферах, признает, что в историческом соревновании с капитализмом победит коммунизм и даже советует представителям западного мира хранить деньги в сберегательных кассах СССР, многозначительно произнося – «здесь революция уже была». Оставаясь «акулой капитализма», он оказывается при этом вполне симпатичным и дружелюбным человеком. Ну, а сцена, когда Скотт, будучи приглашенным на новоселье к советскому рабочему, пьет с ним водку и закусывает пельменями на кухне «хрущевки», должна была окончательно убедить советских зрителей, что американские миллионеры – тоже люди, которым ничто человеческое не чуждо. Еще более призвана очеловечить идею сосуществования двух сверхдержав тема романтических отношений. Героиня Л. Орловой в ответ на ухаживания Гомера говорит, что их совместное счастье вполне возможно, но только если политики сумеют договориться о том, чтобы на земле был мир.

Главным же отличием от фильма «Русские идут! Русские идут!» было то, что вопрос о противостоянии коммунизма и капитализма отнюдь не выносится за скобки²⁷. Советские персонажи «Русского суверена» уверены, что правда целиком и полностью на их стороне, и на

²⁵ В целом же фильмы периода оттепели («Суд сумасшедших» (реж. Г. Рошаль, 1961), «Генерал и маргаритки» (реж. М. Чаурели, 1962), «Ночь без милосердия» (реж. А. Файнзиммер, 1962), «Монета» (реж. А. Алов, В. Наумов, 1962), «Черная чайка» (реж. Г. Колтунов, 1962), «Миллионер» (реж. В. Бордзиловский, Ю. Прытков, 1963), «Акционеры» (реж. Р. Давыдов, 1963)) воспроизводят стандартный набор негативных характеристик американского образа жизни; сложно не согласиться с оценкой Я. Хашамовой – даже в фильмах оттепели антиамериканская пропаганда отражает тенденции эстетики сталинизма (Hashamova 2007: 27).

²⁶ Александров 1957: 54-55.

²⁷ По понятным причинам невозможно представить, чтобы в СССР снимали фильм, в основе сюжета которого – история американских военных, сумевших незамеченными проникнуть на советскую землю. Впрочем, и американские военные были недовольны сюжетом фильма «Русские идут! Русские идут!»: Пентагон посчитал, что он ставит под сомнение надежность обороны США (Shaw 2010: 240).

протяжении картины относятся к американцам, как взрослые к детям, ожидая, когда же те все-таки поумнеют, прозреют и признают очевидное: необходимость мирного сосуществования с СССР и обреченность капитализма. Однако в целом, подчеркнем еще раз, сущность регуманизации, характерной и для американского, и для советского кино 1960-х состоит в том, что человечность признается и у тех персонажей, чьи политические взгляды отличаются от «единственно правильных».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-257 – Киностудия «Ленфильм».
- Александров Г. Эскизы к будущему фильму // Искусство кино. 1957. № 8. С. 54–65 [Aleksandrov G. Eskizy k budushchemu fil'mu // Iskusstvo kino. 1957. No 8. P. 54–65].
- Белов С.И. Легитимизация покупки Аляски США в американском историческом кинематографе периода «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 208–214 [Belov S.I. Legitimizatsiia pokupki Aliaski SShA v amerikanskom istoricheskom kinematografe perioda "kholodnoi voiny" // Voprosy istorii. 2020. No 2. P. 208 – 214].
- Бенчли Н. Русские идут! Москва, 1998 [Benchli N. Russkie idut! M., 1998].
- Гудков Л.Д. Идеология врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л.Д. Гудков. М., 2005. С. 7–79 [Gudkov L.D. Ideologema vraga. Vragi kak massovyi sindrom i mekhanizm sotsiokultur'noi integratsii // Obraz vraga / Sost. L.D. Gudkov. M., 2005. P. 7–79].
- Рябов О.В. Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил») // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 84–92 [Riabov O.V. Zhenshchiny natsistskoj Germanii v zerkale sovetsoj karikatury (na materiale zhurnala "Krokodil") // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2019. No. 3. P. 84–92].
- Рябов О.В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166–176 [Riabov O.V. "From Russia with love": Obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografa (1946–1963 gg.) // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2013. No. 5. P. 166–176].
- Рябова Т.Б. «Белое солнце Пальмиры»: Маскулинность киногероев Холодной войны в современной символической политике // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 36–48 [Riabova T.B. "Beloe solntse Pal'miry": Maskulinnost' kinogeroev Kholodnoi voiny v sovremennoi simvolicheskoi politike // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2018. No. 4. P. 36–48].
- Туровская М.И. Фильмы «холодной войны» // Искусство кино. 1996. № 9. С. 98–106 [Turovskaya M.I. Fil'my «kholodnoj voiny» // Iskusstvo kino. 1996. No. 9. P. 98–106].
- Юдин К.А. «Образ врага» и атмосфера «холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-х – 1970-х гг. // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 178–194; [Yudin K.A. «Obraz vraga» i atmosfera «kholodnogo protivostoianiiia» v zarubezhnom kinematografe 1960-kh – 1970-kh gg. // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 67. P. 178–194].
- Федоров А.В. Трансформации образа врага России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М., 2010 [Fedorov A.V. Transformatsii obraza vraga Rossii na zapadnom ekrane: ot epokhi ideologicheskoi konfrontatsii (1946–1991) do sovremennogo etapa (1992–2010). M., 2010].
- Aho J.A. This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy. Seattle, 1994.
- Benchley N. The off-islanders. New York, 1961.
- Caute D. The Dancer Defects: the Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War. Oxf., 2005.
- Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport, 2000.
- Hashamova Y. Pride and Panic: Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film. Chicago, 2007.
- Haslam N. Dehumanization: An integrative review // Personality and social psychology review. 2006. Vol. 10. No. 3. P. 252 – 264.
- Heed T., Kubyshekin A.I. Armageddon: Comparative Images of the Nuclear Conflict between the United States and the Soviet Union in American Cinema // Вестник Волгоградского госу-

- дарственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 250–258 [Heed T., Kubyskin A.I. Armageddon: Comparative Images of the Nuclear Conflict between the United States and the Soviet Union in American Cinema // Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seria 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2019. T. 24. No. 5. P. 250–258].
- Hudson J. Iron Curtain Spitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2019.
- Kapterev S. Illusinary Twists: Soviet Attitudes toward American Cinema during the Early Cold War // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. No 4. P. 779–807.
- Kenez P. The picture of the enemy in Stalinist films // Insiders and Outsiders in Russian Cinema / ed. by S. M. Norris, Z. M. Torlone. Bloomington, 2008. P. 96–112.
- Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco, 1986.
- Kirby D. Religion and the Cold War – An Introduction // Religion and the Cold War / Kirby D. (ed.). Basingstoke, 2003. P. 1–22.
- Kozovoi A. The Cold War and Film // The Routledge Handbook of the Cold War / ed. by A.M. Kalinovsky, Daigle C. London, 2014. P. 340–350.
- Leyens J. P., Demoulin S., Vaes J., Gaunt R., & Paladino M. P. Infra-humanization: The wall of group differences // Social Issues and Policy Review. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 139–172.
- Oppenheimer L. The development of enemy images: A theoretical contribution // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 269–292.
- Palmer W. The Films of the Eighties: a social history. Carbondale, 1993.
- Riabov O.V. The «Red Machine»: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 536–550.
- Rieber R.W., Kelly R.J. Substance and Shadow: Images of the Enemy // Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy / ed. by R.W. Rieber. New York, 1991. P. 3-39.
- Sharp J. Condensing the Cold War: Reader's Digest and the American Identity. Minneapolis, 2000.
- Shaw T. Hollywood's Cold War. Amherst, 2007.
- Shaw T. The Russians Are Coming The Russians Are Coming (1966): Reconsidering Hollywood's Cold War «Turn» of the 1960s // Film History. 2010. Vol. 22. No. 2. P. 238–240.
- Shaw T., Youngblood D. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence, 2010.
- Shcherbenok A. Asymmetric warfare: The vision of the enemy in American and Soviet Cold War cinemas // KinoKultura. 2010. No. 28. URL: www.kinokultura.com/2010/28-shcherbenok.shtml (accessed 10.10.2020).
- Starck K. Of Treason. God and Testicles: Political Masculinities in British and American Films of the Early Cold War. Newcastle upon Tyne, 2016.
- Strada M.J., Troper H.R. Friend or Foe? Russians in American Film and Foreign Policy, 1933–1941. Lanham, 1997.

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Riabov1@inbox.ru

Rehumanization of “Them”: Evolution of Representations of the “Enemy Number One” in American Cold War Cinema

The article dwells upon evolution of the ways in which the U.S. Cold War films represented the USSR: from dehumanization of the image of enemy in 1940-1950s to deconstruction of this image in 1960s. The author applies Nick Haslam's dual model of dehumanization, according to which dehumanization is visible in two forms: animalistic by associating members of out-group with animals and mechanistic by associating them with machine. The Hollywood movies of 1940-1950s actively employed both forms in creating the image of the “enemy number one”. The release of Norman Jewison's film “The Russians are coming! The Russians are coming!” in 1966 marked the beginning of rehumanization of the USSR. The author points out that the film served as a sort of cinematic manifest of Realpolitik and philosophy of détente.

Key words: image of the enemy, dehumanization, rehumanization, Cold War, U.S. cinema, film “The Russians are coming! The Russians are coming!”

Riabov, Oleg, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading researcher, Saint Petersburg State University; Herzen State Pedagogical University of Russia, Riabov1@inbox.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ «ДАЛШЕ» ЛЕТОМ 1964 ГОДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ СУБКУЛЬТУР США

В 1960-е гг. в США шел процесс становления контркультуры, которую связывают с психоделической революцией, нонконформизмом, разрывом поколений, антивоенным движением, социальными экспериментами. Именно в этот период происходит процесс преобразования бит-поколения 1950-х гг. в субкультуру хиппи 1960-х гг. Одним из показательных событий этого процесса стал факт присоединения битника Нила Кэссиди к коммуне «Весёлые Проказники» во главе с писателем Кеном Кизи. Путешествие «Далше» летом 1964 г. стало катализатором в этой смене субкультур.

Ключевые слова: контркультура, битники, хиппи, психоделическая революция, «Весёлые Проказники», автобус «Далше»

В 1960-х гг. поколение «бэби-бумеров» (американцев, родившихся в 1940-х гг.) достигло совершеннолетия. Они отвернулись от традиционных ценностей среднего класса – карьеры, семьи и религии – и приняли свой образ жизни в открытом противостоянии с устоявшимися институтами. Идеи, которые их вдохновляли, стали почвой, на которой выросла американская контркультура. Такие движения редко сочетают в себе радикальную политическую перспективу с авангардным богемным образом жизни. Слияние этих двух подходов стало важным событием в развитии контркультуры шестидесятых. Где произошла эта трансформация? Очагом всего радикального и бунтарского стал Сан-Франциско¹.

«Что такого особенного было в этом шестом по величине городе Америки, – задаётся вопросом американский писатель Джей Стивенс, – что во второй половине двадцатого столетия превратило его в Мекку для недовольных? Алан Уоттс полагал, что дело в средиземноморском климате Сан-Франциско, который служил вакциной против вируса пуританства. Другие считали, что дело в традиционной сан-францисской терпимости. Город, который долгое время был безопасным прибежищем для всех гонимых, мог похвастать гораздо большим количеством анархистов, коммунистов, “индустриальных рабочих мира”, битников, мистиков и эксцентричных вольнодумцев на квадратный километр, чем набралось бы во всех остальных городах Америки, вместе взятых. ...Калифорния ...была местом, где настоящее граничит с будущим ... все было больше, новее, быстрее, лучше и блистательней. Она была бриллиантом в короне технократии. На одной стороне долларовой купюры изображен оттиск большой государственной печати Соединенных Штатов, на котором можно увидеть треугольную пирамиду с легендарным девизом “novus ordo seclorum” – “новый мировой порядок”. И Калифорния располагалась на вершине этой пирамиды. Так что было вполне понятно, почему восстание против “нормальной” жизни началось именно там»².

Катализатором резких социальных и культурных перемен стал ЛСД (полусинтетическое психоактивное вещество, открытое в 1938 г.). Лишь к началу 1950-х гг. ЛСД проникает в Америку и начинает использоваться в официальной медицине для лечения от депрессии, улучшения

¹ Noble.

² Стивенс 2003: 10–11.

памяти пациентам с амнезией, лечения алкоголизма, героиновой и кокаиновой зависимости, для психотерапии при разных формах шизофрении и неврозах. Первоначально опыты применения ЛСД параллельно с другими психоделическими препаратами давали положительный результат, однако отсутствие строгого контроля и выплеск ЛСД «на улицу» в начале 1960-х, вызвало общественное недовольство и привело к его запрету. Но было поздно, молодёжная среда его впитала, и начался процесс спонтанного «расширения (изменения) сознания» согласно формуле «Прими кислоту и измени себя, измени себя и измени весь мир». Вторым спусковым механизмом стала Вьетнамская война, которая продолжалась целое десятилетие, унесла жизни десятков тысяч молодых американцев, но принесла огромные барыши корпорациям. Именно поэтому для опыта 1960-х гг. были характерны «два аспекта: сопротивление войне и психоделический опыт». По большей части эти два вектора пересекались в одних и тех же людях: многие из тех, кто активно сопротивлялся войне во Вьетнаме, использовали ЛСД и курили марихуану. Редактор хиппи-журнала «Оракул» А. Коэн вспоминал: «мы пытались понять шестидесятые годы главным образом как политическое сопротивление войне, но в основном игнорировали и отрицали изменения в ценностях и культуре, вызванные психоделическими переживаниями»³.

Наступала новая эпоха политической борьбы и духовных поисков, где главными были эмоции, драйв, ощущение счастья и общности, вечное движение (внутреннее и внешнее). Многие обычные слова приобретали тайный смысл и становились частью сленга. Так, слово «поездка» или «путешествие» отныне обозначали факт применения кислоты. «Образ жизни первых хиппи охватывал всяческие формы путешествия как средство найти себя и пообщаться с другими. Они путешествовали автостопом, на общественном транспорте или на собственных автобусах и автофургонах. Самые первые туристы отправлялись на “тропу хиппи”, которая пролегла через Европу и Ближний Восток в Индию»⁴.

Точкой отсчёта рассматриваемых событий можно считать психоделическую поездку калифорнийской молодёжи из коммуны «Весёлые Проказники» («Весёлые Шутники», англ. The Merry Pranksters)⁵ во главе с писателем Кеном Кизи⁶, ставшую прообразом зарождающегося движения хиппи. Сам Кизи вспоминал: «Лето любви в Сан-Фране началось, на самом деле, в ноябре 1963 г. возле поросшего травой бугорка в Далласе... Или, может быть, еще раньше, аж в 50-х, когда напечатали "Вой" Гинзберга и "На дороге" Керуака... Кто может сказать, когда начинаются волны, которые перекачиваются под безмятежной поверхностью моря? Но если говорить о том, когда эта волна вырвалась наружу и показа-

³ Allen Cohen and the S.F. Oracle.

⁴ Ibidem.

⁵ Duncan.

⁶ Кеннет Элтон «Кен» Кизи (Kenneth Elton "Ken" Kesey, по прозвищу «Головорез», во время путешествия «Далше») – американский писатель, основоположник психоделической революции 1960-х гг., автор романа «Пролетая над гнездом кукушки».

ла нам свой крутой нрав, то это произошло именно в 1964-м, и она продолжает катиться до сих пор»⁷. Начиная с 1964 г. Проказники устраивали концерты-хеппенинги под названием «кислотные тесты» (Acid Tests) с раздачей ЛСД всем желающим, они сопровождались световыми эффектами и музыкой группы «Grateful Dead». Вечеринки посещали известные люди штата, одним из которых был поэт-битник Аллен Гинзберг. А писатель Том Вулф подробно и ярко описал эти мероприятия в своей книге «Электропрохладительный кислотный тест»⁸. Проказники и их «кислотные тесты» продолжили дело бит-поколения, ознаменовав начало психоделической революции и предвосхитив молодёжный бунт в США, в свою очередь став фундаментом для развития движения хиппи. Связь последних с «кислотными тестами» неразрывна, так как каждый из хиппи хотя бы раз побывал на вечеринках Кизи.

Специалисты по-разному оценивают роль Кизи и Проказников в смене субкультурных эпох в середине 1960-х: причисляют их к ранним хиппи; относят к поздним битникам; считают связующим звеном между первыми и вторыми⁹. Хронологически это может быть представлено следующим образом: закат битников произошёл в 1965–1967 гг.; Проказники просуществовали с 1964 по 1966 гг. от поездки «Далше» до «Фестиваля Полётов» и «Выпускного бала»; подъём хиппи начался в 1967 г. после «Лета Любви». Проказники оказали существенное влияние на популяризацию ЛСД и спровоцировали психоделическую революцию. Коммуна постепенно создавалась, начиная с 1958 г., вокруг американского писателя и нонконформиста Кена Кизи в одном из элитных районов Пало-Алто (штат Калифорния) на Перри-лейн возле Стэнфордского университета, где он поступил на семинар по писательскому мастерству и принимал участие в опытах с психотропными веществами.

В 1959 г. Кизи начал работать над книгой «Зоопарк» – о культовом для битников месте Норт-Бич (Сан-Франциско, для чего устроился ночным санитаром в психиатрическое отделение «Менло-Парка», где принимал участие в экспериментах с психоделиками. Изменения, происходившие с ним под воздействием препаратов, отразились на его положении в сообществе Перри-лейн, куда с его подачи начали просачиваться используемые в опытах психотропные вещества.

Однако жизнь психиатрического отделения захватила его, и вместо «Зоопарка» из-под его пера вышла другая книга – «Пролетая над гнездом кукушки» (1962), которая мгновенно принесла ему литературную славу. Главы романа были написаны под воздействием психотропных веществ. Согласно Вулфу, система психиатрической лечебницы скорее походила на «идеальное антилечение болезней», которыми страдали её обитатели: цель состояла в том, чтобы «держатъ больных в страхе и по-

⁷ Кизи.

⁸ Вулф 2000.

⁹ Charters 2001; Evans 2007; Issitt 2009; McClure 1994; Morgan 1997; Morgan 2003; Perone 2005; Perry 1990; Phillips 1995; Вулф 2000; Стивенс 2003.

корности. Играть на тех слабых струнках, которые и послужили причиной их безумия. Одуманивать ублюдков транквилизаторами, а попробуют отбиться от рук – перевести наверх, в “шоковый цех”». Иногда Кизи приходил на работу, приняв кислоты. «Он мог заглядывать внутрь их лиц. Иногда он писал, иногда рисовал портреты больных, и по мере того, как в бумагу вдавливались выводимые шариковой ручкой жирные контуры, превращаясь в контуры их лиц, он мог... [их] заполнить внутренним миром этих людей, возникало потрясающее чувство, физические и душевные страдания внезапно становились зримыми и втекали в пустоты на их лицах и в пустоты, оставленные шариковой ручкой...»¹⁰.

Взросший авторитет Кизи подтверждался числом и качеством его сторонников. 21 июля 1963 г. Кен Кизи купил ранчо в Ла-Хонде в горах Санта-Круз (штат Калифорния), куда и пригласил всю компанию с Перри-лейн¹¹. Он планировал, что они поселятся в лесу в палатках. Кизи мечтал именно о такой коммуне психоделических путешественников — вроде Миллбука, но с художественным уклоном. Однако возросшая властность Кизи оттолкнула часть его старых друзей. Они предпочли остаться в Пало-Альто, иногда заглядывая в гости¹².

Вулф пишет, что Кизи вовсе «не был помешан на девственной природе в момент покупки дома в лесу. Лес он представлял себе, скорее, фантастической декорацией... на фоне которой будет ежедневно происходить некий хепенинг, рождаться новый вид искусства <...> он специфическим образом оформил свой дом, оснастив его всевозможной аппаратурой для проведения кислотных вечеринок, превратив его в своеобразный психоделический рай»¹³. Постепенно в доме Кизи сложилась компания единомышленников, куда вошли идейные и просвещённые Проказники (курсивом выделены 14 участников поездки на «Далше»): *Кен Кизи*, *Нил Кэссиди*¹⁴, *Кеннет Баббс*¹⁵, *Джон Баббс*¹⁶, *Сэнди Леманн-Хаупт*¹⁷, *Джейн Бёртон*¹⁸, *Майк Хейджен*¹⁹, *Рон Бевёрт*²⁰, *Чак*

¹⁰ Вулф 2000: 60.

¹¹ Вулф 2000: 66 – 67.

¹² Стивенс 2003: 341.

¹³ Вулф 2000: 70–71.

¹⁴ Нил Кэссиди (Neal Cassady, 1926–1968, по кличке «Предел скорости») – писатель и нонконформист, одна из самых примечательных фигур бит-поколения. Близкий друг К. Кизи, был водителем автобуса «Далше».

¹⁵ Кеннет Баббс (Ken Babbs, «Отважный Путешественник», «Кислотный Дудочник») – писатель, друг Кизи; стал лидером Проказников после отъезда Кизи в Мексику.

¹⁶ Джон Баббс John Babbs, «Иногда Отсутствующий», «Братец Джон») – старший брат Кена Баббса.

¹⁷ Сэнди Леманн-Хаупт (Hellmut Alexander Lehmann-Haupt, «Пешеход») – звукорежиссер.

¹⁸ Джейн Бёртон (Jane Burton, «Вечно Голодная») – преподаватель философии в Стэнфорде, во время путешествия была беременна.

¹⁹ Майк Хейджен (Mike Hagen, «Неисправность») – в ходе путешествия большую часть времени занимался киносъёмкой.

²⁰ Рон Бевёрт (Ron Bevirt, «Зануда») – во время путешествия был техником по многочисленной аппаратуре в автобусе «Далше».

Кизи²¹, Дэйл Кизи²², Кэти Касамо²³, Джордж Уокер²⁴, Стив Ламберт²⁵, Пола Сандстен²⁶, Линда Брин²⁷, Джон Пејдџ Браунинг²⁸, Каролин Адамс («Горянка»), Рой Себерн, Джерри Гарсия, Стэнли Оусли, Ларри Макмёртри, Эд Маккланакен, Боб Стоун, Пол Фостер, Хью Ромни, Энтони Дин Уэллс, Дороти Фадиман, Дэл Клозе, Стюарт Брэнд, Аллен Гинзберг, Тимоти Лири, Джек Керуак, Хантер Томпсон.

В «семейном кругу» Ла-Хонды регулярно проводились музыкальные вечеринки, мини-фестивали и светозвуковые шоу, которые положили начало своеобразным психоделическим хеппенингам и Фестивалям путешествий. Тогда же зародилась идея о путешествии в Нью-Йорк. Вулф описывает эту идею так: «Первоначальная фантазия, возникшая весной 1964 г., состояла в том, что Кизи и 4–5 его спутников раздобудут автофургон и отправятся в Нью-Йорк на Всемирную выставку. В дороге они смогут снять фильм, сделать кое-какие магнитофонные записи, поприкалываться на ярмарке и посмотреть, что происходит вокруг. К тому же они окажутся в Нью-Йорке в начале июля, в момент выхода второго романа Кизи «Времена счастливых озарений» (Sometimes a Great Notion, 1964)»²⁹. Возможно, основной целью путешествия было желание связать психоделические коммуны Запада и Востока страны. Также они мечтали о встрече с ЛСД-гуру восточного побережья – Тимоти Лири. Будучи сами заядлыми потребителями марихуаны, амфетаминов и ЛСД Проказники в ходе своего путешествия «включили» в этот процесс многих людей. Хотя Кен Баббс отмечал: «То, что мы использовали ЛСД, не означает, что мы продвигали его применение. ЛСД – опасный наркотик. [Это] способ, по-моему, разрушить конформистскую идеологию»³⁰.

Помимо прочего, Кизи искал возможность использовать оборудование для киносъемок, которое он купил с гонорара за фильм «Пролетая над гнездом кукушки». Так появилась идея сделать фильм о предстоя-

²¹ Чак Кизи (Chuck Kesey «Брат Чарли») – брат К. Кизи.

²² Дэйл Кизи (Dale Kesey, «Высоко Заряженный», «Священник в автобусе») – кузен К. Кизи.

²³ Кэти Касамо (Cathy Casamo, «Совершенно Голая» или «Красотка Колдунья») – начинающая актриса (амплуа инженер), решила на поездку, чтобы сниматься с Н. Кэссиди в Общем Фильме «Весёлых проказников».

²⁴ Джордж Уокер (George Walker, «Еле Видимый», «Психоделический курьер») – возможный автор термина «Далше», моряк, гонщик, артист, рассказчик, психоделический художник.

²⁵ Стив Ламберт (Steve Lambrecht «Чума») – шурин адвоката К. Кизи П. Робертсона, ехал в Нью-Йорк к знакомой девушке по имени Кэти.

²⁶ Пола Сандстен (Paula Sundsten, «Чаровница Гретхен», «Гретч», «Королева Ила») – новенькая девушка в компании Кизи. По описанию Вулфа, она была пухленькой, полной энтузиазма и весьма привлекательной.

²⁷ Линда Брин (Linda Breen, «Анонимная») – 14-летняя беглянка, присоединившаяся в Канаде на обратном пути.

²⁸ Джон Пејдџ Браунинг (John Page Browning, «Фанатик» или «Групп Ковбоя») – оператор светового шоу.

²⁹ Вулф 2000: 81.

³⁰ Jarrow.

щем путешествии, вроде «В дороге» [Жеруака] пятнадцать лет спустя³¹. Съёмка фильма во время путешествия позволила бы Кизи создать новое «произведение искусства в движении». Отчасти он был неудовлетворен своими литературными способностями и, будучи артистической натурой, стремился реализоваться в приключениях. Возможно, так он планировал создать собственный фильм, в котором мог сыграть главную роль. «Фильм был творческим спасением, которое жаждал Кизи. Он хотел быть архивариусом последующего яркого периода американской истории, а создание фильма должно было этому способствовать³².

Само путешествие получило название «Далше» из-за одноименного транспортного средства, на котором передвигались Проказники. Автобусное путешествие по маршруту от Ла-Хонды (штат Калифорния) до Нью-Йорка (штат Нью-Йорк) и обратно летом 1964 г. сыграло решающую роль в формировании коммуны, стало точкой отсчета для её «золотого» периода, а автобус стал её культовым предметом, символом и визитной карточкой. Том Вулф, в книге «Электропрохладительный кислотный тест», отмечает, что авторство *проказы* доподлинно определить невозможно, но связывает её с Кеном Баббсом.

Первый «Далше» Кен Кизи приобрел за 1500 долларов, назвавшись представителем компании «Отважные полёты». Это был школьный автобус International Harvester 1939 г. выпуска, который принадлежал многодетному отцу из Менло-парка и был оборудован для детей. Там были койки, скамейки, холодильник, раковина для мытья посуды, шкафчики, полки и множество других чудесных приспособлений для жизни в дороге³³. Для комфортного путешествия автобус был оснащен спальными местами и небольшой кухней. Именно этот автобус, по мнению многих, стал праотцом феномена хиповских Фольксваген-автобусов. «Далше» был практически единственным средством передвижения членов коммуны за весь период её существования.

По распоряжению Кизи, в крыше автобуса была вырезана дыра, а сама она была приспособлена для того, чтобы сидеть на свежем воздухе или музицировать на инструментах. Внутри автобус был оборудован по последнему слову техники. Были установлены наружные динамики и микрофоны для проведения радиопередач и трансляции музыки. Была разработана система аудиозаписи с запаздывающей звуковой дорожкой и т.д., чтобы в течение всей поездки все звуки были записаны на пленку. Был озвучен сам салон с целью радиопереговоров друг с другом независимо от любых шумов. Таким образом, любой звук и сказанное слово могли повторяться многократно всеми участниками поездки³⁴.

«Далше» был расписан психоделическими спектральными цветами – жёлтым, оранжевым, синим, красным – и хиппи-узорами. Их основной

³¹ Стивенс 2003: 345.

³² Perry 1990: 58.

³³ Вулф 2000: 81.

³⁴ Вулф 2000: 81–82.

символ отражался в слове «Солнечный свет», которое, однако, было написано синим цветом, а не оранжевым – цветом солнца, мира и ЛСД (сумасшедшая выходка, проказа, путешествие). Художник и член коммуны Рой Себёрн профессионально нарисовал различные мандалы, которые вышли, в основном, неряшливо, однако в одном они выделялись: автобус «пылал как прикольный пожар». Конечный пункт был обозначен спереди в виде надписи «Further» («Далше») без мягкого знака. Табличка сзади гласила: «Осторожно: Потусторонний Груз»³⁵.

17 июня (по другим данным 14 июня) 1964 г. «Весёлые Проказники» отправились в своё первое автобусное путешествие с западного побережья на восточное, рассчитывая прокатиться по югу, а затем отправиться на север вдоль восточного побережья³⁶. За рулём находился Нил Кэссиди – легендарный литературный персонаж 1950-х гг. в среде битников. В поездке все участники были одеты не только в цвета психоделики, но и сознательно решили выглядеть как патриоты, разукрасив одежду в красные, белые и синие полосы, но с отличительными узорами, чтобы легче отличать друг друга. Они также взяли в дорогу флаг Конфедерации. Их стрижки пока ещё оставались короткими и консервативными – длинные волосы только начали входить в моду с «Битлз».

Их маршрут пролегал от ранчо Кена Кизи в Ла-Хонде и далее через Сан-Хосе, Лос-Анджелес, Уикап (штат Калифорния), Финикс (штат Аризона), Нью-Орлеан (штат Луизиана), Хьюстон (штат Техас), Нью-Орлеан (штат Луизиана), Пенсакола (штат Флорида). Перед поездкой на восток они остановились у Баббса в Сан-Хуан-Капистрано под Лос-Анджелесом. Именно здесь Кизи определил цель поездки:

«Все мы начинаем делать *общую вещь* и мы будем продолжать ее делать, совершенно открыто, причем ни один из нас не станет отвергать того, что делают другие... Если кому-то нравится давать пинка под зад, этим он во время путешествия и будет заниматься – давать пинка всем подряд. Он будет делать это совершенно открыто, и никто не станет по этому поводу кипятиться. Каждый будет тем, кто он есть на самом деле, кем бы он ни был, не должно быть поступков, за которые пришлось бы извиняться. Во время всего путешествия мы будем мириться с тем, какие мы есть»³⁷.

Поездка протекала весело, была полна приключений, сопровождалась кислотными вечеринками, автобус и его пассажиры оставили незабываемый след в истории, и их примеру в дальнейшем последовали сотни и тысячи молодых людей – любителей жизни без границ. К ним по пути присоединялись новые участники, из которых самой яркой стала молодая начинающая актриса Кэти Касамо, мечтавшая сниматься в фильме и добавившая сумасшествия в путешествие³⁸. «Снимали они все и постоянно. Их кинофильмом был весь окружающий мир. Люди всегда пытаются заманить вас в ловушку в своем кино... и единственный путь

³⁵ Вулф 2000: 82, 85.

³⁶ Стивенс 2003: 345.

³⁷ Вулф 2000: 87-88.

³⁸ The Magic Bus Ken Kelsey, Neal Cassady, Cathy Casamo and the Merry Pranksters.

избежать этого – создавать собственное альтернативное кино. Например, когда они привлекали взоры местной полиции, то сразу же выпрыгивали наружу, с камерами и микрофонами, и тем самым своим сценарием полностью разрушали сценарий полицейского кино»³⁹.

Проказники, действительно, в пути были несколько раз остановлены полицией и дорожным патрулем, но объясняли, что создают фильм на основе социального эксперимента, к тому же ЛСД не был ещё под запретом. Так во время поездки был снят документальный фильм «*Веселые Проказники в поисках клёвого места*» («The Merry Pranksters Search for a Kool Place»), который затем был показан на нескольких «кислотных тестах». В «Истории Создания Фильма» были запоминающиеся мгновения. Так, Проказники попали в Феникс во время предвыборной президентской кампании 1964 г. и поучаствовали в ней, превратив её в китч: они задрапировали «Далше» американскими флагами и проехали задним ходом по главной улице Феникса, родного города одного из претендентов Барри Голдуотера, развернув плакат с надписью «Голосуйте за Барри – со смеху помрете». «Горожане были соответственно напуганы, оскорблены, восхищены, растеряны, они оборачивались и вздрагивали или же пытались хранить невозмутимость, отводя взгляды... а кое-кто улыбался, совершенно искренне, словно хотел сказать: я с вами – эх, если бы я мог быть с вами!». Однако удивлённым гражданам были видны лишь внешние проявления того, что творилось в их головах. Ведь сами Проказники превратились в персонажей «собственных» (личных) фильмов или «Общего Большого Фильма». Для чего они и взяли себе новые имена. «Стив Ламбрехт стал зваться Чумой, Кэссади – Пределом Скорости, Кизи – Головорезом, Баббс – Отважным Путешественником. Хейджен, со своей вездесущей большой кинокамерой, скачущий вприпрыжку и взлетающий на крышу автобуса даже на ходу, получил прозвище Неисправность. Рон Бевёрт заведовал всей аппаратурой, рабочими инструментами, проводами, переключателями и прочей ерундой, и ему досталась кличка Аппаратурный Зануда, в дальнейшем просто Зануда. Джордж Уокер стал Еле Видимым. А Пола Сандстен была наречена... ну конечно же, Чаровницей Гретхен, Королевой Ила...»⁴⁰.

Поездка на «Далше» была связана не только с положительными эмоциями и удивительными приключениями, но и с серьёзными испытаниями. Она отнимала у участников много сил. Изо дня в день одни и те же пассажиры в замкнутом пространстве проверяли друг друга на прочность в психологическом плане. Наверное, никто из них не представлял себе: сложится ли у них настоящая коммуна, или они разойдутся после такой необычной поездки. Путешествие протекало в разгар лета и, в основном, по жарким южным штатам. Дальнейший пусть пролегал по плоским равнинам Миссисипи и Алабамы, Билокси и Мобил. «Они держат курс на Флориду. ...Безмолвная, вымершая от теплового

³⁹ Стивенс 2003: 346.

⁴⁰ Вулф 2000: 92-93.

удара летняя Страна Полуденного Солнца...⁴¹. Особых слов благодарности Т. Вулф удостаивает водителя автобуса Нила Кэссиди, благодаря которому Проказники «вихрем пронеслись через все Восточное побережье до самого Нью-Йорка»⁴². В конечный пункт, Нью-Йорк, они добрались в середине июля 1964 г., где их встретил писатель Роберт Стоун. После почти месячного путешествия по городам и весям США Проказники, наконец-то, достигли заветной точки своего маршрута.

«С орущими громкоговорителями они пересекли 42-ю улицу и поднялись по авеню Сентрал-парк-уэст, и даже Нью-Йорк вынужден был останавливаться и тарачить глаза. Проказники, не жалея разноцветных светящихся ладоней, приветствовали горожан бурными аплодисментами, а Кизи с Баббсом, надев красно-белые полосатые рубахи, влезли на крышу автобуса и принялись исполнять музыку толпы. К тому времени подобное музицирование сформировалось в вещь, состоявшую в том, чтобы, взобравшись на крышу автобуса, исполнять людей, населяющих несчастный коматозный внешний мир, точно они представляют собой музыку. Встретив злобный и высокомерный взгляд, полагалось извлечь из флейты рев умирающего слона. Если же навстречу попадалась робкая, трепещущая от волнения женщина, звуки следовало издавать робкие и трепещущие. Все это высказывалось людям прямо в глаза, совершенно открыто, и они никогда не знали, что им делать»⁴³.

Кэссиди договорился о встрече со старыми приятелями, среди которых были знаменитые писатели-битники Джек Керуак и Аллен Гинзберг, и они пришли на вечеринку Проказников. Гинзберг воспринял идею «Далше» восторженно. Вот как встречу двух гуру разных поколений, побережий и субкультур описывает Вулф:

«Кизи и Керуак почти ничего друг другу не сказали. С одной стороны был Керуак, с другой – Кизи, а между ними Кэссиди, служивший некогда барометром для Керуака и всего блаженного Бит-Поколения, а ныне ставший барометром для Кизи ...чего-то еще более неистового и фантастического, уже пустившегося в дорогу. Эта первая встреча походила скорее на прощание. Керуак был старой, давно взошедшей звездой. Кизи был новой яркой кометой, бешено мчащейся Бог знает куда»⁴⁴.

В интервью нью-йоркским газетам Кизи высказался о «старомодности и неестественности литературного творчества», упирая на то, какую огромную роль в современной жизни играет автобус. Однако местная пресса восприняла «Далше» как увеселительную прогулку. Таким образом, в июле 1964 г. встреча новой и старой Америки закончилась полным фиаско. Даже в кругах продвинутых людей не было представления о том, с каким явлением им посчастливилось столкнуться и какое будущее ему было уготовлено: одна эпоха в виде «разбитной компании, с грохотом мчащаяся через всю Америку»⁴⁵ в ярком психоделическом автобусе, меняет другую – богемную и сонную.

Последнее из нью-йоркских разочарований поджидало Проказников в викторианском особняке в Миллбруке (штат Нью-Йорк), где обосновался Тимоти Лири и его Лига духовного развития (League for Spirit-

⁴¹ Вулф 2000: 108.

⁴² Вулф 2000: 117.

⁴³ Вулф 2000: 118–119.

⁴⁴ Вулф 2000: 120.

⁴⁵ Вулф 2000: 121.

tual Discovery). Там же они встретились с видными учеными, изучающими психоделики – Ральфом Метцнером и Ричардом Алпертом. Направляясь сюда Кизи с друзьями рассчитывали на тёплый дружеский прием. «Себя и группу Лири Проказники считали двумя выдающимися тайными научными обществами, единственными в своем роде на всем белом свете, занятыми самыми фантастическими из когда-либо проводимых экспериментов с человеческим сознанием. ... И вот два тайных общества, испытывающие на себе тяжесть энергетической волны нового мира, должны были наконец встретиться»⁴⁶. Однако унылая обстановка в особняке разительно контрастировала с праздничным настроением пилигримов с западного побережья. Т. Лири все три дня находился в состоянии медитации на верхнем этаже и всего лишь раз спустился навстречу гостям. Импульс между двумя энергетическими центрами психоделики оказался слишком слабым, чтоб соединить их воедино в данный момент.

В обратный путь Проказники отправились без Кэссиди [он догнал их на машине с Занудой] и Джейн Бёртон. Однако вместо слова «назад», они по-прежнему говорили «далее». Количество пассажиров также изменилось: по приглашению Стива Ламберта появилась девушка Кэтти, которая получила прозвище «Чувственная Икс». Изменился и маршрут, они возвращались северным путём через Канаду: путь пролегал по штатам Огайо, Индиана, Иллинойс, Висконсин, Миннесота, Южная Дакота, канадский Калгари, Айдахо и Калифорния⁴⁷. В Бойсе (Айдахо) они с Баббсом на крыше автобуса играли на флейтах и имели успех у зевак. Там же, продираясь сквозь похороны или свадьбу, они шокировали людей своим видом, поведением и флейтой⁴⁸. На подъезде к дому Кизи объявил, что они едут в Исаленское общество, в Биг-Суре. Он был приглашен в Исален провести семинар под названием «Полет с Кеном Кизи»⁴⁹. Психологические семинары в Биг-Суре стали предпоследней точкой в путешествии «Далше» перед возвращением в Ла-Хонду, а увлечение психологией начало занимать все больше места в их жизни. После стольких дней, проведённых вместе в едином пространстве, Проказникам уже не нужны были слова, чтобы высказать какую-то мысль. «Все... были в курсе дела, но ни один из них не облекал это в слова. Да и само по себе это было одним из невысказанных принципов. Стоит нацепить ярлык, как исчезают другие варианты...». Проказники не задавались целью улучшения морального состояния мира, совершенствования общественного строя, не вели речи о спасении души и уж тем более о бессмертии и загробной жизни. «Если и существовала когда-нибудь группа, целиком посвятившая себя жизни "здесь и сейчас", то это были Проказники. Помню, как я был этим озадачен. В воздухе, в самой атмосфере жизни Проказников присутствовало нечто в высшей степени ре-

⁴⁶ Вулф 2000: 122 – 123.

⁴⁷ Вулф 2000: 126.

⁴⁸ Вулф 2000: 130-132.

⁴⁹ Вулф 2000: 138-139.

лигиозное, и все же нащупать это было невозможно. На поверхности была всего лишь группа людей, которые обретали необычное психологическое состояние, опыт восприятия ЛСД...»⁵⁰.

По мнению Вулфа, так и происходит формирование коммуны, созвучной религиозной секте. «Во всех этих религиозных кругах группы спланивались все теснее, создавая собственную символику, терминологию, образ жизни и, понемногу, простые культовые обычаи, ритуалы, нередко включающие в себя музыку и другие виды искусства, которые возникали благодаря опыту нового восприятия и казались странными и непонятными для тех, кто этот опыт так и не обрел. <...> Внутри религиозного круга вопрос общественного положения всегда решался просто. Мир был строго и без затей поделен на “посвященных”, то есть испытывавших ощущение божественного сосуда, и огромное большинство “непосвященных”, “немузыкальных”, “несозвучных”. Или иначе: *либо вы в автобусе, либо вне автобуса*»⁵¹.

Последнее действие Проказников, которое вытекало из поездки и подытоживало её, заключалось в работе над Фильмом (с осени 1964 г. до весны 1965 г.)⁵². Кизи считал, что «все мы на протяжении всей жизни обречены смотреть фильм про собственную жизнь – все наши поступки основаны на событиях, которые только что закончились. Они произошли, по меньшей мере, одну тридцатую секунды тому назад. Мы думаем, что живем в настоящее время, но это не так. То настоящее, которое мы знаем, это всего лишь *фильм о прошлом*, а управлять обычными способами настоящим мы никогда не сможем. Одолеть это запаздывание надо другим путем – с помощью некоего тотального прорыва»⁵³.

Путешествие «Далше» стало значимым событием для участников и для современников, и для становления контркультуры в целом. Оно явилось одним из первых примеров становления нерелигиозного коллектива в форме коммуны в послевоенной Америке: небольшая группа людей, различающихся по гендерному, возрастному, социальному, профессиональному, культурному признакам, за время одной поездки, на основе совместного переживания дорожных тягот и приключений, сложилась в устойчивый коллектив с общей ментальностью. Коммуна «Веселых Проказников» превратилась в сплоченную группу единомышленников: отсеялись случайные пассажиры, остались только те, кто разделял взгляды духовного лидера К. Кизи, отношение к опытам с ЛСД, его психологические и социальные тренинги. Несмотря на то, что осталось

⁵⁰ Вулф 2000: 146.

⁵¹ Вулф 2000: 150–151.

⁵² Вулф 2000: 159–160.

⁵³ Вулф 2000: 169. На фильм было потрачено около 70 тыс. долларов, главным образом за лабораторную обработку цветной киноплёнки. Кизи создал специальную компанию «Отважные Полеты», вложив в неё средства, заработанные за два первых романа и инсценировку одного из них – «Пролетая над гнездом кукушки». Проказники тратили в год около 20 тыс. долларов, почти все деньги уходили на нужды коммуны примерно из десяти человек. – Там же: 160.

не осуществлённым желание связать психоделические коммуны западного и восточного побережья, и полное разочарование от встречи с ЛСД-гуру – Т. Лири, тем не менее, реализовалась мечта Кизи о создании коммуны психоделических путешественников с уклоном в современное популярное искусство и добавлением оптимизма, эмоций и драйва.

В июле 1964 года по приезду «Далше» в Нью-Йорк символическая встреча новой (Кизи) и старой (битники) Америк закончилась полным фиаско. Даже в столичных кругах ещё никто не мог предвидеть, как одна эпоха, «в виде разбитной компании, с грохотом мчащаяся через всю Америку в ярком психоделическом автобусе», меняет другую – богемную и сонную. Проказники и их «Кислотные тесты» встали у истоков психоделической революции и продолжили дело бит-поколения, подготовив почву для появления ещё более социально и политически весомой группы – хиппи. Таким образом, плодотворным оказалось и социокультурное значение поездки «Далше», которая получила отражение в кинематографе, литературе, публицистике и образе жизни.

В ходе путешествия у Проказников появилось несколько устойчивых идей, связанных между собой, которые определили их действия на ближайшую перспективу. *Первая* идея была связана с желанием изучить способы и последствия воздействия психоделиков на обычного человека с целью «расширения сознания», для решения какой-либо аксиологической или практической задачи. *Вторая* идея заключалась в форме самого психоделического эксперимента, а именно «путешествия» (или «полёта»). Поэтому было выбрано транспортное средство, на кабине которого было написано «Further» («Далше» без мягкого знака) неслучайно: надпись соответствовала духу внутреннего и внешнего путешествия хиппи, в котором отсутствовал конечный пункт назначения. Не зря Кизи при покупке автобуса назвался представителем компании «Отважные полёты»⁵⁴. *Третья* идея касалась девиза будущей коммуны, который Кизи сформулировал так: «Еще будут моменты, когда мы не сможем кого-нибудь дождаться. Так вот, либо вы в автобусе, либо вне автобуса. Если вы в автобусе и при этом отстали, вы его обязательно разыщите. Если же вы с самого начала вне автобуса – то и черт с вами»⁵⁵.

Четвёртая идея связана с «Историей Создания Фильма», в ходе которой необходимо было запечатлеть важные мгновения жизни в пути. «Фильм был творческим спасением, которое жаждал Кизи. Он хотел быть архивариусом последующего яркого периода американской истории, а создание фильма должно было этому способствовать»⁵⁶. Так Проказники превратились в персонажей «собственных» (личных) фильмов или «Общего Большого Фильма». Для чего они и взяли себе новые имена (прозвища). С идеей фильма тесно переплеталась идея о системах запаздывания: «Все мы на протяжении всей жизни обречены смотреть

⁵⁴ Вулф 2000: 81.

⁵⁵ Вулф 2000: 99.

⁵⁶ Perry 1990: 58.

фильм про собственную жизнь – все наши поступки основаны на событиях, которые только что закончились. Они произошли, по меньшей мере, одну тридцатую секунды тому назад. Мы думаем, что живем в настоящее время, но это не так. То настоящее, которое мы знаем, это всего лишь *фильм о прошлом*, а управлять обычными способами настоящим мы никогда не сможем. Одолевать это запаздывание надо другим путем - с помощью некоего тотального прорыва»⁵⁷.

Пятая идея была определена в инструктаже перед поездкой, в котором Кизи определил цель эксперимента («путешествия»). «Все мы начинаем делать *общую вещь* и мы будем продолжать ее делать, совершенно открыто, причем ни один из нас не станет отвергать того, что делают другие. Каждый будет тем, кто он есть на самом деле, кем бы он ни был, не должно быть поступков, за которые пришлось бы извиняться. Во время всего путешествия мы будем мириться с тем, какие мы есть»⁵⁸. Кизи всячески старался лишить свою роль определенности. В этом провлялась идея *Невысказанной вещи*. Учение, которое он облекал в слова, сплошь состояло из загадок и метафор:

"Либо вы в автобусе, либо вне автобуса", "Голодную пчелу надо накормить", "Ничто не вечно", "Смотри ушами, а слушай глазами", "Делай добро там, где оно принесет больше пользы", "Что сказала зеркало? Оно покончило с людьми".

У каждого была собственная вещь, которой он занимался, но все это приспособлялось к групповой вещи, а ею и была... "Невысказанная Вещь"⁵⁹.

Определяя *шестую* идею Вулф подбирает самое подходящее слово для этих духовных и социальных практик – *Восприятие* (Кайрос – как опыт восприятия). В самой атмосфере жизни Проказников присутствовало нечто в высшей степени *религиозное*, и всё же нащупать это было невозможно. Ни одна из великих религий не начиналась ни с философского тезиса, ни с главной идеи. А все они начинались с удивительного опыта нового восприятия близкого к экстазу⁶⁰. «Во всех этих религиозных кругах группы спланивались все теснее, создавая собственную символику, терминологию, образ жизни и, понемногу, простые культовые обычаи, ритуалы, нередко включающие в себя музыку и другие виды искусства, которые возникали благодаря *опыту нового восприятия* и казались странными и непонятными для тех, кто этот опыт так и не обрел. Кроме того, на этой стадии у них... возникало непреодолимое желание поделиться своим откровением со всеми людьми»⁶¹.

«Мир был поделён на «посвящённых», то есть испытывавших ощущение божественного сосуда, и огромное большинство «непосвящённых», «немузыкальных» и «несозвучных». Посвященные никогда не проявляли по отношению к непосвященным сознательного чванства, но на самом деле большая часть этой гигантской медузообразной массы добропорядочных людей казалась безнадежно большой»⁶².

⁵⁷ Вулф 2000: 169.

⁵⁸ Вулф 2000: 88.

⁵⁹ Вулф 2000: 145-146.

⁶⁰ Вулф 2000: 147.

⁶¹ Вулф 2000: 150.

⁶² Вулф 2000: 151.

Последняя седьмая идея «Полет в Сейчас» проявилась на семинаре под названием «Полет с Кеном Кизи» в Биг-Суре во время посещения Исаленского общества. Суть её заключалась в «теории о том, что большинство людей живет воображаемой жизнью. Люди живут либо только прошлым, либо тем, чего ждут в будущем, а это, как правило, равносильно страху. ...Для ощущения мгновения жизни *Сейчас*, в настоящем времени, выполнялось упражнение, которое состояло в том, чтобы описать информацию, поступающую от органов чувств. «*Сейчас я чувствую*»; «*Сейчас я слышу*»»⁶³.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест / Том Вулф; пер. с англ. В. Когана. СПб.: Амфора. ТИД Амфора. 2000. 477 с. [Vulf T. Elektroprohladitel'nyj kislotnyj test / Tom Vulf; per. s angl. V. Kogana. SPB.: Amfora. TID Amfora. 2000. 477 s.].
- Кен Кизи. Веселые проказники встречаются с Джимом Кроу. [Ken Kizi. Veselye prokazniki vstrechayutsya s Dzhimom Krou. URL: <http://lib.ru/KIZI/crow.txt>].
- Стивенс Дж. Штурмья небеса: ЛСД и американская мечта. М., 2003. 560 с. [Stivens Dzh. SHturmya nebesa: LSD i amerikanskaya mehta. M., 2003. 560 s.].
- Allen Cohen and the S.F. Oracle. URL: <http://www.rockument.com/blog/haight-ashbury-in-the-sixties/allen-cohen-and-the-s-f-oracle/>
- Duncan M. Prankster History Project. URL: <http://www.pranksterweb.org/>
- Jarnow J. Acid Tests Turn 50: Wavy Gravy, Merry Prankster Ken Babbs Look Back. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-news/acid-tests-turn-50-wavy-gravy-merry-prankster-ken-babbs-look-back-57641/>
- Magic Trip: Ken Kesey's Search for a Kool Place (2011). URL: <https://www.imdb.com/title/tt1235790/>
- Noble E. The Artists Liberation Front and the Formation of the Sixties Counterculture. URL: <http://www.diggers.org/alf.htm>
- Perry P. On the Bus: The Complete Guide to the Legendary Trip of Ken Kesey and the Merry Pranksters and the Birth of Counterculture. NY. 1990. 205 p.
- The Magic Bus Ken Kesey, Neal Cassady, Cathy Casamo and the Merry Pranksters. URL: <http://www.cathryncasamo.com/themagicbus1.htm>

Бодров Олег Вячеславович, доцент, кафедра регионоведения и евразийских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ovbodrov@mail.ru

Закиров Алмаз Васильевич, старший преподаватель, кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, almazakiro@yandex.ru.

The Journey of "Further" in the Summer of 1964 and its Significance in the Changing Subcultures of the USA

In the 1960s, a counterculture was being formed in the United States, which was associated with the psychedelic revolution, nonconformism, the generation gap, the anti-war movement, and social experiments. It was during this period that the process of transforming the beat generation of the 1950s into a hippie subculture of the 1960s took place. One of the significant events of this process was the fact that beatnik Neil Cassidy joined the commune «Merry Pranksters» led by writer Ken Kesey. The «Further» trip in the summer of 1964 was a catalyst in this change of subcultures.

Keywords: counterculture, beatniks, hippies, psychedelic revolution

Bodrov Oleg, Ph. D. (History), Associate Professor, Kazan Federal University, Russian Federation, ovbodrov@mail.ru

Zakirov Almaz, Ph. D. (History), Senior Lecturer, Kazan Federal University, Russian Federation, almazakiro@yandex.ru

⁶³ Вулф 2000: 138 – 139.

С.А. ДЕНИСОВ

ОБРАЗ СТОЛИЦЫ В ПИСЬМАХ ВЫСШЕГО ДУХОВЕНСТВА ЭПИРСКОГО ЦАРСТВА В 1215–1230 ГГ.

Статья посвящена дистрибуции образа византийской столицы Константинополя среди городов Эпирского царства в 1215–1230 гг., отраженной в письмах местных архиереев. Данный процесс был тесно связан с политическими претензиями правителя царства Феодора I Дуки (1215–1230) и состоял в поочередном наделении столичным статусом Арты и Фессалоники, что подразумевало использование в их отношении эпитетов, характерных для Константинополя. Вместе с тем архиереи рассматривали эту практику как временную меру, что было связано с сохранением идеи о Константинополе, как о главном византийском городе, который легитимировал власть императора.

Ключевые слова: столица, Эпирское царство, письма, высшее духовенство, образ

В 1228 г. эпирский правитель Феодор I Дука (1215–1230), принявший титул императора, подошел во главе войска к стенам Адрианополя, крупного фракийского города, лежавшего на пути к византийской столице и имевшего стратегическое значение. Этот город защищал гарнизон, верный Иоанну III Дуке Ватацу (1221–1254), никейскому императору и сопернику Феодора I в борьбе за константинопольский престол. Для того чтобы сохранить силы и избежать кровопролития Феодор I обещал возвысить адрианопольцев над жителями подвластных ему городов, если гарнизон покинет укрепления. Предложение эпирского правителя было принято и никейское войско ушло из города¹.

Это событие ярко отразило значение, которое получили региональные политические силы в первой половине XIII в., что имело свои предпосылки в предшествующий период. Длительная борьба, разыгравшаяся внутри политической элиты в 1183–1204 гг., актуализировала значение городских сообществ как социальной и политической опоры столичных и региональных партий. Так, император Алексей III Ангел (1195–1203), стремясь вернуть константинопольский престол, воспользовался поддержкой жителей Адрианополя в 1203 г.², а богатый и влиятельный аристократ Феодор Манкафа, также опираясь на поддержку горожан, практически независимо управлял Филадельфией в 1188–1205 гг.³ Данный процесс развивался поступательно и достиг своей кульминации после падения Константинополя в 1204 г., когда семейства Дук, Ласкарисов и Великих Комнинов, соперничавшие за титул императора, обратились для реализации своих претензий к городским общинам. Не

¹ Georgii Acropolitae Opera 1979: 40.4–7; Ἐφραζίου χρονικοῦ Καίσαρες 1881. Coll. 297, lin. 8034–8035.

² Nicetae Choniatae Historia 1975: 556.78–81.

³ Ibid: 399.54–61.

имея в течение долгого времени сил, необходимых для освобождения Константинополя, обладание которым являлось одной из главных основ императорской власти⁴, правители обратились к созданию столиц в своих землях, выбрав для этого крупные города: Фессалонику, Никею и Трапезунд. Возросшее значение местных общин подчеркивалось в идеологии их символическим включением в практику легитимации верховной светской власти: правители, коронованные в новых центрах, изображались на портретах вместе с небесными покровителями городов и элементами городской архитектуры, а также представлялись в надписях как защитники жителей⁵.

Данная практика была поддержана региональными политическими элитами, видевшими в Дуках, Ласкарисах и Великих Комнинах не только претендентов на престол, но и лиц, выражавших их интересы. Эта поддержка, состоявшая в материальной и идеологической помощи правителям, подразумевала дистрибуцию образа византийской столицы среди новых центров. Наиболее активно в данном процессе участвовало высшее духовенство, обладавшее высоким авторитетом среди местного населения. Указанная тенденция получила стремительное развитие в Эпирском царстве, одном из трёх государств, появившихся после падения Константинополя и возглавляемого Дуками. Здесь на протяжении 1205–1261 гг. положение основного политического центра занимали сначала Арта, а затем Фессалоника. В этом контексте возникает вопрос о том, как проходила дистрибуция образа столицы, осуществляемая высшим духовенством, среди перечисленных центров, а также каким статусом обладал в данной ситуации Константинополь.

Основное внимание в историографии было уделено Фессалонике, ставшей столицей царства в 1225 г. Исследователи отмечали, что Навпактский митрополит Иоанн Апокавк (1200–1230), называя этот город «благородным» и «царствующим», связывал его освобождение с Божьей помощью и участием святого Димитрия, покровителя местного сообщества⁶. Меньше внимания было уделено Константинополю, который в 1225–1230 гг., несмотря на столичный статус Фессалоники, воспринимался как символ легитимной власти правителя⁷. Между тем, в исследованиях не был рассмотрен образ Арты, а представления о Фессалонике и Константинополе изучались без сопоставления друг с другом.

Образ столицы отражен в 14 источниках, охватывающих период 1215–1230 гг.: 13 письмах, принадлежащих Навпактскому митрополиту Иоанну Апокавку, Керкирскому митрополиту Георгию Вардану (1219–

⁴ Oxford Dictionary of Byzantium 1991: 1203; Radošević 1990: 156–157; Magdalino 2008: 627–663; Pomero 2019a: 153–172.

⁵ Жаворонков 1990: 55–57; Morrisson 2003: 179–180; Morrisson, Papadopoulou 2006: S. 139; Карпов 2007: 111; Pomero 2019b: 416–420.

⁶ Успенский 1997: 410; Bredenkamp 1995: 66–67; Stavridou-Zafraка 2005: 314; Целебидић 2008: 136.

⁷ Там же 2008: 137–138.

1240), Охридскому архиепископу Димитрию Хоматиану (1216–1236), и одном постановлении синода эпирских архиереев. Рассмотрим далее отраженные в них представления о каждом городе.

Арта

В синодальном постановлении о реорганизации мужского монастыря Богоматери Влахернитиссы в женскую обитель, составленном в 1224–1230 гг., Арта названа царствующим городом («ἡ Βασιλεύουσα πόλις»)⁸ и великим городом («ἡ Μεγαλοπόλις»)⁹. Данные эпитеты традиционно применялись к Константинополю. Использование первого из них, Иоанн Апокавк связал с традицией, сложившейся в то время, когда Арта являлась столицей царства и сохранившейся к моменту создания письма, несмотря на то что столичный статус перешел к Фессалонике¹⁰. При этом митрополит отметил в послании, что жители Арты наделены такими положительными качествами, как благородство, богатство и благочестие: «Жители царствующего города (ведь называем его и ныне царствующим, хотя старшинство власти утратилось), сколь многие величиной рода поднялись на вершину судьбы и возвеличились богатством, и сколь многие искали у Бога избавления от угнетающих, или получили [это], избегая житейского изобилия и почитания по достоинству в древнейших хрониках, и в чередовании солнц (т.е. правителей – С.Д.), и круговоротах, и вращениях...»¹¹. Продолжая эту мысль, митрополит сообщил, что благочестивые жители Арты, понимая необходимость спасения вне зависимости от пола, не обращают должного внимания на практику существования женских монастырей, насельницы которых также верно служат Богу¹². Этими словами он предварил синодальное решение о реорганизации монастыря Богоматери Влахернитиссы¹³.

Фессалоника

Сведения о Фессалонике, как о главном городе царства, содержатся в письмах Георгия Вардана и Иоанна Апокавка.

В письме первого из названных архиереев, адресованном к Вселенскому патриарху Герману II (1223–1240) в 1227 г., Фессалоника названа «царствующей» в контексте вопроса о выборе митрополита для замещения местной кафедры¹⁴. При помощи указанного эпитета митрополит подчеркнул, что статус города обязывал относиться к выбору в наивысшей степени внимательно, так как предыдущий архиерей, Константин

⁸ Παλαδοπούλου-Κεραμέως 1909. Σ. 15, 17, 18, 20. №3.

⁹ Ibid. Σ 20. №3.

¹⁰ Ibid. Σ. 15. №3.

¹¹ Ibid. («Οἱ τῆς Βασιλεύουσας οἰκίτορες (καλοῦμεν γὰρ αὐτὴν καὶ νῦν βασιλεούσαν, κὰν τὰ πρεσβεία τῆς ἀρχῆς περιήρηται), ὅσοι γένους ὄγκῳ εἰς ὕψος τύχης ἐπὶ ῥῆσαν καὶ πλοῦτῳ ἐμεγαλύνθησαν, καὶ ὅσοι κατὰ ὑπόβασιν αὐτάρκειαν τῶν δέοντων εὗρον ἀπὸ Θεοῦ, ἢ καὶ μέσῳ ἔσχον περιουσίας βιωτικῆς καὶ τῆς ἐν ἀξιώμασι τάξεως κατὰ τὰς χρονικάς ἀρχαιοτήτας καὶ τὰς κατὰ διαδοχὴν ἡλιακὰς ἐπανακυκλήσεις τε καὶ περιτροπὰς...»).

¹² Ibid. Σ. 17.

¹³ Ibid. Σ. 17–20.

¹⁴ Loenetz 1964: 113.277.

Месопотамит (1196–1204, 1225–1227), оказался не достоин кафедры¹⁵. При этом среди его недостатков (властолюбие, недалёкий ум, невнимание к нуждам паствы), Георгий Вардан отметил то, что он дурно высказался о городе, хотя впоследствии отказался от своих слов¹⁶. Таким образом, автор письма подчеркнул чужеродность личности архиерея для города и местного сообщества.

Более подробно образ Фессалоники представлен в письмах Навпактского митрополита Иоанна Апокавка. Первоначально он имел негативное значение, так как город находился под властью латинян. В письме к Феодору I, посвященном взятию крепости Просек в 1218 г., Иоанн Апокавок сообщил, что одержанная победа нанесла огромный ущерб фессалоникийцам, которые в дальнейшем будут вынуждены признать власть эпирского правителя¹⁷. Возможно, негативное отношение к жителям города было связано с тем, что часть из них сотрудничала с латинянами, занимая должности в администрации, как Георгий Франгопул, который был дукой города около 1212 г.¹⁸ В то же время, Иоанн Апокавок применил к Фессалонике столичный эпитет «великий город», признавая его политическое значение. Эта идея получила развитие в следующем письме митрополита к Феодору I, написанном в 1219 г. В документе Фессалоника изображена как город, обладание которым легитимирует власть правителя: «...наконец, и Бог, творящий всё, всё могущий, и венец мучеников, великий Димитрий, передавая тебе соседнюю землю Фессалии, предписывают войти внутрь соседнего великого города, чтобы ты принял, как говорят, там истечение мира и от того просветился»¹⁹. В данном письме Фессалоника снова названа «великим городом», хотя Иоанн Апокавок уточнил при этом региональный статус поселения и добавил в письме, что речь идет о городе, расположенном по соседству, т.е. в Фессалии. Продолжая риторически описывать значение власти над Фессалоникой, митрополит сообщил о своем желании посетить гробницу святого Димитрия и прикоснуться к его мощам, упомянул о древней истории поселения, назвав его благородным городом, который соответствует благородному человеку («ἡ πόλις εὐγενῆς εὐγενεῖ πρελοῦσα»)²⁰, а также городом Фессалийской колонии («ἡ πόλις Θεσσαλίας κολωνία»)²¹, снова подчеркивая его региональное значение. Митрополит, обращая внимание на прибрежное расположение поселения, назвал

¹⁵ Ibid: 111.219–112.248.

¹⁶ Ibid: 111.237–239.

¹⁷ Пападопуло-Керамевс 1913: 267.10–14.

¹⁸ Demetrios Chomatenei *Ponemata diaphora* 2002: 348.142–145.

¹⁹ Пападопуло-Керамевс 1913: 270.2–6 («... μή ποτε ὁ Θεὸς ὁ πάντα ποιῶν, ὁ πάντα δυνάμενος καὶ τὸ τῶν μαρτύρων στέφος, ὁ μέγας Δημήτριος, τὴν γείτονα τῆς Θεσσαλῶν παραδόντες σοὶ καὶ τὴν ἐντὸς τῆς γειτονουμένης Μεγαλοπόλεως εἰσέλευσίν σου προγράφουσιν, ὡς ἔχειν σε λέγειν τῆς τοῦ ἐκεῖθεν μύρου ἀποφορᾶς καὶ ἀπὸ ταύτης αἰσθόμενον»).

²⁰ Там же: 270. 17–20.

²¹ Там же: 270.19.

его морем мира, источаемого мощами мученика, которое окружает весь свет, подобно океану. Правитель, словно рыбак, который ловит на крючок рыбу в море, привлекает на свою сторону горожан тем, что стремится освободить город из-за любви к его жителям²². Данные сравнения подразумевали традиционное для византийской придворной риторики сопоставление правителя с Иисусом Христом²³. Помимо этого, Фессалоника сравнивалась с Иерусалимом, как с главным иудейским городом, где завершился спасительный земной путь Христа. Это предположение подтверждается в следующих двух письмах Иоанна Апокавка.

Первое из них адресовано Михаилу Хониату, Афинскому митрополиту в 1182–1204 гг., и датируется 1225 г. Иоанн Апокавк сообщил, что посетил Фессалонику, где поклонился мощам св. Димитрия и совершил проскинесис василевсу²⁴, проявив тем самым почтение небесному покровителю города и светскому правителю. Навпактский митрополит отметил, что сопровождавший его клирик Иоанн, который ранее служил у Михаила Хониата, некоторое время помогал знаменитым в городе ворами. Однако при этом Иоанн Апокавк постарался дистанцировать образ города от маргинальной социальной группы тем, что использовал в его отношении эпитет «город Христа» («ἡ Χριστοῦπολις»)²⁵, отметив тем самым нравственную чистоту местного сообщества. Вместе с тем использование данного эпитета подчеркивало, что происшедшие в нем события повлекут за собой освобождение ромеев от власти латинян подобно тому, как происшедшее в Иерусалиме освободило человеческий род от власти греха.

Во втором письме, адресованном Феодору I в 1225–1227 гг., архиерей сообщил, что во время путешествия в Фессалонику отправил одного из своих спутников к нему, спрашивая, где находится дом, в котором ему предстоит есть пасху со своими учениками²⁶, и цитируя таким образом слова Иисуса Христа, сказанные перед входом в Иерусалим²⁷. Объясняя выбор этих слов, митрополит отметил, что ученики, которых он питает, находятся повсюду, а пасхой является посещение Фессалоники и отдых после долгого и трудного пути, полученный по милости василевса²⁸. Приведенная аллегория относится к обычаю, согласно которому иудеи посещали Иерусалим в праздник пасхи (Исхода из Египта). Исполняя этот обычай, Иисус Христос посетил Иерусалим накануне своего распятия, что придало образу иудейского праздника новое осмысление в христианстве²⁹.

²² Там же: 270.17–32.

²³ Hunger 1964: 49–83; Angelov 2007: 79–80; Целебичић 2008: 135.

²⁴ Васильевский 1896: 278.32–279.1.

²⁵ Там же: 279.11–18.

²⁶ Пападопуло-Керамевс 1913: 284.31–33.

²⁷ Мк. 14.1; Лк. 22.11.

²⁸ Пападопуло-Керамевс 1913: 284.33–285.1.

²⁹ Langston 2006: 3; Desmond 2012: 201–208.

Таким образом, рассмотренные письма Навпактского митрополита свидетельствуют о риторическом сравнении Фессалоники с Иерусалимом, находящемся в контексте религиозной легитимации власти правителя.

Константинополь

Несмотря на использование в отношении Фессалоники и Арты столичных эпитетов, Иоанн Апокавк связывал легитимность императорской власти только с Константинополем, о чём свидетельствуют 5 писем, датированных 1215–1227 гг. Из этих посланий два адресованы Феодору I Дуке, по одному – его жене Марии Дукене, Вселенскому патриарху Мануилу Сарантину (1217–1222) и хартофилаксу Никеи Метритопулу. В письмах митрополит выразил надежду на скорое освобождение Константинополя, после которого эфирский правитель займет престол василевсов, наполнит радостью сердца своих подданных³⁰ и лично митрополита³¹, а также укрепит власть³². Подчеркивая значение византийской столицы, Иоанн Апокавк говорил о ней как о «царствующем»³³ и «великом» городе³⁴. Последнее выражение использовал применительно к Константинополю Охридский архиепископ Димитрий Хоматиан в двух письмах, адресованных Феодору I в 1225 г.³⁵ и Герману II в 1228 г.³⁶

Таким образом, рассматриваемые термины, подчеркивая высокое положение городов, имели разное значение в политической ситуации 1215–1230 гг., прежде всего, связанное с постоянным поиском новых столиц царства. До 1224 г. такой столицей была Арта, главный административный и экономический центр владений Дук в Эпире. Именно она изначально обладала старшинством власти, которое сохраняла вплоть до 1224 г., несмотря на рост значения Янины и Диррахия в 1214–1218 гг., которые являлись для Дук только резиденциями или опорными пунктами. После освобождения от власти латинян в 1224 г. такой статус приобрела Фессалоника, центр Фессалии и второй по величине византийский город после Константинополя. В дальнейшем столичный статус сохранился за Фессалоникой, несмотря на освобождение Адрианополя, жителем которого Феодор I, как было отмечено, обещал особые привилегии, которые возвысили бы их над другими ромеями и были связаны, вероятно, со столичным статусом родного города. В этой ситуации внимание к Константинополю объясняется тем, что после коронации в 1227 году, Феодору I необходимо было упрочить свое положение, что можно было сделать уже только в византийской столице, на освобождение которой он направил свои усилия в 1228–1230 гг.

³⁰ Пападопуло-Керамевс 1913: 274.18–20.

³¹ Там же: 284.15–21.

³² Там же: 275.19–23.

³³ Там же: 274.19; Bees-Seferlis 1976: 107.30–31.

³⁴ Васильевский 1896: 270.18–19; Пападопуло-Керамевс 1913: 275.21.

³⁵ Demetrii Chomateni Ponemata diaphora 2002: 106.210–211.

³⁶ Ibid: 373.77–78.

Меняющийся статус городов обусловил разделение образа столицы между ними в письмах высшего духовенства. Для того чтобы объяснить, почему тот или иной из них получил столичный статус, архиереи, используя соответствующие эпитеты, подчеркивали его достоинства. Так, Арта, обладала старшинством власти с самого основания царства, а его жители отличались богатством, благородством и благочестием. Фессалоника, жители которой также благочестивы и благородны, уподоблялась Иерусалиму, потому что стала местом, где правитель освободил ромеев от власти латинян, как Спаситель избавил праведников от власти греха. В то же время, Фессалоника, сохраняя своё региональное значение, не воплощала в полной мере идеи императорской власти. Этим значением обладал только Константинополь, где Феодор I Дука, заняв императорский престол, должен был утвердить свой титул василевса.

Данные характеристики, показывая различия между городами, демонстрировали постепенное развитие идеи императорской власти в Эпирском царстве. Начав со столичного статуса, которым обладал центр родовых владений Дук, риторы на протяжении рассматриваемого периода постепенно развивали идею о единственном городе, который мог получить статус столицы. Региональное представление о главном политическом центре являлось таким образом лишь временной мерой, призванной поддержать государственную идеологию в сложных политических условиях первой половины XIII в., что было характерно также для других греческих центров этого времени – Никейской империи³⁷ и Трапезундского государства³⁸.

Итак, дистрибуция образа столицы среди городов Эпирского царства, зафиксированная в письмах высшего духовенства, отражала политические претензии местных правителей, обусловленные ситуацией в византийских землях после 1204 г. Опора Дук в 1205–1224 гг. на родовые владения в Эпире с центром в Арте привела к усилению местного сообщества, что отразилось в придании городу части атрибутов, характерных для Константинополя. Этот процесс выразился в использовании в отношении Арты эпитетов «великий» и «царствующий» город, символизировавших её главенство среди остальных поселений. После освобождения Фессалоники в 1225 г., столичный статус перешел к ней, что отражало стремление Феодора I Дуки усилить свое положение как претендента на константинопольский престол, разделяемое высшим духовенством. При этом архиереи подчеркивали достоинства города и его жителей, которым должен соответствовать светский и духовный правители. Вместе с тем, Иоанн Апокавк, придавая этому образу региональное значение, рассматривал Фессалонику как центр Фессалии, а не ойкумены. Эти представления, дополняемые его же мнением и высказываниями Димитрия Хоматиана о ключевом значении Константинополя

³⁷ Angold 1975: 63; Жаворонков 1990: 58.

³⁸ Карпов 1997: 135–143; Eastmond 2004: 1–9.

для политической жизни ромеев, позволяют говорить о том, что получение Фессалоники столичного статуса рассматривалось названными архиереями только как временная мера на пути к освобождению главного византийского города, который оставался символом легитимной императорской власти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Васильевский В.Г. Epirotica saeculi XIII // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 233–299. [Vasil'evskij V.G. Epirotica saeculi XIII // Vizantijskij vremennik. 1896. T. 3. S. 233–299.]
- Целебиди Д. Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // Византолошки институт. Зборник радова. 2008. Т. 47. С. 125–140. [Dzhelebzhdich D. Pisma Jovana Apokavka Teodoru Duke // Vizantoloshki institut. Zbornik radova. 2008. T. 47. S. 125–140.]
- Жаворонков П.И. Малоазийские города периода Никейской империи // Античная древность и Средние века. 1990. Вып. 25. С. 55–57. [Zavoronkov P.I. Maloazijskie goroda perioda Nikejskoj imperii // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. 1990. Vyp. 25. S. 55–57.]
- Карпов С.П. После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28–30 мая 1986). М.: ИРИ РАН, 1997. С. 135–143. [Karpov S.P. Posle 1204 g.: Trapezund – vtoroj Konstantinopol'? // Rim, Konstantinopol', Moskva: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie centrov ideologii i kul'tury do XVII v. VI Mezhdunarodnyj Seminar istoricheskikh issledovanij «Ot Rima k Tre't'emu Rimu» (Moskva, 28–30 maya 1986). M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 1997. S. 135–143.]
- Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с. [Karpov S.P. Istoriya Trapezundskoj imperii. SPb.: Aletejya, 2007. 624 s.]
- От Марка Святое Благовествование // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. С. 1054–1180. [Ot Marka Svyatogo Blagovestvovanie // Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta. M.: Izdanie Moskovskoj Patriarii, 1988. S. 1054–1180.]
- От Луки Святое Благовествование // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. С. 1081–1126. [Ot Luki Svyatogo Blagovestvovanie // Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta. M.: Izdanie Moskovskoj Patriarii, 1988. S. 1081–1126.]
- Пападопуло-Керамевс А.И. Noctes petropolitanae. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. 303 с. [Papadopulo-Keramevs A.I. Noctes petropolitanae. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1913. 303 s.]
- Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. 824 с. [Uspenskij F.I. Istoriya Vizantijskoj imperii XI–XV vv. Vostochnyj vopros. M.: Mysl', 1997. 824 s.]
- Angelov D. Imperial ideology and political thought in Byzantium. Cambridge: U.P., 2007. 453 p.
- Angold M. Byzantine government in exile: Government and society of Nikaea under Lascaris. Oxford: O.U.P., 1975. 332 p.
- Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) // Byzantinisch-Neugriechisches Jahrbuch. 1976. Bd. 21. S. 56–247.
- Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessaloniki: Municipality of Thessaloniki, Thessaloniki History Center, 1995. 295 p.
- Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 38 / Rec. G. Prinzing. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter, 2002. 532 S. 3 Taff.
- Desmond A.T. From Paradise to Promised Land. Grand Rapids: Barker Academic, 2012. 360 p.
- Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sofia and the Empire of Trebizond. Ashgate: Ashgate Publishing Company, 2004. 208 p.
- Ἐφραζίου ὑπομνήκῳ Καίσαρος // Patrologia Graeca. T. 143 / Acc. J.-P. Migne. P.: Apud Garnier Fratres, 1891. Coll. 12–380.
- Georgii Acropolis Opera / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart: Teubner, 1979. 366 S.

- Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Bd. 1. Wien, 1964. S. 49–83.
- Langston S.M. Exodus Through the Centuries / Blackwell Bible Commentaries. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 294 p., 2 pl.
- Loenetz R.-J. Lettre de Georges Bardanès, métropolitte de Corcyre, au patriarche oecumenique Germain II 1226–1227 // *Ἐπιτερις Ἐταρειας Βυζαντινων Σπουδων*. 1964. T. 33. P. 104–118.
- Magdalino P. The empire of the Komnenoi (1118–1204) // *The Cambridge history of Byzantine Empire* / Ed. by J. Shappard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 627–663.
- Morrison C. The Emperor, the Saint, and the City: Coinage and Money in Thessaloniki from the Thirteenth to the Fifteenth century // *Dumbarton Oaks Papers*. 2003. Vol. 57. P. 173–203.
- Morrison C., Papadopoulo P. L'éclatement du monnayage dans le monde byzantin: apparence ou réalité? // 1204, la quatrième croisade. De Blois à... Constantinople / Ed. I. Vilella-Petit. P.: Société française d'héraldique et de sigillographie, 2006. P. 135–141.
- Nicetae Choniatae *Historia* / *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. 11. P. I. / Rec. I.A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci: De Gruyter, 1975. 656 S.
- Oxford dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Vol. 1–3. Oxford: O.U.P., 1991.
- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα Ἰωάννου τοῦ Αποκαϊκῶν // *Βυζαντις*. 1909. I. Σ. 5–47.
- Pomero M.E. Constantinople, Basileuousa polis (4th–15th century) // *The Silk and the Blood. Images of Authority in Byzantine Art and Archaeology* / Ed. by I. Baldini, C. Lamanna, G. Marsili, L.M. Orlandi. Bologna: Università di Bologna, 2019a. P. 153–172.
- Pomero M. E. Il contesto numismatico tessalonicense dopo la IV crociata. Influssi iconografici e rielaborazioni ideologiche tra Oriente e Occidente // *Per respirare a due polmoni. Studi in onore di Enrico Morini* / A cura di M. Caroli, A.M. Mazzanti e R. Savigni. Bologna: Bononia University Press, 2019b. P. 407–430.
- Radošević N. L'Oecumène byzantine dans les discours impériaux du XIe et XIIe siècle // *Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium*. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague: Euroslavica, 1993. P. 156–161.
- Stavridou-Zafra A. Political Ideology in the State of Epiros // *Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences* / Ed. by A.E. Laiou. P.: Lethielleux, 2005. P. 311–323.
- Денисов Сергей, к.и.н., м.н.с., Институт археологии РАН, densera@yandex.ru.*

The image of the capital in the letters of the high clergy of the Despotate of Epirus in 1215–1230

Article is devoted to the distribution of image of Byzantine capital, Constantinople, among cities in the State of Epirus in 1215–1230, that was described in the epistles of local high clergy. This process was closely tied to political ambitions of the Epirote ruler Theodore I Doukas (1215–1230) and consisted of alternate attribution of the rank of capital to Arta and Thessaloniki that implied using for them terms common for Constantinople. At the same time clergy interpreted this practice as temporary measure that was caused by preservation of idea about Constantinople as the main Byzantine city, which legitimized the power of emperor.

Key words: capital, State of Epirus, epistles, high clergy, image

Denisov Sergey, PhD in History, junior researcher, Institute of archeology, Russian Academy of Sciences; densera@yandex.ru

**«ЧЕСТНЫЕ И БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ»
В РУССКОЙ ЦЕРКВИ XV–XVI вв.
ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ***

В работе рассматриваются особенности самоидентификации ряда русских служивых землевладельцев знатного происхождения XV–XVI вв. после принятия пострига. Показано, что некоторых из них (Вассиана (Патрикеева), ростовского архиепископа Иоасафа (Оболенского), Иосифа Волоцкого) отличала «картина мира», характерная для представителей знати. Однако это были исключения. Как правило, в ходе длительного периода подготовки руководителей Церкви (не менее 2–3 десятилетий) их связь со «своей» социальной средой ослабевала и, соответственно, говорить о непосредственной связи между их статусом в миру и в Церкви вряд ли возможно.

Ключевые слова: Русская церковь, церковная иерархия, епископат, идентичность, менталитет, социальная история, знать, XVI век

Труды А.Я. Гуревича, синтезировавшего культурно-исторический подход Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли с антропологическими штудиями школы «Анналы», еще в 1970-х гг. открыли перед медиевистом заманчивую перспективу. Перед мысленным взором историка, мечтательно устремленным в глубины социальной психологии, предстает «картина мира» представителей всех более или менее значительных социальных групп. С некоторой завистью взирая на степень сохранности источников по истории стран Центральной и Западной Европы, позволяющих эту картину реконструировать, специалист по русскому Средневековью, как правило, вынужден довольствоваться малым: отдельными – порой единичными, если не уникальными – фактами. Оптимист сочтет их осколками некогда существовавшей практики, скептик – возможно, исключениями из нее. В любом случае систематизация этих, пусть и разрозненных, фактов, не позволяя создать целостной картины, тем не менее даст возможность взглянуть на некоторые особенности восприятия тех или иных реалий прошлого представителями различных социальных групп. Попытку подобного рода мы и предпримем ниже.

Для изучения как истории Русской церкви, так и социальной истории России эпох Средневековья и раннего Нового времени большое – в полной мере еще не оцененное – значение имеет рассмотрение социального состава руководителей Церкви, формирующих главный орган ее управления – Освященный собор. В странах Западной и Центральной Европы статус в миру большинства епископов, кардиналов и римских пап хорошо известен – они вышли из среды, которую формировали выходцы из таких семейств как Колонна, Орсини, Медичи, Борджа, Гизы, Виттельсбахи, Гогенцоллерны, Меттернихи, Радзивиллы, Ягеллоны или Ваза. Поведение многих из них свидетельствует о том, что грань, отде-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

ляющая их от «мира», порой была размыта. Хотя состав русского епископата был существенно «демократичнее» (в нем несравнимо больше выходцев из посадских людей, провинциальных священников и мелких землевладельцев)¹, в нем мы тоже находим представителей весьма знатных и влиятельных родов. Закономерен вопрос: как потомки Рюрика и Гедимины вели себя в новой для них социальной роли после принятия пострига, как они воспринимали своих «худородных» коллег²? Ответ на этот вопрос даст новый материал для решения исключительно важной проблемы социальной истории: в какой мере статус того или иного лица в миру определял его позицию в Церкви? Мы сосредоточим внимание на источниках XV–XVI вв., созданных в эпоху формирования системы церковного управления в относительно недавно объединенной стране.

Самым знатным среди известных нам значимых деятелей Русской церкви рассматриваемого периода был знаменитый полемист Вассиан (в миру – кн. Василий Иванович Патрикеев) (ум. не ранее 1532 г.)³. Происходивший от перешедшего на службу к московским князьям в 1410-е годы потомка великого князя литовского Гедимины Юрия Патрикеевича, отец Вассиана – кн. Иван Юрьевич Патрикеев – будучи наместником Москвы и первым боярином в Думе, играл ключевую роль при дворе Ивана III. Близости к великому князю способствовало родство кн. Патрикеевых с московскими Даниловичами. Дед Вассиана – Юрий Патрикеевич – был женат, по одним данным, на сестре Василия I, по другим – на его дочери⁴. Сам кн. Василий Иванович Патрикеев получал значимые служебные назначения, по крайней мере, с 1489 г., и не позднее 1495 г. стал боярином. После опалы на кн. Патрикеевых в 1499 г. Василий вынужденно принял постриг и некоторое время проживал в Кирилло-Белозерском монастыре. В его стенах он сблизился с идеологом раннего нестяжательства Нилом Сорским. Не вдаваясь во все подробности весьма бурной событиями биографии Вассиана, обратим внимание на материалы церковного суда над ним, который в 1531 г. был организован его идейными противниками «иосифлянами» во главе с выходцем из волоколамской обители митрополитом Даниилом.

Судя по материалам суда, Вассиан не слишком уважительно отзывался об одном из самых известных настоятелей XV в. – Макарии Калязинском – который пользовался немалым уважением у «иосифлян», в этот период игравших ведущую роль в церковном управлении. Согласно материалам дела, «митрополит [Даниил] спросил: Да ты же, де, Васьян, говорил про чудотворьцов: Господи! Что ся за чудотворцы? Сказыва-

¹ Об этом, например, см.: Вовина 2006: 272–273.

² Ниже мы сосредоточимся на мировосприятии принявших постриг представителей знати. Бытовые аспекты их жизни в обителях, порой идущие вразрез с правилами монастырского общежития (достаточно вспомнить весьма красноречивые тирады Ивана IV с осуждением образа жизни в Кирилло-Белозерском монастыре боярина И.В. Большого Шереметева), нами рассматриваться не будут.

³ О нем и его литературном творчестве: Казакова 1960; Плигузов 2002; Синицына 2004.

⁴ Подробнее о кн. Патрикеевых в XV в. см.: Кучкин 2006; Назаров 2013.

ют, в Колязине Макар чудеса творит, а мужик был сельской. И Васьян отвечал: Яз его знал, простой был человек»⁵. Приведенные слова Вассиана в литературе рассматривали как пример скромности в быту Макария Калязинского, ходившего в простой одежде и не чужавшегося любой работы, и с отношением Вассиана к его статусу в миру не связывались⁶. На наш взгляд, такая интерпретация данного фрагмента источника небесспорна. Есть веские основания полагать, что в приписываемых Вассиану словах присутствует социальный подтекст.

На скромность в быту частично можно списать эпитет «простой». Впрочем, в рассматриваемый период его семантический ряд не исчерпывался значениями «малый», «незначительный», «обычный», «скромный», «принадлежащий к простому народу». Лингвисты фиксируют и значения «простодушный» и даже «недалекий» и «глупый», а также «мирской, нецерковный, не принадлежащий к клиру»⁷. Определение «Макара» как «мужика сельского» в еще большей степени свидетельствует об отношении к нему аристократа, пусть и принявшего иноческий сан. Слово «мужик» явно указывает на социальный статус. Словами фиксируют следующие его значения: «простолюдин», «земледелец», «крестьянин»⁸. Одним из значений понятия «сельский человек» было «простой человек», далекий от вершины социальной иерархии. Кроме того, слово «селянин» наряду с «сельским жителем» и «земледельцем» обозначало «невежду» и «деревенщину»⁹. Конечно, на личное отношение Вассиана к Макарию влияла его нелюбовь к «иосифлянам», в 1520-е настойчиво добивавшимся канонизации основателя калязинской обители¹⁰. Но не менее выразителен и социальный подтекст этой фразы, свидетельствующей о пренебрежительном отношении аристократа княжеского происхождения (родственника великого князя!) к «мужику» и «деревенщине». Обратим внимание на то, кого именно Гедиминович, представитель одной из самых влиятельных правящих династий Восточной и Центральной Европы XIV–XVI вв. называл «мужиком сельским».

Макарий (1401–1483) (в миру – Матвей Васильевич Кожин) принадлежал к служилому роду Тверской земли, представители которого располагали владениями под Кашиным¹¹. Младший брат Макария Геннадий в 1461–1477 г. занимал Тверскую кафедру. Согласно зафиксированным в первой половине XVI в. в Волоколамском патерике Досифеем (Топорковым) воспоминаниям Иосифа Волоцкого, побывавшего в обители Макария Калязинского в 1479 г., ее основатель «был сродником

⁵ Казакова 1960: 297.

⁶ Пономарева 2001; Гадалова 2020: 122.

⁷ Подробнее см.: Материалы 1902: стб. 1582–1583; СРЯ. Вып. 20. 1995: 233–234.

⁸ Материалы 1902: стб. 189; СРЯ. Вып. 9. 1982: 304.

⁹ О значениях данного слова и производных от него см.: Материалы 1903: стб. 330–332; СРЯ. Вып. 24. 2000: 51.

¹⁰ Подробнее см.: Плигузов 2002: 91; Гадалова 2020: 131–146.

¹¹ Подробнее о происхождении и биографии Макария Калязинского см.: Пономарева 2001; Гадалова 2020: 43–128.

большим боярам тверским, прародители же его нарицаеми Кожины». «Сродником» Макария Иосиф называет Захария Бороздина¹². Степень родства неясна. Учитывая различия в фамилиях Макария и Захария, речь могла идти о родстве по женской линии¹³. Бороздины – крупнейший (конечно, наряду с Шетневыми) боярский род Тверского княжества¹⁴. По наблюдениям С.Б. Веселовского, Кожины принадлежали к кашинским землевладельцам «среднего калибра»¹⁵. Судя по вкладам, они являлись достаточно состоятельным родом провинциальной знати¹⁶.

Трудно предполагать, что знавший Макария лично член великокняжеской Думы не знал о происхождении калязинского игумена и тем более его брата – тверского владыки. Скорее всего, здесь мы имеем дело с отношением к выходцу из нетитулованного провинциального служилого рода представителя титулованной знати, являвшегося близким родственником великого князя московского и состоявшего в родстве (пусть и более отдаленном) с великим князем литовским, а также с королями Польши, Венгрии и Чехии. Для стоящего весьма близко к трону Гедиминовича, отец которого возглавлял Думу великого князя, представитель «крепкого» кашинского служилого рода – «мужик сельский». Очевидно, что, приняв постриг не по своей воле, Вассиан не забыл о своем происхождении. В глазах потомка Гедимины его личный статус в миру (статус Вассиана в Церкви был весьма скромен – он являлся простым иноком¹⁷) явно «перевешивал» статус Макария – основателя и игумена крупного монастыря. Таким образом, хотя точно сказать, что Вассиан (Патрикеев) произносил рассматриваемую фразу вряд ли возможно, трудно сомневаться в том, что она в той или иной мере отражала присущую ему социальную «картину мира». Любопытно, что снобизм аристократа по отношению к более низким по статусу лицам уживался с призывами Вассиана к возврату Русской церкви к евангельским идеалам, добыванию иноками хлеба насущного в поте лица и нестяжанию¹⁸.

Связь статуса в миру с мировосприятием принявшего постриг лица демонстрируют и некоторые факты биографии еще одного весьма за-

¹² Древнерусские патерики 1999: 92–93.

¹³ Гадалова 2020: 66.

¹⁴ О них подробнее см.: Кузьмин 2014: 251–263.

¹⁵ Веселовский 1947: 232.

¹⁶ Пономарева 2001.

¹⁷ Как отметил А.И. Плигузов, «опальный Гедиминович не воспользовался близостью к трону и князем церкви не стал: 32 года он проходил в монашеской рясе и остался простым чернецом» (Плигузов 2002: 152).

¹⁸ Подробнее см.: Плигузов 2002: 93–98 и др. Напрашивается аналогия с другим, давно известным в науке казусом. Потомок ярославских князей А.М. Курбский в литовский период клеймил русского царя за деспотизм по отношению к «верным слугам» из числа таких же аристократов, каковым был сам знаменитый полемист. Его обличающий тирана пафос вполне уживался с жестоким обращением с жителями, проживавшими как на территории его владений, так и за их пределами. Стиль поведения как самого владельца Ковеля, так и его слуг мало чем отличался от бесчинств яростно обличаемых им опричников (см., например: Филлюшкин 2007: 89–99).

метного деятеля Русской церкви последней четверти XV в., статус которого внутри нее был существенно выше нежели у Вассиана, – ростовского архиепископа Иоасафа (1481–1488). Будущий владыка происходил из рода кн. Оболенских, происходивши от кн. Михаила Черниговского. Иоасаф (его имя в миру неизвестно) был 2-м сыном кн. Михаила Ивановича. Карьерный взлет Иоасафа хронологически совпал со значительным укреплением позиций этого рода, которое пришлось на период напряженной борьбы за великокняжеский стол в середине XV в. Кн. Оболенские в эти годы оказали неоценимые услуги Василию II. Наиболее заметными представителями рода в этот период были дядя Иоасафа кн. Василий Иванович Оболенский (брат Михаила), а также сын Василия – прославленный полководец Иван Стрига. Значимые военно-административные назначения в то время получали и братья Ивана Стриги – кн. Александр, Ярослав, Петр, Василий Телепень и Федор¹⁹.

Обратим внимание на одну особенность, которая отличает упоминания Иоасафа в источниках. В них он (лицо духовное!) упоминается с княжеским титулом. Так, уже первое известное нам его упоминание под 1471–1474 гг. фиксирует формально «рядового» инока (вероятно, соборного старца) Ферапонтова монастыря «**князя Асафа**» (здесь и далее выделено нами. – А.У.)²⁰. Перечень ростовских владык упоминает «**архиепископа Иасафа князя**»²¹. Как видим, Иоасаф по меньшей мере не скрывал свой статус в миру, возможно, даже афишировал его. Для окружающих Иоасафа лиц наряду с весьма высоким положением в церковной иерархии (Ростовская кафедра в этот период занимала 3-ю ступеньку в ней после Всероссийской и Новгородской) его происхождение имело немалое значение. На это указывает и рассказ об обретении мощей наставника Иоасафа – Мартиниана Белозерского. Источник сообщает о мотивах, которыми руководствовались монастырские власти, приняв решение о погребении Иоасафа на почетном месте. В Житии Мартиниана подчеркнута, что игумен Сильвестр «з братею», погребая Иоасафа рядом с его наставником, «**помянули добродие его, понеже сродник он бяше великаго князя**, но и постриженник преподобнаго Мартиниана и ученик»²². Трудно сомневаться в том, что происходящий из рода титулованной знати, представители которого в значительной степени обеспечили победу отцу Ивана III в борьбе за великокняжеский стол, Иоасаф как минимум не скрывал своей принадлежности к нему.

Рассматривая вопрос о связи инока с той социальной средой, из которой он вышел, обратим внимание на исключительно интересный фрагмент «Письма о нелюбках иноков Кириллова и Иосифова монастырей». Этот памятник создавался в 1540-е гг., возможно, в белозерской

¹⁹ О представителях этого рода подробнее см.: Зимин 1988: 48–49; Назаров 2000: 192, 194–196; Пономарева 2019.

²⁰ АСЭИ. Т. 2. 1958: 135–136 (№ 209).

²¹ ПСРЛ. Т. 15. 2000: стб. 482.

²² Преподобные 1994: 284.

обители среди противников выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря. «Письмо» Иосифу (Санину) (1439–1515) приписывает крайне любопытную фразу, якобы произнесенную на Соборе 1503 г., на котором остро стоял вопрос о церковном землевладении. Согласно этому источнику, волоколамский игумен сказал следующее:

«Аще у манастырей сел не будет, како чесному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцов, отколе взяти на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честныя власти? А коли не будет честных старцов и благородных, – ино вере будет поколебание?»²³.

Полемическая направленность памятника, критически оценивающего «иосифлян», очевидна. А.А. Зимин полагал, что в «Письме о нелюбках» речь идет о тенденциозном и искаженном представлении взглядов Иосифа²⁴. Верифицируя данную гипотезу путем установления степени возможной близости данных слов мировосприятию основателя волоколамской обители, рассмотрим ряд обстоятельств.

Обратим внимание на тех, кто имеется в виду в рассматриваемой фразе. Термин «честный», строго говоря, не носит социальной окраски – словари фиксируют следующий связанный с ним семантический ряд: «почтенный» – «дорогой» – «любимый» – «достоимый» – «ценный» – «пользующийся уважением» – «важный» – «сановный» – «почетный» – «священный». Термин «честность» также социально индифферентен – он означал «достоинство»²⁵. А вот ситуация с терминами «благородный» и близкими к нему («благородие» и «благородство») иная. Их семантика неразрывно связана с обозначением лиц относительно высокого статуса, передающегося по наследству. Фактически речь идет о синониме эпитета «знатный»²⁶. О какой именно социальной группе в данном фрагменте идет речь неясно. Судя по всему, речь шла не только о верхушке Государева двора, но и о достаточно широком понимании «честных и благородных людей» – о служилых людях «по отчеству», располагавших более или менее значительными земельными владениями.

Оценивая степень соответствия взглядов Иосифа анализируемому отрывку «Письма о нелюбках», обратим внимание на ту среду, из которой вышел сам Иосиф. В миру Иван Санин принадлежал к роду служилых землевладельцев Волоколамского уезда средней руки. Общеизвестно, что именно средние землевладельцы Волоколамского, а также находящихся относительно неподалеку Рузского, Дмитровского и Переславского (Переславль-Залесского) уездов составили костяк братии основанной им обители²⁷. Именно выходцы из родов Саниных, Топорковых, Голениных, Ступишиных, Ленковых, Руготиных, Заболоцких, Полевых, Хворостининых и прочих, составлявшие примерно $\frac{1}{5}$ от общего числа

²³ Послания 1959: 367.

²⁴ Там же: 373.

²⁵ Материалы 1902: стб. 1573–1575.

²⁶ Подробнее см.: Материалы 1893: стб. 103; СРЯ. Вып. 1. 1975: 215–216.

²⁷ Подробнее о персональном и социальном составе иноков Иосифо-Волоколамского монастыря см.: Зимин 1977: 112–122; Dykstra 2006: 120–135; Дайкстра 2007: 238–298.

насельников²⁸, играли в ее стенах ключевую роль, выступая в роли игуменов, келарей, казначеев и соборных старцев²⁹.

Неудивительно, что из этой среды вышел и целый ряд архиереев-«иосифлян» – ростовский архиепископ Вассиан (Санин) (брат Иосифа), коломенский епископ Вассиан (Топорков) (племянник Иосифа), смоленский епископ Гурий (Заболоцкий), суздальский, позднее полоцкий владыка Трифон (Ступишин), казанские архиепископы Герман (Садырев-Полев) и Тихон (Хворостин)³⁰. Речь шла почти о половине всех архиереев XVI века, происходивших из соответствующей социальной среды. Из 122-х известных нам архиереев XVI в. (некоторые были поставлены еще в XV в., некоторые скончались уже в XVII в.) из служилых землевладельцев различного статуса вышло, согласно нашим подсчетам, 14. Как видим, не менее 6 из них – выходцы из обители Иосифа. Это почти треть от общего числа «волоколамцев» на различных кафедрах. Их нами выявлено 19³¹. Из других значимых «кузниц» руководителей Церкви, архиереев, происходивших из соответствующей среды, вышло существенно меньше. Из 11 архиереев из Троице-Сергиева монастыря служилыми землевладельцами в миру являлись два – митрополит Иоасаф (Скрипицын) и новгородский архиепископ Серапим (Курцев). Из 10 владык, вышедших из стен Кириллова, к этой среде принадлежал один – суздальский, а затем полоцкий владыка Афанасий (кн. Палецкий). При этом отметим, что статус в миру постриженников и Троицы, и Кириллова в целом был существенно выше. В отличие от Иосифо-Волоколамского монастыря, являвшегося обителью по преимуществу служилых людей средней руки, в обителях Сергия и Кирилла сравнительно часто принимали постриг представители родов, формировавших Боярскую думу (кн. Мстиславские, кн. Воротынские, кн. Сицкие, кн. Ушатые, кн. Палецкие, Морозовы, Шереметевы, Хабаровы, Колычевы, Квашнины и др.).

Нетрудно заметить, что значительную часть архиереев-«иосифлян» действительно составляли люди «честные и благородные». Вряд ли стоит сомневаться в том, что эта традиция была заложена еще при основателе обители. Это побуждает думать, что работавший существенно позднее кончины основателя Волоколамского монастыря автор «Письма

²⁸ Согласно подсчетам Т. Дайкстра, служилых людей «по отечеству» различного статуса было ок. 22% от общего числа иноков этой обители (см.: Dykstra 2006: 122).

²⁹ Среди соборных старцев выходцев из соответствующего социального слоя было ок. 36% (в отдельные периоды их доля доходила почти до 80%) (см.: Dykstra 2006: 133–134). Нетрудно заметить, что удельный вес служилых землевладельцев среди лиц, управлявших монастырем, была почти в два раза выше, нежели среди рядовых иноков.

³⁰ Постриженник обители Иосифа казанский архиепископ Гурий происходил из рода служилых землевладельцев Руготиных. Однако на момент пострига его социальный статус существенно снизился. Вероятно, в силу трудностей экономического характера выходец из разорившейся ветви рода поступил на службу к одному из потомков ярославских князей – кн. Ивану Пенкову.

³¹ Наиболее полный перечень руководителей Русской церкви, вышедших из стен Иосифо-Волоколамского монастыря, см.: Усачев 2017: 100–104.

о нелюбках» – явный недоброжелатель «иосифлян» – даже если и не точно воспроизвел слова Иосифа, верно передал его социальные предпочтения. Хотя они прямо и не отразились ни в одном известном нам сочинении Иосифа³², но, судя по всему, не являлись тайной для современников. Неизбежен вопрос: почему ничего подобного мы не находим в сочинениях Вассиана и Иосифа, которые, судя по их богатому литературному наследию, являлись весьма плодовитыми писателями?

Обратим внимание на одну черту, которая роднит оба рассмотренных нами фрагмента. Они были зафиксированы лицами, явно недоброжелательно относившимися и к Вассиану (Патрикееву), и к Иосифу (Санину). В первом случае это организаторы суда над Вассианом («иосифляне»), во втором – идейные противники Иосифа («нестязатели»). Очевидно, что и те, и другие стремились обвинить Вассиана и Иосифа в отступлении от церковной теории и практики. За что именно порицались эти персоны в данных отрывках догадаться несложно: речь шла об отступлении от главного принципа формирования церковной иерархии, в которой статус в миру не должен был быть связан (тем более напрямую) со статусом в Церкви. Именно поэтому в целом ряде Житий святых знатного происхождения специально подчеркивалось, что они его скрывали (или, по меньшей мере, пытались это делать с большим или меньшим успехом)³³. Общеизвестно, что в официальных документах мы не встречаем архиереев с носимыми ими в миру фамилиями и тем более титулами. Например, происхождение митрополита Филиппа (в миру – Кольчев), суздальского, а затем полоцкого владыки Афанасия (в миру – кн. Палецкий), тверского епископа Вассиана (в миру – кн. Стригин Оболенский, дворянский племянник ростовского архиепископа Иоасафа), скорее всего, было известно многим, но ни в одном официальном документе мы не находим их упоминаний с фамилиями и тем более с титулом. О происхождении руководителей Церкви, как правило, мы узнаем из источников неофициального характера (записей синодиков, родословных росписей, вкладных и приходо-расходных книг обителей³⁴) или

³² В них скорее фиксируется обратная тенденция, которая, впрочем, была продиктована соображениями практического характера. Стремясь увеличить число иноков относительно недавно основанной обители в т.ч. за счет притока относительно низких по своему происхождению лиц, Иосиф в ряде посланий, адресованных служилым землевладельцам, просил их не препятствовать постригу зависимых от них лиц. Известны случаи, когда Иосиф постригал беглых холопов даже невзирая на сопротивление их господ. Подробнее см.: Зимин 1977: 119; Послания 1959: 148–152.

³³ Например, так поступал известный новгородский святой первой половины XV в. – Михаил Клопский – в миру являвшийся «своитином» московских князей (точная степень его родства с ними неясна).

³⁴ На известное дистанцирование после пострига руководителей Церкви от той социальной среды, из которой они происходили, среди прочего указывают особенности состава связанных с ними вкладов. Вклады по архиереям, даже в случае наличия у них вполне состоятельных родичей, весьма редки. Например, нам неизвестны вклады Кольчевых по митрополите Филиппе, кн. Палецких по суздальском и полоцком владыке Афанасии, Курцевых по новгородском архиепископе Серапионе или Поле-

из их жизнеописаний, составляемых уже после их кончины. С этим и связано то, что с известной долей гипотетичности удастся выяснить происхождение лишь примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа известных нам архиереев XVI в. В Церкви должны были действовать свои законы, меритократические по своей сути, диктуемые каноном, а не родословной. Трудно сомневаться в том, что выпячивание знатного происхождения, презрение к «мужикам сельским» (даже являвшимся настоятелями значимых обителей) и тем более слишком явные намеки на необходимость поставления на кафедры людей «честных и благородных» рассматривались как действия, заслуживавшие осуждения. Любопытно, что, судя по имеющимся данным, их совершали как «нестяжатели», так и «иосифляне». И те, и другие, даже приняв постриг, пытались проецировать знакомые им по жизни в миру социальные реалии на церковные. Есть веские основания полагать, что степень погруженности в церковную жизнь – величина прямо пропорциональная степени дистанцирования от мира – во многом определяла карьерную траекторию в Церкви. Обратим внимание на факты биографии происходивших из одной социальной среды двух Вассианов – Патрикеева и Стригина Оболенского.

Судя по всему, Вассиана (Патрикеева) длительное время – если не всю жизнь – отличала «картина мира», характерная для представителя политической элиты. Этому способствовали, по меньшей мере, три обстоятельства. Во-первых, он принял постриг уже в достаточно зрелом по меркам Средневековья возрасте. К 1499 г. он не менее 10 лет принимал участие в значимых военных и политических событиях, вместе с отцом занимая одно из первых мест в Думе³⁵. Во-вторых, на момент начала активной полемической деятельности (ок. 1509 г.) иноческий «стаж» Вассиана был относительно невелик – ок. 10 лет. Как правило, период подготовки руководителя Церкви, во время которого значительно ослабевала его связь с внешним миром, занимал не менее 2–3-х десятилетий³⁶. В-третьих, Вассиан, в отличие от подавляющего большинства иноков, постриг принял вынужденно, стремясь избежать казни. Речь не шла об осознанном и тем более добровольном избрании соответствующего пути, связанного с уходом от мира. Один из первых бояр Думы Ивана III, который после смерти отца, вероятно, возглавил бы ее, перед лицом смерти был вынужден принять весьма болезненное для его самолюбия решение. Очевидно, что к моменту своего пострига честолюбивый потомок Гедимины еще не успел полностью удовлетворить свои, надо думать, немалые социальные и политические амбиции³⁷.

вых по казанском архиепископе Германе. Как правило, вклады давали сами руководители Церкви на помин своей души, а также по родителям.

³⁵ По определению В.Д. Назарова, осенью 1495 г. Василий «входил в пятерку (если не в тройку) самых влиятельных людей наряду с отцом, кн. И.Ю. Патрикеевым» (см.: Назаров 2000: 195).

³⁶ Усачев 2017: 105–109.

³⁷ Аналогичный казус имел место столетие спустя. В 1601 г. попавший в опалу весьма знатный и влиятельный боярин Федор Никитич Романов (ок. 1554–1633 гг.) в уже

Путь тверского епископа Вассиана был иным. Статус в миру кн. Василия Ивановича Стригина Оболенского не сильно уступал общественному положению кн. Василия Ивановича Патрикеева и уж точно был по меньшей степени сопоставим со статусом его двоюродного дяди Иоасафа (Оболенского). В то же время тверской владыка являлся полной противоположностью тем, кто в гораздо большей степени, нежели он, сохранял память о своем аристократическом прошлом. Постриг Василий Стригин принял, судя по всему, в относительно раннем возрасте (какие-либо факты его участия в военных и политических событиях неизвестны). Его уход от мира и движение по церковной карьере происходили не во время опалы (как у Патрикеева), а в период наивысшего подъема его родичей по ступеням служебной лестницы, который пришелся на период правления Василия II и Ивана III. Несмотря на это старший (!) сын, пожалуй, самого известного и удачливого воеводы этих великих князей, кн. Ивана Стриги, перед которым были открыты практически все двери в коридорах светской власти³⁸, предпочел постриг. Едва ли можно сомневаться в добровольности и осознанности этого шага. На это, в частности, указывает то, что в известных нам источниках Вассиан (в отличие от его двоюродного дяди ростовского архиепископа Иоасафа) ни разу не упомянут с княжеским титулом. Эти обстоятельства, несомненно, предопределили его церковно-административное долголетие. Вассиан до самой своей кончины занимал Тверскую кафедру 31 (!) год (с 1477 г. по 1508 г.).

Карьерная траектория происходящих из той же среды лиц, социальная память которых была заметно крепче, была иной. Осужденный Собором 1531 г. Вассиан (Патрикеев) скончался в заточении в Иосифо-Волоколамском монастыре. Иоасаф (Оболенский), судя по всему, вынужденно покинул Ростовскую кафедру, которую занимал ок. 7 лет, и до своей кончины проживал «на покое» в Ферापонтовом монастыре 25 (!) лет.

* * *

очень зрелом по меркам того времени возрасте был вынужден принять постриг. Однако в условиях Смуты, используя свой богатый политический опыт и немалый «социальный капитал» (прежде всего, конечно, родственные связи), не располагавший значимым иноческим «стажем» и каким-либо церковно-административным опытом Филарет сумел сначала возглавить Ростовскую кафедру (1605 г.), а затем и Всероссийскую (1619 г.). Фактически став соправителем при своем сыне царе Михаиле, долгие годы мечтавший о троне патриарх Филарет в официальных (!) документах именовался «великим государем». Прочие подобные, даже отдаленно напоминающие этот, казусы в истории Русской церкви неизвестны. Очевидно, что это исключение лишь подтверждало общее правило: для России эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени непосредственная конвертация статуса в миру в статус в Церкви была нехарактерна.

³⁸ Следующий за Василием (Вассианом) по старшинству брат – кн. Иван – вошел в Думу, став боярином. Прочие братья тверского епископа – кн. Василий и Александр – в первой половине XVI в. также получали значимые военно-административные назначения.

Подводя итоги, зафиксируем, что рассмотренные фрагменты источников, если и не дословно воспроизводили реплики Вассиана (Патрикеева) и Иосифа (Санина), то во всяком случае в целом верно передавали их мироощущение. Эти выходцы из среды служилых людей высокого статуса (в первом случае исключительно высокого), даже приняв постриг, длительное время сохраняли по меньшей мере отдельные черты «картины мира», присущей «честным и благородным людям», свысока взирая на лиц (даже руководителей Церкви!), более низкого в социальном отношении происхождения. Некоторые другие иноки знатного происхождения (в частности, ростовский архиепископ «князь Асаф» Оболенский) также, как минимум, не скрывали свою родословную, которая наряду с церковными заслугами существенно повышала их «вес» внутри монастырских стен. Итоги рассмотрения вопроса о степени широты практики, которую фиксируют эти казусы, побуждают обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, речь шла об очень немногочисленной группе лиц. Приведенные примеры единичны и каждый по-своему уникален. Во-вторых, проанализированные фрагменты источников представляют собой не сочинения Вассиана и Иосифа, а изложение их взглядов противниками. Сами знаменитые полемисты в собственных многочисленных сочинениях предпочитали не афишировать свои социальные предпочтения, которые, впрочем, в той или иной мере были известны их современникам. В Русской церкви это было не только не принято, но и достойно осуждения. Приняв постриг, инок, если и не порывал с той средой, из которой вышел, полностью, то, по крайней мере, не должен был слишком явно демонстрировать свою связь с ней. Именно поэтому источники официального характера умалчивают о происхождении Вассиана (кн. Стригина Оболенского), Афанасия (кн. Палецкого), Филиппа (Колычева) и ряда других архиереев. Предусмотренный постригом разрыв с миром определял скудость известий источников о происхождении подавляющего большинства руководителей Церкви. Это показывает, с одной стороны, что в большинстве случаев уход от мира, понимаемого как совокупность социальных (в первую очередь, родственных) связей, в той или иной степени действительно имел место. С другой, наглядно демонстрирует ограниченность возможностей ученых при изучении персонального и тем более социального состава Освященного собора, сообщая соответствующим выводам значительную степень условности.

ИСТОЧНИКИ

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1958. 727 с. [Akty social'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi konca XIV – nachala XVI v. T. 2. M.: Izd. AN SSSR, 1958. 727 s.]
- Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. 496 с. [Drevnerusskie pateriki. M.: Nauka, 1999. 496 s.]
- Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1 / И.И. Срезневский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. IX с., 1420 стб., 49 с. [Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 1 / I.I. Sreznevskij. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1893. IX s., 1420 stb., 49 s.]

- Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2 / И.И. Срезневский. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1902. 15 с., 1802 стб. [Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 2 / I.I. Sreznevskij. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1902. 15 s., 1802 stb.]
- Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3 / И.И. Срезневский. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1903. 1684, 272 стб., 13 с. [Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 3 / I.I. Sreznevskij. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1903. 1684, 272 stb., 13 s.]
- Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 390 с. [Poslaniya Iosifa Volockogo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 390 s.]
- Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб.: Глаголь, 1994. 321 с. [Prepodobnye Kirill, Ferapont i Martinian Belozerskie. SPb.: Glagol', 1994. 321 s.]
- ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с. [PSRL. T. 15. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. 540 s.]
- СРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с. [SRYA XI–XVII vv. Vyp. 1. M.: Nauka, 1975. 371 s.]
- СРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с. [SRYA XI–XVII vv. Vyp. 9. M.: Nauka, 1982. 357 s.]
- СРЯ XI–XVII вв. Вып. 20. М.: Наука, 1995. 288 с. [SRYA XI–XVII vv. Vyp. 20. M.: Nauka, 1995. 288 s.]
- СРЯ XI–XVII вв. Вып. 24. М.: Наука, 2000. 254 с. [SRYA XI–XVII vv. Vyp. 24. M.: Nauka, 2000. 254 s.]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с. [Veselovskii S.B. Feodal'noe zemlevladenie v Severo-Vostochnoi Rusi. T. 1. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. 496 s.]
- Вовина В.Г. Церковные иерархи в XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 272–308. [Vovina V.G. Tserkovnye ierarkhi v XVI v. // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv. (Ocherki istorii). SPb.: Dmitrii Bulanin, 2006. 272–308.]
- Гадалова Г.С. Преподобный Макарий Калязинский: История почитания. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2020. 920 с. [Gadalova G.S. Prepodobnyi Makarii Kalyazinskii: Istoriya pochitaniya. Issledovanie i teksty. M.: Indrik, 2020. 920 s.]
- Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. 238–298. [Daikstra T. Inocheskie imena v Moskovskoi Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1479–1607) // Imenoslov. Istoricheskaya semantika imeni. Vyp. 2. M., 2007. 238–298.]
- Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с. [Zimin A.A. Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV – XVI v.). M.: Nauka, 1977. 356 s.]
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 348 с. [Zimin A.A. Formirovanie boiarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. M.: Nauka, 1988. 348 s.]
- Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 363 с. [Kazakova N.A. Vassian Patrikeev i ego sochineniya. M.; L.: Izd-vo AN SSS, 1960. 363 s.]
- Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. 336 с. [Kuz'min A.V. Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. T. 1. M.: Rukopisnye pamyatniki drevnei Rusi, 2014. 336 s.]
- Кучкин В.А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. 154–168 [Kuchkin V.A. Bol'shoi moskovskii namestnik Ivan Yur'evich Patrikeev // Otechestvennaya istoriya. 2006. № 1. 154–168.]
- Назаров В.Д. О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 189–206 [Nazarov V.D. O titulovannoi znati Rossii v kon-

- tse XV v. (Ryurikovichi i Gediminovichi po spisku dvora 1495 g.) // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1998 g. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. 189–206].
- Назаров В.Д. Софья Палеолог, князь Василий и князя Патрикеевы: (Заметки о политической борьбе в России в конце XV – начале XVI в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2013. Вып. 10. С. 74–81. [Nazarov V.D. Sof'ya Paleolog, knyaz' Vasilii i knyaz'ya Patrikeevy: (Zametki o politicheskoi bor'be v Rossii v kontse XV – nachale XVI v.) // Problemy istorii Rossii. Ekaterinburg: Volot, 2013. Вып. 10. 74–81].
- Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002. 415 с. [Pliguzov A.I. Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletiya. M.: Indrik, 2002. 415 s.].
- Пономарева И.Г. Преподобный Макарий Калязинский // Исторический вестник. 2001. № 12. 64–79 [Ponomareva I.G. Prepodobnyi Makarii Kalyazinskii // Istoricheskii vestnik. 2001. № 12. 64–79].
- Пономарева И.Г. Князь Иван Васильевич Стрига Оболенский // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2 (14). 129–144. [Ponomareva I.G. Knyaz' Ivan Vasil'evich Striga Obolenskii // Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2019. № 2 (14). 129–144].
- Синицына Н.В. Вассиан // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. 253–257. [Sinitsyna N.V. Vassian // Pravoslavnaia entsiklopediya. T. 7. M., 2004. 253–257].
- Усачев А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. 97–113. [Usachev A.S. Pochemu zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russkoi Tserkvi XVI v.? // Rossiiskaya istoriya. 2017. № 5. 97–113].
- Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 620 с. [Filyushkin A.I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: prosopograficheskoe issledovanie i germenevicheskii kommentarii k poslaniyam Andreyu Kurbskogo Ivanu Groznomu. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. 620 s.].
- Дыкстра Т.Е. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen: Sagner, 2006. 264 p.

Усачев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Российской государственной гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ; asuuas1@mail.ru

«Honest and Noble People» in the Russian Church of the 15th -16th Centuries: the Peculiarities of Self-Identification

The article deals with the peculiarities of the Russian landed gentry's self-identification in the 15-16th centuries after taking of monastic vows. The author shows that some of them (Vassian (Patrikeev), the Rostov archbishop Iosaf (Obolensky), Iosif Volocky) shared the worldview typical for the nobility. But in these cases, we face with the exception to the general rule. The long period of the church leaders' preparation (no less than 2-3 decades) usually had impact on weakening the ties with their social environment. That's why it is impossible to speak about the connection between their status in the world and in the Church.

Key words: Russian Church, church hierarchy, episcopate, identity, social history, mentality, nobility, 16th century

Andrei Usachev, Dr. Sc. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow State Institute of International Relations; asuuas1@mail.ru

РУССКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ
В ПОСОЛЬСКОМ ОТЧЕТЕ АРСЕНИЯ СУХАНОВА 1650 г.

В статье показано, что мотивация сербскими монахами в 1650 г. сожжения славянских книг на Афоне путем обращения к литературному источнику о негативном отношении греков к славянской письменности связана со сходством ситуаций середины XVII в. и времени Кирилла и Мефодия. Арсений Суханов, прекрасно зная литературные источники, не выдумал этот текст в публицистическом сочинении, каким представлялись в историографии его «Прения с греками о вере». Он изложил реальные обстоятельства дела в своем посольском отчете, где указанные сербами, русином и даже арабским иноком мотивы греков не играли существенной роли. Отчет, явивший нам пример русского и сербского книжного единства, превратился в публицистический памятник много лет спустя, в связи с Расколом Русской Церкви.

Ключевые слова: *сербь, болгары, греки, Русская православная церковь, славянская книжность, Арсений Суханов*

«Прения с греками о вере» – одно из самых ярких публицистических сочинений Раскола. Их автор Арсений Суханов обосновал превосходство Русской Церкви и ее обрядности над церковными обычаями Православного Востока. Важную роль в сочинении играет позиция славян, выступающих на стороне Руси. Однако реконструкция авторского текста показала, что все не так просто. Например, «Прения» дают интересный ответ на вопрос, всегда ли отражение древнего книжного сюжета в новом сочинении является признаком его заимствования, или связь литературы с реальностью может быть более сложной и жизненной.

Текст книголюба и археографа, сформировавшего основную часть библиотеки греческих книг патриаршего, ныне Синодального собрания рукописей Государственного исторического музея, отражает сразу две реальности: общности славяно-русской литературы и отношений русских, славян и греков в сравнительно независимых, политически и церковно, Молдавии и Валахии в 1650 г. Этим реальностям соответствуют две ипостаси автора: страстного любителя и собирателя книг с одной стороны, умелого администратора и отважного дипломата – с другой.

Пониманию их мешала третья, грубая и зримая реальность, сложившаяся после реформ Никона, когда церковная часть отчета Суханова в Посольский приказ стала, под именем «Прения с греками о вере», не докладом дипломата о защите суверенитета России за ее южным рубежом, но памятником внутренних русских споров. Причем настолько ярким, что до митрополита Макария, взявшего в руки сам посольский отчет Суханова¹, сочинение считали не принадлежащим перу Арсения и даже не относимым, по полноте приведенных в пользу старой веры аргументов, к XVII в. Эту третью реальность мы должны отбросить, так как Суханов не участвовал в российских спорах о вере ни на чьей стороне. Бо-

¹ Макарий 1882: 148–158.

лее того, он не оставил ни единого авторского сочинения, которое не было бы создано им по долгу службы, по заданию царя и патриарха.

Споры о вере в России плохо вписываются в образ дворянина, который начал службу архидиаконом (управляющим делами) всесильного царского отца, патриарха Филарета Никитича, продолжив ее и при патриархе Иоасафе II. Он активно участвовал в придворной жизни царствования Михаила Федоровича и самым жестким образом провел ревизию церковных обрядов в искавшей русской обороны Кахетии³. При третьем в его жизни патриархе, Иосифе, Арсений получил под начало Богоявленский монастырь и был направлен в Святую землю, но подал царю челобитную о продолжении дипломатической службы, как в Кахетии, и соискал статус царского посланника в Молдавии и Валахии⁴. Выполняя эту миссию, он добыл ценные документы и разведанные, а главное – выявил самозванца, которого Богдан Хмельницкий намеревался использовать как угрозу России. Лже-сына царя Шуйского Суханов буквально вырвал из когтей гетмана в его столице Чигирине, не сумев добиться его выдачи в Россию, но заставив выслать из Гетманщины. Второй, церковной частью этого захватывающего отчета и стал текст, известный впоследствии как «Прения с греками о вере»⁵.

Продолжив после аудиенции у царя миссию на Восток, Арсений совершил путешествие по восточному Средиземноморью, Святой земле и Закавказью. Согласно его Статейному списку 1651–1653 гг.⁶, где не помогали верительные грамоты властям, посол действовал, используя разные обличия и легенды. Образ разведчика, скачущего по Синайской пустыне на верблюде в арабском бурнусе, так же мало соответствует представлению о монахе-книжнике, как в его предыдущем посольском отчете образ всадника, дважды промчавшегося сквозь охваченные бунтом и эпидемией чумы земли Малороссии и Речи Посполитой.

Задание царя и патриарха было выполнено целиком, хотя детальный рассказ о состоянии веры и Церкви в Святой земле Арсений, упорно редактировавший в списках «Проскинитария» резкость своих выражений, готовил в Москве уже для царя и подчинившего его волю нового патриарха Никона⁷. Последний, отправив Суханова за древностями на

² Биография Суханова: Белокуров 1891.

³ Белокуров справедливо полагает, что именно Арсений, заменив заболевшего глазами руководителя церковной посольской миссии, составил Статейный список: РГАДА. Ф. 110. Сношения с Грузией. Оп. 1. Д. 4. 1637–1640 гг. Опул.: Белокуров 1884.

⁴ Дело Посольского приказа о миссии 1649–1650 гг., открывающееся челобитной: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 22.

⁵ Статейный список 1649–1650 гг.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 8. Опул., если восстановить последовательность текста: Белокуров 1894: 1–22, 216–218, 223–224, 23–101.

⁶ РНБ. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. № 317.

⁷ Последовательные авторские редакции: ГИМ. Синодальное собр. № 575, 574; беловик для переписки в подносных экземплярах: № 573. Цензурированное издание, включившее в приложения остальные сочинения Суханова, не отражает редактуры и точного конечного текста: Проскинитарий 1889. «Записка о чинах греческих

Афон, действовал мимо Посольского приказа. Арсений не получил царских грамот, а мы – отчета о том, как он в 1653–1655 гг. смог найти и закупить более полутысячи бесценных древних греческих рукописей из собраний афонских монастырей⁸. Далее службами Суханова были ответственные должности келаря (заведующего хозяйством) богатейшего Троице-Сергиева монастыря (1655–1660) и руководство Государевым Печатным двором (1661–1664). Скончался этот энергичный человек, в любое время находивший время читать книги (и делать на них пометы), при пятом на его веку патриархе Иоасафе II, в 1668 г.

С церковными спорами Арсения лишь однажды, и то напрасно, связал Епифаний Славинецкий. В Предисловии к никонианскому «Служебнику» 1655 г. он восхвалил археографический подвиг Суханова, благодаря которому новые справщики Печатного двора при патриархе Никоне якобы получили в древних греческих текстах авторитетную основу для исправления церковных книг⁹. Увы, справщиками этими были Арсений Грек, угодивший на Соловки благодаря добытым Сухановым сведениям о принадлежности того ко множеству религий, и лишь на время извлеченный из ссылки Никоном¹⁰, а также инок Евфимий Чудовский, тщетно пытавшийся переделать «Проскинитарий» Арсения в приемлемый для грекофилов текст¹¹. Добытые Сухановым греческие книги, сваленные без дела в подвале палат Никона¹², они точно не использовали¹³.

Избавив Арсения от склонности к публицистике, выдуманной староверами в XVII–XVIII вв., бурно редактировавшими на свой лад его «Прения», вернемся к реальным сторонам его личности, отразившимся в церковной части его посольского отчета 1649–1650 гг., который открывается заявлением сербских иноков о единстве славянской и русской обрядности. 30 марта 1650 г. братья молдавского подворья Афонского Зографского монастыря св. Георгия Победоносца, одного из трех древних славянских монастырей Святой горы, пожаловалась русскому послу на преследование греческими монахами Афона святой жизни сербского старца. Он жил в ските «и крестился крестным знаменем по московску», двумя перстами, чему и «прочих учил». Образцом ему служила сербская рукописная книга, возрастом в 130 лет, и три книги Государева Печатного двора: Кириллова книга (М., 1644), Многосложный свиток

вкратце», суммирующая наблюдения Арсения, сохранилась лишь в рукописной традиции. Она опубл. здесь и в изд.: Белокуров 1894: 103–114. №

⁸ Лишь возвращение Суханова в Москву зафиксировано, и то в деле Посольского приказа о приезде иноземных духовных лиц, а не как завершение миссии дипломата: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7163/1655 г. № 6. Лишь по пометам Суханова на доставленных в Москву на многих возах книгах этот подвиг много позже проследили ученые. – Белокуров 1891: 326–420; Фонкич 1977: 68–103.

⁹ Служебник. М., 1655. Л. 30–34.

¹⁰ Каптерев 1881.

¹¹ Этот опыт Евфимия: ГИМ. Синодальное собр. № 529. Л. 188–277.

¹² Беляев 1852. Опись 48 книг, взятых в 1658 г. на Печатный двор: с. 131–133. Но и они в редакции не использовались.

¹³ Подробно: Дмитриевский 2004.

(М., 1642) и Псалтирь со следованием (М., 1640, 1642 или 1647). Собранные из разных монастырей греки объявили сербскую и русские книги еретическими и сожгли. Старца же «сербина», разгоревшись «яростию велию», «хотели... сожечь с книгами. И на милость положили, что его не сожгли, а всяким жестоким смирением смиряли, и бесчестили и привели де его ко клятве, что впредь ему так не креститься и прочих не учить».

Рассказ сербской братии об этом событии весьма литературен. Они как будто сами читали сожженную книгу Кирилла Иерусалимского, «что печатана на Москве», по которой старец давал на греческом «соборе» ответ, что он крестится «как писал блаженный Феодорит, и Мелетий патриарх Антиохийский и, последуючи им, писал Максим Грек», известный греческий просветитель в России XVI в.

Но на этом демонстрация книжного единства сербов и русских не завершается. Описание состава преступления, каковым для посла было сожжение книг, напечатанных «государевым именем», продолжено рассказом о его мотивах. В рукописях Суханова, на которые я ссылаюсь, не отполированных редакторами-староверами в более чем 50 известных ныне списках, это прямая апелляция к русской книжной традиции XII–XVII вв. Приведу текст по впервые введенному в научный оборот черновому автографу «Прений»¹⁴ и его известному со времен митрополита Макария авторизованному списку, поданному Сухановым в Посольский приказ 9 декабря 1650 г.:

«Да тот же игумен говорил: греки де горды и нам сербом из давних веков ненавидны. Как де мы сербы и болгары крестились, и государи де наши посылали к ним, греком, чтоб оне нам преложили книги на словенской язык; и оне де нам отказали, ненавидя нас и чтоб им греком у нас быть во властех. И как де Бог дал нам Кирила философа, родился от отца болгарина, а от матери грекини, и навыв грамоте греческой и латинской и словенскому языку, и тот де Кирил ходил в Царьград, докладывал, чтоб ему поволрили сложить словенскую грамоту. И они де ему не поволрили и запретили. И он де ходил в Рим к папе Андреяну благочестивому, и папа де ему благословил. И как де Кирил грамоту словяном сложил. И греки де много искали, где б, сыскав его, убить. И Кирил де, то сведав, укрывался в дальних словянех, что ныне живут под цесарем, и там де и преставился. И папа де повелел мощи его взать в Рим и погреб его в Риме в церкви святых апостол. А брата де его Мефодия папа Андреян поставил епископа в Паннонии, иже ныне те словяне под цесарем и в Венграх. Да и до сех де мест нас ненавидят греки, что мы по словенским книгам чтем, и архиепископы, и митрополитов, и епископов и попов своих имеем; а им де хочется, чтоб все оне у нас владычествовали. И тое де ради гордости греки и царство свое потеряли, и в церковь де оне на конех ездили и причастие сидя на конех приимали»¹⁵.

Сопротивление греков утверждению славянской грамоты, которое припомнил Арсений, еще в начале XII в. живо описал составитель Повести временных лет, причем в том же контексте обоснования древности и независимости славяно-русской веры рассказом об апостоле Андрее,

¹⁴ Научное издание: Богданов 2020: 432–252.

¹⁵ Черновой автограф: РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. Оп. 1. № 659. Л. 348 об.–349; авторизованный список: там же. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 8. Л. 37–38.

какой мы видим в «Прениях» Суханова. Не затрагивая дискуссию о появлении славянской письменности и месте рассказа о ней в Повести, укажу лишь на отмеченную коллегами-летописеводами настойчивую апелляцию ее автора к единству языка западных и южных славян, дунайских болгар и Руси: «ибо был единым язык славянский»; «а славянский язык и русский один есть». Литературный источник здесь виден и в «Прениях», особенно когда в рассказе сербской братии, читавшей русские книги, возникает традиционное словосочетание «сербы и болгары».

Автор Повести временных лет подчеркнул конфликтность вопроса о славянской грамоте после создания Кириллом и Мефодием славянской азбуки и перевода ими на славянский церковных книг. Противники перевода «встали на них» и «начали хулить славянские книги, говоря, что недостойно никакому языку иметь азбуки своей, кроме евреев, греков и латин». По Повести на сторону братьев стал Римский папа (в то время, согласно «Прениям» Суханова, первый из благочестивых епископов, стоявший над четырьмя восточными патриархами). Папа выступил в защиту «книжного слова, что восхвалят Бога все языки»: «А если кто хулит славянскую грамоту, – изрек он согласно Повести, – да будут отлучены от Церкви, пока не исправятся; ибо те есть волки, а не овцы»¹⁶.

Этот текст из начала Повести временных лет актуализирует последующие статьи летописи, ставшей на века фундаментом русского летописания: об усилиях великих князей Владимира и Ярослава по насаждению славянской грамоты и воспитанию русского духовенства. Он сохранялся и углублялся в последующих летописных сводах, из которых Суханов использовал крупнейший – Никоновскую летопись в ее Троицкой редакции¹⁷, сводя ее рассказ с Хронографом Русским, что важно для понимания взглядов Арсения. К Хронографу он обратился в первую очередь, составив в 1650-х гг. его редакцию, к которой приплел и черновики своих «Прений»¹⁸. Следующую редакцию Хронографа, уже совмещенного с Никоновской летописью, Суханов редактировал в 1661–1663 гг.¹⁹

Создавая в 1516–1522 гг. первый на Руси хронографический свод, где история Руси и южных славян представлена как часть всемирной, «великий старец» Иосифо-Волоколамского монастыря Досифей Топорков развил описание конфликта греков и славян из Повести временных лет в статье «О преложении книг от греческаго языка на словенский»²⁰. В последующих редакциях Хронографа Русского этот текст был расширен добавлением статьи «О рождении и житии святого Кирилла фило-

¹⁶ Никитин 2006: 42–45.

¹⁷ Клосс 1980: 274–276.

¹⁸ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. Оп. 1. № 659. «Прения» приложены после нескольких чистых листов в конце кодекса, л. 348–360. Они написаны на более ранней бумаге, которую Суханов использовал в посольский миссии 1649–1650 г. для особо важных документов: Богданов 1989: 178.

¹⁹ РНБ. F.XVII.17.

²⁰ Полное собрание русских летописей (ПРСЛ). Т. 22. Ч. 1: 354. Источник этой статьи некоторые склонны видеть у чехов. – Флоря 1985: 125–127.

софа»²¹. Именно ситуацию, что была обрисована в Хронографе, игумен сербского монастыря в Молдавии и изложил Суханову как общее, русское и славянское мнение.

В Хронографе была предложена та же картина, что и в «Прениях», и тот же финал «гордости» греков. У Досифея Русское государство выступало, согласно отраженной в летописании концепции Московского царства, наследником великих держав прошлого, единственной в мире православной монархией, в которой царство и священство, слившись, образуют зерно будущего Вселенского царства Христа. Отпавший от правой веры католический Рим, констатировал автор, имеет духовный противовес только в лице православной Руси, покровительницы славян. Ведь греки, вслед за Римом, поколебались в православии. Поэтому турки, завершил Досифей повествование, и «попленили» все «благочестивые царства», кроме Русского. Именно это, с определенностью, присущей сочинениям XVII в., изложил Суханов в «Прениях с греками».

Обращение к Повести временных лет при осмыслении книжной основы «Прений» конкретизируется крупнейшей из ее наследниц, Никоновской летописью, созданной к началу 1530-х с участием митрополита Московского Даниила и под влиянием Хронографа Русского. Эта летопись, с Повестью временных лет в общем для большинства летописных сводов начале, развивала идею изложения русской истории в контексте мировой, в т.ч. истории славян²². Б.М. Клосс выделил среди ее источников ярко идеологически окрашенные труды плодотворно работавшего на Руси югославянского логофета (учителя), Пахомия Серб²³.

Но при чем тут Никоновская летопись и приведенные в ней труды Пахомия XV в., если нам интересен литературный контекст общения сербских монахов с Арсением Сухановым? Обычно историк ограничен общими суждениями, например, что Пахомиевская версия истории Иконы Богоматери Владимирской была во времена Арсения настолько популярной, что в кратких летописцах всеобщую историю доводили до Успения Богородицы, а русскую начинали перенесением ее чудотворного образа во Владимир (а то и сразу в Москву)²⁴. Или что оригинал Никоновской летописи с начала 1580-х хранился в Троице-Сергиевом монастыре, к братии которой принадлежал Арсений. Именно там текст свода был расширен, благодаря чему получилась его Троицкая редакция, и несколько раз переписан в годы, когда Суханов готовился к своим миссиям и осуществлял их.

Однако Арсений будто положил себе не оставлять никаких вопросов не только у современников, но и у историков. Хронограф Русский он в 1650-х гг. лично заказал переписать и до начала 1660-х гг. редактировал дважды, второй раз дополнив именно Троицкой редакцией Нико-

²¹ Попов 1869: 138.

²² ПСРЛ. Т. 9–14. О соотношении с Хронографом Русским: Клосс 1986: 157–177.

²³ Клосс 2001: 167–168.

²⁴ Богданов 2006.

новской летописи, расширенной по множеству источников. Во избежание сомнений в том, что он, в отличие от Никона, полностью разделяет взгляды Досифея Топоркова и митрополита Даниила, Арсений использовал «говорящие» дополнения. Например, он соединил Хронограф с летописью, ставшей популярной перед написанием им «Прений» «Историей о начале Русской земли и о создании Новаграда и откуда пошел род славянских князей», именуемой также «Сказанием вкратце, еще от коего колена поидоша словяне»²⁵.

По Суханову, древние славные «царства» начинаются от Потопа, и славяно-русское царство идет прямо от него через Афета, сына Ноя, и его правнуков Скифа и Казардана. Их потомки создали Великую Скифию, откуда вышли родоначальники славян и русских, князья Словен и Рус. «Сказание о Славене и Русе», как именуют использованное Сухановым сочинение исследователи²⁶, воплощало в рассказе с живыми деталями и датами (с ухода Славена и Руса на озеро Ильмень в 3099 г.) идею составителя Повести временных лет, описавшего происхождение славян и руси от Афета, а заодно и мысль из приписываемого митрополиту Илариону предисловия к Новгородской I летописи по Комиссионному списку о названии великих городов (Рима, Антиохии, Селевкии, Александрии и Киева) от великих царей и князей²⁷. Но древнейшей столицей Руси в «Сказании» и использовавшем его Хронографе Суханова стал не Киев, а Словенск (будущий Новгород).

Интересно, что и таким нестандартным построением Арсений попал в русло исторической мысли. Хронограф его второй авторской редакции вместе со списком Никоновской летописи был в 1670-х положен в основу крупнейшего патриаршего летописного свода²⁸. В те же годы приведенное им «Сказание» отразилось в фундаментальной Новгородской Забелинской летописи²⁹ и закрепилось в Хронографе Русском³⁰. Затем патриарший летописец Исидор Сназин с помощью расчета дат синтезировал начало славяно-русской истории (по Суханову, как и по Досифею Топоркову, идущей второй после мировой) с историей всемирной, где славяне и русы оказались... древнее Израильского царства³¹.

Популярность «Сказания о Словене и Русе» в образованном обществе XVII в. не ограничивается этими примерами, но здесь довольно заметить, что исторический миф о русских князьях, прямых потомках

²⁵ Согласно Своду 1652 г.: ГИМ. Музейное собрание. № 358. Ср. рукописи 1630–1640-х гг.: РГБ. Ф. 726. Собрание И.К. Андропова. № 2. Л. 135–139 об.; ГИМ. Собрание А.С. Уварова. № 1819. Л. 193 об.–202.

²⁶ Буланин, Турилов 1998.

²⁷ Никитин 2006: 17–22.

²⁸ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 351/800; РГБ. Ф. 556. Собрание Вифанской духовной семинарии. № 34. Клосс 1986: 280–295.

²⁹ См. автограф: ГИМ. Собрание И.Е. Забелина. № 261. Л. 220–223 об.; ср. л. 11–14 об., 223 об.–227.

³⁰ По списку Хронографа 1679 г.: Попов 1869: 442–447.

³¹ ПСРЛ. Т. 31: 11–36.

Ноя, вошел в общественное сознание россиян весьма прочно. Созданная в следующем столетии официозная «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» этим «Сказанием» без всяких сомнений открывалась³².

Итак, очевидно, что мотивы сожжения греками на Афоне сербской и русской книг были описаны Сухановым в полном соответствии с широко распространенными в России книжными представлениями. Но могли ли он вложить свои мотивы в уста сербской братии? Если бы «Прения» являлись, как считалось прежде, публицистическим сочинением – не только мог, но и должен был. Ведь тогда весь его спор с греками следовало бы воспринимать как Диалоги Платона, где Суханов берет на себя роль Сократа. Однако сегодня мы знаем, что перед нами Статейный список посла в Посольский приказ, который Арсений в этой последней, церковной части, трижды переделывал именно с целью уточнить важные детали отчета. Ложное описание ситуации в статейных списках посольств, мягко говоря, не приветствовалось, особенно в той документальной форме, которую в данном случае избрал посол.

Речь шла об обыском деле – устойчивой практике расследования преступлений без применения строгих мер дознания³³, путем опроса и очных ставок свидетелей³⁴. Оно начинается, как большинство следственных дел XVI–XVII вв., с извета, поданного письменно или записанного следователем, как в данном случае Суханов записал извет сербских монахов. Обыщиком, а говоря современным языком, следователем в «повальном обыске», мог выступать любой чиновник или даже выборный губной (уездный) староста. Суханов имел на это право, как официальный посол оскорбленного лица, государя Алексея Михайловича, в Молдавии и Валахии. Извет мог подтвердиться или нет, но сочинить его обыщик не мог. Так же, как и замолчать вскрытое изветом преступление с сожжением государевых книг, не только реально имевшее место, но и довольно широко известное.

О споре сербов с греками на Афоне и сожжении там книг Государева Печатного двора рассказал царским воеводам в Путивле чудовский иеромонах Пахомий, выехавший из Москвы вместе с Иерусалимским патриархом Паисием и Сухановым в 1649 г. Паисий, много лет скитавшийся в Молдавии и Валахии, и там поставленный в патриархи Святой земли, был прислан в Москву Богданом Хмельницким с заданием втянуть Россию в войну за Малороссию. Эта политическая история, в которой Арсений активно участвовал, отражена в первой части его Статейного списка. Здесь достаточно сказать, что монах Пахомий не являлся официальным лицом посольства Суханова. Он решил вернуться на Русь в тот момент, когда Арсений временно был в Москве и обсуждал со

³² Подробная летопись 1798: 1–12.

³³ В отличие от сыска.

³⁴ Самый известный пример – Угличское дело, применительно к которому эти нормы суммированы: Богданов 1993.

своим старым товарищем, думным дьяком Посольского приказа М.Д. Волошениновым, что делать с самозванцем, обнаруженным при гетмане Хмельницком. С доклада Арсения, проскакавшего ради него на коне тысячи верст, началась эпопея с отловом этого лже-Шуйского, на которую московским правительством были брошены значительные силы³⁵.

С Пахомием Суханов мог встретиться в Киеве. Тот, после доклада в Путивле 17 февраля 1650 г. как «гречане... московских и киевских людей ненавидят», прибыл в Москву и доложил о себе в Посольский приказ³⁶, когда Арсений был на пути из Киева в сербский монастырь на Васлуе. Факт сожжения московских книг в связи с осуждением за дуперстное крещение сербского монаха Дамаскина, попа Романа и ученика их Захарии отмечен и в славянской записи на рукописи афонского Хиландарского монастыря, завершающейся показательно: «Оле зла от лукаваго рода грчьскаго! Месяца маиа 28 велие безчестие сотворише васем срблем и блгаром»³⁷.

Итак, словосочетание «сербь и болгарь» в контексте «ненависти» к ним греков, которое заставило нас вспомнить о тексте, развивавшемся в Повести временных лет, Хронографе Русском и Никоновской летописи, отражает реальную ситуацию нападения афонских греков на общий обряд крупнейших славянских церквей. К тому же живой рассказ об этом ходил в 1649–1650 гг. на Афоне, в Молдавии и Валахии и уже попал в Москву до того, как 30 марта 1650 г. Суханов открыл обыскное дело, записав этот рассказ сербов первым изветом. Любой извет, записанный со слов, отражал видение ситуации следователем. Вряд ли можно корить Суханова за то, что, излагая слова сербов на русском языке, он придал им присутствующую в его сознании книжную форму. Тем более что сербы и сами вспоминали прецедент с атакой греков на славянскую книжность при Кирилле и Мефодии, в котором еще составитель Повести временных лет несколько раз подряд прибавлял к славянам русских. А тут как раз шла речь о сожжении сербской и трех русских книг. Древний конфликт воспроизводился с такой точностью, что нельзя винить исследователя, который заподозрил бы его литературность.

Однако старая книжная ситуация оказалась в 1650 г. в высшей мере реальной. Это Суханов установил в ходе обыска в столице Валахии Тырговиштах, найдя там нового и обвинителя, и непосредственного свидетеля событий, и конкретного виновного, давшего приказ сжечь сербскую и московские книги. Первым был учитель Григорий, русин, живший у Торговиштского митрополита Стефана, – хлебосольного владыки, который давал приют и славянам, и грекам, и даже православным арабам. 11 мая учитель известил Арсения, что Охридский епископ Даниил обещал расправиться с ним, русским послом, «в турской земле», в

³⁵ Богданов 2019.

³⁶ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157 г. № 9; Белокуров 1891: 199–200.

³⁷ Белокуров 1891: 203–206.

епархии Константинопольского патриарха. Но Суханов не считал нужным, записывая новый извет, остановиться на угрозе лично ему. Дело было в этих краях обычным. Сам Иерусалимский патриарх не мог проехать через епархию Константинопольского потому, что опасался от него убийства, а смог, как Суханов доложит в Москву в следующем Статейном списке, когда сам успешно подослал к нему убийц. Зато хвастливый рассказ Даниила о победе над сербским старцем Арсений записал, в передаче Григория, подробно:

«Во Афонской горе в *руском* (так! – *А.Б.*) монастыре старец так крестился по московским книгам. И старцы де святогорския собралися все и его, поставя пред собою, испытали. И он де говорил: как он крестится, так написано в московских печатных книгах. А мы де сербы и болгары с Москвою чем одне книги. И старцы де святогорския того старца предали турку, и турок де держав его в темнице многое время; и как де он турка освободился, и мы де его заклиаи; что впредь ему так не крестится и прочих не учить. А книги де московския присудил я (говорил Даниил. – *А.Б.*) сожечь на огне. И те де книги, у того старца взем, пожгли»³⁸.

Этому признанию епископа Даниила нашлись свидетели, и более того, очевидец самого события. Иерусалимский монах Амфилохий, прицавший греков и подтверждавший этим убеждение Суханова, что в Святой земле живут в основном не греки, но евреи и арабы, «а еросалимския старцы все арапы»³⁹, детально описал соборный суд и расправу афонских монахов в присутствии турок над «ересью» святого ученого старца Дамаскина и над его «еретическими» книгами. «И то де греки, – заключил Амфилохий, – зделали от ненависти, что тот старец от многих почитаем, а сербин он, а не грек; греки де хотят, чтоб всеми оне владели»⁴⁰. Поставленный перед патриархом Паисием и митрополитом Стефаном епископ Даниил почти слово в слово, как положено в обычном деле, подтвердил историю суда над иноком-сербом и сожжение 130-летней сербской книги. Паисий и Стефан, смущенные энергичным расследованием, от всяких слов о «ереси» отказались, а «епископу говорили: напрасно оне и тое книгу сожгли, понеже она на словенском языке, а не на греческом; а се она книга старинная». Как видим, факт выступления греков против негреческой книжности был подтвержден. От сожжения московских книг Даниил вначале отрекся наотрез, но в дальнейшем был уличен на очной ставке с арабом Амфилохием.

Как видим, заинтриговавший нас сюжет с обращением сербских монахов к истории зарождения славянской письменности и церкви, прославленной в русской книжности, был связан с признанным всеми участниками дела сходством культурной ситуации: прямой атакой греков на славянские книги. В отчете Суханова этот сюжет не нес деловой нагрузки. Не была для него основной и защита русского двуперстного крестного знамения, которая впоследствии сделала «Прения с греками о

³⁸ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 659. Л. 352 об.

³⁹ Там же. Л. 350.

⁴⁰ Там же. Л. 353 об.

вере» памятником публицистики староверов. В ходе обыскного дела задачами посла было установить виновных в оскорблении государева имени, напечатанного в сожженных книгах, и заставить греков отказаться от обвинения русских обрядов в ереси.

Обе эти задачи он немалыми трудами решил, гуманно выведя оппонентов из-под действия 1-й статьи 1-й главы Соборного уложения 1649 г., требовавшей за оскорбление русского православия одного наказания – сожжения виновных. Главный виновник оскорбления государственной чести был найден и изобличен. Но вне вопроса об обвинении русского православия в ереси его наказание, как и наказание исполнителей, афонских монахов, было делом лично царя Алексея Михайловича, молодого, но широко известного щедростью и добротой к заезжим искателям милостыни с Православного Востока. Вовсе не желая никого пугать, Арсений разъяснил это обстоятельство свидетелям и участникам обыска, и был вознагражден заявлением патриарха Паисия: «напрасно де таким врагом государь царь и милостиню дает; прямо де мы тое своей ради гордости и царство свое погубили. За што де было книги жечь?»⁴¹. Таким образом, Арсений выполнил свой долг царского посла и расследовал дело, разрешив реальный, хоть и древний и в высшей мере литературный спор максимально мирно.

Третья задача, – решая которую Суханов объяснил официальное понимание теории «Москва – Третий Рим»⁴², что поставило его сочинение в центр фундаментального исследования Н.Ф. Каптерева, изучавшего жизнь выраженных Арсением идей и до него, и после него⁴³, – возникла уже *после* окончания обыска и по другому поводу. Греки, возмущенные участвовавшим перекрещиванием их на Руси⁴⁴, выдвинули и отстаивали право четырех вселенских патриархов *указывать* царю Великой России и Московскому патриарху, а не *советовать* им, как предлагал сформулировать посол.

Обязанный отвечать на выпады против чести и суверенитета России, Суханов объяснил, что главой мирового православия был и остается «царь православный», единый в подсолнечной и освещающий благочестием всю вселенную, – царь Алексей Михайлович. Что Московский патриарх с его четырьмя митрополитами и богатой Церковью есть законный наследник первых благочестивых римских пап, а после их падения – патриарха второго Рима, Цареграда, бывшего главным святителем при православном царе. Что вся святость мира перешла на Русь. Что Константинопольский и др. восточные патриархии повторили судьбу избранного народа Израиля: утратили благочестие и растоптаны завоевателями. Что греки никогда не были и не являются «источником веры всем», в т.ч. славянам и Руси.

⁴¹ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 659. Л. 353.

⁴² Богданов 2020а.

⁴³ Каптерев 1885.

⁴⁴ Опарина 2004.

«Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, яко се ныне Господне слово евангелское (Мф. 19: 30. – А.Б.): збылося на вас. Были вы первии, а ныне стали последни. А мы были последнии, а ныне первии», – заключил Арсений. В контексте «Прений» это явная отсылка к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона 1051 г., но и в этом случае нет сомнения, что всей душой любивший книжность посол реально произнес то, что записал в отчет.

После Суханова официально сформулированные им идеи стали основой развития русской государственной концепции⁴⁵. Но это уже другая история.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч. I–II. Москва: 1891, 1894. 440 и 288 с. [Belokurov S.A. Arsenij Suxanov. Part I–II. Moscow: 1891, 1894. 440, 288 p.]
- Белокуров С.А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640 гг.) // Христианское Чтение. 1884. № 3–4. С. 443–488. [Belokurov S.A. Poezdka starca Arseniya Suxanova v Gruziju // *Christianskoe Chtenie*. 1884. № 3–4. p. 443–488.]
- Беляев И.Д. Переписная книга домового казны патриарха Никона // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 15. Москва: 1852. Отд. II. С. 1–136. [Belyaev I.D. *Perepisnaya kniga domovoj kazny' patriarxa Nikona*, in *Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskix*. Kn. 15. Moscow: 1852. Otd. II. P. 1–136.]
- Богданов А.П. Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. М., 2020а. С. 72–85. [Bogdanov A.P. *Pochemu «Tretij Rim»? Arsenij Suxanov o meste Rossii v mirovom pravoslavii* // *Dialog so vremenem*. 2020. V. 70. M., 2020a. S. 72–85.]
- Богданов А.П. «Прения с греками о вере» 1650 г. Отношения Греческой и русской церкви в XI–XVII вв. М.: Академический проект. 2020. 563 с. [Bogdanov A.P. «*Preniya s grekami o vere*» v russkom derzhavnom samosoznanii. M.: Akademicheskij projekt. 2019. 760 p.]
- Богданов А.П. Обыкновенное дело о смерти царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года // История и палеография. Сб. статей. Москва: ИРИ РАН. 1993. С. 176–236. [Bogdanov A.P. *Oby' sknoe delo o smerti czarevicha Dimitriya v Ugliche 15 maya 1591 goda*, in *Istoriya i paleografiya*. Sb. statej. Moscow: IRI RAN. 1993. P. 176–236.]
- Богданов А.П. Прения с греками о вере Арсения Суханова и Малороссийские дела // Историческое обозрение. Вып. 20. Личность в историческом процессе. М., 2019. С. 45–55. [Bogdanov A.P. *Preniya s grekami o vere Arseniya Suxanova i Malorossijskie dela*, in *Istoricheskoe obozrenie*. 2019. V. 20. *Lichnost' v istoricheskom processe*. M., 2019. P. 45–55.]
- Богданов А.П. Теория «Москва – центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М.: Наука, 2006. С. 91–111. [Bogdanov A.P. *Teoriya «Moskva – centr mira» v derzhavnoj koncepcii i u kratkix letopiscev XVII veka*, in *Evropejskie sravnitel' no-istoricheskie issledovaniya*. Vyp. 2. *Geografiya i politika*. M.: Nauka, 2006. P. 91–111.]
- Буланин Д.М., Турилов А.А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 1998. С. 444–227. [Bulanin D.M., Turilov A.A. *Skazanie o Slovene i Ruse*, in *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Vyp. 3. Ch. 3. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin. 1998. P. 444–227.]
- Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М.: Языки славянской культуры. 2004. 160 с. [Dmitrievskij A.A. *Ispravlenie knig pri patriarxe Nikone i posleduyushhix patriarхах*. M.: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*. 2004. 160 p.]
- Каптерев Н.Ф. Следственное дело об Арсении Греке и его ссылке в Соловецкий монастырь // Чтения в обществе любителей древней письменности. 1881. Июль. С. 70–96. [Kapterev N.F. *Sledstvennoe delo ob Arsenii Greke i ego ssyl' ke v Soloveczkiy monasty' r'*, in *Chteniya v obshhestve lyubitel'ej drevnej pis'mennosti*. 1881. Ijul'. P. 70–96.]
- Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Москва: 1885. 460 с. [Kapterev N.F. *Harakter otnoshenij Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyah*. Moscow: 1885. 460 p.]

⁴⁵ Богданов 2020: 362–406.

- Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II. Москва: Языки славянской культуры. 2001. 488 с. [Kloss B.M. Izbranny'e trudy. T. II. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 2001. 488 p.]
- Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука. 1980. 312 с. [Kloss B.M. Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov. M.: Nauka. 1980. 312 p.]
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. XI. Москва: Тип. Добродеева, 1882. XVI+629 с. [Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istoriya Russkoj cerkvi. T. XI. Moscow: 1882].
- Никитин А.Л. Текстология русских летописей (XI – начала XIV вв.). Вып. I. М.: Минувшее. 2006. 400 с. [Nikitin A.L. Tekstologiya russkix letopisej (XI – nachala XIV vv.) V. I. Moscow: Minuvshee. 2006. 400 p.]
- Опарина Татьяна Анатольевна. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Москва: 2004. Вып. II–III. С. 288–325. [Oparina T.A. «Ispravlenie very grekov» v russkoj cerkvi pervoj poloviny XVII v., in Rossiya i Xristianskij Vostok. Moscow: 2004. Vy'p. II–III. P. 288–325].
- Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. 1. СПб., 1798. [Podrobnaya letopis' ot nachala Rossii do Poltavskoj batalii. Ch. 1. SPb., 1798].
- Полное собрание русских летописей. Т. 9–14. СПб., 1862–1910. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. Т. 31. Москва: Наука. 1968. [Polnoe sobranie russkix letopisej. T. 9–14. SPb., 1862–1910. T. 22. Ch. 1. SPb., 1911. T. 31. Moscow: Nauka. 1968].
- Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Москва: 1869. [Popov A.N. Izbornik slavyanskix i russkix sochinenij i statej, vnesenny'x v xronografy russkoj redakcii. Moscow: 1869.]
- Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Хрисанфа Мефодиевича Лопарева. // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). Санкт-Петербург: Православное Палестинское о-во, 1889. [Proskinitarij Arseniya Suxanova s risunkami i planom: 1649–1653. Podgot. teksta Xrisanfa Mefodievicha Lopareva // Pravoslavnyj palestinskij sbornik. T. 7. Vy'p. 3 (21). Sankt-Peterburg: 1889.]
- Флоря Б.Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. XLVI (1985). С. 125–127. [Florya B.N. Skazanie o prelozhenii knig na slavyanskij yazyk. Istoczniki, vremena i mesto napisaniya, in Byzantinoslavica. XLVI (1985). P. 125–127].
- Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М.: Наука. 1977. 247 с. [Fonkich Boris Lvovich. Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. Moscow: Nauka. 1977. 247 p.]

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; bogdanovap@mail.ru

Russian and Slavic Orthodoxy in the ambassadorial report of Arseny Sukhanov 1650

The article shows that motivation ascribed by Serbian monks in 1650 to the fact of burning Slavic books on Mount Athos by referring to literary source about negative attitude of Greeks to Slavic booklore is associated with similarity of the situation of the middle of 17th century and of the time of Cyril and Methodius. Arseny Sukhanov, who had a good command of the Slavs literary sources, did not invent this text in a pamphlet, as his «Debate with the Greeks about Faith» was often presented in historiography. He described real circumstances of the case in his ambassadorial report, where motives of Greeks, indicated by Serbs, Rusin and even Arab monk, did not play a significant role. The report, which provided us with an interesting example of shared Russian and Serbian literary tradition, turned into a pamphlet many years later, in connection with the Schism of the Russian Church.

Key words: Serbs, Bulgarians, Greeks, Russian Orthodox Church, Slavic booklore, Arseny Sukhanov

Andrey Bogdanov, Dr.Sc (History), Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; bogdanovap@mail.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ (по материалам дискуссий британских историков)

Статья посвящена анализу дискуссий в британской историографии по проблемам Реформации и её воздействию на английское общество. Данная проблематика рассматривается в контексте различных методологических подходов, актуальных в разное время и в разных направлениях исторической науки. Это позволяет исследовать английскую Реформацию с самых разных ракурсов, от политического до культурно-антропологического, что помогает создать её комплексную картину.

Ключевые слова: *Реформация, церковь, англиканство, пуритане, католицизм, народная культура, священные*

Традиционно в исторической науке Реформация рассматривается как один из переломных этапов эволюции европейских обществ и государств, наряду с Возрождением, Просвещением, буржуазными революциями, появлением индустриального производства и т.п. В последней четверти XX в. картина Реформации (и сопутствовавшей ей Контрреформации) была успешно дополнена понятием «конфессионализация», предложенным немецкими историками и охватывающим всю совокупность процессов разделения европейского христианства на разные ветви в их связи с глубокими политическими трансформациями внутри самих государств. Исходя из этого, можно утверждать, что Реформация (и конфессионализация) является одной из важнейших «точек сборки» будущих европейских наций, представляя собой ступень, предшествовавшую складыванию секулярно-буржуазных наций в XIX в. Отличие этой ступени заключается прежде всего в том, что данные процессы происходили в переходном обществе, ещё не выработавшем секулярные ценности как основополагающие, ввиду того, что позиции религии и церкви оставались доминирующими как в политической жизни, так и в сфере ментальности и культуры. Поэтому для данного периода можно говорить о постепенном обмирщении социума посредством распространения книгопечатания и проистекавшего из этого роста грамотности, урбанизации и развития капиталистических форм хозяйствования, подъёма протестантских вариантов вероисповедания, основывающихся на более рациональном понимании религии и её индивидуализации, что отражало тенденции социальной эволюции от средневекового коллективизма и корпоративности в направлении буржуазного индивидуализма. Таким образом, эта эпоха была очень сложным временем модернизации европейского общества, затрагивавшей практически все аспекты его жизни, и, как и всякий переломный период, сопровождалась многочисленными и острыми конфликтами разного рода – войнами между государствами и конфессиями внутри них, преследованиями еретиков, инакомыслящих, религиозных меньшинств, борьбой государства с церков-

ными структурами (зачастую – с корыстными целями в виде контроля над финансовыми и земельными ресурсами). При этом, современные исследователи конфессионализации не склонны противопоставлять Реформацию и Контрреформацию, так как видят в них две стороны одного и того же процесса модернизации общества¹. При этом в Англии реформационный курс был реализован без скатывания в пучину кровавых религиозных войн, как во Франции и Германии. Англиканская королевская Реформация стала своего рода оптимальным «средним путём», который, с одной стороны, исходил из социокультурных реалий страны, а, с другой, намечал выгодный для государства курс лавирования между католической оппозицией, протестантскими радикалами в лице кальвинистов (пуритан) и пассивной массой простонародья.

Тем не менее, английская Реформация долгое время рассматривалась историками относительно схематично, как и аналогичные процессы в других странах, что было обусловлено господствовавшими в тот или иной период методологическими подходами. Настоящий прорыв произошёл лишь во второй половине XX в., когда наряду с прежними подходами на арену вышли новые, в т.ч. культурно-антропологический и ряд других. Этот процесс ознаменовался интенсивной полемикой между разными историографическими школами, прежде всего либеральной и ревизионистской (консервативной), а в последней трети XX в. в этих дискуссиях стали появляться всё новые участники.

По мнению либеральных британских историков XX в., в качестве наиболее известных из которых можно упомянуть, например, А. Дж. Диккенса, Т. Паркера, английская Реформация имела свои дальние и заблаговременные идейные предпосылки ещё в позднем Средневековье в лице сначала Дж. Уиклифа, а затем еретического движения лоллардов. Несмотря на систематические преследования и репрессии со стороны властей, лолларды сумели сохранить какие-то локальные сообщества, чему способствовала общая анархия времён войн Роз, в ходе которых властям было попросту не до еретиков. Эти сообщества включали в себя как неграмотных представителей трудящихся классов, так и мелкое духовенство, торговцев, учителей, интеллектуалов из Оксфордского университета. Они предпринимали первые попытки перевода Библии на английский язык, хотя окончательный, печатный вариант перевода был представлен уже в 1520-е гг. У. Тиндейлом. Будучи демократическим по характеру движением, лолларды выступали против церковной организации и иерархии, в целом приближаясь к типичному для протестантизма идеалу общения верующих с Богом напрямую, без официальных посредников. Лолларды, невзирая на участвовавшие при ранних Тюдорах гонения, относительно благополучно просуществовали до 1540-х гг., а потом стали постепенно сходить с набравшим популярность лютеранством, завезённым с континента².

¹ Schilling 1981: 17; 1988: 274; Wohlfeil 1982: 43. Schulze 1987: 267. Reinhard 1983.

² Dickens 1973: 41-46, 47-50, 132-137, 51-55.

Лютеранство распространялось в Англии в 1520-е гг. благодаря атмосфере неформальных интеллектуальных сообществ, которые стихийно формировались из образованных людей как духовного, так и светского звания, недовольных архаичским примитивизмом церковной жизни, её ритуалов, рассчитанных на неграмотное простонародье, и финансовой выгодой, получаемой иерархами церкви из этого, по их мнению, спектакля. Католицизм, с их точки зрения, морально устарел. Интеллектуалы ощущали духовную потребность в просвещённой церкви, в более глубоком умственном наполнении религиозной жизни. Международные связи интеллектуалов в виде переписки и зарубежных поездок облегчали как заимствование новых идей, так и доставку сопутствующей литературы на родину, а триумфальное шествие книгопечатания ставило воплощение этой задачи на поток. Лютеранство проникало в Англию из Германии, попутно обогащая общественную мысль идеями итальянских и нидерландских гуманистов³. По всей видимости, неслучайно идеи протестантизма быстрее укоренились в юго-восточных и восточных областях страны, что было связано с их более высоким уровнем социально-экономического развития и географической близостью к морским выходам в Европу, тогда как в других регионах были более устойчивыми прежние традиции и сильна католическая оппозиция⁴.

С другой стороны, важной группой предпосылок к Реформации являлись трения между светской властью и папским престолом, периодические возникавшие на протяжении многих веков и имевшие в своей основе, как правило, вопросы финансового и административного контроля. Очередной виток подобных трений во второй четверти XVI в. совпал с двумя актуальными факторами: во-первых, с процессом роста и укрепления национальных монархий в Европе, набравшим силу ещё с позднего Средневековья, а, во-вторых, недовольством английского общества персоной папского легата кардинала Уолси, фактически возглавлявшего правительство и непопулярного из-за чрезмерных претензий на власть и коррупции⁵. Затруднения в бракоразводном деле Генриха VIII с Екатериной Арагонской, связанные с недостаточными, по мнению короля, усилиями легата, были, по сути, лишь катализатором общего недовольства его деятельностью, а отнюдь не волюнтаристской причиной начала Реформации, как это до сих пор нередко позиционируется даже в школьных учебниках. Анализируя обширные пакеты законов, изданных в начале 1530-х гг. правительством Т. Кромвеля и поддерживаемых со стороны церкви архиепископом Кентерберийским Т. Кранмером, нетрудно заметить, что все они так или иначе касались переподчинения и подконтрольности административной власти, судов и финансовых потоков в пользу короны. Провозглашение королевской супрема-

³ Dickens 1973: 80-82, 85-89, 99, 444-445, 56, 90, 92, 105-112, 101-105, 122-125.

⁴ Dickens 1973: 353-357; Reform and Reformation... 1979. Ерохин 2016: 74, 77, 87; The English Reformation revised... 1990: 94-100.

⁵ Dickens 1973: 60, 63-65, 68, 152, 154. Ерохин 2016: 75.

тии в 1534 г. было закономерным воплощением этой тенденции. Основными бенефициарами в этой ситуации оказались представители джентри, успешно скупавшие земельные ресурсы упраздняемых монастырей, и королевская казна, тогда как массы простых верующих не вникали в тонкости церковной реформы. Что же касается идеологического оформления реформы в духе умеренного пути, избегающего радикализма континентальных протестантов, по всей вероятности, позиция королевской власти здесь исходила также в основном из задачи сохранения эффективного контроля над управлением Англией, стабильности и подчиняемости общества, на что указывал в своих трудах, в частности, известный британский историк Дж. Элтон⁶. Это нашло своё выражение в позаимствованной у известного гуманиста Ф. Меланхтона идее *adiaphora*, предполагавшей гибкую адаптацию церковных порядков к реальным условиям той или иной страны и эпохи⁷. Английская Реформация, таким образом, целенаправленно шла по пути размежевания с радикальными ветвями континентального протестантизма, в частности, анабаптизма и кальвинизма⁸. Некоторые либеральные историки рассматривают деятельность Генриха VIII в области реформы церкви как конституционную реформу, продуманную вполне со светских, рациональных позиций и с практическими целями⁹. В то же время имела место стихийная «реформация общества снизу», выражавшаяся в основном в распространении пуританских, кальвинистских по духу взглядов¹⁰. В результате этого даже частичный ренессанс католицизма в правление Марии Тюдор (1553–1558) и развернувшиеся репрессии против протестантов имели характер скорее эпизодических преследований отдельных лиц и групп. Хотя в восприятии современников число их жертв представлялось значительным, этот процесс отнюдь не прервал постепенное упрочение протестантизма в Англии. Даже организованные восстания против Марии были вызваны во многом скорее неприязнью к испанцам из её окружения и союзу с Испанией в свете ухудшавшейся военно-политической обстановки, а не религиозными мотивами как таковыми¹¹.

Окончательное утверждение протестантизма в стране в форме англиканства, происходившее при Елизавете I и завершившееся, по мнению А. Дж. Дикенса, около 1604 г. с официальным признанием труда Р. Хукера «Законы церковного устройства»¹², протекало в условиях идейной полемики с влиятельным в английском обществе кальвинизмом (пуританством) и сохранявшимся католицизмом, традиций которого придерживались и многие представители знати¹³. Причиной победы

⁶ Dickens 1973: 159-161, 167-169, 353-357; Ерохин 2016: 49-51, 77-78.

⁷ Dickens 1973: 117, 251-252, 426.

⁸ Dickens 1973: 345-349, 351-352.

⁹ Ерохин 2016: 77-78.

¹⁰ The English Reformation revised. 1990: 26-27. O'Day 1986: 20.

¹¹ Dickens 1973: 357, 360-363, 365-366, 368, 371, 425; Ерохин. 2016: 65.

¹² Dickens 1973: 426-428.

¹³ Подробнее эта проблематика освещена в работах А.Ю. Серёгиной.

англиканства была быстрая секуляризация общества, в ходе которой начинался постепенный процесс разделения религии и науки, увлечение образованных слоёв общества научными знаниями, новым осмыслением окружающего мира. Англиканский вариант развития церкви находил поддержку как у представителей духовенства, так и у мирян своим компромиссным характером. Этот «средний путь» оказался действительно наиболее эффективным с точки зрения сохранения стабильности, преемственности, демонстрируя, по меткому выражению А. Дж. Диккенса, «инстинкт нации в стремлении к самосохранению»¹⁴. Кроме того, он позволял относительно успешно лавировать на внешнеполитическом поле между католическими и протестантскими странами, основательно увязшими в пучине бесконечных военных и дипломатических конфликтов. Таким образом, с точки зрения либеральной британской историографии, англиканство было оптимальным путём обновления духовной жизни, избегающим резких потрясений и расшатывания традиционных основ общества. Также логичным кажется вывод о том, что королевская Реформация была отчасти подготовлена в духовном смысле «народной Реформацией», т.е. стихийным распространением протестантских идей в широких массах населения, что создавало позитивный базис для реформы церкви на общегосударственном уровне¹⁵.

Вместе с тем, критика этой стройной концепции, получившей своё выражение в трудах либеральных историков, началась фактически ещё на рубеже XVIII–XIX вв., когда католическое меньшинство в Англии получило равноправие и свободу слова, хотя процесс этот был долгим по времени (1778–1829). Католические историки и публицисты, разумеется, оценивали английскую Реформацию в негативном ключе, заостряя внимание, в частности, на том, что она фактически обслуживала нарождающийся капитализм и принесла ещё большее социальное расслоение и угнетение бедных богатыми, являясь во многом антигуманной. Подобные взгляды высказывались, например, У. Коббеттом в капитальном труде «История протестантской Реформации в Англии и Ирландии» (1824–1827), Ф. Оукли, У. Дж. Уордом¹⁶. Во второй половине XX в. критика либеральной концепции Реформации сосредоточилась в среде т.н. ревизионистского (консервативного) направления в историографии, получившего развитие к 1980-м гг., в частности, в работах Ч. Хейга.

Критика либерального направления основывалась на применении иных методологических подходов к познанию прошлого. Либеральных историков упрекали в прямолинейно-прогрессистском, предельно рационалистическом видении истории, бравшем своё начало в эпохе Просвещения и её ценностях. С точки зрения такого подхода, история состоит в поступательном движении от архаики к более прогрессивным ступеням, что выражается в масштабных изменениях на манер той же

¹⁴ Dickens 1973: 451.

¹⁵ Ерохин 2016: 88.

¹⁶ Ерохин 2016: 84–86.

Реформации, имеющих под собой объективно обусловленные основания в виде социально-экономических и культурных предпосылок и затрагивающих массовые процессы и институты, без учёта той ментальности, которая могла определять жизнь и чаяния людей прошлого¹⁷. Характерным примером подобного видения можно назвать существование понятия «Средние века», изобретённого итальянскими мыслителями эпохи Ренессанса, тогда как сами средневековые люди в подавляющем большинстве не подозревали об этом и жили привычной им жизнью. Аналогичные упрёки ревизионисты предъявляли и либеральным историкам Реформации, которые, по их мнению, стремились выискивать масштабные объективные закономерности, тогда как многие исторические процессы по сути своей случайны, и, чтобы их понять необходим индивидуализирующий подход, который рассматривает явления и течение жизни прошлого т «как она есть». В этой методологической схеме можно усмотреть отсылки к консервативным немецким историкам XIX в., причём не столько к Л. Ранке, сколько, пожалуй, к «исторической школе права», а также в чём-то и к идеям Л. Толстого, изложенным в заключении к «Войне и миру»¹⁸. Для британских ревизионистов методологическим вдохновителем послужил М. Оукшотт, заострявший внимание как раз на упомянутых проблемах исторического познания¹⁹. Либеральная концепция истории английской Реформации фактически продолжала линию официальной протестантской историографии, основы которой были заложены Дж. Фоксом в работе «Деяния и памятники английской церкви» (1563), апологизируя мудрую политику государства и прогрессивный характер англиканства. То есть, по сути это был официальный дискурс, подкрепляющий государственную идеологию и её ценности²⁰.

По мнению ревизионистов, реформацию в Англии следует рассматривать не как объективный модернизационный процесс, а как совокупность относительно случайных, нелинейных казусов, понять суть которых помогает более тщательное обращение к локальной и политической истории. Так, например, можно выяснить, что подавляющее большинство верующих накануне Реформации вряд ли глубоко ощущало потребность в изменениях духовной и церковной жизни, вполне довольствуясь существующими традициями, плотно вплетавшимися в ткань народной культуры на протяжении веков, и авторитетом местных священников, бывших неотъемлемой частью местных сообществ²¹. Для народных масс официально транслируемая сверху Реформация означала скорее отказ от привычного уклада духовной жизни, обострение культурных противоречий, приводила к недовольству новыми священника-

¹⁷ Ерохин 2016: 91, 97; Haigh 1993: 14, 16; Elton 1974-1983, vol. II: 164-169; Оукшотт 2002: 129-130, 140, 142-143; Thomas 1971: 27-188; Bossy 1985: 1-75.

¹⁸ Толстой Л.Н. Война и мир. (Т. 7. М., 1958): 310-356.

¹⁹ Никоненко 2003: 694-699. Haigh 1993: 18-20.

²⁰ The English Reformation revised. 1990: 1.

²¹ Thomas 1971: 27-188. Bossy 1985: 1-75. Ерохин 2016: 102-103, 105. The English Reformation revised. 1990: 5-6, 210-211, 213.

ми и практикой малопонятного им протестантского вероучения. В частности, многих не устраивало усиление морализаторского курса новой церкви в борьбе с обычными бытовыми пороками населения²². Говорить о стихийной массовой «Реформации снизу» можно с большими оговорками, так как её проявления были локальными и отнюдь не повсеместными²³. Собственно, даже некоторые популярные критики католической церкви не являлись протестантами, оставаясь в рамках католицизма, как, например, известный гуманист Дж. Колетт²⁴. Вместе с тем, даже на уровне высших классов английского общества утверждение протестантизма, по мнению ревизионистов, происходило не столько по идейным и уж тем более объективно заданным причинам, сколько в результате борьбы различных группировок за власть вокруг трона, и было в достаточной мере ситуативным, зависимым от политического курса тех или иных лидеров, в т.ч. самих правящих монархов, являясь, таким образом, колебаниями текущей политической конъюнктуры²⁵. Для монархов религия была инструментом управления и контроля над обществом, а также средством внешней политики. У отдельных социальных групп были свои прагматические интересы – например, светские юристы были заинтересованы в отеснении церковных судов из сферы судопроизводства, и т.д.²⁶ Фактически, полноценное утверждение англиканства произошло только к концу XVI в., когда с подачи государства были в достаточной мере подготовлены соответствующие кадры для церкви на местном уровне²⁷. До тех пор, по всей вероятности, большинство населения занимало пассивно-выжидательную позицию, не имея возможности влиять на политику двора. В отличие от радикально настроенных меньшинств, таких как пуритане или, наоборот, католические оппозиционеры, основная масса населения, относилась к тем, кого с некоторой иронией называли «приходскими англиканами», попросту выполняющими навязанные сверху ритуалы так же, как раньше они выполняли католические²⁸. В целом, сама Реформация в Англии у ревизионистов выглядит как прерывистая цепь отдельных этапов, проводившихся на протяжении более 30 лет, и целиком зависевшая от изменений в политической обстановке как в верхах, так и в Европе вообще²⁹.

Один из «ревизионистов» Дж. Скарисбрик, работавший с обширными массивами документов, особенно завещаний, пришёл к далеко идущему выводу о том, что протестантизация Англии явилась следствием проводимой государством Реформации, а отнюдь не предпосылкой.

²² Wrightson, Levine 1979: 119, 126-127. Wrightson 1980: 209-212. The English Reformation revised. 1990: 214.

²³ Ерохин 2016: 105.

²⁴ Dickens 1973: 99. Ерохин 2016: 73.

²⁵ The English Reformation revised. 1990: 2-3, 5-6, 56.

²⁶ The English Reformation revised. 1990: 65. . Ерохин 2016: 109-110.

²⁷ Collinson 1984: 176-194.

²⁸ Haigh 1993: 290-292.

²⁹ Ерохин 2016: 112-117. The English Reformation revised: 15. Haigh 1993: 14-16, 20-21.

Большинство простых верующих приняло её скорее по привычке лояльности государству и монарху, не вполне понимая её сути. Массового недовольства католицизмом в Англии накануне Реформации не наблюдалось ввиду отсутствия ярко выраженного клерикализма в обществе и относительно спокойного характера традиционной религиозности населения. Многие священнослужители легко «переквалифицировались» из католических в англиканских, ибо это мало меняло их привычный статус³⁰. Государство же проводило Реформацию с корыстными и прагматическими целями, в частности – с целью овладения земельными и финансовыми ресурсами католической церкви. Всё это наводит исследователя на мысль о том, что историческая судьба Реформации в Англии вовсе не была однозначной, и страна вполне могла вернуться к католицизму, например, в правление католички Марии Тюдор, поскольку население не выражало активной позиции в этом вопросе. Интересно, что к аналогичным выводам приходит и ряд немецких учёных, анализировавших ситуацию накануне и во время Реформации в Германии. К негативным последствиям упрочения протестантизма Скарисбрик относит кризис коллективной солидарности среди населения, предоставляемой католицизмом с его соборными ритуалами и дававшей человеку чувство социальной защищённости, хотя индивидуализация веры в англиканстве и не была столь жёсткой, как в кальвинизме³¹.

В схожем ключе рассматривает английскую Реформацию И. Даффи, который видит в государственной реформе церкви попытку разрушения традиционной народной религиозности, присущей средневековой и оперировавшей больше эмоционально-магическими категориями, нежели рационально-теологическими³². В этом смысле, можно было бы провести исторические параллели с церковным расколом в России столетием позже. По мнению Даффи, основная масса верующих склонялась к религиозной индифферентности, воспринимая Реформацию как государственную политику, поэтому подчинялась ей лишь в силу традиционной лояльности короне, порой из-за страха перед возможными репрессиями, а вовсе не из религиозных чувств. Аналогичные выводы делают и другие британские историки данного направления – Р. Уайтинг и К. Марш, на основе анализа локальных источников заостряя внимание на пассивно-выжидательной позиции масс верующих, не принимавших участия в перипетиях религиозно-политической борьбы в стране. В конечном счёте, это оказалось своего рода благом, так как позволило Реформации в Англии пройти без таких серьёзных жертв и военных конфликтов, какие имели место в континентальной Европе³³.

В последней трети XX в. всё больше места в исторической науке завоёвывают междисциплинарные подходы. В рамках социальной исто-

³⁰ Scarisbrick 1968: 1-3. Scarisbrick 1984: 56, 59-60.

³¹ Scarisbrick 1984: 82-83, 97-102, 109, 131, 136-139, 168, 171-174. Ерохин 2016: 132, 141.

³² Duffy 1992: 6, 479-481.

³³ Whiting 1989: 145, 186-187, 212. Ерохин 2016: 149-150.

рии выделяется множество разных направлений, делающих акцент на те или иные объекты познания и методы исследования. Этот процесс нашёл отражение и в истории Реформации как важнейшего этапа в историческом развитии европейских государств. Новые исследования в русле культурно-антропологического подхода пролили свет на такой относительно мало исследованный пласт, как традиционная народная культура и религиозность, на их долговременную роль в формировании ментальности масс. Так, К. Томас, исследовав народные верования, предрассудки, отношение в обществе к колдовству и ведовству в фундаментальном труде «Религия и упадок магии» (1971), пришёл к выводам, что религиозные представления народных масс к эпохе Реформации во многом оставались ещё по сути полуязыческими, магическими, как и многие века до того, а степень христианизации простого народа была по-прежнему в известном смысле довольно поверхностной. В некоторых районах Англии до пятой части населения вообще не посещало церковь и было индифферентно в отношении религии³⁴. Низкий уровень жизни и зависимость выживания от колебаний климата, эпидемий, голода способствовали консервации в народной среде традиционных воззрений, свойственных крестьянскому социуму – веры в защитную магию, обеспечиваемую религиозными ритуалами, волшебные артефакты и заговоры, колдовство, целительство, гадания, астрологию и т.п. В некоторых местностях встречались даже случаи поклонения Солнцу и Луне, представлявшие собой явные рудименты язычества. Участие в коллективных церемониях, народных празднествах и религиозных братствах давало простоянцам чувство солидарности и защищённости. Неудивительно, что борьба протестантов, особенно пуритан, против традиционной народной полуязыческой религиозности, рассматриваемой ими как предрассудки, суеверия и мракобесие, наносила серьёзный удар по привычному укладу жизни и духовному миру простого прихожанина³⁵. Вполне соответствовал этому положению и уровень католического духовенства, особенно в провинции, где священники зачастую были полуграмотными, попадали в духовное сословие по воле родителей, нередко вели сексуальную жизнь и имели незаконных детей, и в целом не проявляли особого рвения к своим служебным обязанностям, являясь таким же продуктом народной, деревенской культуры, как и их паства³⁶. Постепенное утверждение протестантизма в обществе, вероятно, можно связывать с переходом к нуклеарной семье к концу XVI в., в условиях которой воспитание на принципах личной ответственности человека перед Богом за свои деяния реализовывалось более эффективно³⁷. Иными словами, сам тип индивидуализирующей семьи становился базисом для индивидуализирующего отношения к вере. Уход в прошлое магиче-

³⁴ Ерохин 2016: 158-159. Thomas 1978: 170-172, 174-175, 180-182.

³⁵ Thomas 1978: 5-6, 8-20, 31-37, 58-61, 204-206, 325, 425, 427, 438, 455-458, 761-764.

³⁶ Aveling 1982: 58-63.

³⁷ Thomas 1978: 130.

ских, полужыческих религиозных представлений совершался по мере роста урбанизации, прогресса наук и технологий, позволявших повысить уровень и качество жизни³⁸. На аналогичные факторы указывают Дж. Соммервилл и Т. Уотт, заостряя внимание на распространении печатной культуры, росте грамотности и, как следствие, «приватизации» веры, становившейся из коллективного дела индивидуальным³⁹. Тем не менее, как отмечает Р. Хаттон, народные обычаи и празднества с магическим, языческим подтекстом продолжали сохраняться на протяжении веков, особенно в провинции, и официальный протестантизм так и не смог ничего с ними поделать, смирившись с их существованием⁴⁰.

Что же касается степени укоренения протестантизма в Англии, по оценкам современных британских историков страна так или иначе стала протестантской к рубежу XVI–XVII вв., однако в социокультурном смысле ситуация оставалась неоднозначной. По оценкам некоторых исследователей, лишь около трети верующих искренне разделяли и понимали ценности новой церкви, ещё треть представляла собой обывателей-конформистов, попросту подчинявшихся религиозной политике государства, а остальная треть и вовсе состояла из фактически неграмотных людей, в душе сожалеющих о старых обрядах, более близких, привычных и понятных с эмоциональной точки зрения⁴¹.

В целом, можно сказать, что внимание к массовым социокультурным процессам и тенденциям в обществе помогло существенно расширить картину эпохи, тогда как прежние исторические школы делали фокусом исследования преимущественно верхушечные изменения, происходившие на политическом уровне. Методология социальной истории оказалась наиболее продуктивной в освещении данной проблематики, позволив максимально осветить глубинные структуры и механизмы общественного развития в эпоху Реформации и конфессионализации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ерохин В.Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб., 2016. [Erohin V.N. Stanovlenie nacii. Religiozno-politicheskaya istoriya Anglii XVI – pervoy poloviny XVII v. v sovremennoj britanskoj istoricheskoy nauke. M.; SPb., 2016].
- Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб., 2003. [Nikonenko S.V. Anglijskaya filosofiya ХХ века. SPb., 2003].
- Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. [Oukshott M. Racionalizm v politike i drugie stat'i. M., 2002].
- Серёгина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006. [Seryogina A.YU. Politicheskaya mysl' anglijskih katolikov vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. SPb., 2006].
- Серёгина А.Ю. Церковь и государство в политической мысли английской католической эмиграции конца XVI – первой четверти XVII в. М., 1999. [Seryogina A.YU. Cerkov' i gosudarstvo v politicheskoy mysli anglijskoj katolice-skoj emigracii konca XVI – pervoy chetverti XVII v. M., 1999].

³⁸ Thomas 1978: 787-791. Ерохин 2016: 204.

³⁹ Sommerville 1992: 17, 149. Ерохин 2016: 212.

⁴⁰ Hutton 1995: 96, 98-99, 101-104, 108-109, 112-113.

⁴¹ Ерохин 2016: 312, 372.

- Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 7. М., 1958. [Tolstoj L.N. *Vojna i mir* // *Sobranie sochinenij v 12-ti tomah*. T.7. M., 1958].
- Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. Berlin; N.Y., 1982.
- Bossy J. Christianity in the West, 1400–1700. Oxford, 1985.
- Collinson P. The Elizabethan Church and the New Religion // The Reign of Elizabeth I. Basingstoke, 1984.
- Dickens A.G. The English Reformation. L., 1973.
- Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400-1580. New Haven; L., 1992.
- Elton G.R. High Road to Civil War? // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Cambridge, 1974-1983. Vol. II.
- Haig C. (Ed.) The English Reformation revised. Cambridge, 1990.
- Haig C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993.
- Hill Ch. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956.
- Hutton R. The English Reformation and the Evidence of Folklore // Past & Present. 1995. № 148.
- Marsh C. Popular Religion in Sixteenth-Century England: Holding Their Peace. N.Y., 1998.
- Parker T.M. The English Reformation to 1558. L.; Cambridge, 1950.
- O'Day R. The Debate on the English Reformation. L.; N.Y., 1986.
- Reinhard W. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionalen Zeitalters // ZHF. 1983. Nr. 10. P. 257-277.
- Scarisbrick J.J. Henry VIII. L., 1968.
- Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984.
- Schilling H. Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Eine Fallstudie über das Verhältnis von religiösem und sozialem Wandel in der Frühen Neuzeit am Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh, 1981.
- Schilling H. Aufbruch und Krise: Deutschland 1517-1648. Berlin, 1988.
- Schulze W. Sozialdisziplinierung in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift für Historische Forschungen. 1987, Bd. 14.
- Sommerville J.P. The Secularization of Early Modern England: From Religious Culture to Religious Faith. N.Y., 1992.
- Thomas K. Religion and the Decline of Magic. L., 1971.
- Whiting R. The Blind Devotion of the People. Popular Religion and the English Reformation. Cambridge, 1989.
- Wohlfeil R. Einführung in die Geschichte der deutschen Reformation. München, 1982.
- Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village. Terling, 1525–1700. N.Y., 1979.
- Wrightson K. English Society, 1580–1680. L., 1980.

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

Confessional conflicts of the Reformation era as a factor of formation of the English people

The article analyses the debates of the British historians of the second half of XX century on the problems of Reformation and its effects on the English society. These problems are viewed in the context of various research methods, from the political ones till cultural anthropology. It gives a complex picture of English Reformation.

Key words: Reformation, church, Anglican, Puritans, Catholicism, popular culture, priests
Maxim Gorelov, PhD in History, senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; heldenhammer@yandex.ru

КАНЦЛЕРСКИЕ АМБИЦИИ АЛЬФРЕДА ФОН ВАЛЬДЕРЗЕЕ
(ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК)

Жизнь и деятельность графа Альфреда фон Вальдерзее (1832–1904), одного из ведущих представителей военно-политической элиты Германии конца XIX в., до сих пор остается слабо изученной. Цель настоящего исследования – выяснить, может ли его личный дневник дать однозначный ответ на вопрос о наличии у него канцлерских амбиций. Обращаясь к исследованиям культурологов, социологов и психологов, автор делает вывод о том, что дневник отражает в первую очередь представления человека о самом себе, его идентичность. Вальдерзее крайне неохотно писал о тех своих действиях, которые плохо соотносились с образом «идеального офицера». Таким образом, ссылка на дневниковые записи не является однозначным аргументом в пользу отсутствия у Вальдерзее канцлерских амбиций.

Ключевые слова: *Альфред фон Вальдерзее, Германская империя, имперский канцлер, дневник, источники личного происхождения, я-концепция, идентичность*

Граф Альфред фон Вальдерзее (1832–1904) играл огромную роль в политической жизни Германской империи конца XIX в. Сделав блестящую военную карьеру (ее вершиной стала должность главы прусского Большого генерального штаба), Вальдерзее активно вмешивался в вопросы внешней и внутренней политики. Он был близким другом молодого императора Вильгельма II и на пике своей карьеры являлся одним из самых влиятельных деятелей Второй империи. В частности, он внес немалый вклад в то, что Отто фон Бисмарк был в 1890 г. отправлен в отставку; и современники, и историки считали, что Вальдерзее сам надеялся занять кресло «железного канцлера».

Наличие у графа соответствующих амбиций на протяжении долгого времени практически не ставилось под сомнение исследователями. Лишь в 2012 г. молодой американский историк С. Тросклер бросил вызов сложившимся в историографии представлениям, нарисовав в своей магистерской диссертации совершенно иную картину. По его мнению, Вальдерзее «никогда не хотел стать канцлером, поскольку ничего не выиграл бы от получения этой должности»¹. Вмешательство генерала в политику объяснялось лишь его стремлением защитить права монарха, но не личными амбициями. Одним из основных аргументов Тросклера являются ссылки на опубликованные дневниковые записи Вальдерзее, где последний неоднократно заявляет о нежелании занимать пост канцлера и о полной удовлетворенности своим нынешним положением².

Цель настоящей статьи – ответить на вопрос о том, насколько весомым является данный аргумент. Можем ли мы делать вывод об отсутствии у Вальдерзее канцлерских амбиций на основании того факта, что он

¹ Trosclair 2012.

² Ibid: 149.

ничего не пишет о них в своем дневнике и в нескольких случаях напрямую заявляет о своем нежелании занимать пост главы правительства?

Прежде чем приступить к поиску ответа на данный вопрос, необходимо сделать два важных замечания. Во-первых, несмотря на всю значимость Вальдерзее как военно-политического деятеля, его биография до сих пор не стала предметом специального исследования. В 1935 г. увидела свет небольшая монография В. Форнациона, посвященная политическим взглядам Вальдерзее и основанная на весьма узком круге источников³. В 1987 г. немецкий историк К. Канис опубликовал подробную биографическую статью о Вальдерзее⁴. Перу Каниса принадлежит также монография, непосредственно затрагивающая работу Вальдерзее в 1880-е гг. в Большом генеральном штабе и его взаимодействие с политическим руководством Германской империи⁵. Отдельные аспекты биографии генерала затрагивает в своем главном труде и крупнейший современный специалист по эпохе Вильгельма II Дж. Рёль, однако его исследование сфокусировано на другом сюжете – фигуре последнего германского императора⁶. Диссертация Тросклера стала, таким образом, первой масштабной научной работой, в которой жизнь и деятельность Вальдерзее находятся как таковые в центре внимания исследователя.

Во-вторых, качество осуществленной в 1920-е гг. публикации дневника Вальдерзее⁷ (на которую, собственно, и опирается Тросклер) уже вызывало неоднократные нарекания исследователей. В частности, Рёль охарактеризовал ее как «непригодную для научного использования»⁸. На наш взгляд, эта характеристика излишне категорична; однако сравнение с оригиналом дневника, хранящимся в Тайном государственном архиве в Берлине⁹, показывает, что при публикации он подвергся значительному редактированию, в т.ч. содержательному. В процессе подготовки к публикации объем текста был сокращен в несколько раз. Профессиональный архивист Г.О. Мейснер, осуществлявший редактирование, выбирал в первую очередь те фрагменты дневника, в которых шла речь о значимых с его точки зрения политических событиях и процессах, давалась характеристика видным деятелям эпохи, описывались мысли и переживания самого Вальдерзее. За рамками осталось множество бытовых подробностей (к примеру, записи о выездах на охоту), малозначительных с точки зрения редактора деталей, а также ряд высказываний, которые могли негативно сказаться на образе Вальдерзее и других ключевых фигур в глазах читателей (например, свидетельства антисемитизма Вильгельма II¹⁰). В результате издание не соответствует

³ Fornaschon 1935.

⁴ Canis 1987.

⁵ Canis 1980.

⁶ Röhl 1993; Röhl 2001.

⁷ Waldersee 1922-1923.

⁸ Röhl 1993: 920.

⁹ GStA PK, VI. HA Familienarchive und Nachlässe, NL. Waldersee, A.v.

¹⁰ Röhl 2001: 164.

современным стандартам публикации исторических источников, хотя можно с определенными оговорками утверждать, что оно достаточно достоверно отображает основные черты личности и взгляды Вальдерзее.

Ознакомление с оригиналом дневника позволяет утверждать, что Вальдерзее, действительно, никогда не писал в нем напрямую о своих канцлерских амбициях. Однако можем ли мы по умолчанию исходить из того, что честолюбивый генерал доверял дневнику все свои мысли и мечты? Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к определенным свойствам дневников как исторических источников и психологическим особенностям самого Вальдерзее.

В отечественной историографии существует сравнительно немного работ, посвященных теоретическому осмыслению указанного типа исторических источников. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что дневники часто относят «к разновидностям мемуарной литературы»¹¹, отрицая необходимость особого подхода к ним. Ю.А. Русина, отмечая определенные различия между воспоминаниями и дневниками, говорит о том, что они «оказываются близкими друг другу как генетически, так и функционально»¹². Такой подход характерен не только для отечественных исследователей – дневники, по словам польского культуролога П. Родака, «часто рассматриваются в качестве формы автобиографических записей, главными чертами которых являются конструирование и формирование образа – в противовес правде и искренности»¹³.

Существует и альтернативная точка зрения: так, К.О. Валегина и Н.И. Приймак считают, что мемуары и дневники «представляют собой разные виды исторических источников», хотя и близкие по ряду параметров¹⁴. Соответственно, они требуют несколько разных подходов при изучении. Эта точка зрения представляется более обоснованной.

Как бы то ни было, дневники зачастую оцениваются историками как источник более достоверный, чем мемуары. Так, П.А. Зайончковский писал, что «дневники по своей природе более достоверны, нежели воспоминания. Им присуща свежесть восприятия, а, следовательно, и более достоверное описание того или иного события»¹⁵. И.В. Григорьева, объединяя воспоминания и дневники в единую категорию мемуарных источников, отмечает, тем не менее, что «дневники, по общему правилу, более достоверны, чем воспоминания (...) если дневник не предназначен автором к изданию, он будет написан с большей открытостью и объективностью, чем адресованные публике воспоминания»¹⁶. С.В. Кодан также полагает, что для дневниковых записей характерен «относительно низкий уровень субъективности»¹⁷: «объектив-

¹¹ Кабанов 1998: 640.

¹² Русина 2015: 179.

¹³ Rodak 2014: 92.

¹⁴ Приймак, Валегина 2018: 32.

¹⁵ Зайончковский 1976: 4.

¹⁶ Григорьева 2017: 231–232.

¹⁷ Кодан 2014: 327.

ность фиксации информации в дневниках, по сравнению с мемуарами, отличается более высоким уровнем, поскольку они обычно не предназначены для обнаружения и не подвергаются переработке автором»¹⁸.

При этом исследователи обычно исходят из трех основных причин искажений информации в источниках «мемуарного типа»: ошибок памяти, изменения точки зрения при взгляде «из будущего» и намеренной лжи¹⁹. Если дневник пишется синхронно с описываемыми в нем событиями, ошибки памяти сводятся к минимуму, а раз он в большинстве случаев не предназначен для посторонних глаз, у его автора отсутствует стимул лгать. Автор дневника может искренне заблуждаться, оценивать происходящие события в высшей степени субъективно, но у него нет нужды искажать собственные мысли и поступки. Согласно Ю.М. Беспаловой, «по сравнению с письмами и воспоминаниями, дневниковые записи представляют собой наиболее непосредственную форму самовыражения личности. Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя»²⁰. Именно так рассуждают многие исследователи, использующие дневники исторических деятелей в качестве источников. В результате ссылки на дневниковые записи часто приводятся – как в упомянутой выше работе Тросклера – в качестве бесспорных аргументов.

Однако насколько оправдан такой подход? Действительно, дневник «в большинстве безымянных случаев пишется без расчета на аудиторию и не для потомков, но лишь для себя самого»²¹. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой, помимо основного адресата – собственно автора дневника – всегда присутствует и «косвенный», тот, кто прочтет написанное когда-либо в будущем. Автор дневника сознательно или бессознательно учитывает этого будущего читателя, своих «потомков»²². К. Кобрин считает, что такой «косвенный адресат» присутствует практически в каждом дневнике: «Здесь встает важнейший вопрос: все ли авторы дневников надеются на то, что их прочтут после смерти? Ответить сложно; в любом случае многие дневники мы прочли и ни один из них, кажется, не был предназначен исключительно для собственного употребления»²³. Более того, в XIX в. дневники нередко предназначались даже не для потомков, а для современников – их, к примеру, читали вслух в узком кругу родственников или друзей²⁴.

К какой категории можно было бы отнести дневник Вальдерзее? Очевидно, что он не был предназначен для «чтения вслух». Однако рассчитывал ли генерал на то, что его дневник когда-либо попадет в руки потомков? Есть, как минимум, два основания так полагать. Во-первых,

¹⁸ Там же: 329.

¹⁹ Приймак, Валегина 2018: 52.

²⁰ Беспалова 2011: 211.

²¹ Михеев 2006.

²² Зализняк 2010.

²³ Кобрин 2006.

²⁴ Зализняк 2010.

в предисловии к упомянутому выше изданию дневников племянник автора, Георг фон Вальдерзее, сообщает, что дядя, передавая ему свои бумаги, разрешил опубликовать их в надлежащее время²⁵. Во-вторых, в обширной записи от 5 января 1894 г. содержится примечательная фраза: «Возможно, мне не стоило бы доверять все это бумаге, но я надеюсь, что ее обнаружат еще нескоро»²⁶. Означает ли это, что в процессе написания дневника Вальдерзее сознательно занимался самоцензурой в расчете на то, что его бумаги будут впоследствии прочитаны и даже опубликованы? Исключать этого нельзя, однако стилистика текста говорит скорее против подобного предположения. К примеру, автор нередко использует довольно резкие слова и выражения, которые редактор вынужден был впоследствии при подготовке публикации опустить, заменив многоточиями²⁷. Обращает на себя внимание также обилие кратких и практически бессодержательных записей о приемах и поездках на охоту. В данной ситуации имеет смысл задаться другим, не менее интересным вопросом: мог ли Вальдерзее неосознанно избегать упоминания некоторых своих желаний и амбиций? Иначе говоря, какие факторы могут заставить человека быть не вполне честным в разговоре с самим собой?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к работам современных психологов. Наиболее продуктивным в данном случае представляется использование хорошо разработанного понятия «я-концепции». Согласно одному из определений, «я-концепция – это представления людей о том, кем они являются»²⁸. Иначе говоря, это образ самого себя, существующий у человека в голове. Этот образ не обязательно соответствует действительности. Если представления человека о самом себе сталкиваются с противоречащей им реальностью (например, считающий себя храбрецом в минуту настоящей опасности проявляет трусость), возникает диссонанс. Результатом этого диссонанса может стать корректировка «я-концепции», однако чаще люди пытаются преодолеть диссонанс с помощью самооправданий, объясняя или даже отрицая противоречащую «я-концепции» информацию²⁹.

Каковы источники формирования представлений человека о самом себе? Большую роль здесь играет личный опыт, но весьма значимы и социальные факторы. Как пишет Р. Баумейстер, «люди всегда узнают о том, кто они, от других людей, и у них всегда имеется идентичность, характерная для их социальной группы»³⁰. Ощущая свою принадлежность к определенной общности, человек склонен ориентироваться на образ идеального члена своей социальной группы и вести себя в соответствии с этим образом. Поэтому говорить, что «возможность заглянуть во внутренний мир человека дают нам дневники, которым люди посвящают

²⁵ Waldersee 1922. Bd. 1: VII.

²⁶ GStA PK, VI. NA, NL. Waldersee, A.v. A I. Nr. 20. Bl. 3.

²⁷ Waldersee 1922. Bd. 2: 222.

²⁸ Koole 2007: 797.

²⁹ Теврис, Аронсон 2012.

³⁰ Baumeister 1998: 682.

свои самые сокровенные мысли и желания»³¹, можно лишь с большими оговорками. Даже не предназначенный для посторонних глаз дневник отражает не столько «сокровенные мысли и желания» человека, сколько его представления о себе, которые по определению субъективны.

Вальдерзее можно считать членом двух во многом пересекающихся социальных групп – прусского дворянства и прусского же офицерского корпуса. Какие представления о надлежащем поведении и образе мыслей существовали в этой среде?

В Пруссии армейские офицеры традиционно рассматривали себя как «первое сословие в государстве»³². Хотя к концу XIX в. офицеры буржуазного происхождения составляли в армии большинство, именно дворянство формировало ядро офицерского корпуса. В 1870-е гг. около 80% прусского генералитета были представителями юнкерского сословия³³. Соответственно, именно дворянство определяло систему ценностей и представлений, характерную для офицерского корпуса в целом, его менталитет. Важными составляющими этой системы были строгое следование законам чести и безусловная лояльность монарху – представления, уходящие своими корнями в феодальную эпоху. Чем больше слабели реальные позиции прусского дворянства в обществе под давлением новых сил, тем сильнее оказывалось стремление сохранить свою идентичность и подчеркнуть свою исключительность, превосходство над другими социальными группами. Одной из важных составляющих этой идентичности была идея служения, «самоотверженное чувство долга»³⁴. В соответствии с ней, прусский офицер должен исполнять свой долг, служить своему монарху и не искать наград и почестей; именно это отличает его от представителей других социальных и профессиональных групп. Как писал в 1860 г. об идеальном прусском офицере принц Фридрих Карл, «честь – его единственный надсмотрщик, совесть – его судья и его награда. Он служит не за деньги и не за почести. Слава и награды льстят ему, но не добавляют ничего к тому, как он выглядит в своих собственных глазах и глазах товарищей»³⁵. Откровенный карьеризм в рамках этой системы ценностей осуждался. Стоит еще раз подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о внешней репрезентации, а о самосознании, идентичности, которая находила свое отражение, в том числе, и в документах, не предназначенных для чужих глаз.

Подобного рода менталитет был характерен не только для офицеров, но и для консервативного прусского дворянства в целом. К примеру, в начале 1850-х гг. Отто фон Бисмарк, получив давно желанное назначение в дипломатической сфере, писал жене: «Я не искал этот пост – так решил Господь, и я должен его принять и не могу отказаться от

³¹ Казакова 2012.

³² Деметр 2007: 235.

³³ Messerschmidt 1970: 102.

³⁴ Wette 2011: 50.

³⁵ Цит. по: Деметр 2007: 266.

этого»; «я солдат Господа, и куда Он посылает меня, я должен идти»³⁶. Пример Бисмарка приведен здесь далеко не случайно – как известно, он был весьма амбициозным человеком, стремившимся к власти и к само-реализации в политической сфере.

Тот же набор идей – покорность всевышнему, беззаветное служение монарху, безусловное повиновение его приказам и отказ от любых собственных амбиций – часто встречается и в дневнике Вальдерзее. В 1881 г., накануне своего назначения заместителем главы Большого генерального штаба – должность, к которой он, безусловно, стремился – Вальдерзее скромно отмечал: «Я спокойно смотрю в будущее и желаю, чтобы в рядах армии выбрали самого достойного, который когда-нибудь сможет заменить фельдмаршала – при этом я уверен, что найдутся кандидатуры намного лучшие, чем я»³⁷. «Мое искреннее желание, – писал он в 1888 г., находясь на вершине своей карьеры, – заключается в том, чтобы служить кайзеру и Отечеству, пока позволяет здоровье»³⁸.

В этой ситуации нас совершенно не должно удивлять, что Вальдерзее редко упоминает в дневнике о каких-либо своих амбициях; скорее стоило бы удивляться, если бы он открыто говорил о них. В совершенно аналогичном тоне Вальдерзее писал в марте 1890 г. о своих перспективах стать преемником Бисмарка: «Я не верю, что кайзер предложит мне эту должность, и я не желаю этой должности. (...) У меня отсутствует тщеславное желание стать канцлером. Очень вероятно, что мои прекрасные отношения с императором пострадали бы, ведь с ним не так просто иметь дело. Но если он прикажет мне стать канцлером, я отнесусь к этому как солдат и выполняю приказ»³⁹.

К проблеме своего назначения на пост главы правительства Вальдерзее неоднократно возвращается на страницах дневника и в последующие годы. Он раз за разом заявляет о своем нежелании становиться канцлером, но сама регулярность обращения к этой теме свидетельствует о том, что она была далеко не безразлична автору. Вальдерзее жадно ловил все слухи о своем возможном назначении и подробно описывал беседы с германскими государственными деятелями, в которых тем или иным образом затрагивался этот вопрос. Иногда он давал понять, что его отказ не носит принципиального характера: «Когда один или два преемника сломают себе шеи, тогда, может быть, мы поговорим об этом»⁴⁰. Очевидно, Вальдерзее отдавал себе отчет во всех сложностях, связанных с пребыванием на посту канцлера, и готов был занять его только на выгодных для себя условиях.

Чтобы подтвердить правильность наших рассуждений, попробуем проверить «степень искренности» дневника Вальдерзее на фактическом

³⁶ Bismarck 2001: 375-376.

³⁷ Waldersee 1922. Bd. 1: 211.

³⁸ Ibid: 411.

³⁹ GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v. A I. Nr. 16. Bl. 38.

⁴⁰ Ibid. Nr. 15. Bl. 14.

материале. В качестве последнего имеет смысл взять события, связанные с отставкой Отто фон Бисмарка. Выбор данного эпизода обусловлен тем, что, во-первых, Вальдерзее сыграл в нем огромную роль, во-вторых, этот сюжет принадлежит к числу наиболее тщательно и скрупулезно изученных во всей истории Второй империи. События середины марта 1890 г. описаны десятками исследователей практически по часам с привлечением всей доступной источниковой базы. Сопоставив это описание с текстом дневника, мы сможем проверить, действительно ли автор полно и адекватно отображал в нем свои действия и их мотивы.

При прочтении дневниковых записей за 9-17 марта 1890 г. складывается ощущение, что Вальдерзее в развернувшемся кризисе играл роль довольно пассивного наблюдателя⁴¹. Он подробно рассказывает о позиции Вильгельма II и других действующих лиц, весьма скупко повествуя о своих действиях. Так, 10 марта он коротко упоминает о передаче великому герцогу Баденскому некоего письма, которое несколько дней назад получил от национал-либерального политика Иоганна Микеля, 12 марта – о том, что по просьбе великого герцога переслал это письмо императору. Какие-либо связанные с письмом подробности в тексте дневника отсутствуют. Следующее упоминание о действиях Вальдерзее содержится в записи от 15 марта – в ответ на высказанное Вильгельмом II желание отправить канцлера в отставку он «впервые [sic!] открыто сообщил императору мое мнение по поводу князя, на этот раз беспощадно»⁴². Если верить дневнику, генерал не оказал никакого воздействия на решение Вильгельма II избавиться от Бисмарка, поддерживав его только тогда, когда оно было уже принято.

В реальности ситуация выглядела иначе. Конечно, было бы некоторым преувеличением расценивать роль Вальдерзее в свержении Бисмарка как решающую, как это делают некоторые исследователи⁴³. Однако шеф Большого генерального штаба активно участвовал в интригах, направленных против «железного канцлера». На протяжении многих месяцев он не упускал возможности указать императору на ошибки и недостатки главы правительства. Как записал в своем дневнике генерал-адъютант Вильгельма II граф Карл фон Ведель, Вальдерзее «говорил императору, что Фридрих II не стал бы Великим, если бы рядом с ним был такой Бисмарк»⁴⁴. И теперь, «на финальной стадии канцлерского кризиса» Вальдерзее, по словам Дж. Рёля, «постоянными ядовитыми нашептываниями оказывал дьявольское воздействие на Вильгельма»⁴⁵. Ключевыми темами этих «нашептываний» являлись банкротство внешней политики Бисмарка в отношении России и его излишне могущественное положение в системе органов власти в ущерб монарху⁴⁶.

⁴¹ Ibid. Nr. 16. Bl. 33-38.

⁴² Ibid. Bl. 33-34.

⁴³ Krausnick 1942: 282.

⁴⁴ Wedel 1943: 53.

⁴⁵ Röhl 2001: 339.

⁴⁶ Cecil 1989. P. 165.

Письмо Микеля от 6 марта 1890 г., которое вскользь упоминает Вальдерзее, также сыграло значительную роль в падении канцлера. Целью этого письма было убедить императора, что ведущие политические силы страны не поддерживают политику Бисмарка и не доверяют ей⁴⁷. Вальдерзее был одним из ключевых авторов этой интриги – а не простым «письмоносцем», как можно было бы заключить из его дневника.

На этом примере хорошо видно, насколько описание деятельности Вальдерзее в его дневнике могло отличаться от реальности. Генерал не фальсифицировал события напрямую, однако обходил молчанием или отодвигал на задний план все, что характеризовало его как интригана (собственно, именно такой репутацией Вальдерзее пользовался у современников). Возможно даже, что это делалось бессознательно – в конечном счете, интрига не относилась к числу составляющих идеального образа прусского офицера.

Такие сравнения можно было бы продолжать, однако уже данная ситуация однозначно показывает, что к дневнику Вальдерзее необходим весьма осторожный и критический подход. Безоговорочно доверять всему, что генерал писал о своих мыслях и чувствах, было бы абсолютно неверно. Ключевой аргумент С. Тросклера, таким образом, не выдерживает критики. Именно в этом заключается основной вывод настоящего исследования. В то же время невозможно отрицать, что многие истории трактовали тезис о наличии у Вальдерзее канцлерских амбиций как аксиому⁴⁸, не утруждая себя какими-либо доказательствами, кроме мнения современников. Заслуга американского исследователя заключается в том, что он привлек внимание к данной проблеме.

Мечтал ли граф Вальдерзее получить пост имперского канцлера? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо привлекать весь имеющийся в нашем распоряжении комплекс источников. Мы можем однозначно утверждать, что генерал активно и непрерывно вмешивался в вопросы как внутренней, так и внешней политики, вовсе не ограничиваясь чисто военной сферой и стремясь всячески увеличить свою власть и влияние, достичь положения ближайшего советника монарха. Еще на раннем этапе своей карьеры в 1860-е гг. он стремился установить контакт с Бисмарком и зарекомендовать себя в качестве человека, способного решать задачи политического, а не только военного характера. А в 1889 г., по словам Дж. Рёля, Вальдерзее уже играл «роль почти что параллельного канцлера»⁴⁹. Он принимал участие в интригах и на протяжении многих лет рассматривался разными игроками в качестве возможного и даже желательного кандидата на пост главы правительства⁵⁰. Сам Вальдерзее также рассматривал и, как явствует из его дневниковых записей, не отвергал категорически такую возможность – в особенности после 1891 г.,

⁴⁷ Herzfeld 1938: 183.

⁴⁸ См. напр.: Canis 1987: 421.

⁴⁹ Röhl 2001: 264.

⁵⁰ Подробнее см.: Власов 2018.

когда назначение позволило бы ему триумфально вернуться в Берлин из гамбургской «опалы». Пост канцлера мог не являться для амбициозного генерала самоцелью, но явно представлял собой один из способов усилить свою власть и влияние на политические процессы в государстве – а к этому Вальдерзее, несомненно, стремился.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беспалова Ю.М. Дневники: «протоколы жизни» или источники социальных чувств / Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб.: Эйдос, 2011. С. 207-215 [Bespalova Y.M. Dnevniki: «protokoly zhizni» ili istochniki socialnyh chuvstv / Sociologiya vchera, segodnya, zavtra. IV Sociologicheskie chteniya pamyati Valeriy Borisovicha Golofasta. SPb.: Ejdos, 2011. S. 207-215].
- Власов Н.А. Альфред фон Вальдерзее // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 26-42. [Vlasov N.A. Alfred von Walderssee // Voprosy istorii. 2018. № 8. S. 26-42].
- Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Инфра-М, 2017. [Grigorjeva I.V. Istochnikovedenie novoj i novejshej istorii stran Evropy i Ameriki. Moscow: Infra-M, 2017].
- Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве 1650–1945. М.: Центрполиграф, 2007. [Demetr K. Germanskij oficerskij korpus v obshchestve i gosudarstve 1650–1945. Moscow: Centrpoligraf, 2007].
- Зайончковский П.А. Введение / История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 1. М.: Книга, 1976. С. 3-15. [Zajonchkovskij P.A. Vvedenie / Istoriya dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikah i vospominaniyah. T. 1. Moscow: Kniga, 1976. S. 3-15].
- Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. №106. [Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. №106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html>].
- Кабанов В.В. Исторические источники советского периода / Источниковедение. Теория, история, метод. М.: Российский гуманитарный университет, 1998. С. 505-666. [Kabanov V.V. Istoricheskie istochniki sovetskogo perioda / Istochnikovedenie. Teoriya, istoriya, metod. Moscow: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 1998. S. 505-666].
- Казакова К.А. Повседневная история в контексте репрессий // Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН. 2012. URL: <http://mkonf.iriran.ru/archive.php?id=66> [Kazakova K.A. Povsednevnaia istoriya v kontekste repressij // Shkola-konferenciya molodyh uchenyh IRI RAN. 2012. URL: <http://mkonf.iriran.ru/archive.php?id=66>].
- Кобрин К. Похвала дневнику // НЛО. 2006. № 61 [Kobrin K. Pohvala dnevniku // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 61. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/61/kobrin.html>].
- Кодан С.В. Источники личного происхождения как носители историко-юридической информации // Политика и общество. 2014. № 3. С. 322-335. [Kodan S.V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya kak nositeli istoriko-yuridicheskoy informacii // Politika i obshchestvo. 2014. № 3. S. 322-335].
- Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. М.: Б.и., 2006 // Universitas personarum. [Miheev M.Y. Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst. Moscow, 2006 // Universitas personarum. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>].
- Приймак Н.И., Валегина К.О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник. СПб.: ЛЕМА, 2018. [Priymak N.I., Valegina K.O. Mемуary, dnevniki, pisma kak istoricheskij istochnik. Saint-Petersburg: LEMA, 2018].
- Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. [Rusina Y.A. Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2015].
- Теврис К., Аронсон Э. Ошибки, которые были допущены (но не мной). М.: Инфотропик Медиа, 2012. [Tevris K., Aronson E. Oshibki, kotorye byli dopushcheny (no ne moy). Moscow: Infotropik Media, 2012].
- Baumeister R. The self // The handbook of social psychology / Ed. by D. T. Gilbert, S. T. Fiske, G. Lindzey. New York: McGraw-Hill, 1998. Pp. 680-740.
- Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001.

- Canis K. Alfred von Waldersee. Außenpolitik und Präventivkriegsplanung in den achtziger Jahren / Gestalten der Bismarckzeit. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1987. S. 404-425.
- Canis K. Bismarck und Waldersee. Die außenpolitischen Krisenerscheinungen und das Verhalten des Generalstabes 1882 bis 1890. Berlin: Akademie-Verlag, 1980.
- Cecil L. Wilhelm II. Prince and emperor 1859-1900. Chapel Hill: UNC Press, 1989.
- Fornaschon W. Die politischen Anschauungen des Grafen Alfred von Waldersee und seine Stellungnahme zur deutschen Politik. Berlin: Verlag von Dr. Emil Ebering, 1935/
- Geheimer Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz - GStA PK, VI. HA Familienarchive und Nachlässe, NL. Waldersee, A.v.
- Herzfeld H. Johannes von Miquel. Sein Anteil am Ausbau des Deutschen Reiches bis zur Jahrhundertwende. Bd. 2. Detmold: Meyer, 1938.
- Koole S. Self-concept / Encyclopedia of social psychology. Ed. R. Baumeister, K. Vohs. Vol. 2. London: SAGE Publications, 2007. Pp. 797-798.
- Krausnick H. Holsteins Geheimpolitik in der Ära Bismarck 1886–1890. Hamburg: Hanseatische Verlags-Anstalt, 1942.
- Messerschmidt M. Die Armee in Staat und Gesellschaft der Bismarckzeit / Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft. 1870-1918. Düsseldorf: Droste, 1970. S. 89-118.
- Rodak P. The truth in a personal diary // Teksty Drugie. 2014. № 2. S. 92-104.
- Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888–1900. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
- Röhl J.C.G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859–1888. München: Verlag C.H. Beck, 1993.
- Trosclair W.J. Alfred von Waldersee, monarchist: his private life, public image, and the limits of his ambition, 1882–1891 / Louisiana State University. 2012. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_theses/2782.
- Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1-3. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922–1923.
- Wette W. Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischen Kultur. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011.
- Zwischen Kaiser und Kanzler. Aufzeichnungen des Generaladjutanten Grafen Carl von Wedel aus den Jahren 1890–1894. Leipzig: Koehler&Amelang, 1943.

Власов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории международных отношений, доцент, n.vlasov@spbu.ru

Chancellor ambitions of Alfred Von Waldersee: personal diary as a historical source

The life and activities of Alfred Graf Waldersee – one of the most influential military-political leaders of the German empire in the late XIXth century – remain understudied. The goal of the present article is to assess whether his personal diary can provide us a definitive answer about Waldersee’s chancellor ambitions. The main conclusion after consulting the writings of cultural scientists, social scientists and psychologists dealing with diaries is that a diary reflects primarily the self-image of a person, his/her identity. Waldersee was very reticent in describing his actions not corresponding with the image of an “ideal officer”. Therefore, the diary entries cannot prove the absence of ambitions for chancellorship by Waldersee.

Key words: Alfred von Waldersee, German empire, imperial chancellor, diary, sources of personal origin, self-concept, identity

Vlasov Nikolay Anatolievich, candidate of science in history, Associate professor, Saint-Petersburg State University, Chair of Theory and History of International Relations, Associate professor, n.vlasov@spbu.ru

А.В. АНАШКИН, Г.Е. ЗАХАРОВ

ПОСЛАНИЕ РИМСКОГО ПАПЫ ЗОСИМА ИСИХИЮ, ЕПИСКОПУ САЛОНЫ¹

Настоящая работа включает в себя перевод с латинского языка послания римского папы Зосима епископу Салоны (Далмация) Исихию (418 г.), а также вступительную статью и историко-филологический комментарий. Текст написан в ответ на обращение Исихия к Римской кафедре. Салонский епископ стремится заручиться поддержкой апостольского престола в борьбе против практики поставления в епископы и пресвитеры мирян и монахов, не прошедших все ступени церковно- и священнослужения. Папа одобряет позицию Исихия и описывает *cursus honorum* клирика. Послание содержит сведения о развитии церковного строя в Западном Иллирике и идеи римского первенства в позднеантичный период.

Ключевые слова: папа Зосим, Исихий Салонский, Далмация, раннее христианство, священство, клир, церковная организация

Послание римского папы Зосима Исихию Салонскому, датированное 21 февраля 418 г., представляет собой уникальное свидетельство, проливающее свет на взаимоотношения Римского престола с Церквями Западного Иллирика в начале V в.² Зосим не был инициатором переписки с салонским епископом. Его послание является ответом на письмо Исихия, до нашего времени не дошедшее³. Из текста можно заключить, что епископ Салоны стремился заручиться поддержкой папы в борьбе с распространённой практикой рукоположения в епископы и пресвитеры мирян и монахов без последовательного прохождения ими ступеней церковнослужения, а также служения диакона. Несмотря на то, что с точки зрения Зосима авторитета самого Исихия достаточно для решения данной проблемы (*igitur si quid auctoritati tuae, quod nos non opinamur, aestimas defuisse, supplemus*), он охотно поддерживает его «авторитетом апостольского престола» (*tecum apostolicae sedis auctoritas*)⁴. Папа осуждает практику избрания епископов и пресвитеров из монахов и мирян, а также стремление местных епископов окружать себя многочисленным клиром. Соотнося церковное служение с военной службой, Зосим моти-

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1180.2019.6 «Христианские общины Балкан и Северного Причерноморья в системе межцерковной коммуникации конца IV – первой половины V в.», осуществляемого при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки российских молодых ученых и ведущих научных школ РФ. Авторы выражают благодарность Л.В. Луховицкому, Н.А. Кульковой и Н.Г. Головнойой за ряд ценных замечаний по переводу.

² Перевод выполнен по изд.: *Vetustissimae epistulae Romanorum pontificum...*: 624–629; с учетом: *Papal Jurisprudence c. 400...*: 78–85. Далее ссылки приводятся следующим образом: Zosim. Ep. IX.

³ *Exigit dilectio tua praecceptum apostolicae sedis* (Zosim. Ep. IX.I.1).

⁴ Zosim. Ep. IX.I.2. О происхождении выражения *apostolica sedes* и в целом о генезисе римоцентрической экклезиологии см.: Захаров 2019: 255–269.

вирует требование последовательного прохождения всех ступеней церковно- и священнослужения необходимостью постепенного научения клириков церковному укладу⁵. Он просит адресата передать эти предписания епископам Далмации, а также соседних иллирийских областей (*non tantum eorum qui in ea provincia sunt, sed etiam qui vicinis dilectioni tuae provinciis adjunguntur*). Нарушителям установлений отцов и апостольского престола Зосим грозит наказаниями (*a nobis districtius vindicandum*) от Римской кафедры, но не уточняет, о чем именно идет речь⁶.

Из послания Зосима видно, что он считает статус апостольского престола в церковной иерархии более высоким, чем статус епископов западно-иллирийского региона. Однако речь идет не об управленческих прерогативах Римской кафедры (иначе рассуждения о достаточности авторитета Исихия были бы неуместны), а о его особом дисциплинарном авторитете, проистекающем из ее апостольского статуса и авторитета отцов⁷. Важно также учитывать, что ситуация известна нам только сквозь призму ее восприятия Зосимом. Нельзя исключать, что Исихий, обращаясь к папе, рассчитывал получить не предписания, а совет⁸.

Судя по сохранившимся свидетельствам, несмотря на сугубо «провинциальное» положение Салоны Исихий активно участвовал в межцерковной коммуникации, состоял в переписке с Иоанном Златоустом⁹ и Августином, и даже вступил с ним в богословскую дискуссию¹⁰. Обращение Исихия к Зосиму не было исторически первым контактом Салонской и Римской кафедр. Еще на рубеже 370-х и 380-х гг. салонский епископ Леонтий, низложенный Амвросием Медиоланским и его сторонниками, апеллировал к папе Дамасу I и получил от него поддержку¹¹.

Вероятно, кафедра Салоны имела в начале V в. статус митрополичьей¹². На это указывают просьба папы распространить его послание в регионе, и указания на борьбу Исихия со злоупотреблениями, связанными в т.ч. и с избраниями епископов, и утверждение, что Исихий обладает для этого достаточным авторитетом. Вместе с тем обращение салонского епископа к Риму заставляет предположить, что региональное

⁵ Об этом см.: *Favre* 1977: 326–328.

⁶ *Zosim. Ep. IX. II.4*.

⁷ В тексте упоминаются *praescepta Patrum* (*Zosim. Ep. IX. I.1–2*), *Patrum decreta* (*Zosim. Ep. IX. I.1*), *statuta majorum* (*Zosim. Ep. IX. I. 2*) и *Patrum et apostolicae sedis auctoritas* (*Zosim. Ep. IX. II.4*). Скорее всего, под «отцами» в данном случае подразумеваются участники Никейского собора 325 г. В то же время в канонах этого собора нет предписаний по поводу необходимости последовательно проходить степени церковно- и священнослужения. Однако это предписание присутствует в канонах Сардикийского собора 343 г. (канон 13 в латинской и канон 10 в греческой версиях), которые в Римской Церкви в начале V в. интерпретировались как часть никейских. Об этом см.: *Dunn* 2015: 88. Текст и интерпретацию сердикских канонов см. в *Hess* 2002.

⁸ *Dunn* 2015: 89.

⁹ *Johanno Chrys. Ep. 183*.

¹⁰ *Augu. Ep. 197–199*.

¹¹ *Dissertatio Maximini contra Ambrosium. 125–126*.

¹² До 381 г. (первое упоминание кафедры Ядера) Салона была единственной епископией Далмации, засвидетельствовано источниками. См.: *Bratož* 2008: 228–234.

первенство Салонского престола в Далмации было непрочным и часто сталкивалось с сопротивлением церковных общин и монашества¹³.

Ж. Цейллер рассматривал послание Зосима как попытку создать в Западном Иллирике (Норик, Паннонию и Далмацию) папский викариат с центром в Салоне по аналогии с Фессалоникийским викариатом в Восточном Иллирике и Арелатским викариатом в Галлии¹⁴. Как справедливо отмечает Ш. Пиетри, послание Зосима не дает оснований говорить о наделении епископа Салоны функциями викария, такими как контроль за епископскими рукоположениями и внешними контактами (предоставление рекомендательных писем – *formatae*) Церквией всех областей Западного Иллирика¹⁵. Нет речи также о праве созыва соборов епископов этого региона. Мнение Дж. Данна, объяснявшего обращение Исихия к Зосиму признанием с его стороны особого статуса Римского престола в рамках префектуры Италии, Иллирика и Африки представляется не совсем обоснованным¹⁶. Следует подчеркнуть, что в отличие от провинций¹⁷ и, в некоторой степени, диоцезов¹⁸ префектуры не получили какого-либо явного соответствия в церковной организации. Представления Исихия о статусе Римского престола в Церкви не могут быть реконструированы на основании сохранившихся источников, однако можно достаточно определенно утверждать, что Зосим связывает в своем послании к салонскому епископу свой особый авторитет не с административным статусом Рима, а с апостольским происхождением своей кафедры.

Зосим Исихию, епископу Салонскому

1. Твоя любовь требует наставления апостольского престола, согласного с предписаниями отцов. Также ты сообщаешь, что некоторые [люди], принадлежащие монашескому сборищу¹⁹, для которых уединенная жизнь [должна быть] важнее обще-

¹³ О монашестве в Далмации см.: Vratož 2008: 241–242.

¹⁴ Zeiller 1927.

¹⁵ Pietri 1976: 1104–1105. Д. Моро признает за епископом Салоны в данный период главенство в Западном Иллирике, однако отрицает, что Римский престол стремился наделить его статусом своего представителя в регионе. См.: Moreau 2017: 272–273.

¹⁶ Dunn 2015: 89. Исследователь говорит даже о «патриархе префектуры».

¹⁷ См., например, каноны 4–6 Никейского собора 325 г.

¹⁸ См. каноны 2 и 6 Константинопольского собора 381 г.

¹⁹ В рукописной традиции присутствует разночтение: *ex monachorum populari coetu* или *ex monachorum saetu* (D'Avray 2019: 81). Выражение *monachorum popularis coetus* может иметь, как минимум, три значения: 1. «монашеское собрание, пользующееся народным расположением» (ср.: Pietri 1976: 1102; Norton 2007: 51). Это значение хорошо согласуется с распространенной в данный период практикой активного участия мирян в епископских выборах (Norton 2007: 52–80). Именно в такой ситуации авторитетные в народной среде подвижники или известные миряне могли избираться на епископские кафедры, минуя ступени церковного служения. В ситуации же, когда на выборы мог оказать влияние первенствующий епископ региона (например, митрополит), можно было ожидать продвижение на епископские кафедры представителей клира главного города региона, что укрепляло связи центральной и суффраганных кафедр. Зосим, выступая против избрания в епископы мирян и монахов, но не уточняя, что кандидат должен принадлежать к клиру той общины, которую он должен возглавить, а также требуя ограничить рост клира в небольших епископиях, косвенно поддерживает укрепление влияния первенствующих кафедр регионов. 2. «Сборище

ственной, и даже миряне стремятся к священству²⁰. То, что это было запрещено нашими предшественниками и недавно нами, известно из направленных в Галлию и Испанию посланий²¹. В этих областях такое злоупотребление имеет распространение. Хотя и к Африке могло бы относиться наше предостережение [о том], чтобы никто [из тех], кто не был по порядку наставлен в церковных установлениях²² и не был испытан в течение времени, научившись Божественному служению, не дерзал стремиться – вопреки предписаниям отцов – к высшей [степени] священства в Церкви. У такого [человека] не только соискание [сана] будет безуспешным, но и те, кто его рукоположат, будут сами лишены того сана, посвящение в который они бесчинно и против предписаний отцов считали уже делом решенным²³. Удивляемся мы, что постановления апостольского престола не были доведены до твоей любви. Стойкость же твоего намерения, дражайший брат, мы восхваляем, хотя от давно известной строгости твоего архипастырского служения и не следовало ожидать другого рода поведения²⁴, нежели того, чтобы ты, вооружившись верой, согласно предписаниям отцов, выступил против столь тщеславных стремлений.

2. Итак, если ты считаешь, что твоего авторитета не оказалось достаточно, хотя мы так не думаем, то мы [его] восполним. Противостань таким рукоположениям, противостань гордости и подступающей надменности. На твоей стороне предписания отцов, с тобой авторитет апостольского престола. Ведь если светские власти²⁵ назначают на высшую должность не того, кто только поступил на службу, но того, кто в течение определенного времени подвергался испытаниям на разных ступенях, то кто же столь самонадеян и бесстыден, что в небесном воинстве, службу в котором следует ставить выше и испытывать [соискателя] словно золото, многократно обжигаемое в огне, возжелал бы сразу стать полководцем, не обывав прежде новобранцем, и захотел бы прежде учить, нежели учиться? Пусть освоится в Господнем стане [и изучит] первые основы божественной службы сначала на ступени течеца²⁶. Также пусть ему не будет [казаться] недостойным последовательно быть экзорцистом, ако-

монахов, не включенных в клир». В христианских текстах рассматриваемого периода *popularis* может иметь значение «не относящийся к клиру». Это значение согласуется с общим направлением послания. 3. «Местный круг монахов» (в издании Г.-Й. Зибена: *aus dem einheimischen Kreis der Mönche*). Данная трактовка представляется наименее вероятной, поскольку такое употребление понятия *popularis* более характерно для поэтического языка классической эпохи. О значении слова *popularis* у раннехристианских авторов см.: Blaise 1954: 634.

²⁰ Понятие *sacerdotium*, как видно из Zosim. Ep. IX.III.5, включает епископство и пресвитерство (*presbyterii sacerdotium*). Епископство обозначено как «высшее священство» (*summum Ecclesiae sacerdotium; summum pontificatus*) (Zosim. Ep. IX.I.1; III.5).

²¹ Siric. Ep. I.13–14; 17; Innoc. I. Ep. IV.7–10; Zosim. Ep. VI.2. Нумерация писем приводится по: *Vetustissimae epistolae Romanorum pontificum...* См. также: Dunn 2013.

²² ...*qui ecclesiasticis disciplinis per ordinem non fuisset imbutus...*

²³ Совершившие незаконное рукоположение епископы должны быть лишены сана.

²⁴ *Auctoritatis genus*. Как известно, понятие *auctoritas* уже в период Поздней Республики приобрело значение «санкция», «предписание», «распоряжение» (см.: *sine senatus auctoritate* в Cic. *De off.* 3.109; Cic. *In Verr.* 2.3.17; *contra senatus auctoritatem* в Caes. *De bello Gall.* 8. 52; Cic. *Philipp.* 2. 19; Cic. *De senect.* 11). Далее из него развивается «влияние, авторитет» (*optimum auctoritatem deminuere* в Suet. *V. Iuli.* 11; *auctoritatem habere* в Cic. *Philipp.* 11, 10). Таким образом, папа Зосим с помощью этого термина мог одновременно указывать как на особые административные (митрополичьи?) полномочия епископа Исихия, которыми он был реально наделен (во всяком случае, в представлении папы Зосима), так и на особый вес и статус его свидетельства, а также (на вселенском уровне) свидетельства самой Римской кафедры в церковной коммуникации (см. следующий абзац текста послания).

²⁵ *Officia saecularia*.

²⁶ *Assuescat in Domini castris, in lectorum primitus gradu divini rudimenta servitii...*

литом, субдиаконом, диаконом²⁷, причем [проходя степени] не поспешно, а в соответствии с установленными по решению отцов сроками. Принять же сан пресвитера²⁸ [испытумый] сможет уже тогда, когда он достигнет возраста, соответствующего этому понятию²⁹, и предшествующие заслуги засвидетельствуют [его] пригодность. Лишь тогда по праву он должен будет надеяться занять место архипастыря³⁰.

3. Это происходит из-за чрезмерного потакания наших сослужителей³¹ [собственным слабостям] в их стремлении к обладанию многолюдной свитой и надежде снискать от этой толпы почет. И повсюду даже в безлюдных краях у таких [епископов] обнаруживается многочисленное окружение³², когда они стремятся расширить свои париклии³³, или же [это происходит просто оттого, что] тем, кому ничего иного дать не могут, они раздают божественные чины. Такое всегда должно подлежать строгому суду. Ведь все великое встречается редко³⁴.

П. 4. Чтобы не умалить заслуги твоей любви, мы направили наше послание прежде всего тебе; с ним ты можешь ознакомиться всех наших братьев и соепископов, не только тех, кто находится в этой же провинции, но и тех, кто относится к провинциям, соседствующим [с провинцией] твоей любви. Каждый, кто, пренебрегая авторитетом отцов и апостольского престола, допустит это, пусть знает, что получит от нас строгое наказание. Пусть он всерьез усомнится в том, что положение его прочно, если после стольких запретов [все еще] думает, что такое останется безнаказанным. Ведь когда кто-то так часто совершает запретное, это уже считается злонамеренным оскорблением.

Ш. 5. Для отдельных ступеней должны соблюдаться следующие сроки. Если [кто] в старшем возрасте и великовозрастным обратится, и сразу после крещения желает предаться служению Богу, то по пять лет должен служить в числе чтецов и в числе экзорцистов, а после этого четыре года в качестве аколита и субдиакона. И тогда, если будет достоин, он получит диаконское посвящение. В этом чине, если бесспорно себя проявит, он должен будет оставаться пять лет. После этого, продолжая [нести] свое служение, [и] доказав свою надежность на всех ступенях, он сможет удостоиться священства в сане пресвитера. Из этого положения, если, к тому же, еще более совершенная жизнь приведет его к [еще более] добрым нравам, он сможет надеяться [получить] высшую степень священства. При этом нужно соблюдать правило³⁵, что ни второбрачный, ни кающийся не может быть допущен к этим ступеням. Вполне благоразумно [будет], чтобы и с защитниками Церкви³⁶, которые избираются из числа мирян, обходились по указанному выше предписанию, если они удостоятся стать клириками.

²⁷ ...exorcistam, acolythum, subdiaconum, diaconum per ordinem fieri...

²⁸ ...ad presbyterii fastigium...

²⁹ Очевидно, что в этом месте просматривается некоторая аллегорическая игра: по сути, папа Зосим напоминает своему адресату, что понятие *presbyter* предполагает не только обозначения сана, но и почтенного возраста (причем как в греческой (*πρεσβύτερος*), так и в латинской традициях).

³⁰ ...summi pontificis locum...

³¹ Под сослужителями (*consacerdotes*) нужно понимать епископов.

³² *Numerosa popularitas*. Речь идет о необоснованном увеличении числа клириков. По мнению Д. Хантера, Зосим в данном случае выступает против стремления епископов стяжать народные симпатии через включение в клир местных популярных фигур (Hunter 2011: 195). Следует отметить, что напрямую папа об этом не говорит.

³³ *Paroecia*. Данное понятие используется здесь для обозначения локальной Церкви, т.е. возглавляемой епископом церковной общины.

³⁴ В латинском тексте эта антитеза представлена еще более выразительно: *Rarum est enim omne quod magnum est* (курсив. – А. А.).

³⁵ Ср.: 1 Тим 3.2; Тит 1.5.

³⁶ Речь идет о лицах, которым локальная Церковь перепоручает защиту своих интересов в различных процессах. См.: Pietri 1976: 677–680.

Написано в девятый день мартовских календ в двенадцатое консульство Гонория и восьмое консульство Феодосия августов, государей наших.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Захаров Г.Е. Внешняя коммуникация и богословская традиция Римской Церкви в эпоху арианских споров. М.: ПСТГУ, 2019. 320 с. [Zakharov G. E. Vneshnyaya kommunikatsiya i bogoslovskaya traditsiya Rimskoj Tserkvi v epokhu arianskikh spоров. М.: PSTGU, 2019. 320 s.].
- Blaise A. Dictionnaire latin-français des auteurs chrétiens. Turnhout: Éd. Brepols, 1954. 914 p.
- Bratož R. Il primo Cristianesimo in Dalmazia // La cristianizzazione dell'adriatico / Ed. G. Cusito. Trieste, 2008. P. 221–262.
- Dunn G.D. The Clerical Cursus Honorum in the Late Antique Roman Church // *Scrinium*. 2013. Vol. 9. P. 120–133.
- Dunn G.D. The Emergence of Papal Decretals: The Evidence of Zosimus of Rome // *Shifting Genres in Late Antiquity* / Ed. G. Greatrex, H. Elton. Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2015. P. 81–92.
- Favre A. Naissance d'une hiérarchie. Les premières étapes du cursus clerical. P.: Beauchesne, 1977. 443 p.
- Hess H. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica. Oxford: Oxford University Press, 2002. 279 p.
- Hunter D.G. Clerical Marriage and Episcopal Elections in the Latin West: from Siricius to Leo I // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Ed. J. Leemans, P. Van Nuffelen, Sh. W. J. Keough, C. Nicolay. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011. P. 183–202.
- Moreau D. La partito imperii et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie // *Costellazioni geo-ecclésiali da Costantino a Giustiniano: dalle Chiese 'principali' alle Chiese patriarcali*. XLIII Incontro di studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015). Roma, 2017. P. 255–285.
- Norton P. Episcopal Elections 250–600: Hierarchy and Popular Will in Late Antiquity. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.
- Papal Jurisprudence c. 400: Sources of the Canon Law Tradition / Ed. D. L. d'Avray. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2019. 302 p.
- Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome: Ecole française de Rome, 1976. 1792 p.
- Vetustissimae epistulae Romanorum pontificum (Die ältesten Papstbriefe). Bd. II / Hrsg. H.-J. Sieben. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2014. 662 S.
- Zeiller J. Une ébauche de vicariat pontifical sous le pape Zosime // *Revue Historique*. 1927. T. 155 (2). P. 326–332.

Анашкин Антон Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель, заместитель декана, Богословский факультет, ПСТГУ, доцент, МГЛУ.

Захаров Георгий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Богословский факультет, ПСТГУ, доцент, Историко-филологический факультет, ПСТГУ.

Epistle of Pope Zosimus to Hesychius, Bishop of Salona

This work includes a translation from Latin of the epistle of Pope Zosimus to Bishop of Salona Hesychius (418), as well as an introductory article and historical and philological commentaries. The text was written in response to the appeal of Hesychius to the Roman see. The Bishop of Salona seeks to receive the support of the Apostolic See in his struggle against the practice of ordination of laymen and monks (who have not passed all levels of ecclesiastical ministry) as bishops and presbyters. The Pope approves the position of Hesychius and describes step by step the cleric's *cursus honorum*. The epistle also contains information about the development of the church organization in Western Illyricum and of the idea of Roman primacy in the period of Late Antiquity.

Keywords: Pope Zosimus, Hesychius of Salona, Dalmatia, Early Christianity, priesthood, clergy, church organization.

Anashkin Anton Vladimirovich, Ph.D. in Philology, vice dean, senior lecturer, Saint Tikhon's Orthodox University, associate professor, Moscow State Linguistic University.

Zakharov Georgy Evgenievich, Ph.D. in History, head of the department, Saint Tikhon's Orthodox University, associate professor, Saint Tikhon's Orthodox University.

«Я В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ»
ПИСЬМО КАРЛА ЛАМПРЕХТА НИКОЛАЮ КАРЕЕВУ, 1914 Г.¹

В публикации реконструируется малоизвестная часть биографии Н.И. Кареева (1850–1931), связанная с пятидневным пребыванием на территории Германии в начале Первой мировой войны. В центре публикации – письмо К. Лампрехта Н.И. Карееву, написанное в июле 1914 г. и выявленное в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ. Поводом к написанию письма для Н.И. Кареева стало обращение за помощью в содействии/протекции по вопросу возвращения на родину. Письмо вносит дополнительные ноты в изучение роли личных контактов ученых. Публикуется оригинал письма и перевод текста с немецкого языка.

Ключевые слова: Кареев, Лампрехт, Первая мировая война, репатриация, личные контакты

В 1914 г. известный историк, социолог, методолог науки Николай Иванович Кареев (1850–1931) оказался застигнут началом Первой мировой войны на территории Германской империи. Так тревожно закончилась последняя в его жизни заграничная поездка - в архивы и библиотеки Англии и Франции², в Богемию на курорт Карлсбад и позднее - Дрезден. Лишь спустя пять недель ученый получил возможность уехать на родину. Для организации его возвращения потребовались усилия не только русской дипломатической миссии, но и ведущих немецких ученых (Теодора Шимана) и влиятельных государственных лиц.

Хотя эти события из биографии Н.И. Кареева традиционно обозначаются словосочетанием «германский плен», вошедшим в оборот после его интервью корреспонденту газеты «Новое время» от 28 августа, публикации в «Русских записках» и «Русских ведомостях» осенью 1914 г.³, важно подчеркнуть, что речь шла скорее не о «плене», семантически сопряженном с состоянием зависимости от военного противника и русофобскими настроениями, а о неразберихе первых недель войны и поиске возможностей для урегулирования вопроса⁴: всего на территории, неожиданно превратившейся во вражескую, оказалось застигнуто войной около 40–50 тыс. русских подданных⁵. Заметку Кареев писал в условиях уже новой – военной реальности: с осени в Петербурге активизи-

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 19-09-00109.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 297 (Заявление о командировании), 298 (Свидетельство о командировании). Опубликовано: Ученый в эпоху перемен...: 67–68.

³ Кареев 1914, 1915; Отклики войны 1914; Из письма 1914; неатрибутированная информативная заметка «Наша работа в Берлине»: НИОР РГБ. Ф. 119. К. 30. Д. 6. Л. 5.

⁴ Подробнее: Иполитов 2020; Нагорная 2010; Плохотнюк 2018; Ростиславлева, Бауэркемпер 2020; Ростиславлева 2020.

⁵ «Сколько русских застряло в Германии, мы с точностью не знали, да так и не могли узнать. Предположительно говорилось о 15–20-ти тысячах в одном Берлине, о 45–50-ти во всей Германии, но кто и как их считал?». Кареев 1915: 17.

ровались антинемецкие настроения⁶, сам Кареев по возвращении получил анонимное письмо, обвинявшее его в стремлении перейти в германское подданство⁷. Тон его публикаций не соответствовал «ура-патриотическим» и анти-немецким настроениям⁸. В заметке «Отклики войны» в газете «Приамурская жизнь» от 21 сентября 1914 г. Кареев писал:

«То, о чем я думал еще в Дрездене и о чем писал профессору Ши-ману, осуществилось. Когда война кончится и начнут налаживаться вновь соседские отношения между обеими нациями, все сделанное для нас профессором Шиманом и другими немецкими членами обоих комитетов, вся громадная работа, взятая на себя и доведенная до конца господами Фуксом, Каном и Симоном, должны, конечно, быть поставлены в плюс. Торжественно свидетельствую об их добром, сердечном к нам отношении. Некоторые из немецких товарищей по общей работе даже приехали на Штеттинский вокзал в Берлине нас провожать, пожелать нам счастливого пути»⁹.

Конечно, эти мысли о единстве «республики ученых»¹⁰ не вполне соответствовали формируемой прессой настроениям. Настолько, что, например, газета «Биржевые ведомости» в заметке «Из письма проф. Н.И. Кареева и инженера Ф.Е. Енакиева» отмечала:

«Редакцией получено от уважаемых проф. Н.И. Кареева и инженера Ф.Е. Енакиева пространное письмо, описывающее злоключения русских – подневольных обитателей Берлина после 20 июля 1914 г. Приводимые в письме факты уже стали достоянием гласности и в частности особенно подробно и красноречиво описаны были в фельетонах нашего сотрудника *Не-Тевтона* (*курсив наш* -), обративших на себя внимание общества»¹¹.

Хронологию событий восстанавливают документы из личного фонда Н.И. Кареева в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Начало июля – приезд Кареева в Париж из Англии; 10 июля – австрийский ультиматум Сербии; 12 июля – прибытие Кареева в Карлсбад; 15 июля – объявление Австро-Венгрией войны Сербии; 19 июля – объявление Германией войны России; 20 июля – отъезд Кареева в Дрезден; ночь с 8 на 9 августа – отъезд в Берлин; 9 августа – образование комитетов для собирания средств и для раздачи денег нуждающимся русским подданным; 23 августа – отъезд из Берлина в Швецию (через Засниц пароходом в Треллеборг и далее поездом до Гефле и пароходом в Финляндию); 28 августа – прибытие в Петроград. Из пяти недель «плена» Н.И. Кареев провел три недели в Дрездене, остальные в Берлине. В НИОР РГБ сохранились телеграммы и повестки заседания объединенного немецко-русского комитета (в подлиннике на немецком языке), письма жены Н.И. Кареева из Парижа и ее телеграмма на немецком языке, телеграмма Кареева жене, письмо Н.И. Кареева к министру финансов П.Л. Барку (сентябрь 1914 г.). По-

⁶ Подробнее см.: Мельгунов 2003: 241–246, 250–256.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 6. Д. 165. Л. 1. Опубл.: Ученый в эпоху перемен, 2015: 75.

⁸ Филимонов 2015: 106–112.

⁹ Цит. по: НИОР РГБ. Ф. 119. К. 30. Д. 6. Л. 4 (Газетная вырезка).

¹⁰ Подробнее см.: Иванов 1999.

¹¹ Там же. Л. 6 (Газетная вырезка).

следний документ – своеобразный финансовый отчет, в котором автор сообщал и о настроениях русских подданных в Берлине, освещал особенности их положения, характеризовал работу Комитета по возвращению репатриированных в Россию. Трогательны и письма Софии Кареевой, застигнутой началом войны в Париже. В почтовой карточке «до востребования» от 13 июля 1914 г. она писала:

«Милый Колюша! Сейчас приехали в Париж. Не пишу адрес, так как не знаем, сколько времени будем, а ты пиши *poste restante* (с фр. – «до востребования») - *примеч. публикаторов*). Колюша, лишь только будет объявлена война – уезжай немедленно в Россию и не бойся за меня: мы успеем проскочить поездом-экспрессом отсюда. [NN]¹² очень пессимистично смотрит на возможность евро[пейской] войны. Целую. Завтра напишу подробнее. София»¹³.

В письме от 15 июля ее тон еще тревожнее:

«Хотя я почти убеждена, что ты настолько осторожен, что уехал из К[арлсбада] в Россию, все же, на всякий случай, извещаю, что мы завтра, 16-го, уезжаем в Варшаву, чтобы успеть проскочить границу, а оттуда я поеду в Ромны, где дождусь Леночку, о кот[орой] сильно беспокоюсь. Ужасно досадно на эту войну, кот[орая] весьма помешала выполнить свои планы. Целую. Если еще не уехал, то уезжай скорее!! София»¹⁴.

Документы (за исключением писем С.А. Кареевой, текст которых приводится полностью) были ранее опубликованы¹⁵, но один из них был обнаружен позднее. Это – письмо на немецком языке К. Лампрехта (на тот момент он был профессором истории Лейпцигского университета) Н.И. Карееву от 16 июля (ст. ст.) 1914 г.

Поводом для написания письма для Кареева стало обращение за помощью в содействии/протекции по вопросу возвращения домой. Российская миссия покинула Дрезден 21 июля, сообщив, что отдает русских под защиту посла Великобритании. После вступления последней в войну, Дрезден покинул и английский посол, оставив русских на попечение американского консула. Однако, по воспоминаниям Кареева, американский консул «отправил нас к испанскому, который заявил мне, что никаких распоряжений на этот счет не получал, а если бы и получил, то его чувство такта как немца не позволило бы ему оказывать помощь русским». Ситуация осложнялась тем, что среди русских было много больных, женщин, детей, стариков, и «у большинства или совсем не было средств, или очень мало, потому что по аккредитивам банки не выдавали, а русские бумажные деньги отказывались разменивать. Многие притом растеряли свой багаж»¹⁶. Отчаявшись решить вопрос о выезде репатриированных русских в Россию в нормах международного права и не видя поддержки со стороны российского правительства, Кареев не нашел иного выхода, как обратиться за помощью к немецким ученым, со многими из которых он был едва знаком. В их числе были

¹² Установить не удалось.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 11. Д. 2-4. Л. 1 (Почтовые карточки).

¹⁴ Там же. Л. 2 (Почтовые карточки).

¹⁵ «Свое право писать... я обосновал на нашем товариществе по науке»: 2013.

¹⁶ Кареев 1915: 12-13.

профессор истории Лейпцигского университета Карл Лампрехт и профессор истории Берлинского университета Теодор Шиман, пользующийся личным расположением германского императора.

«Свое право писать, – указывал Н.И. Кареев, – я обосновал на нашем товариществе по науке, «своего рода братстве во Христе» <...> Я писал, что война не будет вечной, что после заключения мира должны будут восстановиться добрососедские отношения, что для этого нужно избегать с обеих сторон всего, не вытекающего из военной необходимости, что поэтому германское правительство должно нас отпустить в Россию»¹⁷.

Коллеги ученого с пониманием откликнулись на письма Н.И. Кареева. В ответном письме Теодор Шиман сообщал о ходатайстве к заместителю имперского канцлера и решении немецкого правительства принять участие в оказании помощи многочисленным русским в подготовке их возвращения в Россию. После двух недель напряженной работы в Берлине в организованном Комитете по оказанию помощи русским в Германии Н.И. Кареев получил возможность уехать в качестве опекуна вместе с группой из 40 учительниц, участвовавших в заграничных экскурсиях и оказавшихся без средств в одном из пансионатов Германии.

Поддержка Шимана была настолько действенной, что помощь престарелого Лампрехта не понадобилась. Однако и от него Кареев получил ответ, добавляющий личностный, эмоциональный штрих в картину первых месяцев войны. Сокрушаясь о постигшем коллегу несчастье оказаться на территории государства-противника в первые месяцы войны, Лампрехт предлагал свое содействие, хотя и сомневался в успехе протекции русскому профессору. Письмо вносит дополнительные ноты в изучение роли личных контактов ученых в деле преодоления национального разобщения и должно быть учтено при реконструкции научных биографий российского и немецкого профессоров.

Ниже публикуется оригинал письма и перевод текста с немецкого языка. Пунктуация, орфографические и стилистические особенности текста сохранены в целях аутентичной передачи источника. Восстановленные публикатором фрагменты даются в квадратных скобках. Дата приводится по принятому в Германии стилю григорианского календаря.

Письмо Карла Лампрехта Н.И. Карееву в ответ на просьбу о помощи в выезде с территории Германии, 16 июля 1914 г.

Leipzig Stötteritz
Naunhoferstr. 22.
16.7.14.

Sehr verehrter Herr Kollege!

Ich danke Ihnen für Ihre Karte. Wo ich Ihnen helfen kann, stehe ich gerne mit meinen schwachen Kräften zur Verfügung, wenn ich auch glaube, daß Sie jetzt(?) am besten thun werden, ruhig in Deutschland auszuharren: eine Rückkehr nach Petersburg wird schwer sein. Bitte schreiben Sie mir, wie Ihnen zu helfen wäre, und ich werde versuchen zu thun, was Verehrung und Gastfreundschaft in gleicher Weise mir vorschreiben.

Ihr ergebenster
Lamprecht

¹⁷ Там же: 15.

Abs.[ender:] Lamprecht
 Prof. der Geschichte
 a.[n] d.[er] Univ.[ersität] Leipzig
 Stö.[ttertitz] Naunhoferstraße 22

Лейпциг Штёттерич
 Наунхоферштр. 22
 16.7.14 г.

Многоуважаемый господин коллега!

Благодарю Вас за открытку. Где могу Вам помочь, я со своими слабыми силами охотно в Вашем распоряжении, даже если я думаю, что Вам теперь лучше спокойно переждать в Германии: возвращение в Петербург будет трудным. Пожалуйста, напишите мне, чем я мог бы Вам помочь, и я постараюсь сделать то, что мне равным образом предписывают уважение и гостеприимство.

Преданный Вам
 Лампрехт

Фрагмент конверта, приложенный к письму: Отправитель: Лампрехт, проф. истории в Лейпцигском университете, Штёттерич, Наунхоферштрассе 22.

НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 32. Д. 29. Л. 1-10б. Подлинник. Автограф на немецком языке.

Публикацию подготовила Е.А. Долгова, транскрипция немецкого текста и перевод на русский язык Н.А. Дмитриевой и Ю. Штольценберга.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй Отечественной войны». Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108-127 [Ivanov A.E. Rossijskoe «uchenoje soslovie» v gody «vtoroj Otechestvennoj vojny». Oчерk grazhdanskoj psihologii i patrioticheskoj deyatel'nosti // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1999. № 2. S. 108-127].
- Из письма проф. Н.И. Кареева и инженера Ф.Е. Енакиева // Биржевые ведомости. (Петроград). 1914. 13 сентября [Iz pis'ma prof. N.I. Kareeva i inzhenera F.E. Enakieva // Birzhevyje vedomosti. (Petrograd). 1914. 13 sentyabrya].
- Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политический, социальный и гуманитарный аспекты / отв. ред. Н.В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М., 2020. 376 с. [Internirovanie i deportacii grazhdanskogo naseleniya Rossii i Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny: politicheskij, social'nyj i humanitarnyj aspekty / otv. red. N.V. Rostislavleva, Bauerkemper A. M., 2020. 376 s.]
- Ипполитов С.С. Русские военнопленные Первой мировой войны как гуманитарная проблема // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 174-188 [Ippolitov S.S. Russkie voennoplennye Pervoj mirovoj vojny kak humanitarnaya problema // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 2 (50). S. 174-188].
- Кареев Н.И. В недавнем плену у немцев // Русские записки. 1914. № 1. С. 89-103 [Kareev N.I. V nedavnem plenu u nemcev // Russkie zapiski. 1914. № 1. S. 89-103].
- Кареев Н.И. Пять недель в германском плену // Русские ведомости. 1914. № 209 [Kareev N.I. Pyat' nedel' v germanskom plenu // Russkie vedomosti. 1914. № 209].
- Кареев Н.И. Пять недель в германском плену // В немецком плену. М., 1915. С. 11-20 [Kareev N.I. Pyat' nedel' v germanskom plenu // V nemecskom plenu. M., 1915. S. 11-20].
- Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / сост. Ю.Н. Емельянов. М., 2003 [Mel'gunov S.P. Vospominaniya i dnevniki / sost. YU.N. Emel'yanov. M., 2003].
- Отклики войны // Приамурская жизнь (Хабаровск). 1914. 21 сентября [Otkliki vojny // Priamurskaja zhizn' (Habarovsk). 1914. 21 sentyabrya]
- Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М., 2010. 440 с. [Nagornaya O.S. «Drugoj voennyj opyt»: Rossijskie voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Germanii (1914-1922). M., 2010. 440 s.]
- Плохотнюк Т.Н. Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 93-98 [Plohotnyuk T.N. Reglamentaciya polozheniya rossijskikh poddannyh v Ger-

manii posle nachala Pervoj mirovoj vojny // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 93-98].

Ростиславлева Н.В. «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 79-97 [Rostislavleva N.V. «Byl vse eti nezabyvaemye gody grazhdanskim plennym № 52»: o statuse russkikh v germanii v gody Pervoj mirovoj vojny // Novyj istoricheskij vestnik. 2020. № 3 (65). S. 79-97].

«Свое право писать... я обосновал на нашем товариществе по науке»: Деятельность Н.И. Кареева в Комитете по оказанию помощи русским в Германии. 1914 г. / Изд. подг. Е.А. Долгова // Исторический архив. 2013. № 3. С. 126–136 [«Svoe pravo pisat'... ya obosnovал na nashem tovarishchestve po nauke»: Deyatel'nost' N.I. Kareeva v Komitete po okazaniyu pomoshchi russkim v Germanii. 1914 g. / Izd. podg. E.A. Dolgova // Istoricheskij arhiv. 2013. № 3. S. 126–136].

Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. / автор-составитель Е.А. Долгова. М., 2015. 512 с. [Uchenyj v epohu peremen: N.I. Kareev v 1914-1931 gg. / avtor-sostavitel' E.A. Dolgova. M., 2015. 512 s.].

Филимонов В.А. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 106-112 [Filimonov V.A. Kareev i Pervaya mirovaya vojna: vzglyad ochevidca i refleksiya istorika // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 1. S. 106-112].

Долгова Евгения Андреевна, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет; medievalis@list.ru

Дмитриева Нина Анатольевна, доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет; научный директор, Академия Кантiana, БФУ им. И. Канта; na.dmitrieva@mpgu.su; Ndmiriieva@kantiana.ru

Штольценберг Юрген, доктор философии, профессор философии, Галле-Виттенбергский университет им. М. Лютера, Галле, Германия; juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

"I am at your disposal": a letter from Karl Lamprecht to Nikolai Kareev, 1914

This article reconstructs a little-known part of the biography of Nikolay I. Kareev (1850-1931), associated with a five-week stay in Germany at the beginning of the First World War. In the center of the publication is a letter from Karl Lamprecht to Nikolay Kareev, written in July 1914 and identified in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The reason for writing a letter to Kareev was to ask for help in promoting / protecting the issue of returning to the homeland. The letter adds additional notes to the study of the role of personal contacts of scientists and should be taken into account when reconstructing the scientific biography of Russian and German professors. The original letter and the translation of the text from the German language are published.

Key words: Kareev, Lamprecht, World War I, repatriation, personal contacts

Evgeniya A. Dolgova, Dr. Hab (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities; medievalis@list.ru

Nina A. Dmitrieva, Professor, Department of Philosophy, Moscow Pedagogical State University (MPGU); scientific director of Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU); na.dmitrieva@mpgu.su; Ndmiriieva@kantiana.ru

Dr. Jürgen Stolzenberg, professor of philosophy, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle, Germany. E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

This article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for the Basic Research (RFBF) (science project no. 19-09-00109\1, Methodological studies by Nikolay I. Kareev: research, publication, comments).

**«НАМ ИЗВЕСТЕН ВАШ УРОВЕНЬ КОМПЕТЕНЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ»
ПИСЬМА АНРИ СЭ Н.И. КАРЕЕВУ В 1930–1931 ГГ.¹**

В статье рассматривается переписка Николая Ивановича Кареева с французским историком Анри Сэ, материалы которой отложились в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Они представляют собой письма, полученные Н.И. Кареевым от А. Сэ в 1930–1931 гг., в которых обсуждалась подготовка одной из его последних работ – статьи для французского научного издания «Revue d'histoire moderne».

Ключевые слова: Николай Кареев, Анри Сэ, Revue d'histoire moderne

Осенью 1931 г. во французском научном издании «Revue d'histoire moderne»² была опубликована статья Николая Ивановича Кареева (1850–1931) «Les études sur l'histoire de France en Russie depuis vingt ans (1911–1931)»³. Она стала одной из последних публикаций ученого⁴. По словам самого Н.И. Кареева, статья предназначалась для французских читателей, чтобы те могли составить представление о вкладе российских исследователей в изучение истории Франции: «отечественных работ по зарубежной истории много, но о них мало известно на Западе»⁵.

Во вступительной части Н.И. Кареев писал, что подобная публикация была исключением из правил, однако она стала продолжением более ранних работ ученого. В 1902 и 1912 гг. в изданиях «La Révolution française»⁶ и «Bulletin de la société d'histoire moderne»⁷ были напечатаны статьи, посвященные изучению истории Французской революции: «La Révolution française dans la science historique russe»⁸ и «Les travaux russes sur la Révolution française depuis dix ans»⁹. Их продолжением была работа «Les derniers travaux des Historiens Russes sur la Révolution Française»¹⁰, опубликованная в 1925 г. в журнале «Annales historiques de la Révolution Française»¹¹. Данные статьи касались только историографии Французской революции – профессиональной темы Н.И. Кареева. Однако в бо-

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ, № 19-09-00109/19.

² Revue d'histoire moderne – научно-исторический журнал, основанный в 1899 г.

³ Karéiev 1931. Т. 6. No. 35 (sept.-oct.): 369–389.

⁴ Одновременно в 1930–1931 гг. Н.И. Кареев занимался написанием рецензии на книгу В.П. Бузескула для французского издания «Revue historique».

⁵ Karéiev 1931: 370.

⁶ La Révolution française – ежеквартальное издание Общества истории Французской революции (Société de l'histoire de la Révolution française), основанное в 1881 г.

⁷ Bulletin de la société d'histoire moderne – издание Общества новой и новейшей истории (Société d'histoire moderne et contemporaine), основанное в 1899 г.

⁸ Karéiev 1902. Avril. Т. 42: 321–345.

⁹ Karéiev. Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans...

¹⁰ Karéiev. Les derniers travaux sur la Révolution Française...

¹¹ Annales historiques de la Révolution Française – ежеквартальное научное издание, основанное А. Матьезом в 1908 г.

лее поздних работах ученый рассматривал всю отечественную историографию независимо от тематики работ, ограничиваясь только хронологией. Так, в 1927 г. в составе сборника «Histoire et historiens depuis cinquante ans» была напечатана глава, посвященная российской исторической науке, автором которой Н.И. Кареев¹². В 1994 г. текст главы был опубликован на русском языке под названием «Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)»¹³. В настоящее время она является единственной работой историка, переведенной с французского языка.

Последней публикацией в этом ряду стала статья, написанная для «Revue d'histoire moderne». Н.И. Кареев включил в нее труды русских историков, охватившие значительный период: от Средневековья до Новейшего времени. Первой он упомянул книгу В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.»¹⁴ как наиболее объемный труд по истории русской исторической науки. Особое место Кареев отвел О.А. Добиаш-Рожественской, отметив, что она стала первой женщиной, получившей докторскую степень по истории в России, и основала институт латинской и французской палеографии¹⁵. Были также упомянуты Н.Н. Ардашев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, Н.П. Оттокар, Н.И. Радциг, Е.В. Тарле. Эта статья стала логическим завершением многолетней работы Кареева по популяризации отечественных исторических исследований по истории Франции за рубежом.

Тема статьи была предложена редакционным советом журнала в 1930 г. В июле от имени издания к Н.И. Карееву обратился его давний знакомый – французский историк Анри Сэ (Henri Sée), с которым ему удавалось поддерживать контакты в 1920-е гг. Упоминания об их переписке встречаются в записных книжках Кареева¹⁶. В своем письме А. Сэ предложил Карееву подумать над возможной темой, подчеркнув, что читателям журнала было бы интересно узнать о последних исследованиях российских историков в области французской истории. Кареев принял предложение и, уточнив хронологические рамки и объем публикации, приступил к написанию текста. Работа над статьей продолжалась в течение осени, а в декабре итоговый вариант был отправлен ученым во Францию. В двух последних письмах А. Сэ подтвердил получение текста и обещал выслать рецензии, как только те появятся. Кроме того, в одном из писем он обратился к Н.И. Карееву с просьбой прислать ему экземпляр работы И.В. Лучицкого¹⁷, которую считал необходимым опубликовать на французском языке ввиду ее научной значимости.

Переписка была окончена в январе 1931 г.: 3 января датировано последнее письмо, отправленное Н.И. Кареевым¹⁸, последнее письмо

¹² Karéiev. Vol. 1. 1927: 341-370.

¹³ Кареев 1994. № 2: 136-154.

¹⁴ Бузескул 1929.

¹⁵ Karéiev 1931. Т. 6. No. 35 (sept.-oct.): 371.

¹⁶ Ученый в эпоху перемен... 2015: 315, 319, 342, 345.

¹⁷ Лучицкий 1912.

¹⁸ Ученый в эпоху перемен: 410.

А. Сэ – 5 января. Статья была опубликована уже после смерти автора в осеннем номере «Revue d'histoire moderne», став завершающей работой ученого по вопросу изучения французской истории в России.

Материалы переписки были выявлены в фонде Н.И. Кареева в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

№ 1

Lettres d'Henri Sée¹⁹ à N.I. Karéiev concernant la coopération avec la "Revue d'histoire moderne" et les sujets pour les articles

Carte postale

H[enri] Sée,
3, Bois-Rondel, Rennes.
Avez-vous reçu ma Französische Wirtschaftsgeschichte²⁰
(de la collection Brodnitz²¹)?²²
Пр[оспект] Пролетарской
победы 24 кв[артира] 5²³

Проф[ессор] Н[иколай] Кареев²⁴
M[onsieur] le professeur N[icolas] Karéiev,
Université de
Университет²⁵
Leningrad
U.R.S.S.²⁶

Rennes, le 5 juillet [19]30

Mon cher collègue, Voilà longtemps déjà me semble-t-il, que je n'ai eu de vos nouvelles. De la part de la rédaction de la Revue d'histoire moderne²⁷, je viens vous demander votre bonne collaboration. Vous devez avoir certainement des études de nature à intéresser vivement nos²⁸ lecteurs, par exemple, en ce qui concerne les études d'histoire de France dans la Russie d'aujourd'hui²⁹. Nous savons quelle est votre compétence en matière d'historiographie. En attendant une bonne réponse, je vous prie de croire à mes sentiments les plus cordiaux.

Henri Sée
3 Bois-Rondel, Rennes.

Перевод

Письмо Анри Сэ Н.И. Карееву по поводу сотрудничества с «Revue d'histoire moderne», о темах для статей от 5 июля 1930 г.

Открытое письмо

A[нри] Сэ,
ул. Буа-Рондель, 3, Ренн.
Вы получили мою Französische

Проф[ессор] Н[иколай] Кареев³³
Г[осподи]ну профессору Н[иколаю] Карееву,
Университет

¹⁹ Sée Henri Eugene (1864-1936) – historien français, spécialiste de l'histoire de la paysannerie médiévale française et de l'histoire économique de la France.

²⁰ Tous les soulignages sont faits par l'auteur.

²¹ Brodnitz Georg (1876-1941) – économiste allemand et historien, spécialiste de l'histoire économique.

²² Dans la lettre il s'agit de l'œuvre d'Henri Sée « Französische Wirtschaftsgeschichte » («L'histoire économique de France»), qui été publié en 1930 sous la direction G. Brodnitz.

²³ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

²⁴ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

²⁵ Le mot barré est écrit au crayon par un postier.

²⁶ Abréviation de l'Union des républiques socialistes soviétiques.

²⁷ Revue d'histoire modern – la revue scientifique et historique française, qui a été fondée en 1899 par les historiens Pierre Caron et Philippe Sagnac.

²⁸ Le mot est corrigé de « au ».

²⁹ Le soulignage est fait au crayon rouge par N.I. Karéiev.

Wirtschaftsgeschichte
(из собрания Бродница³⁰)³¹
Пр[оспект] Пролетарской
победы 24 кв[ртира] 5³²

Университет³⁴
Ленинграда
С.С.С.Р.

Ренн, 5 июля [19]30 г.

Мой дорогой коллега, мне кажется, что я уже очень давно не слышал от Вас никаких новостей. От имени редакции Revue d'histoire moderne прошу Вас о сотрудничестве. У Вас, безусловно, найдутся исследования, которые могли бы вызвать живой интерес у наших читателей, например, в отношении изучения французской истории в современной России³⁵. Нам известен ваш уровень компетенции в историографии. В ожидании скорого ответа выражаю Вам самые теплые чувства.

Анри Сэ
ул. Буа-Рондель, 3, Ренн.

НИОР РГБ. Ф 119. П. 32. Д. 21. Л. 3. Подлинник. Рукопись. Франц. яз. и пер. с франц.

№ 2

Lettre d'Henri Sée à N.I. Karéiev concernant l'article pour la "Revue d'histoire moderne" du 11 octobre 1930

Carte postale

H[enri] Sée,
3, Bois-Rondel, Rennes.

Проф[ессор] Н. Карейев³⁶
M[onsieu]r le professeur N[icolas] Karéiev,
34, Prosp[ect] Prolet[arskoï] Pobedy, 24
Leningrad³⁷
пр[оспект] Пролетар[скоï] победы 24³⁸

Rennes, le 11 oct[obre] [19]30

Mon cher collègue,

Je reçois à l'instant votre aimable carte et m'empresse de répondre à vos questions :

1° Votre proposition de prendre comme point de départ la guerre mondiale me semble très bonne.

2° En ce qui concerne le nombre de pages, nous ne pouvons vous limiter d'une façon trop stricte. Il me semble cependant qu'on 20 pages environ il vous sera possible de dire tout l'essentiel.

J'espère que ma carte vous trouvera tout à fait en bonne santé et vous prie de croire à mon [sou]venir le plus cordial.

Henri Sée

Перевод

Письмо А. Сэ Н.И. Карееву по поводу статьи для "Revue d'histoire moderne" от 11 октября 1930 г.

Открытое письмо

А[нри] Сэ,
ул. Буа-Рондель, 3, Ренн.

Проф[ессор] Н. Карейев³⁹
Г[осподи]ну профессору Н[иколаю] Карееву,
34, Просп[ект] Пролет[арскоï] Победы, 24

³³ Слова «проф. Н. Кареев» дописаны карандашом сотрудником почты.

³⁰ Бродниц, Георг (1876–1941) – немецкий специалист по экономической истории.

³¹ Речь идет о работе А. Сэ «Экономическая история Франции», опубликованной в 1930 г. под редакцией Георга Бродница (Sée H. Französische Wirtschaftsgeschichte, Bd. I Handbuch der Wirtschaftsgeschichte, herausgegeben von G. Brodnitz. Jena, 1930).

³² «пр. Пролетарской победы 24 кв. 5» дописано карандашом сотрудником почты.

³⁴ Слово «университет» зачеркнуто, дописано карандашом сотрудником почты.

³⁵ Подчеркивание Н.И. Кареева красным карандашом.

³⁶ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

³⁷ Tous les soulignages sont faits par l'auteur.

³⁸ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

³⁹ Слова «Проф. Н. Карейев» дописаны карандашом сотрудником почты.

Ленинградпр[оспект] Пролетар[ской] победы 24⁴⁰

Ренн, 11 окт[ября] [19]30 г.

Мой дорогой коллега,

Получил Вашу открытку и сразу же спешу ответить на Ваши вопросы:

1. Ваше предложение взять в качестве отправной точки Мировую войну кажется мне весьма уместным.
 2. Что касается количества страниц – мы не можем слишком строго ограничивать Вас. Однако, мне кажется, что двадцати страниц должно быть достаточно, чтобы Вы смогли изложить все основное.
- Надеюсь, что мое письмо найдет вас в добром здравии, и шлю Вам сердечный привет.

Анри Сэ

НИОР РГБ. Ф 119. П. 32. Д. 21. Л. 2. Подлинник. Рукопись. Франц. яз. и пер. с франц.

№ 3

Lettre d'Henri Sée à N.I. Karéiev de remerciements pour l'article du 25 décembre 1930

Carte postale

H[enri] Sée,

3, Bois-Rondel, Rennes.

J'ai pour cela deux raisons : l'intérêt de vos études et la chère mémoire de notre ami. – Encore une fois, nos bien vifs remerciements, auxquels je joins mes vieux les meilleurs et l'assurance de mes sentiments les plus cordiaux,

H[enri] Sée⁴¹

Rennes, le 25 déc[embre] [19]30

Mon cher collègue, je viens de recevoir votre excellente étude, qui sera bien précieuse pour nous. Quand elle sera imprimée, je vous communiquerai l'épreuve, comme vous me le demandez. – J'ai trouvé dans votre étude l'indication que je cherchais depuis long temps: la revue où a paru l'article de votre ami Loutchisky⁴⁴ sur la population agricole en Seine-et-Oise⁴⁵ (j'ai perdu le tirage à part). Je voudrais bien pouvoir le faire traduire, pour le publier en français. Je vous serais bien reconnaissant de m'a indiquer les voies et moyens.

*Перевод***Письмо А. Сэ Н.И. Карееву с благодарностью за присланную статью****от 25 декабря 1930 г.**

Открытое письмо

A[нри] Сэ,

ул. Буа-Рондель, 3, Ренн.

У меня на это есть две причины: интерес к Вашим исследованиям и дорогая память о нашем друге. – Еще раз выражаю искреннюю благодарность, к которой добав-

Проф[ессору] Н[иколаю] Карееву⁴⁷,Пр[оспект] пролетарской победы 24⁴⁸

Г[осподину] Профессору Н[иколаю] Карееву,

34, просп[ект] Пролетар[ской] Победы, 24,

Ленинград

С.С.С.Р.

⁴⁰ Слова «пр. Пролетар. победы 24» дописаны карандашом сотрудником почты.

⁴¹ Tous les soulignages sont faits par l'auteur.

⁴² L'inscription est écrite au crayon par un postier.

⁴³ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

⁴⁴ Loutchisky Ivan Vassilievitch (1845-1918) – historien russe, spécialiste de l'histoire de la paysannerie à la veille et pendant la Révolution française.

⁴⁵ Dans la lettre il s'agit de l'œuvre de I.V. Loutchisky « L'état des classes agricoles en France à la veille de la Révolution et de la réforme agraire de 1789-1793 » (Kiev, 1912), qui a été publiée partiellement en français en 1911.

ляю пожелания всего наилучшего
и заверяю в моих самых сердеч-
ных чувствах,

А[нри] Сэ⁴⁶

Ренн, 25 дек[абря] [19]30 г.

Мой дорогой коллега, только что получил Ваше прекрасное исследование, которое представляет для нас большую ценность. Когда оно будет напечатано, я отправлю Вам рецензии, как Вы просили. Я нашел в Вашем исследовании указание на то, что искал долгое время: журнал, в котором опубликована статья Вашего друга Лучицко-го⁴⁹ о сельском населении в Сене и Уазе⁵⁰ (выпуск я потерял). Я хотел бы иметь возможность перевести ее для публикации на французском языке. Буду признателен, если подскажете, как это осуществить.

НИОР РГБ. Ф 119. П. 32. Д. 21. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Франц. яз. и пер. с франц.

№ 4

Lettre d'Henri Sée à N.I. Karéïev concernant l'article du 5 janvier 1931

Carte postale

H[enri] Sée,
3, Bois-Rondel, Rennes.

Проф[ессор] Н[иколай] Кареев⁵¹
пр[оспект] Пролет[арской] Победы 24⁵²
M[onsieur]r le professeur N. Karéïev,
34, prosp[ect] Proletar[skoï] Pobedy, 24,
Leningrad⁵³
U.R.S.S.

Rennes, le 5 janv[ier] [19]31

Mon cher collègue,

Merci beaucoup de vos aimables souhaits. De mon côté, je vous adresse mes vieux les plus sympathiques. Voilà déjà plus de 8 jours que je vous ai accusé réception de votre excellent article, que j'ai transmis au secrétariat de la Rennes. Je ne sais pas au juste quand il paraîtra. Mais, dès que j'aurai vu les épreuves, je vous les communiquerai. Bien cordialement à vous,

Henri Sée.

Перевод

Письмо А. Сэ Н.И. Карееву по поводу статьи от 5 января 1931 г.

Открытое письмо

А[нри] Сэ,
ул. Буа-Рондель, 3, Ренн.

Проф[ессор] Н[иколай] Кареев⁵⁴
пр[оспект] Пролет[арской] Победы 24⁵⁵
Г[осподи]ну профессору Н[иколаю] Карееву,
34, просп[ект] Пролетар[ской] Победы, 24,
Ленинград⁵⁶
С.С.С.Р.

Ренн, 5 янв[аря] [19]31 г.

⁴⁷ Слова «Проф. Н. Карееву» дописаны карандашом сотрудником почты.

⁴⁸ Слова «Пр. пролетарской победы 24» дописаны карандашом сотрудником почты.

⁴⁶ Здесь и далее – подчеркивания автора.

⁴⁹ Лучицкий Иван Васильевич (1845-1918) – историк-новист, специалист по истории крестьянства накануне и в период Великой французской революции.

⁵⁰ Речь идет о работе И.В. Лучицкого «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789-1793 гг.» (Киев, 1912), которая была частично опубликована на французском языке в 1911 г.

⁵¹ L'inscription est écrite au crayon par un postier.

⁵² L'inscription est écrite au crayon par un postier.

⁵³ Tous les soulignages sont faits par l'auteur.

⁵⁴ Слова «Проф. Н. Кареев» дописаны карандашом сотрудником почты (на русском).

⁵⁵ «пр. Пролет. Победы 24» дописано карандашом сотрудником почты (на русском).

⁵⁶ Здесь и далее – подчеркивания автора.

Мой дорогой коллега,

Спасибо большое за добрые пожелания. Со своей стороны желаю Вам всего наилучшего. Прошло уже более восьми дней с тех пор, как я подтвердил получение Вашей замечательной статьи, которую я отправил в секретариат Ренна. Точно не знаю, когда она выйдет, но как только увижу рецензии – сразу сообщу о них Вам. С наилучшими пожеланиями,

Анри Сэ.

НИОР РГБ. Ф 119. П. 32. Д. 21. Л. 4. Подлинник. Рукопись. Франц. яз. и пер. с франц.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Karéiev N. La Révolution française dans la science historique russe // La Révolution française. 1902. Avril. T. 42. P. 321-345.
- Karéiev N. Les derniers travaux sur la Révolution Française [Последние работы русских историков по истории Французской революции] // Annales historiques de la Révolution Française. № 9 (may-juin). P. 252-262.
- Karéiev N. Les études sur l'histoire de France depuis vingt ans (1911-1931) [Работы по истории Франции, изданные в России за последние двадцать лет] // Revue d'histoire moderne. Paris, 1931. T. 6. No. 35 (sept.-oct.). P. 369-389.
- Karéiev N. Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans // Bulletin de la société d'histoire moderne. Vol. 2. P. 132-144.
- Karéiev N. Russie // Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926. Vol. 1. Paris, 1927. P. 341-370.
- Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX начале XX в.: Ч. 1 / Л.: изд. Акад. наук СССР, 1929. 218 с. [Buzeskul V.P. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX nachale ХХ в.: Ч. 1. L.: izd-vo Akad. nauk SSSR, 1929. 218 s.]
- Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) / Публ. В.П. Золотарева, пер. с фр. А.Н. Лобовикова и В.П. Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136-154. [Kareev N.I. Otchet o russkoj istoricheskoj nauke za 50 let (1876-1926) / Publ. V.P. Zolotareva, per. s fr. A.N. Lobovikova i V.P. Zolotareva // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 2. S. 136-154].
- Луцицкий И.В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 гг. Киев, 1912 [Luchickij I.V. Sostoyanie zemledel'cheskih klassov vo Francii nakanune revolyucii i agrarnaya reforma 1789–1793 gg. Kiev, 1912].
- Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследования и материалы / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 511 с. [Uchenyj v epohu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg.: issledovaniya i materialy / Avt.-sost. E.A. Dolgova. M.: ROSSPEN, 2015. 511 s.]

Слискова Валерия Викторовна, магистрант, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, vvaleriess@gmail.com

“We are familiar with your level of competence in historiography”

The correspondence from Henri See to Nikolay Kareev in 1930-1931

The article deals with the epistolary materials of Russian historian Nikolay Kareev which were found in the Manuscript Department of the Russian State Library. Materials consist of the letters that N. Kareev received from French historian Henri Sée in 1930-1931. Historians discussed the preparation of N. Kareev's last article which was specially written for the “Revue d'histoire moderne” in 1930. The letters complement the part of N. Kareev's scientific biography concerning his scientific contacts with French historians and his publishing activity in 1930-1931.

The documents were found in the Manuscript Department of the Russian State Library and prepared for publication by V.V. Sliskova.

Key words: Nikolay Kareev, Nicolas Karéiev, Henri Sée, Revue d'histoire moderne

Valeriya Sliskova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), vvaleriess@gmail.com

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ
НА КАВКАЗЕ (1917–1918 гг.)» А.И. ХАТИСОВА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)¹

Публикуемый отрывок из сочинения А.И. Хатисова (ГАРФ Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 524) является продолжением уже изданного начала воспоминаний² о революции 1917 г. и ее последствиях как для Армении, так и всего Закавказья.

Ключевые слова: Великая война и Русская революция, Кавказ в 1917 г., А.И. Хатисов, история Армении, исторические события и личный опыт, мемуары

Первые три главы мемуаров были представлены в русле исторической имагологии. С точки зрения актуализации различных сторон идентичности кавказского представителя большое значение имеет придание тексту определенной темпоральной организации. Стремительная смена локаций и ситуаций, но при этом сохранение примерно одного круга участников делает продуктивным применение к тексту формальной модели короткого исторического времени³. В данной главе А.И. Хатисовым зафиксирован сложный исторический период – стремительный и болезненный распад кавказского единства, когда-то институализированного в имперском пространстве в виде Кавказского пространства. Именно в этом контексте более значимой становится самоидентификация Хатисова как армянского политического деятеля, а не имперского чиновника, которым он был на должности городского головы Тифлиса.

В пределах короткого исторического времени можно сфокусироваться на политической трансформации постимперского пространства – формировании независимых Азербайджана, Армении и Грузии в мае 1918 г., увидеть официальную и неофициальную стороны этого процесса. Кроме того, происходит инверсия смыслов, в результате которой более рельефно просматриваются *«события второго плана»*: Трапезундские и Батумские переговоры, теряющие значимость на фоне Брест-Литовских переговоров и тем более Парижской мирной конференции, т.е. событий более заметных в длительной временной протяженности.

Интерес для кавказоведов представляет изданный грузинскими историками сборник стенограмм Трапезундских и Батумских переговоров, который впервые в большом объеме вводит в научный оборот архивные документы по проблеме кавказско-турецких отношений в начале 1918 г. При этом авторы-составители подчеркивают, что источниковая база трапезундской и батумской встреч еще нуждается в дальнейшем пополнении, в т.ч. с целью их изучения с неформальной стороны⁴. Через текст

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

² Амбарцумян 2017.

³ Хвостова 2019.

⁴ Трапезундская 2018: 19.

А.И. Хатисова мы имеем возможность заглянуть за кулисы Батумской конференции. Представляется, что данная глава органично дополняет комплекс дипломатических документов.

Работа с эго-документом актуализирует проблему функционирования памяти автора, конкретно автобиографической памяти, основы которой изучены российским психологом В.В. Нурковой. Исследовательница предлагает психологические позиции субъекта в виде следующей классификации: *Участник, Очевидец, Современник и Наследник*⁵. Роль Хатисова в собственном нарративе менялась. В октябре 1917 г., пребывая в Петербурге, он был скорее *Очевидцем*, поэтому события помещены в контекст длительного времени, о чем свидетельствует уже опубликованная часть воспоминаний. Прибыв в конце 1917 г. в Тифлис и включившись в круговорот политических событий кавказского масштаба он переместился на новую психологическую позицию – *Участника*. Роль *Участника* обусловила новый темпоральный ритм текста, он переходит к короткой временной протяженности. А.И. Хатисов оказывается внутри событий и это определяет особенность его восприятия. Он не охватывает происходящее целостно, он видит строго локализованно и передает события детализированно. Именно поэтому Батумские переговоры описаны с подробностями, которые отражают атмосферу в городе и личные характеристики наиболее значимых участников. При этом конференция вырвана из контекста макроуровня (например, высокой дипломатии советско-германских отношений) и времени длительной протяженности, так как *Участник* сосредоточен на деталях, а не всей «архитектуре» событий. Позиция *Участника* в коротком историческом времени дает возможность исследователю более детально изучать переломные исторические эпохи на микроуровне. Кроме того, применение модели короткого времени более рельефно и осязаемо обозначает фигуру «политика второго плана», к коим и относится А.И. Хатисов.

Глава VI. Война Турции с Закавказьем и Батумские переговоры (1 апр<еля> - 26 мая 1918 г.)⁶

2-го апреля в полдень мы подъезжали к Батуму⁷. <...> Прозрачный воздух позволял видеть издалека. Мы вооружились биноклями. Вдруг взволнованно походит ко мне и Чхенкели и вполголоса говорит: «На крепости – турецкий флаг. Город в руках турок. Нам нельзя подходить к порту». Действительно и мы увидели полумесяц и звезду на фортах. Город был взят турками. Посоветовавшись, мы решили пристать к Поти. Было около четырёх часов дня. Подъезжая к Поти, мы увидели целый ряд флюг, моторных лодок, парусных судов, переполненных грузинскими солдатами, то бежали солдаты из Батума <...> Началась форменная война. Как только делегация приехала в Тифлис, что было 3-го апреля члены ее стали знакомить, – каждый свою партию, – с ходом переговоров в Трапезунде политических деятелей и членов Сейма. Сразу было заметно различное отношение к загоревшейся войне со стороны различных народностей и различных партий. Грузины не ожидали такого быстрого падения Батума и этот ход очень огорчило.

⁵ Нуркова 2010.

⁶ Орфография и пунктуация А.И. Хатисова сохранены.

⁷ Речь идет о пути возвращения с Трапезундской конференции.

<...> Приехав в Тифлис, мы нашли там настроение более упавшее, нежели несколько дней назад. В среде грузинских меньшевиков начался разлад: они чувствовали, что с падением Батума их массы не желают вовсе продолжения войны. С другой стороны, они нашли другой способ обезопасить себя от турок. Способ этот состоял в соглашении Германией. Этот фактор сыграл огромную роль в дальнейшем развитии событий. Дело в том, что самые последние дни Трапезундской конференции в Трапезунд прибыло три таинственных немецких офицера, некоторые посетили турок и сделали посещения Чхенкели. Чхенкели об этом посещении делегации ничего не доложил официально, – мне же сказал, что это частные лица, заинтересованные в чиагурском марганце⁸. Я видел лично этих немцев, – но с ними не говорил. По приезде в Тифлис Чхенкели, как председатель Трапезундской конференции, – свою деятельность продолжил, но без всякого участия членов делегации. Я уже упоминал в предыдущей главе, что перед отъездом из Трапезунда г. Чхенкели старался уверить Рауф бея⁹, что происходит лишь, перерыв переговоров. <...>

Пользуясь своим званием председателя делегации, и с другой стороны опираясь на текст бумаги, гласившей, что делегация лишь «выехала в Тифлис», – Чхенкели продолжил свои сношения с Вехиб Пашой¹⁰, главнокомандующим турецкими войсками. <...> Возвращаясь к политической последовательности событий надо сказать, что 7-го апр<еля> после неудач на фронте, и усиления пропаганды за мир и провозглашение независимости Закавказья, – среди грузинских меньшевиков стало резко обозначаться два течения: в главе одного стояли Жордания и Гегечкори¹¹, во главе другого – Чхенкели и Рамишвили¹². Первые были против объявления независимости и за продолжение войны, вторые за провозглашение независимости и против продолжения войны. И, «Дашнакцутюн» были против провозглашения независимости и за продолжение обороны, т.е. войны, ибо наступление турок означало истребление армянского народа. Таковы были течения. <...>

После того, как сейм (Закавказский – К.А.) 9-го апреля провозгласил независимость Закавказской Республики, предложил продолжить мирные переговоры, правительство Гегечкори сочло это постановление за выражение недоверия своей политике и сошло со сцены. Оно фактически перестало функционировать в ночь с 9-го на 10-ое апреля. Когда 10-го апр<еля> утром, в 10 ч<асов> я зашёл во дворец, я встретил Гегечкори, спускавшегося по лестнице Дворца и направлявшегося к выходу. Я его спросил, почему он уходит? Он заявил, что и «после заявления Сейма, – уже нет Старого Правительства». Я ему возразил, что и нового ещё нет. Я лично был в соста-

⁸ Речь идет о знаменитом Чиагурском месторождении, которое в 1913 г. обеспечивало 36,9% мировой добычи марганца. Марганец использовался в металлургии и Германия до Первой войны импортировала его из Чиагуры.

⁹ Орбай Хусейн Рауф (1881–1964) – абхаз по происхождению – адмирал и член османского парламента, представлявший Османскую империю. Командовал крейсером «Хамидие», занимал должность главнокомандующего военно-морских сил Турции, именно он в октябре 1918 г. в должности военно-морского министра подписывал Мудросское перемирие. После прихода к власти Кемаля Ататюрка стал его сторонником и сподвижником.

¹⁰ Мехмед-Вехиб-паша (1877–1940) – известный турецкий военный и политический деятель. Участник Балканских войн и Первой мировой войны. В 1917 г. командовал османской армией на Кавказском фронте.

¹¹ Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – грузинский меньшевик, с ноября 1917 г. председатель Закавказского комиссариата, после провозглашения независимости Грузии занял пост министра иностранных дел, затем министра юстиции.

¹² Рамишвили Ной Виссарионович (1881–1930) занимал должность министра внутренних дел Закавказской демократической федеративной республики. После провозглашения Грузии независимости с 26 мая 1918 г. возглавил правительство грузинской республики, вскоре уступил пост Н. Жордания. В эмиграции был активным участником движения прометеизма – политического проекта Ю. Пилсудского, стремившегося поддерживать сепаратистские движения национальных окраин бывшей Российской империи.

ве Правительства Гегечкори и считал, что мы должны остаться до того момента, – пока Сейм выкажет доверие новому правительству. И сегодня я считаю, что Гегечкори, Карчikian¹³ и Рамишвили преждевременно оставили власть. <...>

Я знал лишь, что Председатель Сейма Чхеидзе письмом предложил Чхенкели составить кабинет: 12-го апр<еля> после обеда Ав<етик> Саакян¹⁴ (будущий председ<атель> Парламент<а> Армении), Качазнуни (будущий премьер) и я получили от Чхенкели предложение принять участие в его Кабинете – я в качестве Министра Финансов; Качазнуни – Мин<истра> госуд<арственного> призрения и Саакян – Мин<истра> Продовольствия. Решением нашей партии мы портфели приняли. Составив полный кабинет, Чхенкели нас пригласил на 8 ч<асов> веч<ера> 12-го ап<реля> на заседание, чтобы составить делегацию правительства, одобрить ее и доложить завтра Сейму, который должен был собраться немедленно по образовании Комитета.

Мы собрались в 8 ч<асов> Г<осподин> Чхенкели открыл заседание совещания словами: «Г<оспода> я благодарю Вас за сотрудничество. Я взял на себя обязанность составить Кабинет после решения Сейма о провозглашении независимости Закавказья и возобновления мирных переговоров. Поэтому чтобы не терять времени, я ещё, начиная с 10-го апреля сделан ряд распоряжений, о коих сейчас дорожу Вам. Они следующие: 10-го ап<реля> я сообщил Вехиб паше, что Сейм принимает Брест-Литовский договор. Также он одобрил поведение делегации, и сообщил ему, что для эвакуации Карса я сегодня приказал, послать парламентариев; в тот же день отдал приказ по всему фронту приостановил военные действия. 11-го ап<реля> Вехиб-паша ответил, что он приказал приостановить наступление, а перед Карсом войска остановятся за 2 версты перед фортами и Вехиб пригласил мирную делегацию приехать в Трапезунд». Когда Чхенкели сделал своё сообщение, мы впервые узнали, что между ним и Вехибом уже начаты сношения и что кр<епись> Карс сдана. Мы были сражены этими событиями и не сочли возможным при таких условиях принять на себя ответственность за все эти распоряжения. Мы – Саакян, Качазнуни¹⁵ и я, – все трое заявили, что мы наше согласие вступить в Кабинет берём обратно, – до нового сообщения, – и вышли из Кабинета. Я иступлённо звонил по телефону председателю дашнакцаканской фракции Карчikianу, сообщил ему положение вещей. Он немедленно выехал во дворец и вошел сношение с президентом меньшевистской фракции по поводу возникшего инцидента. На 10 час<ов> вечера положение было таковое: Жордания, Гегечкори, Церетели¹⁶ и Рамишвили – со стороны меньшевиков, – и Карчikian, Огаджания, Качазнуни и я – со стороны дашнакцаканов, начали совещаться по поводу возможности Чхенкели оставаться в кандидатах в премьеры при его самостоятельных действиях, грозивших крупными осложнениями. К этому времени из Карса, – соответственно из Александрополя, – по поручению ген. Назарбекова¹⁷ – опраши-

¹³ Карчikian Хачатур Ованнесович (1882–1918) – член партии «Дашнакцутюн», в Закавказском комиссариате занимал пост министра финансов, ту же должность получил в правительстве независимой Армении, затем стал министром общественной опеки и труда, в ноябре 1918 был убит дашнакцаканским офицером Е. Тер-Минасяном в своем кабинете.

¹⁴ Саакян Аветик (1863–1933) в 1890-е стал одним из активистов партии «Дашнакцутюн», был членом Закавказского сейма, затем в независимой Армении занял должность председателя парламента. После установления советской власти переехал в Тебриз (Иран).

¹⁵ Каджазуни Ованес (1868–1938) – член партии «Дашнакцутюн», по образованию и роду деятельности архитектор, премьер-министра Республики Армения (1918–1920). В 1921 г. эмигрировал в Персию, затем в Румынию. В 1925 порвал с партией и вернулся в Ереван, занимался преподавательской деятельностью, в 1937 был репрессирован.

¹⁶ Церетели Иракий Георгиевич (1881–1959) – выходец их грузинской княжеской семьи, меньшевик, депутат II Государственной Думы. В 1919 г. представлял независимую Грузию на Парижской конференции. После советизации Грузии остался в эмиграции.

¹⁷ Назарбекян Товмас Ованнесович (Назарбеков Фома Иванович) (1855–1931) в партиях не состоял, с образованием Республики Армения в 1918 г. занял пост главнокомандующего. Под его командованием в 1918 г. было остановлено турецкое наступление в Армении.

вали Армянский Национал<ый> Совет – сдать ли Карс и было ли согласие Армян<ского> Национал<ьного> Совета на его сдачу?

Во всяком случае генерал Назарбеков телеграммой от 12 апр<еля> требовал удлинить срок эвакуации Карса. <...> Вот при таких условиях кандидатура Чхенкели, автора приказа о сдаче Карса, казалась невозможной. Мы это высказали. На это меньшевики ответили: Мы согласны отставить кандидатуру Чхенкели. Но другого меньшевика мы не можем дать. Мы согласны на кандидатуру Качазнуни. Пусть он будет премьером. Мы обещаем нашу полную поддержку ему. Мы стали советаться. Качазнуни сам признал это предложение абсолютно неприемлемым. Он сказал: «Сейчас дело сделано. Карс сдан. Вернуть его нельзя сейчас. Надо считаться с фактами. Но брать нашей партии ответственность за то, что будет завтра – немисливо». Брать на себя премьерство – значит бросить вызов мусульманам и стать во главе войны против турок. Мы этого не имеем права делать при наших настоящих силах. Мы отвергли предложение. За полночь, в глубокою ночь – опять меньшевики пришли к нам, – и заявили, что они вновь повторяют своё предложение – Чхенкели или Качазнуни. Мы обсудили положение. Мы знали, что общественное мнение нас осудит за участие в министерстве А. Чхенкели, – но опять-таки выше всего мы ставим единение народов Закавказья, – какое бы иллюзорное оно не было. В 4 часа мы пришли к выводу, что иного выхода нет, как скрепя сердце, – принять кандидатуру Качазнуни и выйти из Министерства. Мы дали свое согласие. Партийные деятели взяли разъяснить массе всё критичное положение и нашу тактику. Это удалось, благодаря великолепной организации партии и её влиянию на массы <...>

В Тифлисе мы продолжали укреплять идею независимого Закавказского Государства. Издали циркуляр по всем властям, предлагали строго следить за мирным сожительством народов, прекращать грабежи и военные столкновения, – и возвещали славное будущее <...> К началу мая 1918 г. турки выгнали наши части из всех частей, – беженцы все скопились в Эриванской губернии. Но была весна: люди жили на воздухе, скученность была страшная. Население терпело всякие лишения. Подвоза хлеба ниоткуда не было. Развивались болезни. При таких условиях все торопились с заключением мира. Переговоры близились к концу: местом конференции избрали Батум, как место, откуда легче было сноситься с Тифлисом. Вновь начали организовывать делегацию: в этот раз менее многочисленную¹⁸. Председателем был вновь г. Чхенкели, <...> – членами от армян – Качазнуни и я. Наша миссия на это раз нам казалась простой: подписать договор на основании условий Брест-Литовского мира, т.е. мы выражали согласие на то, что турки от нас усиленно требовали в Трапезунде. Мы выехали из Тифлиса 9-го мая, утром и к вечеру были в Батуме. Все делегаты остановились в одной и той же гостинице – Hotel Imperial. Советником при нас был Семён Врацян¹⁹. От татар были делегатами Уссурбеков²⁰, Хан Хойский и Гаджинский, советник – Расулзаде²¹. От грузин – Авалов²², Николадзе²³, Рцхиладзе²⁴. От

¹⁸ Многочисленность делегации, отправленной для переговоров в Трапезунд, объяснялась отсутствием опыта международной деятельности у закавказских представителей, не имеющих представления даже о процедуре ведения переговоров такого уровня.

¹⁹ Врацян Симон Назарович (1882–1969) был членом Закавказского сейма, некоторое время выполнял функции дипломатического представителя Армении при Добровольческой армии в Екатеринодаре. В правительстве Армении в 1919 г. занимал должность министра сельского хозяйства и труда.

²⁰ Усуббеков Насиб-бек Юсифоглы (1881–1920) в правительстве независимого Азербайджана занимал должность министра просвещения, вероисповеданий и финансов, и председателя Совета Министров. Основатель тюркской партии федералистов «Мусават».

²¹ Расулзаде Мамед Эмин (1884–1955) был одним из основателей социал-демократической партии «Гуммет», затем принимал участие в создании партии «Мусават». В 1918 г. принимал участие в работе Закавказского сейма. В мае 1918 г. возглавил Азербайджанский Национальный совет, который провозгласил независимость Азербайджана. В 1919 г. основал Бакинский государственный университет.

турок были членами делегации – первым делегатом турецкий министр юстиции и председатель государственного совета Халил-бей²⁵ главнокомандующий Оттоманскими армиями генерал-лейтенант Вехиб-Мехмед-паша. Все делегации чувствовали себя стоящими перед задачей – заключить мир. Ни союзников, ни русских не было. Из иностранцев был единственный представитель – генерал фон Лоссов²⁶.

За все истекшее время Россия словно не существовала: ее голоса не слышно. Лишь раз, именно 31 марта, – за день до взятия Батума наше радио захватило следующую телеграмму от Русского правительства – Германскому. Эта телеграмма мало кому известна, но она очень интересная: «Из Москвы. Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу, Ардагану, разоряя страну и уничтожая крестьянское население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо, по её настоянию, и были выведены русские войска из армянских областей, и ныне от неё зависит сдержатъ турецкие войска от обычных эксцессов на почве мести и озлобления. Трудно мириться с мыслью, чтобы культурные государства, как Германия, имеющие возможность воздействовать на свою союзницу – Турцию, позволила, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо воли в эту мировую войну, – источником неисчислимых бедствий. Поэтому и только от вас зависящие меры к воздействию на турецкие власти, с целью предотвращения уничтожения мирного населения, как это имело место в Ардагане. Чичерин. Карахан²⁷».

<...> Два условия, поставленные на Трапезундской конференции – были налицо: независимость Закавказья и принятие Брест-Литовского договора. Но было нечто другое, что учили турки: Карс и Батум были в руках турок. Когда мы приехали в Батум, город уже принял вполне турецкий вид: везде были аскеры; торговли никакой; все ценное увозилось; ночью магазины грабились военными чинами. Город словно умер, на улицах пустынно. <...>

По приезде мы обменялись визитами с председателем турецкой делегации Халил беем²⁸ и германским представителем фон Лоссовым. Халил бей – очень толстый, с наливным лицом, турок хорошо говорил по-французски. У него была репутация более склонного к компромиссам турецкого политического деятеля. Он развивал идею дружбы между Турцией и Закавказья, говоря, что это есть залог прочности... Было известно, что во время преследований младотурок знаменитый Зохраб²⁹ две

²² Авалов (Авалишвили) Зураб Давидович (1876–1944) – грузинский историк, юрист, дипломат. В независимой Грузии занимал должность советника по иностранным делам. После провозглашения советской власти в Грузии в 1921 г. эмигрировал в Германию.

²³ Николадзе Нико (Николай) Яковлевич (1843–1928) – общественный деятель, публицист, литературный критик. Был знаком с К. Марксом. В юности сблизился с Н.Г. Чернышевским. В 1894–1912 гг. – городской голова Поти. После Февральской революции избран почетным председателем Грузинской национал-демократической партии. В период установления советской власти в Грузии был в Лондоне, откуда вернулся только в 1924 г.

²⁴ Рцхиладзе Григорий Свимонович (1876–1934) был членом партии социалистов-федералистов. 26 мая 1918 г. подписал Декларацию независимости Грузии. После установления советской власти остался в Грузии, занимался исследованиями в области гражданского права в Тбилиском государственном университете.

²⁵ Имя зачеркнуто автором.

²⁶ Лоссов Отто фон (1868 – 1938) – немецкий генерал, в годы Первой мировой войны служил на Западном фронте, затем был военным атташе в Турции.

²⁷ Карахан Лев Михайлович (1889–1937) в описываемый момент был заместителем наркома иностранных дел РСФСР.

²⁸ Халил Ментесе (1874–1948) – один из влиятельных турецких политиков, занимал ведущие позиции в партии «Единение и прогресс» (Иттихат) наряду с Энвером, Джемалем и Талаатом, на момент батумских переговоров занимал пост заместителя министра юстиции. Был одним из обвиняемых на турецком военном трибунале 1919–1920 гг., рассматривавшем дела об убийствах армянского и греческого населения.

²⁹ Зохраб Григор (1861–1915) – армянский писатель, адвокат и публицист. Жил в Константинополе, преподавал право в университете. В 1908, после младотурецкого переворота,

недели давал тайный приют у себя Халил-бею, а когда после 1915 года Зохраб (знаменитый адвокат, писатель и член турецкого парламента) арестовали <...> жена Зохраба безнадежно обращалась к помощи Халила. Этот рассказ слышал лично от дочери убитого турками Зохраба. Халил бей был первым делегатом.

Вторым делегатом был главнокомандующий Вехиб паша. У него были очень самоуверенные манеры, обаятельный голос, чисто восточное умение лгать, смотря прямо в лицо, у меня к тому был ряд примеров. Когда он выражал удивление по поводу некоторых актов своих войск, можно было подумать, что этот человек действительно не в курсе сообщаемых ему данных, впоследствии приходилось убеждаться, что он не только бывал в курсе дела, но сам являлся автором тех распоряжений, которые его так искренне удивляли: это касалось преследований беженцев, отбирание у них имущества, нападений на скот и т.д., – вплоть до избиения и резни. Внешним образом он был изыскан, любезен и вежлив. Говорил плохо по-французски и лучше по-немецки: я говорил с ним по-немецки. Генерал фон Лоссов – высокий, сухой старик, искренно возмущавшийся турецкой системой, конечно, преданный германским интересам <...>. В отношении Грузии ген<ерал>Лоссов имел определенные инструкции: у них были предварительные сношения. Общий язык они нашли: грузины предоставляли Германии концессии на Потийский порт; на экспорт марганца; на вывоз строевого леса, коим Грузия очень богата – взамен этого немцы гарантировали охрану границы Грузии. Солдатами должны были быть инструкторы-строевики германской армии – а рядовые набирались их немцев-колонистов в Тифлисской губернии. У армян таких предварительных переговоров не было. Только к этому времени особая делегация от Армянск<ого> Национ<ального> Совета выехала в Германию <...>.

<...> Конечно, основа наших переговоров должен быть Брест Литовский договор. Тогда Халил бей сделал заявление, раскрывающее все планы турок: он сказал: «Да, но после Траpezундских переговоров началась борьба между турками и закавказскими войсками, и к несчастью кровь пролилась; характер наших сношений, таким образом, изменился; не смог, следовательно, допустить, чтобы Брест Литовский договор был признан исключительной основой настоящих переговоров».

Это заявление предрешило весь ход дальнейших событий. Я лично ожидал этого. Поэтому ещё из Траpezунда мы телеграфировали, – читатель знает телеграмму мою к Качазнуни, – что «при создавшихся условиях Брест Литовского договора надо считать наименьшим злом». Это было сказано 28 марта. Прошло 44 дня. Пронеслись перед нами пламенные речи в Сейме, бесславная сдача Батума, девять дней грузинского сопротивления, смена правительства, независимость Закавказья, сдача Карса, пожар и погром населения, стрдания армян, – и все это, чтобы отвергнуть Брест Литовский договор. И через 44 дня нас Брест Литовский договор стал предметом искания, «наименьшим злом», – но турки уже его нам его не давали. Это означало – опоздать в политике. На протяжении нашей пятилетней (зачеркнуто и написано «семилетней» – К.А.) истории мы несколько раз опаздывали. Причина этому – переоценка собственных сил и недооценка сил противника. После заявления Халил бей начался прения, кои Халил бей назвал «бесплодными». Сделав заявление о «бесплодности» пререканий, – Халил сообщил, что у него имеется новый проект договора, который он и вручил Чхенкели. Проект был вложен в толстый пакет, запечатанный сургучной печатью. Германский представитель фон Лоссов заявил, что он «принял к сведению различные точки зрения Турецкой и Оттоманской делегации в отношении Брест Литовского договора, что он готов изучить Оттоманкой проект и принять участие в обсуждении его, – с целью отстаивать германские интересы». На этом заседание закрылось в 6 ч<асов> 35 м<инут> вечера. Мы вернулись домой мрачные и в глубокой задумчивости. Естественно, что первым нашим делом было вскрыть конверт с ознакомиться с содержанием турецкого документа.

был избран депутатом в османский парламент. Вел борьбу за права армянского населения в Турции. Стал жертвой геноцида армян в 1915 г.

Как сейчас помню это момент: конверт был у меня. Мы находились в комнате Качазнуни. Я вскрыл конверт и жадно стал искать глазами границу. То, что я увидел, превосходило все наши ожидания: помимо Карской области от нас, отбирали Турки Александрополь, Сурмалинский уезд <...> словом Армения сжималась в железные тиски, в коих она должна была задохнуться. Качазнуни прочел, сел за стол, опустил голову на руки и молча страдал. Через несколько минут турецкие требования стали известны всей нашей делегации. <...> Теперь уже мы горячо защищали Брест-Литовский мир. Ген<ерал>Лоссов уже знал турецкие требования. Сдержанно, но ясно он дал нам понять, что его мнение совпадает с нашим, – но он поневоле был сдержан <...>. Он телеграфировал 13 мая германскому посланнику гр<афу>Бернstorфу в Константинополь следующее: «Превосходящие всякую меру турецкие требования отторгают чисто армянские области Ахалкалака, Александрополя и части Эриванской губернии, далеко превосходящие Брестский договор, – имеют желание вовсе уничтожить армян в Закавказье. Сегодня вечером турки предъявили ультиматум пропустить их войска через Александрополь-Джульфу, – не предупредив меня. Я протестовал против такого образа действий».

Сообщая эту телеграмму в Берлин правительству германский посол в Константинополе в телеграмме своей от 15-го числа мая, со своей стороны рекомендует правительству установить два положения и – Турция должна за базу принять Брест-Литовский договор и – дабы облегчить туркам отступление от их нового проекта договора внушить туркам сделать обмен: т.е. предложить туркам взять татарскую часть Ахалцыхского уезда в обмен на армянскую часть Карской области (Кагызман³⁰), – при чем крепость Карс останется туркам, – и на грузинскую часть Батумской области, прилегающую к грузинской территории. Гр<аф>Бернсдорф добавляет, что, по его сведениям, Халил-бей и Вехиб-паша согласны на эту комбинацию, но что Энвер-паша настаивает на немедленном ультиматуме Закавказской Республике. Это вызовет новую кровавую войну на Кавказе <...>. Так думали и действовали ген<ерал>Лоссов в Батуме и гр<аф>Бернstorф, посланник в Константинополе. В эти дни, а именно 15-го мая прибывала в Тифлис германская внешнеполитическая миссия во главе с ген<ералом> Крессом³¹ <...>

В дальнейшем мы видим, что 9-го июня генерал-фельдмаршал Гинденбург телеграфировал Энверу-паше: «От имени высшего командования прошу Ваше Превосходительство приказать, чтобы все турецкие войска из кавказской территории за исключением Карса, Ардагана и Батума были выведены. По приказанию фельдмаршала Гинденбурга – генерал Беркгейм». Все эти германские протесты вытекали из двух причин: немцы хотели остаться в пределах своего предначертания, – Брестского договора, ибо на все у них был определенный план и во-вторых, – они были отлично поставлены в курс докладами нашими в Батуме через ген<ерала>Лоссова и в Берлине через делегацию Арм<янского>Нац<ионального> Сов<ета>: турки нарушали общий план. Мне ген<ерал>Лоссов говорил, что в то время, как общий план требовал натиска турецких сил на юг, на Багдад против движения англичан, – они, нарушив общий план, – двигались на Баку, Северный Кавказ, для осуществления своих специальных пантюрокских планов. На этой почве происходило столкновение интересов общих союзников и специально – турецких. Это объяснил мне и Вехиб-паша. <...>

Не получая ответа на свой проект мирного договора, турецкая делегация предъявила 14 мая новые требования: пропустить войска турок через Александрополь в Джульфу. Как мирный договор, так и это требование мы сообщали в Тифлис. Для чего я выехал на ст<анцию>Наганеби вызвал к прямому проводу Карчикяна и Агароняна, просил их обсудить предложение и дать нам ответ. Пока пришёл ответ, с 14-

³⁰ Округ в Карской области, с 1918–1920 гг. был частью Республики Армения, после советизации был передан большевиками Турции.

³¹ Крессенштейн Фридрих Кресс фон (1870–1948) – немецкий генерал, командовал армией Турции в Палестине. В 1918 г. был направлен в Грузию.

го на 15-ое, в ночь, в 1 ч<ас> ночи у нас произошло свидание – Халил бей, Вехиб паша, Качазнуни и я. <...> Наше свидание продолжалось два часа. Халил бей говорил нам: «Поймите положение дел. Я и Вехиб паша представляем мирное направление в младотурецком комитете. Талаат и Энвер хотят вовсе уничтожить армянскую территорию. Помогите нам в нашей инициативе. Идите на все уступки, создайте нам возможность идти на Джульфу, – в Персию, – по железной дороге, – и позвольте нам через Караклис– Евлах идти в Баку и далее на север, – и после по окончании войны, – мы придём к вам на помощь и исправим то, что сегодня мы у вас отнимаем. Мы вам поможем в будущем. Ваше же сопротивление сегодня только повредит Вам и вновь прольётся кровь». Кроме того, Халил начал вспоминать все те случаи, когда армяне работали вместе с ним и говорил, что он был хорошим советчиком армян. Мы с Качазнуни высказали нашу горечь, что турки не имеют другой политики, как уничтожение армян, – но что мы тоже ищем путей к соглашению, – но турки своей неуступчивостью толкают нас на конфликт. В результате беседы мы согласились, при известных гарантиях, – а именно германской охраны, пропустить войска, – о чем и дали телеграмму в Тифлис. Что касается условий договора, Халил сообщил нам, что только его миролюбие удерживает положение, ультиматум у него в кармане, – но что, несмотря на настойчивые требования Энвера, – он надеется, что Закавказье без ультиматума разрешит спор, пойдя на уступки. Закавказское правительство, однако, телеграммой от 15-го мая, предписывало делегации вступить в переговоры с делегацией Турции, по поводу жел<езной> дор<оги> Джульфа – Александрополь, – а до соглашений предписало ген<ералу>Назарбекову «удержать Александрополь и железную дорогу силой армии в руках».

Между тем турки 15-го мая сообщили, что не один Брест Литовский договор является базой переговоров и находили, что и без союзников можно заключить договор, к которому они после «могут присоединиться». 16-го мы вновь возразили длинной нотой, вновь... Брест-Литовский договор и участие союзников. В то время мы спорили в Батуме с турками об условиях мира, 15-го мая в 7 ч<асов> 15 м<инут> утра турки напали на Александрополь, – не ожидая окончания наших переговоров. <...>

Генерал Лоссов уже ясно показал, что турки мало считают с его протестами, но все-таки обещал снести со своим правительством. Халил-бей и Вехиб-паша сказали: «Для чего вам немцы. Мы сами можем сговориться с вами. Пусть население остаётся на местах». Не получив гарантий, мы воззвание о том, чтобы население оставалось на местах, не издали. Видя, что никакой вопрос не получает разрешение путём непосредственных сношений между турками и нами, и мирный договор не рассматривается даже, ген<ерала>Лоссов 19 мая написал следующее интересное письмо Закавказской делегации: «Батумские переговоры не подвигаются вперед и сношения, имевшие место между оттоманскими и закавказскими представителями, не имели до сих пор успеха (или не пришли концу). Так как, однако, в интересах всех сторон достигнуть как можно скорее результата, то я имею честь предложить Вам, г<осподин> Министр, мои добрые услуги в качестве посредника. Я прошу Вас не отказать в сообщении официальным порядком, готовили ли Закавказская делегация принять мое предложение. – ф<он>Лоссов. В тот же день в 8 1/2 ч<асов>. вечера состоялось заседание делегации, для обсуждения этого предложения и дачи ответа. Я и Качазнуни немедленно дали своё согласие. Грузины – тоже. Татары, – все их делегаты, –Гаджинский, Расулзаде, долго не давали своего согласия. Они предлагали сначала узнать, – а каково мнение турок? Они боялись сделать шаг, неприятный туркам. После долгих разговоров, – однако они дали тоже свое согласие, и мы ночью, в 12 ч<асов> написали следующий ответ ген<ералу> ф<он>Лоссову: «Имею честь уведомить вас, что Закавказская делегация принимает к удовлетворению предложение добрых услуг, как посредника, каковым вам угодно было предложить в письме от 19-го мая». Между тем временем, турки, взяв Александрополь, двигались дальше. Командующий армянским корпусом ген<ерал>Назарбеков 20 мая телеграфировал,

что «несмотря на перемирие, турки продолжают наступление на Караклисском направлении <...>. Они двигаются в Лорийском направлении на Караклис, и очевидно, оттуда на Тифлис. Из этого я вижу, что захват Александрополя и железной дороги был лишь предлог». Армянский Национальный Совет, видя, что война приняла вполне характер армяно-турецкой войны, делегировал в Батум делегацию <...> официально просить покровительства Германского правительства через представителя ген<ерала>Лоссова. 20-го мая они приехали в Батум.

Мы объяснили делегатам Национального Совета³², что мы в Батуме находимся подчас среди врагов, – своих же сограждан Закавказья. Мусульмане-делегаты не только нас не поддерживают, но прямо вредят нам. Помимо того, что они держатся во всем турецкой делегации, они кроме этого вынуждают нас отказаться от самых элементарных прав национального бытия: так, когда заходит речь о поддержке нас перед турками, о спасении для нас части Александропольского уезда, – они заявляли, что главный город армянской территории, а впоследствии Республики Армении должен быть сел. Вагаршапат (Эчмиадзин), также Эривань должен перейти к Азербайджану. Они заявляли устами Усурбекова и Хан Хойского, что Эривань – татарский город и мусульмане им не простят уступки этого города армянам. А за стеной делегации съехались представители мусульман из Елизаветополя и Ахалцыхского – Султанов, <...> и прочие – прямо звавшие турок на Кавказ. Это особенно ярко выразилось в бумаге, за 40 подписями, поданной туркам от имени мусульман Ахалцыхского и Ахалкалакского уезда с просьбой присоединить эти уезды к Турции. Мы себя чувствовали окружёнными врагами и союзниками нападавших турок. При таких условиях единственная надежда возлагалась на вмешательство немцев. Мы разделили взгляд Национального Совета, приготовили карты, данные и решили совместно сделать доклад ген<ералу>Лоссову. Решили не откладывать и спешить. Политически мы следовали примеру грузин.

Казазуни и я совместно с ними были у гена<ерала>Лоссова 21-го мая, объяснил ему положение армян. <...> Положение было таково: немцы усиливались в Тифлисе для грузин, для защиты их территории и интересов: турки же двигались по армянской территории и войну вели одни армяне. <...> 22-го мая приехал в Батум на пароходе «Гюль. Джималь» турецкий морской министр Джемаль паша. Он сделал визит нашей делегации. Я хорошо помню этот день: делегация встретила Джемаль пашу тремя рядами: грузинской – говорил Чхенкели; армянской – говорил я и татарской – говорил Расулзаде.

Мы говорили солидарно об интересах Закавказья и затем каждый в отдельности и в частности о своих национальных интересах. В речах мы указывали на солидарность Турции и Закавказья, – о том говорили, что вместо того, чтобы проливать кровь, лучше примирится, дав каждому возможность жить и дышать, работать и кормиться. <...> После этой беседы на другой день состоялся парадный обход на пароходе в честь Закавказской делегации. Турки с внешней стороны украсили парход безукоризненно: услали полы коврами, <...> везде расставили букеты, усыпали стол цветами, расставили почетных часовых, гостей встречали с низким поклоном, – и масса почта сопровождала нас на каждом шагу. Я сидел за столом между Джемаль пашой и Бахаэдин Шакиром³³.

Я знал, где я находился, и кто мои соседи. Я знал их роль в судьбе армян. Но такова судьба дипломатических представителей, – они должны находить в себе силы разделить всякое общество. Мои критики меня часто упрекали, что я принимал царя

³² Речь идет о делегатах Армянского Национального Совета.

³³ Бехаздин Шакир (1874–1922) – руководитель подразделения армии Турции, занимавшей контрразведкой. Считается одним из наиболее влиятельных участников партии «Единение и прогресс». Один из инициаторов геноцида армян. В 1922 г. был убит в Берлине в рамках проведения операции «Немезис», проводившейся партией «Дашнакцутюн» с целью возмездия за массовые убийства армян.

Николая, обедал с Энвером Пашой, беседовал с Джемалем пашой и прочими недругами моего народа, – но я всегда снисходительно проходил мимо этой критики, – ибо понимал, что человеческое чувство инстинктивно могло возмущаться от таких встреч, а к политической условности мы ещё не привыкли. Мне же за 20 лет моей административной жизни приходилось в один и тот же день участвовать в тайных заседаниях партии, в подвале, – а вечером быть у жандармов или обедать у Наместника. И это, конечно, есть удел всех тех, кто занимает ответственный официальный пост и душой продолжает быть членом своей партии и работником демократии. Вот почему я обедал у Джемала паши и беседовал с д-ром (доктором – К.А.) Бахаэдином Шакир, автором армянских избиений. Он мне рассказывал, как он участвовал лично в походе Энвера паши в 1914 году на Ардаган, как он с полковником Риза-беем организовывали аджарских четников и считал, что он – честный противник армян. «Армяне – на пути у нас к осуществлению наших священных панисламистских и пантюркских идеалов, – и мы поневоле с ними сталкиваемся. <...> Мы вынуждены стараться стереть тех с лица земли, кто препятствует нашим священным и святым национальным идеалам. А также вы – всегда с русскими. Вы – их авангард. Русские – наши кровные враги, исторические противники. Подумайте над этим, пересмотрите вашу психологию и ориентацию. Ты – враг и я – враг, мы – коллеги, мы понимаем жизнь живого организма, – и в нем нет гуманности или слабости воли: право сильного и жизнеспособного – вот единственное право, которым организм живет. Так и в жизни наций. Тут нет места сентиментализму или чувству – при чувстве самосохранения и объединении аналогичных элементов».

Я ему возражал. Но мы говорили на разных языках. Мы расстались, не только не убедив друг друга, но даже приблизительно не найдя общей почвы. <...> В Батуме на другой день я встретил графа Шуленбурга³⁴, бывшего германского консула в Тифлисе, он только что приехал в Батум из Тифлиса, это – интересный человек.

Он приехал в Батум в форме германского офицера. Его я знал давно, – ещё с 1912-го года. Он был германским генеральным консулом в Тифлисе, а дни царского режима прекрасно образованный, отлично говорящий по-русски и по-французски, – он вращался в лучшем Тифлисском обществе, – он бывал во всех домах, где можно было встретить военных, особенно кавалеристов великосветского нижегородского полка, – высокого положения чиновников и светских дам. Бывал и на всех приемах во дворце и со своей стороны широко принимал и угощал. Он был баловень дам и светских гостиных. Часто я видел на военных праздниках, на скачках, на парадах: он все видел, со всеми говорил обо всем и был нескончаемо любезен. Он имел собственный автомобиль, проездил в виде «туриста» весь Кавказ, особенно пограничные его части, был любителем фотографии, – везде снимал «красивые виды», – и все и всех знал... Я был тогда городским головой в Тифлисе и по службе бывал везде тогда, где бывал граф Шуленбург. Около него вращались, с ним искали знакомства. За месяц до войны он выехал в отпуск. Это было в июле 1914 года, – и в осенний период ноябрь – декабрь 1914 года, когда Энвер паша и Исхан паша с тремя корпусами обрушились на Саракамыш, Ардаган и угрожали Карсу, – в штаб Энвера, пришедшего с этими тремя корпусами, находился граф Шуленбург. Он знал все: дороги, население, силы войска, всех командиров, – и давал, конечно, своих ценные советы. С поражением турок он исчез, хотя наши генералы очень хотели его взять в плен. Он исчез. В 1918 г. он появился в Батуме. Я его видел и беседовал с ним. Без особого апломба, он уже более деловито объяснил, что его назначили состоять при кавказской военно-политической миссии, как «хорошо знающего край и местные условия»:

³⁴ Вернер фон дер Шуленбург (1875 – 1944) – немецкий дипломат, до Первой мировой войны находился на консульской службе в Тифлисе. В 1918 г. был представителем Германии в независимой Грузии. После прихода к власти нацистов продолжил дипломатическую карьеру и был назначен послом в СССР. При его непосредственном участии готовился советско-германский пакт о ненападении 1939 года.

я развил перед ним наши пожелания. Он быстро освоился с ними и стал подходить к ним с точки зрения германских интересов. «Мы, немцы, сказал он, заинтересованы в укреплении независимости Закавказья, в процветании Грузии, но также и в благополучии немцев Борчалинского уезда, – если вы, армяне, можете немецким сыро-варам и владельцам заводов в Лорийском районе, – участке спорном между грузинами и армянами, – мы поможем и вам» <...>.

Так вот этот самый граф Шуленбург, получив сведения о положении вещей, 23-го мая выехал в Тифлис. Фон Лоссов, получив наше согласие на его посредничество, обратился с аналогичным предложением к туркам, но получил от них отказ. 24-го мая он сообщил нашей делегации письмом следующее: «Письмом от 19 мая за №337 Вам угодно было сообщить мне, что делегация Закавказской Республики принимает мое предложение добрых услуг, в качестве посредника. Я обратился с подобным же предложением к его Превосходительству Халил бею и одновременно препроводил ему практический проект разрешения поддерживаемых вопросы. К несчастью, по видимому, моя попытка не увенчалась успехом. Фон Лоссов». На другой день, 25 мая, Чичерин, народный комиссар по Иностранным делам, сообщил Германскому правительству, что правительство России согласно на ведение переговоров в каком-либо городе «недалеко от Закавказья», с Закавказским правительством Чхенкели, но предлагал вовсе вопроса о независимости Закавказья. При этом Чичерин сообщает, что Закавказское правительство посылает «гражданина Магабели для переговоров о признании Русским правительством независимости Закавказья». Пока в Батуме рушились надежды на соглашение между нами, Закавказьем и Турцией и германские предложения отвергались, – в армянских районах, шла настоящая война. Самым крупным, можно сказать, историческим событием являлись сражение 24 – 29 мая в Сардапатате³⁵, на подступах к Эривани и 25 – 29 мая в Караглисе. <...>

Но никогда не надо забывать, что душа и надежда армян были связаны с успехами союзников – Франции и Англии. Оттуда вести были тяжёлые: радио в Тифлисе сообщало, что «27-го мая германцы подвигаются в Champagne, союзники отходили в Chateau-Thierry. Париж бомбардировался, ему угрожали прямо». После Караглисского боя больше сражений не было: лишь в районе Лори и Борчалы татары устраивали резню, в полях, на станциях <...>.

<...> Пути расходились совершенно: в делегации абсолютно не было общего языка. В воздухе чувствовалось, что единства Закавказья нет и Республика распадается, но, как в доме покойника – о смерти не говорят, так и у нас слово «распад Закавказья» не произносилось. Тем более к распаду мы не были ни готовы, ни собирались, мы воевали. Первый заговорил громко об этом генерал Лоссов. 25-го мая, в 7 часов вечера он прислал делегации следующее письмо: «Имею честь сообщить Вам, что я получил достоверные сведения, согласно коим Закавказская Республика и Закавказское Правительство в последнее время находятся в стадии распада. Так как подобное обстоятельство не было предусмотрено и так как я не имею инструкций продолжать, по исчезновении Закавказской Конфедерации, – переговоры и мои полномочия распространялись лишь на переговоры с Закавказским правительством, я должен испросить новых инструкций и в этих целях необходимо, чтобы я вступил в словесный и личный контакт с надлежащими германскими властями. Дабы не терять напрасно времени, я принял решение покинуть Батум этим вечером на германском пароходе «Минна Хори». ФонЛоссов».

Поздно вечером я поехал с Качазнуни на пароход «Минна Хори» попрощаться с генералом <...>

Вернувшись в гостиницу, я узнал, что вечером приехал в Батум предс<едатель> груз<инского> на<ционального> сов<ета> Жордания. Он приехал всего на несколь<ко>

³⁵ Сардапатское сражение произошло 21-28 мая 1918 г. Главным итогом стало спасение Восточной Армении от оккупации турецкими силами.

ко часов и в ту же ночь должен был уехать обратно в Тифлис. Я не знал настоящей и точной цели его приезда, – но через несколько минут мне передали, что он приехал повидать Чхенкели как представителя Закавказского правительства и выяснить с ним вопросы, связанные с объявлением независимости Грузии, которое должно было состояться на следующий день 26-го мая. Жордания был в то время самой центральной фигурой Грузии, – председателем Центрального Комитета меньшевиков и председателем исполнительного комитета грузинского Национального Совета: я его знал давно, с первых же дней моего приезда в Тифлис, в 1900 году. Его я считал очень умным человеком, знатоком народной психологии, прекрасным теоретиком социалистических тем и проблем и как очень опытного тактика. Теоретически он интернационалист, практически – грузинский патриот даже с националистическим оттенком. Влиянием его огромно и на массы, и на партию. Заика, он говорит плохо, но его речи построены бывают прекрасно. Лицо у него без мимики, напоминает египетского жреца, со строгим профилем старинного еврея. Родом он из Гурии, – откуда вышли все активные деятели социализма и революции <...>.

Не надо забывать, что инициатива грузин влекла за собой то или иное движение армян. Вновь мы находились в одном государстве, но вели сепаратно войну – войну общую, <...> при единодушном одобрении грузин-меньшевиков на заседании Сейма 31-го марта. Я, который, был против этой войны, который видел всю ее безнадежность, – указывал на это в своё время Жордания, Рамишвили – но они все-таки верили в успех, шли на разрыв, – и теперь, когда мы были в разгаре войны, мало того, что нам не помогали, – но замыслили вовсе разбить Закавказскую Республику. Полные этих мыслей я встретился в Жордания в 11 ч<асов> вечера в зале гостиницы, где мы жили. С ним был профессор Авалов, назначенный Керенским Сенатором, автор хороших трудов по Государственному праву. Он был советником делегации. Спросив Жордания о настроениях в Тифлисе, я услышал от него, что армяне воюют с турками, что турки нагло наступают, что татары явно с турками, – что при таких условиях единственное средство спасти Грузию – объявить Закавказье распавшимся и объявить независимость Грузии. «Как воскликнул я, – в такую минуту, когда мы все, – вы и мы – в войне, общей войне, когда мы проливаем кровь, – вы нас бросаете? Это разве честно?» – «Честно то, что полезно для народа» сказал Жордания. «Да, – сказал я, – но мы?». «Мы не можем идти с вами вместе, – сказал он, – наш народ хочет спасти то, что можно. И вам надо будет сговариваться с турками, – добавил он, – нет другого пути». На этом наша беседа закончилась. Через час он уехал с частью грузинских делегатов в Тифлис. <...>

После всю ночь мы втроём, - Качазнун, Врацян и я, - беседовали о том, какое нас принять направление и пришли к заключению, что после распада Закавказья и объявления Грузии независимой Республикой единственно логичное решение и Армении объявить себя независимой Республикой. <...> На 7 ч<асов>вечера 26-го был назначен отход поезда. Уезжала вся делегация. Как сейчас помню эту картину: от подъезда гостиницы отъезжают экипажи; уезжали грузинские делегаты, - разместившись в экипажи по национальностям... Словно что-то союзническое рвалось на части. Распадались интересы, ориентации. Было тяжелое чувство одиночества. В 7 ч<асов>мы уехали. Багумская конференция – Турции с Закавказскими Республиками закончилась. 27-го мая утром мы приехали в Тифлис, по дороге на вокзалах стояли немецкие солдаты, а на границе развивался немецкий флаг: грузины себя обезопасили от турецкого наступления.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Амбарцумян К.Р. «Русская революция и образование Республики Армения на Кавказе (1917–1918 гг.)» А.И. Хатисова // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 365–384. [Ambartsumyan K.R. «Russkaya revolyutsiya i obrazovanie Respubliki Armeniya na Kavkaze (1917–1918)» A.I. Khatsova // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 60. P. 365–384].

- Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2010. Т. 7. № 2. С. 64–82. [Nurkova V.V. Avtobiograficheskaya pamyat' v optike kul'turno-istoricheskoi i deyatelnostnoi metodologii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2010. Vol. 7. No. 2. P. 64–82.]
- Траpezундская и Батумская Мирные конференции: Февраль - май 1918 г. / Сост. и отв. ред. Ир. Якобашвили. Тбилиси: Институт Истории Грузии XX века. 2018. 466 с. [Trapezundskaya i Batumskaya Mirnye konferentsii: Fevral' - mai 1918 g. / Ir. Yakobashvili. Tbilisi.: Institut Istorii Gruzii XX veka. 2018. 466 p.]
- Хвостова К.В. Короткое историческое время // Диалог со временем. 2019. № 2. С. 5–16 [Khvostova K.V. Korotkoe istoricheskoe vremya // Dialog so vremenem. 2019. № 2. P. 5–16].

Каринэ Размиковна Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; karina-best21@mail.ru

A.I. Khatsov. “The Russian Revolution and the creation of the Republic of Armenia in the Caucasus region, 1917–1918” (Continuation)

A publication of a fragment from the work by Alexandr Ivanovich Khatsov (1874–1945) is a continuation of the already published beginning of memoirs about the 1917 revolution and its consequences both for Armenia and the entire Transcaucasia.

Key words: Great war, Russian Revolution, the Caucasus in 1917, history of Armenia, A.I. Khatsov, historical events and personal experience, memoirs

Karine Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor, Chair of foreign history, political studies and international relations, North Caucasus Federal University; karina-best21@mail.ru

И.Г. КОБЫЛИН

«ПРАКТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА», ИЛИ ЗАКОНЫ ИСТОРИИ И СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ ПАРАДОКСА

Статья посвящена анализу предложенного А.Л. Юргановым генезиса сталинской «практической диалектики». Отталкиваясь от полемики «механистов» и «диалектиков», Юрганов прослеживает становление такой диалектической структуры, где решающее значение имеет суверенная воля модератора. «Борьба на два фронта» – это логическая машина, которая всегда обеспечивает выигрыш тому, кто ее запускает. В статье эта «машина модерации» сопоставляется, с одной стороны, с размышлениями Карла Шмитта и Джорджо Агамбена о суверенитете и чрезвычайном положении, а с другой – с идеей Бориса Гройса о советской власти как о торжестве «медиума языка» над «медиумом денег». В финале намечается дальнейшая перспектива исследования роли этой машины в позднесоветских условиях.

Ключевые слова: советская философия, диалектика, тотальность, суверенное решение

Недавно вышедшую книгу А.Л. Юрганова «Культ ошибки. Теоретический фронт и Сталин»¹ можно рассматривать как своего рода «приквел» его более ранней фундаментальной работы «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма» (2011)². Эта последняя посвящена скрупулезному исследованию тридцатилетней (1920–1950-е) полемики советских историков о сущности русского средневекового государства XIV–XVI вв. Опираясь на внушительный корпус документов – от стенограмм различных заседаний и совещаний «исторической общественности» до личных дневников ряда участников этого долгого спора, – Юрганов выделяет несколько сменяющих друг друга «конвенций» по обсуждаемому вопросу. И чтобы лучше разобраться в тех проблемах, которые ставит его новая книга, имеет смысл напомнить если и не все перипетии борьбы различных «конвенций», то хотя бы тот ключевой момент, когда роль «модератора» (термин Юрганова) исторических дискуссий перешла от ученого, пусть даже идеологически ангажированного, к партийному лидеру – Сталину.

Первая конвенция связана с именем Михаила Покровского – главного большевистского историка и теоретика/модератора в области истории. В его концепции историческое время является одновременно и необходимым, и избыточным – все изменчиво (растения, животные, люди), но ничто не ново по-настоящему; все исторично, кроме самих законов истории, редуцированных в конечном итоге к последовательности «хозяйственных перемен». Именно с таких позиций Покровский атакует классическую дореволюционную историографию, посвященную формированию Московского государства. Его знаменитая теория «торгово-

¹ Юрганов 2020.

² Юрганов 2011.

го капитала» была призвана продемонстрировать, что «московский абсолютизм не “обгонял” развитие экономических отношений, а был точным их отражением»³. Действительно, «дворянские и буржуазные» историки, в диапазоне от Карамзина до Платонова, исходили из того, что централизованное государство возникло вследствие военно-оборонительных, а не экономических причин. Покровский же, настаивая на классовом характере русской монархии, следовал жесткому – строго марксистскому, как он полагал – экономическому детерминизму: только «хозяйственные перемены» определяют перемены в области надстройки.

Как показал Юрганов, быстрый закат школы Покровского после его смерти – это не только закат одной, пусть и очень влиятельной, конвенции. Скорее нужно говорить об изменении способа модерации спорами историков и, в конечном счете, изменении самого бытования истории как дисциплины в советском обществе. Рамки обсуждений научных вопросов задаются теперь не ученым-исследователем и даже не ученым-администратором, а непосредственно партийным руководителем. И речь должна идти не просто о вторжении политики в область якобы нейтрального академического знания. Покровский совершенно открыто заявлял о политической ангажированности исторической науки. Но при этом он продолжал быть ученым, то есть тем, кто мыслит контекстуально – все сказанное классиками марксизма говорилось в определенном момент и в определенных ситуациях, и все эти конкретности контекста должны быть учтены исследователем. Сталин же превратил весь марксистский канон во внеконтекстуальную истину. И только он сам знал, какая именно цитата наиболее подходила к текущей ситуации.

Строго придерживаясь источников, Юрганов редко отвлекается на философско-теоретические обобщения. Но собранный и блестяще откомментированный им материал, наводит на интересную параллель – параллель между Сталиным-модератором и политическим сувереном в описании Карла Шмитта⁴. В книге об акселерационизме «Злокачественные скорости» – в главе, названной фразой сталинского лозунга «Темпы решают все», – философ Бенджамин Нойс писал, что в эпоху первых пятилеток Сталин фактически превращается в единственного распорядителя времени: только он знает, когда необходимо ускориться («пятилетка в четыре года»), а когда притормозить («головокружение от успехов»). Всем остальным эта хронополитика предлагает лишь мазохистское удовольствие жертвенного подчинения⁵. Но речь, как теперь понятно, должна идти не только о регулировке скоростей – сама «правильность» исторических изменений оказывается поставлена под вопрос. Сталин, подобно шмиттовскому суверену, подвешивающему юридический закон в момент объявления чрезвычайного положения, подвешивает сами марксистские «законы истории»: они продолжают суще-

³ Покровский 1925: 91.

⁴ Более подробно об этой параллели см. Кобылин 2021.

⁵ См. Noys 2014.

ствовать, но их конкретное содержание знает только «модератор» и никто другой. И понятно, что это «знание» – не более чем стратегическая пустота, открывающая вождю полную свободу маневра.

Важно отметить, что радикальная неопределенность парадоксальным образом лишь усиливает силу законов. Прояснить этот парадокс может комментарий Джорджо Агамбена к восьмому тезису «О понятии истории» Вальтера Беньямина⁶. Агамбен пишет о странной структурной аналогии, устанавливаемой Беньямином между «чрезвычайным положением» и задачей, которую должен исполнить Мессия. Разгадка этой аналогии в том, что в обоих случаях мы имеем дело с «чистым законом без значения», с Законом, который поддерживает и воспроизводит себя как «нулевую точку содержания». Закон становится «несхватываемым» (ибо он есть Ничто), но в силу этого – непреодолимым. И как показывает книга Юрганова, эта структурная аналогия может быть расширена. Сталинское «чрезвычайное положение», подвешивающее исторические законы в полной неопределенности, придает им почти мистическую силу.

Все дальнейшие конвенции, описываемые автором в «Русском национальном государстве», создавались в этой атмосфере принципиальной неясности – историки должны были угадать, каково сегодня значение законов истории, у которых больше нет фиксированного значения. В новой же книге Юрганов перемещается в область философии, которая в советской идеократии всегда была медиумом власти. Отталкиваясь от дела Деборина, историк прослеживает, как именно рождалась «практическая диалектика» – универсальный инструмент, позволявший Сталину оставаться суверенным «модератором» любой политически значимой дискуссии. Но прежде чем перейти к более подробному рассмотрению «Культа ошибки», еще одно небольшое философское отступление.

В работе «Коммунистический постскрипtum» Борис Гройс описывает советский проект как успешную попытку подчинить экономику политике. А поскольку медиумом первой являются деньги, а медиумом второй – язык, то получается, что советский коммунизм – это власть языка как такового. Но что это означает – находиться под властью языка? Язык, напоминает Гройс, следует понимать как тотальность. Но раз язык – тотальность, т.е. совокупность всех возможных дискурсов и мнений, то любое отдельное высказывание, сколь угодно логически когерентное, это не более чем частность, абстрактная односторонность, которая не в силах охватить целое. Иными словами, за гладкой оболочкой речи скрывается противоречие, парадокс, а настоящий философ – еще со времен Сократа и Платона – это тот, кто выводит парадокс на поверхность, т.е. обнаруживает ограниченность, партикулярность любого отдельного – обманчиво непротиворечивого – утверждения. При капитализме высказывания становятся товаром, т.е. легитимируются в качестве частного выражения частного же интереса. Капитализм устанавливает режим компромисса, но не в сфере самого языка, а во внешней для

⁶ См. Agamben 1999: 160-174; Беньямин 2012: 241.

него сфере денег. Коммунизм же – это по-настоящему «бескомпромиссный» режим, где именно парадокс, данный в форме материалистической диалектики, оказывается «иконой» тотальности.

Диалектический материализм, философия, осуществившая, наконец-то, мечту Платона и пришедшая к власти, мыслит реальность как вечно противоречивое целое. Противоречие не может быть историзировано, преодолено, оставлено в прошлом, как это было в философии Гегеля. Снятие одних противоречий приводит к появлению других – противоречие как таковое неснимаемо. Соответственно, всякое непарадоксальное высказывание квалифицируется как одностороннее, абстрактно изолирующее лишь один аспект непрерывно меняющейся действительности, движимой борьбой противоположностей. И тотальность этой изменчивой действительности может быть схвачена только всей тотальностью языка. Это значит, что диалектический материализм «хочет, формулируя некий тезис, сохранить за собой право одновременно формулировать антитезис, ведь если на антитезис налагается запрет, он тем самым исключается из целого, которое в итоге перестает быть полным и живым»⁷. В этом контексте, например, становится понятным парадоксальный ответ Сталина на вопрос, какой уклон хуже – правый или левый? Вождь, как известно, ответил подлинно диалектически: «Оба хуже». Дело не в содержании «уклона», а в том, что он отказывается признать одновременную правоту противоположного мнения, а, следовательно, обрекает себя на всего лишь формально-логическую связность, то есть – на «безжизненность».

Работа Гройса носит почти исключительно спекулятивный характер – речь здесь идет о логических последствиях абсолютной победы медиума языка над медиумом денег. Книга Юрганова, напротив, – тщательное эмпирическое исследование. Вновь, как и в случае с «Русским национальным государством», перед нами страницы стенограмм, отчетов, писем, номеров теоретических журналов – только теперь уже это стенограммы и отчеты не исторической, а философской общественности. И тем интереснее практически полное совпадение выводов. Так, в «Заключении» Юрганов пишет: «В “текст сталинизма” включаются *все имеющиеся* точки зрения, мнения, концепции, чтобы обнажить в них неполноту истинного смысла и враждебность марксизму-ленинизму, с которым таинственно соединяются только “Центральный комитет” партии и лично товарищ Сталин». И далее о сталинском тезисе о необходимости борьбы на два фронта: «Если человек соглашался, а не согласиться он не мог, – это установка всей большевистской партии – то в дальнейшем технология лишь показывала неизбежность *однoboкoсти* (любимое словечко Сталина) *всякого мнения*, без упоминания о том, какова же правильная точка зрения»⁸. Можно сказать (*cum grano salis*, конечно), что небольшое различие в результатах у Юрганова и Гройса – это лишь

⁷ Гройс 2007: 49.

⁸ Юрганов 2020: 226-227.

различие «апофатического» (акцент на таинственности «правильного мнения» у Юрганова) и «катафатического» (акцентирование «тотальности» у Гройса) взглядов на сталинскую теологию.

Важно подчеркнуть, что историческое исследование – это не просто эмпирическое подтверждение уже достигнутой спекулятивной истины. Изучение того, как реально устанавливается власть парадокса, безусловно, ценно само по себе. Тем более что конкретно-исторический анализ позволяет и несколько скорректировать спекулятивные выводы.

Юрганов начинает со знаменитого философского спора 20-х – спора между «механистами» (Л. Аксельрод, А. Тимирязев, И. Скворцов-Степанов) и «диалектиками» (А. Деборин, Я. Стэн, Н. Карев). Предметом спора, как известно, была проблема соотношения диалектического метода и методов конкретных, прежде всего, естественных наук. Однако подлинной ставкой дискуссии был статус самой философии – если «механисты» фактически лишали ее всякой самостоятельности, позитивистски сводя философскую картину мира к совокупности достижений естествознания, то «диалектики» настаивали не просто на автономии философского знания, но и на праве диалектического материализма «руководить и направлять» (Деборин) любые научные исследования. Победа Деборина, по сути, означала «суверенизацию» диамата, но она была лишь первым шагом на пути к подлинной «власти парадокса».

Действительно, «диалектики» мыслили недостаточно диалектически – победив на «теоретическом фронте» и утвердив собственную позицию в качестве «генеральной линии», они неизбежно впали в «односторонность» и «однобокость». Более того, отстояв философию как автономную дисциплину и наделив ее силой суверенного решения, они образовали второй – относительно независимый от партии (бывший меньшевик Деборин даже не был членом ЦК) – центр власти. «Теоретический фронт» невольно противопоставил себя партийному руководству, занимающемуся практическим строительством. «Диалектики» забыли, что подлинная диалектика учит высшему совпадению теории и практики. И в 1929 году в своем выступлении на съезде аграрников-марксистов Сталин им об этом напомнил.

В «Русском национальном государстве» Юрганов уже писал о сталинской кампании по преодолению отставания теории от практики как о переломном моменте в переходе от одного типа модерации историко-идеологических дискуссий к другому. В «Культе ошибки» он более подробно рассмотрел, во-первых, сам процесс выдвижения Сталина в качестве такого практика, который способен с высоты уже достигнутых результатов судить (во всей двусмысленности этого слова) любых «теоретиков»; а во-вторых, выявил логическую структуру сталинского диалектического аргумента. Остановимся на этом чуть подробнее.

В параграфе «“Диалектика” как технология» Юрганов описывает эту структуру формулой $A - N - B$, где A и B – это предполагающие друг друга «односторонности», а N – символ суверенной администри-

рующей воли. «N – это синтез, который не заключает *никакого смысла* до тех пор, пока не начнется диалектическое построение; N необходимо, чтобы в синтезе была не единица смысла, а воля модератора, утверждающая, что A и B неверны. Результат силлогизма: “правое уклонение”, “левый загиб” – определяются лишь волевым усилием того, кто наделяется правом утверждать в какой мере B обнажает скрытую ошибку A. Это право означает, что *обе стороны неправы*, и прав лишь тот, кто манипулирует двойственностью»⁹. Продолжая рассуждение Юрганова, можно сказать, что, обе стороны неправы в своей изолированной односторонности, единственно верной будет лишь шизофреническая тотальность, высказать которую можно только апофатически – то есть одновременно критикуя все противостоящие друг другу партикулярности. «Борьба на два фронта» – это логическая машина негативного обнаружения абсолютной полноты. В «Культе ошибки» Юрганов, по номерам анализируя статьи журнала «Под знаменем марксизма», показывает, как именно сталинская диалектика побеждает «диалектиков» и чем в конечном итоге оборачивается эта победа для философии.

Как показал Алексей Юрчак, место Сталина как господствующей фигуры идеологического дискурса, как «модератора» после его смерти никем более не занималось¹⁰. И было бы, безусловно, интересно, используя замечательные исследования Юрганова, изучить, как работала «диалектическая технология» в позднесоветскую эпоху – в отсутствие главного модератора. Особенно важно обратить внимание на взаимоотношения философской власти и экономической рациональности в 1960–1980-е годы – попытки привить плановой экономике элементы либеральной «губернаментальности» были явным симптомом уступок «медиума языка» «медиуму денег». И в целом можно предположить, что диалектическая тотальность, державшаяся благодаря суверенной воли N, стала постепенно распадаться на отдельные «абстрактные» аспекты – технократический марксизм, наследовавший Богданову; деятельностный подход, опиравшийся на Выготского и Леонтьева; марксистский консерватизм Лифшица и так далее. Но общее предположение не заменит будущих конкретных исследований, для которых работа Юрганова, несомненно, будет служить необходимой стартовой площадкой.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беньямин В. О понятии истории / Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. М.: РГГУ, 2012. [Ben'yamin V. O ponyatii istorii / Ben'yamin V. Uchenie o podobie. Mediaehsteticheskie proizvedeniya. Sb. statei. M.: RGGU, 2012].
- Гройс Б. Коммунистический постскрипtum. М.: Ад Маргинем, 2007. [Grois B. Kommunisticheskii postskriptum. M.: Ad Marginem, 2007.]
- Кобылин И. Невидимая рука истории: «губернаментальность», провиденциальная машина и исторический материализм // Логос. 2021. Т. 31. №4. С. 247-265 [Kobylin I. Nevidimaya ruka istorii: «gubernamental'nost'», providentsial'naya mashina i istoricheskii materializm // Logos. 2021. T. 31. №4. S. 247-265].

⁹ Юрганов 2020: 72.

¹⁰ См. Юрчак 2014: 52.

- Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия / Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Сборник статей 1922-1925 гг. Л.: Рабочее издательство «Трибой», 1925. [Pokrovskii M.N. Otkuda vzyalas' vneklassovaya teoriya razvitiya russkogo samoderzhaviya / Pokrovskii M.N. Marksizm i osobennosti istoricheskogo razvitiya Rossii. Sbornik statei 1922-1925 gg. L.: Rabochee izdatel'stvo «Priboi», 1925].
- Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. [Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov ehpokhi stalinizma. – М.: RGGU, 2011.].
- Юрганов А.Л. Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. [Yurganov A.L. Kul't Oshibki. Teoreticheskii front i Stalin (seredina 20-kh – nachalo 30-kh gg. XX v.). М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Yurchak A. Ehto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.].
- Agamben G. Potentialities. Collected Essays in Philosophy. Stanford: Stanford U.P., 1999.
- Noys B. Malign Velocities. Accelerationism and Capitalism. Zero Books, 2014.

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ), старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ ИОН РАНХиГС; kigor55@mail.ru

"Practical Dialectics", or the Laws of History and the Sovereign Power of the Paradox

The article is devoted to the analysis of the conception of the genesis of Stalin's "practical dialectics" proposed by A.L. Yurganov. Starting from the polemics of "mechanists" and "dialecticians", Yurganov traces the formation of such a dialectical structure, where the sovereign will of the moderator is of decisive importance. A "fight on two fronts" is a logical machine that always wins for the one who launches it. The article compares this "moderation machine", on the one hand, with the thoughts of Carl Schmitt and Giorgio Agamben about sovereignty and a state of emergency, and on the other, with Boris Groys's idea of Soviet power as the triumph of the "medium of language" over the "medium of money." In the finale, a further perspective is outlined for researching the role of this machine in late Soviet conditions.

Key words: Soviet philosophy, dialectics, sovereign decision, totality

Igor Kobylin, PhD, Associate Professor, Department of Social Sciences, Privolzhsky Research Medical University (PRMU), Senior Research Officer, Centre for Studies in History and Culture, SPP, RANEPa. E-mail: kigor55@mail.ru

М.А. ВЕДЕШКИН, Н.П. ВОЛКОВА

МОНАШЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ¹

В статье представлена рецензия на сборник статей *Monastic Education in Late Antiquity: The Transformation of Classical 'Paideia'* (под ред. Л. Ларсен и С. Рубенсона). Отмечается как методологическая новизна подхода авторов, включенных в сборник статей, так и противоречивость некоторых суждений и выводов.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, ранняя Византия, история Церкви, раннее монашество, история образования, образовательное пространство

Древнейшие памятники агиографии, патерики и исторические сочинения, освещавшие ранний этап развития монашества, подчас описывали первых христианских анахоретов как выходцев из низов общества, неграмотных или в лучшем случае полуграмотных коптов и сирийцев, поборников простых «истин» неученых «рыбарей-апостолов», отвергнувших суетное любомудрие дольного мира. Под влиянием этих свидетельств историки XIX–XX вв. сделали вывод о том, что большинство монахов были врагами традиционной античной пайдеи, ярыми противниками греко-римской культуры и образованности. В последние годы наблюдается тенденция к пересмотру этой, казалось бы, твердо закрепившейся в историографии концепции. Благодаря изысканиям Ф. Руссо, Э. Випшицки, Д. Хедstromа и др.² акценты в оценке раннего монашества постепенно сместились, и оно все чаще воспринимается как сложный в социальном и этнокультурном отношении феномен.

В ревизионистском духе выдержан и сборник трудов конференции, организованной в Лундском университете в рамках международной исследовательской программы «Раннее монашество и классическая пайея». Редакторы издания – один из главных оппонентов классических взглядов на сущность раннеегипетского монашества и автор имевшего большой научный резонанс исследования «Жития Антония Великого»³ С. Рубенсон, а также Л.И. Ларсен – специалист по истории позднеантичного образования и монашеской традиции. Сборник разделен на пять частей, в которых рассматривается широкий круг вопросов, связанных с проблемой взаимоотношения монахов и традиционной культуры. Первая часть («Язык образования») открывается статьей Рубенсона, представляющей его концепцию монастыря как школы (13–32). Далее следуют статьи П. Гейманхарта и А. Вестергрена, посвященные проблеме переводов «Жития Антония» (33–52) на латинский язык и образу монахов в «Церковной истории» Сократа Схоластика (53–72), соответственно.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эволюция пространства образования и пространства знания в поздней Античности» № 19-013-00004.

² Напр. Rousseau 1999; Caner 2002; Hedstrom 2017; Wipszycka 2018; Лурье 2000; Хосроев 2004; Войтенко 2012.

³ Rubenson 1998.

Вторая, третья и четвертые части сборника посвящены рецепции ступеней классического образовательного куррикулума (грамота, грамматика, риторика и философия) в монашеской традиции. Во втором разделе представлены три статьи, обсуждающие начальное образование и грамотность в монашеской среде. Раздел открывается работой Р. Багналла, который строит выводы об уровне грамотности египетских анахоретов на основании почерковедческого анализа и написания *nomina sacra* в их письмах (75–100). Л. Ларсен выдвигает гипотезу о том, что в египетских монастырях существовала некая особая учебная программа, сформировавшаяся под влиянием посланий Иеронима Стридонского (101–124). Наконец в работе А. Маравеллы рассматриваются образовательные функции цитат из Гомера и псевдо-Менандра, обнаруженных на найденных в ходе раскопок в монастырях Св. Епифания и Св. Фебаммона остраконах (125–150). Третья часть сборника посвящена рецепции грамматических и риторических моделей в текстах, вышедших из-под пера египетских монахов. На основании анализа данных найденного в турецком карьере папируса Б. Стефаниу выдвигает предположение, что возглавлявший Александрийское огласительное училище Дидим Слепец в своих занятиях использовал педагогические наработки грамматической школы и по сути являлся грамматиком (153–181). В статье Е. Мюльбергер демонстрируется, что в своих наставлениях для монахов Евагрий Понтийский прибегал к классической риторической практике *ῥητοροία* (182–194). М. Шеридан пытается доказать, что красноречие выходца из монашеской среды епископа Руфа Шотепского (конец VI в.), «косвенно свидетельствует о влиянии классической пайдейи на раннеегипетское монашество» (195–216). В четвертом разделе рассматривается влияния греко-римской философской традиции на монашество. В работе Х.Р. Джонсен исследуются эпикурейские и стоические истоки монашеского преклонения перед «неученостью» (219–235). А. Урбано сравнивает «Историю монахов» Феодорита Киррского и «Жизнь Прокла» Марина Неаполитанского и делает вывод, что эти произведения были продуктом борьбы христиан и язычников за право называться наследниками платоновской традиции (236–255). В статье Д. Певарелло рассматривается рецепция пифагорейских «Сентенции Секста» в монашеской и шире христианской среде (255–278).

Пятый раздел посвящен формам литературной деятельности монахов и ее материальным артефактам. Убедительно опровергая распространенные представления о «стабильности» древних текстов, Б. Далман показывает, что многие позднеантичные авторы, в т.ч. и монахи, нередко редактировали свои уже изданные произведения, адаптируя их к новым политическим реалиям или аудитории (281). Х. Лундхауг и Л. Дженотт возрождают старый спор о владельцах библиотеки Наг-Хаммади и пытаются доказать, что она принадлежала некой монашеской общине (306–325). Завершает сборник статья Д. Заборовски, исследующая историю переложения *Aprophthegmata Patrum* на арабский язык (326–342).

Стоит признать, что большинство статей написано на высоком уровне и значительно обогащает наши знания о таком сложном и противоречивом социальном явлении как позднеантичное монашество. Вместе с тем, при чтении некоторых из опубликованных в сборнике исследований сложно избавиться от ощущения, что авторы всеми силами пытаются подогнать свои выводы под заранее известный результат, что выливается в чрезмерно смелые обобщения, натяжки и допущения. Во вступлении, как бы задавая программную установку всему сборнику, редакторы заявляют, что основной целью коллективного исследования является окончательное развенчание «мифа» о необразованных и враждебных классической культуре коптах, якобы составлявших большую часть насельников египетских монастырей IV–VII столетий. В качестве альтернативы данной концепции выдвигается тезис о прямой преемственности классических образовательных моделей, принятых на вооружение монахами восточных провинций Римской империи. Думается, что в полной мере доказать это им не удалось.

В открывающей сборник статье «Раннее монашество и идея “школы”» С. Рубенсон выступает с критикой традиционного образа монастырской школы, сложившегося под влиянием работ А.-И. Марру, представивших монастырь как замкнутую общину, ничем не похожую на греко-римские школы поздней античности. Исследователь считает, что концепция Марру несет на себе слишком сильный отпечаток современных представлений о сущности школы. Критикуя построения своего оппонента Рубенсон пишет: «Вопрос заключается не в том, существовали ли монастырские школы, а в том, являлись ли монастыри фактически школами; не в том, происходило ли обучение в монастырской среде, а в том, было ли монашество по своей сути просветительским движением, уходящим корнями в школьные традиции предшествующей эпохи» (14). Для самого автора ответ очевиден – в монастырской жизни присутствовали все черты античной школы, а именно: досуг, то есть отсутствие необходимости заниматься производственной деятельностью (*leisure*, *σχολάζω*), подражание образцам (*tradition*, *τὰ κατὰ μίμησθαι*), упражнения (*exercise*, *ἄσκησις*, *μελέτη*, *γύμνασις*), организационная структура (*collective organization*) и, наконец, использование специальной «педагогической» терминологии (*διδάσκαλος*, *σχολή*). Оставляя за скобками подробное обсуждение более чем спорного вопроса о монашеском «досуге» (как известно, большинство раннегипетских монахов зарабатывали себе на хлеб насущный земледельческим или ремесленным трудом)⁴, приходится признать, что подход Рубенсона чреват обнаружением сходства даже там, где его на деле может и не быть. К примеру, под авторское определение «образовательной структуры» несомненно подпадает позднеримская армия – в идеале солдаты были оторваны от производственного труда, в воинстве чтили древние традиции римских легионов, регулярно выполнялись упражнения, нацеленные на повышение боевых

⁴ См. напр. Wipszycka 2011.

качеств личного состава. В армии существовала четкая организационная структура и строгая иерархия, и даже использовалась «образовательная» терминология – в частности, лейб-гвардейские полки именовались схолами (*scholae*), а высшим воинский чин именовался *magister militum* (досл. наставник воинов). Более того, не ясно значение активно используемого автором термина «монастырская школа». Понимает ли он под ней такие элементы образования как обучение монахов грамоте или же он рассматривает весь уклад жизни монастыря как своего рода школу?

Спорны и положения работы Л. Ларсен, где выдвигается гипотеза о том, что в монастырских школах существовала некая общая учебная программа, разработанная под влиянием Иеронима Стридонского (122–123). Прежде всего, крайне маловероятно, что написанное на латыни послание вифлеемского аскета к матроне Лете, в котором он представлял свой план воспитания ее дочери Паулы (Ер. 107(87)), могло иметь хождение в преимущественно коптско- и грекоязычной среде египетского монашества. Едва ли можно согласиться и с предположением, что курикулум, придуманный Иеронимом для едва начавшей ходить девочки из одной из самых богатых и знатных сенаторских семей Ветхого Рима, мог быть адекватно применен для воспитания анахоретов. К тому же авторская гипотеза строится на интерпретации скудного и неоднозначного источникового материала – нескольких остраконов и силлабической таблицы, обнаруженной в некрополе Бени-Хасан. Думается, что этого недостаточно, чтобы делать заключение о существовании и широком распространении строгой системы обучения в монашеской среде.

Не менее сомнительны и выводы Р. Багналла. Блестяще выполненный исследователем графологический анализ монашеских писем позволил ему убедительно продемонстрировать, что владельцы почерков, которыми они были написаны, имели начальное образование – то есть их уровень грамотности примерно соответствовал уровню «приказчика» (*manager class*). Эти наблюдения позволяют Багналлу сделать вывод о том, что заметная часть монахов позднеримского Египте получила по меньшей мере начальное образование. Данное положение, впрочем, не представляется нам достаточно обоснованным. Как отмечал сам исследователь, в позднеантичную эпоху, послания зачастую записывались не их номинальными (и подчас неграмотными) авторами, но их более образованными родственниками, соседями или даже наемными писарями⁵. Очевидно, данная практика существовала и в монашеских общинах. Из этих рассуждений следует закономерный вопрос – насколько грамотной была основная масса насельников египетских лавр и пустыней, если даже монахи, которым было вверено написание писем от имени их братьев и сестер во Христе, в которых естественно видеть наиболее культурных членов общины, имели лишь начальное образование и, как показал сам автор, никогда не посещали даже школу грамматика (99)?

⁵ Bagnall, Cribiore, Ahtaridis 2006: 41 – 55; ср. Павловская 1985: 383–384.

Столь же неоднозначны и выводы М. Шеридана и Е. Мюльбергер о широком распространении классической риторики и философии в монастырской среде на примере текстов монахов-интеллектуалов Руфа Шотепского и Евагрия Понтийского. Присутствие в рядах раннеегипетского монашества образованных и даже очень образованных людей – известный факт, но эти эрудиты были одиночными островками культуры в море неграмотных или малограмотных анахоретов, которые далеко не всегда сочувственно относились к «любомудрию» своих «братьев». В частности, изысканное богословие оригениста Евагрия было объявлено ересью, основанные им скиты разгромлены действовавшими с благословения архиепископа Феофила монахами-антропоморфистами, а ученики малоазийского аскета изнаны из Египта.

Наиболее взвешенную оценку влияния классической пайдейи на раннеегипетское монашество дала А. Маравелла. Исходя из анализа археологических данных, автор делает вывод о том, что обнаружение в египетских монастырях греческих текстов, которые можно было бы рассматривать как «образовательные», далеко не всегда однозначно свидетельствует о приобщении монахов к классической традиции. Исследуя обнаруженные в ходе раскопок двух верхнеегипетских монастырей остраконы с отрывками из Гомера и афоризмами псевдо-Менандра, она пришла к выводу, что монахи, по-видимому, не отождествляли эти тексты с их авторами и греческой культурной традицией как таковой, но считали их не более чем своего рода источником гномической мудрости, меткими афоризмами, которые можно было при случае использовать для увещевания взрослых монахов. Иными словами, данные тексты едва ли могли использоваться для приобщения воспитываемых в монастырях детей к классической литературе и, в целом пайдейи. С точки зрения Маравеллы, в среде коптоязычных христиан грекоязычная культура едва ли могла получить сколь-либо широкое распространение.

К числу спорных решений редакторов сборника можно причислить и сравнительно узкие географические рамки большинства исследований. Несмотря на то, что во вступлении составители заявляли о стремлении исследовать феномен монашеского образования и его связи с пайдейей на всей территории Восточной империи, за редким исключением поднятая в рассматриваемом труде проблематика ограничивается египетским материалом. Самобытные монашеские традиции крупных городов империи (прежде всего Константинополя и Антиохии), Малой Азии и Сирии фактически не рассматривались. Это обстоятельство представляется тем более удивительным по той причине, что в означенных регионах связь монашеской культуры с греко-римской традицией, с нашей точки зрения, прослеживается отчетливее, чем в Египте.

Резюмируя сказанное, мы вынуждены признать, что заявленная во вступлении цель так и не была реализована – об окончательном развенчании «историографического мифа» о неграмотных монахах говорить все еще не приходится. Тем не менее, авторам удалось решить множе-

ство частных вопросов, связанных с проблемой рецепции традиционной культуры египетскими анахоретами IV–VII вв., и тем самым наметить пути дальнейшей разработки данной темы. В этом отношении рассматриваемый труд представляет собой важное дополнение к существующей полемике о трансформации пайдеи в позднеантичную эпоху.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М.: ЦЕИ РАН, 2012. 318 с. [Vojtenko A.A. Egipetskoje monashestvo v IV v.: Zhitie prep. Antonija Velikogo, Lavsaik, Istorija monahov. M.: CEI RAN, 2012. 318 s.]
- Лурье В.М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетейя, 2000. 243 с. [Lur'e V.M. Prizvanie Avraama. Ideja monashestva i ee voploshhenie v Egipte. SPb.: Aletejja, 2000. 243 s.]
- Павловская А.И. Социально-психологический облик крестьянина позднеримской эпохи (по материалам египетских папирусов) // Культура Древнего Рима. Т. 2 / под ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1985. С. 356–386. [Pavlovskaja A.I. Social'no-psihologicheskij oblik krest'janina pozdnerimskoj jepohi (po materialam egipetskih papirusov) // Kul'tura Drevnego Rima. T. 2 / pod red. E.S. Golubcova. M.: Nauka, 1985. S. 356–386].
- Хосроев А.Л. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб.: Нестор-История, 2004. 500 с. [Hosroev A.L. Iz rannej istorii obshhezhitel'nogo monashestva v Egipte. Spb.: Nestor-Istorija, 2004. 500 s.]
- Bagnall R.S., Cribiore R., Altaridis E. Women's Letters from Ancient Egypt, 300 BC-AD 800. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006.
- Caner D. Wandering, Begging Monks Spiritual Authority and the Promotion of Monasticism in Late Antiquity. Berkeley, Calif.: University of California Press, 2002. 339 p.
- Hedstrom D.L.B. The Monastic Landscape of Late Antique Egypt: An Archaeological Reconstruction. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017. 448 p.
- Monastic Education in Late Antiquity: The Transformation of Classical Paideia / Ed. L.I. Larsen, S. Rubenson. New York: Cambridge University Press, 2018. 374 p.
- Rousseau P. Pachomius: The Making of a Community in Fourth-Century Egypt. Berkeley: University of California Press, 1999. 250 p.
- Rubenson S. Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint. Minneapolis: UN-KNO, 1998. 256 p.
- Wipszycka E. Resources and Economic Activities of the Egyptian Monastic Communities (4th-8th century) // The Journal of Juristic Papyrology. №. 41. 2011. 159–263.
- Wipszycka E. The Second Gift of the Nile: Monks and Monasteries in Late Antique Egypt. Warsaw: University of Warsaw. 2018. 565 pp.

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, с.н.с., Институт всеобщей истории РАН; доцент, ИОН РАНХиГС; Balatar@mail.ru

Волкова Надежда Павловна, кандидат философских наук, н.с. Институт философии РАН; go2nadya@gmail.com

Monastic Education in Late Antiquity: New Concepts, New Approaches

The article presents a review of the collective volume *Monastic Education in Late Antiquity: The Transformation of Classical 'Paideia'*, edited by L. Larsen and S. Rubenson. It emphasizes both the methodological novelty of the approaches of the authors and the controversial nature of some of their judgments and conclusions.

Key words: Late Antiquity, Late Roman Empire, Early Byzantium, History of the Church, early monasticism, history of education, paganism, educational space

Mikhail Vedeshkin, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor, School of Public Policy – RANEPa; Balatar@mail.ru

Nadezhda Volkova, Ph.D. in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; go2nadya@gmail.com

РАЗМЫШЛЯЯ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ...

Представлена рецензия на сборник статей «Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени» (сост. М. Неклюдова). Включенные в него исследования посвящены повседневным социальным практикам Нового времени в России и Европе и их конструированию при помощи нормативной литературы.

Ключевые слова: *Норберт Элиас, история повседневности, социальные практики, нормативная литература, история телесности, дисциплинирование*

Внимательный взгляд на повседневную жизнь, с ее кажущейся спонтанностью и неупорядоченностью, выявляет ее подчиненность культурным установкам и общественным нормам. Многие из них задаются текстами, и соотношение с ними обыденных практик во многом определяет формы, которые принимала повседневность. Исследованию этих отношений посвящен недавно вышедший в свет сборник статей «Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени» под редакцией М.С. Неклюдовой. В его основу легли материалы прошедшей в ноябре 2018 г. в РАНХиГС конференции «Укрощение повседневности: нормативная литература и поведенческие стратегии Нового времени»¹. В фокусе внимания авторов оказались повседневная жизнь и повседневные социальные практики Нового времени, главным образом, способы ее подстраивания под шаблоны, задаваемые нормативными моделями поведения. Отправная точка исследований – метафора «укрощения двора», с помощью которой один из самых влиятельных социологов XX в. Норберт Элиас описывал формирование современного ему западного общества². Эта метафора была применена к истории повседневных практик Нового времени и современности, преимущественно на материале Франции и России. Следуя за Элиасом, авторы сборника определили избранный ими аспект изучения повседневности, а именно, регуляцию обыденной жизни – поведения и телесных практик, их кодификацию и фиксацию, формирование нормативных моделей от раннего Нового времени до наших дней. В числе исследуемых средств кодификации обыденного поведения – те, которым уделял внимание сам Элиас, например, учебники хороших манер и/или танцев, письмовники, а также другие тексты Нового времени, в частности, руководства по домоводству и модные журналы, и новые инструменты регулирования повседневности, возникшие недавно – сетевые медиа, блоги, а также новые визуальные источники, включая фотографию, кино и телешоу. Кроме того, поле повседневности позволило затронуть сюжеты, к которым Элиас не обращался – например, повседневные религиозные практики монашеских сообществ и способы их фиксации.

¹ Укрощение повседневности... 2020. Ссылки на сборник даны в тексте.

² Elias 1939, Elias 1969, Элиас 2001, Элиас 2002.

Авторы уделили много внимания анализу исследовательских процедур и культурного контекста, в котором они сформировались и существуют. В соответствующем разделе рассматривается научное наследие Н. Элиаса, его рецепция в современной науке и формировавшиеся одновременно с ним научные концепции. Наследие Элиаса уже неоднократно подвергалось критическому осмыслению со стороны ученых из разных стран, анализировавших и порой оспаривавших многие стороны его социологических построений³. Книгу открывает статья М. Велижева [12-33], в которой анализируются главные критические замечания в адрес Элиаса, высказанные историками двора, в частности Й. Дуиндамом⁴ и др., и, на взгляд рецензента, довольно убедительно показывается, что теория цивилизации Элиаса и сейчас, с известными оговорками, может быть применена, если не к политической истории, то к историко-культурным исследованиям. Свидетельством успешного синтеза такого рода является сам рецензируемый сборник.

Отталкиваясь от ссылок в трудах Элиаса, М. Неклюдова [34-57] констатирует во французском академическом мире межвоенного периода выраженный интерес к складыванию моделей поведения человека модерна, к исследованиям наставительной литературы и учебникам хороших манер, которые стали основой для построений Элиаса. Прослеживая использование упомянутых Элиасом работ французского филолога и знатока «литературы хороших манер» XVI–XVIII вв. Мориса Мажанди в трудах других историков, Неклюдова реконструирует интеллектуальную среду пред- и послевоенной Франции, в которой формулировались научные запросы, близкие к интересам Элиаса, что впоследствии сделало возможным рецепцию его идей.

М. Майофис, сопоставив теоретические построения Элиаса с появившейся одновременно, в 1930-х гг. педагогической теорией Антона Макаренко, предполагавшей ускоренный «процесс цивилизации» для учеников его школ-коммун, подчеркнула неслучайность сходства и общие истоки двух теорий, в частности, воздействие идей Фрейда, показала, что теории цивилизации возникли в условиях восстановления стандартов повседневной жизни, в т.ч. бытовых, после катастрофы Первой мировой войны и революций, а в основе дисциплинарных требований лежат страхи, делающие дисциплину и самоконтроль средством защиты [58-79]. Таким образом, общий интерес европейцев к дисциплинированию был порожден интеллектуальным контекстом 1920–1930-х гг.

Второй раздел сборника посвящен укрощению тела – кодификации и конструированию телесных практик посредством нормативных текстов разных жанров. В статье Е. Михайловой-Смольняковой [82-109] анализируются итальянские учебники танцев XVI в., прослеживается формирование отдельного жанра наставлений. Эти тексты формируют

³ Обзор историографии см. в: Asch 1991, Duindam 1994, 2003, а также Велижев 2020 (в рецензируемом сборнике).

⁴ Duindam 1994, Duindam 2003.

особые телесные практики и создают новый вид развлечений – придворный танец, из простонародной и по преимуществу женской забавы превратившийся в занятие, не просто достойное дворянина, но предписываемое мужчинам и женщинам – представителям элит, аристократам и подражающим им горожанам. Подчеркивается, что танец переосмыслился как занятие, призванное гармонизировать ум и тело, требовавшее значительного самоконтроля, а также как один из немногих допустимых для женщин видов физических упражнений. Исследование подчеркивает конструируемые учебниками гендерные различия – активность и атлетизм в мужских партиях, статичность поз и «ведомость» женщин.

А. Голубков обращается к формированию и бытованию в XVI–XVII вв. в европейской (французской) традиции собраний высказываний, записанных (или приписанных) выдающимся авторам и мыслителям [110-154]. Из вполне серьезных сборников в XVII–XVIII в. этот жанр эволюционировал в сторону пародийности и анекдотичности, превратившись в сборники занимательных историй и/или высказываний, персонификаций пороков и добродетелей и т.п. Статья предваряет собой публикацию одного из ярких образцов такого рода сочинений, а именно, перевода *Peteriana*, т.е. трактата о правильном пускании ветров. Переводчик подчеркивает парадоксальность этого сочинения, которое, с одной стороны, пародирует уже вполне устоявшийся к XVIII в. жанр наставлений в хороших манерах, но с другой, предлагает читателю способ укрощения естественных человеческих потребностей, становящихся тем самым допустимыми в приличном обществе.

В статье О. Вайнштейн анализируются способы, при помощи которых тексты эпохи модерна – конца XIX – начала XX в., посвященные женской моде, определяли модели поведения и телесные практики (одежду, физические упражнения – например, езду на велосипеде и плавание), а также конструировали женскую повседневность (модели общения и др. социальные практики) [155-185]. Текст сопровождается отрывками из такого руководства, переведенного для российских дам с французского в начале XX в. Здесь автор подчеркивает не только формирование норм поведения через литературу советов и наставлений, но также и перенесение культурного опыта из Западной Европы в Россию.

К. Гусарова исследовала онлайн-руководства по позированию, предназначенные для мужчин и женщин, в современных блогах [186-218]. Тексты, посвященные способам репрезентации собственного образа на фотографиях, выявляют парадоксальное соединение повседневных практик позировующих с идеальными моделями, существующими вне этой реальности, но служащими образцами для ее изображения. Показано, как в таких советах сочетаются визуальные образы, повседневность и телесные практики, и это соединение служит важным инструментом конструирования гендера, консервирующим существующие гендерные стереотипы и задающим параметры женской повседневности.

Другая группа работ посвящена письменной кодификации норм обыденного поведения. А. Стогова в статье, посвященной французским письмовникам и эпистолярной культуре Франции раннего Нового времени, показала, каким образом при посредстве печатных пособий, задававших образцы эпистолярного общения, поведение, являвшееся частью придворной повседневности, нормализуется и превращается в моду, которая транслировалась другим социальным слоям, тем самым формируя и их обыденные привычки и модели поведения [220-244].

В. Мильчина исследует распространенные во Франции начала XIX века «кодексы» – своды правил поведения для представителей разных профессий, и анализирует один из них – кодекс литератора [245-271]. Он рассматривается в контексте рождающейся в это время массовой литературы и превращения литератора из «творца» в человека, зарабатывающего своим пером. Кодексы пародировали наставительную литературу, но отчасти и искали границы возможного и допустимого поведения представителей профессии в меняющемся мире.

Следующие два раздела книги отведены под материалы, связанные с историей модернизации российского общества. Исследования, посвященные переводам западных (преимущественно, но не исключительно французских) наставительных сочинений, анализируют ситуации столкновения разных культурных кодов и моделей поведения, переосмысления старых и возникновения новых вариантов. О. Кошелева рассматривает российские и западные речевые практики XVII–XVIII вв. и оценивает влияние на них наставительной литературы разных жанров [с. 274-293]. Показано, как от столкновения двух типов вежливого поведения и взаимного непонимания произошел переход к новому типу поведения, ориентированного на западные образцы, а к концу XVIII в. была сконструирована и «отеческая» традиция вежливости, несколько отличавшаяся от западной, но не восходившая и к традициям России XVII в.

В статье А. Лысцовой [294-319] анализируются переводы сочинений Ф. Фенелона о женском воспитании на русский язык, встраивание этих переводов в различные традиции Просвещения, сформировавшего в России запрос на женское образование. Рассматриваются и способы, при посредстве которых эти переводы формировали женскую повседневность русских дворянок второй половины XVIII в., создавая новые образцы женского поведения и новые гендерные модели.

Столкновение и трансляция культурных кодов отразилась и в исследованиях, посвященных другой важной теме, затронутой в книге – сочетанию публичного и частного в повседневных практиках и, главным образом, в личных документах, эти практики отражающих и формирующих. В статье А. Преображенской [322-345] исследуются личные благочестивые практики монахов, чья религиозная жизнь регламентировалась уставом и практиками монастырской общины. Способом проявления личного благочестия и собственного выбора в религиозных практиках в России XVII в. стали духовные грамоты. Их содержание, одна-

ко, представляло собой сплав личных предпочтений и готовых формул, при помощи которых было принято выражать личное благочестие. Эти формулы могли задавать параметры приемлемого в религиозных практиках, тем самым определяя личную повседневность монахов. Отмечается и влияние на духовные грамоты традиций барочного благочестия, пришедших в Россию из украинских земель в XVII в.

В статье Д. Калугина [346-373] анализируется сочетание публичного и приватного в российских мемуарах XVIII в. через сопоставление мемуарных сочинений Б.И. Куракина и И.И. Неплюева, начала и конца столетия соответственно. Оба мемуариста в своих текстах сочетали элементы разных жанров – дневника, письма, семейной хроники и т.п. Однако если более ранний текст, принадлежавший Куракина, в большей степени был посвящен публичной карьере автора, то к концу XVIII в. интерес мемуаристов под влиянием «новой чувствительности», сформированной литературой сентиментализма, сместился в сторону частной жизни и эмоций, о чем свидетельствует текст Неплюева.

Исследование Е. Лапиной-Кратасюк, А. Правдюк и А. Екомасовой [374-398] посвящено отражению частной жизни и повседневности представителей династии Романовых – от Екатерины Великой до Николая II – в сетевых проектах, фильмах и сериалах последних десятилетий. Показано, что представленные образы власти, соединенные с частной историей Романовых, усложняют доступную широкой аудитории картину прошлого, позволяя взглянуть на историю под новым углом. При этом границы допустимого в изображении частной жизни публичных лиц – российских монархов – являются дискуссионными и совершенно различны для российских и западных кино- и телепроектов.

Наконец, последний раздел книги посвящен соотношению между повседневностью, текстами и визуальными образами в культуре XX–XXI вв. В статье Д. Панайотти [400-421] исследуются советские фотографии середины XX в. на международных фотовыставках. Показано, как в них проявилось противоречие между пропагандой и откликом на потребность зрителей увидеть собственную повседневность, и как это противоречие формировало канон изображения обыденной жизни.

К. Ермишина обращается к «школьному» кино периода Оттепели – к истории появления на советских экранах одного из самых популярных фильмов жанра, «Доживем до понедельника» [422-439]. Фильм отличала известная оппозиционность, но вопреки опасениям, он не оказался на полке, а появился в кинотеатрах. История его выхода рассмотрена автором в тесной связи с формированием общественного запроса на школьное кино, с проходившей в начале 1960-х гг. школьной реформой и стремлением сформировать положительный образ советского учителя – тактичного, эрудированного ученого – в глазах родителей школьников.

Р. Красильников рассматривает повседневность «другого» в телепередачах о путешествиях, причем обращается к разным медийным форматам, например, к трэвел-журналистике, ориентированной на ре-

альных и потенциальных туристов, а также к авторским программам Леонида Парфенова и Владимира Познера [440-450]. Они представляют своего рода «исследования» или «размышления», отталкивающиеся от текстов и связанные с исторической и культурной памятью, и через повседневные практики – общение, кулинарные традиции и т.п. – обращаются к проблеме идентичностей других сообществ.

Тематическое разнообразие статей и их широкий хронологический охват – от XVI до XXI в. не создает, тем не менее, впечатление случайности и разнородности собранных вместе текстов. Помимо заявленных коллективом авторов общих тем, прослеживаются и другие, не заявленные во вводном разделе, но важные и проявляющиеся во многих исследованиях. Одним таким сквозным сюжетом оказалась тема конструирования гендера и формирование женской повседневности посредством текстов, эту повседневность описывающих и определяющих (статьи Е. Михайловой-Смольняковой, К. Гусаровой, О. Вайнштейн и др.).

Кроме того, принципиально важной для авторов сборника является тема культурных контактов России и Западной Европы, столкновение и трансформация повседневного поведения и способов его описания и регламентации в XVII–XVIII вв. (статьи О. Кошелевой, А. Лысцовой, А. Преображенской, Д. Калугина), на рубеже XIX–XX вв. (О. Вайнштейн), в XX (Д. Панайотти) и в начале XXI в. (Е. Лапина-Кратасюк, А. Правдюк, А. Екомасова, Р. Красилин). Книга в целом дает богатый материал для рассуждений об особенностях российской интеллектуальной культуры и рецепции западноевропейской мысли.

В составе сборника отчетливо проявляется воздействие французской истории и культуры, что во многом отражает специфику развития отечественных наук о культуре. Они давно отражают сильное влияние французской культуры на российскую, как прямое, так и опосредующее. Пример Элиаса здесь особенно показателен: его идеи дошли до наших историков и культурологов опосредованно, через Францию, причем усваивались именно те аспекты его наследия, которые оказались особенно востребованными во Франции. Например, именно воздействие дисциплинирующего влияния французского двора на культуру XVII в. до сих пор определяет исследовательский ракурс специалистов по истории культуры Франции раннего Нового времени. И отечественные исследователи здесь следуют за своими французскими предшественниками. В других странах рецепция идей Элиаса шла по-другому и с иными последствиями, главным образом, в области социальной и политической истории, и в целом наследие Элиаса в англо-саксонском мире, например, столкнулось с гораздо более сильной критикой, что отчасти отражено в статье М. Велижева, в которой критикам Элиаса, писавшим преимущественно по-английски, дается ответ из французского контекста.

Поскольку темой конференции, по материалам которой был сделан сборник, было именно «укрощение» повседневности, т.е. определение ее рамок через тексты, авторы собранных в книге исследований сосре-

доточили внимание на моменте кодификации практики и определения границ допустимого. Порой хочется сделать следующий шаг и увидеть, как читались и читаются эти нормативные тексты, как они сталкиваются с уже существующими практиками обыденной жизни, и как из этого взаимодействия возникают новые, непредвиденные формы повседневной жизни. Эта тема затрагивается в некоторых статьях довольно подробно (например, в исследовании речевого этикета в России XVII–XVIII вв. О. Кошелевой), в других – скорее по касательной, насколько это позволяют сделать источники. Однако это обстоятельство вряд ли можно вменить авторам в вину, скорее, здесь проявляется любопытство заинтересованного и благодарного читателя.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Велижев М. «Цивилизация» Норберта Элиаса: за и против // Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени / Сост. М. Неклюдова. М., 2020. С. 12-33. [Velizhev M. «Civilizaciya» Norberta Eliasa: za i protiv // Ukroshchenie povsednevnosti. Normy i praktiki Novogo vremeni / Sost. M. Neklyudova. M., 2020. S. 12-33.]
- Укрощение повседневности. Нормы и практики Нового времени / Сост. М. Неклюдова. М., 2020. [Ukroshchenie povsednevnosti. Normy i praktiki Novogo vremeni / Sost. M. Neklyudova. M., 2020.]
- Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1-2. Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.; СПб., 2001. [Elias N. O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issle-dovaniya. T. 1-2. Per. s nem. A.M. Rutkevicha. M.; SPb., 2001].
- Элиас Н. Придворное общество. Пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой, А.К. Судакова. М., 2002. [Elias N. Pridvornoe obschestvo. Per. s nem. A. P. Kuhtenkova, K. A. Levinsona, A. M. Perlova, E. A. Prudnikovoj, A. K. Suda-kova. M., 2002].
- Asch R. Court and Household from the Fifteenth to the Seventeenth Centuries / Ed. by R. Asch and A. Brike. Oxford, 1991. P. 1-38.
- Duindam J. Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.
- Duindam J. Vienna and Versailles: The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003.
- Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Basel, 1939.
- Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Berlin, 1969.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, aseregina73@yandex.ru

Thinking of Everyday Life...

The author presents a review of the collection of articles under the title “The taming of everyday life. Norms and practices of Modernity” edited by M.S. Nekhlyudova. Studies published in the collection are focused on common social practices in Modern Russia and Western Europe, and the construction of these practices by various texts of instruction.

Key words: Norbert Elias, history of everyday practices, social practices, normative literature, history of the body, disciplining

Anna Seregina, Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

**КУЛЬТУРНЫЙ НАРРАТИВ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ
(размышления о книге Орlando Файджеса)**

Статья содержит рефлексии по поводу книги известного английского историка-россиеведа О. Файджеса «Европейцы. Три жизни и рождение космополитической культуры», его подхода к репрезентации биографической истории И.С. Тургенева, П. Виардо и Л. Виардо в контексте складывания общеевропейской культуры во второй половине XIX века. Особое внимание уделено методологической значимости присутствующих в рецензируемой книге и формирующихся в современной историографии таких трендов как «новый нарратив», «история репрезентаций» и «новая биографическая история», а также дискуссии о смыслах концепта «европейскости» как характеристики над-этнической идентичности и о ее проявлениях на микро- и макроуровнях в меняющемся и модернизирующемся историко-культурном пространстве Российской империи и Европы в XIX в.

Ключевые слова: *европейская культура, историко-культурное пространство, история России, культурный нарратив, новая биографическая история, над-этническая идентичность, персональная история, И.С. Тургенев, эго-источники*

Работы английского историка-россиеведа, профессора Лондонского университета Орlando Файджеса (р. 1959) неизменно вызывают интерес как в профессиональном сообществе, так и среди широкой читающей публики¹. В удостоившейся многих наград книге «Народная трагедия» (1996) Файджес отошел от традиционного изображения русской революции, раздвинув ее хронологические рамки до 1891–1924 гг., дополнив нарративы о противоборстве политических сил как анализом сложившихся в предреволюционной России структурных социально-экономических, социокультурных противоречий, так и повествованием об «индивидуальных трагедиях» в жанре «биографической истории». Широко известна книга Файджеса «Танец Наташи» (2003), в которой автор рассматривает характерный для императорского периода истории России дуализм вестернизированной культуры элиты и культуры народных масс в оптике современных трендов социокультурной истории. Получила признание книга Файджеса «Крым: последний крестовый поход», увидевшая свет в 2010 г. В ней автор рассмотрел Крымскую войну 1853–56 гг. как комплексное явление, предпринял попытку выявить не только геополитические, но и социокультурные причины и последствия этого конфликта, которые, по мнению автора, недооценивались историками. Файджес проанализировал роль Крымской кампании в формировании как поверхностно-негативного образа России на Западе, так и русской национальной идентичности, образа воина-мученика, принесшего себя в жертву ради Отечества, бытование образа Севастополя и его защитников в общественном сознании России.

¹ Figes 1997; 2001; 2003; 2007; 2011; 2013; 2014.

Резонанс вызвала и опубликованная в 2019 г. книга Файджеса «Европейцы»². Так, авторы рецензии в испанской газете *El País* отмечают, что ее «взаимосвязь с сегодняшним днем очевидна»: ведь речь в книге идет о формировании в середине XIX в. в силу научно-технического прогресса «европейской идеи», «культурной революции», благодаря которой жители Европы смогли понять, что у них много общего. И в то же время, как демонстрирует Файджес, «в политике всё больше набирал силу шовинистический национализм», в конечном счете подтолкнувший Старый Свет к I Мировой войне»³: по мнению авторов рецензии, это релевантно сегодняшним спорам о будущем единой Европы.

Для историков новая книга Файджеса представляет несомненный интерес в плане предлагаемой авторской методологии. Так, во Введении автор сразу обозначает макро и микро-нарратив как стилистику изучения двух ракурсов исследования. К первому относится заявленный тезис о «новой эре для европейской культуры», связанной с процессом строительства железных дорог (оцененный как первый период глобализации) и развития новых средств быстрой передачи информации, с одной стороны, и о развитии транснационального рынка, захватившего и сферу культуры и искусства (в контексте развития капитализма), в т.ч. возрастания роли денег, в известной мере освободивших художников (в широком смысле слова, который включает писателей, композиторов, живописцев и других представителей сферы искусства) от нужды. Этот первый ракурс определяет позицию Файджеса как автора книги, представляющей, по его определению, «международную историю», в рамках которой осуществляется «взгляд на Европу, в целом, без разделения на национальные государства или географические зоны», как на «культурное пространство», в котором осуществляется транслирование и «интернациональный синтез» художественных форм, идей, стилей, бытующих на этом пространстве и отличающих Европу от «более широкого мира».

Второй ракурс связан с обращением автора к изучению источников и каналов формирования и проявления европейской идентичности/европейскости», через три персональные истории: писателя И.С. Тургенева (1818–1883), певицы и композитора П. Виардо (1821–1910) и ее супруга, незаслуженно преданного забвению талантливого антерпренера, журналиста и общественного деятеля Л. Виардо (1800–1883). Персональная история в контексте эпохи отражает процесс изменений индивидуальной социокультурной идентичности в жизни человека и общества на протяжении переходных десятилетий XIX века.

Книга «Европейцы» дает прекрасный повод поговорить о том, что сейчас волнует и наше российское, и мировое историческое сообщество. Так, одной из наиболее востребованных и обсуждаемых сегодня является тема идентичности⁴. Ее актуальность для российской историографии

² Figes 2019.

³ *El País* 2020.

⁴ См.: Репина 2020; Миллер, Ефременко 2020.

подтверждается повестками конференций, исследований, в т.ч. под эгидой Общества интеллектуальной истории⁵. Говоря о содержании концепта идентичности, Л.П. Репина четко прописывает структуру смыслового наполнения концепта идентичности, включающего «принятие и усвоение совокупности представлений, ориентаций, норм, ценностей, форм поведения той общности (семейно-родственной, локальной, этнической, конфессиональной, профессиональной, национальной), с которой индивид себя отождествляет»⁶. В то же время историков, использующих идентитарный подход, не удовлетворяют «жесткие рамки», «координаты ментальной и этнической детерминированности» – они рассматриваются как ограниченные и неполные, например, для рассмотрения такой спецификации категории идентичности как «над-этнической».

Именно к «над-этнической» идентичности можно отнести и такие оценочные концепты, предложенные Файджесом, как «европейцы» и «европейскость» (europeanness), интерпретируемые им как характеристики «культурной идентичности», темпы развития которой тормозились «национальными чувствами». Интерес представляет рассмотрение автором истории «запуска» и бытования в историографии названных понятий, которую он связывает с Ф. Ницше. При раскрытии смыслов концептов «европейскости» автор подчеркивает, что «искусства (arts) играют «центральную роль в структуре концепта европейской культурной идентичности», «роль большую, чем религиозные и политические убеждения в плане объединения людей европейского континента».

Файджес подчеркивает роль в формировании общей культурной идентичности на континенте развития транспорта, систем коммуникаций, практик переводов текстов, их публикаций. Не связывая этот процесс с утратой национальной культурной специфики, он считает важным отметить появление восприятия любого произведения искусства как результата «открытости» культур и устойчивого постоянного диалога, ведущегося «через» государственные границы и ассимиляции, синтеза национальных художественных, эстетических традиций, их интегрирования в единое культурное пространство «европейского мира».

Еще одной темой для размышлений над страницами новой книги Файджеса может быть высказанное П. Берком в известной статье 2001 г. «История событий и возрождение нарратива» наблюдение о вновь проявившейся в историографии тенденции перехода историков в объяснении прошлого «от аналитической к описательной манере». В частности, используется понятие «культурный нарратив», что означает характерные для той или иной культуры, воспроизводящиеся во времени сюжеты: в этом случае историки, по мнению Берка, «пишут нарратив о нарративе». В целом, «новый нарратив» в большей степени, чем ранее, соотносится с требованиями историков-«структуралистов» (марксистов, представителей школы Анналов), дает лучшее ощущение хода времени:

⁵ Селунская 2018.

⁶ Репина 2011: 454.

ведь события, происходящие с ординарными людьми, помогают понять и более широкие общественные трансформации⁷. Любопытно, что в качестве примера новаторского подхода П. Берк указывает именно работу Файджеса «Народная трагедия», в которой через персональные истории (Максима Горького, князя Г.Е. Львова или крестьянского активиста Сергея Семенова), дополняется реконструкция истории русской революции, понятой как многовекторный процесс. В новой книге Файджеса биографии И.С. Тургенева, П. Виардо и Л. Виардо тоже используются как способ показать влияние Тургенева на европейскую литературу, интерпретировать его личные контакты как «питательную среду», стимулирующую открытость русской литературы для европейской аудитории, для развития «европейских ценностей» в континентальной культуре.

Как видим, книга Файджеса вновь убеждает в справедливости суждений классиков российской историографии о том, что «автобиография является одним из наиболее ярких примеров и наиболее удачных применений исторического метода», наряду с биографией и художественной литературой, для «исторического познания своей или чужой личности»⁸. Биографический метод остается востребованным и в современной историографии, представленной «новой биографической историей», «историей через личность», «персональной историей»⁹. По оценкам историков, «биографический элемент в истории обрел новое качество», которое определило включение в исследование аспектов, относящихся к нравственно-психологической и эмоциональной сферам жизни человека, а также привело к появлению значительного разнообразия жанров историко-биографических исследований.

Несомненно, в сочинениях жанра «новой биографической истории» особое внимание уделяется текстам, фиксирующим индивидуальный опыт, переживания, запечатленные в дневниках, переписке, мемуарах, т.е. источниках, отражающих феномен «биографизма» или «автобиографизма». Именно эти источники содержат прямые высказывания личного характера, например, информацию о самоидентификации человека, об осознании им своего места и роли в обществе. Для реконструкции персональных историй важную роль играют и косвенные свидетельства очевидцев, осуществлявших «взгляд со стороны» на героя биографической истории, дополняя эти истории и запечатленный в них индивидуальный опыт. Занимая все больше места в структуре источниковой базы исторических исследований, источники личного происхождения, эго-источники, позволяют представить историю в лицах, а также раскрыть «духовные биографии» общественных и политических деятелей, их нравственные и эстетические ценности. Неудивительно, что в новой книге Файджеса «Европейцы» существенная часть информации также почерпнута из источников личного происхождения, в том числе извле-

⁷ Burke 2001: 291.

⁸ Карсавин 1993: 82–86.

⁹ Репина 2005; Репина 2010.

ченных из архивных и музейных фондов писем главных героев повествования И.С. Тургенева, П. Виардо и Л. Виардо, а также их многочисленных корреспондентов из разных точек Европы.

Разумеется, такая оптика видения истории не заменяет анализа, по-прежнему необходимого историку для его изучения «человека во времени», его восприятия жизни, мотиваций поведения и принятия решений, личного индивидуального опыта, переживаемого на историческом фоне эпохи, внутри происходящих общественных процессов и трансформаций структур и институций социума. Напротив, «вид сверху», характерный для «научной» структурной истории, дополняется «видом снизу», микро-нарративами, а отличительные черты эпохи, вызванные развитием социальных процессов во «времени большой длительности», вызывают яркое эхо в поворотах судеб героев персональных историй. На современном этапе развития исторической науки от исследователя в идеале требуется работа сразу в трех измерениях – традиционного исторического нарратива («истории событий»), истории социальных и экономических структур (истории во «времени большой длительности») и персональной, «биографической» истории. К таким суждениям подводит знакомство с новой книгой Файджеса, размышлениями над текстом которой хотелось поделиться авторам статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Карсавин Л.П. Философия истории. Санкт-Петербург: АО "Комплект", 1993. 350 с. [Karsavin L.P. Filosofiya istorii. Sankt-Peterburg: AO "Komplekt", 1993. 350 s.]
- Миллер А.И., Ефременко Д.В. (ред.) Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 630 с. [Miller A.I., Efremenko D.V. (red.) Politika pamtyati v sovremennoj Rossii i strana-h Vostochnoj Evropy: aktory, instituty, narrativy. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. 630 s.]
- Репина Л.П. (ред.) В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей. СПб.: Алетейя, 2010. 399 с. [Repina L.P. (red.) V teni velikih: obrazy i sud'by. Sbornik nauchnyh statej. SPb.: Aletejya, 2010. 399 s.]
- Репина Л.П. (ред.) История через личность: историческая биография сегодня Москва: Круть, 2005. 715 с. [Repina L.P. (red.) Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya Moskva: Krug", 2005. 715 s.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круть, 2011. 559 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i isto-riograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 559 s.]
- Репина Л.П. (ред.) Прошлое для настоящего. История, память и нарративы национальной идентичности, М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Repina L.P. (red.) Proshloe dlya nastoyashchego. Istoriya, pamyat' i narrativy nacio-nal'noj identichnosti, M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Селунская Н. Б. Мифологема русский европеец как субъективное измерение идентичности эмигрантов первой волны //Диалог со временем. 2018. Т. 64. С. 179–195. [Selunskaya N. B. Mifologema russkij evropeec kak sub'ektivnoe izmerenie iden-tichnosti emigrantov pervoj volny //Dialog so vremenem. 2018. T. 64. S. 179–195.]
- Burke P. (ed.) New perspectives on historical writing. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2001.
- El Pais (Испания): изобретение железной дороги сформировало современную европейскую культуру. URL: <https://inosmi.ru/social/20200612/247597005.html>
- Figes O. A people's tragedy: The Russian revolution, 1891-1924. London: Pimlico, 1997. 923 p.
- Figes O. Peasant Russia, civil war The Volga countryside in revolution (1917-1921). London: Phoenix press, 2001. 400 p.

- Figes O. *Natasha's dance: a cultural history of Russia*. London: Penguin books, 2003. 728 p.
- Figes O. *The whisperers: private life in Stalin's Russia*. New York: Metropolitan books, 2007. 739 p.
- Figes O. *Crimea: the last crusade*. London: Penguin books, 2011. 575 p.
- Figes O. *Just send me word a true story of love and survival in the Gulag* /New York: Picador, 2013. 330 p.
- Figes O. *Revolutionary Russia, 1891–1991*. New York, Metropolitan Books, 2014. 324 p.
- Figes O. *The Europeans: three lives and the making of a cosmopolitan culture*. New York, Metropolitan Books, 2019. 564 p.

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова, член РОИИ, selounsk@yandex.ru

Карагодин Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, МГУ им. М.В.Ломоносова, член РОИИ, avkaragodin@yandex.ru

"Cultural Narrative" about European Identity in the Context of Personal Stories (Reflections on the Book by Orlando Figes)

The article contains reflections on the book by a famous English historian – Russian scholar O. Figes "Europeans. Three lives and the birth of cosmopolitan culture", his approaches to the representation of the biographical history of I. S. Turgenev, P. Viardot and L. Viardot in the context of the formation of pan-European culture in the second half of the XIX century. Special attention is paid to the methodological significance of such trends as "new narrative", "history of representations" and "new biographical history" present in the reviewed book and emerging in modern historiography, as well as discussions about the meanings of the concept of "Europeanness" as a characteristic of supra-ethnic identity and about its manifestations at micro and macro levels in the changing and modernizing historical and cultural space of the Russian Empire and Europe in the XIX century.

Key words: European culture, historical and cultural space, history of Russia, cultural narrative, new biographical history, supra-ethnic identity, personal history, modern Russian studies, I. S. Turgenev, ego-sources.

Natalia Selounskaya, PhD (history), professor, Moscow Lomonosov State University, selounsk@yandex.ru

Andrey Karagodin, PhD (history), senior university lecturer, Moscow Lomonosov State University (department of source studies), avkaragodin@yandex.ru

С.А. ЭКШТУТ

**ОХОТА ЗАКОНА – ПУЩЕ НЕВОЛИ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ
В ПРОТИВОСТОЯНИИ С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ**

Рецензия на сборник документов «Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.» (М.: «Политическая энциклопедия», 2021). В трех томах опубликовано 1358 документов (более 42% предстают перед читателем впервые) из ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, РГАЭ, РГАВМФ, РГВА, из архивов МИДа – АВПРИ и АВП РФ, Архива Президента Российской Федерации и Национального архива Финляндии.

Ключевые слова: *Архивная революция, Российская империя, Великое княжество Финляндское, Николай II, Д.А. Милютин, мораль и политика, литература и история*

Мы живем в период Архивной революции, ярким свидетельством чего стал капитальный трёхтомник «Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.»¹ Ответственный составитель трёхтомника – историк-архивист Михаил Зеленев. Сборник документов, снабженный обширным справочным аппаратом и информативными приложениями, содержит 3062 страницы большого формата и представляет собой результат многолетней совместной работы финских и российских историков. Опубликовано 1358 документов (более 42% предстают перед читателем впервые) из ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, РГАЭ, РГАВМФ, РГВА, из архивов МИДа – АВПРИ и АВП РФ, Архива Президента РФ и Национального архива Финляндии. Вкладки содержат 130 фотодокументов (среди них около 70 портретов политических деятелей России и Финляндии). Читатели получили возможность посмотреть на Россию, которую мы потеряли, под необычайным ракурсом. И этот из ряда вон выходящий ракурс способен удивить даже тех, кто профессионально занимается императорским периодом истории государства Российского.

Существование Финляндии в составе государства Российского наглядно опровергает расхожий и прочно укоренившийся в либеральном сознании миф о Российской империи как «тюрьме народов». Великое княжество Финляндское вошло в состав Империи в 1809 г. в результате победоносной войны со Швецией. Александр I, император и самодержец Всероссийский, стал первым в истории Дома Романовых великим князем Финляндским. Статс-секретарь императора М.М. Сперанский очень точно сформулировал суть особого положения Финляндии на границе империи: «Финляндия есть государство, а не губерния» [592]. Николай I, Александр II, Александр III при своем воцарении подтверждали особый статус Великого княжества Финляндского, которое сохранило собственные законы, оставшиеся со времен шведского владычества, шведский язык в качестве государственного языка деловых бумаг (потом к нему присоединился еще и финский) и лютеранское вероисповедание. В течение 90 лет Империя не стремилась к русификации края.

¹ Россия и независимость Финляндии... (см. ссылки на страницы в тексте).

Русский язык не был распространен на территории Великого княжества: его не использовали ни в официальной переписке, ни в бытовом общении. «...По Финляндии легче путешествовать, зная немецкий, французский и английский языки, чем русский. Только офицеры, железнодорожные служащие и почтовые чиновники да иные лица, которым знание русского необходимо *ex officio* (по должности), составляют исключение из общего правила. ...Финнам не нужен русский язык: он не является фактором во внутренней жизни нации» [130]. Страна получила собственный Императорский Финляндский Сенат и отвечавший за подготовку законов Сейм земских чинов, в котором были представители четырёх сословий: 1) рыцарства и дворянства; 2) духовенства (исключительно лютеранского); 3) горожан, и 4) крестьян. Дворянская курия доминировала среди земских чинов: она не была консервативным элементом и состояла не из поместного дворянства, а из лиц либеральных профессий – интеллигентного пролетариата шведского происхождения, «склонного не только к протесту против требований русской государственной власти, но далее и к резким действиям» [403]. В Финляндии была собственная денежная единица – марка и собственный банк, свое почтовое ведомство и почтовые марки. Российский рубль не был полноценным платежным средством на территории Великого княжества. Россияне, приехавшие в Финляндию, были вынуждены менять наличные рубли на финские марки, каждый раз неся существенные потери при обмене денег. Страдали не только частные интересы отдельных граждан. Существенные потери несла казна Империи. «...Такое обособление причиняло России одни только убытки. Русский рубль подвергся в пределах Российской империи биржевой игре, и русская казна вследствие этого обязана была увеличить свои выдачи на содержание в Финляндии русского войска, русских учебных заведений и др.» [379]. Житель блистательного Санкт-Петербурга постоянно сталкивался с финнами: имперская столица каждый день потребляла товары, производимые сельским хозяйством и рыбной отраслью соседней Финляндии. «Петербург давал работу десяткам тысяч финнов в разных областях – от служащих до ювелиров, трубочистов, горничных и рабочих» [23]. Образованный россиянин, читавший Пушкина, воспринимал Финляндию отстраненно – как составной элемент развернутой поэтической метафоры, свидетельствующей о необъятности Российской империи, протянувшейся

от Перми до Тавриды,
 От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
 От потрясенного Кремля
 До стен недвижимого Китая.

Финляндцы, численность которых приближалась к трем миллионам, обижались, когда их сравнивали с другими народами Российской империи: «Это циничское великодушие, которое высказывается в сопоставлении нас с эстами, татарами, калмыками, кавказцами и др. Наши противники умышленно забыли или нарочно закрыли глаза на тот факт, что финны, в противоположность названным племенам, имеют запад-

ную культуру, которая проникла во всю ширь народа» [115]. Они осознавали свою инаковость, гордились ею, поэтому пушкинский «Памятник» воспринимали болезненно. Быть поставленными в один ряд с гордым внуком славян, диким тунгусом и другом степей калмыком финнам казалось оскорбительным. Они не желали ассимилироваться, но в то же время не помышляли об отделении от Российской империи, осознавая все сопряженные с пребыванием в ее составе выгоды. По очень точному замечанию министра финансов С.Ю. Витте, финляндский патриот оставался «верным и преданным гражданином российской державы» [198]. Министр представил аргументированный анализ уникального экономического положения, сложившегося в Великом княжестве Финляндском:

«С тех пор, как Финляндии дан был самостоятельный государственный бюджет, страна эта для своего экономического развития не требовала никаких жертв со стороны России. Обделенный природою и разоренный войнами край сам развил свое и духовное и материальное благосостояние. Без субсидий и гарантий со стороны русского Государственного казначейства страна покрылась сетью грунтовых и железных дорог, развила промышленность и торговый флот, поставила народное образование так высоко, что на всем пространстве княжества нет почти безграмотных. Не безынтересен и тот факт, что в то время, как Русскому правительству чуть не ежегодно приходится кормить голодающее население то в тех, то в других частях империи и время от времени тратить на это колоссальные суммы, Финляндия, несмотря на частые в ней неурожаи, обходилась обыкновенно без продовольственной помощи за счет русского Государственного казначейства» [199].

Однако российскому обывателю не было никакого дела ни до экономических выкладок министра финансов, ни до нравственных переживаний финляндцев, ибо всё это совершенно не входило в круг его обычных интересов. Обыватель имел весьма смутные понятия о политической организации Великого княжества Финляндского, тамошней повседневной жизни и высочайшей, особенно если сравнивать с российскими реалиями, бытовой культуре. Его отношение к этой пограничной окраине Российской империи сопровождалось быстрым перепадом диаметрально противоположных настроений: обычная незаинтересованность и традиционное равнодушие сменялись бурным восхищением, вслед за которым шла немотивированная агрессия. Классик советской литературы Леонид Соболев в лучших традициях отечественной belletrистики в романе «Капитальный ремонт» весомо и зримо живописал восприятие окраины глазами обывателя-великоросса, волею судеб впервые очутившегося в Великом княжестве Финляндском:

«И всероссийский обыватель, попадая в Финляндию, чувствует себя не дома, здесь он – всегда в гостях... Всероссийский обыватель ходит по улицам Гельсингфорса, умиляясь сам себе и восторгаясь заграничной культурой, тихий, как на похоронах, и радостный, как именинник... Но истинно-русский человек не может быть долго трезвым на собственных именинах: он робко напивается в ресторане, и вино разжигает в нем патриотическое самолюбие. Чья страна? Финская? Что это за финская страна? Чухляндия! Провинция матушки России! Кто здесь хозяин?... Российский обыватель вспоминает фельетоны Меншикова в «Новом времени», где ясно доказывается, что Россия погибнет от финнов, поляков и жидов. Тогда он хлопает кулаком по столу. Шведы и финны брезгливо оглядываются. Потом появляются полицейские в черных сюртуках и молча выводят его в автомобиль, – даже не дерутся. В полицейском управлении точно и

быстро называют сумму штрафа; она крупна так, что веселье и удаль спадают. С этого дня российский обыватель начинает отвечать чухнам их же ненавистью, перестает умиляться порядком и теряет всякий вкус к газовым плитам, дешевым прокатным автомобилям и автоматическим выключателям на лестницах, включающим свет ровно на столько времени, сколько нужно трезвому человеку, чтобы подняться на самый верхний этаж. Он живет в Гельсингфорсе напуганно, скучно, без размаха. Скудная страна Финляндия!»

У этой пограничной окраины были собственные вооруженные формирования, в т.ч. драгунский полк, восемь стрелковых батальонов, лейб-гвардии 3-й стрелковый Финский батальон. И таможенная граница между Финляндией и Россией. Петербургские жители, решившие обзавестись дачами на территории Финляндии, каждый раз были вынуждены платить таможенную пошлину за провоз товаров на собственную дачу, расположенную в нескольких десятках километрах от столицы Империи! Великороссы, жившие на территории Финляндии, но не являвшиеся коренными жителями этой страны, не имели избирательных прав и не могли служить в финляндской армии. Если в Русской императорской армии призывники служили 5 лет действительной службы и 13 лет в запасе, то в Финляндии 3 и 2 года соответственно [884]. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин информировал Государственный совет:

«По действующему Уставу о воинской повинности, Великое княжество Финляндское, начиная с 1889 г., содержит под ружьем на действительной службе всего 5600 человек. При сопоставлении этого числа людей с тем числом, которое составляет населением коренной России, оказалось, что Финляндия ежегодно отрывает для военной службы из тысячи людей рабочего возраста 9 человек, тогда как по общему Уставу империи коренное население отрывает 36 человек» [150].

Всё это не способствовало доброжелательному отношению великороссов к «приюту убогого чухонца» и давало множество внешне убедительных поводов для резких националистических выпадов, один из которых был сделан В.М. Пуришкевичем во время публичного выступления в Государственной думе: «Положение русского человека в Финляндии только несколько лучше положения еврея или цыгана» [872].

В течение 90 лет Великое княжество Финляндское пребывало под властью Империи и в ее составе. За это время сменилось несколько государей и несколько поколений финляндцев, а в их сознании прочно укоренилась мысль: Финляндия – «не суверенное, но государство» [583]. Российская империя и Великое княжество Финляндское соединены всего-навсего личной (персональной) унией, и не более того [32]. «Персональной унией называется случайное соединение под одним скипетром чуждых друг другу стран» [869]. Русская пословица гласит: охота пуще неволи, т.е. добровольность лучше диктата. Финляндцы с большим почтением относились к личности государя, но воспринимали его не как абсолютного монарха, императора и самодержца Всероссийского, а исключительно как конституционного великого князя Финляндского, который «правит этою страню согласно ее конституции и основанных на этой конституции законов» [690]. Для граждан Великого княжества добровольность подчинения закону, всегда была пуще неволи и выше, чем

воля самодержавного государя, не говоря уж о своеволии чиновника любого ранга. Здесь была невозможна типичная жизненная коллизия, запечатленная в пьесе А.Н. Островского «Горячее сердце» (1869). Ни один финляндский чиновник никогда не рискнул бы даже мысленно произнести слова, публично сказанные городничим Градобоевым.

Градобоев (садясь на ступени крыльца). До бога высоко, а до царя далёко. Так я говорю?

Голоса. Так, Серапион Мардарыч! Так, ваше высокоблагородие.

Градобоев. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Голоса. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарыч.

Градобоев. Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам...

1-й голос. Нет, уж за что же, Серапион Мардарыч! ...

Градобоев. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит.

Голоса. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарыч.

Градобоев. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловаться... Ну, тогда уж...

Финляндцы и рассуждали, и жили иначе. Они взирали на окружающий мир сквозь призму норм права и были приучены решать конфликты не «по душе», а в рамках правового поля:

«...Те публично-правовые отношения, которые наиболее затрагивают интересы граждан, были хорошо регулированы. Неприкосновенность жилища, собственности, личности почти всегда строго соблюдалась. Финляндское право не знало административной высылки: зато губернаторы пользовались дискреционным правом налагать денежные штрафы, как меры понуждения к исполнению законов и административных обязательных постановлений. Финляндское право проводит отчетливую черту между законом и административным распоряжением, и закономерность действия органов исполнительной власти обеспечена была постановлением, давшим каждому гражданину право привлекать даже губернатора к ответственности перед гофгерихтом (высшее судебное место в Финляндии. – С.Э.) в случае нарушения им прав граждан» [797].

Финляндцы считали себя подданными Великого князя Финляндского и утверждали, что «права Финляндии ограничены не суверенитетом Русского государства, а суверенитетом Русского Монарха» [147], обязанного соблюдать законы страны и править, опираясь на Сенат и Сейм. Они обладали высокой правовой культурой и были убеждены в незыблемости аксиомы: «Право Финляндии не может быть подвергнуто изменению иначе как путем закона, изданного с согласия народного представительства в установленном конституцией порядке» [690].

В конце XIX века недавно взошедший на трон молодой царь Николай II, пятый великий князь Финляндский, решил покончить с обособленностью Финляндии и начал процесс ее русификации. У императора были свои резоны: в 26 верстах от столицы проходила граница автономного государства, имевшего собственные вооруженные силы, не подчиненные командованию Русской императорской армии. И не было никакой уверенности, что в случае большой европейской войны они справятся с обороной Великого княжества и сумеют надежно защитить Петербург от весьма вероятного вторжения. 6 декабря 1898 г. во время отдыха в Ливадии Николай II принял генерал-фельдмаршала графа Дмит-

рия Алексеевича Милютин и сообщил ему о своих планах. Бывший военный министр времен Александра II Милютин был убежденным противником создания финляндских вооруженных формирований. Еще 21 января 1876 г. он прямо указывал, что речь идет о попытке узаконить «существование в пределах империи совершенно отдельного самостоятельного войска, которое не будет иметь ничего общего с русскими войсками, т.е. с армией того государства, в политический состав которого входит Великое княжество»². Однако во время проведения военной реформы, в результате тонкой аппаратной интриги, осуществленной финляндским генерал-губернатором графом Н.В. Адлербергом, чей старший брат был министром Двора и со времен юности другом Александра II, мнение военного министра было проигнорировано.

Казалось, фельдмаршалу Милютину следовало обрадоваться тому, что его давняя идея спустя 22 года все же восторжествовала, и безусловно одобрить планы Николая II. Тем не менее граф Дмитрий Алексеевич был опытным государственным деятелем, поэтому дал совет действовать в рамках правового поля, не нарушая существующих в Финляндии законов. «Я не скрыл ни от военного министра, ни от самого Государя моего опасения, чтобы не поднять в Финляндии нежелательной бури; а потому советовал вести дело осторожно, на легальной почве, без явного нарушения положительных прав Финляндии»³. Мудрый совет не был услышан императором, который не согласился на предварительное исследование проблемы и еще 11 февраля 1895 г. повелел: «Не вижу нужды возбуждать о сем законодательный вопрос. ...Затем от меня будет зависеть дальнейшее направление дела» [44]. Подобное заявление на излёте «железного» XIX века выглядело архаично, особенно когда речь шла о Великом княжестве Финляндском, где все от мала до велика привыкли к тому, что российские государи уважают местные законы. Проблема заключалась не в том, *что* делать, а в том, *как* следует приступить к государственным преобразованиям, чтобы избежать их неконтролируемых последствий. Фельдмаршал граф Милютин это понимал, а Николай II, позиционировавший себя как «Хозяин Земли Русской», – нет.

7(19) января 1899 г. Николай II, выступая при открытии Финляндского чрезвычайного Сейма, без обиняков заявил: «Финляндия, нераздельно соединенная с империей, состоя под покровом и защитой всего Российского государства, не имеет нужды в обособленном от Русской армии войске. Устав о воинской в ней повинности должен поэтому быть согласован с действующим в империи Уставом» [42]. Февраля 3(15) 1899 года был подписан Высочайший Манифест об утверждении Ос-

² Милютин 2013: 651.

³ Милютин 2013: 507. 7 октября 1899 г. граф записал в дневнике: «Борьба с финляндскими сепаратистскими тенденциями предпринята нашим правительством без предварительно установленного общего плана, без той предусмотрительности, которая необходима в политических предприятиях для достижения успеха. ...Отсутствие общего плана и недостаток выдержки всегда составляли самую слабую сторону русской политической деятельности и главную причину безуспешности ее». – Там же: 531.

новых положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского. Манифест установил право великого князя издавать законы без согласования с представительными органами власти Финляндии. Земские чины расценили это выступление и этот манифест как желание Николая II уничтожить политическое существование финского народа.

В том же году финский художник Эдвард Исто (1865–1905) написал картину «Атака». Хищный двуглавый орел тщетно пытается вырвать из рук золотоволосой девушки, облаченной в бело-синие одежды цветов финского флага, книгу с надписью «LEX» («Закон») на переплете. Картина, ставшая символом протеста финнов против русификации, в тысячах копий получила широчайшее распространение на территории Великого княжества Финляндского: практически в каждой финской семье бережно хранились ее репродукции. В 26 верстах от Петербурга возникло враждебное государство, жители которого стали мечтать об отделении от Империи и охотно давать приют русским революционерам.

Так началось противостояние Российской империи и Великого княжества Финляндского, все перипетии и основные вехи которого представлены в документах трёхтомника «Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.». Книга напечатана тиражом 300 экземпляров. Надеюсь, что она попадет в Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, где будет обстоятельно изучена и использована при подготовке студентов. Забвение уроков прошлого чревато их повторением в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Милютин Д.А. Дневник. 1891–1899 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Политическая энциклопедия, 2013. [Milyutin D.A. Dnevnik. 1891–1899 / pod red. L.G. Zaharovoj. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2013].

Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сборник документов: в 3 т. /отв. сост. М.В. Зеленев. Т. 1: От автономии к противостоянию: 1899–1908 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. [Rossiya i nezavisimost' Finlyandii: 1899–1920 gg. Sbornik dokumentov: v 3 t. /otv. sost. M.V. Zelenov. T. 1: Ot avtonomii k protivostoyaniyu: 1899–1908 gg. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2021].

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; semenekshut54@gmail.com

Obedience to the law – more than bondage Grand Duchy of Finland in Confrontation with the Russian Empire

The article presents a review of the collection of documents "Russia and the independence of Finland: 1899-1920." (Moscow: "Political Encyclopedia", 2021). In three volumes, 1358 documents were published (more than 42% appear before the reader for the first time) from the State Archives of the Russian Federation, RGIA, RGASPI, RGAE, RGA VMF, RGVA, from the archives of the Ministry of Foreign Affairs - AVPRI and AVP RF, Archive of the President of the Russian Federation and the National Archives of Finland.

Key words: Archival revolution, Russian Empire, Grand Duchy of Finland, Nicholas II, D.A. Milyutin, morality and politics, literature and history

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), Leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshut54@gmail.com

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ?..
о коммуникациях, историографической рефлексии и взаимовосприятии
советских и эмигрантских историков в 1920–1930-е гг.**

В предлагаемой рецензии анализируется монография В.Ю. Волошиной, В.С. Груздинской, В.П. Корзун, Д.М. Колеватова «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)». Авторы воссоздают коммуникативные сети, соединявшие эмигрантских и советских историков, исследуют проблемы взаимовосприятия двух научных сообществ.

Ключевые слова: историография, русское зарубежье, советская наука, научные коммуникации, профессиональная культура.

Центральная идея рецензируемой монографии¹ проста и убедительна. За последние три десятилетия после падения «железного занавеса» в России появилось множество исследований, посвященных эмигрантской историографии межвоенного периода; немало вышло в свет и таких работ, где с новых позиций осмысливается период становления советской историографии 1920–1930-х гг. Но до сих пор эти смысловые линии развития отечественной науки исследовались независимо друг от друга. Логичная идея – выяснить, пересекались ли эти параллельные линии и какие именно точки пересечения существовали между ранней советской и эмигрантской исторической наукой, – до сих пор не находила историографического воплощения, несмотря на кажущуюся простоту: чтобы поставить такую задачу, отечественной науке необходима была солидная практика изучения обеих научных традиций.

За реализацию этой идеи взялся коллектив омских историков, у которых имеется достойный опыт работы над историографической проблематикой. Валентина Павловна Корзун известна своими трудами об образах исторической науки на рубеже XIX–XX вв.²; под ее редакцией вышли в свет обобщающие труды по истории отечественной исторической науки XX в.³, она является соавтором учебных пособий по отечественной историографии⁴. Валентина Юрьевна Волошина успешно занимается историей русской эмиграции «первой волны», проблемами социальной адаптации ученых в изгнании⁵. К несчастью, не дожидаясь выхода в свет этой книги Дмитрий Михайлович Колеватов, разрабатывавший проблемы развития отечественной историографии XX в., личностной и профессиональной идентификации историка⁶. Самая молодая из соавторов, Виктория Сергеевна Груздинская, недавно защитила кан-

¹ Волошина, Груздинская, Колеватов, Корзун 2020. Ссылки на книгу даются в тексте.

² Корзун 2000; Корзун 2011.

³ Очерки истории 2005; Трансформация образа 2011.

⁴ Бычков, Корзун 2001.

⁵ Волошина 2010; Волошина 2013.

⁶ Корзун, Колеватов 2010; см. также совместно написанные В.П. Корзун и Д.М. Колеватовым разделы в коллективной монографии: Трансформация образа 2011.

дидатскую диссертацию по становлению советской историографии как научной дисциплины⁷ и также имеет опыт участия в коллективных историографических трудах⁸. Таким образом, рецензируемую монографию можно считать еще одним свидетельством плодотворности омской историографической школы, которая не боится масштабных и совсем не «провинциальных» по своему уровню замыслов.

В центре внимания авторов коллективной монографии – контакты между эмигрантскими и советскими историками в 1920-1930-е гг., проблемы историографической рефлексии и взаимовосприятия двух научных сообществ. Авторы умело играют метафорами: заглавие монографии отсылает к знаменитой переписке Вяч. Иванова и М.О. Гершензона «Из двух углов», сами исследователи по ходу повествования цитируют советскую лирическую песню про «два берега у одной реки» и высказывают опасение оказаться «меж двух огней». Продолжая этот семантический ряд, можно вспомнить строки поэта-эмигранта Георгия Иванова: «Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья»... Выявить особенности «оптики» эмигрантской и советской исторической науки, настроенной на восприятие друг друга, определить степень и характер «оптических искажений» с каждой стороны – в этом, как представляется, и заключается главная задача рецензируемого труда.

Решая эту задачу, авторы обращаются к методологическому арсеналу современной социологии науки с характерным для этой научной дисциплины интересом к институциональному пространству, коммуникационным сетям, нормам профессиональной культуры и «научному быту». Они используют инструментарий интеллектуальной истории, позволяющей исследовать «историю идей» в неразрывной связи с «историей людей», социокультурного контекста их деятельности и экзистенциального выбора. Ключевым понятием книги становится «историографический процесс»: под ним авторы понимают не только историю научных знаний и познавательной деятельности, но и историю тех ученых и социальных институтов, благодаря которым эта познавательная деятельность становилась возможна.

Архитектоника книги соответствует замыслу воссоздания многогранного историографического процесса, в который были вовлечены и эмигрантские, и советские историки. В трех главах исследуются соответственно три аспекта этого процесса: институциональное пространство советской исторической науки и исторической науки русского зарубежья 1920–1930-х гг.; история коммуникаций между советскими и эмигрантскими учеными-историками; наконец, историографическая рефлексия эмигрантов и советских историков в отношении трудов друг друга.

Характеризуя институциональное пространство исторической науки СССР и русского зарубежья, авторы монографии очерчивают «рамочные условия», в которых развивалась историческая наука межво-

⁷ Груздинская 2020.

⁸ Груздинская, Клоев, Метель 2018.

енного периода, и выявляют «точки невозврата», после прохождения которых рамочные условия необратимо менялись. Применительно к эмигрантскому научному сообществу преимущественное внимание уделено организациям, созданным в Чехословакии в русле известной «Русской акции»: Русскому историческому обществу в Праге, Археологическому институту им. Н.П. Кондакова, Русскому зарубежному историческому архиву в Праге. Повествование здесь, по признанию самих авторов, носит «историографически-описательный» характер [25] и богато ссылками на коллег и предшественников, исследовавших советский и эмигрантский историографический процесс: А.В. Свешникова, Л.А. Сидорову, М.В. Ковалева, М.Ю. Досталь и других. В качестве «точки отсчета разрыва единого прежде коммуникативного поля исторической науки» выбран 1922 год – год высылки ученых из Советской России на «философских пароходах» [33]; верхняя граница исследования приблизительно приходится на канун второй мировой войны, хотя в некоторых случаях авторы монографии переступают эту временную границу. В качестве важного хронологического рубежа выступает «Академическое дело» 1929-1931 гг.: после него, в 1930-е гг., общение между советскими и эмигрантскими учеными стало более затрудненным, для эмигрантской науки вследствие свертывания «Русской акции» наступили тяжелые времена, а в советской науке стала формироваться «будущая твердая структура научного и образовательного поля» – система профильных академических институтов и исторических факультетов вузов [29].

Интересной и сложной научной задачей стало воссоздание сети коммуникаций между советскими и эмигрантскими учеными-историками. Авторы ставили задачу выявить и уловить любые возможные формы пересечения историков СССР и русского зарубежья, найти свидетельства того, что представители «двух берегов» вопреки политической розни поддерживали научные контакты. По признанию самих исследователей, многие их предварительные ожидания оправдались лишь отчасти. Так, встречи советских и эмигрантских ученых на международных научных конференциях – которые теоретически могли бы послужить налаживанию диалога – в реальной действительности зачастую провоцировали конфликты, способствовали политизации науки и закреплению стереотипов «свой – чужой»; научные конгрессы становились ареной борьбы за символическое право говорить от имени всей русской исторической науки.

Авторы коллективной монографии доказывают, что в этой ситуации важными становились те формы научной коммуникации, которые можно было поддерживать не только напрямую – через личную переписку или встречи во время заграничных поездок советских ученых, – но и с помощью разнообразных способов обмена научной информацией. Библиографические указатели, составленные в 1920-е гг. по обе стороны границы, свидетельствуют, что советские и эмигрантские ученые были осведомлены о трудах друг друга; сообщения в эмигрантской периодике

(газете «Последние новости», вышедшей под редакцией П.Н. Миллюкова) служат показателем того, насколько внимательно эмиграция следила за советским историографическим процессом, а обнаруженный в архиве список адресов рассылки научного труда («Начертания русской истории» Г.В. Вернадского) становится источником ценных сведений о трансграничных институциональных и личных контактах ученых-эмигрантов [87-89]. В результате коммуникативное поле российской исторической науки предстает как многомерное пространство, где существовало немало «мостиков» и «обходных путей», позволявших если не преодолеть пространственный и идейно-политический раскол, то по крайней мере не терять из виду противоположный «берег».

Необходимо отметить масштабную источниковую базу работы, позволившую воссоздать сложно сплетенную сеть научных коммуникаций. Авторами исследованы фонды многих российских и зарубежных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Рукописного отдела Российской государственной библиотеки, Пушкинского дома, Архива Российской академии наук и его Санкт-Петербургского филиала, Литературного архива Музея национальной литературы в Праге, Славянской библиотеки в Праге; изучены личные фонды российских историков и фонды советских и эмигрантских научных и образовательных учреждений. Среди уникальных источников, используемых в работе – не только личная переписка ученых или документация научных учреждений, но и не публиковавшиеся или опубликованные совсем недавно научные тексты: например, рецензия А.В. Флоровского на «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна, историографические и библиографические работы Е.Ф. Максимовича.

Комплекс историографических источников позволяет авторам монографии обратиться к собственно рефлексивному измерению российского историографического процесса – к тому, как историки-эмигранты и их советские коллеги «из двух углов», с помощью разной исследовательской оптики воссоздавали историю отечественной исторической науки, как они оценивали историографические штудии друг друга. Ключевое понятие заключительного и итогового раздела монографии – «историографический нарратив»: под ним понимается авторская интерпретация историографического прошлого, создание целостного историографического образа, автономного, как и любой целостный образ, по отношению к изучаемой историографической действительности [21].

В заключительном разделе монографии представлен анализ историографических нарративов, созданных, с одной стороны, советскими историками – М.Н. Покровским, С.А. Пионтковским, М.В. Нечкиной; с другой стороны – историками-эмигрантами: П.Н. Миллюковым, А.А. Кизеветтером, А.В. Флоровским, Е.Ф. Максимовичем. Объектом рассмотрения исследователей становятся не только крупные обобщающие труды (например, «Борьба классов и русская историческая литература»

М.Н. Покровского или «Буржуазная историческая наука в России» С.А. Пионтковского), но и работы, выполненные в так называемых «малых историографических жанрах»: рецензии, некрологи и мемориальные очерки о коллегах, библиографические обзоры и т.д.

Авторы исследования делают вывод, что в большинстве рассмотренных историографических трудов научно-аналитический компонент был неразрывно связан с полемическим: стороны принципиально расходились как в глобальном видении развития исторической науки (прежде всего в оценке значения марксистской доктрины), так и в восприятии наследия предшественников и историографических трудов друг друга. Советские историки зачастую вели полемику в агрессивном тоне, наклеивая на своих оппонентов политические ярлыки; эмигранты же в ходе полемики пользовались оружием иронии и сарказма, стремясь уличить своих противников в непрофессионализме и некомпетентности. Как показывают авторы монографии, каждая сторона при этом отстаивала свой образ исторической науки, руководствуясь принципиально разными устремлениями, ценностями, видением задач научного исследования. Историки-эмигранты видели свою научную миссию в консервации дореволюционных научных традиций, которые в изгнании стали восприниматься как эталон подлинной науки; это вело к возникновению «эффекта колеи», архаизации научного нарратива. Напротив, для советских ученых был характерен пафос ниспровержения старой науки ради конструирования новой.

Именно поэтому, как отмечают авторы, трудно говорить о «полноценном диалоге представителей двух научных сообществ», именно поэтому в практике научных коммуникаций не наблюдалось «зеркального отражения интереса к трудам коллег» [261]: ученые-эмигранты ревниво следили за развитием «раздражающе чужой» советской науки, отстаивая свое видение развития русской историографии и свое право считаться преемниками классиков, – а советские историки активно и напористо конструировали новый научный нарратив, не оглядываясь на чуждые им «обломки старого мира». Исследовательская оптика той и другой стороны была настроена на восприятие историографического процесса в категориях «свой – чужой». Характерно, что в советском и эмигрантском историографических нарративах присутствовали фигуры-антагонисты, как бы персонифицирующие все возможные пороки «чужой» научной традиции и потому аккумулирующие враждебность другой стороны, «вызывающие огонь на себя»: в советском историографическом нарративе в этой роли выступал П.Н. Милюков, в эмигрантском нарративе – М.Н. Покровский [266]. Тем в большей степени ценны для авторов монографии те ситуации, когда между «двумя берегами» все же завязывался по-настоящему продуктивный научный диалог, когда стороны признавали научные достижения друг друга «по гамбургскому счету». Показательным становится для них, например, сдержанно-одобрительный

отклик маститого ученого-эмигранта А.А. Кизеветтера на труды младшего коллеги из СССР М.В. Нечкиной об Обществе соединенных славян и о В.О. Ключевском, которые Кизеветтер признает добросовестными и «полезными», хотя и критикует за политическую ангажированность выводов [159-160, 247].

Смысловой и эмоциональной кульминацией всего труда можно считать разделы, посвященные рецензии историка-эмигранта А.В. Флоровского на «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна, который когда-то еще студентом слушал лекции Флоровского в Новороссийском университете. История переписки учителя и ученика, вынужденно обрвавшейся в середине 1920-х гг. и возобновленной после второй мировой войны; сам факт пересылки Рубинштейном Флоровскому экземпляра своего труда; наконец, подготовка Флоровским профессионально скрупулезной, аналитической и при этом доброжелательной рецензии свидетельствуют о возможности «коммуницирования внутри разорванного пространства науки»: как комментируют авторы, «рецензия Флоровского – это своего рода территория историографического фронта, место встречи двух различных концептуально-методологических конструкций, двух типов историописания» [207]. (Увы, рецензия осталась неопубликованной и потому неизвестной в научных кругах – авторы монографии вынуждены признать, что коммуникативное взаимодействие в данном случае остановилось на уровне замысла).

Несмотря на теоретическую сложность поднятых в исследовании проблем и высокую смысловую насыщенность текста, монография читается легко. Этому в немалой степени способствуют живые и выразительные детали научной повседневности, воссозданные благодаря личной переписке и воспоминаниям историков: к примеру, великолепный по своему комизму рассказ советского историка С.М. Дубровского о спешной покупке смокинга для приема у короля Норвегии во время международного конгресса историков в Осло в 1926 г. [138-144].

Отметим ценное и содержательное приложение к монографии. Здесь предпринята публикация трех уникальных научных текстов: рукописи А.В. Флоровского «Предмет и содержание истории России или русской истории», хранящейся в личном фонде историка в Славянской библиотеке в Праге; рукописи Е.Ф. Максимовича «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», хранящейся в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (первая публикация этой рукописи была осуществлена авторами монографии, В.Ю. Волошиной и В.П. Корзун, в сборнике «Мир историка» в 2019 г.); наконец, рукописи текста С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине, обнаруженной в личном фонде М.Н. Покровского в Архиве РАН. Безусловно, за возможность знакомства с этими опытами научной рефлексии, созданными на переломном этапе отечественной истории, авторам будут признательны все, чьи научные интересы связаны с российской историографией.

Стержневой образ монографии – образ «двух берегов», «двух углов» – находит и визуальное воплощение. На двусторонней обложке книги воспроизведены три коллективных фотографии – русских историков-эмигрантов в Ужгороде в 1923 г., участников совещания историков Восточной Европы в Польше в 1927 г. и участников семинара М.Н. Покровского в Институте красной профессуры в 1929 г.; обложки двух антагонистических научных изданий – советского журнала «Историк-марксист» за 1929 г. и «Записок Русского исторического общества в Праге» за 1927 г.; и, наконец, два фотопортрета – П.Н. Милюкова и М.В. Нечкиной, ярких представителей двух разных научных традиций и разных поколений историков. Тем самым зримо сопоставлены и противопоставлены две принципиально несхожие научные традиции.

Однако здесь таится небольшая интеллектуальная загадка: почему же авторы поместили на обложке портрет Нечкиной, а не Покровского – отца-основателя советской марксистской историографии, непримиримого антагониста Милюкова и всей «старой школы»? Казалось бы, именно портрет Покровского мог идеально подчеркнуть противостояние двух научных традиций...

Возможно, такой выбор визуального ряда был сделан авторами потому, что именно Милица Васильевна Нечкина – выпускница Казанского университета и яркая представительница поколения «красной профессуры» – сумела впоследствии стать крупнейшим советским историографом, фактически заново сформировать профессиональные каноны историографии как научной дисциплины, и – в числе прочего – добиться возвращения В.О. Ключевского в пантеон классиков отечественной исторической науки, то есть символического воссоединения дореволюционной и советской научной традиций. Портрет Нечкиной, на наш взгляд, стал еще одним красноречивым свидетельством, что история, которая рассказана в этой книге, историографический нарратив, который совместно строят ее авторы, – это все же история сближения двух разделенных частей русского историографического материка. Или, скорее, история о том, что возможность преодоления раскола сохранялась даже в самые суровые времена.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. 359 с. [Bychkov S. P., Korzun V. P. Vvedenie v istoriografiyu otechestvennoj istorii XX veka. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2001. 359 s.].
- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории»: монография. Омск: Изд. ОмГУ, 2010. 218 с. [Voloshina V.Yu. Uchenyj v emigratsii: problemy sotsial'noj adaptatsii uchenykh-emigrantov skvoz' prizmu "personal'noj istorii": monografiya. Omsk: Izd-vo OmGU, 2010. 218 s.].
- Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М.: Форум, 2013. 437 с. [Voloshina V.YU. Vyrvannye iz rodnoj pochvy: sotsial'naya adaptatsiya rossijskikh uchenykh-emigrantov v 1920-1930-e gody. M.: Forum, 2013. 437 s.].

- Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.): монография / [отв. ред. В.Ю. Волошина, В.П. Корзун]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. 336 с. [Voloshina V.Yu., Gruzinskaya V.S., Kolevatov D.M., Korzun V.P. Iz dvukh uglov: otechestvennyj istoriograficheskij protsess v otsenke emigrantskikh i sovetskikh istorikov (1920–1930-e gg.): monografiya / [eds. V.Yu. Voloshina, V.P. Korzun]. Омск: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2020. 336 s.].
- Груздинская В.С. Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2020. 281 с. [Gruzinskaya V.S. Distiplinarnaya istoriya istoriografii v SSSR: vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1980-kh gg.: thesis for the degree of candidate of historical sciences. Омск, 2020. 281 s.].
- Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-1930-х гг. Омск: Изд. центр КАН, 2018. 171 с. [Gruzinskaya V.S., Klyuev A.I., Metel' O.V. Ocherki istorii institutsional'noj struktury sovetskoj istoricheskoi nauki 1920-1930-kh gg. Омск: Izdatel'skij tsentr KAN, 2018. 171 s.].
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ исторических концепций). Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та; Омск: ОмГУ, 2000. 226 с. [Korzun V.P. Obrazy istoricheskoi nauki na rubezhe XIX-XX vv. (analiz istoricheskikh kontseptsij). Ekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta; Омск: OmGU, 2000. 226 s.].
- Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с. [Korzun V.P. Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie. Spb.: Aletejya, 2011. 192 s.].
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 59-85. [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Obraz istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: transformatsiya istoriograficheskikh koordinat // Dialog so vremenem. 2010. No 33. S. 59-85].
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века / [С.П. Бычков и др.; под ред. В.П. Корзун]. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с. [Ocherki istorii otechestvennoj istoricheskoi nauki XX veka / [S.P. Bychkov et al.; ed. V.P. Korzun]. Омск: Izd-vo OmGU, 2005. 683 s.].
- Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Корзун В. П. [и др.]; [под ред. В. П. Корзун]. М.: РОССПЭН, 2011. 470 с. [Transformatsiya obraza sovetskoj istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh – seredina 1950-kh gg. / Korzun V. P. [et al.]; [ed. V. P. Korzun]. M.: ROSSPEN, 2011. 470 s.].

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; oleontieva@yandex.ru

Do parallel lines intersect?.. About communications, historiographic reflection and mutual perception of Soviet and émigré historians in the 1920s-1930s.

The book review is devoted to analysis of the monograph authored by V.Yu. Voloshina, V.S. Gruzinskaya, D.M. Kolevatov, and V.P. Korzun “From two corners: Russian historiographic process in the assessment of émigré and Soviet historians (1920-1930s)” (Omsk, 2020). The authors reconstruct the communicative networks that connected émigré and Soviet historians, explore the problems of mutual perception of the two scientific communities.

Key words: historiography, Russia Abroad, Soviet science, professional culture, scholarly communications

Olga B. Leontieva, Dr. Sc. (History), Associated Professor, Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev; oleontieva@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ДНЯ ПОБЕДЫ: «В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ»

Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Памятник и праздник: этнография Дня Победы», обобщающую результаты полевого исследования практик празднования Дня Победы в 23 городах 11 стран. Книга интересна как в сюжетном, так и в теоретическом плане, поскольку затрагивает проблемы дальнейшего развития и современных трудностей *memory studies*: насколько у этого направления исследований получается идти «в ногу со временем». В центре внимания – не столько политизация памяти, сколько постоянное переплетение и взаимодействие практик коммеморации разного уровня – локальных и транснациональных, поколенческих и семейных, этических и эстетических культурных форм, выходящих за рамки распространенных в современных «мемориальных войнах» бинарных оппозиций.

Ключевые слова: *исследования исторической памяти, Вторая мировая война, День Победы, исследования культуры.*

Развитие *memory studies* в 2000-е гг. все больше оказывается связано с вопросами политики памяти, а не культурных практик коммеморации¹, причем в тематическом отношении Вторая мировая / Великая Отечественная война оказывается в центре исторического сознания российского общества². В этом контексте коллективная монография «Памятник и праздник: этнография Дня Победы» представляет интерес и сама по себе, и в плане проблематизации дальнейшего развития *memory studies* – как сторонникам данного направления идти «в ногу со временем».

В основе рецензируемой книги лежит полевое исследование 2013–2014 гг. (дополненное материалами 2015–2017 гг.), посвященное празднованию Дня Победы в 23 городах 11 стран (России и Восточной Европы). Его участников интересует не столько политизация памяти (особенно после Крымского кризиса), сколько постоянное переплетение и взаимодействие практик коммеморации разного уровня. Речь идет о локальных и поколенческих, этических и эстетических различиях, выходящих за рамки распространенных в современных «мемориальных войнах» бинарных оппозиций – «мы» / «они», «власть» / «обычные люди» и т.д. В этом смысле показательно, что ветеранское движение в СССР после Второй мировой войны начало создаваться независимо от государственной власти, но всегда было связано с официальным дискурсом и использовало его язык, а государство регулярно отбирало наиболее полезные для себя практики, переводя их из разряда неформальных общественных инициатив в обязательные официальные ритуалы. Так, один из наиболее ярких сюжетов книги представлен в главе А. Юджиной, посвященной появлению первого вечно огня в СССР: в сентябре 1956 г. (повторно – в мае 1957 г.) его зажгла не абстрактная советская власть, а директор Щекинского газового завода в поселке Первомайском Тульской области

¹ Символические аспекты... 2021; Репина, Леонтьева 2015; Женин 2021; и др.

² Память о Второй мировой войне... 2005; Габоич 2015; Головашина, Линченко 2019.

С.А. Джобадзе, соединивший личный биографический опыт ветерана и возможности руководителя советской промышленности.

Опираясь на концепцию Мишеля де Серто, большинство авторов книги подчеркивают значимость тактик «слабых» (локальных акторов), меняющих в своих прагматических целях официальные стратегии, символически перекодирующих официальные мероприятия и места памяти в пространстве повседневного. Такой подход переносит акцент с дискурсивного уровня коллективной памяти на обыденное поведение и его функционалистский анализ. Именно через повседневные практики поддерживаются локальные и поколенческие сообщества, выражается политическая позиция акторов и прогнозируется будущее. С другой стороны, эти позиции и прогнозы не оформлены в строгой символической форме – они действуют скорее на уровне эмоций и действий. Ключевую роль в снятии отмеченных оппозиций играет анализируемое М. Габовичем понятие ритуала, которое позволяет разметить пространства и несет дополнительную терапевтическую функцию. «Воспроизводя военный опыт через целый мир символов, предметов и практик повторения (театрализованных реконструкций), он тем не менее никогда не воссоздавал тех экстремальных, хаотичных условий военной ситуации, которые, по Кайуа, соответствуют традиционному праздничному ритуалу, – не воссоздавал их даже для ветеранов, переживших такого рода опыт. Напротив, День Победы очевидно выражает стремление обуздать этот хаотический опыт и через повтор, ритуализацию и символическую концентрацию приручить его, вписать в привычные рамки действующих социальных норм. Причем это стремление не только и не столько абстрактного государства, опасющегося всплеска народной энергии, но и общества в целом, и не в последнюю очередь – самих ветеранов военных действий. <...> Трансформации Дня Победы отражают поиски ритуала, способного обеспечить общественную интеграцию, – причем это поиски, которыми занята не только “власть”, но и общество в целом»³.

Разумеется, локальные кейсы и практики, рассматриваемые в книге, сильно отличаются. Ф.-К. Нерар и А. Дворкин сравнивают официальные и неофициальные мемориальные церемонии на Пискаревском кладбище и в парке Сосновка в Санкт-Петербурге; Н. Колягина и Н. Кондратова – официальную героическую и выносимую в приватную сферу трагическую составляющую памяти участников Дня Победы на Поклонной горе в Москве; О. Давыдова-Менге – взаимопроникновение российской и финской памяти о войне в Сортавале; Е. Кринко и Т. Хлынина – интерпретации трагедии в Змиевой балке и память о войне в Ростове-на-Дону; О. Резникова – 9 мая в Грозном как праздник лояльности местного руководства федеральному центру и день памяти о депортации, который в Чечне перенесли с 23 февраля на 10 мая; Д. Браун – советскую мемориальную культуру и современные инициативы реконструкторов и ветеранских организаций в Севастополе. Что объединяет эти (и другие)

³ Там же: 99.

столь разные сюжеты? Прежде всего, тезис о размывании жестких границ между локальными, национальными и транснациональными идентичностями. Во-вторых, это неизбежная фрагментарность и гетерогенность нарратива, наслаивающегося сверху на повседневные практики, в которых акторы по тем или иным (в основном прагматическим) причинам принимают участие. Наконец, важен тезис о неизбежном размывании советского официального мемориального нарратива и росте развлекательных моментов, связанных с современной массовой культурой⁴.

Большинство сюжетов и теоретические выводы авторов вызовут интерес и отклик читателя. Украшает книгу и изобилие фотоматериалов. Однако несколько моментов требуют дополнительных оговорок. Прежде всего, это касается различия между сильными теоретическими материалами (особенно в третьей части, рассматривающей практики коммеморации в Центральной и Восточной Европе) и этнографическими (излагающими результаты полевых исследований с минимальными теоретическими обобщениями) наблюдениями, преобладающими в статьях первой части, посвященной России. Кроме того, заявленный в ряде глав (А. Ваньке, К. Браиловской и др. авторами) анализ эмоций и телесных практик присвоения памяти кажется предельно интересным в плане постановки проблемы, но достаточно скромным в отношении концептуальных выводов. А главное, компаративный анализ рассматриваемых сюжетов книга скорее оставляет читателю, чем берет на себя.

В качестве максимально удачного сочетания яркого эмпирического материала и теории стоит отметить главу «Святой остров Трептов: пост-мигрантские и трансграничные военно-мемориальные практики в современной Европе» М. Габовича. Здесь есть и плотное описание существования разных сообществ памяти – от антифа и российских националистов, туристов и эмигрантов разных волн до поисковиков и реконструкторов, и сравнение элементов российской и германской культур памяти 8-9 мая в Берлине. И есть очень перспективный теоретический анализ «военно-мемориального паломничества» как специфической формы туризма, сложившейся в XX в. Другой яркий текст – глава Д. Колевой «Памятник советской армии в Софии: первичное и повторное использование», ключевая метафора которого и вынесена в название данной статьи. «*В ногу со временем*» – это граффити, появившееся на мемориале в июне 2011 г., когда молодые уличные художники нарисовали советским солдатам костюмы «Супермена» и других героев попкультуры, что, конечно же, вызвало масштабную полемику в обществе. Потом в 2012 г. на монумент одели маски «Анонимуса», около памятника стали проводить все больше самых разных мероприятий, начиная спортивными шоу и рождественскими базарами, заканчивая маршами за легализацию марихуаны и гейпарадами. Эти сюжеты и сопровождающие их слоганы начали использовать на выборах политические партии, что представляется удачным примером рекрутирования неформальных так-

⁴ Подробнее об этой проблеме см.: Николаи 2018.

тик официальными стратегиями. Большинству участников общественной полемики оказалась важна не политическая позиция, а открытость прошлого интерпретациям.

В своей известной книге «В ногу со временем» Герман Люббе рассматривал расслоение исторического сознания, основу которого составляет двустороннее движение инноваций и ускорения в культуре модерна с ностальгией, выполняющей огромную терапевтическую функцию и компенсирующей недовольство небывалым ростом скоростей. В итоге у значительной части общества возникает ощущение кризиса настоящего и дисбаланса движения во времени, идти в ногу с которым оказывается все труднее. Функция культурной памяти в этом контексте – поддерживать отмеченный баланс и постоянно напоминать о комплементарном характере «взаимосвязи роста скорости обновления и растущего интереса к консервации прошлого»⁵. Кроме того, она призвана и в прошлом, и в будущем находить смыслы для актуального бытия человека: «Проблема состоит в том, чтобы из свободы, в виде выпавшего нам выигрыша свободного жизненного времени, генерировать смысл, смысл жизни, а именно посредством самоопределения приходиться к осмысленному действию»⁶. Культурная память нужна для демонстрации континуальности идентичностей и преодоления разрывов коммуникации через отрефлексированный отбор мемориальных практик.

С другой стороны, Мишель де Серто (к которому апеллируют авторы рецензируемой книги) рассматривает память совершенно иначе – не как саморефлексию, но как признание разрыва и неизбежной конкуренции разных темпоральных движений и ритмов. Его интересует не столько нарратив, сколько деталь и практическое действие; не континуальность, но момент повседневной жизни. Кроме того, память у де Серто всегда связана с Другим в не меньшей степени, чем с личным опытом: «“Искусство”» памяти, относящееся ко времени так же, как искусство войны относится к манипуляциям пространства, развивает способность всегда быть в месте другого, не обладая им, и извлекать выгоду из этого изменения, не исчезая в нем. Эта способность не является властью (даже если повествование о ней может ею быть). Скорее она может называться авторитетом, то, что “извлечено” из коллективной или индивидуальной памяти, “освящает авторитетом” (делает возможными) переворачивание, изменение порядка или места, переход к чему-то другому, “метафору” практики или дискурса»⁷.

Такое теоретическое различие в понимании памяти и, соответственно, актуальных задач *memory studies* не стоит воспринимать как жесткую оппозицию. Во всяком случае, рецензируемая книга представляется удачным примером продуктивного сочетания этих концептуальных подходов. Общие теоретические рамки саморефлексии и блиста-

⁵ Люббе 2016: 11.

⁶ Там же: 27.

⁷ Серто 2013: 178.

тельно заданной М. Габовичем во введении и последней главе книги дистанции не мешают акценту на практики и «плотные этнографические описания» в основной ее части, но подталкивают читателя к сравнению и продолжению размышлений вместе с авторами. В этом смысле политика времени, о которой сегодня много говорят в историографии⁸, даже при принципиальном несовпадении подходов предполагает не конфликт между различными режимами памяти, но продуктивное сравнение и соизмерение шагов для общего продвижения вперед.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Габович М. Памятник и праздник: этнография дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 93-101. [Gabowitsch M. Monument and holiday: ethnography of the Victory Day // *Emergency ration*. 2015. No. 3. P. 93-101]
- Женин И.А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // ШАГИ-Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 9-28. [Zhenin I. Historical myths and collective memory in the space of research practices // *Shagi / Steps*. Vol. 7. No. 1. P. 9-28]
- Линченко А.А., Головашина О.В. «И значит нам нужна одна победа...»: память о Победе в советской и российской школе // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 99-113. [Linchenko A., Golovashina O. "And that means we need one victory...": memory of the victory in the Soviet and the Russian school // *Dialog so vremenem*. 2019. No. 67. P. 99-113]
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 456 с. [Lubbe H. V nogu so vremenem. *Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem*. Moscow, 2016. 456 p.]
- Николаи Ф.В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369-374. [Nikolai F. 'Third wave' of memory studies: cultural memory between experience and representation // *Dialog so vremenem*. 2018. No. 63. P. 369-374]
- Олейников А.А. Политика времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 8-14. [Oleynikov A. Politics of time // *Sociology of power*. 2016. No. 2. P. 8-14]
- Памятник и праздник: этнография дня победы / Под ред. М. Габовича. СПб.: Нестор-История, 2020. 416 с. [Gabowitsch M. (ed.) *Pamyatnik i prazdnik: etnografiya dnya pobedy*. St. Petersburg, 2020. 416 p.]
- Память о Второй мировой войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Под ред. М. Габовича. М.: НЛЮ, 2005. 780 с. [Gabowitsch M. (ed.) *Pamyat' o Vtoroj mirovoj vojne 60 let spustya*: Rossiya, Germaniya, Evropa. Moscow, 2005. 780 p.]
- Репина Л.П. Эффект «непостижимого ускорения», или феномен презентизма истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48-58. [Repina L. Effects of "incomprehensible acceleration", or phenomenon of presentism in the history of historical consciousness // *Dialog so vremenem*. 2018. No. 65. P. 48-58]
- Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 9. [Repina L. Images of the past, memorial paradigm and "memory's historiography" in modern Russia // *ISTORIYA*. 2015. No. 9]
- Серто М. де. Изобретение повседневности. Т. 1 / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с. [Certeau M. *Izobretenie povsednevnosti*. St. Petersburg, 2013. 330 p.]
- Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / Под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 312 с. [Miller A., Lapin V. (eds.) *Simvolicheskie aspekty` politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope*. St. Petersburg, 2021. 312 p.]
- Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3. С. 5-16. [Chekantseva Z. Path dependence, politics of time and metamorphosis of history // *Perm University Herald. History*. 2020. No. 3. P. 5-16]

⁸ Репина 2018; Олейников 2016; Чеканцева 2020.

Мордвинов Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород; socgumngma@bk.ru

Игаева Ксения Владимировна, преподаватель кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород; igaeva.ksenia@yandex.ru

Transformations of Victory Day: “in step with the time”

The article is a review of the book "Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day", edited by M. Gabovich, which summarizes the results of a study of Victory Day celebrating practices in 23 cities of 11 countries. The book is interesting both in terms of plot and in theoretical terms, since it touches upon the problems of further development and contemporary difficulties of memory studies: to what extent this sphere of research succeeds in “keeping up with the time”. Its focus is not so much on the politicization of memory (especially after the Crimean crisis), as on the constant intertwining and interaction of commemoration practices of different levels - local and transnational, generational and family, ethical and aesthetic cultural forms that go beyond common in contemporary "memory wars" binary oppositions.

Key words: memory studies, World War II, Victory Day, cultural studies

Mordvinov Alexandr Aleksandrovich, Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod; socgumngma@bk.ru

Igaeva Ksenia Vladimirovna, lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); igaeva.ksenia@yandex.ru

CONTENTS

In memoriam

<i>Tamara Bulygina, Marina Kolesnikova, Igor Kryuchkov</i> The Calling of a Man and a Scholar the World of Sergey Malovichko.....	5
---	---

History and Theory

<i>Ksenia Khvostova</i> Small events and transdisciplinarity.....	19
<i>Ila Zadorozhnyuk, Ivan Zadorozhnyuk</i> Is there a demand for “suggestion” and “counter-suggestion” concepts in modern social science?.....	28
<i>Marina Kiseleva,</i> Historicism and the beginning of interdisciplinarity in the intellectual history of the 19th – early 20th century.....	45
<i>Andreas Buller, Andrei Linchenko</i> Media and History: Discourse of Historical Responsibility in a Changing World.....	61

History and Memory

<i>Ivan Kuzin</i> About Impossibility of Forgetting.....	78
<i>Daniil Anikin, Alexandr Bubnov</i> Trajectories of historical memory of the Civil War in Russia (the example of the leaders of the White movement P.N. Wrangel and A.V. Kolchak)....	94

Intellectual History Today

<i>Lydia Sofronova, Anna Khazina</i> Erasmus of Rotterdam on the Religious Schism in Bohemia (1518-1519) <i>concordia vs tolerantia</i>	109
<i>Andrey Prokof'ev</i> Benevolence and Abhorrence of Incest (the Case of Francis Hutcheson).....	124
<i>Andrey Dvornichenko, Regina-Elizaveta Kudrayvtseva</i> On the history of the Russian Lithuanistic: the case of S.M. Solov'ev.....	137
<i>Alexey Beglov</i> Russian historical studies in the Church-public debate about the Orthodox parish. 1860-1910s.....	152
<i>Alexander Malinkin</i> “Criticism of bourgeois sociology” in Soviet Russia of the 1920s: the birth of a genre....	166
<i>Olga Kusenko</i> Evgenij Anan'in and the Problem of the Italian Renaissance.....	183

Crossroads of Transdisciplinarity

<i>Alexandr Pashkov</i> At the origin of Folklore studies in Karelia: G.S. Epiphanov and his time.....	197
<i>Anna Afanasyeva</i> Hot climates theories in European medical literature of modern times.....	210

Cultural Practices, Images, Representations

<i>Anton Fomin</i>	
"Mongols" and "Jewish capital" versus the "White tsar" Russian officers inventing the program of "patriotic" propaganda.....	228
<i>Yury Nikiforov</i>	
"An appanage prince of a pattern of developed socialism has emerged". The interests of the ruling regional elites of the USSR in the later 20th c.....	245
<i>Alexander Turygin, Evgeniia Zimina</i>	
The British Jingo and the German Viking the Emergence and Reception of the Colonial Hero Image of Cecil Rhodes and Carl Peters.....	261
<i>Oleg Riabov</i>	
Rehumanization of "Them": Evolution of Representations of the "Enemy Number One" in American Cold War Cinema.....	277
<i>Oleg Bodrov, Almaz Zakirov</i>	
The Journey of "Furthur" in the Summer of 1964 and its Significance in the Changing Subcultures of the USA.....	291
<i>Notulae eruditae</i>	
<i>Sergey Denisov</i>	
The image of the capital in the letters of the high clergy of the Despotate of Epirus in 1215-1230.....	305
<i>Andrei Usachev</i>	
«Honest and Noble People» in the Russian Church of the 15 th -16 th Centuries the Peculiarities of Self-Identification.....	314
<i>Andrey Bogdanov</i>	
Russian and Slavic Orthodoxy in the ambassadorial report of Arseny Sukhanov 1650.....	327
<i>Historical Essays</i>	
<i>Maxim Gorelov</i>	
Confessional conflicts of the Reformation era as a factor of formation of the English people.....	340
<i>Nikolay Vlasov</i>	
Chancellor ambitions of Alfred Von Waldersee personal diary as an historical source.....	351
<i>Translations and Publications</i>	
<i>Anton Anashkin, Georgy Zakharov</i>	
Epistle of Pope Zosimus to Hesychius, Bishop of Salona.....	362
<i>Evgeniya A. Dolgova, Nina A. Dmitrieva, Jürgen Stolzenberg</i>	
"I am at your disposal" a letter from Karl Lamprecht to Nikolai Kareev, 1914.....	368
<i>Valeriya Slinkova</i>	
"We are familiar with your level of competence in historiography". The correspondence from Henri See to Nikolay Kareev in 1930-1931.....	374
<i>Karine Ambartsumyan</i>	
A.I. Khatsov. "The Russian Revolution and the creation of the Republic of Armenia in the Caucasus region, 1917–1918". (Continuation).....	381

Reading Books...

<i>Igor Kobylin</i> "Practical Dialectics", or the Laws of History and the Sovereign Power of the Paradox.....	395
<i>Mikhail Vedeshkin, Nadezhda Volkova</i> Monastic Education in Late Antiquity New Concepts, New Approaches.....	402
<i>Anna Seregina</i> Thinking of Everyday Life.....	408
<i>Natalia Selounskaya, Andrey Karagodin,</i> "Cultural Narrative" about European Identity in the Context of Personal Stories (Reflections on the Book by Orlando Figes).....	415
<i>Semen Ekshtut</i> Obedience to the law – more than bondage Grand Duchy of Finland in Confrontation with the Russian Empire.....	421
<i>Olga B. Leontieva</i> Do parallel lines intersect?.. About communications, historiographic reflection and mutual perception of Soviet and émigré historians in the 1920s-1930s.....	428
<i>Alexandr Mordvinov, Ksenia Igaeva</i> Transformations of Victory Day: "in step with the time".....	436

СОДЕРЖАНИЕ

In memoriam

<i>Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова, И.В. Крючков</i> Призвание человека и ученого Мир Сергея Ивановича Маловичко.....	5
---	---

История и теория

<i>К.В. Хвостова</i> Малая событийность и трансдисциплинарность	19
<i>Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк</i> Востребованы ли концепты «суггестия» и «контрсуггестия» современной социальной наукой?.....	28
<i>М.С. Киселева</i> Историзм и становление междисциплинарности в интеллектуальной истории XIX – начала XX в.: человек во времени.....	45
<i>А. Буллер, А.А. Линченко</i> Медиа и история дискурс исторической ответственности в изменяющемся мире.....	61

История и память

<i>И.В. Кузин</i> О невозможности забвения.....	78
<i>А.А. Аникин, А.Ю. Бубнов</i> Траектории исторической памяти о Гражданской войне в России (на примере лидеров Белого движения).....	94

Интеллектуальная история сегодня

<i>Л.В. Софронова, А.В. Хазина</i> Эразм Роттердамский о религиозном расколе в Богемии (1518–1519) <i>Concordia vs Tolerantia</i>	109
<i>А.В. Прокофьев</i> Благожелательность и отвращение к инцесту (случай Френсиса Хатчесона).....	124
<i>А.Ю. Дворниченко, Р.-Е.А. Кудрявцева</i> К истории российской литуанистики: случай С.М. Соловьева.....	137
<i>А.Л. Беглов</i> Русская историческая наука в церковно-общественной полемике о православном приходе (1860–1910).....	152
<i>А.Н. Малинкин</i> “Критика буржуазной социологии” в Советской России 1920-х годов: рождение жанра.....	166
<i>О.И. Кусенко</i> Евгений Ананьин перед проблемой итальянского Ренессанса.....	183

Перекрестки трансдисциплинарности

<i>А.М. Пашков</i> У истоков фольклористики Карелии: Г.С. Епифанов и его время.....	197
<i>А.Э. Афанасьева</i> Теории жарких климатов в европейской медицинской литературе Нового времени.....	210

Культурные практики, образы, репрезентации

<i>А.Ю. Фомин</i> «Монголы» и «еврейский капитал» против «белого царя» русское офицерство в поисках программы «патриотической» пропаганды.....	228
<i>Ю.С. Никифоров</i> «Сформировался удельный князь образца развитого социализма». Интересы правящих региональных элит СССР второй половины XX века.....	245
<i>А.А. Турыгин, Е.В. Зимица</i> Британский «джинг» и немецкий «викинг»: образ «героя колоний» Сесила Родса и Карла Петерса в литературе и публицистике.....	261
<i>О.В. Рябов</i> Регуманизация «чужих». Эволюция репрезентаций «врага номер один» в американском кинематографе Холодной войны.....	277
<i>О.В. Бодров, А.В. Закиров</i> Путешествие «Далше» летом 1964 года и его значение в процессе смены субкультур США	291

Notulae eruditae

<i>С.А. Денисов</i> Образ столицы в письмах высшего духовенства Эпирского царства 1215–1230 гг.....	305
<i>А.С. Усачев</i> «Честные и благородные люди» в русской церкви XV–XVI вв. особенности самоидентификации.....	314
<i>А.П. Богданов</i> Русское и славянское православие в посольском отчете Арсения Суханова 1650 г.....	327

Исторические очерки

<i>М.М. Горелов</i> Конфессиональные конфликты эпохи Реформации (по материалам дискуссий британских историков).....	340
<i>Н.А. Власов</i> Канцлерские амбиции Альфреда фон Вальдерзее (личный дневник как исторический источник).....	351

Переводы и публикации

<i>А.В. Анашкин, Г.Е. Захаров</i> Послание римского папы Зосима Исихию, епископу Салоны.....	362
<i>Е.А. Долгова, Н.А. Дмитриева, Ю. Штольценберг</i> «Я в Вашем распоряжении». Письмо Карла Лампрехта Николаю Карееву, 1914 г.....	368
<i>В.В. Слискова</i> «Нам известен Ваш уровень компетенции в историографии». Письма Анри Сэ Н.И. Карееву в 1930–1931 гг.	374
<i>К.Р. Амбарцумян</i> «Русская революция и образование Республики Армении на Кавказе (1917–1918 гг.)» А.И. Хатисова. (Продолжение).....	381

Читая книги...

<i>И.Г. Кобылин</i> «Практическая диалектика», или законы истории и суверенная власть парадокса.....	395
<i>М.А. Ведешкин, Н.П. Волкова</i> Монашеское образование в Поздней Античности новые концепции, новые подходы.....	402
<i>А.Ю. Серегина</i> Размышляя о повседневности.....	408
<i>Н.Б. Селунская, А.В. Карагодин</i> Культурный нарратив о европейской идентичности в контексте персональных историй (размышления о книге Орландо Файджеса).....	415
<i>С.А. Экинут</i> Охота закона – пуще неволи. Великое княжество Финляндское в противостоянии с Российской империей.....	421
<i>О.Б. Леонтьева</i> Параллельные прямые пересекаются?.. О коммуникациях, историографической рефлексии и взаимовосприятии советских и эмигрантских историков в 1920–1930-е гг.....	428
<i>М.А. Мордвинов, К.В. Игаева</i> Трансформации Дня Победы: «В ногу со временем».....	436
CONTENTS.....	442

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 77 / 2021

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.037>
Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова, И.В. Крючков
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.001>
К.В. Хвостова
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.002>
Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.003>
М.С. Киселева
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.004>
А. Буллер, А.А. Линченко
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.005>
И.В. Кузин
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.006>
А.А. Аникин, А.Ю. Бубнов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.007>
Л.В. Софронова, А.В. Хазина
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.008>
А.В. Прокофьев
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.009>
А.Ю. Дворниченко, Р.-Е.А. Кудрявцева
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.010>
А.Л. Беглов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.011>
А.Н. Малинкин
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.012>
О.И. Кусенко
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.013>
А.М. Паиков
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.014>
А.Э. Афанасьева
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.015>
А.Ю. Фомин
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.016>
Ю.С. Никифоров
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.017>
А.А. Турыгин, Е.В. Зымина
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.018>
О.В. Рябов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.019>
О.В. Бодров, А.В. Закиров
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.020>
С.А. Денисов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.021>
А.С. Усачев
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.022>
А.П. Богданов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.023>
М.М. Горелов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.024>
Н.А. Власов
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.025>
А.В. Анашкин, Г.Е. Захаров
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.026>
Е.А. Доглова, Н.А. Дмитриева, Ю. Штольценберг
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.027>
В.В. Слискова
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.028>
К.Р. Амбарцумян
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.029>
И.Г. Кобылин
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.030>
М.А. Ведешкин, Н.П. Волкова
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.031>
А.Ю. Серегина
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.032>
Н.Б. Селунская, А.В. Карагодин
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.033>
С.А. Экитум
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.034>
О.Б. Леонтьева
- <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.77.77.035>
М.А. Мордвинов, К.В. Игаева

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423

Тел. (495) 938-53-91 Web-стр.: <http://roii.ru/about> Эл. почта: dialogue.time@yandex.ru

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30.

Тираж 600. Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист».

Москва, Волгоградский пр., д. 42, стр. 5. info@onebook.ru ; www.onebook.ru

Тел.: +7 (495) 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ);
включен в диссертационный перечень ВАК по специальности история;
в базы данных SCOPUS (с 2016 г.); WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI])
(с декабря 2017 г.). Подписной индекс: 36030

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС
77-24798 от 29 июня 2006 г.). Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624